ЧЛЕНЫ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ:

Союза писателей России, Союза российских писателей и Российского союза писателей

Вячеслав Алтунин

Наталья Артемова

Ольга Артемова

Ляман Багирова

Елизавета Баранова (Весина)

Ольга Борисова

Владимир Вещунов

Елена Гаденова

Эдуард Георгиевский

Лидия Довыденко

Игорь Егоров

Николай Жуков

Галина Зеленкина

Леонид Золотухин

Сергей О. Крестьянкин

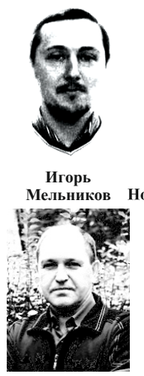

Николай Макаров

Олеся Маматкулова

Аркадий Мар

Геннадий Маркин

Валерий Маслов

Игорь Мельников

Алла Новикова-Строганова

Татьяна Панова

Людмила Пенькова

Аркадий Польшин

Людмила Попова

Борис Рябухин

Валерий Савостьянов

Олег Севрюков

Лариса Семенищенкова

Любовь Сердечная

Галина Солонова

Валерий Сухов

Николай Тимохин

Федор Тогузов

Евгений Трещев

Валерий Ходулин

Яков Шафран

Наталья Шмелева

Алексей Яшин

Людмила Алтунина

Ольга Андреева

Зинаида Анисенкова

Евгений Асташкин

Виктор Афоничев

Владислав Бусов

Валентина Быкова

Андрей Волков

Анна Воронина

Магдалина Гросс

Николай Ермохин

Игорь Карлов

Кира Крестьянкина

Виталий Кузнецов

София Максимычева

Галина Мамыко

Валентина Мацнева

Ирина Мацнева

Ирина Мельникова

Анна Микаева

Сергей Миронов

Вячеслав Михайлов

Рагим Мусаев

Валентин Огнев

Сергей Одиноков

Павел Подзоров

Наталья Поздинова

Владимир Порядочнов

Сергей Протянов

Галина Разбаева

Алексей Семин

Татьяна Скворцова

Юрий Сычевский

Василий Тараканов

Евгений Татарников

Анфиса Третьякова

Сергей Филиппов

Тамара Харитонова

Евгений Шепеленко

Наталья Шестакова

Дина Юдина

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

13

КОВЧЕГ литературно-художественный альманах 2023

АКАДЕМИЯ
РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

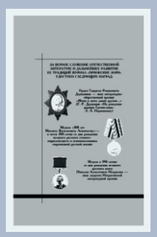

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КОВЧЕГ

2023

13

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ВСЕРОССИЙСКОГО ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

13-Й ВЫПУСК

2023

УДК 882
ББК 84 2
К 25

Альманах «Ковчег»: духовная страница, проза, поэзия, критика и литературоведение, публицистика, родословие и произведения о детях и для детей. Выпуск 13-й.— М.: «Новые Витражи», 2023.— 316 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В альманах «Ковчег», выходящий под девизом «Православие в наших душах», вошли духовные произведения, рассказы, поэмы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самодеятельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Российского союза писателей, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широк и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Калининграда, Минска и Бобруйска (Белоруссия), Симферополя, Санкт-Петербурга, Смоленска и п. Кардымово Смоленской обл., Брянска и Сельца, Новозыбкова и п. Нетьинка Брянской обл., п. Медвенка Курской обл., Новочеркасска Ростовской обл., Ярославля, Москвы и Каширы Московской обл., Тулы и Алексина, с. Архангельского, Щекина и Заокского р-на Тульской обл., Орла, Лебедяни Липецкой обл., Ижевска, Новочебоксарска Чувашии, Нижнего Новгорода и д. Истомино Нижегородской обл., Самары и Сызрани, Отрадного и с. Екатериновка Самарской обл., Саратовской обл., Баку (Азербайджан), Семипалатинска и Талгара (Казахстан), Омска, Искитима Новосибирской обл., Красноярска и Кодинска Красноярского края, Нью-Йорка и Рочестера шт. Нью-Йорк США. Объединяет же всех — любовь к России, духовности, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и человечества, русского и всех российских народов, будущим наших детей.

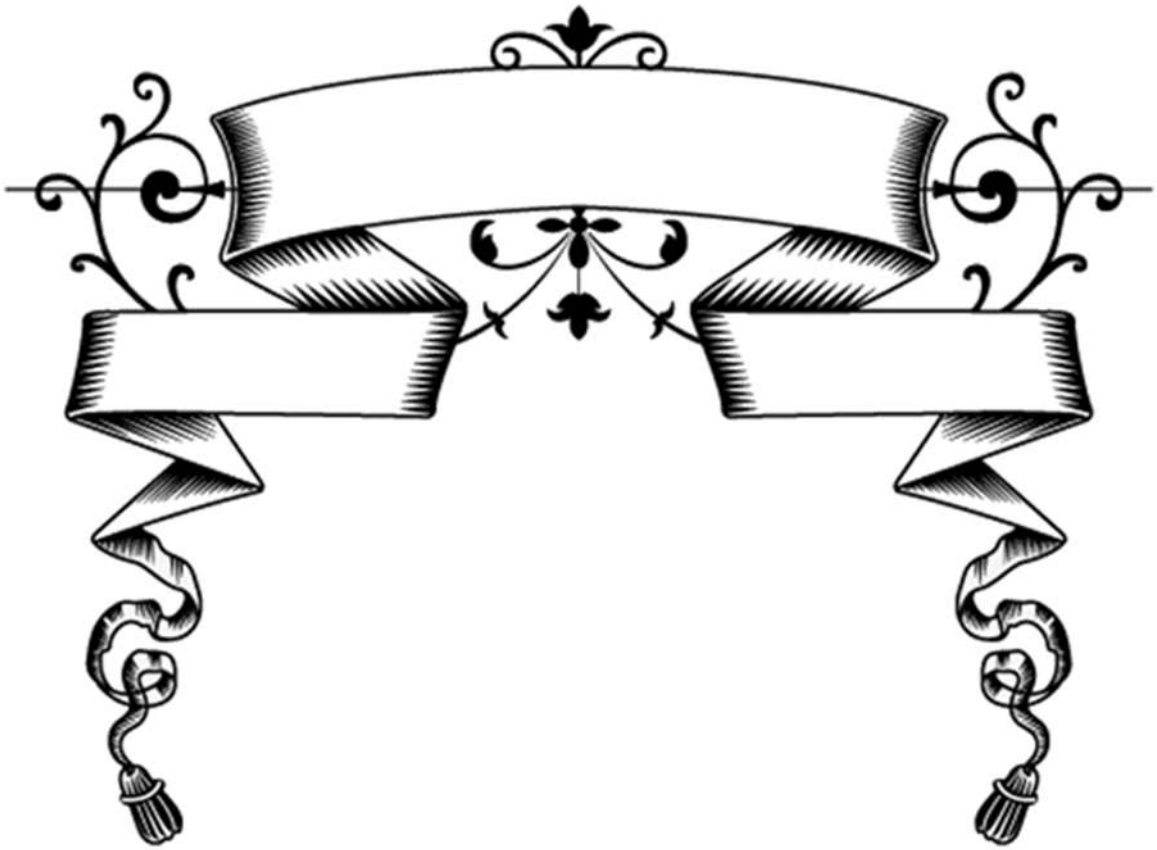
Мнение редакционного совета не всегда совпадает с мнениями авторов.
За публикуемые в альманахе произведения ответственность несут авторы.

Все сокращения см. на стр. 309

ISBN 978-5-6047770-8-4

© Шафран Яков Наумович, идея, составление, 2023
© Авторы, 2023
© Шафран Яков Наумович, оригинал-макет, 2023
© Шафран Яков Наумович, Радько Виктория Владимировна, оформление, 2023

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (СЕРГИЕВ)*

Митрофорный протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, член Святейшего Синода. Проповедник, духовный писатель, церковно-общественный деятель, благотворитель, подвижник, молитвенник. Дни памяти: 20 декабря (2 января), 1(14) июня.

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСТВО СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

В роду Иоанна Кронштадтского было много священников. Сам же он появился на свет 19 октября 1829 года, в Архангельской губернии, в селе Сура Пинежского уезда, в христианской семье. Большого достатка семья не имела, зато отличалась ревностью к Богу и благочестием. Отец Иоанна, Илья Сергиев, служил псаломщиком в местной церкви. Его жена, Феодора, мать Иоанна, выделялась простотой нрава и глубокой верой.

Иоанн родился болезненным и очень слабым: настолько, что родители, переживая за его жизнь, были вынуждены торопиться с крещением. Имя выбрали в честь преподобного Иоанна Рыльского. После Крещения мальчик стал поправляться, набирать силу и крепнуть.

Отмечают, что еще в детстве он стал свидетелем чуда: однажды Иоанн узрел в горнице светоносного ангела, который, увидев смущение ребенка, успокоил его и сообщил, что он — его Ангел-Хранитель и будет оберегать его до конца земных дней.

На шестом году жизни, при посредстве родителей, Иоанн стал учиться читать. Отец часто брал его в храм, знакомил с богослужением и богослужебными книгами. Со временем Иоанн проникся их духом и содержанием. Рассказывают, что уже с детства сельчане приметили в нем особую расположенность к Богу.

Когда мальчик подрос, родители, с трудом собрав необходимую сумму, устроили его в Архангельское приходское училище. В тот период ему было около десяти лет. Поначалу обучение складывалось нелегко: не получалось как следует уразуметь и запомнить преподаваемый материал. Это сильно печалило юного Иоанна: с одной стороны, он был и слыл отстающим, а с другой, понимал, как тяжело было бедным родителям оплатить его пребывание в училище.

Однажды, после сердечной молитвы перед сном, Иоанн, по его личному признанию, почувствовал, что его словно бы потрясло, точно завеса спала с глаз и раскрылся ум; ему ясно представился учитель и урок; он вспомнил его содержание. В той горячей молитве он просил Бога о помощи, и Бог ответил ему. Тогда душа наполнилась радостью, и он уснул так спокойно, как не спал прежде. С рассветом, поднявшись с постели, Иоанн взял в руки книги и начал читать. И, о чудо, он вдруг заметил, что в нем произошло внутреннее преображение: он легко усваивал и запоминал то, что читал.

С тех пор, посещая уроки, он и чувствовал, и вел себя совершенно иначе: хорошо разумел учебный материал, хорошо отвечал. Постепенно Иоанн перешел из последних учеников в число лучших. По завершении курса он был переведен в семинарию, а по ее окончании, в 1851 году, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию на казенный счет.

В период обучения в Академии у него умер отец. То бедственное положение, в котором по смерти кормильца оказалась семья, весьма тяготило Иоанна. Испытывая жалость и свою личную ответственность перед матерью, Иоанн стал искать возможного заработка и нашел. Зная о его стесненных обстоятельствах и хорошем почерке, ему пошли навстречу, предложив место писаря. За эту работу Иоанн получал до десяти рублей ежемесячно. Отправляя матери деньги, он искренне радовался, что смог ее поддержать.

Однажды, придя домой после прогулки по академическому саду, Иоанн заснул и увидел в сновидении, что он — священник и служит в соборе, в котором до этого никогда не был. Вскоре увиденное в таинственном сне исполнилось наяву.

СВЯЩЕННИЧЕСКИЙ ПОДВИГ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

В 1855 году Иоанн окончил академию со степенью кандидата богословия. Ввиду того, что он соединил себя узами брака с дочерью протоиерея К. Несвицкого, служившего в Андреевском соборе Кронштадта, ему было предложено занять в этом же храме место священнослужителя. 10 декабря 1855 года Иоанн был

* Азбука веры. Православная библиотека. «Праведный Иоанн Кронштадтский (Сергиев)» https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/

рукоположен во диакона, а уже 12 декабря, того же года, — во священника. Посетив впервые собор, он узнал в нем тот самый, что видел во сне.

Пастырская жизнь отца Иоанна проходила в трудное для страны время, запечатленное массовым ослаблением веры, началом разгула бунтарских настроений, брожения революционных идей. Город Кронштадт служил в тот период местом сосредоточения высланных из столицы людей. Бродяжничество, праздное шатание, беспробудное пьянство, попрошайничество, крайняя нищета — вот лишь немногие стороны той социальной прослойки, которая составила значительную часть его паствы, нуждалась в особом внимании и заботе. Велики были трудности, лежавшие перед пастырем, но велико было и чувство пастырского долга, велика любовь к Богу, милосердие и сострадание к ближним.

Супружеская жизнь отца Иоанна складывалась так: объявив жене о желании сохранения девства, и по договоренности с ней, он жил с Елизаветой, как брат и сестра. До конца жизни Иоанн хранил целомудренную чистоту.

Первоначально многие не понимали и даже не принимали порывов неординарного пастыря. Но со временем, видя его доброту и терпение, видя усердие и не в последнюю очередь ту материальную помощь, которую он оказывал нуждавшимся, люди стали осознавать: Бог даровал им благого и сердечного наставника, чуткого, отзывчивого, мудрого попечителя. Рассказывают, что посещая землянки, хибары и бедные квартиры, преподобный раздавал свое жалование, нянчил детей, пока матери занимались хозяйством, присматривал за больными, мог отдать бедняку сапоги и одежду, и при этом молился, увещевал, обнадеживал, утешал.

Бескорыстность и милосердие отца Иоанна доходили до того, что бывало он сам оставался без средств. Видя такое беспрецедентное положение дел, многие, кто по зависти, кто по глупости или по черствости сердца, упрекали святого в неискренности, потворстве тунеядцам и обманщикам, клеветали, ругали, глумились, причем не только устно, но и через печать. Ввиду разительной непохожести Иоанна Кронштадтского на многих других пастырей Церкви его, кроме всего прочего, обвиняли в юродстве.

При поддержке епархиального начальства сослуживцы добились, чтобы жалование священника за него получала жена. Но Премудрый Господь не оставил его без возможности помогать голытьбе. Плату, получаемую за преподавание Закона Божьего в местном, Кронштадтском реальном училище, он оставлял при себе, и уже от нее жертвовал тем, кому считал нужным.

Со временем молва о великом светильнике распространилась настолько, что к нему стали стекаться огромные толпы народа, а на его адрес приходило такое количество посланий и телеграмм, что кронштадтская почта, для обработки его переписки, вынуждена была организовать специальное отделение. Иоанну писали не только из разных краев государства, но и из-за границы. Чтобы внимательно разобрать все эти сообщения, он вынужден был прибегать к помощи секретарей.

Вместе с искавшими душеспасительной пользы к Иоанну стекались и материальные средства. О размерах поступавших в его распоряжение денежных сумм можно только догадываться: он тотчас жертвовал их на благотворительность, раздавал беднякам. Рассказывают, что бывало, когда ему передавали конверт, он тут же, не открывая, кому-нибудь его отдавал.

В Андреевском соборе Кронштадта батюшка прослужил пятьдесят шесть лет. В течение всех лет священнического служения о. Иоанн почти каждый день совершал Божественную литургию в соборе, а в последние тридцать пять лет жизни служил ежедневно (последний раз — 10 декабря 1908 г.).

Отец Иоанн вставал очень рано. Встав, начинал готовиться к Божественной Литургии. Когда он шел в храм, его встречали толпы верующих, жаждавших получить благословение. Здесь же присутствовали нищие, коих он одаривал милостыней.

За утренней отец Иоанн сам читал канон, тщательно и внимательно, придавая этому чтению высокое значение. Перед началом Литургии происходила Исповедь. Со временем, в связи с огромным стечением людей как местных, так и паломников, желавших исповедоваться непременно у Иоанна Кронштадтского, он вынужден был ввести в свою практику общую исповедь (по разным оценкам, Андреевский собор вмещал пять — семь тысяч человек). Рассказывают, что это священнодействие производило на участников и очевидцев неизгладимое впечатление. Вдохновленные, потрясенные пастырским словом и ревностью люди громко выкрикивали свои грехи, в том числе самые мерзкие, каялись вслух, словно бы и не стыдясь теснивших их со всех сторон свидетелей. Утверждают, что в результате верующие реально испытывали чувство освобождения от тягостного бремени греха. Богослужение характеризовалось единым, пламенным, молитвенным порывом.

Примерно через семнадцать лет пастырского служения Господь сподобил отца Иоанна организовать в Кронштадте особое учреждение — «Дом Трудолюбия». По настоящему поводу тот обратился к народу с воззванием, предлагая осуществить это богоугодное дело совместными усилиями. Обращение было опубликовано. Отклик был искренним и широким. 23 августа 1881 года произошла закладка здания, а уже 12 октября 1882 года состоялось открытие. Постепенно деятельность Дома Трудолюбия развивалась, положительно отражаясь на интересах разных социальных групп и слоев. При Доме Трудолюбия функционировали: мастерские, народная столовая, школа, приюты, библиотека, читальня.

Достойна восхищения и роль Иоанна Кронштадтского в отношении женских скитов и монастырей. В частности, при его непосредственном участии была основана женская обитель в его родном селе, а также в Санкт-Петербурге на Карповке. Многие монастыри он поддерживал, способствуя их расширению, благосло-

вляя поступление в них сестер, служа в монастырских храмах.

По роду своей пастырской деятельности и по зову христианского сердца отец Иоанн регулярно бывал в Петербурге, посещая нуждавшихся в попечении и больных. В целях осуществления своего служения Богу, он выезжал и в отдаленные уголки Российской Империи. Современники отмечают особую целительную силу его молитв за больных, его целительный дар. Кроме того, Иоанн был удостоен от Бога дара чудотворений и прозорливости.

Десятки тысяч с благоговением и страхом Божьим поджидали любимого батюшку в самых разных местах его вероятного появления. Когда он ехал в карете, люди готовы были бросаться к нему прямо на ходу. Их не останавливал даже страх быть переломанными, искалеченными. Когда отец Иоанн путешествовал на пароходе, верующие бежали за пароходом по берегу, многие вставали на колени. Кроме того, святой сыскал уважение и при царском дворе. Другой бы, казалось, под натиском обрушившейся славы сломался и возгордился. Но не отец Иоанн, истинный воин Христов, боголюбец. Как искушения нападками и клеветой не смогли сломить его стойкость, так и искушение славой не смогло зачернить его кроткий, смиренный настрой.

БОЛЕЗНЬ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Время кончины было открыто отцу Иоанну заблаговременно. Под конец земной жизни он был подвержен телесным болезням, стал ослабевать. Его мучили сильные боли, которые иногда утихали во время служения Литургии. 10 декабря 1908 года отец Иоанн, собрав волю и силы, совершил последнюю Литургию. В последний период своей земной жизни он каждодневно причащался на дому. 20 декабря 1908 года, в 7 часов 40 минут, сердце святого остановилось, он мирно почил о Господе и приобщился к вечности.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПАСТЫРЯ

За время своего священнического служения отец Иоанн произнес неисчислимое количество проповедей, оставил множество письменных наставлений. Он по праву считается одним из лучших церковных писателей.

В рамках нравственных сочинений отец Иоанн удостоверяет нас в необходимости искренней веры, любви к Богу и ближнему, устроения жизни в соответствии с образом жизни Христа, непрестанной духовной борьбы с греховными страстями и пороками (см. по этому поводу: Моя жизнь во Христе; Беседы о Блаженствах Евангельских). Истинность преподанного нам нравоучения отец Иоанн подтвердил своей жизнью, подвигом пастырского и общехристианского делания.

В богословских произведениях Иоанна Кронштадтского раскрываются самые разнообразные темы вероучения Церкви: о Боге; о Спасении человека; о почитании Креста (см.: О Кресте Христовом), Пресвятой Богородицы и святых; о покаянии и молитве (см.: Молитвы святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского чудотворца).

СВЯТОЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ: ПРОРОК XX ВЕКА*

УРОК ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Современники святого праведного Иоанна Кронштадтского яростно спорили о нем. В народе его любили и почитали, а либеральная интеллигенция считала его черносотенцем и реакционером, символом мрачного самодержавия. Консерваторы его уважали, но не всегда понимали.

Спустя сто лет, когда отец Иоанн был прославлен нашей Церковью, эти споры возобновились и «расклад сил» оказался почти таким же, что и в начале XX века. Почему для нас сейчас так актуален святой праведный Иоанн? Чему можно у него научиться? Об этом мы беседуем со священником Филиппом Ильяшенко, заместителем декана исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

* Журнал «ФОМА». «Русские святые». «Святой Иоанн Кронштадтский: пророк XX века. Урок для интеллигенции». Беседа со священником Филиппом Ильяшенко (дано в сокращении). https://foma.ru/svyatoj-ioann-kronshtadskiy-prorok-xx-veka.html

— Отец Филипп, почему отец Иоанн Кронштадтский пользовался такой огромной популярностью у простого народа? Все дело в чудесах, исцелениях, или на то есть и другие причины?

— Этим вопросом задавалось — и не находило ответа! — все образованное русское общество на рубеже XIX—XX веков. Мне кажется, что главная причина — не сами по себе чудеса, не сами по себе исцеления, а то, что за ними стояло, что делало их возможными. А именно то, что он сам называл «жизнь во Христе». То есть дар любви, той божественной любви, которую он получал в ежедневном причащении святых Христовых Тайн, в ежедневном служении Литургии, и которая выражалась в его готовности каждую минуту своей жизни, каждой копейкой своего достояния послужить ближнему. И эту любовь не мог не чувствовать народ, и поэтому шел к нему.

Но такая любовь встречается нечасто. Не только в ту эпоху, но и вообще во все времена имеет место дефицит святости. Может быть, только в первые века христианства святость была нормой жизни, затем христиан становится все больше, а святости — все меньше. Неудивительно, что на общем теплохладном, обмирщенном фоне такие подвижники, как святой праведный Иоанн, привлекают к себе множество людей. А уж тем более на переломе XIX—XX веков, когда Россия стремительно развивается, идет бурный процесс модернизации, когда приходит время банков, заводов и фабрик, быстрых капиталов.

Это просто не время святости. Плюс к тому незавидное положение Церкви в синодальный период — когда она практически всеми воспринималась как один из институтов государственной власти, священники воспринимались как государственные чиновники. И в такой ситуации отец Иоанн, явивший в своем служении настоящую церковную жизнь, конечно, был явлением исключительным.

Конечно, нельзя сказать, что он на всю Россию был один-единственный светоч. Мы можем вспомнить московских священников — отца Алексия Мечева, который в каком-то смысле является продолжателем дела отца Иоанна, отца Валентина Амфитеатрова, о котором отец Иоанн говорил своим московским почитателям: что вы едете ко мне, у вас же в Москве есть отец Валентин!

Тем не менее масштаб известности у других достойных пастырей был все-таки меньшим, чем у отца Иоанна Кронштадтского, да и не так уж много их было в пересчете на всю тогдашнюю Россию. И дело не в том, что большинство священников были плохи — нет, в массе своей это были добросовестные люди, честно исполнявшие свое служение... но народ стремился к большему — к святости, и чувствовал ее в отце Иоанне задолго до официального церковного его прославления.

— А что же образованное общество? Откуда оно черпало представления об отце Иоанне?

— По большей части из прессы. Все началось с публикации в 1883 году в столичной газете «Новое время» так называемого «Благодарственного заявления», в котором около двадцати человек написали, что были неизлечимо больны, ходили по всевозможным врачам, использовали все средства медицины — и безрезультатно, а вот пришли к отцу Иоанну, который призвал их в участию в Таинствах Церкви, к частому причащению (вспомним, кстати, что тогда нормой считалось причащаться раз в год), и они исцелились. Причем каждый подписавшийся указал, чем именно он болел, и как все происходило. Потом в разных изданиях были и другие публикации.

Но не только в прессе дело. Вообще, есть миф, будто к отцу Иоанну со всей страны стекались одни лишь неграмотные крестьяне. Это, конечно, вовсе не так. Современники отца Иоанна в своих письмах и воспоминаниях свидетельствуют, что к нему потоком шли совершенно разные люди, всех сословий, бедные и богатые, простые и образованные. И крестьяне, и рабочие, и купцы, и учителя, и инженеры, и чиновники. Я уж не говорю о том, что многие образованные люди принимали отца Иоанна у себя дома.

Есть, кстати, забавное воспоминание одного семинариста, плывшего пароходом в Кронштадт, который слышал, как три интеллигентные дамы спорили, чем объясняется необыкновенная сила этого батюшки: «спиритизмом, гипнотизмом или животным магнетизмом».

Но все-таки бóльшая часть образованного общества не принимала отца Иоанна — не принимала жестко, категорично. Причина тут, на мой взгляд, заключается не столько в самом отце Иоанне, сколько в умонастроениях той части русского общества рубежа XIX—XX веков, которую тогда стали называть «интеллигенцией». <…>

Иногда эта ненависть к отцу Иоанну доходила до крайностей. Есть воспоминание современников о том, как отец Иоанн во время Литургии, когда должно было начаться причастие, вышел с Чашей — и, увидев, как некий студент прикуривает от лампады, сделал ему замечание. Студент же ударил отца Иоанна, Чаша частично расплескалась, камни, на которые попали Святые Дары, были потом вынуты и брошены в море, а студента народ едва не растерзал.

Известны и другие случаи, уже не физической, а «творческой» расправы, например, издевательская пьеса В. Протопопова «Черные вороны», основанная на газетных фельетонах <…> После либерализации цензуры, в прессе стали появляться карикатуры на отца Иоанна, иногда откровенно непристойные.

<…> Отвечу цитатой из предсмертного дневника отца Иоанна, это запись от 3 октября 1908 года (за три месяца до смерти): «Не скорби безутешно о злополучии Отечества. Земное Отечество страдает за грехи царя и народа, за маловерие и недальновидность царя, за его потворство неверию и богохульству <…> всего так называемого образованного мира министров, чиновников, офицеров, учащегося юношества. Молись Богу с кровавыми слезами об общем безверии и развращении России».

— Как Вы думаете, почему все-таки обличения отца Иоанна хоть и были услышаны интеллигенцией,

но не возымели массового эффекта?

— Потому что тогдашняя русская интеллигенция была поразительно некритична к реальности. Одна из главных ее особенностей — ангажированность, неспособность к непредвзятому восприятию чего бы то ни было. С одной стороны, претензия на учительство (мы сейчас просветим темный народ и приведем его к счастью), с другой — абсолютная нетерпимость к иной точке зрения. Кто думает иначе, чем мы,— он не просто ошибается, он злонамеренно ошибается, он подлец, негодяй, с ним нужно беспощадно бороться. Во что вылилось такое умонастроение в 1917 году (в феврале — примеч. мое, Я. Ш.), говорить излишне. Вот и статьи отца Иоанна интеллигенция воспринимала именно в контексте «он враг, реакционер, черносотенец!»

Монархист

— Это, кстати, одно из самых известных обвинений в его адрес — что он черносотенец, антисемит, погромщик. А как на самом деле было?

— Начну с последних слов — «антисемит», «погромщик». Это стопроцентная ложь. Нет никаких свидетельств — ни текстов отца Иоанна, ни воспоминаний современников — где он бы высказывал что-то антисемитское. А вот что касается «погромщик» — все с точностью до наоборот. Когда в 1903 году случился страшный погром в Кишиневе, отец Иоанн совместно с епископом Антонием (Храповицким) подписал резкое заявление — «Слово о кишиневских событиях», где очень жестко с христианских позиций осудил погромы. Кстати, текст этот потом распространялся еврейскими обществами, что навлекло на отца Иоанна нападки крайних реакционеров.

Но правда в том, что отец Иоанн действительно вступил в монархическую организацию «Союз русского народа». Эта организация возникла в 1905 году, после событий первой русской революции, и объединяла тех подданных Российской империи, которые ужаснулись смуте и хотели спасти монархию, она объединяла людей из разных сословий, разного уровня достатка, разного культурного уровня (достаточно сказать, что туда входили и Дмитрий Иванович Менделеев, и Виктор Михайлович Васнецов) да и разных национальностей, кстати (в том числе и евреи — примеч. мое, Я. Ш.).

Для отца Иоанна, глубоко преданного монархической идее и враждебно относившегося к революционному движению, «Союз русского народа» был, прежде всего, традиционалистской организацией, занимающей охранительную позицию. <…>

Незадолго до смерти, он взывает к государю: «Проснись, спящий царь!» Он чувствует, что надвигается катастрофа, и ее причины — не внешние, а внутренние. Это помрачение умов, охватившее если не весь народ, то весьма большую — и самую активную! — его часть. <…>

В конце сентября 1908 года отец Иоанн записывает: «Свобода печати всякой сделала то, что <…> читаются почти только светские книжонки и газеты; вследствие этого вера и благочестие падают; правительство либеральничающее <…> потворствует печати, смердящей всякою гадостью страстей. Все дадут ответ Богу — все потворы». То есть отец Иоанн призывал именно к тем мерам, которые либеральная интеллигенция считала абсолютным злом. Однако время показало правоту отца Иоанна — свобода совести оказалась свободой жить без совести, те гражданские свободы (слова, собраний, партий), которыми пользовались после 1905 года либералы, обернулись катастрофой 1917 года…

ЦИТАТЫ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО*

• «Чтобы люди почитали и любили друг друга, не гордились, не надмевались друг перед другом, премудрый Господь дал разным людям различные свои преимущества естественные и благодатные так, чтобы они имели нужду друг в друге. Таким образом, каждый из нас невольно должен признаться в той или другой немощи и смириться пред Богом и людьми».

• «Что такое жизнь наша? Горение свечи: стоит лишь дунуть Тому, Кто ее дал,— и она потухла. Что такое жизнь наша? Шествие путника: дошел до известного предела,— ему отворяются врата, он покидает странническую одежду свою (тело) и посох и входит в дом свой. Что такое жизнь наша? Продолжительная, кровопролитная война за обладание истинным отечеством и за истинную свободу. Кончилась война,— вы победитель или побежденный, вас отзывают из места борьбы к месту воздаяния…»

• «Тело только вещественная оболочка души, дом ее».

• «Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая…»

• «Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский».

* «Цитаты известных личностей». «Иоанн Кронштадтский. Цитаты». https://ru.citaty.net/avtory/ioann-kronshtadtskii

• «Уважай себя как образ Божий».

• «Грехи — тайные змеи, грызущие сердце человека и все его существо; они не дают ему покоя, непрестанно сосут его сердце; грехи — колючее терние, бодущее непрестанно душу; грехи — духовная тьма».

• «Человек, страстям подверженный, что тебе нужно? Жизнь, говоришь ты. Из-за чего ты хлопочешь? Из-за жизни. Но живешь ли ты истинной жизнью? Разум и опыт заставляют сказать, что нет. Итак, что же составляет твою жизнь? Вера, надежда и любовь — разум и опыт говорят мне. Жизнь души нашей — Бог, живая вера в Него и любовь к Нему, любовь к подобным мне людям — они покой и широта моего сердца, без них я — мученик греха, раб, невольник страстей; в скорби и тесноте проходит жизнь моя».

• «Интеллигенты оставили небесную мудрость и ухватились в земную суету, ложь, мираж, мглу непроглядную».

• «Разум — слуга сердца».

• «Цветы — остатки рая на земле».

• «Мир находится в состоянии дремоты, греховного сна, спит. Будит его Бог войнами, моровыми поветриями, пожарами, бурями сокрушительными, землетрясениями, наводнениями, неурожаями».

• «Диавол — это такая злая спица, которая во всякое время и всюду лезет в твои очи сердечные, затмевая и подавляя их, это такая ядовитая пыль, которая постоянно носится в мысленной атмосфере нашей и садится едко на сердце, изъедая и сверля его».

• «Бесноватые бывают покойны до того времени, доколе их не подведут к святыне, а подведут — откуда возьмется сила необыкновенная, отвращение от святыни, хула, оплевание святыни, пронзительный крик».

• «Чтобы провести день весь совершенно свято, мирно и безгрешно,— для этого единственное средство — самая искренняя, горячая молитва утром по восстании от сна. Она введет в наше сердце Христа со Отцем и Духом Святым и таким образом даст силу и крепость душе против приражений зла; только хранить сердце свое надобно».

• «Молитвою часто называют то, что вовсе не есть молитва: сходил в церковь, постоял, посмотрел на иконы или прежде на людей, на их лица, наряды,— говорит: помолился Богу; постоял дома пред иконою, покивал головою, проговорил заученные слова без понимания и сочувствия,— говорит: помолился Богу».

• «Чем, какими страстями ни бороли бы тебя враги, терпи без уныния, без озлобления, с кротостию и смирением и не допусти в сердце движения нетерпения, злобы, ропота и хулы».

• «Скорби — великий учитель».

• «Грешить — великая невыгода и безумие».

• «Чем чище сердце, тем оно просторнее, тем более вмещает в себе любимых; чем грешнее, тем оно теснее, тем менее оно способно вмещать в себе любимых — до того, что оно ограничивается любовью только к себе, и то ложной; любим себя в предметах, недостойных бессмертной души: в сребре и злате, в любодеянии, в пьянстве и прочем подобном».

• «Внимай: за очищение своего сердца от грехов ты получишь бесконечную награду — Бога узришь всеблагого Создателя своего, Промыслителя своего. Труден подвиг очищать сердце, потому что соединен с большими лишениями и скорбями, зато награда велика. Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят».

• «Сласти, деньги — хуже обыкновенного праха, сора, потому что засаривают душу, тогда как обыкновенный сор засаривает только тело, одежду, комнату».

• «Мысль соответствует в Боге — Отцу, слова — Сыну, дела — Духу Святому всесовершающему».

• «Всякий человек на земле болен горячкою греховною, слепотою греховною, одержим бешенством греха; а как грех наипаче состоит в злобе и гордости, то со всяким человеком, как страдающим болезнию греха, надо обходиться с кроткою любовию — важная истина, которую мы часто забываем; мы часто, очень часто действуем вопреки ей: к злобе подбавляем злобы своим озлоблением, гордости делаем отпор гордостию же. Так у нас и растет зло, а не уменьшается; не врачуется, а более заражается. Господи, помилуй нас, помилуй человечество!»

• «Все считай за сор и гной — всякую сладость; ничего земного не люби и ничего земного не жалей для человека и ни из-за чего не питай к нему вражды. Любовь стремится услаждать любимого и ничем для него не дорожить».

• «Милосердие есть любить врагов, благословлять проклинающих, добро творить ненавидящим, творящим нам напасть, изгоняющим нас, защищать гонимых и проч.».

• «Храмы — это духовные школы, врачебницы, просветительные места, дорожные станции для путешественников неба, дома благотворительные, где оказываются нам величайшие благодеяния и пособия благодатные для приготовления к водворению на небо».

• «Имя Спасителя, с верою призываемое, делает чудеса, изгоняет бесов, погашает страсти, исцеляет болезни».

• «Жизнь сердца — это любовь, а его смерть — это злоба и вражда. Господь для того и держит нас на земле, чтобы любовь всецело проникла наше сердце: это цель нашего существования».

• «Ближний — равноправное мне существо, тот же человек, что я, тот же образ Божий».

• «Совесть в людях есть не что иное, как глас ходящего в сердцах человеческих Бога вездесущего».

• «Ученые люди поставили и ставят огромного идола и велят всем поклоняться, да и сами кланяются ему. Этот идол — отрицательная литература; нечистый дух, нас движущий,— гордый, богопротивный, неверующий разум».

• «Одно из самых сильных коварств диавольских есть расслабление леностью сердца, а с ним и всех сил духовных и телесных; в сердце иссякает вера, надежда и любовь, делаешься безвером, унылым, бесчувственным к Богу и к людям,— солью обуявшею».

• «Нужно любить всякого человека и в грехе его, и в позоре его. Не нужно смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем».

• «Пищу и питье надо употреблять только для укрепления своих сил, а не для лакомства».

• «Бог есть зиждительная, живая и животворящая Мысль».

• «Каприз — зародыш сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, семя злобы, мерзость Господу».

• «Ночью душа наша свободна от суеты мирской, и потому свободно может действовать на нее мир духовный и она свободно может принимать его впечатления».

• «Но Всеблагое Провидение не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует и ведет к возрождению. Судьбы Божие праведные совершаются над Россией. Ее куют беды и напасти. Не напрасно Тот, кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на Свою наковальню подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами перед твоим небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала!.. Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушений и бедствий для всех необходимо, и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле. Но не бойтесь и не страшитесь, братия, пусть крамольники-сатанисты на минуту утешатся своими адскими успехами: суд им от Бога не коснит и погибель их не дремлет (2-е Петра 2.3). Десница Господня найдет всех ненавидящих нас и отомстит за нас праведно. Не будем поэтому предаваться унынию, видя все ныне происходящее в мире…»

• «Но приговор им вынесен давно, он не замедлит, и не дремлет их погибель!»

• «Скупость — от диавола, щедрость — от Бога».

• «Жизнь наша — детская игра, только не невинная, а греховная, потому что, при крепком уме и познаниях цели своей жизни, мы небрежем об этой цели и занимаемся делами пустыми, бесцельными».

• «… Изменяйся скорее добрым изменением всякий христианин, доколе не заключены для тебя двери милосердия Божия. Твори дела милосердия, дондеже день есть: приидет нощь, егда никтоже может делати» Иоан. 9, 4.

• «Молитва поверхностная есть лицемерие, кощунство, суетная молитва».

• «День есть символ скоротечности земной жизни».

• «Жизнь сердца есть любовь, смерть его — злоба и вражда на брата».

• «Суетна жизнь наша, т.е. всуе, напрасно, даром, ни за что пропадают дни жития нашего для вечности».

• «Человек, озлобленный против нас, есть человек больной».

• «Ожидаемая в конце мира огненная катастрофа Земного шара может произойти при столкновении Земли с одной из блуждающих развалин или комет».

• «Люби без размышления: любовь проста. Любовь никогда не ошибется».

• «Молитва принужденная развивает ханжество».

• «Враг ежедневно сильно гонит мою веру, надежду и любовь.— Гонят тебя, моя вера! Гонят тебя, моя надежда! Гонят тебя, моя любовь! Терпи вера, терпи надежда, терпи любовь! Мужайся вера, мужайся надежда, мужайся любовь! — Бог ваш поборник! — Не ослабевай вера, не ослабевай надежда, не ослабевай любовь!»

• «Государство или какое-либо общество есть тело».

• «Креста животворящего, даже знамения его, трепещут демоны из-за того, что к древу креста пригвожден был Сын Божий и освятил его Своим страданием на нем».

• «Священник, как врач душ, сам должен быть свободен от душевных недугов, т.е. от страстей, чтобы врачевать других».

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ*

Климент Александрийский, Тит Флавий Климент — святой православной, католической и англиканской церквей, христианский богослов, апологет, проповедник и философ, руководитель Александрийской богословской школы, возглавлявший ее до Оригена. Его учениками были Ориген и Александр Иерусалимский. Он обратился в христианство будучи образованным человеком, знакомым с греческой философией и литературой. Как показывают три его основных произведения, Климент находился под влиянием эллинистической философии, в особенности Платона и стоиков, в большей степени, чем любой другой христианский мыслитель своего времени. Его тайные работы, которые существуют только в виде фрагментов, предполагают, что он также был знаком с дохристианским иудейским эзотеризмом и гностицизмом. В одной из своих работ он утверждал, что греческая философия зародилась среди не-греков, утверждая, что и Платон, и Пифагор были обучены египетскими учеными.

Климента обычно считают одним из Отцов Церкви. Его почитают как святого в Восточной православной церкви, Коптской православной церкви, Восточнокатолических церквах, Эфиопской православной церкви и Англиканской церкви. Также он почитался в Римско-католической церкви до 1586 года, когда его имя было удалено из римского мартиролога папой Сикстом V по совету Бария.

Дата и место рождения Климента нам достоверно неизвестны. Предполагается, что он родился где-то около 150 г. н. э. По словам Епифания Схоластика он родился в Афинах, но существует также мнение, что он родился в Александрии. Судя по полному имени, Климент родился в семье римских граждан. Фамилия «Флавий» позволяет предположить, что его предки, подобно Иосифу Флавию, были участниками антиримского восстания в Иудее, плененными и помилованными императором Титом и поэтому принявшими его фамильное имя как знак своего второго рождения.

Родители Климента были язычниками, сам же он впоследствии принял христианство. В «Протрептике» он демонстрирует обширные познания в греческой мифологии и мистических религиях, которые могли возникнуть только в результате религиозной практики его семьи.

Отвергнув язычество в молодости из-за царившего в нем морального разложения, Климент отправился в путешествие по Греции, Малой Азии, Палестине и Египту, чтобы познакомиться с различными христианскими традициями. В Греции он встретил ионийского богослова, которого опознали как Афинагора Афинского; на Ближнем Востоке он обучался у некоего ассирийца, иногда отождествляемого с Татианом, и еврея, возможно Феофила Кесарийского.

Примерно в 180 году Климент посетил Александрию, где он встретил Пантена, который преподавал в богословской школе Александрии. Евсевий предполагает, что Пантен был руководителем школы, но существуют разногласия по поводу того, была ли школа единым сформировавшимся учреждением до времен Оригена. Климент учился у Пантена и был рукоположен в священники патриархом Юлианом в 189 году. В этот период он стал апологетом и написал многие свои работы, в том числе часть «Строматы». Больше ничего о личной жизни Климента в Александрии не известно. Возможно, он был женат, это предположение находит подтверждение в его работах.

Во время гонений при императоре Септимии Севере (202—203) Климент покинул Александрию. В 211 году Александр Иерусалимский написал письмо, в котором хвалил его Антиохийской церкви, что может означать, что Климент в то время жил в Каппадокии или Иерусалиме. Дата и место его смерти неизвестны.

УЧЕНИЕ

Климент обосновывает необходимость философии для Церкви. Он пишет, что сам Бог даровал философию эллинам как инструмент богопознания. Для эллинов философия была альтернативой Моисееву закону и пророческому вдохновению древних иудеев. Пророчества и философствование неравнозначны, хотя взаимно дополняют друг друга: они подготавливают душу к истине, к познанию Логоса. Иными словами, философия необходима как интеллектуальная ограда божественного откровения. Климент подвергает решительной критике взгляды тех, кто полагает, будто философия — это пустое мирское мудрствование, от которой одни ереси и смятения в душах. Эллины безо всякого Откровения пришли к осознанию бытия единого Бога — Первопричины и Предела Вселенной, ибо Бог — это единый источник знания.

Климент первым отчетливо ставит проблему соотношения веры и разума как путь преодоления античного скептицизма. Вера — это непосредственное восприятие знания. Это то, чем мы воспринимаем предпосылки силлогизма. Однако это не простая самоочевидность или интуиция. Вера — это акт выбора, акт конструирования собственной установки сознания, за который человек несет ответственность. С помощью веры человек способен моделировать будущую ситуацию, что позволяет обезопасить себя от многих неприятностей. Интенсификация веры производит надежду, благодаря которой Климент доказывает превосходство

* «Климент Александрийский». Материал из Википедии — свободной энциклопедии (дано в сокращении).

религиозной жизни. Язычники верят во многих богов, которые находятся между собой в состоянии перманентного конфликта. Всем богам не угодишь, поэтому у язычника зарождаются фобии. Он не знает, откуда ему угрожает опасность. Жизнь атеистов также полна неприятностей, поскольку они не ждут щедрот от Господа. Только религиозный человек понимает, что за внешним хаосом явлений стоит трансцендентная личность, подарившая нам бытие, что жизнь здешняя лишь предуготовление к жизни вечной, что смысл жизни в загробном существовании, которое являет собой предел блаженства. Обладая такой установкой, можно легко преодолеть все тяготы здешней жизни.

Вслед за Филоном Александрийским Климент определяет Бога апофатически, то есть с помощью отрицаний. Цель верующего заключается в познании Бога — в «гносисе», то есть знании мистическом и духовном. Он противопоставляет это высшее понимание Бога знанию нравственно-юридическому, следованию букве Писания, которым довольствуется большая часть христиан.

Климент ввел в богословие понятия «града небесного» и «града земного», которые впоследствии были развиты блаженным Августином. Также сходился с Августином он и в вопросе о допустимости восстания против нечестивого и безбожного правительства (каково было, например, восстание иудеев против фараона).

Климент расходится с господствовавшим среди ранних христиан воззрением о греховности богатства. По его мнению, богатство само по себе никак не влияет на спасение души, ведь имуществом можно распорядиться и по-хорошему, и по-плохому. «Писание требует от нас не отказа от собственности, но отказа от чрезмерной привязанности к собственности».

НАСЛЕДИЕ

Фотий I Константинопольский пишет против богословия Климента в «Библиотеке», хотя он ценит ученость Климента и литературные достоинства. <…> Среди конкретных идей, которые Фотий считал еретическими, были: его вера в то, что материя и мысль вечны и, следовательно, не исходят от Бога; вера в космические циклы, предшествующие сотворению мира (как считал Гераклит), имеет внебиблейское происхождение; вера в то, что Христос, как Логос, был в некотором смысле сотворен; двойственное отношение к докетизму, еретическому учению о том, что земное тело Христа было иллюзией; убеждение, что Ева была создана из спермы Адама после того, как он эякулировал ночью; вера в то, что Быт. 6:2 подразумевает, что ангелы вступали в совокупление с человеческими женщинами (в римско-католической теологии ангелы считаются бесполыми); вера в реинкарнацию, то есть переселение душ. <…>

(Однако) согласно Клименту, только через обращение в христианство можно полностью стать причастником Логоса, который является универсальной истиной.

ПЕДАГОГ

Христос, воплощенный Логос, является «Педагогом» из названия произведения. Название этой работы, переводимое как «Педагог», относится к Христу как к учителю всех людей, а христиане в нем предстают в образе детей. Это не просто наставление: Климент намеревается показать, как христианин должен искренне реагировать на любовь Бога. Следуя Платону, он делит жизнь на три элемента: характер, действия и страсти. В первой книге «Педагога» он размышляет о роли Христа в обучении людей нравственным поступкам и контролю над своими страстями. Несмотря на свою явно христианскую природу, работа Климента основана на стоической философии и языческой литературе. <…>

Хотя Христос, как человек, создан по образу Бога, только он разделяет подобие Бога-Отца. Христос безгрешен и апатичен, поэтому, стремясь подражать Христу, можно достичь спасения. Для Климента грех является непроизвольным и, следовательно, иррациональным, устраняемым только мудростью Логоса. Таким образом, Божье руководство избегать греха является проявлением всеобщей любви Бога к человечеству.

<…> Климент выступает за равенство полов на том основании, что спасение распространяется на всех людей в равной степени. <…> Климент поддерживает женщин, играющих активную роль в руководстве церковью, и приводит список женщин, которых он считал вдохновляющими, в который входят как библейские личности, так и персонажи греческой литературы. <…> Он выступает против гностиков, утверждая, что для спасения требуется вера, а не эзотерическое знание. Согласно Клименту, именно через веру во Христа человек просвещается и приходит к познанию Бога.

… Климент дает практические правила христианской жизни. Он выступает против чрезмерного увлечения едой и предписывает иметь хорошие манеры за столом. <…> Климент выступает за простой образ жизни в соответствии с естественной простотой христианского монотеизма. Он осуждает сложную и дорогую мебель и одежду и выступает против чрезмерно страстной музыки и духов, но при этом не поддерживает идею полного отказа от мирских удовольствий и утверждает, что христианин должен иметь возможность выражать радость от божьего творения через веселье и вечеринки. Он выступает против ношения венков из цветов, потому что сбор цветов убивает прекрасное творение Бога, а венок напоминает терновый венец.

Климент довольно подробно описывает свое отношение к сексу. Он утверждает, что и беспорядочные связи, и половое воздержание неестественны, и что главная цель человеческой сексуальности — деторождение. Он утверждает, что следует избегать супружеской измены, коитуса с беременными женщинами, сожительства, гомосексуализма и проституции, поскольку они не будут способствовать созданию законного потомства.

<…> Он советует тщательно выбирать себе компанию, чтобы не быть испорченным аморальными людьми, и, утверждая, что материальное богатство не является грехом само по себе, при этом учит, что обладание им слишком часто отвлекает человека от гораздо более важного духовного богатства, которое находится во Христе. <…>

Климент отвергает гностическую идею отвержения брака, утверждая, что только мужчины, которые не имеют влечения к женщинам, должны оставаться безбрачными и что секс является благом, если он осуществляется в браке с целью продолжения рода. <…> Он выступает против идеи <…> о том, что христиане должны оставлять свои семьи ради аскетической жизни, утверждая, что Иисус не противоречил бы заповеди «Почитай отца твоего и мать твою», одной из Десяти Заповедей. <…>

Хотя все хорошие христиане не должны бояться смерти, Климент осуждает тех, кто активно ищет мученическую смерть, утверждая, что они недостаточно уважают Божий дар жизни. <…>

Климент утверждает, что истину, справедливость и добро можно увидеть только разумом, а не глазами; вера — это способ доступа к невидимому. Он подчеркивает, что познание Бога может быть достигнуто только через веру, когда моральные недостатки человека исправлены. <…>

Следуя Сократу, он утверждает, что порок возникает из-за невежества, а не из-за намерения. Христианин — это «работник в винограднике Божьем», ответственный как за собственный путь к спасению, так и за путь своего ближнего. <…>

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ*

«Согласно К. А., философия как историческое явление существует в виде различных греческих философских школ, которые возникли в античности, развились в эпоху эллинизма и продолжали существовать в его время. Для каждой из философских школ характерна определенная система основных положений и развитое учение; при этом ни одна из этих систем и ни одно из этих учений, по убеждению К. А., не выражает полноты истины и всегда содержит некие заблуждения и ошибки. <…> С исторически сложившейся философией К. А. соотносит философию как идеализированную форму познания. С одной стороны, она является выборкой из исторически сложившихся философских систем всего наилучшего, т. е. согласующегося с христианским мировоззрением; с другой стороны, она есть прямое следствие богоподобия человеческого разума, созданного Богом по образу Божественного Логоса и в силу этого способного организовывать и упорядочивать содержание познания по определенным “логическим” законам, задаваемым самой природой человека. Т. о., историческая философия есть лишь относительная форма существования философского знания, которое представляет собой результат природной и богоустановленной деятельности человеческого разума. В “Строматах” двойственный характер философии К. А. выражает через противопоставление четырех классических школ греческой философии и собственной цельной философии: “Когда я говорю о философии, я подразумеваю не стоическую, не платоническую, не эпикурейскую и не аристотелевскую, но все то, что хорошо сказано в каждой из этих школ, что научает праведности в соединении с благочестивым знанием, все это в целом достойное избрания <…> я называю философией” в отношении корректного перевода. <…> Таким образом, обращаясь к философским источникам, К. А. считал своей основной задачей поиск в них того, что может рассматриваться как предварительное изображение и предвкушение полноты истинного знания, открытого в христианстве».

«Согласно К. А., в историческом аспекте античная философия несла для эллинов несомненную пользу и была дана им Самим Богом как некий завет, заключенный с ними. До явления в мир христианства Бог познавался эллинами по-язычески, а иудеями — согласно Ветхому Закону; как ВЗ есть Божий дар иудеям, так и философия есть дар Бога эллинам. К. А. подчеркивал “педагогическое” значение философии, отмечая, что как исторически, так и сущностно “философия пролагает путь к тому, что должно быть доведено до совершенства Христом”».

«Опираясь на убежденность в близости платонизма к христианству, К. А. широко использовал идеи платоновской философии в собственных произведениях. Платон является наиболее часто цитируемым К. А. из нехристианских авторов; тексты К. А. наполнены парафразами из платоновских сочинений и аллюзиями к ним. <…> Вместе с тем нельзя утверждать, что К. А. принимал все учение Платона безоговорочно; так он отвергал платоновское учение о познании как припоминании и связанную с ним концепцию предсуществования душ, впоследствии занявшую важное место в богословской системе Оригена».

---

* ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Д. С. Бирюков, Д. В. Смирнов. «Климент Александрийский». Некоторые места из учения К. А. (выбрано мной, Я. Ш.).

«К. А. был знаком с близкой к классическому платонизму и нередко смешивавшейся с ним традицией пифагореизма, пифагореизирующего платонизма и неопифагореизма. Он приводил свидетельство о том, что Пифагор был учителем Платона, цитировал Пифагора. <…> Некоторые неопифагорейские мотивы у К. А. проявляются в области философского рассуждения о Боге как о Едином и о Монаде. <…> К. А. хорошо знал стоическую философию, воспринимал многие положения стоического учения как прикладной философский инструментарий. <…> Наиболее сильным влияние стоицизма на К. А. было в области этического и морально-практического учения. <…> К. А. неоднократно с одобрением приводил “исправленную” версию этого же стоического учения, в соответствии с которой все творение “пронизано” не трансцендентным Богом, а Софией, пневмой (= творческим огнем), силами и действиями Бога. Т. о., пантеистическое стоическое учение К. А. интерпретировал в христианском смысле, подчеркивая, что “наиболее общие из действий Бога в равной мере пронизывают все [творение]” <…> Прямое знакомство К. А. с сочинениями Аристотеля маловероятно; у К. А. встречаются упоминания имени Аристотеля, но нет ни одной прямой цитаты из его подлинных произведений. <…> К. А. отвергал учение представителей эпикурейства, <…> считал несостоятельной позицию представителей античного скептицизма. <…> Система Филона Александрийского объявляется основным источником философских идей для К. А., а также образцом, определившим способы соединения этих идей с текстами Священного Писания. [Однако], изучая сочинения Филона, К. А. относился к ним критически; он перерабатывал и христианизировал взятые у Филона положения, а не просто повторял их. <…> Тщательно изучая гностические сочинения и ведя постоянный полемический диалог с гностиками, К. А. не мог не испытывать обратного влияния гностических идей; при этом некоторые из них он принимал сознательно, считая, что они основываются на не вполне корректном толковании гностиками Священного Писания и в силу этого могут быть исправлены и христианизированы. <…> Рецепция К. А. отдельных гностических идей может быть подтверждена как на текстуальном, так и на смысловом уровне. Наиболее важными из параллелей являются: 1) учение о том, что помимо предназначенного для всех христиан учения, отраженного в Священном Писании, Иисус Христос передал апостолам некий тайный “гносис”, который далее передавался немногим посвященным в “мистерии”. <…> 2) признание передачи “гносиса” о трансцендентном Отце и научение избранных истинному знанию о Боге важнейшим делом Иисуса Христа и смыслом Боговоплощения. <…> 3) ангелология в целом, и в особенности учение о том, что душа при восхождении к Богу подвергается ангелами проверке, а затем последовательно проходит через различные “небеса” и достигает уподобления высшим ангелам».

«Смысловым центром всех философско-богословских рассуждений К. А. является идея совместимости веры и знания. <…> При обращении к частным богословским проблемам К. А. всякий раз на новом материале осуществлял подтверждение тезиса о гармоничной совместимости восходящего к божественному Откровению содержания христианского вероучения и результатов самостоятельного стремления человеческого разума к истине. <…> Он противопоставлял… учение о добровольном и постепенном характере формирования у человека веры и знания».

«Постоянное теснейшее взаимодействие веры и знания в религ. жизни К. А. подчеркивал с помощью понятий “верующее знание” и “знающая вера”. По его словам, верующее знание — это “согласное с истинной философией научное доказательство содержания Предания”».

«При изложении учения о Боге К. А., следуя общему принципу согласования веры и знания, стремился совместить открытое в Священном Писании истинное знание о Боге в Самом Себе и в Его отношении к миру с философским учением о Боге как о трансцендентном Первоначале <…> опирался на платоновское учение о Боге, выраженное в словах из диалога “Тимей”: “Творца и Родителя всего отыскать затруднительно; а если и будет Он найден, то высказать Его для всех невозможно”… <…> В учении К. А. о Боге и путях богопознания могут быть выделены 3 основные темы: 1) трансцендентность Бога по отношению к творению; Его непознаваемость для естественного разума и познаваемость для причастного Логосу разума; 2) апофатическая неизреченность Бога, т. е. принципиальная невозможность выразить знание о Нем в понятиях и именах; 3) катафатические свойства Бога, являемые через Его Силу, т. е. через Божественный Логос».

«Не обсуждая специально способ происхождения Сына от Отца, К. А. обозначал его как с помощью понятия “рождение”, так и, значительно реже, с помощью понятия «творение»; <…> т. о., присутствие этого понятия в учении К. А. о Сыне является крайне проблематичным с т. зр. традиц. правосл. триадологии. <…> Наиболее близкой к учению о тварности Сына является экзегетическая интерпретация К. А. в “Строматах” места из Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова, где говорится, что “Премудрость была сотворена прежде всего”. <…> При этом, рассуждая о соотношении Бога и творения, К. А. назвал Отца “нерожденное”, Сына — “перворожденное”, а творение — “возникшее”; <…> Так ап. Павел утверждал, что Сын есть “перворожденный всякой твари” (Кол 1. 15)».

«Учение о творении. Сотворив мир, Бог не удалился из него, но постоянно действует в нем, поддерживая мировой порядок, управляя всеми частями мироздания, ведя творение в целом к предустановленной Им цели. Для обозначения всей деятельности Бога по отношению к сотворенному Им миру К. А. использовал понятие “Промысл”. <…> Промысел нисходит до самых мельчайших частей [мироздания]».

«При изложении учения о частях души К. А. <…> разумную часть называл “владычественная часть души”, “словесная часть”, “разумная душа”. Эта часть, тождественная уму человека, руководит его способностью принимать волевые решения; она является началом, ответственным за исследование, обучение и по-

знание. Неразумную часть души К. А. называл “подчиненная часть”, “плотский дух”, “духовная часть, возникшая при творении тела”, <…> неразумный плотский дух был “слеплен” вместе с телом. Неразумной части души подчинены чувственные способности человека, к-рые управляют соответствующими телесными органами. <…> Благодаря неразумной части (плотскому духу) человек обладает способностями двигаться, питаться, расти, ощущать, испытывать эмоции, желать, выполнять любые физические действия».

«Христианская жизнь и ее цель. Поскольку реализация предоставленной Иисусом Христом возможности спасения определяется как первичным свободным выбором человека, так и его последующими личными практическими действиями, осуществляемыми под руководством наставляющего Логоса. <…> Строение этического учения К. А. задается представлением о двух уровнях нормативной практической жизни: 1-й уровень, достижение к-рого необходимо каждому христианину для спасения, у К. А. характеризуется понятием “умеренность в страстях”; 2-й уровень, к-рого достигают стремящиеся к высшему гносису христиане, К. А. обозначал понятием “бесстрастие”. Т. о., учение К. А. о практике христ. жизни делится на три основные части: 1) аскетическое учение о природе страстей и способах восстановления надлежащего соотношения чувственного и разумного начал в человеке; 2) учение о практическом гностическом совершенстве как уподоблении Богу посредством приобретения бесстрастия; 3) учение об обожении как о высшей цели христианина».

ЦИТАТЫ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО*

• Нельзя же на том основании, что человеку смеяться естественно, все делать предметом смеха. И лошадь ведь, которой ржать естественно, не на все ржет.

• Как праведников может быть много, так и пути спасения их многочисленны.

• Можно быть верующим и без науки; зато уразуметь существо веры неуч не в состоянии.

• У обученных и чувства более изощренны.

• Вера — это свободный выбор, поскольку она есть некое стремление, и стремление разумное. Но так как в начале (…) каждого действия лежит свободный выбор, то выходит, что и вера есть его начало, основа всякого разумного выбора.

• От доказательств (…) вера тверже быть не может.

• Страх Божий заключается в боязни греха (…). Не самого Бога боюсь я, а боюсь низвержения с лона Его.

• Человек добродетельный (…) [живет] на границе, отделяющей природу бессмертную от смертной.

• Вожделение не происходит от тела, хотя и удовлетворяется телом.

• Человек должен стремиться к познанию Бога не из-за желания спастись, но ради божественной красоты и величия, святости, превосходства и сверхъестественности самого этого знания.

• Нет познания, которое не имело бы связи с верой; равно как нет и веры, которая не зависела бы от познания.

• Вера есть слух, ухо души.

• Есть среди них [христиан] боящиеся эллинской философии, подобно тому, как дети боятся привидений. Если вера их — я уже не осмеливаюсь говорить об их познании — в такой степени слаба, что может колебаться от человеческих рассуждений, то не стоит ее себе и приписывать; пусть эти немощные признают, что никогда и не верили в истину.

• Поститься (…), значит, (…) воздерживаться от всякого вообще зла, будет ли оно состоять в деле, в слове или даже в мысли.

• Молитва есть собеседование с Богом.

• Ремесленник кормится от своего ремесла; язычник — живет по-язычески. Точно так же истинный мудрец в познании имеет все, в чем нуждается.

• Мудрец истинный убежден в такой истине: «Все в этом мире идет к лучшему».

• Верующий (…) простой навык в добродетели обращает во вторую свою природу.

• Следует обращаться к Богу с молитвами, только достойными Бога.

• Соприкосновение с грехами чужими заразительно.

• Кто предпринимает великие дела, подвергается и великим искушениям.

* «Афоризмы. Цитаты и высказывания великих людей». «Климент Александрийский». https://vsebasni.ru/aforizmy/kliment-aleksandriyskiy.html

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ИСКУССТВА О ДУХОВНОСТИ, КУЛЬТУРЕ И НРАВСТВЕННОСТИ

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ХРИСТИАНСТВЕ И ВЕРЕ*

«Есть Дух милосердия, правды, свободы — это Дух Святый, Дух Христов. И есть дух ненависти, лжи, насилия — это дух Диавола. По этим признакам разделяется все в нашем мире: это и есть настоящая граница Церкви Христовой. Граница, которая проходит как между людьми, так и “внутри” каждого человека».

Сергий Желудков (Сергей Алексеевич Желудков)
— церковный писатель, священник Русской православной церкви (7 июля 1909 — 30 января 1984)

«Сердце, стремящееся к Величайшему Сердцу, Сердцу Христа, не сойдет с пути».

Елена Ивановна Рерих

«Страшно жить и творить в то время, когда находятся люди, позволяющие себе бросать грязь в подвижников русской культуры, а другие люди спокойно это выслушивают, печатают и распространяют. <…> Почему мы такая дрянь? <…> А “дрянь” мы потому, что, считаясь христианами, мы все время сами распинаем Христа, разрывая Его ризы взаимной ненавистью, ложью, еретическим извращением фактов, неумным самохвальством и презрением ко всему тому, что выше нашего понимания. Это постоянное оплевывание ближнего, постоянное ковыряние в глазу соседа в поисках сучка и безнадежное ослепление целым лесом бревен в собственных глазах — вот что делает нас дрянью».

Георгий Дмитриевич Гребенщиков,
русский писатель, критик и журналист, общественный деятель.

«Я исповедую религию духа и твердо на этом стою»**.

Николай Александрович Бердяев

ПРАВОСЛАВНЫЙ МИР В ЖИЗНИ СЕМЬИ РЕРИХ***

Елена Ивановна не была ни богословом, ни религиозным философом, не состояла ни в одной религиозной конфессии, не писала богословских трактатов или религиозных книг. Но она всегда находилась около церкви, чувствовала ее своим сердцем, а христианскую религию считала близкой и родной. Скажем и больше. Православие на всю жизнь вошло в судьбу семьи Рерихов. Родители Елены Рерих, как и родители Николая Константиновича, считали христианство родной религией.

Николай Рерих христианской вере посвятил большое количество своих полотен, являющихся шедеврами христианского искусства. Он вспоминал, что, когда звучала в их доме фраза: «Батюшка завтра придет», дом наполнялся дивным чувством торжества и светлого праздника. Это значило, что к ним придет отец Иоанн Кронштадтский (1829—1908), настоятель Андреевского собора в Кронштадте, святой Русской Православной Церкви. Такие дни для семьи Рерих были особенными, наполненными христианской чистотой и святостью. Проповеди священника приносили их дому мир, спокойствие, духовную чистоту и святое благоволение.

В «Листах дневника» Н. Рерих оставил теплые воспоминания о Святом отце Иоанне Кронщтадском. В философском эссе «Светочи» он передал любовь и уважение к великому подвижнику земли русской:

«Мы жили тогда на Васильевском острове, как раз против Николаевского моста. Окна выходили на Неву, а с другого угла была видна набережная до самого Горного института. По этой набережной издалека замечалась заветная, жданная карета, и торопливо-заботливо проносилось по дому: “идет”, “приехал”. И опять входил благостно улыбающийся, как бы пронизывающий взором, отец Иоанн и благословлял всех,

* Т. О. Книжник. «Елена Рерих и христианство». https://cyberleninka.ru/article/n/elena-rerih-i-hristianstvo

** Протоиерей Сергий Дергалев. «Эсхатологические взгляды Н. А. Бердяева». https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Dergalev/eshatologicheskie-vzgljady-n-berdjaeva/

*** МИР КУЛЬТУРЫ. «Елена Рерих о христианстве, Оригене и других подвижниках церкви». Сергей Целух. ttps://mirkultura.ru/elena-rerih-o-hristianstve-origene-i-drugih-podvizhnikah-tserkvi-sergey-tseluh/

сопровождая благословения каждому каким-то особым, нужным словом. Кому-то Он говорил: “Радуйся”, кому-то: “Не печалуйся”, кому-то: “В болезни не отчаивайся”. Все эти быстрые слова имели глубочайшее значение, открывавшееся иногда даже через продолжительное время.

Затем говорилось: “Помолимся”. После чего следовало то поразительно возвышающее служение, которое на всю жизнь не забудет тот, кто хоть однажды слышал и приобщался ему. Поистине, потрясающе незабываема была молитва Господня в устах отца Иоанна. Невозможно было без трепета и слез слушать, как обращался этот Высокий Служитель к самому Господу с такою верою, с таким утверждением, в таком пламенном молении, что Священное Присутствие проникало все сердца».*

Святой отец благословил Николая Константиновича на благотворный труд художника во имя своей страны, во имя всего человечества и пожелал ему стать великим в своем мастерстве, что впоследствии и осуществилось.

В этом же труде, написанном в 1934 году в Харбине, в год его шестидесятилетия, есть и такие строки: «Когда скончался о. Иоанн, то всей Руси показалось, что ушла великая сокровищница русская перед новыми для земли испытаниями. Вследствие отъезда не пришлось быть на погребении о. Иоанна. Так и остался Он как бы неушедшим, а Его светлопрозорливый взор живет навсегда во всех, кто хотя бы однажды видел Его. И в наши времена не обделена земля великими подвижниками, крепкими, светлыми воеводами земли русской».**

В Харбине с Николаем Константиновичем случилось большое недоразумение. Некоторые русские эмигранты, чиновники и торгаши, не разобравшись, какую веру исповедует русский художник, стали травить его в местной японской печати «Харбинское время», обвинять в безбожии и потакании большевикам. Они считали, что Николай Рерих не принадлежит к православью, не крещенный и не исповедует Христову веру. Вот потому такие обвинения всколыхнули весь русский Харбин. Это была сознательная, продуманная клевета, пущенная бывшими врагами советской власти против патриота своей страны Николая Рериха. Своим творчеством, поведением, активной общественной позицией он оказывал благотворное влияние на Русское Зарубежье. Таких, как он, накануне второй мировой войны называли «Оборонцами». Большинство русских эмигрантов Харбина исповедовали монархический или буржуазно-демократический строй России, и «оборонец» Рерих был им не по пути. <…>

Конфликт с «недовольными эмигрантами» происходил на фоне теплых отношений с православными иерархами — митрополитом Антонием, харбинскими архиепископами — Мелетием, Нестором и Димитрием, с которыми у Николая Константиновича были долгие дружеские отношения.

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РЕРИХ

Удача

Говорят, в Китае бывал урожай пшеницы — сам четыреста. Каждый колос уберегался. Каждая грядочка окучивалась. Каждое зернышко собиралось. Добрая земля! Но где-то бывало и так, что вместо ожидаемых сам двадцати выходило — сам пять. Земля ли?

Нередко бывает, что какое-то начинание, казалось бы, со всех сторон обдуманное, все же почему-то не вполне удается. Можно предусмотреть разные окружающие условия. Можно приберечь, казалось бы, лучшие средства, можно избрать подходящее время. Словом, все внешние условия как бы будут налицо, и все-таки результат почему-то выйдет не тот, который ожидался. Что-то помешало лучшему выражению. Обычно в таких случаях обращаются взглядом далеко кругом. Предполагают чуть ли не космические причины. Подозревают козни незримых сил темных и стараются найти самооправдание в неудаче. Но сказано: ищите ближе.

Действительно могли быть предусмотрены многие внешние условия. Были использованы лучшие возможности. Были потрачены большие запасы энергии. Но причина, отодвинувшая удачу, не лежала во внешних условиях. Не посторонние злодеи воспрепятствовали. Маленький незримый собственный злодей приложил свое старание, и долгожданная, глубоко промысленная удача дала, может быть, лишь сотую часть следствия. Как же имя этого тайного злоумышленника, уместившегося тут же, около сердца человеческого? Смятение, раздражение, подозрение, сомнение, саможаление, самомнение... Мало ли как называет себя темный злодей, протягивающий свою руку во вред. Главное его имя, вероятно, будет «предательство».

Ведь люди самыми разнообразными раздражениями и подозрениями уже предательствуют. Большею частью им даже и в голову не приходит такое название их мыслей и поступков. Но смотря вглубь, вы видите только предавание самого лучшего. Не то, чтобы человек плохо помыслил о самом протекающем деле. Мо-

* Рерих Н. К. «Светочи». // Н. Рерих. «Листы дневника». Т. 1. М. МЦР. 1999.
** Там же.

жет быть, к этому делу он остался вполне расположен. Может быть, именно от него он ждал самой большой своей пользы. Ведь темное начало не действует прямо.

Самые лучшие стремления можно подрезать мимолетными темными стрелами. Очень часто человек даже не осознает этих посылок. Они промчатся в пространстве будто бы незамеченные. Сколько раз сам пославший будет отрицать наличность несправедливого суждения. Из этих маленьких обиходных несправедливостей, из крошечных раздражений и подозрений образуются трудно залечимые раны. Ох уж эти черные стрелы! Сколько о них сказано и написано. Зачем повторять! Но если вы опять видите их, то можно ли молчать, можно ли не напомнить? Если кому-то это напоминание излишне, то другому оно будет неотложно полезно. А многим ли оно излишне?

«От свечи — дом сгорает». От тех же малейших причин иногда губительно откладывается, а то и вовсе теряется уже сложенное. Человек знает, что его позовут. Смотрите, он уже сшил и одежду для продвижения. Он говорит об этом в восторге и в восхищении. Но приходит жданная минута, и целое множество маленьких соображений помешает. Что-то не выйдет, что-то опоздает, кто-то нс дойдет, кто-то шепнет нечто страшное. Даже не предусмотреть всех этих маленьких домашних мохнатых, которые, как перекати-поле, выскакивают из темных углов. Как и что происходит — не будем судить, но срок-то утеривается. А за этим сроком, может быть, искривляются и многие другие сроки. Удар в одном месте отзвучит где-то совсем неожиданно. Кому и где нанесется вред? Все эти, казалось бы, давно известные слова оказываются неиспользованными на деле.

Как часто бывает, что очень хорошие, очень сердечные люди вдруг в отемнении посылают стрелку вредную. Так иногда на одежде своей гость, сам того не ведая, приносит или ядовитое насекомое, или какие-то зачатки болезни. Конечно, он не хотел этого, но все же принес, ибо где-то в нужную минуту не соблюл осмотрительность. Говорят: благодать — пугливая птица! Так же и удача — очень необъезженный конь. Стоит незаметно подложить под седло колючую ветку, и даже под опытной рукой конь может закинуться. Как же нужно во всем обиходе избегать все колючее и все, что может нарушить какие-то сроки.

В описаниях битв вам приходилось читать, как подчас все было установлено и исчислено, но кто-то не приходил в назначенное место и выпавшее звено нарушало весь строй. Итак, не только ждите удачу, но сберегите ее. Если же можно, чтобы удача превысила сужденное, то к такому подвигу приложите особые силы и особое умение. Это уже будет ваш подвиг.

Как неразрывно понятие подвига с понятием удачи. Ведь подвиг — во благо. Удачу можно мыслить тоже лишь во благо. Какая же такая удача во вред!? Это противоречило бы самому слову. Именно подвиг только добрый, и пусть будет удача только добрая. А уж сохраните ее, как самый цветок драгоценный.

ПРОРОЧЕСТВА РЕРИХОВ О РОССИИ*

«Россия — Моя Страна».

«…Будем помнить, что Новая Страна — назначение Плана» (Откровение, п.1484. 25.07.1931).

<…> «Расцвет России есть залог благоденствия и мира всего мира. Гибель России есть гибель всего мира. Кто-то уже начинает это осознавать. Хотя еще недавно все думали обратное, именно, что гибель России есть спасение мира, и прикладывали старания, чтобы разложить и расчленить ее по мере возможности. Велик был страх перед ростом России, и если страх этот по существу имел основание, то все же никто не относил его к правильной причине. Так страшились всяких захватов со стороны России, но никто не сумел предвидеть последствий того взрыва (многие усиленно помогали ему), который должен был нарушить мировое равновесие. Велики последствия взрыва в России! Очищенная и возрожденная на новых началах широкого народного сотрудничества и свободного культурного строительства, Россия станет оплотом истинного мира» (Е. И. Рерих. Письма, т.2, с.99—100. 17.12.1935).

«Теперь хочу процитировать несколько строк. “В безмерных страданиях и лишениях, среди голода, в крови и поте, Россия приняла на себя бремя искания истины за всех и для всех. Россия — в искании и борении, во взыскании Града Нездешнего… <…> …На арене мировой истории выступил новый, не игравший доселе руководящей роли культурно-географический мир. Напряженный взор прозирает в будущее. Не уходит ли к Востоку богиня Культуры, чей шатер столько веков был раскинут среди долин и холмов Европейского Запада?” …» (Написано в 21 году)» (Е. И. Рерих. Письма, т.1, с.96, 97. 17.06.1931).

«Россия проходит великое испытание, и урок свой она выучит раньше многих других» (Е. И. Рерих. Письма, т.3, с.115. 17.12.1935).

«Свет стоит над Родиной. Людские чаяния и ожидания расходятся с решениями космическими» (Письма Елены Рерих. 1932–1955. Новосибирск, 1993. с.508. 06.09.1948). «Тяжкие сроки, тяжкие времена! Но

* Эта информация подготовлена по материалам книги В. И. Полян «Планетарно-Космическая Миссия Семьи Рерихов». Материал к публикации подготовила Елена Ильина.

лучшая страна станет космическою основой равновесия в мире… Сотрудничество с Силами Света спасет многих» (там же, с.509. 17.11.1949). «Все идет на пользу великой страны» (там же, с.510. 05.04.1950).

«Наша страна будет охранена, будет победной страной: так заповедано в звездных рунах» (там же, с.510. 26.08.1950).

«Новая Страна держит равновесие Мира. Если бы она не выдержала — гибель планеты стала бы неминуемой. У многих открываются глаза, и начинают понимать, как близоруки были те, кто жаждали ее расчленения и разрушения. Даже вековые враги ее начинают бить тревогу. Но, несмотря на трагизм многого, страна растет. Вся она охвачена устремлением к созданию своего будущего. Тысячи и тысячи проснулись к культурной жизни. Конечно, все еще крайне элементарно, но молодежь начинает понимать в личном достижении служение родине и полна жаждой знания, а как Вы знаете, устремление к знанию есть самый мощный стимул. Потому и радостно на сердце» (Е. И. Рерих. Письма, т.4, с. 422. 10.12.1936).

Из книги «Откровение»:

«Явите широкое понимание пользы России» (п.108. 31.08.1921).

«Щит Мой над Россией и Я благословил Куликовскую битву» (п.158. 08.12.1921).

«Жезл Мой над Россией. Россия — страна будущего величия! Создатель украсит ее благами духовными» (п.312. 25.07.1922).

<…> «Почему была избрана Россия? Не потому ли, что самый характер народа, его самоотверженный патриотический дух оказался в соответствии с Планом Эволюции?» <…>

«Дух русского механика-самоучки потечет широко. Пределы, сковавшие запад, не знакомы русским. Истинно, им можно дать недра и воздух. Пусть Форды копят миллионы для русского кооператива. Только бы донести, сколько суждено» («Листы Сада Мории». Книга вторая. Озарение, п. 169).

«Русский мужик сегодня беден — завтра велик. Святая Русь еще ходит по дорогам. Этого наименования ни Америка, ни одна из европейских держав не может присвоить. Конечно, нет. Истинно святая, потому и трудимся на Россию. Нива русская послужит великим путям. <…> Новая Россия — звено Наше. Страна забитая, страна униженная, страна оскорбленная, хочу видеть тебя великой!» («Манускрипты-дневники Е.И.Рерих в печатном виде. Тетрадь 21. 27.07.1924 – 20.05.1925». 19.01.1925).

«Неудержимо кипит мир, и Россия займет место предназначенное. Пусть кто-то гордится золотом, но Россия живет мыслью. Не думайте, что не мыслит народ. Широко рождается мысль, и в этом подвиг… Новый мир Россия явит» (4 мая 1937).

«Сердце планеты бьется в Азии. Счастлива русская страна принадлежать к этой части света.

…Прекрасно будущее, и сказанное верно так же, как Говорю из-за самой высокой горы. На пользу Новой России идет работа на Востоке… Никогда не покинем русский народ. Новые прекрасные души сходят на Землю. Надо им открыть глаза… Радостно помочь им» (Запись в дневнике Е. Рерих. 18.09.1924).

«Рука Моя не устанет прикладывать новые возможности. Но будем помнить, что Новая Страна — назначение Плана… потому от сегодня прикладывайте все действия и помыслы к большему Плану. Пригодное для Плана пригодится и вам» (Откровения, п.1484. 25.07.1931). <…>

Н. К. РЕРИХ О РОССИИ И СИБИРИ

Приведем отрывок из письма Н. К. Рериха от 26 апреля 1935 г., адресованное писателю Всеволоду Иванову:

«Уж больно глубоко и правильно чуете Вы Россию. Мало где встречались мне определения, подобные Вашим. В яркой мозаике Вы сложили многообразный лик великой России. И сложили этот лик в дружелюбии ко всем частям его. Именно прошли по вехам добрым. Лишь добрые знаки отмечают путь верный.

Вы говорите: “Россия не только государство... Она — сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега…

Россия — это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев Запад и Восток…

Россия — не единая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония...

Россия грандиозна. Неповторяема.

Россия — полярна. Россия — мессия новых времен...”« (Н. К. Рерих. Зажигайте сердца).

Провидя великое будущее России, Н. К. Рерих чутко воспринимал высказывания зарубежных деятелей о значимости России для мировой Культуры.

«Вспоминаю, как писал нам внук Чарльза Диккенса: “Ваша страна всегда нам велика, ибо знаем ее предназначение, а теперь велика всему миру. Истинно, ваша страна спасла мир, но совершит она и еще величайшее. Будущее России может быть сравнено с вашей картиною, где великая светлая звезда блистает на заре. Россия поведет весь мир!” (Н. К. Рерих. Крылья Победы. В сб. “О Великой Отечественной Войне”, 1943).

“Красная звезда” приводит слова американского Х. С. Монитора, что грядущая эпоха будет Русским веком. И вот все, что предчувствовалось, все, что казалось,— все становится явью. Русский подвиг, Русский труд, Русская смекалка преобороли все трудности и победно преуспели.

Произошло явление, неслыханное в истории человечества. Друзья всемирно наросли. Враги ахнули и поникли. Злые критиканы прикусили свой ядовитый язык. Не только преуспела Русь на бранных полях славы, она успела в трудах и среди военных тягот, теперь же начала строиться и ковать прекрасное будущее…

К Русскому веку русский народ может показать много достижений. А все русские подвиги нынешних дней славно возвысятся на празднике Русского века. И ведь не сами выдумали такое будущее. Из-за океана увиделось предначертание судьбы русской. Русский век!» (Н. К. Рерих. Русский век. В сб. «О Великой Отечественной Войне», 1944).

Н. К. Рерих отмечал особую роль Сибири. <…> Николай Рерих утверждал, что «духовное возрождение нашей Родины придет из Сибири».

Завет

«…Вот что завещаю всем, всем. Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество. Чтобы полюбить Родину, надо познать ее. Пусть познавание чужих стран лишь приведет к Родине, ко всем ее несказуемым сокровищам. Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычные. Сокровища азийские доверены этим многим народам для дружного преуспеяния. Доверены пространства, полные всяких богатств. Даны дарования ко всем областям искусства и знания. Дана мысль об общем благе. Дано познание труда и бесстрашная устремленность к обновлению жизни. Народы поют и способны к украшению жизни. Где нарождается красота, там придет и расцвет всех трудовых достижений. В мирном труде познается и мир всего мира. В мире идет строительство и светлое будущее. А где постройка идет, там все идет. Полюбите Родину всеми силами — и она вас возлюбит. Мы любовью Родины богаты. Шире дорогу! Идет строитель! Идет народ русский!» (Н. К. Рерих. Завет. В сб. «Зажигайте Сердца», с.197. 24.10.1939).

МЫСЛИ ЕЛЕНЫ ИВАНОВНЫ РЕРИХ О РОССИИ*

<…> Письма и заметки Елены Ивановны Рерих, в которых она касается самых важных и больных проблем России, могут составить целую книгу. В конечном счете от России, прежде всего, зависел исход борьбы между Светом и тьмой, между старым и Новым, между свободой и рабством. Борьба эта шла по всем направлениям человеческого духа и деятельности.

Предупреждения, предостережения и советы шли в Россию интенсивным потоком, но не все из них доходили, а многие снова не были услышаны.

«Тяжкие сроки, тяжкие времена,— писала Елена Ивановна в 1949 году.— Но лучшая страна станет космическою основою равновесия в мире. Страна лучшая станет страною самой строительной и самой прекрасной. Наша страна узнает ярый расцвет после уявления космических знаков <…> Никто не коснется ее, она не будет затронута космическими знаками и пойдет путем особым, путем самостоятельным, путем сотрудничества с Силами Космическими, Силами Света» [Письма Е.И.Рерих. 1932–1955, 17 ноября 1949 г.].

Она ушла из жизни в 1955 году и до самого своего конца думала и писала о России. Сдвиг сознания в России, который произошел несмотря на все препятствия, а может быть благодаря именно им, давал ей основание надеяться на то, что страна выполнит свою миссию, которую возложила на нее эволюция.

За несколько месяцев до смерти она написала строчки, которые носят пророческий характер. «События сложатся неожиданно, не так, как мы ожидаем, но, как всегда, на пользу лучшей страны. Страшное время пронесется очищающим вихрем. Трудность в том, что многие еще не понимают причину и смысл совершаемого на всей планете. Новые сознания должны полюбить волну нового строительства. Новое строительство должно раскрепостить мышление, отсюда произойдут благие перемены. Накопившаяся злоба в мире разрешится потрясениями» [Письма Е.И.Рерих. 1932–1955, 18 февраля 1955 г.].

Каждый раз мы читаем письма Елены Ивановны Рерих с захватывающим интересом. Они несут нам богатство самых разнообразных знаний, поражают нас неожиданностью новых подходов автора к явлениям, которые нам давно кажутся привычными и обыденными.

Мы многому учимся у великой русской женщины, так щедро обогатившей мировую культуру и, в частности, мировую философию. Среди этого многого любовь к Родине, к своему многострадальному народу поистине составляет непреходящее богатство ее высокой Души. И приобщиться к этому духовному богатству, научиться любить свое Отечество, как любила она, и ценить свой народ, как ценила она,— великая удача, которую подарила нам судьба. И в теперешней ситуации, которую проходит Россия, возможно, такая любовь и такое радение о своем народе являются для нас самым главным.

* Из одноименной статьи Л. В. Шапошниковой.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУБЕТТО

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ*

Евразийский фокус русской философии

<…> Стоит вспомнить, что Алексей Степанович Хомяков, один из духовных лидеров славянофильства, был первым, кто обратил <внимание> на глубинную связь славянской и индийской культурной традиций, кто поразился удивительному сходству (вплоть до абсолютного совпадения) важнейших корней русского языка и санскрита**, а также близости не только мифологических сюжетов, но и общности ключевых ходов философской мысли, и даже близости архитектурных форм. Выдающийся русский философ и культуролог А. С. Хомяков подчеркивал, что именно славянство, и особенно русские, а вовсе не германцы, хранят вместе с индийцами наиболее стойкую историческую память о том древнем индо-славянском или индо-арийском единстве, который в начале XX века получил имя евразийства или евразийского синтеза. Он писал: «От Сыр-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цепь мелких, безымянных общин и больших семейных кругов служила живым проводником для движения промышленного и торгового, для силы мыслящей и просвещающей, быстро передавая из края в край мира все изменения языка и понятий, старых знаний и новых заблуждений. По степям ходили веселые караваны, по рекам и морям летали смелые корабли, и в одной, в многочисленнейшей из отраслей иранских, продолжалась древняя мысль молодого человечества, не смыкаясь в мертвый эгоизм народов и государств, не волнуясь бурным восторгом ненависти и войны, не унижая человека до раба, не искажая его до господина. От этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и, вероятно, оставившей по себе мифическое предание о золотом веке, сохранились нам два несокрушимых колосса — мысль индустанская и быт славянский, которые обличают братство свое полным тождеством форм словесных и логически стройным их развитием из общих корней».***

По-своему писал Ф. М. Достоевский, как и положено великому русскому философу, каким был этот русский писатель: «…Русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!.. Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами, и скажут про нас, что мы азиаты больше, чем европейцы… Это ошибочный стыд наш, это ошибочный взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых, Бог знает, сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты… Азия, азиатская наша Россия,— ведь это тоже наш большой корень, который, не то что освежать, а совсем воскрешать и пересоздать надо!.. Азия возвысит наш дух, она придает нам достоинства и самосознания,— а этого сплошь у нас теперь или нет, или очень мало»

Русская философия, глубинно и сущностно, в своей рефлексии, этот евразийский синтез несла изначально, задолго до возникновения евразийства, потому что русский народ — это не только славянский народ, один из ведущих представителей восточного славянства, но и евразийский народ, становление которого происходило вместе с становлением России, вместе с историческим синтезом (в самом русском историческом творчестве) Европы и Азии, Востока и Запада, давшего культуру, духовность, философию и человековедение нового качества, который мы и называем евразийским синтезом.

Эта евразийская синтетичность, которая исторически, по корням, присутствует уже в русском языке, на что обращали внимание А. С. Хомяков, Г. П. Мельников, Д. Ираклидис и др., и определяет особый архетип синтетичности русской философии.

Иногда делались сравнения русской философии с немецкой классической философией, с подчеркиванием, что русская философия не совсем философия, что в ней отсутствует культура строгой логики, строгих системных категориальных построений и т. п. Хотя и эта критика не совсем верна, потому что в русской философии, которая особенно в середине XIX века успешно освоила и гегелевское, и кантовское, и марксово наследия, присутствует и системность, и диалектика теоретического дискурса. Однако, действительно, если внимательно вникнуть в философские тексты П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, В. С. Соловьева, С. Л. Франка и т. д., то обнаружим особую структурность философского дискурса — дискурс на множестве концептов — концептуальных блоков. Сама логика выстраивается на диалектике «движения» мысли, которая «ворочает» концептуальными блоками, смысл которых тесно связан с целостностью системного построения философского текста. Именно в такой форме наиболее адекватно проявилась синтетическая парадигма русского философствования, присущее ему тяготение к организмоцентрической картине мира.

---

* Александр Иванович Субетто «Слово о русском народе и русском человеке».— СПб.: «Астерион», 2013.— 265 с. (Дано в сокращении).

** Хомяков А. С. Соч. в 2-х томах. Том 1.— М., 1994, с. 339—341.

*** Там же, с. 362, 363.

РУССКОЕ ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ

«Жлобство, жадность, погоня за деньгами и прибылью, алчность убивают в русском человеке русскость, и вместе с русскостью он теряет облик человеческий, превращается в “зверя”, а на самом деле превращается в “перекати-поле”, самоуничтожая вначале в себе собственную душу, а потом… — а потом абсолютная гибель»

Понятие «русское человековедение»

«Нет счастья в бездействии»
Ф. М. Достоевский

Понятие «русское человековедение» было введено автором «Слова» в научный и культурологический оборот в 1998 году, в предисловии к монографии Р. А. Зобова, В. Л. Обухова и Л. И. Сугаковой «Основы человековедения: человек как микрокосм». Встает вопрос: «А возможна ли такая постановка вопроса о человековедении?» Думаю, что да! Любая национальная культура имеет и человековедческое измерение, т. е. она предстает в своем «ядре», в том числе в системе ценностных оснований, ценностных приоритетов, как национальное человековедение. В этом контексте английская культура несет в себе смысл и английского человековедения, немецкая культура — немецкого человековедения, китайского культура — китайского человековедения, индийская культура — индийского человековедения и т. п., на основе которых и происходит познание человечеством самое себя, происходит становление человековедения вообще, как системы знаний о человеке, его прошлом, настоящем и будущем. Каждая национальная культура формирует свой идеал человека, исходя из своего исторического и культурного опыта, поскольку любая национальная культура — это не только самопознание человека вообще, но, что не менее важно, и самопознание самое себя народом, своего предназначения, своего исторического места в мире.

Таким образом, русское человековедение, как «ядро» русской культуры, существует и в определенном смысле является приложением русской философии к процессу самопознания русским человеком самого себя. И в этом смысле и это авторское «Слово о русском народе и русском человеке» может быть определено и как момент саморефлексии в пространстве русского человековедения. <…>

Вот пример постановки человековедческой проблемы в «Дневнике писателя» Федором Михайловичем Достоевским, с опорой на православно-христианский принцип триединства духа, души и тела в человеке. Поднимая вопрос об искажении ценности, меры человека в мире капитала и денег, он записывает в своем «Дневнике»: «Как хотите, будьте самым гуманным человеком, но все-таки считаете себя выше простолюдина. Кто меряет в наше время душу на душу христианской меркой? Меряют карманом, властью, силой — и простолюдин это отлично знает всей своей массой».[*]

Ф. М. Достоевский раскрывает пласты русского человековедения, русской философии человека в таких известных своих произведениях, как «Подросток», «Бесы», «Бедные люди», «Братья Карамазовы», «Игрок», «Идиот», «Преступление и наказание» и другие. Главная линия размышлений Ф. М. Достоевского о человеке — это осуждение зла в человеческом мире, раскрытие человеческого даже в падшем, по социальным причинам, человеке.

Преподобный Иустин (Попович), один из выделяющихся богословов Сербской Православной Церкви, живший в первой половине XX века, в 1931 году написал книгу «Достоевский о Европе и славянстве»[**], в которой показал, что человековедение Достоевского, которое является православным человековедением, несет в себе мысль о России, которая сумеет спасти современный мир от духовной катастрофы. «Красота спасет мир»,— говорит любимый герой Достоевского князь Мышкин, но именно та красота, которую несет в себе лик Христа, а Христос есть любовь, и любовь есть красота, и красота спасет мир от смерти.[***]

Достоевский предупреждает об опасности, которую несет в себе развитие в Западной Европе общества потребителей, предупреждает о крахе потребительского идеала Западной цивилизации, т. е. капитализма, в ближайшем историческом будущем.

Он так описывает финал потребительского «рая» человечества в мире капитала, когда человек, будучи отчужден не только от плодов своего труда, но и от природы, оказывается отчужденным и от самого себя, от своего человеческого предназначения: «…они вдруг почувствовали бы, так сказать, себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах; они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорее, чем теперь по железной дороге; извлекали бы из земли бас-

[*] Достоевский Ф. М. «Дневник писателя».— М.: «Современник», 1989, с. 213, 102.

[**] Преподобный Иустин (Попович). «Достоевский о Европе и славянстве» / Перев. Л. Н. Даниленко.— М.— СПб.: Сретенский монастырь, 2002.— 287 с.

[***] Там же, с. 168, 167, 103.

нословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человека… словом, ешь, пей и наслаждайся. “Вот,— закричали бы все филантропы,— теперь, когда человек обеспечен, вот теперь только он проявит себя! Нет уже больше материальных лишений, нет более «заедающей среды», бывшей причиной всех пороков, теперь человек станет прекрасным и праведным! Нет уже более беспрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь уже все займутся высшими, глубокими мыслями, всеобщими явлениями. Теперь, только теперь настала высшая жизнь!..” Но вряд ли и на одно поколение хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них все украл разом; что исчез человеческий лик и настал скотский образ раба, образ скотины, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество: люди покрывались бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за “камни, обращенные в хлебы”. Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль не трудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на дармовщину и что счастье не в счастье, а лишь в его достижении».*

Л. Н. Толстой создал своими романами целую антологию русского человековедения.** Он поднимает проблемы соотношения веры и разума, сущности человеческой души, соотношения души и вещественного мира, совести как голоса души, связи любви и души, проблему половой похоти, которая разрушает душу, проблему преступности земельной собственности, проблему насилия и другие проблемы. Выступая против земельной собственности, он подчеркивает: «Всякое богатство грешно и гадко. Но нет богатства более грешного и гадкого, чем богатство, основанное на земельной собственности. То, что называют правом земельной собственности, лишило половину людей земного шара их законного и естественного наследства».***

Размышляя о взаимосвязи души и тела, он записывает: «Не беда, когда тело пострадает от духовной работы, но плохо то, когда самое дорогое в человеке — душа — пострадает от страстей тела».****

И в подтверждение своего взгляда на этику души, он приводит афоризм Василия Великого: «Как дым изгоняет пчел из ульев, так обжорство и пьянство изгоняет все лучшие духовные силы».*****

По Л. Н. Толстому «Судьба человека такая или другая бывает только от того, как он в мыслях понимает жизнь».******

Великий писатель и мыслитель предупреждает: «Лучше, чтобы одежда была впору совести, чем, чтобы она была впору телу»; «Если бы люди не придумывали себе роскошных жилищ, одежд, пищи, все нуждающиеся теперь могли бы жить без нужды, а богатые — без страха за себя и свои богатства».*

Русское человековедение, конечно, несет на себе печать «ценностного генома» русского народа, печать «цивилизационного социализма», это есть человековедение, выстраиваемое на ценностном основании правды как единства истины, добра, красоты и справедливости и на ценностном основании совести. «Не в силе Бог, а в правде!» — говорил Александр Невский. Русское человековедение правдолюбивое, что означает, что оно смотрит на человека, на смысл его жизни через призму правды — правды человеческого бытия. И именно эта правда человеческого бытия подводит русского человека к Социалистическому Прорыву в начале XX века, к Великой Русской Социалистической Революции <…>

В рассказе «Ведьма» Дмитрия Михайловича Балашова, сам писатель, будучи погруженным, конечно — силой своего воображения, в фантасмагорическое пространство, ведет диалог с немцем-просветителем, жившем в XVII веке,— неким Рихардом фон Эккертом. Этот немец-просветитель, исходя из опыта прошедшего времени, более чем 200-летней истории, показывает Д. М. Балашову, как своему собеседнику, которого он называет «русичем», что Россия не раз спасала Германию и Европу, не думая о выгодах. Его мысль в конце беседы, при прощании, звучит как некий завет-обращение: «Будьте самими собой»; «Останьтесь людьми. Хоть бы там, на Востоке,— останьтесь людьми…»** За этим лежит признание, к которому не раз возвращается в своих работах современный философ, социолог, логик и писатель Александр Александрович Зиновьев, что расчеловечивание человека на Западе достигло своего предела, что дало ему основание назвать его, западного человека, «западоидом», чтобы подчеркнуть эту его монетарную, капиталогенную роботизированность. Чтобы человечество сохранилось для будущей истории, необходимо, чтобы сохранилась Россия, а чтобы сохранилась Россия — нужно, чтобы русские люди оставались самими собой, т.е. не занимались подражанием Западу, чтобы Россия развивалась по своим законам — законам евразийской, соборной цивилизации. Что значит, чтобы русские люди оставались самими собой? Это значит, чтобы в них сохранялись те свойства — всечеловечность, всемирная отзывчивость, доброта, любовь к людям и к природе, земле, о которых говорил Ф. М. Достоевский в своей речи о всемир-

---

* Достоевский Ф. М. «Дневник писателя».— М., 1989, с. 557.

** Толстой Л. Н. «Путь жизни».— М.: «Республика», 1993. — 431с.

*** Там же.

**** Там же, с. 91.

***** Там же.

****** Там же.

* Там же, с. 90, 104.

** Балашов Д. М. «Юрий».— М., 2003, с. 38.

ном значении гения Пушкина,— которые и делают русского человека Человеком с большой буквы и которые несут в себе, при их распространении на всех людей мира, спасение миру людей! Достоевский так и озвучил и оставил нам своей императив: «Россия сама спасется и спасет весь мир».[*]

К этому можно добавить важную оценку известного советского и русского литературоведа, русского философа Вадима Валерьяновича Кожинова. Его мысль состоит в том, что гражданское западное общество — это общество эгоистов. А главной характеристикой русского человека является альтруизм. Он отмечает: «У нас же не было и нет институтов гражданского общества, негосударственных форм мобилизации людей для защиты тех или иных своих интересов. Оно не сформировалось в течение нашей истории и вряд ли образуется в ближайшем будущем. Можно за это осуждать Россию, можно ее за это даже презирать, можно сокрушаться, но нельзя от нее требовать невозможного. Нет у нас этого сообщества эгоистов, здесь люди руководствуются чаще общими интересами, чем своими личными. И почти любой человек стыдится открыто проявлять свои эгоистические интересы. Даже если они у него есть, он старается их как-то спрятать. Это известная наша черта, связанная, если угодно, с православной этикой, которая считает грехом накопление богатств. В то время как на западе господствует протестантская этика, которая считает: раз человек богат — значит, его Бог любит».[**]

Совесть — это внутреннее долженствование русского человека на основе правды бытия

Совесть — это долженствование на основе правды бытия русского человека, переведенное во внутренний мир человека, это стержень нравственности русского народа. Поступать по совести — это значит поступать нравственно — такова нравственная максима русского человека. <…>

По Ю. М. Лермонтову совесть «душу хранит от преступлений».[***] Совесть — это все та же онтологическая правда, только правда, ставшая правдой внутреннего мира человека.

Автор в интервью главному редактору журнала «Розмысл» К. Г. Калтакову 31 августа — 1 сентября 2000 года «Думы о России» так сформулировал некоторые положения русского человековедения:

• «Духовность человека в России отражает в себе Дух России. Нужно только его чувствовать. Он с нами общается на уровне “коллективных архетипов бессознательного”, глубинных “токов”, идущих от “предков” и от родной культуры, родимой земли. Нужно только уметь “слушать” эти “токи” и не быть “глухими”. “Совесть” — здесь верный помощник»;

• «Без нравственности нет человека. Нравственность всегда духовна. Настоящая нравственность (а не формальная, показушная) всегда “замешана на тесте” духовности. Человек вначале нравственен внутри себя, а затем уже для других. Истинная духовность не может не быть нравственной… Нравственность, как и вообще духовность, должны быть адекватны эпохе, в которой живет человек»;

• «Нравственное воспитание невозможно без трудового воспитания. Уважение к любому труду, труд как основа развития личности — важнейшие максимы любой системы нравственности. Известна христианская заповедь: “Кто не работает, тот не ест”. Несмотря на ее максимализм, идущий от “коммунизма бедных”, который закодирован в учении Христа, по большому счету она справедлива. Истинная нравственность всегда есть трудовая нравственность»;

• «Запад празднует победу “Строя Денег” по Жаку Аттали. Но празднует рано. Время “работает против Запада”. Природа, Биосфера не признает его ценностей. И в этом смысле, правда за Историей России. Прав А. С. Панарин: в нашем духовном наследии — цивилизационная альтернатива Западу. Остается только одно для всех: для рабочего, студента, школьника, преподавателя, инженера, ученого, писателя, композитора, священника, верующего и т. д.— вернуться к собственным корням бытия, услышать мерную поступь настоящей Истории, и тогда начнется восстановление экономики России, ее достойное вхождение в XXI век».[****]

Идеал качества человека в русской культуре. Русская педагогика

Каждая национальная культура формирует представление о национальном эталоне или национальном идеале качества человека. Русская культура, особенно русская литература, создала идеал качества русского

---

[*] Субетто А. И. «Эпоха Русского Возрождения (Титаны Русского Возрождения)» — I.— СПб.— Кострома, 2008, с. 449, 105.

[**] Кожинов В. «Лики и маски истории. Неюбилейная беседа об уходящем веке» // «Завтра».— 2000.— Июнь.— №27 (344), с. 5.

[***] Цит. по: Бондаренко В. «Лермонтов» // «Роман-газета».— 2013.— №12 — 96 с.; с. 25, 107.

[****] Субетто А. И. «Думы о России (Актуальное интервью)» // В кн.: Субетто А. И. «Капиталократия (философско-экономические очерки). Избранные статьи и интервью» — СПб.: ПАНИ, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2000.— 214 с.; с. 164 — 187; с. 178, 180, 181.

человека, или модель «идеального русского человека, аналогично тому, как английская культура создала модель «идеального англичанина», американская культура — «идеального американца», японская культура — «идеального японца» и т.д.

Известный современный русский ученый-педагог и психолог Владимир Дмитриевич Шадриков в книге «Происхождение человечности» (2001) подчеркнул, что к важным характеристикам — составляющим «качество русского человека» («идеального русского») относятся такие свойства русского человека, как державность, патриотизм, внутренняя свобода, доминирование «свободы-для», т. е. свободы для творчества и созидания, над «свободой-от», т. е. над свободой от социальных ограничений, нравственных нормативов и т. д., стремление к социальному равенству, соборность, коллективизм, доброта, сострадание и т. п. Он указал на необходимость привязать гуманитарную составляющую в содержании образования к национальной культуре.

«Сказанное выше требует существенных изменений в содержании образования и прежде всего гуманитарного. Оно должно быть ориентировано на национальную культуру, содержать национальные мифы и предания; всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа; дела и слова своих святых, героев, гениев и вождей; родной язык и литературу; обычаи и обряды, национальную архитектуру, дизайн утвари, изобразительное искусство, хореографию и музыку».*

Данное замечание В. Д. Шадрикова <…> в первую очередь может быть обращено к проблеме воспитания русского человека и русского народа, который является державным народом, народом, несущим главное созидательное начало по отношению к основам бытия российской цивилизации, составляющим по численности более 80% населения России.

К этому следует добавить, что русское человековедение переходит в русскую педагогику, основы которой были заложены М. В. Ломоносовым, Н. И. Пироговым, К. Д. Ушинским, и которая получила развитие в XX веке в деятельности и трудах таких великих русских и советских педагогов, как П. Ф. Каптерев, А. Т. Шацкий, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, П. П. Щетинин, Б. П. и Е. А. Никитины, И. Ф. Гончаров.

Возвращаясь к идеалу качества русского человека, подчеркну, что А. П. Карсавин, известный русский философ, указывал, что качество человека и личность — суть синонимы. «Качествование,— писал русский философ,— есть момент личности и сама личность, но в связи с иным. И понятно, что какой бы из моментов — личностей — всеединства мы не взяли, во всяком могут индивидуализироваться все эти качествования».**

Русский человек — соборная личность, т. е. такая личность, в которой доминирует соборное, коллективное, общинное начало и оно включает в себя ее индивидуальное начало, делает его, как замечает А. П. Карсавин, моментом всеединства. Это качество всеединства, которым пронизан русский мир, и придает русскому человеку такое свойство, как всечеловечность» (в определении Ф. М. Достоевского).

Во всечеловечности русского человека отражены:

- его любовь ко всем людям и народам на Земле;
- его доброе, терпимое отношение к другим верованиям и культурам.

Всечеловечность включает в себя примат духовности, духовного начала над материальным началом жизни. Всечеловечность — это духовность русского человека, обращенная к миру людей, духовность как человечность.

Владимир Соловьев замечает: «…Добродетель есть нормальное или должное отношение человека ко всему».***

Иван Александрович Ильин связал проблему качества русского человека с судьбой России и русской культуры. Он выделил первичные и вторичные «силы» в судьбе русского человека. К первичным «силам» он отнес «духовность», стремление к «Божьей правде» («правдолюбие»). На их основе формируются «вторичные силы» — «воля, мысль, форма и организация». Их объединяет «искание» и «нахождение» «новой справедливости и настоящего русского братства».****

По И. А. Ильину «русская наука» не должна «подражать западной учености ни в области исследований, ни в области мировосприятия», она должна включать в «свое исследовательство начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести».*****

Человечность русского человека включает в себя самоограничение и самоотверженность.

Особо выпукло самоограничение присутствует в православной системе нравственности, в Житиях Святых Русской Земли, которых в Руси — России — больше, чем где бы то ни было на Земле, что и делает Русь святой Русью.

---

* Шадриков В. Д. «Происхождение человечности».— М.: Логос, 2001.— 296 с.; с. 182.

** «Антология русского качества» / Под ред. В. В. Бойцова, Ю. В. Кранева — М.: РИА «Стандарты и качества», 2000.— 432 с.; с. 24. 109.

*** Там же, с. 33.

**** Там же, с. 29 (И. А. Ильин. «Русская идея III»).

***** Там же, с. 28, 110.

Самоограничение всегда присутствовало в философии крестьянской жизни. Самоотверженность, готовность пожертвовать свою жизнь за Родину, за землю родимую, «за други своя», является важнейшей чертой русского характера, которая постоянно присутствует в «природе» русского человека на протяжении всей длительности истории русского народа. Святослав Храбрый, Александр Невский, Дмитрий Донской, Дмитрий Пожарский, Козьма Минин, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Федор Ушаков, Нахимов, Корнилов, Скобелев, Буденный, Ворошилов, Василий Чапаев, Михаил Фрунзе, Георгий Жуков, и этот ряд только великих русских полководцев может быть продолжен, являлись для русского народа примерами великой самоотверженности и самопожертвования ради победы «Общего Дела» (в определении Н. Ф. Федорова), которым всегда являлась Отечественная война, защита Отечества, защита Руси-России.

Преемственность русского человековедения и советского человековедения. Советская эпоха в развитии русского народа как героическая эпоха

Русский характер лег в основу советского характера. Всечеловечность приобрела в советскую эпоху социалистическое, интернациональное содержание.

Русская педагогика стала основанием советской педагогики.

Великая Отечественная война 1941—1945гг.— это великая героическая эпоха, [эпоха] героизма всего советского народа и особенно русского народа, поэтому свой Тост Победы И. В. Сталин посвятил советскому народу и русскому народу как его руководящей силе. <…> Александр Зиновьев как-то сказал, что Великую Отечественную войну выиграл советский десятиклассник, а значит — и советский учитель.

Вся советская эпоха, вся советская цивилизация <…> предстала перед всемирной историей человечества как Эпоха величайшего героизма, не только героизма на фронтах войны, но и героизма трудового и героизма духовного, причем такого массового героизма, какового не знала история. <…>

На почве русского человековедения, русской культуры вырастали советское человековедение и советская культура, рождался феномен советского человека, который не имеет себе равных в истории человечества и который еще нуждается в адекватном культурологическом, человековедческом и философском осмыслении.

Феномен советского человека проявился во всем:

- проявился в успехах советской промышленности, сельского хозяйства;
- проявился в победе СССР, Советской Армии и Военно-Морского Флота, всего советского народа над фашистской Германией, всей системой фашизма в Европе;
- проявился в успехах послевоенной пятилетки, в быстром восстановлении народного хозяйства СССР;
- проявился в космическом и атомном прорывах в виде успехов советской космонавтики, атомной промышленности и атомной энергетики;
- проявился в достижениях советской науки и советской литературы, советской живописи и советского балета, советского театра и советского киноискусства, советского образования и просвещения;
- проявился в феномене советской песни, которая звала человека и на труд, и на воинский подвиг, и на защиту Отечества, и к любви к Родине, к прекрасному, к женщине и к родному полю,— в той советской песне, которая воспитывала гордость и достоинство советского человека.

Иосиф Виссарионович Сталин писал: «Только слепые не видят, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик».[*]

<…> Именно социалистический коллективный труд создал феномен социалистического соревнования, который противостоял конкуренции в мире господства капиталократии. И этот феномен — тоже часть феномена советского человека.

И. В. Сталин подчеркивал: «Принцип конкуренции — поражение и смерть одних, победа и господство других. Принцип социалистического соревнования: товарищеская помощь отставшим со стороны передовых с тем, чтобы добиться общего подъема! Конкуренция говорит: добивай отставших, чтобы утвердить свое господство. Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи — лучше,— догоняй лучших и добейся общего подъема».[**]

И главное — это воспитывающее воздействие социалистического соревнования на отношение советских людей к труду. <…>

Труд «работал» не на прибыль отдельного капиталиста — работодателя, а на приращение совокупного блага общества, на улучшение качества жизни, экономическое, научно-техническое и военное могущество всей страны. Социалистический труд выражал собой «МЫ-онтологию» человека, всечеловечность,

[*] Сталин И. В. Собран. Соч. В 13 т., т.12 — М.: Госполитиздат, 1951, с. 314.
[**] Там же, с. 110, 112.

он возвращал человечность человека, т. е. был формой преодоления капиталистического отчуждения человека. Из этой массы советских рабочих потом к вершинам космического труда поднялись Ю. Гагарин <…> и другие космонавты страны. <…>

Русское и советское человековедение, и как его часть — русская и советская педагогика, дилемму, сформулированную Н. И. Пироговым, «Быть или казаться» разрешали в пользу ответа «Быть». Н. И. Пирогов, знаменитый, с мировым именем, хирург, во второй половине XIX века стал не менее знаменитым русским ученым-педагогом. В статье «Вопросы жизни», опубликованной в 1856 году в «Морском сборнике», он сформулировал императив — чтобы «жить для себя» превратилось в «жить для общества».

«Быть, а не казаться», по Пирогову,— это значит быть социальным, общественным, не отмалчиваться, преодолевать лживость общественных отношений. «Дурное общество» порождает «дурное поколение»,— говорит великий русский хирург и педагог, значит, это общество нужно перевоспитать. Для него крушение Севастополя в Крымской войне 1854—1856 гг., участником которой он был, являлось одновременно и крушением официальной системы воспитания. Н. И. Пирогов писал: «Люблю Россию, люблю честь родины, а не чины. Это врожденное, его из сердца не вырвешь и не переделаешь, а когда видишь перед глазами, как мало делается для отчизны, так, собственно, из одной любви к ней и ее части поневоле хочешь уйти от зла, чтобы не быть, по крайней мере, бездейственным его свидетелем».*

«Быть» по Н. И. Пирогову — это путь постоянного подвига во имя России, путь духовного противостояния лжи и несправедливости, путь работы, ежегодного труда во имя Отчизны. <…>

Воспитание человека <…> как продолжение педагогической системы Н. И. Пирогова и стало ключевой идеей педагогической школы А. С. Макаренко в советскую эпоху, которой, скорее всего, так и не стало равных в XX веке. Что сделал Макаренко? Он создал школу трудового воспитания <…> и добился таких успехов в исправлении беспризорных, уличных детей и подростков, которых советская власть собирала на улицах и сажала за парту, которых не знала история педагогики всех стран и народов.

Что главное в педагогической школе А. С. Макаренко, так хорошо описанное в его «Педагогической поэме»? — труд и любовь. Причем любовь, сочетаемая с требовательностью. «Во все времена и у всех народов педагоги ненавидели любовь»,— с грустью констатировал великий учитель.** А коль любовь в единстве с общественно значимым трудом становится основой воспитания человека, о котором так заботился в свое время Н. И. Пирогов, то, значит, одним из критериев в успешности такого воспитания становится отношение воспитуемых подростков, молодежи к женщине. «Тот, кто способен относиться к женщине с упрощенным бесстыдным цинизмом, не заслуживает доверия как гражданин, его отношение к общему делу будет также цинично, ему нельзя верить до конца»***,— утверждал А. С. Макаренко. И это было правдой его системы трудового, коммунистического воспитания, но это было и правдой всей системы русского человековедения!

Частью русского человековедения является и постановка Константином Петровичем Победоносцевым, мыслителем противоречивым, но очень русским и космическим, дилеммы «дел и дней», которая фактически воспроизводит сформулированную намного позже дилемму Эрихом Фроммом «Быть или иметь». «Дела» по К. П. Победоносцеву одержимы этим мотивом «иметь», а в «днях» — отражено человеческое «быть», которое созвучно пироговскому «быть человеком». Одержимость мотивом «иметь» или «владеть» приводит к тому, что «материальная сила» опережает «нравственное преуспеяние». «По всему видно, что мы поместили капитал свой нерасчетливо. Нам предложены были дела и дни на выбор: мы выбрали дела», поэтому и возникает вопрос: «Где найдешь великий, ровный, симметричный ум, питаемый великим сердцем?»****

Русское человековедение выстраивается на базе трудовой и одновременно креативной онтологии человека, которая одновременно есть и «МЫ-онтология», на базе ценностного генома русского народа, который включает в себя правду, совесть, честь, долг, справедливость, любовь, «цивилизационный социализм». «Истинная мера времени — духовная, а не механическая мера»,— отмечает К. П. Победоносцев. Это к нам, русским людям XXI века, ко всем гражданам современной России, которым предстоит совершить космоноосферный прорыв, обращается Константин Петрович: «Но не таковы те сокровища, на которые истощилась для нас природа: веками образованная, тонкая, сложная анатомия человека, над которою потрудились все прежние слои мироздания, все племена, бывшие до нас; все формы и образы творения, которыми окружены мы; вся земля и исполнение ее: воздух — несущий дыхание и меру жизни; море, зовущее вдаль; бездна небесная со всеми ее мирами; и на все это отзывается мозг с нервным составом, и глаз, способный проникнуть в бездну, и бездну снова в себе отражать; — бездна бездну призывающая. Все это без меры дано всем и каждому, не то что бусовое ожерелье, что ковры и монеты наши».*****

На вопрос «Быть или иметь?» — русское человековедение отвечает «Быть».

---

* Продуминский В. «Пирогов». — М.: «Молодая гвардия», 1965, с. 236, 237, 115.

** Макаренко А. С. «Педагогическая поэма» // Сочинения, т.1.— М., 1957, с. 294.

*** Цит. по кн.: Сухомлинский В. А. «Избранные педагогические сочинения». В трех томах. Том второй.— М.: «Педагогика», 1980, с. 140.

**** К. П. Победоносцев: pro et contra.— СПб.: РХГИ, 1996, с. 265.

***** Там же, с. 267.

Закончу этот раздел о русском человековедении мыслью К. П. Победоносцева: «Жизнь длинна свыше меры. Минуты духовного разумения и провидения, минуты полного единства в личном отношении, одна улыбка, один взгляд,— вот чем мы проникаем в вечность и черпаем из нее полную меру. В такие минуты жизнь возносит до крайней точки и сосредоточивается; по словам Гомера, “Боги однажды только и в один только день дают смертным ту долю разума, какая кому назначена”».[*]

Русское человековедение проходит свое становление — историческое Русское человековедение — это Слово Русского Человека, обращенное ко всему человечеству. Оно взыскует в XXI веке к ноосферному экологическому духовному социализму. XXI век — это век Ноосферного — Русского одновременно — Прорыва!

Александр Сергеевич ГРИБОЕДОВ[**]

• Бывают странны сны, а наяву страннее (Павел Афанасьевич Фамусов, «Горе от ума»).

• Поверили глупцы, другим передают, / Старухи вмиг тревогу бьют — / И вот общественное мненье! (Александр Андреевич Чацкий, «Горе от ума»).

• Судьба, проказница — шалунья, / Определила так сама: / Всем глупым — счастье от безумья, / Всем умным — горе от ума («Горе от ума»).

• Как европейское поставить в параллель / С национальным? — странно что-то! («Горе от ума»).

• Как с ранних пор привыкли верить мы, / Что нам без немцев нет спасенья («Горе от ума»).

• А сверх того еще, вот веры я какой, / Что в добродетелях нам должно брать уроки / У них.— Мы сами же заводим их в пороки («Притворная неверность»).

• Нет народа, который бы так легко завоевывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские («Горе от ума. Пьесы. Стихотворения. Статьи»).

Александр Николаевич ОСТРОВСКИЙ[***]

• Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться.

• Странное существо — человек: в молодости даны ему страсти для того, собственно, чтоб наделать глупостей на всю жизнь; потом, в зрелых летах, дается ему ум, чтобы раскаиваться всю жизнь.

• Песня — душа народа. Загубишь песню — убьешь душу.

• У человека, которому делать нечего, всегда дел много.

Владимир Иванович ДАЛЬ[****]

• Воспитатель сам должен быть тем, чем он хочет сделать воспитанника.

• Все под одним Богом ходим, хоть и не в одного веруем.

• Как из копеек составляются рубли, так и из крупинок прочитанного составляется знание.

• Мало славы служить из одной корысти; нет, послужи ка ты под оговором, под клеветою верою и правдою, как служат на Руси, из одной ревности да из чести.

• Назначение человека именно то, чтоб делать добро.

• Не может русский человек быть счастлив в одиночку, ему нужно участие окружающих, а без этого он не будет счастлив.

• Только добрый и талантливый народ может сохранить величавое спокойствие духа и юмор в любых, и самых трудных, обстоятельствах.

• Ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит.

• Белый свет не маков цвет: три жучка да козявка не изведут его.

---

[*] Там же

[**] «Цитаты из книг Александра Сергеевича Грибоедова». https://www.livelib.ru/author/816/quotes-aleksandr-griboedov

[***] Александр Островский — «Цитаты и афоризмы». https://dastiham.ru/publ/citaty_russkikh_pisatelej/aleksandr_ostrovskij/173

[****] «Цитаты и афоризмы Владимира Даля» https://citaty.su/dal-citaty-i-aforizmy-vladimira-dalya и «Владимир Иванович Даль — цитаты». https://citaty.info/man/vladimir-ivanovich-dal?page=1

Федор Кузьмич СОЛОГУБ*

• Мы живем среди природы, которая вся насквозь проникнута стремлением к жизни. Тысячелетия тому назад волевая энергия природы была так велика, что возникли бесчисленные разновидности жизни на земле. Теперь энергия природы принимает иной характер: природа стремится не только к бытию,— она стремится к тому, чтобы осознать себя. Нас окружает страстное желание не только быть, но быть самым сознательным,— быть человеком, и более чем человеком («Рождественский мальчик», Приклонский).

• Преступники, извините, не всегда бывают достаточно изобретательны. Люди благонамеренные не напрасно жалуются на современную биллетристику, ибо она снабжает преступные элементы населения адскими замыслами и весьма, до тонкости, разработанными преступными планами. Сочинители люди остроумные: они изобретают, а преступникам остается только применять («Звериный быт», Кундик-Разноходский).

• Мы и в самом деле ведем очень искусственный образ жизни. Мы делаем все, чтобы спорить с природой и со здоровым смыслом. И потому мы стали слабыми и неискренними. Правды мы не говорим, и сами слушать ее не хотим. А если бы мы стали говорить правду,— вот странные бы произошли события («Звериный быт», Татьяна Павловна).

• Вся жизнь всего человечества строится так, как ее когда-то придумали строить те, кого уже нет. И что хорошо, и что худо,— и что прекрасно, и что безобразно,— все это придумали они. Они напряженными трудами мысли создали понятия, воздвигли мир идей, сотворили философию, религию, искусство, науку. С тех путей, которые они нам начертали, нам не сойти вовеки, как бы ни были произвольны и случайны эти унаследованные нами пути («Звериный быт», Алексей Григорьевич Курганов).

• Чем строже себя наблюдаю, / Тем лучше людей узнаю («Мелкий бес», от имени автора).

• Исполнение всех обрядов ведет к некоторому внутреннему удобству: сходил в праздник в церковь, помолился — и прав, нагрешил, покаялся — и опять прав. Хорошо и удобно, тем удобнее, что вне церкви обо всем церковном не надо было и думать, а руководиться следовало совсем иными житейскими правилами («Мелкий бес», Володин).

Викентий Викентьевич ВЕРЕСАЕВ**

• Только полно и широко живущий человек способен к действительной, не надсадной любви и самопожертвованию. Если же нет в душе широкой жизни, если человек, чтобы любить других, старается «забыть себя»,— то и сама любовь становится раздражающе-вялой, скучной и малоценной.

• Самое трудное в науке счастья — научиться ощущать настоящее как прошедшее.

• Принимая выгоды культуры, нельзя разрывать самой тесной связи с природой…

• Жизнь жива и прекрасна энергичною работою, жизнь не бремя, а крылья творчества и радость, а если кто превращает ее в бремя, то в этом он сам виноват.

• Если хочешь ценить человека, то заранее нужно скинуть со счета его самолюбие и тщеславие. Иначе может быть не останется для тебя ни героя, ни подвижника, ни мудреца.

• В жизнь нужно входить не веселым гулякою, как в приятную рощу, а с благоговейным трепетом, как в священный лес, полный тайны.

• И хотите узнать душу человека, глядите на его губы. Чудесные, светлые глаза и хищные губы. Девичьи невинные глаза и развратные губы. Товарищески радушные глаза и сановнически поджатые губы с брезгливо опущенными вниз углами. Берегитесь глаз! Из-за глаз так часто и обманываются в людях. Губы не обманут.

• Человек — не «образ Божий», а потомок дикого, хищного зверья. И дивиться нужно не тому, что в человечестве так много этого дикого и хищного, а тому, сколько в нем все-таки самопожертвования, героизма, человеколюбия.

• Для Толстого в недрах жизни нет никакого мрака, никаких чудищ и тарантулов. Есть только светлая тайна, которую человек радостно и восторженно старается разгадывать. Не прочь от жизни, а в жизнь — в самую глубь ее, в самые недра! Не с далекого неба спускается Бог на темную жизнь. Сама жизнь разверзается, и из ее светлых, таинственных глубин выходит Бог. И он неотрывен от жизни, потому что жизнь и Бог — это одно и то же. Бог есть жизнь, и жизнь есть Бог. Достоевский говорит: найди Бога, — и сама собою придет жизнь. Толстой говорит: найди жизнь,— и сам собою придет Бог. Достоевский говорит: отсутствие жизни — от безбожия; Толстой говорит: безбожие — от отсутствия жизни.

---

* «Цитаты из книг Федора Кузьмича Сологуба» https://www.livelib.ru/author/179938/quotes-fjodor-sologub/~6
и «Сологуб Федор Кузьмич. Афоризмы» http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_1906_aforizmy.shtml

** «Афоризмы и цитаты Вересаева В. В.» http://veresaev.lit-info.ru/veresaev/biografiya/aforizmy-i-citaty-veresaeva.htm

• Награды же никогда не ищи, ибо и без того уже велика тебе награда на сей земле: духовная радость твоя.

• Познав свет, вы уже не захотите жить во мраке.

Алексей Николаевич ТОЛСТОЙ*

• Бог человека создал, чтобы тот думал.

• Только дураки да и те, кто не знает, что такое борьба и победа, видят повсюду случай.

• Все можно вынести, даже немыслимое, если встречаешь ласковый взгляд… Пускай мимолетный,— навстречу ему поднимаются душевные силы, вера в себя. Вот и снова жив человек.

• Знание — орудие, а не цель.

• Смеху, как влюбленности, не научишь.

• Гениальному человеку больше, чем кому бы то ни было, нужна строжайшая дисциплина.

• Не смерть страшна,— сознание бесплодно прожитой жизни томит нас тоской.

• О храбрости больше всего говорят трусы, а про благородство — прохвосты.

• Время считать — себя обманывать.

• Истинный мир — невидим, неосязаем, неслышим, не имеет вкуса и запаха. Истинный мир есть движение разума.

• Не смерть страшна, но одиночество, безнадежное одиночество в вечной тьме — это действительно страшно.

• В искусстве всегда и во все времена два побуждающих начала — познание и утверждение: познание психической природы человека и утверждение этой природы в действительности. Человек еще слишком недавно поднялся с четверенек на задние конечности, слишком еще тяготеют над ним миллионы веков непросветленного зверства. Страшная вещь — человеческая масса, не руководимая большой идеей. Людей нельзя оставлять без вожаков. Их тянет стать на четвереньки.

• Очень трудно сказать настоящую правду; крутишься около нее, вот-вот скажешь,— смотришь, а уж правды не видно — удрал от нее по кривой дороге.

• Искусство выполняет работу памяти: оно выбирает из потока времени наиболее яркое, волнующее, значительное и запечатлевает это в кристаллах книг.

• Патриотизм — это не значит только одна любовь к своей родине. Это гораздо больше… Это — сознание своей неотъемлемости от родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней.

• Там, где труд превращается в творчество, естественно, даже физиологически исчезает страх смерти.

• Не ошибается тот, кто ничего не делает, хотя это и есть его основная ошибка.

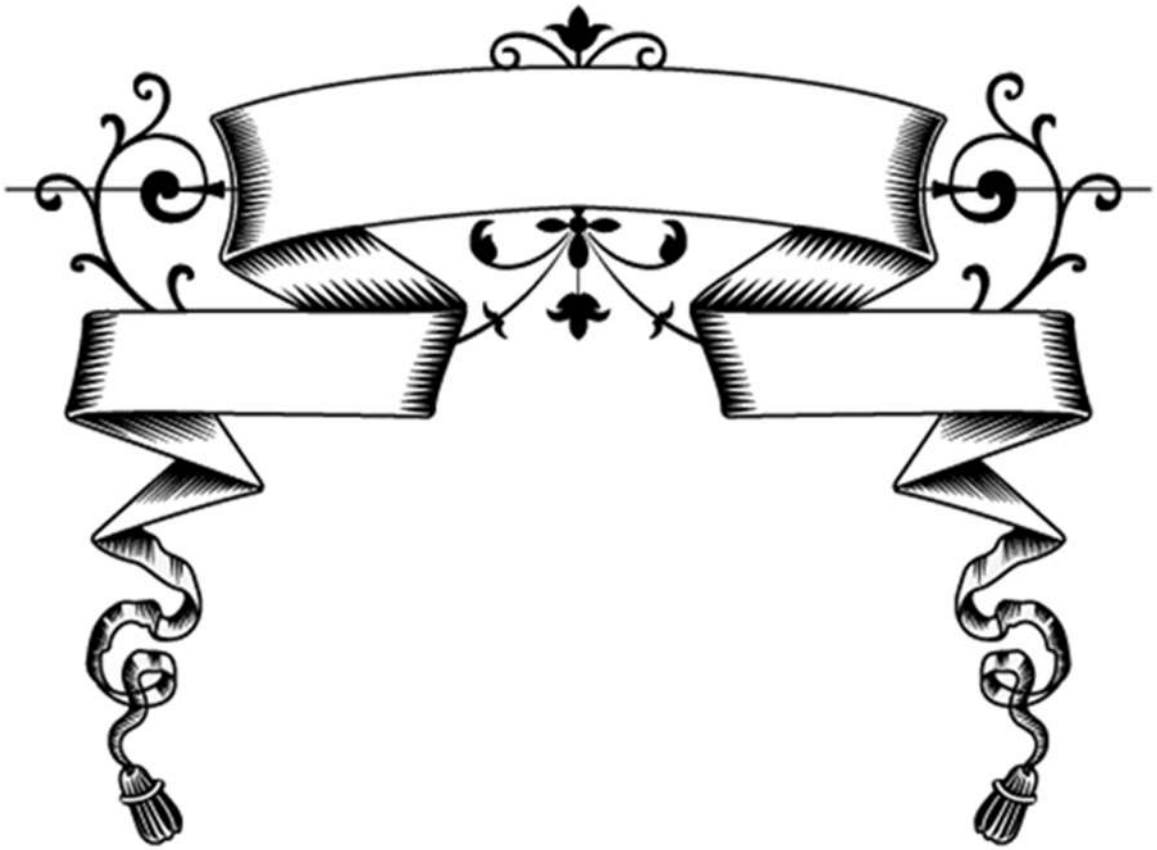
• В человеке заложены безграничные источники творчества, иначе бы он не стал человеком. Нужно их освободить и вскрыть. И сделать это, не заламывая рук с мольбою к справедливости, а ставя человека в подходящие общественные и материальные условия.

• Язык — живая плоть, которая создавалась миллионами поколений.

* «Цитаты и афоризмы Алексея Толстого». https://citaty.su/citaty-i-aforizmy-alekseya-tolstogo

ПРОЗА

ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ГЕННАДИЙ МАРКИН
СЕРГЕЙ О. КРЕСТЬЯНКИН
ЯКОВ ШАФРАН
ВАЛЕНТИНА МАЦНЕВА
ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ
ИРИНА МЕЛЬНИКОВА
ГАЛИНА МАМЫКО
ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ
НИКОЛАЙ МАКАРОВ
ВАЛЕНТИНА БЫКОВА
ИГОРЬ ЕГОРОВ
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ЕВГЕНИЙ ТАТАРНИКОВ
ЮРИЙ СЫЧЕВСКИЙ
НАТАЛЬЯ ШЕСТАКОВА
АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО
ЛЯМАН БАГИРОВА
ВИКТОР АФОНИЧЕВ
ИГОРЬ КАРЛОВ
ГАЛИНА РАЗБАЕВА
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
ДИНА ЮДИНА
АНДРЕЙ ВОЛКОВ
ЕВГЕНИЙ АСТАШКИН
МАГДАЛИНА ГРОСС
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ
ОЛЕГ СЕВРЮКОВ
ЛЕОНИД ЗОЛОТУХИН

Людмила АЛТУНИНА

г. Тула

Людмила Дмитриевна Алтунина (урожд. Егуекова), журналист, прозаик, поэт, член СЖР и АРЛ, родилась и выросла в Горном Алтае. Окончила факультет журналистики Казанского госуниверситета и высшие редакторские курсы ВИЖ (Москва). Около сорока лет посвятила журналистике. Работала на радио и в печатных СМИ. Много лет была редактором вузовской многотиражной газеты ТулГУ и руководителем отделения журналистики студклуба этого вуза. Печатается в региональных, российских и зарубежных журналах и альманахах. Автор и соавтор более десятка книг. В 2019 г. вышла ее книга прозы «Чайка с того света…» и в 2021 г. — «Солдат войны полковник Кутепов» (книги авторского литпроекта «Лики России»). Неоднократный победитель литконкурсов разных уровней, включая всероссийский. Награждена многими почетными грамотами регионального и федерального уровней, нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Ее имя внесено в энциклопедию ТулГУ, в «Тульский биографический словарь. Новая реальность», в биографический словарь «Писатели земли тульской», в энциклопедию тульской журналистики. Ветеран труда. Член редсовета и зав. отделом альманаха «Ковчег» (Тула). Член тульских православных литобъединений. Наш постоянный автор.

И КОРОВЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Я писала уже о том, что в нашей семье мама уважительно и любовно называла «Матушками» и «Барынями»: печь, корову и баню. Печь в своем частном сельском доме вообще почиталась и считалась за главную: от нее и тепло, и добро, и здоровье. Она и кормит, и греет, и исцеляет. У нас была, помимо камелька, громадная русская печь, о которой мои подружки детства говорили, что она, как у Емели в сказке «По щучьему велению». В печи пекли пироги, шаньги, сушили грибы, ягоды и семечки; томили щи и молоко: стоят весь день у теплой загнетки и весь день теплые и вкус имеют особый, не то, что по-быстрому сварено на газовой или электрической плите. А когда кто простынет и заболеет, или ребенок «засопит», как говорила мама,— нос у него заложит, горло заболит,— его напоят горячим молоком с пищевой содой, сливочным маслом и медом или травяным чаем с малиной и уложат спать на печку. На теплых кирпичах прогреешься до седьмого пота и утром встаешь, как огурчик: бодрый, здоровый; от болезни и следа не осталось.

Про «Матушек» и «Барынь» — корову и баню, как и про печку, тоже есть у меня рассказы, повторяться не буду, но вот вспомнились мне коровьи слезы. Да, да коровы, лошади и собаки плачут, как и люди, и я не раз видела их слезы. Потом, гораздо позже, когда я уже, окончив университет, выучившись на журналиста, работала в тульской областной молодежке корреспондентом и ездила, по редакционному заданию, писать про передовую комсомолку, работавшую в забойном цехе мясокомбината, в Арсеньево,— есть такой райцентр в Тульской области,— она тоже рассказывала мне о том, что и коровы, и лошади перед их забоем стоят понурые и плачут, а вот свиньи — нет. Сколько же там, в убойном цехе, за долгие годы существования этого мясокомбината, выпускавшего, кстати, первоклассную колбасную продукцию, пролито их слез! Море!

А впервые я увидела, как плачет наша корова Римка, еще в детстве, когда мне было лет шесть — семь. Немного подробнее расскажу сначала о Римке. Она прожила у нас более четырнадцати лет — срок для коровы немалый. Обычно хозяева так долго их не держат, так как коровы в старости дают уже меньше молока. У них трескаются копыта — им трудно ходить; нередко обламываются и рога — комолыми становятся; портятся и выпадают зубы, поэтому им труднее жевать свою питательную травяную жвачку — худеют. Римка наша, комолая,— вечно лазила по кустам,— обломала их; короткохвостая: еще небольшой телочкой отморозила его на лютом сибирском морозе, и половина его отвалилась. Это, когда родители уехали к родственникам на пару дней, а соседка тетя Маруся Кудашкина, хорошая, добрая женщина, всегда остававшаяся домовничать у нас, вовремя не загнала ее в теплую сарайку после того, как выпускала попоить у колонки и на то время, пока убирала навоз в сарайке. Римка была в больших красно-белых пятнах, с белой «звездочкой» на лбу; не крупная, аккуратненькая — карапузенькая и очень походячая: не встреть ее вовремя с пастбища, не прими от пастуха, тут же утянется в кукурузные или пшеничные поля и попадет в потраву. Объездчик загонит вместе с такими же другими блудницами, коровами, телятами и овцами в загон, и не выпустит, пока не заплатишь штраф — три рубля — за потраву совхозного посева. А пойди найди ее сразу в бескрайних кукурузных высоченных — выше человеческого роста — полях или в полях пшеницы, овса, гороха, сахарной свеклы или среди плантаций хмеля. Все коровы, как коровы: протяжно мыча, извещая, что они возвращаются, шли к своим домам, а наша Римка и еще пара-тройка таких же походячих, «колобихиных коров», как называли таких блудниц в народе, убегали на сторону. И никакое пойло, никакая «болтушка» с отрубями или краюшка хлеба, ждавшие Римку дома, не могли приучить ее направляться к хозяевам, а не в посевы. Такая уж была ее, своенравная коровья, натура.

Рано утром на пастбище, подоив ее, провожала мама. Встречать корову с пастбища была наша с братом обязанность, и нам здорово влетало от родителей, особенно от отца, если, по нашей вине,— заигрались и

вовремя, в семь часов вечера, не встретили ее с пастбища,— и Римка забрела в совхозные посевы и попала в потраву, к тому же и недоенная вовремя, отчего у коров убывало, присыхая, как говорили взрослые, молоко. Но, несмотря на все Римкины недостатки, родители не меняли ее на новых подрастающих телочек — ее же дочерей, потому что она давала много молока, причем вкусного, без всяких привкусов и запахов, повышенной жирности, что отмечали и те, кто покупал у нас молоко (по десять — пятнадцать копеек за литр), и приемщицы молока на пункте его сдачи. Часть молока обязаны были сдавать государству в те, шестидесятые годы прошлого века, все, имеющие коров.

Каждый год в марте-апреле, реже в мае, наша Римка приносила нам теленочка — бычка или телочку. Бычка держали с весны до глубокой осени, а по холодам забивали на мясо или сдавали на мясокомбинат; телочек держали подольше, почти до следующего Римкиного отела и продавали. Все знали, что от нее — хорошие молочные коровы вырастут, и охотно покупали у нас телочек-нетелей.

И вот случилось однажды несчастье. Небольшая еще телочка по имени Зорька (родилась на заре — оттого и «Зорька») заболела, была такая какая-то коровья болезнь. В народе говорили, и наши родители — тоже, «мышки давят»: будто бы такое случается, когда корова или теленок случайно съедают вместе с травой мышиное гнездо. Животное сильно раздувается, прямо как шар, падает на землю, выпучив глаза, и может погибнуть, если его не спасти. Такая вот беда приключилась и с нашей хорошенькой Зорькой, которую мы все любили, Родители суетились возле нее, раздутой и брыкающейся на земле; резали ей уши и пускали кровь: от этого ей, вроде, по народным поверьям, должно было стать лучше. Отец побежал за ветеринаром домой к нему, поскольку был уже вечер и рабочий день закончился.

Мы с братом стояли в сторонке и беспомощно смотрели со слезами на глазах на любимицу — Зорьку, валяющуюся, брыкающуюся и погибающую в пригоне. Подходили соседи, давали какие-то советы; пытались что-то сделать: вливали ей, разжимая ее крепко стиснутые зубы, большим, толстым ножом, какой-то отвар; мяли ей бока, но ничего не помогало. Здесь же жалась в углу широкого пригона Римка, как-то не по-коровьи страшно мычала, глядя на свою погибающую дочь и… плакала. Крупные слезинки одна за другой катились из ее огромных черных грустных глаз, оставляя влажные дорожки на шерсти морды и капали на землю. Такое мы с братом видели впервые: корова плачет?! И были поражены. Нам было нестерпимо жалко и Зорьку, и Римку, и мы тоже заплакали, не скрывая своих слез, но, к счастью, Зорьку спасли: пришел ветеринар и помог.

… Такими же большими, крупными слезами плакала Римка, спустя много лет после того случая, когда папа повел ее сдавать на мясокомбинат. Он нам и рассказал об этом. Мы с Володей уже этого не видели: окончили школу, уехали учиться далеко от родного дома, в большие города, а родители все продолжали держать Римку, хотя она давала уже мало молока, плохо видела и сильно хромала: от старости у нее повредились копыта, а на сгибах ног были большие шишки, как наросты, видимо, потому она и передвигалась медленно, как бы нехотя.

— Ну зачем вы держите корову?! Силы ваши уже не те: трудно сено косить, привозить его с дальних горных ложбин; да и за коровой ухаживать — тоже большая нагрузка, лучше побольше отдыхайте да думайте о себе. Вы ж молоко и молочные продукты почти не едите. Продайте ее или забейте на мясо, как другие делают. Неужели ж не купите литр, другой молока, или мы не купим его вам и себе, приезжая в гости? — говорили мы родителям.

— Она мне детей вырастила, не можем с ней расстаться, тем более заколоть ее,— отвечал папа.

И все-таки настал день, когда, в силу преклонного возраста, отцу уже стало тяжело косить траву далеко в горах, заготавливать сено, и он вынужден был расстаться с нашей Римкой. Забить ее, конечно же, он не смог бы, хотя вовсе не был сентиментальным каким-то хлюпиком, наоборот, был довольно жестким и строгим; почти всю свою жизнь провел в тайге и горах и нередко в одиночку, вдали от людского жилища, на горных белках; только верные собаки — дворняга Дозор и лайка Кукла — рядом. Был заядлым, умелым и признанным охотником и рыбаком, и немало нашего домашнего крупнорогатого скота за долгую свою жизнь пришлось ему порешить, но вот Римку не смог.

Рассказывал, что с тяжелым сердцем помыл и почистил он ее, подоил в последний раз; напоил, но кормить не стал: перед заколом не кормят; кинул ей на рога веревку и повел на сдаточный пункт, в заготконтору.

— Шел словно на похоронах: ноги не двигаются, сердце кровью обливается, а делать нечего — приходится расставаться с Римкой. Идем-бредем потихонечку вдоль Чуйского тракта — двое стариков, человек и корова,— рассказывал папа.— Римка понуро бредет сзади, еле перешагивает, хромая и низко опустив голову: они же все чувствуют.

Дошли до заготконторы, встали в очередь; отвел корову поодаль, привязал ее к тополю и пошел узнать: что да как оформлять надо? Потом подошел к Римке: погладить, приласкать ее перед тем, как заведу ее в стойло. Смотрю, а у нее из глаз слезы, как градинки, катятся. Подняла она голову, посмотрела на меня своими черными, тоскливыми, умными глазищами и грустно так, тихо и протяжно: «Му-у-у, му-у-у, му-у-у-у», мол, что же ты такое делаешь со мной хозяин?!» Сжалось мое сердце, не выдержал, обнял ее за шею, уткнулся лбом в теплую ее шкуру и заплакал вместе с ней. Потом разозлился на себя, отвязал Римку, и пошли мы с ней назад, домой…

22. 10. 2021 Москва

ПРО УЖА, ВЫБРАВШЕГО ВЕРОНИКУ

БЫЛЬ

Одна, самая обычная, уже немолодая, женщина жила в небольшом городке Ярцево, недалеко от Смоленска. У нее был свой кирпичный уютный дом и красивая деревянная баня со стеклянной верандой, и сад, и огород, и большой зеленый газон с ровно подстриженной густой травой. И даже небольшой пруд здесь был, вырытый хозяйкой, с лягушками, громко квакающими по вечерам, особенно весной и летом, перед дождем; с ярко-зеленой мелкой ряской и желтыми водяными лилиями и ирисами. В общем, большой ухоженный двор с разными постройками хозяйственного назначения, именуемые хозблоком. С весны и до поздней осени вся ее усадьба утопала в цветах, самых разных: нарциссы, тюльпаны всех цветов и оттенков, ирисы, гладиолусы, флоксы, высокие сортовые лилии, от белоснежных до ярко-желтых; пышные розовые шапки осенних сентябрин, зацветающих в сентябре,— оттого и называются «сентябрины»,— и великое разнообразие хризантем, обычных и махровых: от белых до фиолетовых и даже черных. Мимо никто не мог пройти равнодушно: все останавливались и любовались этим прекрасным благоухающим разнообразным и ярким цветением за кованным забором и хвалили домовитую хозяйку Галю.

И даже уж, большой — с метр или даже больше в длину,— довольно упитанный, с желтым ободком, охватывающем нижнюю часть головы на длинной гибкой шее, облюбовал этот цветущий двор и поселился на его территории. Почувствовав себя здесь полноправным хозяином, он рано по утрам совершал обход этого чудесного владения, вернее сказать, выползал из своего гнезда, из-под бани, на бетонную дорожку, опоясывающую дом и веером разбегающуюся к разным хозпостройкам, и по ее ровной поверхности ополз все вокруг и совсем не боялся хозяйки. Когда она появлялась на его пути, он не уползал с дорожки, не прятался в траве, а, наоборот, приостанавливался и высоко поднимал маленькую, изящную, темную, отливающую лаковым блеском головку с круглыми черными глазками, похожими на рыбьи и отливающими в лучах яркого солнца изумрудом, отражая буйную яркую зелень вокруг; с широким желтым ожерельем на шее и светло-салатовыми пятнами под ним и снизу, вокруг глаз, и внимательно смотрел на Галю; то совсем замирая, то слегка покачивая своей головкой, высунув узкий, темный, безобидный язычок, как бы приветствуя ее. А она из-за уважения к ужу, столь преданно жившего возле нее не один год и уничтожавшему мышей и лягушек, никогда не переходила дорогу, а приветливо говорила:

— Доброе утро, хозяин мой, Ужик, осматриваешь владения? Ну проползай, проползай, не замирай; видишь, я тебе дорогу уступаю. Давай, помогай мне, следи за порядком. Вдвоем-то оно веселее.

И с улыбкой шла дальше по своим делам. У нее всякий раз от встречи с ужом даже настроение поднималось: «Надо же,— думала она,— из дикой природы, а прижился, как домашний, хоть никто его не приучал и не приручал». Ей было в радость, что Ужик живет у нее — все не одиноко: живое существо рядом. Раньше жил ежик, да уж какой сезон не видать его: куда девался — неизвестно, зато появился уж. Ужик полз дальше, тоже по своим делам. Он ополз все цветы и растения. Возле любимых своих цветов останавливался, вытягивался почти во всю свою немалую длину, высоко поднимая голову и заглядывал своими глазками, похожими на вставленные изумрудные стеклышки, в самую сердцевину цветка, словно нюхая его. Больше всего он любил куст желтых лилий с крупными соцветиями, обильно усевшимися на прочных веточках и испускавших такой сладкий, неземной аромат, особенно по вечерам, ночью и рано утром. Уж был просто влюблен в прекрасную, высокую, стройную, чудесно пахнувшую лилию, но не дотягиваясь до верхних ее больших колоколец-ваз, он с наслаждением подолгу нюхал нижние ее соцветия, осыпая себя желто-коричневой пыльцой с ее длинных крепких тычинок, обильно ею покрытых.

Любил уж плавать и в пруду, делая это очень грациозно и ловко. Если вдруг случались у хозяйки нечастые гости и выходили к пруду, он подплывал к самому бережку, поближе к ним; поднимал, замирая, высоко над водой свою изящную головку и подолгу пристально смотрел на них умными своими, пронзительными черными глазенками, словно изучая; потом неспешно и, казалось, даже горделиво проплывал перед ними несколько раз туда-сюда, всем своим видом будто показывая, что это — его владения, его пруд и он здесь — единоличный хозяин. Сделав пару кругов по водной глади пруда, оставляя за собой елочкой расходящуюся на воде полоску, по которой гости, удивленные неожиданным поведением пресмыкающегося обитателя водоема, следили за его передвижением, уплывал на противоположный его бережок и скрывался в пышно разросшихся водяных желтых ирисах — лилиях, как их обычно называли местные жители.

Исползав и осмотрев весь свой двор, уж наведывался и к соседу, жившему за забором. Сосед давно уже знал ужа и тоже называл его ласково, как и Галя,— «Ужик» — и тоже из уважения к необычному частому своему гостю уступал ему дорогу. После соседа Ужик выползал на городскую дорогу и по ее обочине быстро-быстро полз… к магазину. Многие горожане тоже знали его и, встречаясь с ним, приветливо улыбались, как старому знакомому, зная, куда он держит путь. А Ужик, извиваясь и подняв голову, взбирался по бетонным ступенькам и в приоткрытые двери вползал в магазин. Продавцы и стоявшие в очереди люди радостно, с улыбками приветствовали его:

— О, кто к нам пожаловал-то! А мы уж заждались. Милости просим!

Раздавался дружный безобидный смех. И все с интересом, дружелюбно устремляли взгляды на не-

обычного завсегдатая магазина, особенно же удивлялись и восторгались этой картиной те, кто видел ее впервые. А Ужик уверенно, как ни в чем не бывало, подползал к очереди и начинал постепенно двигаться вдоль нее, подняв голову и, казалось, тоже с интересом рассматривая каждого, поблескивая своими глазками-стеклышками. Он словно искал знакомых, приостанавливаясь возле кого-нибудь; безошибочно находил знакомых и всегда выбирал красивых девушек. И если в магазине была симпатичная кареглазая, с темно-русыми длинными волосами, раскиданными по плечам, девушка Вероника, то непременно останавливался возле нее. Уж весь вытягивался, высоко поднимаясь и стоя почти на хвосте, и устремлял немигающий, завораживающий взгляд на девушку, а потом начинал потихоньку раскачиваться из стороны в сторону, как бы танцуя, но все также пристально глядя на нее. В магазине наступала тишина: очередь и продавцы замирали, с любопытством наблюдая за происходящим. Вероника, приветливо и ласково кивнув Ужику головой, с улыбкой, тихим нежным голосом говорила:

— Ну, здравствуй, Ужик, дорогой! Ты опять приполз поздороваться и пообщаться с нами?! Мы все очень рады тебя видеть, и я — тоже. Как твои дела? Вижу, что у тебя все хорошо и очень этому рада…

Уж, казалось, слушает очень внимательно и все понимает. Он начинал еще сильнее раскачиваться, а потом припадал головой к ноге Вероники, все также пристально глядя ей в лицо. Девушка наклонялась и нежно гладила тонкими пальчиками Ужика по голове; проводила ими по его желтому колечку, по его гладкому, блестящему, чешуйчатому тельцу, ласково приговаривая:

— Хороший, хороший, славный такой, красивый и умный. Ты мне и всем нам очень нравишься. Хороший, хороший, милый такой и необычный. Ужик. Ужик. Ужик...

Ужик, казалось, преданно слушал и понимал ее. Все, присутствующие в магазине, умилялись, а пожилые порой — аж до слез. Помедлив еще с минуту в такой идиллии, Ужик опускался на пол во всю свою длину и быстро уползал, темным ручейком скатываясь со ступенек, чтобы назавтра снова подняться по ним в магазин и встретить своих давних знакомых и самую желанную из них — Веронику. Среди жителей городка, не раз наблюдавших эту необычную картину, даже суеверные слухи, похожие на волшебную сказку, поползли: мол, не вселился ли в этого необычного ужа дух прекрасного юноши, тайно влюбленного в Веронику?! Ужик — аватар, как сказала бы современная продвинутая молодежь, вобравший в себя суть человека. Однако больше все сходились во мнении, что змеи, вообще, по природе своей мудры и необычны в своих повадках; многое чувствуют и ужи — не исключение. Зря, дескать, люди, за редким исключением, не любят змей, боятся их и сторонятся; понятно, что немало среди них и ядовитых, но коль к ним с добром и любовью, то, может, и ядовитые стали бы ответно добры к людям, как вот этот безвредный славный уж, по природе своей совершенно безопасный.

Прим. авт.: Написано по рассказу Галины, жительницы г. Ярцево Смоленской области, с которой случайно свела меня судьба в октябре 2021 года, в Москве.

13. 10. 2021
Москва

Наталья ШЕСТАКОВА
г. Брянск

Член ЛитО при Брянском отделении СПР. Публикуется в ряде российских альманахов и сборников. Дипломант международных и российских литературных конкурсов. Автор двух книг стихов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СТРОГАЯ СВЕКРОВЬ

Уже несколько дней Мария Семеновна чувствовала какой-то внутренний дискомфорт. Он мешал ей быть внимательной на работе, а дома заниматься привычными хлопотами по хозяйству. Вот и вчера вечером после ужина она стала мыть посуду, из рук выскользнула ее любимая чайная чашка и разбилась. И тогда Мария Семеновна сказала себе: «Все! Хватит! Успокойся, Марья, и разберись, что тебя выбивает из колеи».

Мария Семеновна прошла в зал, опустилась на мягкий диван и откинулась на спинку. Она закрыла глаза, постаралась ни о чем не думать и расслабить спину, шею и плечи. Просидев неподвижно несколько минут и почувствовав небольшое физическое облегчение, она начала мысленно перебирать последние события своей жизни, чтобы понять, что могло вызвать это нынешнее ее состояние.

Проблемы на службе?

Отдел фирмы, в котором Мария Семеновна работала начальником, вот уже неделю готовил квартальный отчет. Руководителем Мария Семеновна была строгим, но справедливым, поэтому отдел работал четко и слаженно. И атмосфера в коллективе была здоровая. Правда, последнее время Катерина, одна из сотрудниц,

стала частенько опаздывать, но Мария Семеновна поговорила с ней наедине по душам, предложила помощь, и проблема постепенно решилась. Контролеры и проверки пока тоже не ожидались.

С работой разобрались.

Личная жизнь?

Мария Семеновна была уже не в том возрасте, чтобы портить нервы из-за романтических отношений с поклонниками. В молодости она пережила большое потрясение, узнав об измене мужа, и рассталась с ним, что называется, отрезав по живому. Вскоре родился Валерик, и она полностью посвятила себя его воспитанию. Сын уже вырос, женился, купил квартиру. Теперь он с семьей живет отдельно. А Мария Семеновна наконец-то вернулась к выстроенному годами размеренному образу жизни, который ее полностью устраивал.

Так что же мешает, что не дает покоя?

Сын?

Сына Мария Семеновна, как и многие недолго побывавшие замужем современные женщины, растила одна. Много слез пролила она после развода и рухнувших надежд на семейное счастье, но от отчаяния спас ее сын. Валерик стал единственной ее радостью, единственным светом в окошке. Его лепет, маленькие ручонки, доверчиво тянувшиеся к мамочке, теплый молочный запах, идущий от прижавшегося к ее груди тельца, придали Марии Семеновне новые силы. Любовь и жалость к малышу, брошенному отцом, стали той путеводной звездочкой, которая заставила ее собраться и повела дальше по жизни. И Мария Семеновна стала жить только для сына. Конечно, она понимала, что мальчику нужен отец, но боялась нового предательства и не была уверена, что слово «папа» сможет окончательно вытеснить такое хлесткое, как удар кнута, слово «отчим».

Отсутствие отца и отцовской любви к своему Валерику Мария Семеновна компенсировала материнской любовью. Однако, как женщина умная и здравомыслящая, она не впала в крайности воспитания, присущие чересчур эмоциональным и экзальтированным мамашам.

Ее усилия не пропали даром. Отношения с сыном сложились теплые и доверительные. Валерик вырос нормальным парнем, может быть чуть более мягким и уступчивым, чем его дворовые приятели. Он окончил школу с серебряной медалью, сам поступил в престижный вуз и теперь работал программистом в солидной фирме.

И вот настал день, когда сын привел к ним в дом свою девушку — Валечку, как он ее представил матери.

На первый взгляд, Валентина, как сразу стала называть ее Мария Семеновна, ничего особого собой не представляла. Обыкновенная внешность, простенько одетая. Смущается, неуверенно себя держит в незнакомой обстановке. «Выглядит скромницей,— неприязненно подумала Мария Семеновна.— А, как известно, в тихом омуте…» К тому же оказалось, что Валечка приехала из деревни, учится в техникуме и живет в общежитии.

Незаметно рассматривая девушку, она продолжала размышлять: «Знакомиться привел. Как бы сын не увяз в этой истории. Не пара она ему. А если… смогу я смириться и делить его с этой простушкой?» Вслед за этой мыслью тихой змейкой приползла вторая: «Валерик все время будет занят этой девицей, и на меня у него не останется ни времени, ни внимания».

Однако Мария Семеновна ничем не выдала своих сомнений. Вспомнив народную мудрость, что первое впечатление бывает обманчиво, она решила подождать с выводами.

Мария Семеновна все-таки стала свекровью.

После свадьбы Валя поселилась у них.

В течение жизни Мария Семеновна приучала себя к дисциплине и порядку, потому что знала, что если сама не сделает, не добьется, не доведет до ума, это так и останется несделанным. Вот и от других она требовала того же самого.

На работе в отделе у нее всегда был порядок, который поддерживался справедливым отношением к людям и разумным ведением дел, благодаря чему сама Мария Семеновна пользовалась искренним уважением коллег.

И дома у нее был порядок. Все вещи стояли на своих местах, повсюду царила идеальная чистота. Домашние дела, будь то стирка, уборка или свободное время заранее планировались и строго выполнялись. Сына она тоже приучила к порядку.

Умом Мария Семеновна понимала, ее отношение к сыну должно перейти и на Валентину, ведь фактически она стала ей второй матерью. Но переступить через первое впечатление от знакомства с девушкой както не получалось. К тому же оказалось, что невестка была не такой пунктуальной и аккуратной, как ей хотелось бы.

Она с трудом сдерживала раздражение, когда обнаруживала невесткины вещи, лежащие не на своем месте. Стараясь убрать из голоса металлические нотки, Мария Семеновна делала ей замечание:

— Валентина! Неужели трудно поставить на место хозяйственную сумку? Валентина! Забери, пожалуйста, свою кофту из зала. Положи ее на свое место. Опять ты не привела в порядок постель. Это надо делать сразу же, как только проснулись и умылись.

Раздражали и не очень умные, как ей казалось, рассказы Валентины о своей учебе, о жизни в деревне, ее ответы невпопад.

Ну и так далее.

А еще Марии Семеновне казалось, что сбылись ее предчувствия: невестка отнимает у нее любовь и все внимание сына. Ослепленная ревностью, она как-то не задумывалась, что помимо сыновней любви может существовать иная любовь, не мешающая первой.

Конечно же, Валечка очень старалась понравиться Марии Семеновне, бросалась убирать свои вещи по первому звуку ее голоса и пыталась как-то оправдываться, но со временем эти оправдания сошли на нет. Она меньше вступала в разговоры со свекровью, все больше молчала, чаще оставалась в их с мужем комнате, вечером реже выходила в общий зал, а во время завтрака или ужина старалась поскорее принять пищу и, сославшись на какое-либо дело, выйти из-за стола.

Особенно неловко Валя чувствовала себя, когда из деревни приезжала ее мать и привозила сумки деревенских гостинцев — грибочков, сала, банок с солеными огурцами и помидорами. Шумная, веселая, она все это выгружала на кухне, наполняя квартиру деревенским говорком. Верхнюю одежду она просто складывала на стул в коридоре. Когда ей предлагали повесить куртку на вешалку, она отмахивалась, говоря:

— А что с ней сделается? Чай не бальное платье.

Гостинцы раскладывались на места, для них не предназначенные. Валя видела, что Марии Семеновне очень не нравился этот непорядок в квартире, хотя свекровь и не подавала виду: как-никак родня.

Нет, Анна Васильевна не оставалась гостить на несколько дней. Побыв два — три часа и рассказав все деревенские новости, она непременно собиралась восвояси, что вызывало тайный вздох облегчения хозяйки квартиры.

Валя очень радовалась, когда Валерик наконец перевез их небольшое имущество в новую квартиру. Нечастые посещения свекрови она переносила здесь гораздо легче, потому что теперь сама была хозяйкой и это был ее дом. Но горькая пилюля недопонимания и незаслуженной обиды никак не рассасывалась. И Валя придумывала массу уважительных причин не пойти, когда Валерик собирался в гости к матери.

Подошло время появиться в их семье новому человечку. Сколько было радости у новоиспеченной бабушки! А тут еще молодые родители решили назвать своего первенца Валерием.

Мария Семеновна души не чаяла в своем внуке. Каждое утро, только проснувшись, она вспоминала маленького Валерика, его круглые глазки глубокого синего цвета, его маленькие ручки с крохотными ноготками, редкие светлые волосики на макушке.

«Какое счастье,— думала она,— этот маленький живой комочек. Как он похож на сына в его возрасте! В лепешку расшибусь, если что-то понадобится. Позвоню попозже Валентине — хочу подержать его на руках, понянчиться».

Улучив свободную минутку на работе, Мария Семеновна позвонила невестке.

— Здравствуй, Валентина. Как там наш малыш? Я подъеду вечерком, поиграю с нашим красавцем?

— Здравствуйте, Мария Семеновна,— сдержанно ответила Валя.— Простите. Но сегодня, наверное, не получится. Врач сказала, что перед сном нежелательно тормошить ребенка, иначе ему будет сложно успокоиться.

— Хорошо, Валентина. Тогда, может, завтра днем? Ведь завтра суббота…

— Боюсь, что и завтра не сто́ит. Весна холодная. Дождь льет не переставая. В городе вовсю гуляют вирусы. Вдруг принесете с улицы.

Мария Семеновна разочарованно повесила трубку. Она начала понимать, что Валентина каждый раз ищет предлог, чтобы отказать ей в общении с малышом.

Валентина! Вот в чем причина.

«Почему? Что я делаю не так? — с обидой думала Мария Семеновна. Она стала вспоминать, как Валентна впервые пришла к ним в дом, как она сжималась и замолкала, когда Мария Семеновна обращала ее внимание на неубранные вещи; как стеснялась щедро разложенных по всей кухне деревенских гостинцев своей веселой и шумной матери.— Ну и что же? Разве я когда-нибудь устраивала по этому поводу сцены? Разве я сказала Валентине хоть одно грубое слово? Я, конечно, женщина с твердым характером, привыкла к тому, чтобы все делалось как следует и вовремя. Благодаря этому у меня отдел работает как часы».

Вдруг что-то переключилось в ее голове: «Но ведь Валя не моя подчиненная. Конечно же, мать ее любила, баловала, воспитывала по-своему, а не как мне этого хотелось бы… Да ведь Валентина меня просто боится! А потому избегает встреч». Марию Семеновну словно кипятком ошпарило. «Бедная девочка! А что бы я чувствовала на ее месте?»

На следующий день позвонил сын.

— Мама! Что-то ты у нас давненько не была. Приезжай, пожалуйста! Помоги Валечке с малышом. Она не совсем справляется.

— Конечно же, Валерик! — радостно ответила Мария Семеновна и засобиралась к сыну.

С полной сумкой продуктов и подарков для внука Мария Семеновна вошла в прихожую. Валя встретила ее довольно сдержанно. Маленький Валерик, сидевший на руках у матери, увидел гостью, отвернулся и уже сморщился, чтобы заплакать. Однако знакомый ласковый голос заставил его оглянуться и с любопытством посмотреть на яркую машинку, которую протягивала ему бабушка. Он протянул ручки к новой игрушке и заулыбался.

— Проходите, Мария Семеновна, мойте руки и располагайтесь.

Мария Семеновна занесла продукты на кухню и вернулась в комнату.

— Возьмите Валерика, а я пойду поставлю чай,— ровным голосом сказала невестка.

Мария Семеновна бережно взяла мальчика на руки. Невидимая счастливая волна пробежала по телу.

— Подожди, Валечка. Мне нужно с тобой поговорить.

Валентина остановилась и удивленно посмотрела на свекровь. Валечка?

— Валюша, прости меня. Я долго думала и все поняла. Я очень люблю вас с Валериком, и особенно нашего малыша. Я хочу, чтобы мы были одной семьей.

Мария Семеновна увидела, как напряженное выражение лица невестки постепенно исчезает, а глаза начинают влажно блестеть. Она протянула к Валентине свободную руку. Валя на мгновение замерла, а потом сделала первый шаг ей навстречу.

Геннадий МАРКИН

г. Щекино Тульской области

Писатель, публицист. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

В ТЫЛУ
Глава из повести «Письмо с уведомлением»

Школа, в которой теперь предстояло работать Францу Августовичу, была построена в прошлом веке, на деньги местного купца. Она представляла собой добротное каменное здание в два этажа. Кабинет русского языка и литературы находился на втором этаже и имел два окна, выходивших своим видом на центральную улицу города.

Директором школы был небольшого роста лысоватый сорокалетний мужчина, не попавший на фронт из-за болезни обеих ног, в связи с чем он передвигался с трудом. Иногда он останавливался и подолгу стоял на одном месте, приподнимая по очереди то одну ногу, то другую. Затем вновь шел вразвалочку, покачиваясь, как при морской качке. Тростью он не пользовался. «Приучишь ноги надеяться на клюку, потом и не отучишь. Так и будешь всю оставшуюся жизнь с клюкой ходить»,— пояснял он предлагавшим ему воспользоваться тростью. Звали его Сергеем Денисовичем Фоминым.

Сергей Денисович, будучи человеком добродушным по характеру, никогда не помышлявшим о карьерном росте, уважал и любил своих педагогов, всегда шел им навстречу, чем мог, помогал. Приходу в школу нового учителя русского языка и литературы он обрадовался.

— Как я рад, как я рад, вашему приходу, дорогой вы мой Франц Августович. У нас в школе уже два месяца никто не преподает уроки русского языка и литературы. Дети уже забыли не только правила правописания гласных и согласных, но, наверное, уже стали забывать, кто такой Лев Толстой,— иронически пошутил Фомин.— Как только Мария Васильевна рассчиталась с работы, так никак не можем найти ей замену. Ну, наконец-то, наконец-то,— радовался Сергей Денисович, чуть ли не обнимая Франца.— Педагогический коллектив у нас просто замечательный. Правда, работают только одни женщины, мужиков почти всех на войну взяли, но мы с вами, так сказать, мужская гордость школы.

— Мужская гордость сейчас на фронтах врага бьет, а мы вот тут в тылу вынуждены находиться,— грустно произнес Мауль.

— Вот именно, что вынуждены,— изрек Фомин.— Будь мы с вами в других обстоятельствах, разве мы сидели бы здесь, с женщинами?! Мы бы с вами тоже где-нибудь воевали. Ну, хорошо, назовем нас с вами, Франц Августович, не мужской гордостью школы, а, скажем так, мужской составляющей. Вас такое название устраивает?

— Такое устраивает,— улыбнулся Мауль.

— Вот и прекрасно.— Директор потер руки.— Сейчас будет перемена, и я приглашу всех учителей для знакомства с вами. Вы не против этого?

— Что вы, Сергей Денисович, я только за,— поднял вверх руку Франц.

— Кстати, Франц Августович, а где вы квартируете?

— Когда работал на маслозаводе жил там же в бытовке, а сейчас нигде, бездомный.

— Так-так… значит вы у нас бесквартирный?! — в задумчивости произнес директор школы. — Ну что же, квартиру я вам пока не обещаю, но в школе место найду. Подсобное помещение красного уголка вас

устроит? Комнатушка, правда, небольшая, но с окном. Там, кстати, стоит очень хороший старинный мягкий диван. Поговаривают, что этот диван остался от купца. Электроплитку для приготовления пищи мы для вас найдем, умывальник и, простите, другие удобства этажом ниже, но я думаю для вас, для человека молодого, это не будет являться проблемой. А там дальше будет видно. Обживетесь, найдете себе съемную квартиру. А там, как сказать, может, и жену себе в нашем городе подыщете. Незамужних девушек у нас много,— засмеялся Фомин.

— Замечательно, Сергей Денисович, лучшего и не надо,— ответил Мауль.

Вернувшись к своему любимому делу, к общению с учениками и педагогами он с удовольствием окунулся в витающий дух школьной атмосферы, почувствовал заботу работающих с ним коллег, ощутил теплоту и любовь детских сердец.

Изучив тематическое планирование по русскому языку и литературе на учебный год, Мауль составил поурочное планирование таким образом, чтобы наверстать упущенные часы школьной программы. Однако, составляя планы, он не взял во внимание то обстоятельство, которое коренным образом вносило в жизнь свои никем и ничем не запланированные изменения. И название тому обстоятельству было одно — война.

Шедшая ночью метель к утру стихла, но небо по-прежнему скрывалось за серыми снеговыми занавесками. Город был скован лютым сибирским, звенящим при каждом шаге морозом, а в школе — жарко. Сторож истопил печь так, что к ее стенам нельзя было прикоснуться, и Франц Августович снял с себя подаренный ему коллективом учителей толстый, ручной вязки свитер. Шел урок литературы, на котором из двадцати учеников шестого класса, присутствовали всего семеро.

— Староста, назови мне фамилии отсутствующих,— распорядился он, обведя класс грустным взглядом.

С первой парты поднялась худенькая и бледноликая Забелина Вера.

— Антонов Игорь заболел, Андреева Катя… у нее вчера бабушку в больницу увезли, а мама работает. Наверное, с младшими братиками сидеть некому. Бодров Саша работает по ночам на заводе, наверное, на вторую смену остался, Горохов Витя опять на войну убежал,— начала она перечислять фамилии и имена учеников, но Мауль перебил ее.

— Как это, на войну убежал?! — спросил он.

— Обыкновенно, он уже сколько раз на войну убегал. Его поймают по дороге, обратно привезут, а он все равно убегает,— ответила Вера.

— Правильно делает, и я скоро убегу бить этих проклятых немцев,— злобно глядя на учителя, проговорил сидящий на последней парте Михайлов Ваня.

— Ой! Ой! Михайлов тебе-то куда до Вити?! Он сильный и на турнике может десять раз подтянуться, а ты не можешь,— с ехидством в голосе произнесла староста, и после ее слов в классе поднялся гвалт детских голосов.

— Тихо, ребята, тихо! Прекратите шуметь! — проговорил учитель.— Садись староста на место, давайте начнем урок…

— А я все равно сбегу на войну, я ненавижу немцев! — вновь выкрикнул с места Михайлов. В его взгляде были одновременно и решительность, и злость, в глазах стояли слезы.

— Хорошо, хорошо, Ваня, ты успокойся,— растерянно произнес Франц Августович, подходя к Михайлову и пытаясь провести ладонью по его голове, но тот, словно затравленный зверек, отдернул голову в сторону.— Вот только знаешь, Ваня, всех немцев ненавидеть нельзя, потому что среди них тоже есть немало хороших и добрых людей. Ну, начнем урок. Вспомните, какое задание я задавал вам на дом?

— Стихотворение учить,— раздался тонкий детский голосок.

— Выучили? — спросил учитель, обведя взглядом класс.

— Да-а-а! — раздался дружный ответ.

— Кто желает выйти к доске и рассказать его?

— Можно я? — подняла вверх руку староста класса.

— У тебя, Забелина, и так уже пятерка имеется, а вот я хотел бы послушать Скородумова Федора. Иди Федя к доске, отвечай.

Из-за последней парты поднялся худощавый мальчик, одетый в заметно поношенный и не по размеру пиджак. Он растерянно завертел из стороны в сторону непричесанной головой.

— Это… стихотворение,— наконец-то после долгого молчания выдавил он из себя. Затем начал обводить растерянным взглядом класс, словно ища таким образом подсказки, но не получив ее, замолчал.

— Что же ты молчишь, Скородумов? Назови нам хотя бы название стихотворения и его автора? — спросил Франц Августович, но мальчик продолжал молчать.— Эх, Скородумов, Скородумов! Не оправдываешь ты своей фамилии.

— Почему? — взглянув на учителя, удивился ученик.

— Фамилия твоя Скородумов, а на деле получается нечто обратное — очень долго думаешь,— ответил учитель, и в классе раздался дружный смех.

— Мы его теперь будем не Скородумовым звать, а Долгодумовым,— выкрикнул с места Костин Сережа, в отличие от своих одноклассников розовощекий и полноватый мальчик.

— Тихо, ребята, тихо.— Учитель постучал карандашом по столешнице, а затем повернулся к Скородумову.— Садись, Скородумов, опять тебе двойка.

Тот медленно отправился на свое место, погрозив при этом Костину кулаком.

— Костин, ты у нас парень сообразительный, быстро Скородумову фамилию изменил. Вот иди-ка к доске и отвечай, посмотрим, насколько сильна твоя сообразительность на деле.

В классе вновь весело засмеялись.

— Я знаю, я выучил,— оживился Костин и энергичным шагом направился к доске. Затем стал по стойке смирно и, прикрыв глаза, громким голосом затараторил:

Забрал мороз окошко
Серебряным щитом,
В печи стоит картошка
С топленым молоком…

— Погоди, Сережа, погоди,— перебил его учитель.— Назови сначала название стихотворения и его автора, а затем прочтешь само стихотворение,— сказал он.

—Ага, ладно,— кивнул тот головой и, вновь прикрыв глаза, начал читать:

Забрал мороз окошко
Серебряным щитом,
В печи стоит картошка
С топленым молоком…

Ученики зашумели, послышался смех, сквозь который все отчетливо услышали глухой звук удара о пол чего-то тяжелого. Франц Августович мгновенно взглянул на шум и увидел лежащую на полу без чувств Худякову Олю. Он вскочил с места и кинулся к ней, приподнимая ей голову.

— Ребята, быстро откройте дверь в коридор, Костин неси воды, а ты, Скородумов, беги на улицу и принеси горсть снега. Забелина позови медсестру и директора,— приказывал Франц Августович, слегка нашлепывая ладонями Худякову по щекам. Вскочившие со своих мест ученики с испугом взирали на происходящее.

Вскоре в класс с тяжелой одышкой вошла медсестра, пожилая и одутловатая женщина, а затем, припадая на обе ноги, вбежал побледневший директор.

— Ну что с ней, Анастасия Васильевна?! — с испугом в голосе, спросил он медсестру. Но та молчала, лишь продолжая изредка подносить к носу девочки смоченную нашатырным спиртом вату. Вскоре Худякова открыла глаза и обвела всех удивленным взглядом.

— Слава тебе Господи, ожила,— произнесла хриплым голосом медсестра.

— Анастасия Васильевна, что с ней было? — вновь спросил директор, буквально теребя медсестру за рукав.

— У девочки голодный обморок,— ответила та.— Ей пока нельзя ходить в школу, нужен покой и хорошее питание,— проговорила медсестра, убирая в сумочку медицинские препараты.— Отведите ее домой, и объясните все матери.

— Забелина и Костин, оденьтесь сами, помогите одеться Оле и отведите ее домой,— распорядился Франц.

— Маму обязательно найдите и сдайте ее с рук на руки. Скажите, пусть пока от нее никуда не отходит… пусть накормит ее и уложит в постель,— проговорил директор, а затем подошел к стоящему в дверях и держащему почти растаявшую горсть снега Скородумову.

— Молодец, Скородумов, молодец, хвалю за сообразительность,— проговорил он, забирая из его рук снег. Затем, громко фыркая, растер снегом свое лицо.

— В том, что произошло с девочкой, есть моя вина,— понурив голову, тихим голосом сказал Мауль.

— В чем же ваша вина, дорогой мой Франц Августович? — удивился директор.

— В стихотворении, которое я задал выучить дома, говорится о печеной картошке и топленом молоке, а дети голодные. Читая такое стихотворение, голодная девочка представила себе пищу, и ей стало плохо. Мне нужно было задать детям другое стихотворение, в котором не говорилось бы о еде,— сокрушался Мауль.

— Эх, дорогой вы мой Франц Августович, за что же вы себя-то корите?! Да разве вы виноваты в том, что случилось?! Война виновата, дорогой мой, война,— глубоко вздохнув, произнес директор.— Война, будь она трижды проклята! — подытожил он и, переваливаясь из стороны в сторону, тяжелой поступью направился к выходу.— На сегодня уроки закончены. Франц Августович, отпустите всех домой,— распорядился он на ходу.

Вечером Франц взял приготовленный еще днем небольшой газетный сверток и осторожно, словно боясь в нем что-то раздавить, сунул его во внутренний карман пальто, после чего вышел на улицу. Начинало смеркаться, и на темном фиолетовом небосводе одна за другой стали зажигаться яркие переливающиеся

звездочки. Взошедшая луна осветила своим бледным светом зимние городские улицы, окрасила нежной желтизной добротные белокаменные дома, посеребрила снежным искрящимся инеем деревянные бревенчатые дома. Мороз лютовал, и Франц, подняв ворот пальто и туже натянув на голову шапку, направился быстрым шагом по пустынной, звенящей морозом, улице.

Отыскав нужный ему дом, он постучал в темную от времени дубовую дверь. Спустя некоторое время заскрипели задвижки и дверь с шумом отворилась. На пороге стояла бледная, худая с изможденным взглядом женщина. Из-под видавшего виды платка выбивались черные с завитушками волосы.

— Вам кого? — спросила она тихим голосом.

— Мне нужны Худяковы,— ответил Франц.

— Я Худякова.

— Я классный руководитель Оли, учитель русского языка и литературы Мауль Франц Августович.

— Проходите, пожалуйста,— сказала женщина, пропуская гостя в дом, и при этом кашлянула в кулак.— Простите за беспорядок в доме, только недавно вернулась со смены и не успела еще прибраться,— стала оправдываться она, продолжая покашливать.

— Это вы меня простите за беспокойство. Вам после смены отдыхать нужно, а тут я пришел вам досаждать,— стал оправдываться Франц, при этом слова он произносил почему-то шепотом.— Сегодня у нас в школе произошел неприятный случай с Олей…

— Да, да, я знаю, мне ее товарищи, ваши ученики, все рассказали,— перебила она Франца.

— Я очень волнуюсь за Олю, поэтому решил зайти к вам ненадолго.

— Проходите в комнату,— предложила женщина, указывая рукой нужную дверь.— Оля сейчас спит, я думаю, что ее не надо будить,— произнесла она.

— Что вы, конечно, не надо, пусть спит, пусть во сне набирается сил,— соглашаясь с женщиной, кивнул Франц.— Как вас зовут? — спросил он.

— Клавдия Ивановна.

— Клавдия Ивановна, я пришел сказать вам, чтобы вы Олю пока в школу не пускали, пусть она отдохнет и желательно, чтобы кто-то постоянно находился с ней рядом,— произнес Франц.

— К сожалению, мне не с кем ее оставить,— горестно вздохнула Клавдия Ивановна.— Я работаю на заводе, муж, отец Оли, на фронте, а бабушка наша… бабушка наша два месяца тому назад умерла.

— Простите меня, Клавдия Ивановна, я не хотел вас расстраивать, простите,— произнес Мауль, отводя в сторону взгляд.

— Ничего, ничего, это вы меня должны простить. Вы пришли узнать состояние своей ученицы, а я вам тут свои проблемы высказываю,— грустно улыбнулась женщина, при этом вновь кашлянув в кулак.

— У Оли был голодный обморок, я подумал…

— Я знаю. У меня украли продовольственные карточки, и мы в этом месяце остались без хлеба, а так я работаю, и у нас всегда есть что покушать,— перебила Франца Клавдия.

— Клавдия Ивановна, вы не будете против того, если я буду кого-то из учеников отпускать с учебы, чтобы они пока побыли вместе с Олей, пока ей не станет лучше? — спросил он.

— Если такое возможно, я была бы вам очень благодарна,— ответила Клавдия.

— Ну, вот и договорились,— улыбнулся Франц. Он замялся, он не знал, как начать разговор о том самом главном моменте, с которым и пришел в дом Худяковых, и Клавдия Ивановна интуитивно почувствовала это замешательство.

— Может быть, с Олей еще что-то произошло, о чем мне не сказали?! — с испугом в голосе, спросила она.

— Нет, больше того, что вы знаете, с Олей ничего не произошло. Клавдия Ивановна, я хотел вам сказать, вернее, предложить… точнее спросить,— начал лепетать Мауль, доставая из-за пазухи сверток.— Я хотел попросить вас принять от меня это,— с трудом подбирая нужные слова и от стыда не глядя в глаза Клавдии Ивановны, произнес он.

— Что это? — спросила женщина.

— Здесь немного хлеба и сахара… я хотел… ради Оли…

— Нет, нет, это заберите назад, не нужно этого, я не возьму,— твердо заявила Клавдия Ивановна, отодвигая обратно, протянутый ей сверток.

— Клавдия Ивановна, я вас очень прошу, ради Оли, возьмите, пожалуйста, я вас очень прошу. Оле обязательно нужно питание. Это я для Оли принес, поймите меня, Клавдия Ивановна, поймите как Олиного учителя. Если вы не хотите принять от меня это в подарок, возьмите хотя бы взаймы, потом отдадите. Клавдия Ивановна, ради дочери, ради ее здоровья, ради ее и вашего будущего, возьмите,— стал уговаривать Франц Клавдию, и та нерешительно взяла сверток. На ее глаза навернулись слезы.— Не нужно так расстраиваться, Клавдия Ивановна, это не вы виновны в том, что произошло с Олей, это война виновата.

— Спасибо вам,— ответила женщина, смахивая слезу.

— Я пойду, Клавдия Ивановна, время уже позднее и мне пора. Не ровен час патруль встретится, а я все-таки ссыльный,— проговорил Мауль.

Услышав последние слова, Клавдия Ивановна вздрогнула и взглянула на Франца строгим, пронизывающим насквозь взглядом.

— Я не преступник, Клавдия Ивановна, я просто по национальности немец, а поэтому и оказался здесь, в ссылке,— горько усмехнулся Мауль.

— Я и не подумала о вас как о преступнике. Просто… вы, наверное, сами впроголодь живете.

— Нет, нет, уверяю вас, у меня есть и хлеб и сахар, мне хватит,— твердым голосом изрек Франц.

— Спасибо! Бог воздаст вам, за вашу доброту,— сказала Клавдия Ивановна, провожая Франца Августовича до двери.

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья (Северный флот СССР, г. Полярный). Выпускник Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», член правления Академии российской литературы, лауреат международных, российских и белорусских литературных премий. Член Союзов писателей СССР и России, Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат научных премий Комсомола и им. Н. И. Пирогова. Лауреат Макариевской премии им. митрополита Московского и Коломенского Макария в области естественных наук за 2022-й год. Наш постоянный автор.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ГОРОДЕ N.

«С своей стороны, мы рады новой отрасли промышленности, которой по преимуществу недостает нашему сильному и разнообразному отечеству. Вслед за сим первым крокодилом, исчезнувшим в недрах петербургского гастронома, вероятно, не пройдет и года, как навезут их к нам сотнями».
Ф. М. Достоевский «Крокодил, необыкновенное событие или пассаж в Пассаже»

«Почему это, я заметил,— шепнул мне раз тогда Степан Трофимович,— почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие неимоверные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник… почему это? Неужели тоже от сентиментальности?»
Ф. М. Достоевский «Бесы»

◆ Игорь Васильевич уважительно попрощался со столичным гостем, даже за пяток минут до окончания беседы отловил в коридоре пробегавшего мимо двери его кабинета студента, которому велел взять стопку передаваемых через Кириллу Петровича журналов и ждать в коридоре же выхода гостя, которого и сопроводить до его машины. Визит знаменитого антенщика и одновременно ниспровергателя всех законов классического и квантового электромагнетизма оставил по себе двойственное впечатление. Что-то навроде рекламного «лайфа с драйвом, или умственного выкаблучивания», как съерничал мысленно Игорь Васильевич. Опять же всплыла та юношеская обида, когда Кирилл Петрович «зарубил» статью начинающего студента Игоря Скородумова. И вот теперь, спустя столько десятков лет, впервые они встретились: течение жизни замкнуло большой круг.

В некотором рассеянии посмотрел на лежащую на столе книжку Сухарченко, на титульном листе которой автор четверть часа назад надписал умеренно лестное посвящение профессору Скородумову: «Уважаемому Игорю Васильевичу от автора в знак взаимного нашего понимания того факта, что наука не может стоять на месте, но только постоянно двигаться — как электромагнитная волна». Эк подкузьмил про волну-то! Но ведь антенны-то его конструкции прекрасно работают даже не на 1/6 части земной суши, но где-то ближе к 1/3! И это есть непреложный факт. Истинно, порой практика и опекающая ее теория в сложных взаимоотношениях состоят, как… здесь Игорь Васильевич задумался и припечатал: как двоюродные родственники, то есть вроде как и кровь в артериях и венах бежит наполовину родная, но порой это и единственное, что сближает их. В католической Европе и вовсе кузенные браки церковь признает: получается, что и вовсе не родственники?

Вообще-то, продолжал размышлять на заданную им самому себе тему профессор Скородумов, расхаживая по диагонали своего скромного кабинета, полнейшая свобода книгопечатания, объявленная в начале девяностых годов, особенно научного… и тем более наукоподобного, уточнил Игорь Васильевич, кроме начальной эйфории, имело серьезное следствие, а именно полную утрату понятия авторитета в науке. Саму же науку такая свобода свела в глазах людей интересующихся к абсолютному нулю. Это как нуль градусника по Кельвину: полное и всеобщее замерзание. И совершенно кстати вспомнилось где-то и когда-то читанное мнение Льва Толстого, что именно изобретение книгопечатания стало причиной и источником всеобще-

го невежества. И как Иудушка Троцкий поправил Толстого, что-де не невежества, но вот всеобщего дилетантизма — это точно!

Действительно, не было бы вседозволенности книгопечатания (или денег бы у автора не нашлось на типографию), так высокоталантливый инженер-практик Кирилл Петрович Сухарченко и продолжал, как то делал это уже полсотни лет, изобретать новые, все более совершенные антенны. Тем более, только что все телевизоры в стране перевели на оцифрованный телесигнал, обрадовав китайцев гигантским заказом на соответствующее радиоэлектронное оборудование. Сухарченке подсуетиться с модернизированными «под цифру» антеннами сам бог велел, но… свобода книгопечатания переключила заслуженного инженера в звании полковника в отставке на сугубую теорию. И если в практике антенной был он корифей высшего класса, то в теории выступил как гипермодернист с такими несуразно высокими претензиями, что воспринимается сугубым дилетантом.

Итак, прав Лев Николаевич — с существенной поправкой Льва Давидовича. Хотя Толстой был автором «Войны и мира», а Троцкий — позорного Брестского мира с немцами. То есть Лев Толстой сочетал в себе лучшие качества теоретика-литератора и практика Крымской войны, а Иудушка Троцкий — чистый теоретик, а практик в делах войны неважнецкий. А вот у Сухарченко — все наоборот.

Игорь Васильевич и сам давно на подозрении у «академистов», то есть имеющих академические звания официальных же академий и их многочисленных коллег по исследовательским институтам. Но поскольку он выдвигал теории, не выходящие за рамки действия самых основополагающих законов, то формально к нему придраться было невозможно. В то же время новизна теорий провинциального профессора раздражала научных сановников, которые и без того в новейшее время обижены: не хватило известности или национальности, чтобы уехать в закордонные университеты с окладами в твердой валюте. Но выход здесь давно апробирован: делать вид, что такого профессора И. В. Скородумова, его многочисленных книг и журнальных публикаций вроде как в подлунном мире и не существует. На том и аминь.

◆ С другой, почти что зазеркальной стороны, размышлял Игорь Васильевич, приняв по наступлении адмиральского часа (в вузах обед, как священнодействие, строго начинается в двенадцать ноль-ноль) стопку коньяка, графомания, особенно научная, тем полезна, что трансформирует в безобидную сторону извечное человеческое качество неуемной накопительной жадности. Припомним, что Достоевский язвительно происхождение частнособственничества вел от сентиментальности. Быть может и так. Да еще создателей различных всемирных и единых, окончательных и пр. теорий, опровергателей всех законов физики, как у того же сегодняшнего визитера Сухарченко, во многом подстегивает естественная зависть к Европе, к ее ученым, давшим свои громкие имена всем теориям и открытиям на свете. Не вина России, что она моложе Европы на пару тысячелетий, поэтому и в науку пришла к шапочному разбору. Но все же привычка во всем равняться на «острый галльский ум и сумрачный германский гений», радуясь даже косточке с барского стола («туда жемчуг привез индеец, поддельны вина европеец»), именно не устраивает реформаторов всех научных основ. Вот откуда берутся у нас Кириллы Петровичи Сухарченки!

И вторая, абсолютно несуетная, польза от нынешних изобретателей велосипедов: на фоне всеобщей, глобальной цифрофрении с ее компьютерным мышлением (стакан с водой — чтобы пить, без воды — если пить не захочу), немногие сохраняют основу творчества: мышление аналоговое, то есть умственное оперирование не сухими цифрами, но живыми, динамичными образами. И среди этих немногих наибольшая образность именно у ниспровергателей! Тот же Сухарченко образно представляет себе, как овеществленная электромагнитная волна, почти пальцами рук ощущаемый тугой поток фотонов набегает на металлические трубки его знаменитой телевизионной антенны «бубновочки», что еще недавно заполняла крыши городских и сельских домов. Это ли не творческое аналоговое мышление!

…В своих работах, особенно если таковые рассчитаны на «облегченную от больших знаний» читательскую аудиторию, профессор Скородумов обычно прибегал к понятийным примерам. Допустим, слышит или при чтении попадается слово геликон, обычно не совсем понятное по смыслу тем же «облегченным». И что мы видим? А то, что аналогово мыслящий человек на этом самом геликоне в контексте читаемого или слышимого не задумается. Интуитивно и контекстуально и так понятно: что-то античное, связанное с музыкой, искусством. Иной попутно — но опять же не задумываясь и не отвлекаясь от текста — припомнит из <советских, конечно> школьных уроков литературы неточные стихи русского классика, что-де в юртах не сыщешь геликона, а к кому-то, вроде как к зырянам, кто-то, возможно сам Пушкин, не придет. То есть аналоговое мышление схватывает функциональную основу языка, а понимая ее, вовсе не надо задумываться о семантике отдельных слов.

Для компьютерно же мыслящего современного цифрофреника, наоборот, характерна функциональная безграмотность: он не в состоянии составить из слышимого набора слов образ, но каждое непонятное ему единичное слово ставит в тупик, как тот же геликон (тем более за плечами нет советской школы…). И лезет бедняга в интернет за разъяснением каждого второго слова в предложении или фразе. И уже нет в голове даже намека, топографического абриса на смысл услышанного или прочитанного — конечно на экране! Словом, как уже второй год щеголяют новым словечком эсмэишники: Минцифра. То есть уже и на оцифровывание мышления человека свое министерство нашлось… И это не только стыдливо, политкорректно так ска-

зать, не скрывается, но прямо выпячивается, раз так целиковое верховное ведомство образцово-показательно нарекли! На том пока и алилуйя.

Опять-таки эту самую «цифру» во всех ее ипостасях собезьянничали с Запада. И несказанно обрадовались ей, как тот репортеришка желтой питерской газетенки в любимейшем Игорем Васильевичем рассказе (по объему почти что роману…) Достоевского, что восхищался привозом в Россию живого крокодила — родоначальника новой отрасли промышленности, которой так не хватает нашему гордому своим величием отечеству.

Других бы смутила задача: что делать с цифрой в России? Понятно, на Западе-Востоке она повсеместно внедрена в промышленность, настоящую, не крокодиловую. У нас же с кончиной советской власти вся промышленность, усеченная до наперсточного объема, пилит-строгает, рубит-точит, штампует-долбит и пр. исключительно на импортном оборудовании и обслуживающих его техпроцессах, в которые изобретательным Западом эта самая цифра изначально внедрена и застолблена. Что же касается всякой компьютерной дряни для ширпотреба, мерзопакостных гэджиков (от слова «гад», только через «э» — прононс; вроде как злобствует произнося — это со слов Макара Нагульного из «Поднятой целины»…), то их стопроцентно штампуют в мастерской мира — в Китае по технологиям из Кремниевой долины, что в Калифорнии, USA.

…И призадумались оцифрователи доселе вроде как лапотной России: крокодила-то, то есть идею всеобщего оцифровывания, из Европы-Америки привезли в родные пенаты, но куда ее воткнуть-то, если все импортное (а своего давно уж нет) оборудование и пр. уже изначально пересекает таможню на границе, которая на условном замке, со своей цифрой? И от Запада отставать нельзя, засмеют: мол, сиволапые еще без цифры маются! Но наши власти далеко не лыком шиты: с девяностых годов шелковыми нитками их лондóнские костюмчики стоимостью в пятизначные цифры долларов-евро прострочены. А изворотливости обучены в оксфордах-кембриджах. Для почину и застолбления цифры специальное министерство учредили. Потом и вовсе придумали как с цифрой обойтись: из ненужного крокодила сделать ее павой — царицей бывшей 1/6 части земной суши. Раз «так получилось» (любимая оговорка в последние тридцать лет), что все в стране сеет, пашет, рубит, строгает и пр. на оцифрованном уже импорте, то, во-первых, следует словесно народ к цифре приучить. Отсюда и волнующая телепрограмма «В гостях у цифры», а в новостях со строек капиталистической пятилетки так и замелькало: от «цифрового доения коров» до «цифровой нефтедобычи». Даже дисциплиной и традициями связанные военные, явно с подачи телекорреспондентов, запинаясь, заговорили в интервью про «цифровые танки» и прочие воображаемые монстры.

Итак, полдела сделано: цифра пущена в словесный обиход и накрепко засела в головах оробевшего народа: что-то еще нам партия и правительство уготовить собираются?

Но ведь словами перед тем же Западом не отчитаешься… на то оно и слово, чтобы в правое (у левшей в левое) ухо влетать, а в левое (у левшей наоборот) вылетать. Стали думать-рядить: а что во вторых-то? И придумали на равных паях два гиганта современной мысли и дела — административный ресурс и банковско-олигархический капитал: перевести все делопроизводство для народа … не на латинский алфавит, как в знаменитом романе одесских классиков, но — на цифру! И ресурс донельзя доволен: будет чем не один год отчитываться перед кем надо о бурной деятельности по всеобщему оцифровыванию (как сто лет назад по всеобщему обучению народа грамотности) всего населения, включая пенсионеров. А банкиры-ростовщики и вовсе от радости до потолка своих высоченных офисов-дворцов подпрыгнули: цифра — это перевод всех денежных дел с народом, а его пока в стране еще достаточно, и курочка по зернышку клюет — на безналичный расчет по пластиковым карточкам. Ведь известно, что каждый рублишко в дензнаках в кармане у человека — это прямой плевок в лицо банкиру-ростовщику: с этого завалящего рублевика он не сможет получить свой нехилый процент с того же человека с монетой в кармане, дав ему же кредит-заем! А когда все идет по карточкам, то считай все деньги населения в его, ростовщика, бессрочном пользовании. Для полных же дурачков и лиц переимчивого на все новое женского пола — песни народностей про кешбэк. И вот уже каждое второе слово в телерекламе про этот кешбэк (…итить его мать, как добавляет редкий в наше время думающий человек), а на экране телеящика задастая и грудастая красотка «кровь с коньяком» уже отплясывает с малопристойными телодвижениями и визгливо кричит под «камаринского» про восхитительный кешбэк…

Словом, все довольны: вертикаль администрирования при деле, отчитывается, не краснея, об успехах всеобщей цифровизации. Банкиры-ростовщики заметно начали теснить старинных Ротшильдов, Карнеги и Лебов в верхних строках лауреатов списка журнала «Форбс». Женщины мигом забыли про бумажные деньги, что ранее хранили под стопкой постельного белья в платяных шкафах, нынче щегольски расплачиваются в супер- и иных маркетах карточками, а с недавних времен прикладывая экран смартфона к цифроприемнику на кассе. Жалуются друг дружке: «Вчера зашла в магазинчик в нашем квартале, купила кой-чего, а у них, оказывается, все по старинке… представляешь, Верунчик, каменный век, эти… как их, бумажные деньги требуют! Больше туда ни ногой…» Особенно довольны профессиональные воры новейших генераций: не фомкой магазины и сберкассы подламывать, но пощелкал на компе шахтерский трудодень (шесть часов) — и обеспечил себе безбедную месячную жизнь. Да и сам народ трудовой особых неудобств от «всеобщей цифровизации и компьютеризации» не испытывает. Он у нас со времен татаро-монгольского ига, или, как сейчас политкорректно принято говорить, монголо-татарского, либо же и вовсе монгольского (Монголия далеко и по степному укладу живет…), хронический поплевист: на все бы ему плевать. Дескать, в истории своей татарщину ордынскую и крымскую перетерпели, первое Смутное время — которое в начале семнадца-

того века, и второе — в конце двадцатого, переждали-пересидели, поляков со шведами, французов с немцами отвадили… что ж мы: неужто на цыфири так и повиснем, как вялящая вобла к пиву, что хозяйственными бельевыми прищепками пришпилена к бельевой же веревке? Нас голой цифрой не возьмешь — все пройдет как сон даже в непонятной нынешней жизни.

Вот те на, рассмеялся Игорь Васильевич, всего-то со стопки коньяка на такое вдохновение подвигло! Чудны дела Твои, Господни… Крокодилы в Пассаже у Достоевского, образность мышления у изобретателей велосипедов, цифрофрения вместо полезного технического использования систем и машин с дискретной методикой управления… Нет, такие оригинальные визитеры, как Сухарченко, явно не подлежат упоминанию ближе к ночи. Равно как и цифрофрения в медицине и образовании — об этом уже в народе легенды и песни частушечные слагаются… Словом, все получается по-нашенски, российски кондовому, административно суконно-цинковому: не цифра для человека, но человек для цифры!

Опять же Федор Михайлович лишь самый чуток с крокодилом наши славные времена предчувствовал. Здесь-то Игорь Васильевич расхохотался, сам-один находясь в своем кабинете. Подсматривай кто из любознательных студентов, правдивее будет — студенток курносых, они самые любопытные, в замочную скважину, решили бы и на весь корпус разнесли, от вахты до деканата: профессор Скородумов теоретико-экспериментально доказал свою новую теорию о пользе регулярного потребления рас-твора C2H5OH + H2O + сивушные масла, то есть самогона классического, на безбумажную, цифровую обработку информации, а от радости открытия сошел с ума и хохочет в одиночку… На самом же деле, как утверждает Игорь Васильевич, потребление спиртного стимулирует именно аналоговое, то есть творческое мышление. Расхохотался же, вспомнив крокодила нашего классика литературы — и тут же, приняв вторую стопку и закусив шпротиной из откупоренной банки в холодильнике, заученным вращательным движением трех пальцев правой руки слегка крутанул ручку верньера личной машины времени против часовой стрелки и мгновенно, отрицая, как давешний гость Кирилла Петрович Сухарченко, конечность скорости света, перенесся в веселые девяностые годы. … Таких годов разрядки многострадальному русскому народу мать-история посылает не чаще одного — двух раз в столетие: то же Смутное время с его самозванцами и семибоярщиной, разинский и пугачевский бунты, Наполеоново нашествие и манифест царя-освободителя. А в веке двадцатом оба таковые пришлись на последствия перемены режима: начальные двадцатые и лихие девяностые.

И мы последуем вослед за путешественником. Глядя со стороны, вроде как курносая студентка в замочную скважину.

◆ Профессор Скородумов в свои сорок с небольшим лет — заместитель по науке, то есть первый зам директора научно-исследовательского института, в только что преобразованном в духе времени в «классический университет» бывшем политехе с военно-техническим уклоном по совместительству преподавал на двух факультетах. Но главное — являлся председателем тоже двух диссертационных советов при университете. Заседания же таковых после защит традиционно завершаются банкетами — за счет обретшего вожделенную научную степень: кандидата или целикового доктора.

…В тот поздневесенний день на защиту своего дальнего родственника-свойственника по линии супруги пожаловал сам ректор Коршунов. Обычно в неформальной обстановке, на тех же диссертационных банкетах, почтеннейший Альфред Борисович со смехом объяснял свое импортное имя, покороче знакомясь с иногородними участниками заседания:

— Да я ведь конца двадцатых годов уроженец! А тогда страна наша, как сами хорошо знаете из истории, дружилась только с Германией, а там сплошные митинги с красными знаменами, все сплошь коммунисты и социалисты по улицам Берлина и Гамбурга, Мюнхена тож, тысячные отряды шагают под марши Эйслера и Вагнера-внука: спартаковцы — смелые бойцы Тельмана, штурмовики Рема, коминтерновцы и троцкисты… И все в своих военизированных мундирах по немецкой склонности к дисциплинированному порядку. И в нашей стране именовались новорожденные сплошь немецкими именами, а рабфаковцы и вовсе в спартаковских гимнастерках с портупеями и в военизированных картузах на занятия после трудового дня торопились. Вот у нас перед довоенным еще третьим корпусом буквально на днях — по требованию демократической общественности, так сказать — снесли две фигуры, парня и девушку, в таких вот юнгштурмовских одеждах…

А на банкете, после принятых поздравлений защитившегося, его научного руководителя (и за Игоря Васильевича, председателя совета, рюмки подняли), все внимание верноподданнически сосредоточилось на неспешном рассказе ректора, только-только вернувшегося из Америки, куда ездил изучать опыт тамошней организации учебных и иных процессов — за счет дальновидной приглашающей стороны, то есть фонда Сороса. Альфред Борисович в полном восхищении обменивался заокеанскими впечатлениями.

— …Повезли нас в маленький штат Нью-Гэмпшир, что на крайнем северо-востоке близ канадской границы. У них такие порядки, что маленьких, специализированных вузов не имеется, зато в каждом штате огромный университет с полусотней, а то и поболее — тысячей студентов. И такая пестрота! Не поймешь сначала, куда попал: негры, что у них афроамериканцами зовутся, индусы, китайцев много, латиноамериканцы, арабы, турки. Все это прорежено ихними янки с европейскими лицами… Вроде все как вперемежку, шумят, галдят, на лужайках кампуса в бейсбол битами, как в наших сериалах, но только не по лицам, а по мячикам лупят. Но присмотришься: чувствуется общий порядок, этакая американская свобода в поведении, но

чуть дело касается чего конкретного, той же учебы, экзаменов, так из суматохи этой и вырисовывается четкость и организация.

А учеба навроде нашей заочной, только по компьютерной сети! — нам еще далеко до этого, но уже пора задуматься. В кампусах же, что у нас пока студгородками называются, чистота, порядок, лужайки между корпусами с аккуратно подстриженной травой. Душа отдыхает! И всякие смешные постаментики с фигурками сов, ящериц бесхвостых и прочих зверушек поверх: простенько и со вкусом! Все напоминает студентам о науке, учебе и экзаменах. А у нас…— ректор обреченно махнул рукой,— никакого тебе веселого разнообразия. Все серое, не ремонтированное с совет… в смысле с прежних времен. Все заросло, а из памятников только и есть Ленин из крашенного папье-маше да снесенные уже юнгштурмовцы. Нет, надо нам подтягиваться за заграницей! Опять же, обратил внимание: университетский патриотизм у них в чести. Издают ежегодно справочные книги по научным своим достижениям. А если их бейсбольная команда в десятку победителей среди университетов американских войдет, так ликование не один-два дня длится. Надо, надо, коллеги, подтягиваться. Вот наша партия и пра… наше руководство постоянно призывает: сделаем науку и образование достойной наших смелых реформ, динамичности, размаху и устремлению которых изумляется весь мир. Вот за это и предлагаю тост! (В «лихие девяностые» тогдашние партия и правительство к кирке толерантны были).

◆ В последующую пару месяцев Игорь Васильевич с веселым изумлением отмечал бурную деятельность микроскопического строительства на территории студгородка, своими сорока с лишком учебными корпусами, общежитиями, хозяйственными постройками занимавшим не один квартал по обе стороны главного городского проспекта. То в одном месте перед корпусом с дорическими колоннами еще сталинской, довоенной постройки, то на лужайке между университетскими производственными мастерскими и бывшей солидной столовой, ныне спешно переоборудованной в совершенно пустующий корпус, пышно названный «инновационным», и даже в глухом дворе меж нескольких университетских зданий, видел Скородумов группки работяг в три — четыре слабо опохмеленные персоны в замасляных комбинезонах, что-то копающих с помощью ломов, штыковых и шахтерских лопат. Затерханный грузовичок, сразу заставлявший вспомнить кадры военной кинохроники с полуторками на «дороге жизни» через Ладожское озеро, к окончанию лопатного нулевого цикла подвозил обрезки бетонных столбов, которые с умеренными матерками работяги сгружали через откинутый борт кузова. Подносили ведра с цементным раствором, а на носилках горки щебня и битых кирпичей. Бурная эта деятельность скоро перестала интересовать Игоря Васильевича: примелькались хмурые работяги (в те годы задержка и без того скоротечно съедаемой гайдаровской инфляцией зарплаты на два — три месяца обычное явление), сосредоточенный десятник, или как там их называют? — наблюдатель за игривой новостройкой, искусственно бодрый, с подкузьминками, наигранно веселый смотрящий от ректората, бывший парторг… Стал он выбирать путь, минуя вырытые ямы, сваленные с грузовичка бетонные столбики, неряшливо сброшенные с носилок гравий и кирпичные обломки. А в начале наступившего учебного года наблюдал он издали на месте новостроек университетское начальство с согнанными на мероприятие студентами и преподавателями. Заинтересовался, начал спустя день-другой после торжественных сборищ выбирать путь мимо свершившихся новостроек. Исполнил же ректор свою «американскую мечту»! Перед сталинским корпусом с дорическими колоннами на бетонном столбе сидит бронзовая безхвостая ящерица: дескать, пошел пересдавать экзамен, по-студенчески «хвост», на пути потрогал ящерицу — а хвоста-то нет! Прямо как в кампусе университета штата Нью-Гэмпшир…

Между претенциозным «инновационным» корпусом с единственной живой душой — охранником и производственными мастерскими уселась на бетонной тумбочке сова — тоже из бетона (бронзы на всех не хватило!), символ бывшего знания. А в глухом дворе между корпусами обосновалась тож на бетонном столбе и вовсе неведомая зверушка, чем-то схожая с бурундуком. Очевидно, символ американского накопительства под девизами: мэйк мани и ничего личного, только бизнес.

…Правда, уже через неделю бронзовую ящерицу-безхвостку выломали глухой ночью и сдали в цветмет, откуда смекалистые торговцы за приличный выкуп вернули земноводное университету. Зверя накрепко принайтовали к бетонному столбу, а на фронтоне сталинского корпуса установили редкостную еще камеру видеонаблюдения за бронзовым гадом. На бетонные сову и бурундука не покушались — не металл ведь! Для коллекционеров же слишком аляповато исполнены.

Но вот Альфред Борисович одну американскую свою мечту как раз и исполнил. Зато с другой, которая книга с прославлением университетских ученых достижений, ба-а-льшой конфуз случился.

◆ «Самотеком только вода в нужном направлении течет»,— любил приговаривать фольклорно многомудрый в служебных ситуациях Альфред Борисович, вчитываясь в очередную пространную инструкцию, спущенную с минобразовских верхов. И никогда не торопился спускать ее ниже по университетской «лестнице» для исполнения, а клал под «сукно» — отлежаться. И все до самомалейшей мелочи держал под неослабевающим контролем. Потому уж под два десятка лет и держался в ректорском кресле, пережив смену строя в отечестве, трех генсеков и двух президентов: единственного советского и первого новороссийского. А вот тут впервые в жизни сплоховал, явно от деловой торопливости, которой инфицировался за неделю пребывания в стране нынешнего, уже для всего мира, Старшего брата. Правда, как-то упустил из виду, что тамошняя деловая активость предполагает дисциплинированную соподчиненность и разумность в исполнении порученного. Словом, оторвался от родных корней впавшей в разухабистое русское вольнодумие девя-

ностых годов, забывшей об исконной железной прямоте вертикали власти: от первых московских великих князей до предпоследнего советского генсека Константина Устиновича Черненко, Кучера по-народному, аббревиатурно так сказать.

История же раскрутилась следующая. Вослед установки в студгородке памятников мелкотравчатым зверушкам обмолвился Альфред Борисович на ректорском понедель-ничном совещании о подготовке и издании книги, отражающей успехи университета на научном поприще, например, по типу энциклопедии с персоналиями университетских ученых, их фотографиями, списками основных трудов. Здесь, от усердия даже некомильфо не выдержав приличествующей паузы после слов ректора, встрял Васюков, бывший вузовский комсомольский секретарь, а сейчас помощник Коршунова по оргвопросам, сообщивший, что областная библиотека, поддержанная областной же администрацией, уже поставила в план изданий на этот год таковую справочную книгу «Современные ученые города N.»:

— Полагаю, Альфред Борисович, хотя книга и будет по всем ученым города и области, но тем впечатлительнее на этом фоне будут представлены наши достижения как ведущего вуза региона. И нам забот меньше: дадим материалы, а библиотека пусть готовит и издает.

— Ну вот и хорошо. Сэкономим, ха-ха, так сказать на редактировании, верстке, корректуре и — особенно — на печатании тиража. Вот обладминистрация и профинансирует. Спасибо, Михаил Егорович, за оперативность. Надеюсь, не откажетесь курировать от нас это мероприятие?

— С удовольствием, Альфред Борисович…

(Ректор тонко усмехнулся, но не по причине верноподданничества бывшего комсорга, а расслышав шепоток либеральничающего декана военно-технического факультета: «Доносчику и первый кнут»).

…Уже через пару дней разгонная от ректората девушка Настя, хотя бы и была во второй молодости и шести пудов веса, занесла профессору Скородумову листок с библиотечной инструкцией по составлению персоналии для справочника. Игорь Васильевич скоренько сочинил требуемое, но отметил особо пункт инструкции об общем числе опубликованных научных трудов. А почему отметил? — что-то подсказала интуиция каверзное в наличии этого пункта. Ладно профессор Скородумов, но как Альфред-то Борисович с его воспитанной двумя режимами сверхъинтуицией просмотрел этот сомнительный пункт в составленной рядовой библиотечной работницей, слабо разбирающейся в высоком административном политесе, инструкции? Опять-таки приобретенный в Америке широкий взгляд на вещи, не позволяющий улавливать соринку в чужом глазу… Да, господа-товарищи, ихним либерализмом русскую душу никак не сдобришь. То ли дело наш отечественный приварок, да чтобы поверх слой топленого маслица в палец толщиной!

Ближе к бывшим ноябрьским праздникам как-то мимоходом, не обратив внимание, Игорь Васильевич услышал, что справочник-энциклопедия отпечатана и поэкземплярно скоро будет роздана включенным в него «вумственным» сотрудникам университета. Прошла неделя, другая, но никто это издание в глаза не видел. Профессор Скородумов, сам участник двух десятков научных энциклопедий из разных европейских стран и Америки, и думать забыл о «самопальном» справочнике, как ему в своем деканате вручили экземпляр. Внешний вид он одобрил: добротный твердый переплет, хорошего качества, явно финская бумага, даже верхний обрез блока книги запульверизован под цвет переплета книги. Странноватыми только показались форзацы, причем оба: на развороте лицевой и обратной корок переплета. Почему странным? — слишком толстая, навроде ватманской, бумага наклеена, а присмотрелся: наклеена-то она явно на первичный форзац из более тонкой типографской бумаги. Усмехнулся: все и везде разучились делать, типографии туда же…

На следующий день заскочил его докторант из вузовских доцентов, мужик сорокалетний и тонкий знаток университетских нравов. Тщательно притворив за собою дверь и даже повернув ключ в замке, он достал из щегольского портфеля такую же энциклопедию, многозначительно кивнул профессору и раскрыл книгу сначала на верхнем форзаце, затем на обратном: тот и другой в полный разворот, калейдоскопически, как шахматная доска, заполнены квадратиками с фотографиями и подписями: ФИО, ученая степень и звание и — вот Игорь-то Васильевич проинтуичил! — общее число опубликованных научных работ. Причем квадратики эти размещались слева направо, а по рядам сверху вниз, с продолжением на заднем форзаце, строго по убыванию чисел этих самых работ. Полностью лишенные в своем книжном отъединении от реального мира административного чутья, библиотекарши даже для убедительности пронумеровали квадратики с фотками от единицы до сотни — столько они выделили губернских ученых, достойных для выноса на форзацы книги… И уже без изумления отметил: под номером «один» с фото сурово посматривал его декан, активно публиковавшийся; вторым с усмешкой скептицизма значился он сам, профессор Скородумов. Их ректор Альфред Борисович значился… семьдесят восьмым (соавтором он обычно выступал), а ректорша второго вуза города, педуниверситета — где-то ближе к девятому десятку.

— …Вот увидел это безобразие Коршунов на сигнальном экземпляре и…

— Можешь не пояснять. Сам-то где такой раритет отхватил?

— Да у меня студент в этой типографии подрабатывает: сразу смекнул и мне украденный экземпляр презентовал. Хитрован! Ведь сессия на носу…

Сергей О. КРЕСТЬЯНКИН

г. Тула

Член Союза писателей России и Академии российской литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и литературной премии им. Л. Н. Толстого. Постоянный автор нашего альманаха.

ЖАРЕНОЕ МОРОЖЕНОЕ
Рассказ

Николай спускался по лестнице с четвертого этажа стандартной пятиэтажки.

Он был в хорошем расположении духа. Марина — его девушка, которую он приходил проведывать, уже пошла на поправку.

Надо же ее угораздило — в самый разгар лета заболеть ангиной. Ну, ничего, еще несколько дней, как сказал врач, и она снова станет здоровой.

Вечерело.

Хоть и было лето, но день вошёл в свою завершающую стадию, солнце зависло над крышами домов, приготовилось через час с небольшим скрыться (нырнуть) за горизонтом. А потому в подъезде царил полумрак. Лампочки сверкали не на каждом этаже. На некоторых они лишь тускло поблескивали. А на первом не горели вовсе. И чтобы добраться до подъездной двери — приходилось продвигаться чуть ли не на ощупь.

Молодой человек спустился с последней ступеньки, осторожно шагнул вперед и чуть не упал, споткнувшись обо что-то лежащее поперек дороги.

— Ой! — услышал он чей-то вздох.

Чертыхнувшись, Николай всмотрелся в темноту.

— Эй! Кто здесь?

— Я…— после небольшого молчания ответил мужской голос.

— Кто — я? И что вы здесь делаете? — пытаясь рассмотреть говорившего, произнес Николай.

— Я — человек… Лежу…

— Смешно,— осторожно сказал наткнувшийся.

— А мне — нет…— медленно ответил лежащий.

— Вам плохо? Может быть скорую вызвать? Или вы — пьяный?

— Я — не пьяный… Скорую вызывать пока не надо… На улице стреляли и меня ранили…— с небольшими паузами выговорил мужчина.— Прошел три двора, набрел на этот подъезд… От преследователя, наверное, оторвался…

— Ничего себе. Так вам тем более нужен врач. Давайте я позвоню в квартиры, в какой-нибудь наверняка есть телефон. И милицию надо вызвать. Стрельба — дело серьезное.

— Нет-нет, милицию нельзя,— заволновался лежащий на полу.

— На дворе девяностые годы. Это что, была криминальная разборка? А вы, значит, бандит?

— Все не так… мы с Алексеем — предприниматели. Он — директор, я — бухгалтер и его зам. Зовут меня — Андрей. И фирма наша называется по первым буквам имен «АлАн». Поступило интересное предложение. Мы решили совершить сделку. Но при встрече по нам начали стрелять. Алексей и еще несколько наших упали. А меня ранили, но мне удалось убежать и не потерять дипломат с деньгами.

— И много денег! — поинтересовался Николай.

С пола раздавалось тяжелое дыхание. Видно, что длинный монолог утомил раненного, и он собирался с силами.

— Двести тысяч.

— Да, прилично…

— Не рублей, а долларов.

— Фью-ить. Ничего себе,— опешил молодой человек, присвистнув от удивления.— Вот это деньжищи…

— Поэтому ни в коем случае нельзя, чтобы меня нашли с такими деньгами ни милиция, ни скорая, ни тем более — преследователи. Деньги пропадут и ничего не докажешь. А будешь доказывать, придется объяснять, откуда вообще взялась такая огромная сумма.

На месте перестрелки уже наверняка орудует милиция. Бандиты слиняли. Чуть позже я уйду отсюда как можно дальше. Но с дипломатом идти опасно. Вдруг выследят… Да и сил нет тащить его. Тебя как зовут?

— Николай.

— Живешь в этом подъезде?

— Нет. Я в гости приходил.

— Замечательно. У меня к тебе предложение. Возьми кейс и спрячь.

— Нет-нет. Я не возьму эти грязные деньги. Кровавые.

— Дурила. Это нормальные, можно сказать, честные деньги. Мы с Алексеем начинали с веников для бани. Затраты минимальные, а прибыль — сто процентов. Потом продавали масло, сыр, другие продукты… затем стройматериалы. Ну и так далее. За три года наша фирма сколотила капитал и твердо стоит на ногах. Так что — это честные деньги… ты кем работаешь?

— Учителем русского языка и литературы в школе.

— И много получаешь?

— Оклад, разряд, надбавки, проверка тетрадей…— начал перечислять педагог.— Всего девять тысяч с небольшим…

— Долларов?

— Смешно.

— Извини, неудачно пошутил. Твоя зарплата составляет триста долларов. Предлагаю тебе подработку. Берешь эти деньги на сохранение. Прячешь. А через пару месяцев, если все будет нормально, отдаешь нам обратно. И мы тебе платим пять тысяч… и не рублей, а долларов. Это почти две твои годовые зарплаты.

— Ну, не знаю. Как-то это все неожиданно…

— Решай быстрее… Пока нас здесь никто не увидел вместе — ты в относительной безопасности. Уйдешь незаметно и веди себя — не дергайся.

— Легко сказать — не дергайся. Такая сумма, что страху натерпишься. Это — несколько месяцев не спать и вздрагивать при каждом шорохе.

— Ну, хорошо, если все закончится благополучно, получишь десять тысяч.

— Да я не об этом… Я о ситуации в целом. А если я возьму деньги и скроюсь?

— Ты производишь впечатление порядочного человека.

— Ну, мало ли кто какое впечатление производит… Вы же меня совсем не знаете…

— Во-первых, если ты задаешь такие вопросы, то вряд ли собираешься предпринимать что-либо в этом духе. Во-вторых, ты связан с этим подъездом, и мы рано или поздно тебя отыщем. В-третьих, предлагаю тебе пять тысяч сейчас и пять тысяч после завершения нашей сделки. Сможешь накупить много разных вещей или открыть свой бизнес. Только трать аккуратно, с умом. Не очень светись и выпячивайся. В-четвертых, ты не прошел равнодушно мимо — мало ли какой пьяный валяется,— а проявил участие, предлагал помочь — вызвать скорую. А в-пятых, мне придется рискнуть и довериться тебе. Выбор у меня не богатый. Если меня найдут с деньгами. То пропадет все, и еще не известно останусь ли я жив. А так есть вероятность хоть что-то сохранить. И потом, если бы мы не рисковали, вряд ли бы наша компания твердо стала на ноги. Так что вот такие дела. Ну, что ты решил?

— Да не знаю. Стремно все это как-то. Хотя, черт его знает, может сто́ит помочь,— засомневался Николай.

— Вот и хорошо. У тебя на плече сумка?

— Да, спортивная. Это я в бассейне был сегодня.

— Отлично. Положи туда кейс. Выходи из подъезда без суеты и спрячь понадежнее.

Щелкнули замки дипломата.

— Держи, как и обещал. Пять тысяч.

В руку учителя ткнулась пачка банкнот.

Когда кейс был спрятан в сумке, Николай спросил:

— А как же я вас найду через несколько месяцев?

— Каждую неделю давай в областной газете какое-нибудь необычное объявление. Например: предлагаю корм для крокодоило-попугаев.

— А может лучше про жареное мороженое для гурманов?

— Жареное мороженое… Необычно… интересно…запоминаемо. Договорились. Все. Иди. А я уйду, когда еще больше стемнеет.

Из подъезда молодой человек вышел, словно профессиональный разведчик — петли не заскрипели и дверь не хлопнула.

И вот уже несколько месяцев Николай дает объявление про жареное мороженое для гурманов. Звонков много, но не тех. Гурманы на связь пока не выходили. Приходится ждать. А что еще остается.

г. Тула

Лидия ДОВЫДЕНКО

г. Калиниград

Довыденко Лидия Владимировна родилась 27.04.1952 г. в д. Хомичи Быховского р-на Могилевской обл. БССР. Окончила историко-филологический факультет Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины (1975), по специальности филолог. Кандидат философских наук. Главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега». Прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Автор 23 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов: 18 серий «Тайны Пиллау» и др. Публиковалась во многих литературных журналах и альманахах, в том числе: «Наш современник», «Подъём», «Нижний Новгород», «Новая Немига литературная», в «Литературной газете», на сайтах: «Росписатель», «Общеписательская литературная газета», «День литературы» и другие. Победитель многих конкурсов и лауреат многих премий. Награждена знаком «Трудовая доблесть России» — «За труд во славу России», медалями: им. Николая Рубцова, Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск России «За верность присяге» им. генерал-лейтенанта И. Д. Волкова, золотой медалью за 1-е место в конкурсе СМИ «Патриот России» — 2017, медалями: «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» — 2017, им. Евгения Замятина, «М. В. Ломоносов. За заслуги. Слава русскому народу». Секретарь СПР, член СЖР.

АВГУСТ 2022
Рассказ

Леонид, позывной Семерик, прибыл в Горловку добровольцем в 2014 году. И вот, сразу после объявления СВО, он снова стал собирать добровольцев. В результате из семнадцати человек, кого он хотел видеть рядом с собой, не поехал по разным причинам никто, а он 1 марта уже был на месте. Это было связано с тем, что люди помнили после ранений бесполезное обращение за выплатами, и чиновница, как и в годы Афганистана и Чечни, привычно отвечала: «Я вас туда не посылала. Федеральный центр начал эту войну, пусть вам и выплачивает. А нам деньги не пришли».

Анатолию дали автомат, четыре рожка с патронами и одну гранату. Это все, сказали ему, а дальше добывай сам в бою с вооруженными силами Украины. Он позвонил своей знакомой Тоне, секретарю влиятельной общественной организации, что воевать нечем.

— Я тебя поняла, жди гуманитарную машину.

Увидев два прибывших микроавтобуса с «гуманитаркой», Леонид поторопился им навстречу. Минут через пятнадцать, сглатывая горечь во рту, он снова набрал свою знакомую.

—Тоня, что за дела?.. Десять ящиков газированной воды в одном микрике, в другом — десять ящиков макаронных супов «дешырак». Я же тебя просил...

— Б…, полный п... Сп…, вопрос, на каком этапе? Я тебе сейчас пришлю фото, что я тебе отправила.

Анатолий открывает фото на телефоне. Две самые современные винтовки-красавицы французского производства, как минимум, по миллиону каждая... а прицелы к ним — антиснайпер, в три с половиной раза дороже.

— Кто же, где и как спер? — размышлял расстроенный Анатолий. И тут его осенило:

— Это Черт, его работа, украл...

Анатолий уже видел его начальника в деле, с удивлением читал в украинских сетях сдержанное, без ненависти к нему отношение, видел, как пришло четыре беспилотника: три — за двести тысяч каждый и один — за миллион двести. За миллион двести Черт сразу положил в свою машину, и больше никто не видел, где дорогой аппарат, а на эти он махнул рукой. И правда, они больше чем на сто пятьдесят метров не полетят.

Горловский отряд добровольцев оказался под началом полковника Черткова, позывной Черт, который чувствовал себя хозяином территории. Если видел музей, снимал картины и отправлял своему начальству в Москву. Ничем не отличался по поведению от украинцев. Заехал в деревню, зашел во двор, подстрелил четыре курицы, бросил в багажник машины, которую водил сам. Зашел в дом в оставленной деревне, увидел новенький плоский телевизор, завернул в подвернувшийся под руку плед, уложил на заднее сиденье.

К августу 2022 Леонид физически и морально истощился. Ему нужно было найти ответы на свои накопившиеся вопросы и полечиться в госпитале от замучившей его аллергии. Черт не давал справку участника боевых действий. Почему контрактникам и добровольцам платят в долларах, а не в рублях, а доллар с каждым днем падает? Почему военную форму шьют из такой дерьмовой ткани, что она рвется на следующий день, как надел? Почему не выплатили деньги тем, кто сам заказал себе обмундирование из нормальной ткани? Где оборонка? Где то предприятие, где шьют парашюты. Я не знаю такого в России. Где плотики, которые положены разведчику, чтобы он мог на нем спать в спец-условиях, переплыть через реку? Где честные

генералы? Где умные командиры? Почему две недели назад погибло сорок два морских пехотинца из Балтийска? Их даже посмертно не наградят, не то что при жизни. Никто не знает о них, почему? Почему в Калининград приезжают по двадцать машин с евросоюзовскими номерами за газом, вывозя цистернами? Их пропускают на границе по чьему указу?

Эти вопросы не имели ответа. Измучившись, Анатолий задремал: вдруг он внезапно проснулся, услышав рядом чьи-то шаги. На него набросились люди, куда-то потащили. Две недели его били, по голове и в живот. Вместе с кровью он день за днем выплевывал свои зубы. Ему повезло, его вытащил генерал Громов, на которого вышла Полина из Москвы.

***

Василий Иванович, полковник в отставке, был приглашен на форум ветеранской организации, и он откликнулся, надеясь задать вопрос из зала, так как ни на одно письмо в правительство области не получил ответа. Вышел губернатор, читал что-то в бумажке громко и ни о чем, мыслью зацепиться было не за что... Потом он сошел со сцены и пошел между рядами, уперев глаза в пол. Было видно, что никто из ветеранов его не интересует, и он не хочет ни с кем встречаться взглядом. «Ноздри»,— вспомнил ветеран кличку молодого человека. Ноздри чешутся от кокаина. С каждым шагом губернатора уходила надежда получить ответы на свои вопросы у Василия Ивановича.

Взгляд его упал на женщину, шедшую следом за губернатором, но с другой стороны, вдоль стены, он не сразу разглядел ее, потому что она то и дело наклонялась к сидящим с краю и касалась руки, приветливо даря улыбки. Это была депутат Госдумы от области Огелева. Останутся без ответов вопросы и к ней.

Он вспомнил, как ему утром в воцапп кто-то прислал фотографии женщин премьер-министров западных стран и шутку: «Сколько же народу пострадало от этого бабья…»

Тонущий в кризисах запад хватается за женщин как за спасительную соломинку…

Тем времени на сцене появился профессор Застежкин, который начал вещать о патриотизме… «Не ты ли уничтожил в университете кафедры русской истории, русской литературы, русской философии, а теперь переобулся, соросский выкормыш?» — молча спрашивал Василий Иванович.

Началось время кофе-паузы. Пикнул телефон, писала сообщение его сестра Нина из поселка Живенское, расположенного у границы с Польшей. Она говорила, что блокноты, которые дарили ветеранам,— это измена: на обложке фото города выдержано в тонах: желтые фасады зданий вверху, а дорога между ними внизу — синяя.

— От нашего поселка,— писала Нина,— по железной дороге в вагонах-цистернах перекачивают газ в Польшу, кто разрешил, ведь у нас в Калининграде может не хватить газа. Угля на зиму нет».

— Да, кто же всесильный такой, что решает сам, как ему распоряжаться газом для калининградцев? — снова звучал вопрос без ответа.

«Союз добровольцев Донбасса,— размышлял Василий Иванович,— они говорят о возвращении «Смерша».— Ребята рассказали о трех добровольцах, погибших на харьковском направлении, и никто не может решить вопроса доставки тел домой уже неделю. Три семьи пишут во все инстанции с просьбой о помощи, но ее нет.

— Что же Бородай,— думает Владимир Иванович,— депутат Госдумы, неужели и он бессилен?

Василий Иванович пошел скорее на свежий воздух, увидел добровольцев и услышал, как они дискутируют.

Раненый в ногу говорил:

— Может быть, мы вообще не победим…

А молоденький паренек с каким-то чистым и смелым взглядом сказал:

— Победим, так было всегда.

— Да я учитель истории, я знаю, что не всегда мы побеждали: Например, русско-японская война…

— Нет, это была трагическая случайность, подрыв корабля с адмиралом Макаровым,— горячо отвечал молодой человек.

— Ребята, а как вы думаете, когда это кончится? — спросил Василий Иванович.

— Нам нужны добровольцы, никто, кроме нас...— коротко ответил человек с раненой ногой.

Василий Иванович пожал руки добровольцам и попрощался с ними, вспомнив еще один рассказ Нины:

— Знаешь, что мне сегодня настроение хорошее подарило? Копаю картошку на огороде, смотрю — натовские самолеты поднялись со стороны Польши, и тут же, Василий, тут же поднялись в небо наши самолеты. Это мне отрадно!

***

Шел август 2022 года. Леонид приехал в Калининград навестить товарища, которого контузило в недавнем бою, и он лежал в госпитале имени Саулькина. Игорь с позывным Прусс — слава Богу! — шел на поправку.

— Ну что, Игорь, сдал справки на социальное пособие за ранение, за увечье?

— Сдал, да что толку, говорят, что денег нет…

Август выдался аномально горячим, даже ночь не приносила прохлады. Спасали сквозняки. Квартира, которую снял для себя Леонид, была двухкомнатной, с окнами, выходящими на улицу и во двор. Так было надо на всякий случай, ведь Прусс предупредил: тут был Черт, тебя искал.

Интернет работал, и Леонид, достав из кармана смартфон, набрал «Новости с фронта», и ему тут же посыпалась украинская лживая информация. Он чертыхнулся: «Ну почему лезет сначала украинская нечисть?» Наконец вышел на дневник блогера Торса: «В Украину понемногу съезжаются дебилы со всего мира “пострелять русню”. К украм приехал какой-то модный снайпер, то ли из Норвегии, то ли из Канады. Не суть. Он был каким-то олимпийским призером по биатлону. Короче, крутой очень был снайпер. На своей странице в ФБ написал заранее, что едет стрелять диких ополченцев. В итоге он прожил там дней пять. На одном из боевых дежурств его обнулил снайпер нашей роты Саня “Араб” и отжал у него крутую оптику. С этими импортными даунами случится то же самое».

Леонид вспомнил Луганск 2014 года, как будучи командиром подразделения, накрыл «наркотушку», уничтожив готовящуюся к отправке на Мариуполь партию «экстази». У Коломойского заводик по производству наркоты работал бесперебойно в Горловке. Работал колбасный цех, кондитерский… С ними и вывозили.

Черт сразу же узнал о взорванной партии наркотиков и отправил к Леониду четверых. Били жестоко, превратив тело в сплошной синяк. Этих четверых расстреляли, когда прибыл генерал из ГРУ, освободив Леонида и увезя его с собой в Москву на лечение. А Черт подогнал к самолету микроавтобус с подарками генералам в Москву. Никто не отказался. Если ты откажешься, тебя отправят на какой-то флот или в какую-то часть с проверкой, и по дороге у тебя возникнет сердечная недостаточность, как уже было с другими. Все молча наблюдали погрузку в самолет картин, телевизоров, холодильников, иностранного оружия для коллекций.

Августовские душные ночи не давали уснуть. Память подсунула снова 14-й год, поселок Счастье. Тогда Леонид только прибыл в Ростов и оказался среди шести разведчиков и четырнадцати человек ополченцев. Нужно было найти снайпершу, которая где-то пряталась и убивала ополченцев. Счет у нее уже шел на десятки. Молоденький парень предупредил, что казаки тут все подступы заминировали.

Когда Леонид осмотрелся, он сразу понял, что снайпер-женщина могла прятаться только в отдельно стоящем трехэтажном доме, и она не подорвалась на мине, потому что никуда и не уходила. У дома стоял микроавтобус с гуманитарной помощью из России. Ополченцы тем временем открыли летнюю кухню рядом с трехэтажным домом и, увидев яйца в холодильнике, стали жарить себе яичницу. Кто-то уже вскрыл автобус и вытащил из него кроссовки, связанными шнурками повесил их себе на шею.

Трехэтажный особняк был закрыт, и ополченцы стали снимать двери с петель, найдя кой-какие инструменты в летней кухне. Как только дверь стала открываться, из нее вылетела граната, но пролетела вперед, никого не достав осколками.

Непонятно, откуда они узнали, но укры тут же начали обстреливать группу Леонида. А он взял с собой бронебойные снаряды и вначале прошелся по окнам первого этажа, а потом по второму этажу, откуда послышался крик раненой убийцы. Еще один снаряд, и крики стихли. Снайпером была украинская биатлонистка, чемпионка Люся Пидъяблоневая, активистка майдана, желавшая рашистам побольше грузов 200.

Позже выяснилось, чей это был дом — племянника Столярова, одного из лидеров молодой Луганской республики. С помощью дяди племянник подогнал гуманитарную помощь к своему дому.

«Как победить зло, а зло — это укрофашизм»,— для Леонида такой вопрос не стоял, он просто делал свое дело, никогда не ходил в публичный дом «Клубничка» под Луганском, не пил, лишь очень редко и чуть-чуть, только если надо было помянуть близкого человека, но никогда — перед боем, перед заданием. Если не остановить ползучую гниль с запада, то это — неимоверная угроза Отечеству, семье, детям.

Он помнил, что четверо сбитых летчика из Черняховска упали в Черное море, где вода была четыре градуса в то время, за ними никто не был отправлен на поиски, они просто замерзли в воде, не потому что не были найдены, а их не искали…

Надо отвечать, прежде всего, за себя, понимая, что от твоей выучки и трезвости зависит твоя жизнь и твоих подчиненных, и, разумеется, общая победа.

В открытое окно потянуло запахом гари, и Леонид в мгновение ока замер у окна. Запах шел из строящегося рядом очередного высотного дома, еще одной многоэтажки, растущей на благо очередному областному депутату. Жгли мусор, чтобы не платить за его вывоз.

У границ Калининградской области стоят натовцы, и эта мысль заставила внутренне мобилизоваться, освободиться от воспоминаний и сосредоточиться на сегодняшних задачах. У Леонида была еще одна цель в Калининграде — автомобиль. Один умелец переделал машину ВАЗ-Патриот, чтобы охотиться на ней по любым дорогам, а теперь продавал, и Леонид покупал, чтобы ехать на ней на Донбасс, восхищаясь умельцем.

«Надо учить детей любить Родину и защищать ее, бороться со злом. А оно не только на Украине, оно и здесь, в России»,— думал Леонид.— «Никто, кроме нас!..»

Он торопился. Его заждался в Донецке песик, которого он подобрал в одном селе, привязанным на цепь, а хозяева были убиты. Рекс признал в Анатолии нового хозяина, отличный, верный, умный пес.

Яков ШАФРАН

г. Тула

Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Ответственный редактор-секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула) и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка». Печатается во многих журналах и альманахах и на сайтах журналов.

ЧУДОВИЩЕ

«Когда планетный Создатель трудился над оформлением тверди,
Он устремил внимание на плодоносные равнины,
которые могли дать людям спокойное хлебопашество.
Но Матерь Мира сказала:
— Правда, люди найдут на равнинах и хлеб, и торговлю,
но когда золото загрязнит равнины,
куда же пойдут чистые духом для укрепления?
Или пусть они получат крылья, или пусть им будут даны горы,
чтобы спастись от золота.
И Создатель ответил:
— Рано давать крылья, они понесут на них смерть и разрушение,
но дадим им горы, пусть некоторые боятся их,
но для других они будут спасением».

Миф «О Происхождении Гор».
Елена Рерих «Мир Огненный»

Они расстались около пятидесяти долгих лет тому назад, будучи юными людьми: Анне — двадцать, а Павлу Лукину — двадцать три. Нет, все у них, с какой, той или иной, стороны ни посмотри, было нормально, даже более того — молодые люди любили друг друга, планировали безоблачное будущее и имели для этого весомое и подлинно достаточное основание, так как их прошлое не знало ни малейшего душевного разлада, ни малейшего разногласия.

А произошла совершенно нелепая трагическая случайность. Аня ехала на простом велосипеде по краю вполне широкого шоссе в том же направлении, что и основное дорожное движение, и необходимые передний и задний фонарики на велосипеде светились. Собственно, движения никакого и не происходило ни на шоссе, ни на пешеходных дорожках. Но вот дорога повернула практически на девяносто градусов, и одна легковая машина за спиной, мчавшаяся со скоростью, как определили позже по тормозному пути, значительно превышающей положенную, резко выскочила из-за крутого поворота и сбила Аню. Бывший в состоянии опьянения лихой водитель, вначале остановился и вышел, однако потом, видимо, подумав, что та мертва, оглянулся вокруг и, боясь появления людей, умчался. Прохожие, через некоторое время спустя обнаружившие ее распростертое рядом с искореженным велосипедом тело, тут же вызвали скорую помощь. Пока она ехала, кто-то попытался сделать закрытый массаж сердца и искусственное дыхание. Только знающий мужчина из окружающих запретил это делать, ибо множественные и очень тяжелые травмы не позволяли шевелить человека. Скорая приехала на сей раз поразительно быстро. Медики сделали все возможное — и на месте катастрофы, и в пути,— но… Аня скончалась, до больницы ее так и не довезли…

Хоронили Анну по настоянию Павла в нарядном свадебном уборе, и он оделся тогда в приготовленную для бракосочетания одежду. Хотя кое-кто из незнающих отнеслись к такому с явным неодобрением, однако, получив понятные объяснения, наоборот, одобрительно кивали головами. Его опустошенная душа плакала, и слезы, невзирая на окружающих, катившиеся по ввалившимся щекам, были лишь малой толикой выражения неутешного, неизбывного горя.

Когда последний ком могильной земли завершил холмик надгробия Ани, Павел поклялся в двух вещах: во-первых, во что бы то ни стало найдет того водителя-убийцу и, во-вторых, теперь ему никто не нужен, и в его жизни не будет с ним рядом иной женщины. Первое клятвенное обещание он не смог выпол-

нить, поскольку виновного нашла милиция — как известно, советские розыскные органы работали на все сто.

С завода, где они вместе трудились, Павел уволился и устроился на другой, тоже в механосборочный цех, и поступил на вечернее отделение технического вуза.

Первые три года она снилась каждую неспокойную и нескончаемую ночь. Порой он просыпался от буквально стойкого и пьянящего ощущения ее рядом. И днем — в том числе и в утомительный рабочий день — грустные и горькие мысли часто возвращались к ней. И, действительно, вначале Лукин на девушек, знакомых и незнакомых, смотреть не мог, не то чтобы быть в приятельских отношениях или даже заговорить о чем-то, кроме дел по совместной работе или учебе. Да, три года… Трогательный образ Ани жил в нем, но далее, с каждым годом, в ежедневном, обыденном сознании — в долговременной памяти она занимала прежнее высокое место — все более тускнел, становился отдаленнее и виделся будто в некоем зыбком тумане. И он сам, молодой, часто стал отодвигать его, ибо тот мешал ему жить сегодняшним днем. А полнокровное житие-бытие, как говорится, начало требовать свое, молодой полноценный мужской организм подавал зычный уверенный голос и чем дальше, тем сильнее. Однако произошло бóльшее — нечто, видимо, случилось: или сломалось в нем, или генетика стала управлять — отец рано оставил небогатую семью и пошел в форменный разнос: начал часто пить и не то что ходить налево, а женщины буквально сменяли одна другую. Потом тот, окончательно спившись, умер, не дожив до заслуженной пенсии.

Сын до пенсии дожил и еще двадцать пять лет прожил. Только какой была та жизнь? Хотя и не пьянствовал, подобно покойному родителю,— впечатляющий пример жил в памяти, потому практичного, здравого ума хватило не повторять. Но в остальном… Женщин Павел не уважал и не любил. Да, он не женился, а представительниц противоположного пола просто использовал. Те достаточно легко обманывались помужски красивым и сильным молодым человеком. Впрочем, этим грешное дело не ограничивалось. Порядочно любя деньги — данная, вторая, безудержная маниакальная страсть появилась у него тогда вместе с первой: и на любовниц нужны материальные средства и немалые, дабы создавать необходимый, соответствующий антураж. Как известно, многие из них, какие бы они ни были со всех сторон человеческого бытия, одной «любовью» не довольствуются… И сами по себе деньги превратились в сильную душевную привязанность Павла, даже настоящую манию, мощное божество что ли, а может быть, и темную бездну. Он краем сознания осознавал это, однако не раздумывал над ним. Одним словом, две пагубные земные страсти постепенно начали занимать в его опустошенной неопытной душе место, ранее заполненное безраздельной юношеской любовью к Анне.

В безудержной гонке за деньгами Лукин пользовался разными доступными подручными средствами: стал играть в карты и на рулетке в тайном, подпольном игровом клубе (куда проник, благодаря одной из своих очередных любовниц) и, обладая острым и логическим умом, а также тактической хитростью, позволявшими ему не торопиться, не делать эмоциональных, суетливых и резких, неосторожных движений и ходов, много наблюдать и собирать в уме статистику азартной игры,— добивался суммарно положительного результата. Кроме того, он фарцевал, умнó спекулировал, как теперь говорится — «предпринимал». В Москве для подобного предпринимательства шансов тогда было хоть отбавляй. Только будь бдителен: смотри зорко вокруг себя, умей распознать человека, с кем имеешь конкретное дело, правильно преподнести определенный товар, который, мол, купил, и не подошел или не понравился, или лишний. Например, купил модные импортные брюки по одной цене, а продал в несколько раз дороже. Занимался перепродажей билетов в столичные театры, на популярные концерты, в московский цирк на Цветном бульваре, на большой хоккей и футбол и на другие популярные спортивные соревнования, а также на пассажирские поезда дальнего следования. Единственное, что Павел опасался делать — это валютные операции, являвшиеся профессиональной сферой неусыпного контроля кэгэбистов, а с ними, известно, шутки всегда плохи. Не упускал и такую реальную возможность заработать, как запись магнитофонных кассет с нескольких модных в то время музыкальных альбомов, тем более что пустые кассеты имелись в свободной розничной торговле в изрядном достатке. Откровенно брезговал заниматься «шабашкой», то бишь разными строительными и ремонтными услугами,— хотя для себя освоил и данные полезные ремесла,— скупкой краденного с советского производства, разведением животных с целью сбора меха для женских шуб, для выделки натуральной кожи, и частным виноделием и самогоноварением.

Будучи умным и архиосторожным, никогда ничего не делавшим наобум, порой жертвовавшим ожидаемой немалой прибылью ради пущей безопасности, он благополучно избежал и пресловутую андроповскую массированную кампанию непримиримой борьбы с нетрудовыми доходами, и павловскую, не к ночи будет помянута, радикальную денежную реформу девяносто первого года, и дефолт девяносто восьмого — быстрый и всеобщий финансовый крах, приведший к утрате людьми сбережений. Потому в начале двухтысячных находился на плаву, и на хорошем плаву.

… Но не тут то было. Хорошо-то хорошо, только нежданно-негаданно пришла внезапная болезнь, да не простая, а ни много ни мало рак крови. Первым делом Лукин по старой российской привычке кинулся налево и направо к разного рода знаменитым экстрасенсам и целителям. Денег потратил немеряно — благо у него их имелось во множестве,— однако никакого положительного результата это не дало. И он, оставив не оправдавшую себя традицию, совершил шаг в направлении официальной медицины и сделал пересадку костного мозга. Среди онкологических больных, как узнал затем, существует распространенное поверье о

раке, будто о живом коварном существе, вернее, кровожадном хищнике, кого если ранить, то он звереет. Иначе говоря, его необходимо теми или другими эффективными способами не ранить, а убить. В России же рак, в некотором роде лишь ранят. Поэтому Павел после пересадки, мало что давшей, сориентировался на израильскую и американскую медицину.

А когда, в связи с известными событиями 2022-го года, грянули тотальные западные санкции, сделавшиеся, по сути, объявлением цивилизационной гибридной войны, то прямые деловые контакты стали невозможны без личного безоговорочного осуждения России за СВО. (К его чести он не пошел на этот предательский шаг). Однако можно было получать нужные лекарства через Интернет и «левым» путем, если «правый» закрыт. И лечиться, пусть не у заграничных, но, на худой конец, и у российских врачей, владеющих, хоть, как имел уверенность, и не в полной мере специальными западными методиками — по принципу: я в книге напишу, да не все, а остальное — за особую сдельную оплату. Впрочем это тоже является шагом, только вперед, а не двумя шагами назад… Потому Лукин нашел таковых, и хорошо им платил, можно сказать, будучи готовым полностью отдать свое немалое состояние, чтобы вылечиться. Нужно заметить, чем дольше тот болел, тем больше думал об Анне, о вероятной и желанной встрече с ней в случае фатального исхода. И вот никакие активные действия и никакие, даже изрядные, деньги не помогли, и он скончался…

Вслед за произошедшим Павел не сразу понял, что его фактическое существование переместилось с материального, плотного на тонкий, астральный план бытия. А поняв, сразу, без лишних эмоций, с тем примирился. Сознание было смутным и сонным, и он не очень-то интересовался происходящим вокруг. Начав вначале предаваться привычным, излюбленным земным занятиям, скоро уяснил их иллюзорность, ибо все рассеивалось, едва внимание переходило на что-то другое. И вскоре место пребывания перестало нравиться ему, ибо находилось практически на условной (с данной стороны) границе с физическим, плотным миром, и Павел представлялся некоторым особо чувствительным индивидуумам на материальном уровне бестелесным туманным призраком. Обладая не высоким, но сильным логическим и цепким сознанием, Лукин понял, почему попал в такое место. Немало в земном существовании, добывая деньги, он испытывал необузданного, безудержного гнева, лютой, а порой и затаенной, злобы, глубокой зависти и обиды, мстительности и агрессивности. А поскольку семью на земле Павел так и не создал, и близких, родных и любящих его людей там уже никого не осталось, да старых задушевных друзей, при том образе жизни, какой вел, просто не имелось, то необходимую и доступную энергию для продвижения в загробном мире черпать было неоткуда. Да и многочисленные совершенные грехи сего не позволяли.

Когда он более-менее «акклиматизировался» в той части загробного мира, куда попал, перед ним стал разворачиваться в трехмерном пространстве «фильм» его предыдущего бытия — полностью, значительные и незначительные, периоды его и события. Причем Лукин буквально проживал их словно в подлинной, объективной реальности, так как ничто не отвлекало от этого. И пока не осознавал происходившего с ним в прошлом, истинных, подлинных причин и закономерности неизбежных, проистекающих из них следствий, просматриваемое событие не исчезало, и он переживал бывшее вновь и вновь. После окончания «фильма» и полного и трезвого осознания всего Павел переместился в соответствующий ему по закону причинно-следственных связей слой. Только не то беспокоило и удручало, ибо у него возникло одно неодолимое, настойчивое стремление увидеть Аню. И едва сконцентрировался на желании, оно сразу и осуществилось. Та предстала перед ним точно такой, какой и была в тот злополучный день, в который расстались: молодой, красивой, любимой. Он весь потянулся к ней и немедленно оказался рядом. Однако Анна, к его изумлению, резко отшатнулась и изменилась в лице. «В чем дело, милая? — спросил Лукин.— Мы с тобой столько времени не виделись?!» — «Да, мы давно не виделись, и ты сильно изменился!» — «Конечно, я постарел за долгие годы…» — «Естественно, но дело не в том»,— ответила Аня, продолжая отдаляться, впрочем, не исчезая совсем.— «А в чем?» — «Посмотри на себя в зеркало!» Зеркало немедленно возникло перед глазами. Он взглянул и… содрогнулся. На него глядело мерзкое чудовище: клыкастый, почти без губ, алчный, кроваво-красный рот, короткий, с разверстыми ноздрями гниющий нос, узкий лоб с гнойными язвами над клочковатыми бровями, с взиравшими из-под них горящими лихорадочным огнем желтыми глазами с точечными черными зрачками. С лица капала слизь.

— Что же ты с собой сделал?! Как ты жил без меня?! — воскликнула Анна.

— Жил как мог…— промолвил Павел.

— Да, я вижу, как ты мог…— произнесла она.— А, наверное, мечтал встретиться со мной?

— Мечтал…

— Прощай!

— Подожди! Я хотел не просто с тобой встретиться, а быть вместе, навсегда. Я ждал заветного часа!

— Это невозможно. Тот энергетический слой, где я нахожусь, для тебя, такого, закрыт — ты ведь видел свой нынешний истинный облик, отражающий именно твою глубинную суть, она не выдержит чистых, положительных вибраций, и ты сам сбежишь в слой, отвечающий по родству твоим низким вибрациям.

Он молчал. Вокруг раздавались ехидные смешки, смехоподобные всхлипы и прямое издевательское гоготанье безобразных, кривляющихся и скачущих в неистовых глумливых плясках безобразных существ среди унылого пустынного темного пейзажа. А сверху чуть мерцало на черном беззвездном небе нечто подобное тусклому фиолетовому солнцу и внизу, под ногами, простиралась разверстая черная бездна… Однако

Лукин не обращал на окружающее никакого внимания. Анна видела, как по его страшному лицу,— если данный облик можно было назвать лицом,— текли слезы. И, сжалившись, она, сказала:

— Ты загасил Свет в заблудшей душе жалкими, неверными бликами материального, житейского благополучия, активными осознанными действиями, предпринимаемыми для достижения желаемого, а также скверными мыслями и эмоциями, сопровождающими их. И отсутствие Света вызвало пагубные, необратимые последствия, именно поэтому ты стал таким. Но у тебя есть спасительный выход, и в перспективе мы можем встретиться вновь.

Он с надеждой взглянул на нее.

— Да! Только теперь ты обязан, несмотря на гиблое место, где ты сейчас находишься, и на тех, кто окружает,— Анна оглянулась по сторонам и поежилась,— неустанно и постоянно стремиться к Свету. И слушать протягивающих тебе крепкую руку, старающихся помочь двигаться к Нему,— а таковые будут, однако ты должен стремиться их увидеть. Тогда мы с тобой обязательно встретимся. А сейчас прощай и помни все, сказанное мной!

Она взглянула на него со всей материнской, неизреченной любовью и глубоким состраданием, на какие была способна, и растаяла, подобно легкому облачку в ночном небе. А там по-прежнему висело темно-фиолетовое «светило». Тем не менее, что-то привлекло его внимание к нему. И, вглядевшись, Павел увидел крохотную светлую точку на диске…

Июнь — сентябрь 2022 г.

Ляман БАГИРОВА

г. Баку, Азербайджан

Багирова Ляман Сархадовна родилась 6.08.1969 г. в Баку. Филолог-русист. Заведующая сектором новых книг в отделе национальной библиографии Национальной библиотеки Азербайджана. Член СП Азербайджана и РСП. Издано четыре книги рассказов. Публикуется в журналах, альманахах и газетах. Лауреат, дипломант и финалист ряда известных конкурсов. Наш постоянный автор.

РАПСОДИЯ МАЙСКОГО ДНЯ

Эти строки я пишу ночью в тишине деревенского дома, пропахшего медом и старостью. Хозяин его, проведший, кажется, на пасеке полжизни, крепко спит. День был трудный, а бывали ли у него легкие дни?.. Труд пчеловода тяжел и кропотлив.

Мои попутчики спят, утомленные долгой дорогой и веселой беседой. Это только кажется, что веселье дается легко и ни к чему не обязывает. Любое общение требует душевной отдачи, настройки на собеседника, и вот — вроде все легко и просто, а силы все равно уходят, потому что трудно слушать, но не слышать. Общаться бездумно, не вникая. Кто бы что не говорил, это почти невозможно. Ну, если только не обладать потрясающим даром неуважения к собеседнику.

К счастью, мои милые спутники таким даром не обладают. Это друзья, проверенные временем и радостью, ибо чужая радость — это тот оселок, на котором правится искренность дружбы. За долгие годы общения мы вынесли главное — стараться услышать и быть деликатными друг к другу. И сейчас, когда мягкий лунный свет озаряет их обветренные лица, я думаю, что все идет так, как должно. Что именно он, тонкий лунный луч способен выразить сущность нашей дружбы — застенчивую деликатность сквозь внешнюю грубоватость.

Мне не спится. Это бывает всякий раз на новом месте. Нужно обвыкнуться с ним, принять его в себя, и тогда, может быть, оно откроет тебе свою душу. Только тогда прилетят самые сладкие, самые добрые сны. Ну, а пока нас двое бодрствующих — я и хозяйская кошка Манька с такими отчаянными зелеными глазами, что сразу видно: оторва и рулевая. Манька удобно устроилась на железной печке — та еще хранит тепло — и пристально поглядывает на меня. На ее серо-рыжей морде читается: «Ходють тут всякие, гостят, не спят, из-за них и глаз не сомкнешь. Не ровен час, что-нибудь сопрут!»

Спирать я ничего не собираюсь. Манька, видно, немного поверила в это и ослабила бдительность. Прикрыла глаза, уютно подобрала под себя лапы и хвост — ни дать ни взять бройлерная курочка — и делает вид, что дремлет. Но не дай Бог шелохнуться — зеленое суровое око устремляет свой взор на меня. Ладно, Манька, буду тише воды, ниже травы, даже бумагой не зашуршу, чтобы твой покой не нарушить. Послушаем-ка вместе голоса ночи.

В них много таинственного и доброго. Здесь ночь изменила своему классическому определению и вовсе не кажется зловещей.

Тихо стучат ходики, оставшиеся еще с незапамятных времен. Сейчас точно таких не встретишь. Темно-коричневые, с тусклым циферблатом и темными маленькими гирьками, они важно отсчитывают минуты

и часы. В будущее ли?.. А может, в прошлое?.. Уж больно они старинные. И возвещая каждый новый час, они тихонько вздыхают, словно вспоминают молодость.

Даже часам хочется повернуть время вспять.

Бьются о маленькие окна, затянутые по деревенскому обычаю сборчатыми занавесками, белые мотыльки. В лунном свете они кажутся кружевным туманом, живым, словно ртуть. Май в разгаре, на землю будто накинули зеленое покрывало, расписанное белым клевером, синей медуницей, желтой сурепкой и алыми маками. Ах, есть еще островки голубой вероники и оранжевых купальниц: радуга в мае не только на небе. Горят на солнце синие, золотистые, зеленые перья нарядных щурков, они летают, суетятся, щебечут, взахлеб рассказывают небесной и земной радугам друг о друге.

Но вернусь к ночи. Сейчас она накрыла прохладой землю, и та спит, набирается сил, чтобы встретить новый день и восславить весну. Все тихо, только бормочет сонный ручей вблизи дома да изредка залает пес в будке. Но лай слабый, короткий в один — два такта, видно, снится псине что-то тревожное.

На стене висит топор. Как сказала хозяйка, от блуда. То ли в шутку, то ли всерьез. Хозяева — верующие особого толка, исправно соблюдают все религиозные предписания. Развод у них — смертельный грех, считается, что тем самым потворствуют блуду. «Если женщина в разводе, то она даже в церковь на венчание собственных детей войти не может, считается позором»,— говорит хозяйка, и в глазах ее при этом тлеет печаль. Кто знает, у кого на сердце какая боль. В каждой избушке свои погремушки…

Манька, кажется, уснула на железной дровяной печке. Такие неуклюжие сооружения я видела лишь в детстве — они мне напоминали отчего-то пауков с огромным прямоугольным телом и коленчатыми трубами-ногами. Чем не паук?.. Но столько тепла и уюта в его железном чреве, что хочется обнять его как старого знакомого. «Не пожалей своего тепла, железный старичок, глядишь и в нашем мире прибавится доброты».

Под ногами шуршит что-то. Манька недовольно приоткрывает один глаз. Я наклоняюсь и достаю из-под лавки пучок сухой полыни. Она растет здесь повсюду, покрывая горы серо-зеленым жестким ковром, отчего те кажутся сказочными исполинами в зеленоватых доспехах.

Пучок ветхий, того и гляди рассыплется. От него пахнет пылью и печалью. Полынь используют не только как лекарственное средство, но и от сглаза. Я вспоминаю, как бабушка, разводя огонь в очаге, неизменно бросала в него пучок полыни, приговаривая: «Сгинь, дурной глаз, умолкните злые уста, замри злое слово. Полынь-трава, отведи от нашего очага всякое зло, всякую нечисть, мокрицу и шашель. А добро приваживай к дому. Фу! Ха! Аминь!» И стлался над бабушкиным садом, над ее руками сизоватый горький дым, и не было слаще и роднее этого полынного духа.

Часы нехотя и тихо бьют пять утра. Скоро встанет хозяин, ему ни свет, ни заря на пасеку. Надо проверить рамы, проветрить улья, собрать цветочную пыльцу, нарезать свежего меда в сотах.

Да вот и он — кормилец семьи — мед — янтарное чудо в хрустальной вазе. А рядом вазочка поменьше с утрамбованной цветочной пыльцой. Кажется, что и стены пропитаны медовым духом. Мед, пыльца, прополис, маточное молочко — все дает пчела-труженица, благосостоянием своим обязана семья меду и благодарна ему за это.

Голоса ночи постепенно стихают. Одна за другой гаснут крупные звезды, на сером востоке появляется бледно-розовая полоса. В кухню входит заспанный хозяин. Манька потягивается недовольно на печке: разбудили царевну, видите ли…

— А вы что же и не ложились? — удивляется хозяин.— Так вас потом разморит, весь день носом клевать будете.

Я уверяю его, что клевать носом не буду и что отлично выспалась, и встала незадолго перед ним. Врать нехорошо, конечно, но зачем же посвящать человека в причины своей бессонницы?!

— А будете яичницу с помидорами? — заговорщицки подмигивает мне хозяин.— Пока никто не встал, я сейчас ее сварганю по собственному рецепту. Помидоры свои, с огорода, без химии. Пальчики оближете. И чай заварю с горным чабрецом.

Он разжигает печку сосновыми ветками и шишками. Огонь лениво вьется по стенкам, стелется синими струйками и вдруг вспыхивает оранжевым веселым светом. В кухне пахнет смолой, медом, цветами, и запах этот тоже веселит, успокаивает.

Хозяин не спеша ставит на печку чайник и большую черную сковородку. Кидает в нее кусок сливочного масла, оно сразу же тает и мелодично шипит, словно поет.

Так же сосредоточенно хозяин надрезает крест-накрест четыре больших розовых помидора, кладет их на сковородку и накрывает ее крышкой. Сковородка неистовствует и плюется масляными брызгами. Те мгновенно вспыхивают на горячей печке и сразу превращаются в синий пахучий дым.

Но вот помидоры достаточно пропеклись, шкурку с них снять легко. Я наблюдаю за отточенными движениями хозяина. Его рабочие руки на удивление легки и изящны, так виртуозно он колдует над яичницей.

Очистив помидоры, он нарезает их кружками, посыпает черной солью и красным перцем и снова бросает на сковороду томиться. Те скворчат, пуская сок. Тем временем в чашку выпускаются шесть яиц, одно за другим, легко взбиваются и вуаля! — отправляются к помидорам. Наблюдать за этим процессом — удовольствие, настолько он зрелищный и музыкальный!

Манька немного волнуется, но виду не показывает, часть хозяйской еды ей положена по праву рождения в этом доме, поэтому волнение чисто символическое!

Пока ведутся приготовления, хозяин посвящает меня в тайны своей работы. Пчеловодство — целая наука, увлекательная и серьезная. Как и жизнь самих пчел: словно маленькое государство с собственными законами, правлением и чудом строительного искусства — сотами. Каждая ячейка — совершенство линий! Хозяин воодушевляется и некрасивое лицо его становится одухотворенным. «Понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке»*,— кажется, сказано про него. Все же как прекрасен может быть человек, когда он увлечен своим делом!

И вот, наконец, альфа и омега сегодняшнего утра — румяная, желто-алая скворчащая яичница на столе. И крупные ломти ноздреватого серого хлеба лежат в корзинке. Хлеб душистый: пахнет солодом и чуть-чуть капустными листьями. Его пекут дома в печи, и по старинному рецепту выкладывают противни большими капустными листьями, чтобы не пригорело донце.

Уже закипел чайник, и хозяин занят новым ритуалом — словно священнодействуя, он ополаскивает фарфоровый заварной чайник, насыпает в него черный чай, щепоть чабреца и еще каких-то сиреневых сухих цветов. «Медуница» — догадываюсь я.

Аромат от чая волшебный. Мы неторопливо, стараясь не обжечься, поглощаем свои порции. Хозяин ставит сковородку на край печки, чтобы яичница не остыла: скоро встанут завтракать и остальные.

Мы пьем чай с медом и пергой — цветочной пыльцой. У нее специфический терпкий вкус, но вскоре привыкаешь. Перга очень полезна — она улучшает зрение и защищает от инфекций.

Завтрак наш проходит в полном молчании. И я, кажется, только сейчас понимаю смысл поговорки: «Когда я ем, я глух и нем». Верно! В ней отразилось глубокое уважение человека к плодам своего труда. Они действительно достаются потом и кровью.

Ходики нежно возвещают семь утра. Майское утро в самом расцвете. Хозяин улыбается:

— Ну, мне пора. А вы отдохните, мало ведь спали. Понравилась яичница?

Я киваю от всей души! Еще бы! Никогда не любила это блюдо, но тут, кажется, всю сковородку бы съела!

— И чай! Прелесть!

— Так пейте на здоровье.— Хозяин явно рад, но смущается.— Приятного отдыха.

Он скрывается за занавеской, разделяющей вместо двери кухню и прихожую. Манька следует за ним по своим делам.

Я снова остаюсь одна. Но уже ненадолго. Сейчас появятся мои милые заспанные спутники, хозяйка дома и ее дети. День пойдет своим чередом.

Очередной майский день, напоенный солнцем, легким дождем и отдыхом. А его, как и счастья становится все меньше. Но может, оттого он сладок и памятен?..

* Строчка из стихотворения И. Бродского «На смерть друга»

Валентина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

ПОКУПКА ЧЕМОДАНА

В конце пятидесятых годов жизнь, хоть и становилась лучше, на трудодень уже давали в конце года больше граммов зерна, но денег на учебу детей, на одежду и обувь, по-прежнему не было. В средних и высших учебных заведениях обучение было бесплатное, но туда надо было еще доехать.

Поэтому большинство ребят из села шли в школы ФЗО (фабрично-заводского обучения). Бесплатное обучение, питание, общежитие, да и сроки обучения были короче. Вот и собрались мы с подружками тоже поехать, получить какую-нибудь профессию.

Стала собираться и я, а чемодана нет. Что делать? Денег тоже нет. Бабушка говорит: «Хоть и жалко, а придется продать гусыню».

Гуси, эти гордые красивые птицы, живут семьями. Обычно хозяйка оставляет на племя двух гусынь и гусака. Обоих гусынь гусак одинаково любит, охраняет их и от собак, и от злых людей. Но, бывает и так: оберегает обеих, а одну любит больше.

В конце февраля — начале марта гусыни начинают откладывать яйца. Сносят они в пределах десятка, иногда — чуть больше или меньше.

Хозяйка яйца из гнезда вынимает, боясь, что гусыня их передавит, но последние два-три яйца уже не трогает.

Гусыня готовит гнездо к насиживанию яиц.

Она устилает дно гнезда пухом, который выщипывает из себя. Если гнездо готово, то хозяйка вечером подкладывает и остальные яйца. Гусыня их подгребает под себя, слегка раскрыв крылья, накрывает гнездо и усаживается насиживать яйца.

Сидеть на яйцах ей приходится ровно месяц. В течение всего времени гусыня старается их прогревать равномерно — клювом их переворачивает, а когда слетает с гнезда, яйца тщательно укрывает пухом.

Чтобы не испачкать гнездо, гусыня один раз в день с него слетает, хозяйка выпускает ее на улицу, где она побегает, похлопает крыльями, покрутит головой, делая своеобразную зарядку. Потом бежит к корму, клюет зерно, пьет воду и бежит к гнезду. Садится и сидит до следующего дня.

Гусак терпеливо ждет на улице, никуда не уходит. А какая же для него радость, когда, наконец, выпускают на улицу гусыню с маленькими гусятами!

Гусак так радуется, что пускается в пляс. Да, да! Пляшет по-настоящему, часто-часто перебирая лапками.

А как он их сторожит!

Если гусят выпустили на улицу, то гусак ни на миг не опускает голову, крутит ею во все стороны, как локатором, зорко охраняет стадо.

Как правило, основная семья старых гусей живет долго, и замена племенной гусыни происходит только, если она заболела или уже не способна к яйцекладке.

И вот в это период, весной, пришлось продать одну гусыню, нарушив их семью.

Мне тоже было очень жаль гусыню, ведь я ходила за гусями, кормила, пасла их, охраняла от грачей.

В ближайшее воскресенье я завернула гусыню в мешок и поехала с ней в соседний город на рынок.

Была ранняя весна, были уже проталины, лужицы.

Я стояла на рынке, держа гусыню на руках, а мимо проходили люди, и им не было никакого дела до нас.

Холодно, зябко, одежонка слабая, жаль и себя, и гусыню до слез. Думала, что ничего не получится из этой затеи. Надо ехать домой.

Но тут подошли две женщины, и одна из них стала спрашивать про гусыню: «Почему я ее продаю?» Я объяснила.

Она взяла ее из моих рук, потрогала, и поняла, что гусыня готова начать яйцекладку.

Я растерялась. Очень жаль было отдавать ее.

Смотрю на гусыню, прижала ее головку к себе, а у нее из глаз катятся круглые бусинки слез.

И я заплакала. Было-то мне пятнадцать лет.

А женщина стала настойчиво просить продать, сует мне в руки деньги и забирает гусыню.

Вспоминая тот случай, пишу эти строки и плачу.

Как мы бедно жили, какими несчастными, обездоленными росли крестьянские дети послевоенной поры.

Холодные, голодные, разутые, раздетые.

И нашим детям, внукам надо ценить то, что они сейчас имеют.

Новую лучшую жизнь строили для них своим трудом их деды и прадеды.

ВОЛЧОК

Грустная это история. Почему-то, чем лучше относишься к животным, чем больше жалеешь их и любишь, тем самым со временем приносишь им зло.

На самом краю села жила семья. Место здесь было привольное: луг, сенокосы, поля, река. Прямо за домом расстилался большой луг — до самой излучины реки Красивой Мечи, где она резко поворачивала и несла свои воды в сторону села Круглое.

На другом берегу реки луг еще больше, шире. Красоту этих лугов описать невозможно, так как это пойменные луга, и весной во время ледохода их заливают воды вскрывшейся бушующей реки. Влаги хватало, и поэтому буйству трав во время цветения не было предела.

Все цветы, которые растут на Среднерусской равнине, собраны здесь. Поэтому в советское время, на другом берегу со стороны села Черкассы, на этом лугу летом открывался пионерский лагерь. Ставились палатки, и радости ребят не было предела: купались, загорали, гоняли мяч, ловили рыбу, разводили по вечерам костры.

Над самой излучиной реки поднимается возвышенность, не такая высокая, как, скажем, на Кавказе, но по местным меркам — высокая. В народе ее называют «кручь».

У ее подножья, по старинным преданьям, в пещере, была спрятана разбойником Офремом украденная им золотая царская карета.

Гора осыпалась, уменьшалась ее высота, и из-под осыпи стал бить ключ. Он существует и поныне.

Вот в таком прекрасном месте и жила семья Ивана.

Они водили много птицы: гуси, утки, индейки, куры.

Вот и повадились лисы промышлять возле дома.

Хозяин приобрел щенка. Из него вырос большой, рослый, сильный пес, внешне очень похожий на волка. Дали ему кличку — Волчок. Хозяин его очень любил, и он был предан хозяину, не очень «уважая» остальных членов семьи: жену и сына хозяина. Кормили его все, но осторожно, а снять и надеть ошейник с цепью мог только хозяин.

Так они и жили: хозяин с хозяйкой днем уходили на работу, сын учился в соседнем городе, а за домом и хозяйством исправно присматривал Волчок.

И все было хорошо, да однажды случилось несчастье.

Иван прошел всю войну, воевал на «катюшах», был ранен, получил контузию, но работу в совхозе не оставлял. В его обязанности входило во время полевых работ заправлять тракторы, комбайны и другую сельскохозяйственную технику соляркой и маслом прямо в поле.

Он заливал на нефтебазе двухсотлитровые бочки, грузил их на дроги (облегченная телега — рама и четыре колеса) и развозил по полям.

Верным помощником ему уже много лет служил конь по кличке Воронок. Он был черной масти, не очень большой, но послушный, сильный, выносливый. И если случалось, что его хозяин где-то с трактористами мог выпить, то Воронок обязательно привозил его домой.

Так и в этот раз, он поехал в поля, где сеяли рожь. Что случилось, почему он не доехал? — никто не знал. Наступила темная ночь, была ранняя весна, в низинах еще было сыро, а в оврагах и вообще лежал снег.

Жена забеспокоилась, она почувствовала — что-то случилось. Послала сына на велосипеде поискать отца, она знала, на каких полях шел сев.

Хоть парню и было уже шестнадцать лет, ехать было страшно, но он ездил по полям и звал отца и Воронка.

И вот Воронок отозвался. Сын подъехал и увидел: отец лежит на земле, на спине, а на груди у него, вдавившись тонким железным обручем одним краем, стоит двухсотлитровая железная бочка с соляркой.

Как он попал под нее? — осталось загадкой. Верный Воронок стоял рядом. Сын столкнул бочку, погрузил отца на дроги и привез домой.

Отец был без сознания, сколько он так пролежал — неизвестно. Вызвали скорую помощь, его увезли в больницу, но он так и не поправился. Скоро его не стало.

Со дня смерти хозяина верный Волчок не притронулся к еде.

Он крутился, рвался с цепи, как будто хотел бежать к хозяину и, от бессилья, скулил.

Так прошло несколько дней. Пес уже тихо лежал, не обращая внимания на подходивших к нему людей, на их уговоры.

Жена рассказала про Волчка своей дочери. Та приехала, смотрит, а он так сильно закрутился, ошейник сдавил ему горло. И, когда она стала его освобождать от ошейника, он не шевелился.

Отвязав цепь, сняв ошейник, она села с ним рядом на землю, положила его голову на колени и долго его гладила, рассказывала ему со слезами на глазах, что случилось с его хозяином, жалела его, уговаривала. И он как будто все понял, глаза его подернулись туманом, а когда она собралась идти в дом, он молча встал и пошел за ней.

Так они и подружились.

Настало лето. Она взяла отпуск, приехала помочь матери с сенокосом. Каждый день, очень рано утром, они с Волчком уходили в поля, прихватив с собой еды, воды и косу. Сухое сено возили на тележке.

Так прошел сенокос. Надо сказать, что хозяин дома был женат третий раз. Первая жена умерла в поле от солнечного удара. Осталась дочь. Она была уже взрослая, уехала в Москву, там вышла замуж. Прошло время, и он женился второй раз, но и этой жене не повезло, она погибла в результате несчастного случая. У них было двое детей — сын и дочь. Дочь была взрослая, замужем, жила своей семьей в городе Ефремове. Сын, ее брат, во время учебы, жил у нее.

Шло время, и Иван женился в третий раз. Третьей женой стала моя мама Евдокия.

У меня была уже своя семья, а с ними летом жил только сын хозяина. Когда он закончил школу, его проводили в армию. Мама осталась одна.

Дом стоял в стороне от других домов, и женщине одной жить стало жутковато. Подумав, мы решили, что мама будет жить с нами. Стали перевозить скарб, скотину. Последним рейсом решили перевезти сено.

Все эти дни Волчок сидел и грустно смотрел на наши хлопоты.

Он как будто понимал, что в его жизни наступают перемены, и взгляд был у него тоскливый-тоскливый.

Машина была загружена, я была на верху, на сене, и стала звать собаку, руками показывая, чтобы он прыгал через кабину.

И он понял.

Прыгнул на капот, на кабину, взмах — и он уже рядом со мной. Мы зарылись в сено и поехали.

Так состоялся переезд Волчка на новое место жительства. Прожил он у нас долго, помогал пасти коров, овец. А на сенокосе это был незаменимый сторож.

Однажды в лесу случился забавный случай.

Настало время очередного сенокоса. Колхозникам разрешено было косить по лесополосам, вдоль дорог, вокруг оврагов, короче, по неудобьям. А для поддержки подсобных хозяйств служащим, (у кого были коровы), стали выдавать небольшие участки сенокосов в лесничестве, возле леса, в мелколесье, на полянах, в лесу и так далее.

Поскольку у нас была корова, которую перевезли от мамы, нам выдали лесной билет, на основании которого нам разрешалось скосить траву на площади пятнадцать соток. При любом, даже самом хорошем травостое, этой травы корове на зиму не хватало, но на половину зимы можно было накосить.

Мы обратились к леснику, он показал нам поляну в начале леса с хорошим травостоем, и на выходные мы спланировали поехать косить. Договорились с шофером грузовой машины, взяли палатку, еды, воды, косы.

С нами поехали Волчок и наша младшая дочь, которая ну очень просила взять ее в лес, тем более с ночевкой.

Было ей лет пятнадцать, но косить она уже умела, знала, как правильно держать косу, как прижимать пятку косы к земле и прочие сенокосные премудрости. Но одно дело — ради удовольствия помахать косой, и совсем другое дело — встать «на ряд» по хорошей траве.

Но дочурка была упряма: «Буду косить, и все!»

Сельские жители всегда пользовались косами разной длины. Косы продавались под номерами: 5,6,7,8,9,10. Это значило, что длина косы была равна 50 см, 60 см, 70 см, 80 см, 90 см и 100 см. 100 см — это самая большая коса, косят ею сильные мужчины, прокос получается двухметровый, и ряд травы — большой. Такой косой у нас косил муж.

У меня была семерка, а дочке взяли пятерку. И у нее хорошо получалось, она браво махала косой, любуясь на свой прокос. Мы с мужем только радовались, глядя на то, с каким удовольствием она это делает. А когда сошла роса и стало припекать солнышко, она упала на ряд скошенной прохладной травы и мгновенно уснула.

Вечером мы с мужем опять косили допоздна, палатка была установлена еще днем, мы все дружно поужинали и легли спать. Мы с мужем у входа в палатку, а дочка и Волчок за нами. Днем должна была придти за нами машина.

Утром все дружно встали, позавтракали, и мы втроем пошли докашивать, а Волчок остался в палатке. Хоть мы и косили недалеко от палатки, но шум подъехавшей машины не слышали.

Вдруг раздался дикий крик, визг, мы бросились к палатке, а из нее «задним ходом» на четвереньках, вылетел водитель и орал во все горло, держась за голову обеими руками.

Что ж случилось?

Водитель подъехал к палатке, вокруг все тихо, он решил, что мы спим, и хотел нас напугать. Он потихоньку, на четвереньках, влез в палатку и стал продвигаться к заднему углу. В это время заклацкали зубы, и его за голову охватила огромная, как ему показалось, пасть. Она не укусила, а как бы, пробуя на прочность, слегка сжимала зубы.

Такого крика и такой скорости, да на четвереньках, нам видеть и слышать больше не приходилось.

Домой мы приехали благополучно, потом перевезли сено.

Пришла зима. Мимо нашего сарая, где жил Волчок, стали бегать большие собачьи стаи. Я понимала, что Волчку тоже хочется на волю, побегать, поиграть с собаками. Муж отпускать не разрешал, говорил: «Пропадет».

Но однажды, глядя на его грустную мордочку, я пожалела его и отпустила. А зря.

Волчок не вернулся, пропал. Искали, спрашивали у охотников, никто не видел. Так прошла зима. А весной, когда растаял снег, мы нашли своего Волчка на поле. Он был застрелен. Видимо, охотники приняли его за волка. Так неожиданно оборвалась судьба этой умной, доброй собаки. Похоронили мы его там же, на краю поля.

Виктор АФОНИЧЕВ

г. Искитим Новосибирской области

Родился и живет в Новосибирской обл. Окончил Новосибирский электротехнический институт. Служил в армии офицером. В настоящее время трудится на заводе. Писать стал с 2007 г. Публиковался в журналах «Юность», «Север», «Южная звезда», «Литературная учеба», «Дарьял», «Огни над Бией», «Северо-Муйские огни», «Наша Канада» и других изданиях. Постоянный автор нашего альманаха.

ХОЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТРИ ГРАНИЦЫ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Лето. Одна тысяча девятьсот девяносто первый год. Мозг граждан взорван от суждений о неправильности последних прожитых семидесяти лет. У пострадавшего народонаселения, в результате возникшего сквозняка в голове, изо рта поток идей по переустройству общественно-экономической формации в государстве. Каждый фонтанирующий непременно стремится свои соображения донести до первого встречного.

Культуры спора в стране нет. Точнее она заключается в быстром переходе от словесной перепалки к драке. А так как вся страна находилась в то время в состоянии одного большого диспута, то назревал грандиозный мордобой. Вот в такой исторический момент, ожидания очередной смуты в государстве Российском, мы — два молодых человека из Сибири, имеющие за плечами институт и год работы на производстве, приехали в командировку в Москву.

Когда оставалось только поставить в командировочных удостоверениях печать об убытии, дома у нашего руководства на счет нас появились новые планы. Пейджеров не было, мобильных телефонов тем более. Вроде получалось, что обозначить нам новую цель, задача была невыполнимая. Для нынешнего руководства — да, но не для начальства советских времен.

В последний день командировки нам сообщили, что на связь выходили с нашего места работы и нам приказано ждать звонка в полдень. В назначенный час мы сидели в приемной, развалившись на диване, преисполненные гордостью от своей нужности. Весь наш вид говорил: «Свернем горы!» При этом бесцеремонно рассматривали секретаря, девушку лет двадцати пяти, не лишенную красоты и шарма. Взглядом отправляя ей посылы: «Мы все видели в этой жизни».

Так могли вести себя только молодые балбесы, коими мы и являлись. Кроме ее смазливости она была ухожена и по тем временам не дурно одета. Из-за нашего присутствия девушка пыталась себя чем-то занять. И надо заметить, ничего не делая, при этом была занята. В этом парадоксе я разобрался позже. Она просто демонстрировала себя: свою прическу, красиво уложенную и закрепленную лаком; припухлые губки в перламутровой помаде; гладкую, загорелую шейку с тонкой золотой цепочкой на ней; аккуратные правильной формы ушки с сережками, свисающими почти до плеч; яркую кофточку с глубоким разрезом и, конечно, то, что можно было увидеть благодаря этому разрезу. Одним словом — фифа!

У женщин очень хорошо развито боковое зрение, и она за нами наблюдала с видом собственного превосходства: «Что, провинциальные гуси?! Я — штучка столичная, таких в вашей тмутаракани нет!» За время нашего нахождения в приемной несколько раз звонил телефон. Она брала трубку и произносила: «Алло». Это «алло» можно было слушать бесконечно, звук получался вибрирующий, проникающий внутрь и будоражащий сознание.

Мы каждый раз после очередного звонка подавали тела вперед, готовые соскочить с дивана и подойти к телефону. На том конце провода, после минутного замешательства, спрашивали об ее руководителе. Она отвечала, что он на объекте. Звонивший интересовался: «Когда он будет?» Она сообщала: «С минуту на минуту должен быть».

Наконец позвонили нам, я подошел к телефону.

— Парни, после Москвы вам надо будет съездить в Литву в Плунге. У них с нашим оборудованием, которое еще на гарантии, есть проблемы. Вопрос стоит о рекламации. Обещайте, что хотите, но претензию, кровь из носа, надо снять,— такие слова я услышал от начальника нашего отдела. Ехать никуда не хотелось.

Уже были мечты на выходные дни, и они были связаны с домом. Над нашими желаниями посмеялось Небо, очередной раз доказав, что планы завтрашнего дня разрушит день сегодняшний.

— Так у нас уже обратные билеты куплены,— возразил я, пытаясь отыграть ситуацию. Тщетно.

— Сдадите,— был непреклонен наш руководитель.

— И денег нет, все потратили,— пустился я перечислять препятствия, мешающие нашей поездке. И это не помогло.

— Средств от сданных билетов хватит, чтобы доехать до Плунге, а там до востребования на местный главпочтамт пришлем по триста рублей каждому,— был ответ.

Больше возражений никаких не нашлось, пришлось смириться с долей путешественников еще на несколько дней.

Выносили свои тела из приемной неспешно и благородно, сказав секретарю: «До свидания». Мимикой мы изобразили: «Девушка, если вам повезет, то, может, еще свидимся». Покорившись судьбе, мы отправились сдавать билеты. Мой напарник всю дорогу выискивал положительные моменты в создавшейся ситуации. О каждой такой находке сообщал мне: «Не расстраивайся, в субботу в «Лужники» на футбол сходим. Афишу видел, «Спартак» с «Динамо» Минск играет. Когда еще в «Лужники» попадем?! А в воскресенье вечерней лошадью поедем в Вильнюс». Под вечерней лошадью он подразумевал поезд, отправляющийся во второй половине дня с Белорусского вокзала. «В том году я по турпутевке отдыхал в Паланге. Это недалеко от Плунге. Обратно возвращались через Ригу. И мы с тобой повторим такой же путь. Проходящим автобусом с Клайпеды доедем до Риги, а там уже самолетом долетим до Новосибирска»,— мой коллега, вдохновенно намечая наш маршрут перемещений по просторам страны, для себя уже уверовал, что предоставленная поездка в Прибалтику — это подарок судьбы.

Где-то в центре Москвы в здании с большим количеством дверей, аббревиатуру учреждения уже не помню, мы сдали старые билеты и тут же приобрели новые на самолет с Риги до Новосибирска. Еще не было Интернета, и такая услуга в смысле понимания плохо укладывалась в голове. «Как они там, в Риге, узнают, что мы должны лететь их рейсом? А если наши места продадут еще кому-нибудь?» — одолевали мысли. Но данные сомнения быстро разбились об веру в честность государства. В те годы если и происходили случаи надувательства, то это исходило от отдельных элементов, относившихся к категории несоветских. О, славные времена! Сейчас все несоветское и кругом одни элементы!

Далее мы отправились на Белорусский вокзал покупать билеты на поезд до Вильнюса. И тут у моего напарника был готовый план, продуманный до мелочей:

— Поедем как белые люди. Места возьмем в спальный вагон. Если на работе спросят: «Почему так?» — ответим: «Других не было, а ехать надо. Для нас честь завода — прежде всего».

— А если нам их все-таки не оплатят? — свои сомнения высказал я.

— Не дрейфь,— с железной уверенностью в голосе успокоил коллега.

Дама в форменной одежде, по ту сторону окошка кассы, оценивающе оглядев нас, спросила:

— Молодые люди, а вы знаете цену билета в СВ вагоне?

— Да,— ответил я, добавив для пущей важности.— Не первый раз едем.

В ее сторону отправились денежные купюры, обратно две прямоугольных бумажки желтого цвета.

Вечером мы предупредили родных, что командировку продлили. Звонили с уличного телефона-автомата. Он отличался надписью вверху: «Междугородний» и проглатыванием вместо двухкопеечной монеты пятнадцатикопеечной. Кроме того, «пятнашки» надо было в течение разговора непрерывно подкладывать.

В Москве мы жили в небольшой гостинице на «Бауманской» — здание в три этажа, длиною в один подъезд, стоящее вплотную между такими же похожими между собой домами. От этих зданий веяло мещанским укладом царской России. То есть тем временем, когда слово репутация было созвучно слову честь, а не как сейчас слову тюрьма. Может это, конечно, все только мой вымысел. Но человеческая сущность нуждается в красивых легендах.

В гостинице было тринадцать двухместных номеров, и она принадлежала проектному институту, в который мы были командированы. Постояльцы — это инженеры, управленцы, снабженцы, приехавшие с разных концов страны в Москву решать различные вопросы для своих организаций. Командировочные все выглядели примерно одинаково. Главный атрибут одежды — галстук. Пусть он давно уже выцвел и в жирных пятнах, но эта тряпка должна была быть обязательно повязана на шее. Сей предмет туалета указывал на принадлежность к определенной касте, к группе людей, решающих глобальные задачи.

В руках — пухлый портфель. Ручки портфеля переделаны, так как родные ручки сразу при первой эксплуатации не выдерживали поднимаемого веса. Замки тоже имели оригинальную конструкцию, придуманную хозяином портфеля, ввиду того что первоначальное приспособление для закрывания было сломано от объемов толкаемого внутрь. На теле — костюм. Строитель коммунизма в своей жизни обычно покупал два костюма и обязательно темных тонов. Немаркость — главное требование, которое предъявлял к одежде советский человек. Первый костюм приобретался на свадьбу. В дальнейшем его носили повседневно. А второй — на выход. Его надевали по особым случаям: юбилей жены, свадьба сына, дочери и в последний путь. Поэтому белесость костюма являлась признаком большого срока служения отчизне. В нем хозяин и под дождем побывал, и под солнцем палим был. Рубашку в командировку надевали модную. Не путать с празднич-

ной. Праздничная — это белая. А модная — это та, которую шили «демократы», то есть поляки, восточные немцы, югославы. В свободной продаже ее можно было приобрести только в Москве в ГУМе. Модная обувь оттуда же.

В гостинице брюки, пиджак, рубашка, галстук аккуратно вешались на стул. Взамен надевалась майка — «алкоголичка» и трико с отвисшими коленками. Одутловатый облик трико принимало после первой носки и никакими способами в первоначальный вид не возвращалось. Деньги всегда при себе — в трусах, в специально пришитом кармане. Отличие простого инженера от руководителя — у начальства больше живот. Отбывающие домой во второй руке несли сетку с апельсинами. Апельсины в стране можно было купить только в Москве и на крайнем Севере. И эта публика, очень похожая между собой и в то же время разношерстная, реально двигала технический прогресс. Разработки советских инженеров простирались от высокопроизводительной лопаты для огорода до космических кораблей. И самое интересное — все работало. Правда, все это увидеть и попробовать мог только тот, кто трудился на военно-промышленный комплекс.

Проснувшись утром в незапланированную субботу для пребывания в Москве, мы отправились в столовую, находящуюся недалеко от гостиницы. В данном заведении в основном питались студенты из Высшего технического училища имени Баумана и офицеры из близлежащей части. Некоторые школяры приносили с собой бутылочное пиво, а военные водку. Несмотря на запрет по всей стране употребления в столовых алкоголя, администрация нарушений не замечала. Причина слепоты трудящихся общепита была не в незнании указов правительства и даже не в чинности пьющих. А в том, что тара доставалась работникам столовой. А это как никак — двадцать копеек за каждую бутылку. По ценам 1991 года этой суммы хватало на четыре поездки в метро. Правда, и пьющие соблюдали проформу. Они не выпячивали на всеобщее обозрение свое занятие. Употребляли принесенное спиртное, пряча под столом бутылки, извлекая их оттуда только для того, чтобы наполнить опустевшие стаканы. Если стараться не замечать, то было и незаметно.

Обед в этой столовой, как, в общем, и по всей стране, обходился в пределах одного рубля. Здесь расстаться с рублем было не жалко. Кроме ощущения полноты в животе харчующиеся в данном заведении еще получали удовольствие от употребления пищи, от самого процесса насыщения. Суп харчо — в меру острый, производил впечатление не просто жижи с кусочком мяса, а вкусной еды. Мясо, на удивление, еще и жевалось. Плов — не рисовый клейстер с несколькими кусочками баранины, а рассыпающееся горкой на тарелке, пахнущее тушеным мясом и специями блюдо. Также можно было чуть поодаль отобедать в пельменной. Двойная порция со сметаной, плюс какой-нибудь незатейливый салатик, плюс компот, плюс кусочек хлеба, и все это стоило в пределах одного рубля десяти копеек. Цена и вкус пельменей были одинаковые в любом городе Советского Союза. Так как они изготавливались на государственных фабриках, продукт был строго ГОСТирован, рецептура одна и та же, импровизации никакой. В противном случае — тюрьма. Сейчас понимаешь, что это было даже хорошо. Так как ожидания совпадали с полученными впечатлениями.

Столовая на «Бауманской» — еще не самый яркий след в моей памяти о советском общепите. В том же 1991 году нас от завода на один день вывозили на поля убирать картофель. Выполнив свою норму, мы сидя на ведрах, ожидали автобус. Мимо проезжал груженный картофелем грузовик. Машина остановилась.

— Все? Отработали? — высунувшись из кабины, обратился ко мне водитель, в котором я после некоторого замешательства признал своего одноклассника.

— Да,— ответил я.

— Поехали со мной, так скорее дома будешь,— предложил он.

Я не раздумывая запрыгнул в кабину, и машина поехала дальше. Наш путь пролегал через усадьбу колхоза или совхоза, я никогда не понимал различий этих организаций, хозяина картофельных полей. Около здания с вывеской «Столовая» мой одноклассник остановил автомобиль.

— Давай перекусим. Мне еще сегодня разгружаться, неизвестно, когда домой попаду,— предложил он. Время было где-то около четырех часов вечера. Я согласился.

Повариха — крупная женщина в белом колпаке и халате объявила громко меню: «На первое — борщ по-сибирски, на второе — толченка с котлетой, на третье — компот. Хлеб у нас бесплатный. Возьмете в кастрюле». Тут же, не дожидаясь пока мы что-то скажем, сообщив цену обеда, быстро выставила блюда на раздачу.

Получилось где-то около сорока копеек с человека. Стоимость удивила, но больше поразили объемы порций. Борщ был налит в емкость, которую нельзя назвать тарелкой. Это была миска, в центре которой плавал остров сметаны. А какой был запах! Отваренная свежая капуста, свекла, картофель, нежирная свинина, деревенская сметана, тающая в горячем бульоне. Все это источало непередаваемый аромат. На второе — большая котлета с хрустящей корочкой, лежащая на горке из картофельного пюре. Да, и само пюре — это был не просто толченый картофель, а приготовленное до однородной массы, с добавлением сливочного масла и теплого молока — блюдо, которое так же привносило свои приятные ощущения для чувств обоняния. От этого букета запахов можно было захлебнуться слюной. А какой оказался вкус у этой пищи! Все рецепторы во рту во время еды, отвечающие за это дело, посылали по максимуму положительных эмоций в нервную систему.

После, при новом режиме, в заведениях с разными вывесками: «Кафе», «Суши-бар», «Пиццерия», «Ресторан», «Шашлычная», «Китайский ресторан» ничего подобного я близко не испытывал. А причина проста — она кроется в ингредиентах и совести повара. Не будем идеализировать советский общепит — и

тогда не все было первой свежести, и тогда с совестью были проблемы. Время прошло, плохое забылось, а хорошее осталось в памяти. Да, и хорошего было больше, чем плохого.

Отобедав в столовой на «Бауманской», мы пешком пошли в сторону центра. Дороги мы не знали, просто, нам казалось, что именно в том направлении должен быть Кремль и Красная площадь. Улицы переходили, нарушая правила. Движение в Москве в девяносто первом году было схоже с нынешними транспортными потоками какого-нибудь Урюпинска. Поэтому мы, почти без всякого риска, попасть под колеса автомобиля, перебегали с одной стороны улицы на другую в неустановленных местах.

Вскоре оказались около строений, по всем признакам относящихся к железной дороге. Внимательно изучив местность, пришли к выводу, что это Казанский вокзал. Вот только мы подошли к нему не с парадной стороны, поэтому он не сразу был узнан. Испытали радость, схожую с ощущениями путника, плутавшего по лесу и вышедшего на знакомую поляну. Дальше, с укрепившейся убежденностью в правильности выбранного пути, продолжили свой поход по городским джунглям. Дошагали до метро «Красные ворота», где нашему взору предстал широкий проспект — простор для глаз и преграда для ног. Восприятие было такое, как будто вышли к реке. Оглядевшись по сторонам, определились с бродом, то есть нашли переход и перебрались на другую сторону проспекта.

Это у них там в Америке все расчерчено по квадратикам. Каждая авеню параллельна другой авеню. Стрит перпендикулярно авеню, улицы пронумерованы. У нас во все времена застройка происходила стихийно. Архитектор здания может быть и известен. Но на вопрос: «Кто осуществлял планировку в целом всего населенного пункта?» Получаем ответ: «Исторически сложившиеся обстоятельства». Для Москвы первопричина исторически сложившихся обстоятельств — Кремль. От него улицы, как лучи от солнца направлены в разные стороны, которые в свою очередь соединены между собой другими улицами, по своей геометрии напоминающие кольца. А так как все происходило стихийно, то к сложившейся конфигурации лучей и колец, наилучшим образом подходит выражение: «Как бык окропил». Получается в Москве или двигаешься вокруг Кремля, или идешь к нему, или от него.

Ступив на брусчатку Красной площади, ожидаемого восторга от встречи с сердцем страны не получили. Первая появившаяся мысль в голове: «Неужели эта та самая площадь?!» Второе, что пришло на ум: «И мы тут?!» Сдержанная радость, связанная с осознанием, что здесь каждый кусочек окружающего пространства пропитан историей. Из памяти всплыла картина Сурикова «Утро стрелецкой казни». Стрельцы, готовящиеся принять смерть, на фоне собора Василия Блаженного. Мы сейчас стоим перед ним. На полотне также представлена восточная белокаменная стена Кремля и Спасские ворота — въезд русских царей. Ныне Кремль — красного цвета. С петровских времен видоизменилась и Спасская башня. Позже соорудили сверху на ней шатер и установили куранты. Советская власть заменила возвышавшегося вверху двуглавого орла на пятиконечную рубиновую звезду.

Красная площадь возникла как торговая. Вдоль стен Кремля в то время стояли палатки и шла бойкая продажа различных товаров. Когда на ней возвели Троицкую церковь, название сменилось на Троицкую площадь. И только потом в семнадцатом веке она стала Красной — любимый цвет русского народа. Красная рубашка. Красные революционные шаровары — высшая награда большевиков. Красное знамя. Красная армия. Красный угол или красный уголок, тут все зависит от политических пристрастий. Красная цена. Красная девица. Красный цвет — это признак значимости и совершенства.

Мелькание картинок, когда-то увиденных в книжках о Москве и теперь извлеченных из памяти, и сверка их с действительностью. Потом опять погружение в память, поиск объяснения несоответствия. Памятник Минину и Пожарскому первоначально стоял в центре Красной площади. При советской власти стал помехой для проведения парадов и демонстраций, поэтому перенесен к Собору Василия Блаженного. Кругом символы, знаки. Собор Василия Блаженного напоминает восьмиконечную Вифлеемскую звезду, так как представляет собой симметричный ансамбль из восьми столпообразных церквей, окружающих девятый — самый высокий храм, увенчанный шатром. Вифлеемская звезда указала волхвам дорогу к младенцу Христу — символ пути в жизни человека к Небесному Иерусалиму, городу-раю. Лобное место — символ иерусалимской горы Голгофы. Введенный большевиками новый атрибут — пятиконечная звезда острием верх — знак власти над земным миром, перевернутая вниз — символ сатаны. Мавзолей — мини пирамида, стремление советских царей, вслед за фараонами, остаться в вечности. Перед египетскими пирамидами вечность прогнулась. Что будет с Мавзолеем на Красной площади и находящимся рядом с ним некрополем? Неизвестно.

Ни что не является новым в этом мире. В XIV веке у кремлевских стен уже было пятнадцать погостов, по числу располагавшихся там церквей. Царь Иван III после очередного пожара, произошедшего около Кремля, с целью обезопасить от красного петуха свою резиденцию, повелел: «Захоронения перенести в Дрогомилово!» Чем вызвал недовольство народа и церкви. Но вскоре, уже при Иване Грозном, погребения у кремлевской стены возобновились. Причем отвели места для почетных захоронений — у храма Василия Блаженного и для упокоения казненных преступников — во рву у Спасской башни.

Перманентные попытки построения вавилонской башни, то есть уподобление тем вещам, которые нельзя повторить или достигнуть — беда России. При этом горе-строители совершенно не принимают в расчет, чем закончилась библейская история. Рим — вечный город. Мы тоже не лыком шиты, ни больше ни меньше объявляем Москву третьим Римом. И, не поспоришь, схожесть есть, и там и тут — семь холмов.

Град Китеж — наш аналог Небесному Иерусалиму. Дальше — больше: не будем дожидаться апокалипсиса, сами придем к нему. Коммунизм — наша интерпретация страшного суда. Коммунистов — праведников и сочувствующих им — в рай, остальных — в ад…

По телевизору Красная площадь выглядит значительно больше по размерам, чем наяву. И еще — она неровная. Осмотр Красной площади закончили туалетом. О нем мы узнали от милиционера. Тогда еще было принято обращаться за помощью к сотрудникам правоохранительных органов. После чего спустились в метро и поехали на станцию «Спортивная».

В предчувствии праздника, довольные жизнью, мы весело шагали в сторону центрального стадиона страны. По пути купил бутылку газировки. На входе при досмотре молодой человек в форме внутренних войск обратился ко мне:

— С напитками на стадион нельзя.

— А куда ее деть? — спросил я, так как пить еще не хотелось.

Он на меня пристально взглянул исподлобья. Я понял, что-то ему не понравилось. Я тогда перефразировал свой вопрос:

— Камера хранения где?

— Пей тут,— оттопырив челюсть, ответил он.

— Я не хочу,— растерянно промямлил я.

— Может тебя отмутузить? — другой вариант развития событий предложил блюститель порядка.

До меня дошло, что я для него — обнаглевший, зажравшийся москвич, пришедший балдеть на стадион. И его намерения серьезны. Битым не хотелось быть, поэтому я с видом смирного человека сказал:

— Как-то не хочется.

И попятился прочь. Следом за мной, понимая, что нарываться на неприятности не стоит и героизм здесь неуместен, отошел в сторону и мой коллега. Газировку мы оставили в цветах на клумбе. Она достоит до конца матча, и мы после игры ее заберем. Пройдет несколько лет, и на вечере встреч выпускников в школе мой подвыпивший одноклассник, а ныне милиционер, поведает мне, как он нашел свое призвание:

— Значит, я попал в армии служить в дивизию Дзержинского. Два года там мечтал поймать пьяного работника «ЗИЛа» в день его зарплаты.

— Зачем? — поинтересовался я.

— Ты понимаешь, я тогда получал семь рублей в месяц, а они четыреста. А мы были сила, всю Москву на уши поставить могли,— ответил он.

На стадион, чтобы не искушать судьбу, мы зашли уже через другой вход. Впервые я попал на большой футбол, да еще в «Лужники». Не помню счет, даже не помню, кто победил. Одно могу точно сказать — голы были. Осталось в памяти, что менталитет диванного болельщика после забитого мяча требовал повтора. Но футбол не концерт, тут никто повторять «на бис» ничего не собирался. Не будучи фанатами конкретно какой-либо команды, для нас что московский «Спартак», что «Динамо» Минск были одинаково чужими клубами, ввиду того, что они не из Сибири, и одинаково родными, так как являлись советскими. Нас в футболе привлекало само действо, красота игры.

Крепко запомнил, как после матча шли от стадиона до станции метро. Вдоль дороги, сужая людской поток, чтобы не было затора, до дверей станции клином стояла конная милиция. Народ, двигаясь в созданной воронке, ускорялся по мере продвижения, а ближе к входу переходил набег, при этом начинал стукаться своими головами о морды лошадей. До сих пор задаю себе вопрос: «А по-другому как-то нельзя было?»

Толпа занесла нас в вестибюль. Турникеты были отключены, монеты за проезд кидали в специально установленные емкости. Стоял непрекращающийся металлический звон. Я обратил внимание, что вместо монет туда также летели болты, гайки и другие предметы. А кое-кто проходил и так. Миновав без задержек вестибюль, болельщики по эскалатору спускались вниз. На всем пути следования толпа кричала: «Спартак» — чемпион!» Это было похоже на разбушевавшуюся стихию, энергию которой дальше разносили в разные стороны поезда метро. Ходьба, выплеснутые эмоции сделали свое дело. Ночью спали как убитые, абсолютно не слыша шум ночного города.

На следующий день, сдав свой номер в гостинице, мы отправились на Белорусский вокзал. До объявления поезда, ничего не покупая, толкались по привокзальным киоскам, глазея на продукцию появившихся в стране кооператоров. Эти вещи в большинстве случаев были никчемные, но на то время диковинные. Впоследствии почти все новоявленные Морозовы канут в Лету, так и не реализовав свои идеи, и не исполнив одинаковую для всех мечту — стать богатым. Кто-то сопьется, кого-то закопают бандиты. Другие, чтобы не оказаться в психической и физической зависимости от алкоголя или стать жмуриком, покинут страну. В дальнейшем продукцию наших кооператоров заменят товары китайских предприимчивых товарищей.

За шоппингом нас и застал голос привокзального диктора, приглашающего на посадку на поезд «Москва — Вильнюс». У вагона мой коллега решил блеснуть знанием литовского языка, полученным им после посещения Паланги. «Лаба дена»,— поприветствовал он проводников. Что обозначало: «Добрый день!» Отреагировала молоденькая проводница, нежно взглянув на нас. Ее коллега — женщина в возрасте без эмоции посмотрела в нашу сторону. Когда поезд уже тронулся, девушка подошла к нашему купе и что-то залепетала по-своему. Мой напарник рад был поддержать разговор, но кроме озвученной ранее фразы он еще по-литовски знал: «Доброе утро» и «Добрый вечер». Беседа явно не клеилась. После минутного замешатель-

ства мой товарищ произнес: «Девушка, извините, мы из Новосибирска. Я в том году отдыхал у вас в Паланге, вот запомнил несколько литовских слов. Но у меня есть большое желание овладеть литовским языком в совершенстве. Не поможете?» Его непосредственность не произвела впечатления, проводница сразу отключилась, не проронив ни одного слова, развернулась и удалилась прочь. Мой коллега до самой Орши одолевал ее. То просил чаю, то требовал к нему неимоверное количество сахара, то теплое одеяло под предлогом того, что ночью может быть прохладно. Несмотря на его настойчивость, полноценного общения так и не получилось. Правда, и чай, и сахар в требуемом количестве, и даже теплое одеяло для летней ночи были предоставлены.

Решив перед сном подышать воздухом, в Орше мы вышли на перрон. Я знал, что здесь на привокзальной площади стоит памятник Заслонову — партизану времен Великой Отечественной войны. В детстве меня родители везли в отпуск к бабушке в белорусское село Борки. Пересадка была в Орше. По воспоминаниям моей матери, я — двухлетний карапуз, которого за руку держал отец, направил пальчик свободной руки в сторону памятника и произнес: «Дядя». Через двадцать лет меня опять судьба проездом занесет в этот город. Пока я был погружен в воспоминания, рядом стоящий поезд «Полонез» начал движение в направлении Варшавы. Юноша лет семнадцати, высунув голову из окна, плюнул в нашу сторону, при этом выкрикнув с акцентом: «Русские свиньи». Плевок ввиду слабости легких плюющего сдуло ветром.

— Ошибка могла бы произойти, мы могли быть и литовцами,— после некоторой паузы произнес мой коллега.

— Да,— согласился я.

В шесть утра поезд прибыл в Вильнюс. Мы отошли от вагона метров двести, когда мой напарник вспомнил о забытом в купе зонте. Вернулись обратно, зонта на месте не было. Коллега поинтересовался о нем у проводников.

— Ничего не видели,— скороговоркой выпалила проводница, та, которая была старше.

— Зонт бабка взяла. Однозначно. Когда мы выходили из вагона, других пассажиров уже не было. А старуха от купе к купе металась,— повторно, удаляясь от поезда, бубнил мой попутчик. Добавляя: — Полуавтомат, японский.

— Поэтому и прибрали, что полуавтомат и японский,— не найдя лучших слов утешения, прокомментировал я.

Так как в том году мой коллега посещал здешние места, то он шел впереди. Я поспешал за ним. Наш путь лежал к автовокзалу, находящемуся на другой стороне привокзальной площади. Несмотря на ранний час, автовокзал уже работал. Непривычно было видеть отсутствие для таких мест бойкости, суеты, раздающегося из очереди детского плача. Да и очередей самих не было. У касс — один, два человека. Никто не бежал на посадку с очумелым видом, по ходу сбивая зазевавшихся граждан. То есть у окружающих отсутствовала торопливость в движениях. И тем не менее все успевали и взять билет, и сесть в автобус. После покупки билетов мой напарник предложил: «У нас в запасе два часа. Пойдем, я покажу тебе город. Только рот от удивления не открывай, чтобы нас за москалей не приняли».

Большинство улиц Вильнюса были вымощены булыжником и до стерильности чисты. Дома из какой-то другой жизни — и по духу, и по времени. Хотя окружающая обстановка очень знакома, все эти виды видел в нашем кино о не нашей жизни. Магазины, ввиду раннего времени, были еще закрыты, но товар уже привезен и не кем не охраняемый стоял у входа. Накладная, чтобы ее не сдуло ветром, придавленная камушком, лежала сверху. Я дома, делясь впечатлениями о командировке, первым делом рассказал об этом факте. На что отец, не удивившись, изрек: «Не знаю, как сейчас, но раньше у нас в деревне хозяин, уходя из дома, дверь на замок не запирал, а только в засов щепку вставлял». Зато понимание сего явления совершенно не давалось матери. Она несколько раз с недоверием переспрашивала: «Как так? И не украли? И ничего не побили?» Я подтверждал: «Да, мама, представь себе, все в целости и сохранности». «Не может быть!» — никак не верила она.

Дорога от Вильнюса до Плунге пролегала через всю Литву. За окном не был виден привычный для российского пейзажа, разбросанный повсюду мусор. Найденная глазами в тот момент на обочине хотя бы одна пустая бутылка или консервная банка успокоила бы душу. Посторонние предметы так и не были замечены, а вот столбики с «громкой связью» на случай помощи участникам дорожного движения встречались регулярно. Я обратился к коллеге:

— Слушай, чистота кругом, дороги хорошие.

— Все за наши деньги,— объяснил он причину сего явления.

— А чистота?

— Я говорю тебе, обирают нас.

С твердой уверенностью, что нас обкрадывают и причем давно, мы приехали в Плунге. Как и планировалось, за день решили все вопросы. В помощь нам была заводская методичка с неисправностями и способами их устранения.

Мой напарник после второго посещения учреждений местного общепита, от обилия блюд из картофеля и хлеба с тмином, начал ругать здешнюю кухню. Наверное, по причине своих белорусских корней, я ее считал сносной. У него то ли от нелюбви к местной еде, то ли от плохого мытья рук буквально за час до отъезда из Плунге случилась диарея. Ситуация усложнялась тем, что нам необходимо было ехать автобусом

всю ночь, с предлагаемыми в таких случаях удобствами на остановках или в чистом поле. Женщины — налево, мужчины — направо.

Моя мать — мудрый человек. Она мне в дорогу дала таблетки от головы и от живота. Я оказался человеком неответственным и не запомнил, какие таблетки от чего. Поэтому нам пришлось гадать. Самое смешное, что мы ошиблись. Но это выявилось не в дороге, что было бы совершенно не весело, а уже дома, что привело к открытию — все от головы.

Когда автобус стало немного потряхивать на дороге, кто-то в салоне сонным голосом произнес: «Латвия». В Ригу прибыли рано утром. Улицы — чистые, но не до стерильности. На стенах домов аккуратные надписи: «Русские оккупанты — вон из Латвии», «Русские — свиньи». А на доме напротив — размашистым почерком нецензурная брань — мысли некоренного населения о титульной нации. Мы прогулялись по Старой Риге, пытаясь найти Цветочную улицу из фильма «Семнадцать мгновений весны», она же Бейкер стрит из «Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Не нашли.

Прибалтика для советского человека — это почти заграница. Вернуться из Риги, не потратив деньги, можно было прослыть дурным человеком. Поэтому мы решили закончить осмотр города в магазине. В Риге, как во всех советских городах, был ЦУМ. И мы, не раздумывая, направились туда. На входе нас встретила надпись на русском языке, без дублирующей информации на латвийском: «Товар продается только при наличии паспорта с местной пропиской». Нас это не остановило и даже не огорчило. Так как во все времена строгость наших законов нивелировалась необязательностью их исполнения.

В отделе «Мужские брюки» штаны купили, не произнеся ни одного слова. Молча подали деньги кассиру, так же молча забрали сдачу и завернутую покупку. В отделе «Костюмы» отмолчаться не удалось. Продавец настойчиво вызывала на разговор, лепеча на непонятном нам языке. Показанный паспорт, с надеждой на ее плохое зрение, не дал результат. Повесив костюм обратно, я тут же поймал рядом с отделом паренька — ровесника.

— Местный? — сходу задал ему вопрос.

— Да,— ответил он.

— На тебе деньги, еще десять рублей сверху, возьми мне костюм.

Я остался наблюдать за углом, паренек пошел выполнять мою просьбу. Вернувшись, он сказал: «Спасибо». И отдал мне сверток, в котором лежал новенький костюм. Его благодарность застала меня врасплох. Выйдя через несколько секунд из замешательства, я ему ответил: «Тебе спасибо». Я долго носил этот костюм, так и не сносив его. Пришло время, он не стал застегиваться у меня на животе. Но это уже другая история.

Моему коллеге повезло меньше. Кого он только не хватал за рукав, все отказывались помочь ему в покупке костюма. Я в это время безмятежно стоял в проходе, наблюдая за его мытарствами. Ко мне подошла женщина.

— У вас есть проблемы? — спросила она.

— У меня нет проблем. А вот у моего друга — да,— показав пальцем на своего товарища, ответил я.

Она направилась к нему. Они вдвоем пошептались.

— Тридцать рублей,— сказала она.

— Хорошо,— согласился он.

Свои тридцать рублей она отработала сполна. Она этот костюм сначала мерила на каком-то, проходившем мимо юноше, потом советовалась с продавцом о качестве ткани, подключив при этом к обсуждению других покупателей. Затем, приняв решение, что надо брать, и огласив это громко, грациозно отправилась в кассу оплачивать товар.

В отделе «Парфюмерия» нам не повезло совсем. В покупке обычного пульверизатора, для опрыскивания одеколоном меховой одежды и ковров от моли, мне было отказано. Несмотря на неудачу в отделе «Парфюмерия», покидали местный ЦУМ с чувством удовлетворения.

Из рижского аэропорта мы улетали на «Ту-134» с латвийским экипажем. На информационном табло время в полете до Хельсинки и до Стокгольма значилось меньше часа. То есть — взлет и сразу посадка. До Новосибирска цифра была обозначена семь с половиной часов с посадками в Казани и Кургане. Утомительный перелет.

В «Ту-134» один салон. Наши места были в самом хвосте. Бедная стюардесса! Сколько раз ей пришлось за рейс, толкая перед собой тележку, в туфлях на высоких каблуках, пройти от начала самолета до его хвоста и обратно! Сначала развезла прохладительные напитки, потом занялась лоточной торговлей, после этого повезла еду, затем собрала пустую посуду. И так каждый раз: между Ригой и Казанью, Казанью и Курганом, Курганом и Новосибирском. Она была хороша! Просто ожившая Галатея, вылепленная любящим мужчиной! В тот миг хотелось быть Пигмалионом, прикоснуться руками к прекрасному, и трогать, трогать и трогать божественные формы. Когда она шла к нам — еще ничего, но когда удалялась обратно — это что-то! Блузка и юбка плотно прилегали к телу, из-за этого, что под ними — четко прочерчено на них. А какая была у нее походка! Ножка за ножку, играя упругими телесами, спина прямая, грудь движется самостоятельно от тела. А так как мы сидели в самом хвосте, то каждый ее выход и с тыла и с фронта виден был нами до конца. Для меня с коллегой эта была бессонная ночь.

Рано утром прилетели в Новосибирск. Когда мы получали свой багаж, объявили посадку на Ригу. Че-

рез два часа я буду спать в своей постели, а им семь с половиной часов болтаться в воздухе. Бедная стюардесса! Ей еще семь с половиной часов катать тележку в туфлях на высоких каблуках.

P.S. По прошествии нескольких месяцев Белоруссия, Литва, Латвия будут самостоятельными государствами, и уже не будет летать самолет по маршруту Рига — Казань — Курган — Новосибирск — Курган — Казань — Рига.

Павел ПОДЗОРОВ

г. Бобруйск, Белоруссия

Родился в 1975 г. в Белоруссии, в г. Бобруйске. Образование высшее. С детства увлекается научной фантастикой. Рассказы переведены на ряд языков. Победитель и лауреат международных конкурсов. Имеет сертификат творческого работника Министерства культуры Республики Беларусь. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

КОЛОНИЯ

Колония жила и развивалась.

Жителям хватало и питания, и воздуха. Да и благодаря удачному расположению далекое солнце в достатке снабжало колонию теплом и светом. Ведь свет — это главное!

Некоторые близлежащие соседние колонии не имели прямого выхода к свету. Их ждала незавидная участь. Несмотря на все старания, они хирели, гибли, а те, что выживали, страдали от болезней и являли собой весьма жалкое зрелище.

Нам повезло. Надежная связь с Источником, снабжавшим питанием и хорошее месторасположение позволяли Колонии постоянно расти и давали шанс достигнуть запланированного размера. Внешние границы также были крепки. И надежно защищали от вирусов Пространства и нападения агрессивных существ, обитавших тут в избытке.

Однако случались и непреодолимые вещи. Ураганы! Это слово вызывало дрожь у каждого из нас. Недавно прошла сильнейшая буря. Ураганный ветер неистовствовал, обрывая окружающую растительность и унося ее в Пространство. Потоки воды хлестали по внешним стенам. Слабые колонии гибли первыми. Им не хватало сил удержать связь с Источником. Но бывало гибли и сильные колонии. Так, ближайшая к нашей соседняя колония, достигшая чрезмерных размеров, не смогла удержаться. Была оторвана и унесена в Пространство на верную гибель.

Мы — выжили! От постоянной сытости и изобилия, многотысячные обитатели колонии размякли, стали крупными и рыхлыми.

Несмотря на это, колония процветала и неуклонно росла.

***

…И вдруг!

Урагана не было. Солнце, как обычно, грело и ярко освещало колонию. Но внезапно началось землетрясение. Да такое, что грозило оторвать нашу колонию от Источника. А это — верная гибель.

Все силы колонии были направлены на то, чтобы удержаться. Но тщетно. Что-то произошло. Огромной силы рывок — и колония, потеряв связь с Источником, понеслась в Пространстве, захваченная неизвестной стихией.

В Пространстве возникли и быстро приближались два ряда скал. Неведомая сила, захватившая колонию, несла ее прямо на них. Скалы сперва расширились и, казалось, что колонию пронесет между ними, но вдруг вновь стали смыкаться. В момент прикосновения, подвергшись чудовищному давлению, оболочка колонии не выдержала и треснула …

***

— Андрюша, сынок! Иди кушать, завтрак готов,— позвала вышедшая на веранду женщина.

— Хорошо, мам,— крикнул мальчишка, и побежал из сада, на ходу дожевывая большое, сочное ЯБЛОКО.

О ПОЛЬЗЕ ГРИБОВ

«Лес качнулся: скрип, да скрип,
Показал под елкой гриб.
Я — с грибами,— молвил лес,—

А ты с глазами или без?»
(Л. Мезинов)
«Грибы размножаются спорами,
в спорах рождается истина,
значит, грибы— это истина!»
(шутка)

Осенний лес был тих. Отсутствие ветра, привычный для лета щебет птиц и стрекотание насекомых. Все это ушло с первыми заморозками, которые раскрасили листву в яркие цвета и сделали осень «золотой».

Павел неспешно шел, наслаждаясь тишиной и запахами леса. Этот осенний запах: прелой листвы, мха, хвои и грибов — ни с чем не спутать! Именно грибы привели его в лес, и сейчас, проваливаясь в глубокий зеленый мох, Павел то и дело поглядывал по сторонам, приподнимал палочкой-тростью листья и ворошил подозрительные бугорки. Корзина, заполненная более чем наполовину приятно тяжелила руку. Зеленки, рыжики, сыроежки, маслята и даже десяток боровиков — были неплохим трофеем «тихой охоты». «На жареху хватит!» — как любит говаривать мама.

Видимо, другие грибники, испугавшись моросившего всю ночь и утро дождя, не захотели мокнуть и остались дома. И поэтому Павел был один. А сейчас выглянуло солнышко, лес заиграл красками, небо стало голубым, а настроение — прекрасным.

Найдя удобное место, под большой елью, в окружении молодых березок и дубков, он решил сделать привал. Быстро соорудил небольшой костерок, настругал прутики и поставил жариться сало. Еда в лесу! Нет ничего вкуснее. Сало шкварчит, роняя ароматные капли в костер, от которых дымок становится «вкуснее». На обед у него была обычная походная еда: пара вареных яиц, помидоры, батон с маслом и чай. Ну и конечно, поджаренное на костерке сало. Павел глотнул из фляжки (которую носил исключительно в медицинских целях), дуя и обжигая губы, запил горячим чаем с лимоном, медом и травами и блаженно откинулся к стволу ели. Благодать!..

****

Блаженную негу прервало ощущение чьего-то присутствия. Открыв глаза, Павел увидел невысокого пожилого человека в большой круглой шляпе, похожей на шляпку гриба. «Прям старичок-лесовичок из сказки»,— подумал он, глядя на старичка с улыбкой. Хотя как он мог подойти так неслышно и быстро. Ведь минуту назад в округе никого не было. Одет дедок был в обычную военную плащ-палатку, а в руке держал суковатую палку.

— Здоров, милок! — Дед скрипуче засмеялся, увидев его недоумение.— Судя по твоему лицу именно такого ты ждал… Ладно. День добрый. Как урожай?

Начал накрапывать дождик.

— Присаживайтесь,— предложил Павел, указывая «лесовичку» на бревнышки, из которых он соорудил под елью место для сидения, земля-то уже холодная.— Грибов набрал. Отдыхаю… Чайку?

— Благодарствую,— ответил тот, легко усаживаясь.— От глотка чая не откажусь. О! С брусникой и калиной! — Дед прицокнул.— Вкусно. Сказку-быль послушать хочешь?

****

…Мы живем на этой планете уже много миллионов лет. Ваши ученые уже высказывали гипотезы о том, что кровеносная и нервная системы по своей структуре очень сходны с грибницей. Они правы.

И именно мы создали вас — людей. Это был великий эксперимент. Сможете ли вы выжить, приспособиться к окружающим условиям и, в случае успеха, полностью перейти в человеческий вид.

К сожалению, этого не произошло. Вы начали губить и уничтожать все сущее. В угоду своим мелочным прихотям. Не думая о выживании не только своего вида, но и всей планеты. Утратили знания и все меньше и меньше получаете информации о нас.

— Мы получаем информацию? Но как?

— Самым обычным способом, кушая грибы,— усмехнулся он.— Ну, еще часть от спор, рассеянных в воздухе. Но это мизер… Да, информация о мире содержится в грибах. Это как ваши флэшки и микрочипы, только гораздо тоньше и эффективней. Вы стали считать себя венцом творения. А вы всего лишь неудачный эксперимент. Спасибо хоть нас в отдельное царство выделили: растения, животные… грибы! — он снова грустно усмехнулся.

Костер весело потрескивал в тиши осеннего леса. Горячий ароматный чай согревал.

Павел раздумывал над полученной информацией, однако самое удивительное, как оказалось, было еще впереди. Лесной гость — точнее сказать Хозяин — продолжил рассказ:

— Вообще-то мы не коренные Земляне. Мы прибыли с Марса. Возможно, и он не родная наша планета, но такой информацией мы не обладаем. Произошел катаклизм. Большая часть колонии погибла. Хранилища информации, состоящие из особого вида грибницы, были невосстановимо повреждены. В виде спор мы понеслись к ближайшим планетам: кто в сторону Юпитера, кто на Венеру… Но самые большие надежды мы возлагали на Землю. Во-первых, климатические условия. Во-вторых, и это главное, на обратной стороне лу-

ны, еще до катастрофы, наши предки или создатели разместили несколько баз, где искусственно поддерживаются все необходимые условия для хранения нашего генофонда. Видимо, это хранилище спор было сделано именно на такой случай. Периодически споры, специальными автоматами выбрасываются в космос. Ну и на Землю конечно.— Он улыбнулся,— Подсеиваем помаленьку. Летающие «тарелки» видал?

— Слыхал…

— Ну вот. Это наши автоматы, созданные еще нашими предками миллионы лет назад…

Павел молчал. Сразу поверить, да и осознать все это было сложно. Грибы… НЛО… Марс… Он глотнул из фляги, поморщился, запил чаем и принялся жевать батон с маслом.

Старик наблюдал за Павлом, давая ему обдумать услышанное. Продолжил:

— Сейчас не только я — ко многим явились наши посланники. Мир рушится. Его нужно спасать.

— Но как?

— Ты, наверное, не догадываешься, что у большинства земных ученых значительную долю в рационе занимают грибы. А именно в них содержится Знание. И понимание того, что происходит в мире. Вот к нимто и направлены наши гонцы.

— А я? — Павел удивленно взглянул на собеседника.— Я же не ученый.

— Это верно.— Старичок смотрел на него с улыбкой.— Не ученый. Но ты, как мы знаем, рассказы пишешь…

— Да не то чтобы… Так, изредка. Когда муза посетит.

— Вот и напиши,— снова улыбнулся старик.— Расскажи людям, пусть знают. Информация, даже переданная в виде сказки — все равно информация. А у тебя получится… Удачи!

Павел задумчиво поворошил палкой догоравшие головешки. Когда он поднял глаза, никого рядом не было. Лес стоял такой же тихий и безмолвный. Только где-то вдалеке слабо слышался звук проходящей электрички…

***

Рассказ был написан. А в рационе у Павла с тех пор постоянно присутствуют грибы. Жареные, маринованные, соленые…

СПЕЦИАЛИСТ УЗКОГО ПРОФИЛЯ

«Лучше нету жениха,
Чем работник ЖКХ».

Полночь. Пора выходить на работу. Как раз прошел хороший дождь, похоже дел будет много.

Я осторожно выхожу из своей каморки. Это полуподвальное помещение, почти незаметное за мусорными баками в глубине двора. Принадлежит оно местному ЖКХ, с начальником которого мы давние друзья. Именно он принял меня на работу и выхлопотал это жилье. Небольшое, но все-таки. Официально я числюсь каким-то «сторожем». Но мне он выдал бумагу с названием моей должности, которой я очень горжусь. А в прошлом квартале мне вручили Почетную Грамоту. Зачем она мне — не знаю, но понял, должность моя — почетная.

***

Начальник нашел меня в лесу. Он собирал грибы недалеко от своей дачи. На мое счастье в его крови было большое содержание вещества, способствовавшего притуплению страха и повышенной общительности, вызванное употреблением местного напитка, называемого «коньяк». Он как раз пел песни и разговаривал с грибами, когда наткнулся на меня. Одним мыслеимпульсом я передал ему информацию обо мне, заодно добавив эмоции мира и дружелюбия. Мы разговорились. Точнее говорил только он, а я общался мысленно.

И мой новый приятель любезно согласился помочь. А когда на подходе к его даче на дороге встретилась огромная лужа и я — в ответ на его бурчание, дескать, ну ни черта делать не умеют!.. — ликвидировал ее, он пришел в восторг и тут же предложил устроиться к нему на работу.

***

Иду, стараясь избегать редких прохожих. Не хочу их пугать. Правда я в спецодежде. Но все же…

О! Вот и лужа. Она расположилась прямо посреди асфальтовой дорожки. Да еще в таком месте, что прохожим приходится обходить ее по бокам, по жирной глинистой грязи. Это очень неудобно. Особенно для старушек и молодых мам с детишками.

Что ж, приступим. Я опускаю в лужу оба своих хоботка и не спеша всасываю ее. Внутри моего организма все твердые частицы отделяются от воды. Песок, стекло и прочее разогреваются и превращаются в однородную пластичную массу. К ней добавляется часть воды, которая, смешавшись со сложным составом из желез внутренней секреции, превращает это месиво в прекрасный строительный раствор. Остальная вода и органика идут на восполнение запасов жизненной энергии, или, попросту говоря — в пищу.

Готовый раствор я с изрядным давлением выплескиваю под асфальт, пока не вижу, что углубление полностью исчезло. Конечно, я еще не специалист и могут быть отклонения (обычно 0,2—0,4 градуса). Но лужи на этом месте больше не будет.

***

Мой корабль, или, по-вашему, «летающая тарелка» потерпел аварию около года назад. По местному исчислению, конечно. Да так неудачно, что передатчик оказался существенно поврежден. Сигнал я кое-как смог отправить. И даже настроил его периодический повтор. Но в лучшем случае, при такой мощности, из этого сектора он дойдет до галактического маяка лет через 10—12. В худшем — через 100—150.

Но я не переживаю. Судя по состоянию местных дорог и дорожек, работы на мой век хватит. И я гордо принимаюсь за дело. Ведь, как написано в бумаге, выданной мне начальником ЖКХ в вечер нашего знакомства, я — Почетный Лужехлеб!

ПРОЕКТ
(Важная поправка)

Кузьмич внимательно наблюдал за поплавком. Вечерняя гладь озера отражала красный полудиск заходящего солнца. Тишина. Запахи разнотравья. Покой для души и тела. Кузьмич с улыбкой посмотрел на ведро, полное ладных карасиков.

«На жареху хватит,— подумал он.— Благодать. Только вот мошкара...»

И Кузьмич махнул рукой, отгоняя назойливо жужжащего комара…

***

— Босс, проект к запуску готов.— Главный конструктор щелкнул тумблером и устало откинулся от рабочего стола.— Установка отлажена, системы надежности, саморегуляции и баланса проверены. Программа функционирования и поэтапного развития заложена.

Босс задумчиво погладил бороду. Это был предмет его особой гордости: широкая, седая, гладко расчесанная. Все сотрудники бюро созидания относились к ней с почтением. Как и к самому босу, чей авторитет был непререкаем.

— А что нам скажут генетики? — Он посмотрел на эффектную даму — начальника отдела эволюции и развития.

— Все должно быть в порядке. Мы многократно просчитали и проверили. Человек должен появиться в запланированные сроки. Возможно небольшое отклонение плюс-минус миллиард лет. Но это несущественно, это мелочь, которую и в расчет брать не стоит.

Биоэкологи, геотектоники и остальные руководители отделов и служб закивали головами в знак согласия. Да и о чем тут было говорить? Проект прошел все возможные проверки, был многократно просчитан до мелочей, согласован и одобрен на самом верху. И вот сейчас решался вопрос его запуска и реализации во времени и пространстве…

— Скажите, а как вы планируете контролировать их генетические изменения?

Все удивленно оглянулись. Кто это? В уголке на коробке с семенами звездной пыли примостилась молоденькая практикантка из отдела технического анализа.

Все зашептались. Вопрос застал врасплох начальника отдела эволюции и развития:

— Ну, можно усыплять их время от времени и массово осуществлять забор крови.

— Да? — с изрядной долей ехидства спросила практикантка.— И как часто? Как это отразится на жизни планеты? Вы подумали?

Босс с улыбкой посмотрел на практикантку. Эх, молодо-зелено. Но она права.

— И что же вы предлагаете? — Он сделал ударение на слове «вы».

Практикантка не растерялась. Видимо ответ был у нее готов:

— Нет ничего проще. Нужно систему контроля биоматериала или обычной крови встроить в сам проект! К примеру, создав дополнительное звено живых существ.

Все молча смотрели на босса

Тот снова погладил бороду, вздохнув, поправил нимб и промолвил:

— ДА БУДЕТ ТАК!

Так на Земле появились комары…

КОСМИЧЕСКИЙ РОЗЫСК

— Шеф! Похоже мы нашли его.— Старший инспектор поиска быстро втек в кабинет-модуль начальника Седьмого управления Межгалактической службы Космического розыска, сокращенно — МеГаСлуКоР.

— Так далеко еще никто не забирался. Но от нас — не уйдешь!

Он самодовольно расплылся в лужу, но тут же принял первоначальный официальный вид. Только фиолетовые пятна, изредка пробегающие по поверхности его шарообразного тела, выдавали приподнятое настроение. Инспектор подкатился к постаменту, на котором возвышался начальник, и приступил к докладу:

— МШРД — робот новейшей модели. У него широчайший диапазон функций и прекрасное техническое оснащение. Это штучная модель, созданная для специальных операций. Однако при изготовлении, по невыясненным (пока!) причинам произошел сбой в программе. В результате вектор направленности модели изменился: со спасения Галактики — на ее уничтожение. Ни больше ни меньше! Применив спецсредства, он с боем прорвал защиту (до этого времени считавшуюся неуязвимой), завладел Времеатроном II-го уровня и покинул пределы Базы.

Сразу же был объявлен всегалактический розыск. Мы получили соответствующие ориентировки и бросили на поиск лучшие силы. Однако II-й уровень класса машины дает ему практически неограниченный простор перемещения в пространстве, а так же, частично — во времени. И до настоящего времени сведений о нем не поступало.

Седьмое управление МГСКР или «Семерка», как называли его в просторечии, занималось оперативно-розыскной деятельностью, выслеживая галактических преступников, независимо от их вида, расы или конструкции. За все время существования управления еще ни одному из них не удалось скрыться от возмездия.

Шеф Семерки внимательно слушал подчиненного, изредка пошевеливая нашивками с четырьмя восьмиконечными звездами — свидетельством высокого звания:

— И где же обнаружился этот субъект?

— В относительно недалеком прошлом. На небольшой планетке на окраине галактики.— Контролер взмахнул одной из семи верхних конечностей, разворачивая в пространстве перед шефом виом*,— «Земля». Название собственное. Расположена на окраине галактики Млечный путь,— продолжал он, меняя объемные изображения.— Третья планета от желтого карлика G2V, на звездных картах обозначена как Sol 3, в оперативных документах проходит как «Объект Z-5».

— Почему пять? Она ведь третья от светила…

— Для конспирации! — Цветовую гамму, выданную инспектором, можно было расценивать как ухмылку.

— Как удалось найти?

— Не поверите, шеф,— он снова наполовину растекся от самодовольства.— Устное народное творчество аборигенов! Впоследствии записанное в книгах. Собирательное название — «Сказки».

— Сказки?..

— Это устные рассказы, бытующие у разных народов с целью развлечения. Описывают необычные в бытовом смысле события. Наш сотрудник, отрабатывая на планете свою персональную задачу, на досуге решил по-чи-тать — этому странному занятию уделяют массу свободного времени наиболее развитые и уважаемые индивидуумы среди аборигенов. Первая же сказка его заинтересовала. А так как база всех находящихся в розыске намертво вживлена в мозговой центр памяти каждому агенту и ежедневно обновляется направленным мыслеимпульсмом,— то увидев первый рисунок, он сразу узнал беглеца! Мало того, даже имя осталось практически в первоначальном виде: в сказках МШРД проходит как Мышь, или Мышка.

— Вот посмотрите,— сменил изображение на виоме контролер. На экране замелькали страницы книг с красочными иллюстрациями:

— Вот объект «Мыш» помогает вытянуть Репку — местный овощ. То, что овощ вырос до гигантских размеров, говорит об использовании разыскиваемым генетического ускорителя роста. Тут же разумные коты и собаки — явное несанкционированное воздействие встроенного гипноиндуктора.

Кадр сменился.

— В другой сказке Золотое яйцо разбить смог только он. «Мышка хвостом махнула» — это искаженное примитивным восприятием аборигенов применение плазменного резака. Да и Яйцо, обратите внимание — золотое!.. Ему было необходимо золото для зарядки Времеатрона.

— А на планете что, золото не встречается? — перебил подчиненного шеф.

— Встречается. Но в то время промышленной добычи не было… И он нашел оригинальный, можно сказать, изящный способ: изменить генетику домашних птиц, чтобы они несли Золотые яйца. Теперь обратите внимание сюда: — «Белка песенки поет, да орешки все грызет»… Скорлупки — золотые!.. Не обошлось без Мыша. Довольно большой объем золота ему необходим. Вот он и метался по материкам и временам…

— «Ядра — чистый изумруд»… Вот поганец! — начальник все-таки не сдержался.— Изумруд — это же естественный усилитель мощности генерируемого Времеатроном поля для ухода в недоступные нам области пространства-времени.

— Именно так, шеф. Кроме того… Эти аборигены очень наблюдательны. Я проанализировал весь объем информации: во многих Сказках встречаются говорящие разумные звери и птицы… Для того уровня развития это было весьма необычно и носило название — Чудо.. О нем передавали из уст в уста, что есте-

* Виртуальный монитор

ственно дало искажения. Думаю, драконы и многоглавые змии — результат того, что наш подопечный не утилизировал отработанное топливо и не экранировал гипноиндуктор — отсюда такие мутации.

— Вот что,— начальник, похоже, принял решение.— Бери-ка ты это дело в разработку сам. Лично! Отправляйся туда: полномочия и ресурсы — неограниченны, форму тела разрешаю менять на собственное усмотрение, от ситуации — допуск получишь у моего заместителя... Но смотри, не злоупотребляй!

Последние слова он произнес, пристально глядя на подчиненного всеми тремя глазами, от чего тот подтянулся, приняв абсолютно шарообразную форму и опустив щупальца — как того требовал Устав.

***

Спустя галактические сутки начальник Семерки просматривал рапорт подчиненного, изобиловавший ссылками на страницы Сказок.

Вся мутировавшая нечисть была уничтожена. Для этого инспектор Семерки обратился сказочным Витязем и, пользуясь своей «непобедимостью», планомерно произвел зачистку. В результате воспоминания о чудесных существах потускнели, забылись. Со временем упоминания о них остались только в сказках, которым всерьез никто уже не верил.

Подробности и технические детали поиска он пропустил не читая, сразу перейдя к итогам. Основным свидетельством успешности проведенной операции являлись выдержки из сказки «Теремок». В ее финальной части, медведь (которым и был изменивший форму инспектор) разрушил и уничтожил бункер, в котором скрывался беглец и некоторые его сообщники — из местных мутантов.

Однако в сказке впоследствии был утерян существенный факт, отраженный в рапорте — «…при этом был один пострадавший — его раздавил неуклюжий медведь». Таким образом, опасный преступник был ликвидирован. Служба Космического розыска блестяще выполнила свою задачу.

Как всегда…

Игорь КАРЛОВ

г. Москва

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Зав. отделом международных связей всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Постоянный автор нашего альманаха.

АРАБЕСКИ

1

А пальмы, похоже, стали меня узнавать! Едва вышел за ворота, чтобы, перейдя через Тридцатое шоссе по пешеходному мостику, из Пятого блока района Даиа попасть в Четвертый (а тут и ходу-то минут пять), едва успел пройти метров двадцать, поеживаясь от прохладного ветра, дующего с Залива, как вот уже машет мне приветственно короткой мясистой многопалой ладонью подросток-крепыш, который скоро уже дождется первых своих фиников. Привет, тинейджер, привет!

Прошел еще метров с полста, а там издалека благосклонно кивают гордыми кронами роскошные молодые пальмы — настоящие королевские, в точности такие же, какую выбрали для своей эмблемы короли Саудовской Аравии. С королевским достоинством, но душевно приветствует меня эта чета пальм, увенчанная роскошными зелеными венцами. Да и как иначе? Мы ведь старые знакомцы, видимся иной раз дважды-трижды в день. И даже не в том дело, что встречаться приходится часто, но пальмовые король и королева, наверняка, чувствуют мое к ним хорошее отношение и платят ответным расположением. И я невольно улыбаюсь в ответ на их поклоны, улыбаюсь, как старым знакомым, как будто знаю в подробностях всю их жизнь.

Однако своим стал я не только для благовоспитанных деревьев Аравийского полуострова, выведенных в свет садовником, но и для редких в пустыне саморосов-дичков. Вот кланяются в пояс скромные желтые цветочки, нечто вроде пастушьей сумки или гулявника нашей Средней полосы. В России-то это незаметные, тонущие в океане зеленой травы крестоцветы, а здесь скромный цветок смотрится красой и гордостью песчаных обочин.

И даже странный древесный фрик, корявый выродок с загнутыми вверх и назад узловатыми ветвями, высаженный на разделительной полосе проезжей части, радостно завывает, завидев меня,— то посвистывает ветер в мерзкого вида безлистых отростках, которые пытаются ухватить себе кусочек неба, и весенняя просинь во всклокоченной прическе городского дурачка смотрится, будто голубые муаровые ленты, вплетенные в серые нестриженые космы. Что за урод, какого роду-племени — не поймешь. Только вялые кудряшки на концах скрюченных сучьев позволяют опознать в нем акацию. Кора дерева треснула, поэтому с одной сторо-

ны ствола виден вроде как дубленый морщинистый кожух, а с другой — гладкая древесина. Словно нагольный тулуп накинул на себя этот юродивый... Кто другой, может, брезгливо поморщится, обогнет уродца дальней дорожкой, я же, проходя мимо, сочувственно поглаживаю его шершавый бок. Знаю, понимаю, что пришлось ему вытерпеть, отчего безумен он, отчего треснула кора, отчего не родятся более его листочки — обожжен аравийским солнцем, пережил местное лето, претерпел такую страшную пытку, которой не выдержит ни душа, ни тело, пусть даже тело — бревно. Настрадался. И ума лишился, и облика древесного. Пожалеть его надо.

И все эти растения — мои друзья, без различия их положения в ботаническом бомонде. Все друзья, но любоваться хочется пальмами. Хочется подойти и тихонечко обнять их... Оно, вроде бы, мне, русскому, положено березки обнимать. Да и обнял, обнял бы! Пусть банально, пусть слащаво это может показаться со стороны... Но нет здесь берез, природа же, какая ни на есть, достойна любви и преклонения. Это понятие каждому человеку свыше дано — и Ивану, и Али.

٢

Солнце в осаде. Целый день. Пожалуй, лишь ранним утром оно, восходя на свой трон, успело во всю ширь оглядеть Аравийскую землю, и сделало это по-королевски: в меру строго, притом благосклонно, с достоинством хранителя и защитника веры. Поднимавшаяся ему навстречу прозрачная дымка испарений светилу не помеха, ибо придворная фронда не мешает уверенному в себе государю, напротив, изящно подчеркивает выгоды просвещенного абсолютизма.

А затем… чем выше поднималось солнце над горизонтом, тем гуще кучились облака. Грудились легкой кавалерией, летучими отрядами обкладывали небо со всех сторон. Скуднее стал ниспадающий на землю свет, ниже спустились встревоженные птицы. Солнце не уступало, продолжало щедро осыпать подданных пригоршнями блистающих самоцветов, однако все чаще перехватывала монаршие дары нагрянувшая из пустыни серая пыльно-песчаная мгла, все меньше доставалось людям сиятельной милости.

Борьба за будущее этого дня покуда оставалась борьбой великодушных поединщиков. В просветы хмар солнечные лучи блистали уверенно, мощно охватывая небосклон, даря животворящие вспышки дольнему миру. Облака же с уважением расступались перед скопленьями солнечных лучей, придавали пучкам светлых стрел объемность, делали зримой их светозарную силу. Эта-то рыцарственная почтительность и сами тучи превращала в драгоценную сапфирово-жемчужную субстанцию, сквозь причудливые прогалины отрывающую взгляду непостижимую разумом высоту, горящую радужным светом.

Итак, в первой половине дня мы наблюдали за единоборством двух благородных соперников. Так могли бы сражаться Саладин и Ричард Львиное Сердце.

Но миновали времена джентельменских дуэлей! Вслед за ратью облаков-мамлюков притащилась армада грозовых туч, начала изнуряющий обстрел неба и земли. Канонада громыхала долго, то удаляясь, то приближаясь. Иногда поблескивала молния, иногда проливался дождь, но не обильный ливень-удалец, способный влагой своей резко освежить воздух, разрядить разлитое в атмосфере томительное напряжение,— мелочный сквалыга, дрожащий над каждой растраченной капелькой. А солнце все не сдавалось, держало осаду.

Тогда коварные налетчики использовали гнуснейший прием: призвав на помощь знойный ветер из самого сердца пустыни, они вместе с дождинками бросили в бой тучи песка. Скупо ниспадающая влага не могла прибить к земле и сотой доли этой массы песчинок, которые вместе с облаками закрывали дневное светило, пытались заставить его померкнуть.

Едва пробивающееся сквозь песчаную бурю солнце осветило мир подленьким желтоватым светом. На виллы, пальмы, мечети, на слегка изогнутые полосы шоссе, на плиты набережной, даже на само море лег раздражающий отсвет тусклого золота, померкшего от пролитой на него крови. Такое золото достается предателю, открывшему врагу врата осажденной крепости. Такое золото получает в качестве контрибуции жестокий завоеватель, таящий планы дальнейших захватов.

Солнце и в эти тяжелые часы не покидало своего престола, но за двойным фильтром дождевых облаков и летучего песка являло вид дряхлого, доживающего последние часы эмира, на которого из уважительного сострадания уже не глядят визири и наибы его.

Не приведи Всевышний видеть солнце столь немощным! Зрелище не для глаз смертного! Именно такой наша звезда стояла в небе над вымирающими динозаврами, почти не освещая конец их мира. Именно таким солнце тускло глянет в очи тем, кто (не дай Бог!) останется на планете коротать ядерную зиму. Страшное это было солнце, но оно было. Оно не сдавалось.

И непобежденным ушло в иные сферы, когда наступило время ночи. Ушло под грохот отдаленных, но страшных громовых раскатов, под редкое шлепанье ленивых дождевых капель, под чавканье песчано-пыльной слякоти.

Впрочем, с его уходом борьба стихий не окончилась! Но людям уже не дано было улицезреть следующий акт вселенской драмы. Лишь по приглушенной канонаде грозы в глубине полуострова они догадывались, что где-то далеко продолжается борьба света и тьмы.

٣

Все, все — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!
А. Блок

Еще вчера гаджет погоды бодро уведомлял: «Кувейт, + 40, солнечно». А сегодня с утра: «Кувейт, + 32, пыльная буря».

Не пробиться солнечным лучам к земле. Пыль, пыль и пыль. Выглядывать в окно не веселее, чем смотреть на дисплей электронного устройства. Серость, клубящаяся серость. Безлюдны улицы, безмашинны шоссе — всех держит в заточении пыльная буря, все заперлись, закрыли окна и даже кондиционеры не спешат включать, ибо всюду проникает мельчайшая пыль. Наверное, так же будет происходить через много-много лет, когда люди создадут колонии на других планетах. Раздастся сигнал: «Пылевая буря!» — и опустеют марсианские супермаркеты, и поспешат в ангары марсоходы, и в стальных сферических коттеджах закроются, сипя вакуумными запорами, герметичные двери и окна. Надо укрыться, надо переждать.

А сколько ждать? Пыль бесконечна. Столько ее на нашей планете, что может она годами виться вокруг твоего дома, скрывая солнце, ограничивая видимость тремя десятками метров, запорашивая и без того уже покрасневшие глаза, забивая ноздри, садня носоглотку, оседая в легких. Годами.

Бессилен человек перед пылью. Ничего не в силах противопоставить венец творения вьющемуся по ветру праху. Ни-че-го. Окажись он сейчас в пустыне — верная смерть. Да и все человечество со всеми его дворцами и небоскребами существует ровно до тех пор, пока пыль клубится в одном только месте. К вечеру на ступеньках у подъезда уже собрались приметные сугробики пыли, и даже вода в бассейне отсвечивала под фонарем, как масло — даже на воде лежала тончайшая пылевая пленка. А что будет за два дня? За десять, за пятьдесят дней владычества хамсина? Город станет похож на мертвое древнее селение, открытое дотошным археологом.

Земля наша — Земля Пыли, сколь ни грустно это признать. Из праха мы созданы и в прах обратимся. Значит, прах был прежде человека и пребудет после исчезновения человечества. Прах один вечен и всепобедителен.

٤

В самом центре города, на Сальмии, за автостоянкой торгового центра, чудом уцелевший осколок прошлого — квартальчик из пяти — шести трехэтажных домов, выстроенных, пожалуй, полвека назад. Вокруг заброшенных, обветшавших, отключенных от коммуникаций зданий — буйные заросли тростника. Подозрительный в своей неожиданности уголок дикой природы в двух шагах от главной улицы мегаполиса. А по соседству — улетающие в небо клубящиеся кремово-розовые бетонные облака высоток столь вычурной архитектуры, будто то не человеческое жилье, но предназначенные для фей и эльфов пуки приторной сахарной ваты с бельведерами на крышах. А по соседству — устремленные в олимпийскую высоту многоэтажки с псеводоклассическими колоннами и фронтонами, махины фисташкового оттенка, отсвечивающие панорамными стеклами. А по соседству — серо-черные небоскребы хайтековского стиля.

За роскошью фешенебельной застройки не сразу заметишь пяток облупившихся трехэтажек, похожих на пятно лишая на лице зажиточной столицы нефтедобывающего эмирата. Непонятно, как уцелели эти домишки во время урбанистического бума, непонятно, кому принадлежат и зачем сохраняются. Как и непролазный тростник, достигающий подоконников второго этажа, покачивающий верхушками над оградой, будто бы одним только этим забором сдерживаемый от того, чтобы ринуться на сити, в несколько часов захватить его весь, превратить в живописные дебри.

За растрескавшейся бетонной стеной тростник под порывами налетающего ветра колышется так шумно, так по-хозяйски, что представляешь, как в такую же весеннюю пору здесь, в пустыне, по берегам пресных источников буйно взрастала зелень еще в те времена, когда никто и не помышлял о закладке города. А вот возник-таки город, разросся и оставил тростнику лишь захудалый ненужный клочок земли, где растения содержатся будто бы в плену, будто бы в заключении, подобно преступникам или изгоям. Только и радости тростнику, что ловить плоскими листьями свежий ветерок, лепетать что-то, вспоминая былое...

Точно так же шумел тростник, пропуская мимо экспедицию деловитых британцев, предположивших наличие под песками нефтеносных пластов и задумавших теперь обосноваться здесь надолго. Точно так же шумел тростник, встречая штандарты Османской империи, утвердившейся (казалось, навечно утвердившейся!) на берегах Залива. Точно так же шумел тростник при правителях шумеро-вавилонского царства... И вот все правители, все империи с их величием и мощью канули в Лету, а шелест тростника остался. Так что же значимо в подлунном мире? Что имеет в нем большую ценность?

Шелестит тростник, готовый рассказать слушателю, буде найдется таковой, о Гильгамеше или о Синдбаде, о многих героях мифов, легенд.

Но никто не слышит этого многозначительного шелеста: шорох шин по дорожному покрытию, нетерпеливые клаксоны, самодовольное урчание двигателей дорогущих автомобилей, шаги пешеходов, спешащих окунуться с веселье столичного вечера, заполняют Сальмию. Никому не нужны легенды и мифы.

Так выдворяет человек из своей жизни природу, загоняет в мрачные резервации, где она тихо умирает бездомным маргиналом. А сам человек надеется жить. Да не просто жить — наслаждаться жизнью. Получится ли, если никто не слушает шум тростника?.. Увидим.

Ирина МЕЛЬНИКОВА

г. Новозыбков Брянской области

Ирина Анатольевна Мельникова родилась на острове Карагинский, Камчатской обл. Хабаровского края. Является членом культурного центра «Родник» — возглавляет орготдел, член правления межрегионального литобъединения «Дети славянского поля». Печаталась в сборниках и журналах «Белый Колодец», «Родные голоса» и «Живой Родник».

ПОЛЕТ
Рассказ

Она умела летать, но об этом никто не знал. Лена лежала на берегу реки, широко разведя руки в стороны, и вспоминала тот день, когда впервые ощутила прелесть полета. Ей было девять лет. Худенькая девочка с большими голубыми глазами, светлыми пышными волосами, заплетенными в тугие косицы, она была открыта добру и счастью. С Любочкой она дружила еще с детского сада. Девочки проводили много времени вместе, играли, читали, мечтали. Люба — сероглазая девчонка с короткими темными волосами, жизнерадостная, всегда готовая прийти на помощь своей подруге.

В этот осенний сентябрьский день, Любочка не пришла в школу. Лена сразу ощутила какую-то непонятную до сих пор тревогу, смешанную со страхом. На уроках Лена была невнимательной, а на переменах девочка стояла у окна и думала о подруге. Что могло произойти, что Люба не позвонила ей.

— Сейчас закончатся уроки, и я пойду к Любе,— постоянно думала она.

Шел последний урок. В класс вошел директор школы Сергей Петрович и, пряча глаза, сказал:

— Дети, я принес вам скорбную новость. Сегодня утром умерла наша ученица Люба Фролова.

В классе воцарилась такая тишина, что было слышно, как за окном шумит крона дерева. Лена вскочила из-за стола, сделала несколько шагов вперед и потеряла сознание.

Девочка открыла глаза. Она лежала на кушетке в медпункте школы, рядом сидела ее мама и учительница Галина Ивановна. Лена смотрела на них, а в голове у нее звучали слова директора Сергея Петровича. Они, словно молоточки, пульсировали в ее голове: «Сегодня утром умерла Люба Фролова. Сегодня умерла Люба Фролова».

— Мам, это правда? — еще надеясь на чудо, спросила Лена маму.

Мать обняла дочь, не в силах произнести простое слово «да». Она только крепче прижала дочь к груди и осыпала ее поцелуями.

Выйдя из школы Лена, обратилась к матери:

— Мама, можно я побуду одна.

— Лена, ты уверена? — встревожилась женщина.

— Не волнуйся, мамочка, я просто хочу посидеть на нашей с Любочкой лавочке. Я в порядке. Мне надо побыть одной,— упрямо повторила Лена.

Она бежала и бежала, не оборачиваясь, ничего не замечая кругом, думая только о Любочке. Когда Лена стала осознавать, что произошло, что горе постигло не только ее, но и всех, особенно родителей Любочки, она стала приходить в себя. Лена огляделась. Вокруг нее было голубое небо. Посмотрев вниз, она увидела деревья, речку, дорогу и лавочку. Их с Любочкой лавочку. Девочка поняла, что летит, как птица. Она то взмывала вверх, то летела совсем низко, то прибавляла, то сбавляла скорость. С высоты любовалась лесом, озером, городом. Какие красивые луга, поля, а вот и река. Извиваясь, словно змейка, несет она свои воды, разрезая, словно ножом, лес и поле. Полет успокоил ее, ветерок вытер ее слезы. Да, в этом состоянии ее счастье. Да, полет — это ее стихия. Она стала сильной, свободной, повзрослевшей. Только здесь она ощущала рядом с собой ее Любочку.

— Никто не должен знать, что я умею летать,— решила девочка. Единственным человеком, которому она могла доверить эту тайну, была Люба. Но ее больше нет.

Это был ее первый полет. Лена вернулась домой ближе к вечеру. Мама не стала ни о чем расспрашивать дочь, что было Лене, как никогда, на руку. Она молча поела и заснула прямо в зале на диване. Мать тихо подошла к спящей дочери, села рядом.

— Доченька, моя доченька, как я люблю тебя.— Она погладила Лену по волосам,— все у тебя будет хорошо. Вот увидишь, все будет хорошо. Как ты похожа на меня. Хотя глаза отца. Такие же большие и серо-голубые, как у него.

Она вспомнила свою мать Веру Ивановну. Властную и красивую. Всегда уверенную в своей правоте, она все решала за дочь.

— Нина, самое главное стать человеком,— говорила она дочери,— развиваться духовно, быть здоровой, получить образование и стать экономически независимой.

И Нина занималась спортивной гимнастикой, школу окончила с золотой медалью. По окончании юридического института получила красный диплом и работала успешным юристом. Все было так, как хотела ее

мама. Но вот Нина Владимировна влюбилась в хорошего доброго парня. Матери ее избранник не понравился. Вера Ивановна приложила все силы, подключила все свои связи и разлучила влюбленных. Даже беременность дочери ее не остановила.

Нина Владимировна встала с дивна, где спала Леночка, подошла к окну. За окном шел дождь, и мокрые деревья казались одинокими и брошенными. Женщина вспомнила тот день, когда стояла перед матерью и плакала в надежде получить от близкого человека поддержку и понимание.

— Что, пришла? Просить помощи или совета,— довольно горделиво и холодно сказала Вера Ивановна, глядя на сломленную горем дочь.

В эту минуту что-то взорвалась внутри женщины. Беспомощность превратилась в силу, мягкость в уверенность. Нет, больше мать не будет управлять ее жизнью. Хватит!

— Я больше не намерена слушать тебя,— уверенно сказала, смело, в первый раз, посмотрев в глаза матери.

И она ушла. Ушла в никуда, ушла навсегда, оборвав эту покорность и зависимость от матери.

Нина Владимировна смотрела на спящую дочь. Впервые за столько лет ей стало легко и спокойно. Куда-то исчезла обида и досада на мать. Нестерпимая боль и обвинения матери в ее сломанной жизни. Она вдруг поняла, что прощает маму. Вот так просто прощает и отпускает от себя весь негатив, окружавший ее все эти годы.

Ночью Лене снилась Любочка. Она смотрела на подругу и улыбалась.

— Люба, что с тобой случилось? — спросила ее Лена.

Люба покачала головой.

— Не переживай за меня, Ленок. Здесь хорошо и спокойно. Будь счастлива и за меня, и за себя. Я тебя люблю. А ты знаешь, что у тебя есть бабушка? — неожиданно спросила Люба.

— Догадываюсь, только я ее никогда не видела.

— А вот видела. Вспоминай. Помнишь ты женщину, которую мы частенько встречали. Она еще пряталась от нас.

Лена попыталась вспомнить, но у нее ничего не вышло. Люба подняла руку, и перед глазами девочки возник образ женщины.

— Это и есть твоя бабушка. Мне кажется, что тебе пора с ней познакомиться. Пора прекратить тебе давнюю вражду. Вот смотри, она живет на улице Молодежной, дом 43, квартира 39.

Перед глазами Лены возник дом, мимо которого она частенько проходила, идя в школу.

— Обязательно сходи к бабушке. Ты много узнаешь.

Любочка помахала рукой и растаяла в луче света.

После школы Лена пошла на улицу, где жила ее бабушка. Она быстро нашла нужный дом и позвонила в домофон под номером 39.

— Да,— услышала девочка приятный женский голос,— кто это?

— Это я, Лена, ваша внучка.

Дверь открылась. Вера Ивановна ждала внучку в подъезде. Она обняла ее.

— Ну, проходи. Сейчас я тебя покормлю.

Пока девочка кушала, бабушка молчала, и лишь слезы текли у нее по щекам.

— Прости, я перед тобой, внученька, и перед твоей мамой очень виновата,— начала непростой разговор Вера Ивановна.— Когда-то я разлучила твою маму с твоим отцом. Мне этого дочка не простила. С тех пор я лишила себя и дочери, и внучки. Я сейчас очень жалею об этом. Прости меня, Леночка, что я лишила тебя отца.— Было видно, что этот разговор давался бабушке очень тяжело.

— Расскажите, какой был мой отец,— попросила девочка.

— Ты не думай о нем плохо. Это я была плохой. Мне казалось, что Виктор не достоин моей дочери. Он работал врачом. Не имел своего жилья. В общем, мне казалось, что он не достоин моей Нины. Только после я поняла, что он очень любил ее.— Вера Ивановна вытерла пот со лба.— Ты не представляешь, как я сейчас раскаиваюсь в содеянном. Знаешь, я ведь хотела его найти. Писала, но он уехал в неизвестном направлении.

— Бабушка, вы знаете, где он жил?

Вера Ивановна встала и вышла в соседнюю комнату. Через минуту она появилась с письмами в руках.

— Вот смотри. Это письма твоего отца. Он писал даже тогда, когда я соврала ему, что Нина вышла замуж и что ты не его дочь. Вот держи.— Она протянула письма внучке.— Вот еще что, здесь деньги, которые он высылал тебе и маме.

Вера Ивановна достала сберкнижку из-под писем.

— Прости меня, Леночка, прости.

— А знаете что, приходите к нам завтра в гости. Мы с мамой вас ждать будем.

Вера Ивановна проводила Лену до дома.

— Может, зайдете сейчас? — спросила девочка.

Но Бабушка отрицательно покачала головой.

— Завтра. Давай завтра. Мне надо настроится на непростой разговор с дочерью.

Вера Ивановна пришла к дочери с большим тортом. Они долго разговаривали, уже было далеко за полночь, когда они простили все обиды друг другу.

Лена после смерти подруги замкнулась в себе. Она уже ни с кем не дружила. Никуда не ходила с одноклассниками. Девочка сосредоточилась на учебе. Много времени проводила за книгой и иногда исчезала из дома на целый день. А вечером приходила домой усталая, но счастливая. Это очень беспокоило Нину Владимировну. На все вопросы матери Лена улыбалась, обнимала мать и говорила:

— Не переживай, мамочка, все у меня хорошо. Не волнуйся, пожалуйста.

— Пойми, доченька, люди должны общаться, дружить. Учеба — это, конечно, хорошо. Но, пойми, Леночка, нельзя жить одной без друзей. Тебе, доченька, надо общаться со сверстниками,— начала трудный разговор Нина Владимировна.

Лена внимательно посмотрела на мать. Она хотела, как всегда, сказать, что у нее все хорошо, но в родных глазах мамы вдруг увидела столько боли и тревоги за нее, что сердце девочки наполнилось нежностью и любовью. Она поняла, сколько горя и тревоги доставляет маме, как мама переживает за нее, как она хочет, чтобы у нее все в этой жизни было хорошо и гладко. Лена подошла к матери и обняла ее. Теперь она точно знала, что у нее все будет хорошо. Эта уверенность передалась и маме. После этого Нина Владимировна никогда не заводила с дочерью подобных разговоров.

Лена училась в медицинском институте. Она мечтала стать врачом, с той самой минуты, когда узнала о смерти Любочки. Она превратилась из смешной девчонки в стройную красивую девушку. Длинные вьющиеся волосы, словно шелк, струились до пояса. А ее глаза… Это был целый океан тайны, чувств и любви. На нее стали заглядываться парни, но девушка не обращала на них внимания и была увлечена только учебой, хотя и мечтала о любви. Но только о настоящей. О такой, чтобы раз и на всю жизнь.

Лена встала рано, на улице было еще темно. Вышла на балкон и посмотрела вдаль. На горизонте играли блики солнца. Это занимался рассвет. Девушке захотелось увидеть его поближе. Последнее время она не летала, просто не было желания. А сейчас ей вдруг захотелось взмыть ввысь и посмотреть этот удивительный рассвет с высоты птичьего полета. Она подняла руки и полетела. Все ее существо наполнилась восторгом и счастьем, когда она увидела солнце. Облака, словно подушка безопасности, плыли под ее ногами. А солнце! Такого солнца она еще не видела никогда. Оно внутри было белое, а потом плавно переходило в светящееся желтое. И эти цвета играли и переливались, становились то светлее, то насыщеннее и все время двигались то вверх, то вниз к центру. Вокруг солнца образовалось пылающее кольцо, сквозь которое пробивались лучи. Они становились все длиннее и длиннее. И эти лучи стремились к земле.

— Боже, как красиво! — воскликнула Лена.

Ей показалась, что она слышит звон колокольчиков. Вскоре к этому перезвону присоединились скрипки. Все вокруг наполнилось гармонией, любовью, теплом. Послышались нежные звуки флейты. Землю окутал аромат роз и ландышей. Слышался плеск волны, пение птиц. Подул легкий ветерок. А вокруг играли розовые, нежно-голубые тона, которые сменялись оранжевыми и малиновыми красками. В этой гармонии кружилась Лена, впитывая в себя, словно цветок росу, любовь и счастье.

В луче солнца появилась Любочка.

Лена радостно закружилась, раскинув руки, подставляя лицо лучам теплого солнца.

— Люба! Я чувствую такую огромную любовь. Мне хочется любить сейчас весь мир,— подлетая к подруге закричала девушка.

— Это самая сильная любовь в мире. Это божественная любовь. Любовь к Богу. И эту любовь ты должна пронести через всю жизнь. И ты должна делиться этой любовью с людьми,— улыбнулась Люба.

И Лена об этом точно знала. Она была уверена в правоте слов подруги.

Лена спешила на лекцию. Она поднималась по лестнице, как ее внимание привлек парень. Черноволосый, с большими зелеными глазами. Их глаза встретились. Они стояли и смотрели друг на друга не в силах отвести глаз.

— Сергей,— нарушил неловкую паузу парень и протянул девушке руку.

Лена протянула ему свою ладонь, холодную, как ледышка от волнения, которую рука Сергея окутала своим теплом, словно рукавицей. Лена молча стояла, не в силах отвести взгляд от его глаз.

— Меня зовут Сергей,— улыбаясь повторил парень.

— Лена,— тихо произнесла девушка и только сейчас отвела взгляд в сторону.

Сергей накрыл ладошку Лены второй рукой. Так они стояли не в силах расцепить своих рук. Раздался звонок.

— Мне пора идти на лекцию,— прошептала взволнованная Лена.

— А мне в клинику. Я там работаю,— произнес парень.

Сергей поцеловал руку девушки, нежно, словно боясь разбить хрусталь, опустил ее, и молодые люди поспешили каждый по своим делам.

В обед позвонила мама и назначила встречу после лекций в ресторане «Восточном».

— Мам, а что за событие такое? — поинтересовалась Лена.

— Все узнаешь потом,— поспешила ответить мама и повесила трубку.

В ресторан Лена приехала сразу после лекции. Столик был накрыт на четверых. Мать и бабушка сидели за ним с каким-то мужчиной. Такой красивой мамы Лена не видела давно. Надежда Владимировна была

одета в синее красивое платье, волосы были собраны в прическу, которая ей очень шла и делала ее моложе своих лет.

«Наконец у матери появился мужчина»,— подумала девушка и оценивающе посмотрела на него.

Надежда при появлении дочери засуетилась. Мужчина встал, протянул Лене руку. Рука его дрожала. Лена сразу уловила, что он очень волнуется. Наступила неловкая пауза. Девушка первая прервала ее.

— Лена,— сказала она и повторила: — Меня зовут Лена.

Мужчина молчал и неотрывно смотрел на Лену. На помощь пришла Надежда Владимировна.

— Познакомься, дочка, это твой отец,— слова прозвучали как гром средь ясного неба.

Лена пристальней посмотрела на отца.

—Здравствуй, папа,— сказала она и улыбнулась.

Неловкое напряжение исчезло. Глаза отца засветились каким-то теплым светом. Неловкость и волнение отошли на задний план.

«Наконец,— подумала Лена,— два любящих сердца вместе. Как хорошо, что они за столько лет разлуки сохранили любовь».

Нет, Лена не осуждала бабушку за то, что она росла без отца и что бабушка разлучила родителей. Девушка просто радовалась за них.

Девушка часто думала о Сергее. Она не могла забыть ни его голос, ни нежные руки, ни его лучистые зеленоватые глаза. Лена вспоминала их мимолетную встречу до мелочей.

— Неужели я влюбилась? — задавала она себе вопрос. И сама себе отвечала: — Да, влюбилась.

Ведь до сих пор ничего подобного с ней не случалось. Но ведь так не бывает. Видеть человека несколько минут и так влюбиться! Да не бывает такой быстрой любви. Ведь надо человека сначала хорошо узнать… Но вопреки здравому смыслу, она вновь и вновь думала о Сергее.

Елена вышла из института. Накрапывал дождик. Девушка достала зонтик и вдруг услышала:

— Ну вот, наконец, я тебя нашел, Леночка!

Лена обомлела. Этот голос она не могла спутать ни с кем. Обладатель этого голоса частенько снился ей. Она резко обернулась. Перед ней стоял Сергей.

— Пойдем, перекусим в кафе, ты ведь еще не обедала.— Уловив нерешительность в глазах Лены, он добавил: — Не вздумай отказываться. Я не собираюсь тебя терять и искать по всему институту. Так и знай. Я собираюсь на тебе жениться. Да, и как можно побыстрей, а то уведут тебя у меня. А я чувствую, вернее, знаю, что только ты моя половинка и только ты будешь моей женой.

Этот напор не смутил девушку, он был ей даже приятен. Как ни странно, она чувствовала то же самое. Они бродили по городу целую ночь. Было чувство, что они знают друг друга очень давно. Так давно, что они думали одинаково, понимали друг друга даже без слов. Родители не спали, когда Лена пришла домой.

— Лена, мы уже не знали, что и думать, обзвонили всех знакомых. Что ты творишь?— Но увидев счастливые глаза дочери, Надежда Владимировна замолчала.

— Мамочка, я, кажется, влюбилась. Ты понимаешь, влюбилась! — И она звонко засмеялась, кружа мать в объятиях.

Лена окончила институт, и работала в клинике Сергея хирургом. Они ждали своего первенца. Было известно, что у них будет девочка. К этому важному событию готовились всей большой семьей. Провожали ее в роддом тоже все. Две бабушки, две мамы и два папы. Уговорить остаться кого-то дома было невозможно.

Лена смотрела на свою маленькую дочь. Ее переполняла любовь к этому маленькому родному и такому дорогому человечку. Молодая мама не могла оторвать глаз от дочурки, которая мирно спала у нее в палате. Она подняла глаза. В луче солнца стояла Любочка.

— Любочка, Любочка,— повторяла она,— как я рада тебя видеть.

— Я пришла поздравить тебя с рождением дочери.

— Спасибо, Любочка, я так счастлива.

— Знаю, Леночка. Я все про тебя знаю. Счастье нельзя потерять из-за болезни или бедности. Даже со смертью человека оно продолжается в вечности. Это счастье называется одним словом — блаженство. Ты познала любовь к Богу, мужчине, счастье материнства. Я подарила тебе полет. Теперь он тебе не нужен. Прощай. И будь всегда счастлива.— Любочка грустно посмотрела на Лену и растаяла в луче солнца.

— Зачем мне полет? Когда у меня в руках такое сокровище.— Лена прижалась щекой к дочери.— Любочка, я тебя люблю. Ты самое дорогое, что у меня есть. Да, тебя зовут Любочка.

Галина РАЗБАЕВА

г. Самара

Родилась в 1960 г. в г. Куйбышеве, в семье инженеров. Окончила Самарский госинститут культуры (с отличием), по специальности «Руководитель академического хорового коллектива». Ее эссе и рассказы печатаются в самарской газете «Благовест» и издании «Православная народная газета». В 2012 г. вышла первая книга — сборник рассказов «Дорога», в 2018 — вторая, «Отблески. Записки экскурсовода». Обе книги иллюстрированы автором. Имеет дипломы за литературные работы: 2018 г.— диплом полуфиналиста и диплом финалиста всероссийского литературного конкурса «Родине поклонитесь», посвященного 200-летию И. С. Тургенева, г. Орел; 2014 г.— диплом обладателя гран-при межрегионального конкурса «Содружество. Евразийские ART — Диалоги в области искусств», г. Самара; 2006 г.— диплом лауреата за I место в обл. конкурсе «Святые символы России», направление «Публицистика»; 1998 г.— диплом лауреата за I место в обл. конкурсе профессионального мастерства «Учитель года» (за литературно-музыкальные композиции), г. Самара. Член Самарского отделения РСПЛ. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА
ЛЕБЕДЬ

Осенним днем 1907 года в петербургской квартире известного танцовщика Михаила Фокина раздался звонок. Хозяин нехотя отложил мандолину, с которой не расставался в минуты редкого отдыха. В его сознании все еще звучала нежная мелодия пьесы «Лебедь» Сен-Санса.

— Анечка, это ты! — лицо Михаила озарила улыбка,— как я рад тебя видеть! Прошу, проходи.

— Мой друг, я пришла к тебе с просьбой.

— Я весь внимание.

— На декабрь назначен бенефис хора императорского оперного театра. Хористы попросили меня принять участие в их концерте. Ты не поможешь мне выбрать музыку для постановки танца?

Михаил на минуту задумался, потом, как бы очнувшись, оглядел хрупкую фигурку балерины: «А что, если взять “Лебедя”? Ведь она создана для этого образа!»

— Пойдем.— Он схватил Анну за руку.— Знаешь эту мелодию? — напевая, он стал показывать балерине движения. Анна тут же подхватила эту импровизацию. Так они и танцевали — впереди Фокин, за ним Анна. Потом балерина стала двигаться одна, а Михаил только показывал движения рук-крыльев. Это была вдохновенная импровизация, рожденная двумя величайшими танцовщиками — Михаилом Фокиным и Анной Павловой.

Через несколько дней состоялся концерт, на котором впервые была исполнена хореографическая миниатюра «Умирающий лебедь». Успех был невероятный. Один из поклонников балерины подарил ей рубиновую брошь. С тех пор Анна Павлова выступала с этой брошью, которая горела как кровь на теле умирающей птицы.

Прошло два года. На одном из концертов Дягилевских русских сезонов в Париже присутствовал автор «Лебедя» — французский композитор Камиль Сен-Санс. После спектакля, на котором Анна Павлова блистательно исполнила миниатюру «Лебедь», потрясенный композитор поспешил за кулисы к танцовщице. Как всегда, она была в окружении поклонников, завалена цветами и подарками. Улучив момент, он представился и был приглашен к балерине. Беседуя с ней, композитор с улыбкой произнес: «Мадам, благодаря вам, я понял, что написал хорошую музыку!»

Беседа прославленной танцовщицы и знаменитого композитора продолжилась в гримерке. Только что познакомившись, они почувствовали родственность душ, несмотря на разницу в возрасте. Павловой не было и тридцати, а Сен-Сансу — уже за семьдесят. Беседа потекла непринужденно. Анна, освободившись от сценического образа, в длинном платье, выглядела элегантно. Изысканное модное платье облегало ее хрупкую фигуру, подчеркивая тонкую талию. Лицо сохраняло отчужденную приветливость и надмирность.

— Анна, вы по-новому интерпретировали мою пьесу.— Помолчав, композитор добавил:— Неожиданно и совершенно фантастично! Ваше исполнение безупречно!

Взгляд Анны потеплел, глаза наполнились блеском.

— Дорогой маэстро, мне было невероятно легко танцевать под вашу музыку. Но образ умирающего лебедя, основные движения, придумал мой друг, мой постановщик — Михаил Фокин.

Балерина улыбнулась и продолжила:

— А как вам пришла идея написать такую миниатюру? Ведь обычно вы пишете большие произведения. Я восхищена вашей оперой «Самсон и Далила» — это грандиозное творение.

Композитор откинулся на спинку кресла:

— Милая Анна, «Лебедь» — это ведь всего лишь часть моей зоологической сюиты «Карнавал живот-

ных».

Удивление отразилось на лице балерины:

— Расскажите, маэстро, это интересно!

Композитор внимательно посмотрел на собеседницу.

— Это история в форме «фондо».— Затем, обаятельно улыбнувшись, продолжил:— Но я сокращу ее до двух эпизодов. Первый эпизод — начало истории. Когда я был совсем молодым, как вы, я работал в Парижской школе Луи Нидермейера. У меня были талантливые ученики, с которыми я дружу до сих пор. Так вот, по окончании курса мы поставили спектакль, который с успехом был принят. Выпускники попросили написать еще что-нибудь для постановки. Время шло. Я был занят то гастролями, то сочинением музыки, постановками, написанием статей, путешествиями. Продолжение этой истории было неожиданным.

Композитор посмотрел на Анну, казалось она вся превратилась в слух.

— А дальше, что же дальше?

— А дальше, дальше эпизод второй: после не очень успешных гастролей по Германии я решил взять паузу и уединился в небольшом австрийском городке. Тут-то мне и пришла мысль написать, наконец, обещанную музыку. Мой друг, виолончелист Шарль Лебук вовремя подоспел со своей идеей — написать музыку для его концерта. Концерт был назначен на «жирный вторник».

Анна засмеялась, улыбнулся и Сен-Санс.

— Так называется карнавальный день перед великим постом. У вас в России этот день называется «масленица». Я написал шуточную сюиту, назвав ее «зоологической». Герои пьес животные, под личиной которых скрываются люди. Изображая их, я пародировал некоторые недостатки современников, цитируя известные мелодии. Повторяю, это была шуточная сюита, написанная по случаю, для узкого круга. Только пьеса «Лебедь» написана без издевки над современниками, это гимн красоте.

— Но почему же нигде не звучит эта сюита целиком? — заинтересовалась балерина.

— А это, если хотите, я наложил запрет на исполнение сюиты, всех частей, кроме «Лебедя», повторяю, это была музыкальная шутка. Мне не хочется, чтобы мое имя воспринималось как имя автора музыкальных пародий!

— Ах, как интересно… интересно было бы услышать… Неужели никто так и не осмелился нарушить запрет? — Анна лукаво улыбнулась.

— Нарушили,— композитор усмехнулся.— В доме Полины Виардо прозвучала вся сюита целиком. И откуда они только взяли ноты? — Композитор махнул рукой.— Вот после моей смерти пусть исполняют, все равно не услышу…

Внезапно он рассмеялся:

— Ну, далась же им эта зоологическая сюита! А вот «Лебедя» недавно мне довелось услышать в вокальном исполнении. И вы знаете, что-то в этом есть, особенно, когда звучит меццо-сопрано.

Поговорив еще немного, собеседники распрощались. Им довелось еще раз встретиться через несколько лет, на этот раз в лондонской квартире Павловой, где балерина исполнила «Лебедя» для Сен-Санса, выразив этим свою благодарность великому композитору.

ЛУННАЯ СОНАТА

По улице, размахивая руками, стремительно идет молодой человек. Он не замечает прохожих, приподнимающих котелки и почтительно раскланивающихся с ним. Молодой человек мрачен. «Как она могла!» — шепчут его губы.

Сегодня состоялся решающий разговор с Джульеттой, его ученицей, музой, возлюбленной.

Как всегда, урок начался с совместного музицирования. Семнадцатилетняя кокетка Джульетта способная пианистка. Она тонко чувствует музыку, его музыку. Но сегодня она рассеяна и молчалива. Несколько раз теряла текст, и Людвиг взорвался. Он швырнул ноты на пол и стал кричать. Последнее время он часто переходит на крик. Ему кажется, что собеседники его плохо слышат. Страданий добавляет и шум в ушах, который заставляет музыканта напряженно прислушиваться.

…Джульетта молча собирает с пола ноты, она пытается улыбнуться, но плохо скрываемая тревога делает улыбку нарочитой, и это еще больше раздражает Бетховена.

Наконец, собравшись с духом, Джульетта поднимает глаза на своего учителя:

— Мой дорогой друг, вы знаете, как я к вам отношусь, как я ценю ваш талант. Вы стали мне очень дороги.— Она переводит дыхание.— Вчера вы открылись мне…

Бетховен сделал движение к девушке:

— Вы мне ничего не ответили!

— Дорогой Людвиг, накануне…— она вдруг прервала свою взволнованную речь.— Вот, лучше прочтите.— Джульетта протянула вытащенный из-за широкого пояса небольшой конверт и быстрыми шагами удалилась.

Бетховен бросился за ней, но внезапно остановившись, решительно пробежал глазами содержимое письма:

«Я ухожу от гения, который уже победил, к гению, который еще борется за признание. Я хочу быть его ангелом-хранителем».

Вся кровь прилила к лицу Людвига: как, неужели его Джульетта, его милый ангел …предал. Но как же те знаки, которые он воспринимал как ответ на его чувства, как же они? Он носит рубашки, вышитые ее маленькими холеными ручками, он бережно хранит ее письма, которые она посылала в ответ на его неловкие просьбы о прощении за очередной взрыв, крик и швыряние нот. Неужели все это игра, кокетство? Неужели его, пусть не родовитого, но успешного музыканта, она предпочла этому невежде, бесталанному писаке Роберту фон Галленбергу, которого Бетховен с некоторых пор стал замечать в доме Гвиччарди?

Бетховен скомкал письмо. Ему казалось, оно еще хранит аромат ее духов. Прочь из этого дома!

Бетховен стремительной походкой прошел мимо вышедшей ему навстречу графини. Двери хлопали, издавая резкий звук выстрела. Все казалось ненужным, неестественным, враждебным — и заискивающий взгляд старшей графини, и испуганное лицо ее младшей дочери. Ненужными и опостылевшими стали казаться предметы, которые раньше вызывали удивление — картины в золоченых рамах, пузатые вазы по углам, наборные столики с выгнутыми ножками; все это хотелось толкнуть, раскидать, сломать.

На улице ему стало чуть легче. Так, бормоча и размахивая руками, не замечая шарахающихся от него прохожих, он дошел до своей улицы. На Пробусгассе шесть композитор снимал квартиру в три небольшие комнаты.

Вот он, его спаситель, его рояль. Скинув с крышки недописанные листы, Бетховен открыл инструмент. Внезапное успокоение нашло на него. Руки взяли октаву на до диез: до-диез минор — тональность печали и слез. Неторопливо поплыли звуки. Арпеджио укачивало мысль — приходило царственное спокойствие. Мелодия еще не родилась, она пыталась пробиться сквозь покачивание арпеджио и оцепенение баса, и вот она, похожая на траурный мотив мелодия, уходящая в вечность… Это будет послание для нее. До диез минор, она поймет, заплачет, но будет поздно. Во второй части он напишет ее музыкальный портрет, а в третьей — отдаст волю своим чувствам. Бетховен хватает чистый нотный лист и торопливым почерком заносит лишь ему понятные знаки.

… Пройдет немного времени и в Вене напечатают сонату Бетховена под номером 14, до диез минор, с первой частью в виде фантазии. В посвящении — Джульетта Гвиччарди.

Что же стало с талантливой, но поверхностной девушкой, не сумевшей оценить гения?

Она вышла замуж за Роберта фон Галленберга и вместе с мужем уехала в Италию. Разочаровавшись в талантах мужа, она завела роман с князем Пюклер-Мускау, который не стесняясь стал обирать свою пассию.

Подурневшая и потускневшая Джульетта вернулась в Вену, она делала попытки увидеться с Бетховеном, но гордый композитор не смог простить нанесенной обиды.

… Прошло пять лет со дня кончины гениального композитора. Его музыка звучала повсюду. Однажды друг Бетховена поэт Людвиг Рельштаб вместе с товарищами шел по вечерней улице Вены. Из открытого окна доносились печальные звуки первой части сонаты номер 14 «Quasi una fantasia».

— Это лунный свет над Фирвальдштетским озером,— воскликнул потрясенный как бы заново услышанной музыкой восторженный поэт!

— Чья это музыка? — спросил юноша, начинающий поэт, приехавший из провинции.

— Это Бетховен, его соната.— Помолчав, добавил: — Лунная соната.

Тихий вечерний свет освещал улицы притихшей Вены. Нежный аромат цветов дурманил головы прогуливающихся горожан. Чарующие звуки послания к «бессмертной возлюбленной» разливались над городом, звучала «Лунная соната» — великое творение нежной любви и всепоглощающей страсти.

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

В 1833 году на небольшой вилле Флоренции в одиночестве заканчивал свой земной путь Михал Клеофас Огинский. Новое поколение шумных, энергичных итальянцев не догадывалось, какой неординарный человек находится рядом с ними. Человек-легенда, эпоха; человек, о котором можно было бы написать интереснейший роман, настолько его жизненная дорога делала крутые виражи.

Кто он, господин Огинский? Аристократ, патриот утраченного государства? Да. Дипломат? Да. Тайный советник? Да. А еще — писатель-мемуарист, музыкант, композитор, создатель бесчисленных маршей, вальсов и полонезов…

Полонез Огинского — именно такое словосочетание и войдет в историю, обессмертит это имя!

Михал Клеофас каждое утро, превозмогая слабость, садится за рабочий стол и изящным почерком пишет мемуары. Ему есть о чем поведать человечеству. Вся его жизнь — служение любимой Польше. Все его поступки, мысли и действия — на благо Родине. Его мечта — возрождение Речи Посполитой — потерпела крах. Он простился с мечтой, Родиной, с надеждой…

…Михал Клеофас откладывает перо. Мысли, воспоминания, куда от них деться? Как не хватает ему сейчас тишины и покоя Залесья, уюта усадьбы, которую он отстраивал с такой любовью. Граф грустно улыбается: «Даже оранжерею построил».

Звук дверного колокольчика прервал плавное течение мысли Огинского. Слуга бесшумно открыл

дверь. Граф прислушался: он никого не ждал сегодня. Голос дочери окончательно вернул его к действительности.

Амелия — единственное родное существо навещает больного графа. Немногочисленные друзья изредка тоже приходят, но то друзья.

— Папа, я пришла помочь тебе с мемуарами.— Дочь стремительно подходит к отцу, торопливо прикасается к его щеке. Амелия — его гордость и опора. Высокая, стройная, черноволосая красавица, она унаследовала внешние черты матери, смягченные аристократическими манерами отца.

— В городе только и говорят о твоей книге. Издатели хотят иметь продолжение мемуаров.

— Здравствуй, дочка.— Отец неторопливо поднимается с кресла.— Подожди, не спеши так. Посмотри, что принес мне вчера Мицкевич.

Амелия берет из рук отца новую книгу:

— Пан Адам издал сборник стихов? Он был у тебя?

— Да, вчера он навещал меня. Мы обменялись книгами. Я подарил ему свой нотный сборник. Мы играли в шахматы, много спорили, вспоминали.

По лицу Михала прошла тень, словно осязаемые картины прошлого проплыли перед глазами князя.

Амелия чутко уловила перемену настроения отца и решила увести разговор в иное русло.

— Отец, вчера в храме видела пана Станислава Понятовского-младшего, он велел кланяться тебе.

— Как здоровье пана Станислава?

Дочка пожала плечами:

— Как может чувствовать себя восьмидесятилетний старик? Болеет, но тоже пишет свои воспоминания о Польше, о своем дяде — короле.

— Интересный был человек — последний король Польши, Станислав Понятовский, талантливый, но слабовольный.

— Папа, ты все-таки продолжение будешь дописывать на французском?

— Если не успею перевести, этим займешься ты.

— Французская газета назвала тебя «человеком, написавшим самую правдивую историю Польши»,— продолжила Амелия, не переставая двигаться по комнате.

Михал грустно улыбнулся. Всю жизнь, где бы он ни находился, в какой водоворот событий ни попадал, он вел дневники, которые и помогли ему составить мемуары. Амелия вновь переменила тему. Стремительность в поступках, разговоре, смене тем — это у дочери от матери-итальянки, порывистой, неугомонной. И вновь Огинский ловит себя на мысли: черты дочери напоминают ему бывшую жену Марию Нери — главную ошибку его молодости.

— Папа, мы с Каролем были в гостях у Демидовых. Ты знаешь его,— Амелия не успевает договорить.

— У какого из Демидовых вы были?

— У Анатолия. Это тот самый русский богач, который восстанавливает на свои деньги фасад церкви Санта-Кроче. У них были супруги Бутурлины. Но не это самое главное. На приеме Анатолий сыграл твой полонез ля минор, а Бутурлин спросил меня: «Правда ли, что он называется «Прощание с Родиной»?

Михал прикрыл глаза. Чуть заметная тень вновь пробежала по его лицу. И вновь голос Амелии не дал ему погрузиться в тяжкие воспоминания.

— Папа, но ведь в твоем сборнике, который вышел недавно, этот полонез никак не назван.

— Да, Амелия, я никак его не называл, название придумали мои друзья, с кем я находился в армии Костюшко. Я написал его после того, как нашу Речь Посполитую в третий раз разделили — в роковом 1795 году.

Невольно Михал перешел на возвышенный тон.

— Эта музыка — мое прощание с навсегда утраченной Родиной, мечтой.

Михал Клеофас вновь погрузился в раздумья. Сколько раз ему пришлось под разными вымышленными именами скитаться по странам в поисках союзников для восстановления Речи Посполитой! Знание многих европейских языков, на которых дипломат Огинский говорил без акцента — спасибо учителю Жану Роле — помогло ему без труда обманывать европейскую полицию, разыскивающую опасного государственного преступника Огинского. Отпрыск знатного рода выдавал себя то за французского торговца Жана Риделя, то за польского шляхтича Михайловского, то за английского негоцианта. Некогда владелец огромного состояния, часть которого он вложил в вооружение армии Костюшко, другую же часть конфисковали российские власти, он жил весьма скромно. Лишь с воцарением Александра Первого Огинский получил прощение, а с ним возврат конфискованных земель и возможность беспрепятственно передвигаться по миру. Сколько раз его пытались возвратить к государственной деятельности, ведь он был опытным дипломатом. Поняв, что ни один правитель не примет его план восстановления польского государства, Огинский удалился от дел.

Воспользовавшись советом врачей сменить холодный климат на более мягкий, Михал Клеофас покинул Сморгонское Залесье и поселился во Флоренции. Вот уже почти десять лет он живет на этой благословенной земле.

— Папа, папа, ты меня не слышишь.— Испуганная Амелия наклоняется к отцу.

— Прости дочка, я задумался. Souvenirs, où aller de vous,— не замечая, он перешел на французский.

— Папа, хочешь, я тебе поиграю?

Огинский кивнул головой. Амелия подошла к кабинетному роялю, открыв крышку, пробежала по клавишам, на секунду задумавшись, взяла первые звуки знакомого с детства полонеза. Не зря современники назвали это произведение «самым грустным полонезом». Нежная, лирическая, чуть меланхоличная музыка наполнила комнату. Тема, напоминающая скорее песню, чем полонез, зазвучала печально и трогательно.

Михал слушал, закрыв глаза. Странное чувство овладевало им. Он вновь почувствовал себя молодым и энергичным. Картины Варшавского предместья и Залесья, сменяя друг друга, плавно проходили перед Огинским.

Нежная певучая тема продолжала жить в многочисленных вариациях, приближаясь к собственно теме полонеза — вот она, горделивая ритмичная мелодия, олицетворение гордой Польши. И вновь песенная повторяющаяся мелодия, как напоминание об утраченном счастье. Михал вслушивается в игру дочери. Как чутко она понимает музыку!

Теплый вечер незаметно опустился на город. Амелия играла вальсы, польки и марши, сочиненные отцом. Она хорошо знала эту талантливую музыку и прекрасно ее исполняла. Пообещав завтра придти для работы над рукописью, Амелия покинула дом отца.

Еще много раз Амелия будет приходить в дом на пьяцца Санта Мария Новелла, чтобы скрасить одиночество угасающего человека, помочь с бумагами. И каждый вечер будет непременно заканчиваться музыкой. Так захотел отец.

Через полгода шестидесятивосьмилетний Михал Клеофас Огинский скончается. Его похоронят вдали от Родины, во Флоренции, в городе, ставшем пристанищем польского рыцаря и романтика, мечтавшего о невозможном — возвращении былого величия Речи Посполитой. Его, как крупнейшего политика, похоронили в Пантеоне выдающихся деятелей во флорентийской церкви Санта-Кроче рядом с Данте, Галилеем и Микеланджело.

Три страны — Беларусь, Литва и Польша, считая Огинского своим национальным гением, будут много делать для увековечивания памяти этого неординарного человека. Ему поставят памятники, его именем назовут улицы и учебные заведения. А в Беларуси, в имении Огинских в Залесье, откроют музей.

Среди множества талантливых страниц, написанных Огинским-композитором, только его полонез ля минор «Прощание с Родиной» обретет всемирную известность. Что-то есть в этой музыке, что берет за душу, заставляет трепетать сердце и простого человека и ученого, человека любой национальности и вероисповедания. Это вселенская история, над которой не властно время…

Галина МАМЫКО

г. Симферополь, Крым

Выпускница Калининградского госуниверситета, работала учителем, журналистом. Публикации в журналах: «Русское поле» (г. Орел), «Южная звезда» (Ставрополье), «Приокские зори» (г. Тула), «Новая Литература», «Русский переплет» (Москва), «Молодое Око», «Российский писатель», «Русичи» (Крым), «Русская линия», «Житти завтра» (Украина), «Русская Жизнь», «Камертон», «День Литературы», «Ковчег», «Мегалит» и др. Сборник рассказов и сказок Галины Мамыко «Мармеладный домик» вошел в лонг-лист финалистов конкурса Горьковской литпремии 2017 г. Член Союза писателей Крыма. Наш постоянный автор.

ПОСЛУШАНИЕ
(рассказ)

Эту историю рассказала староста храма во время чаепития по случаю дня ее Ангела. Речь шла о любви, верности, семейных отношениях, вот тут собравшиеся и услышали…

***

Володю Бояринова пригласили к митрополиту. Секретарь пятидесятилетняя Екатерина Мироновна, с пуховым платком на плечах, начальственным голосом уточнила, быть у владыченьки надо завтра пораньше, до начала занятий, и уже больше не глядела ни на кого, продолжив печатание на машинке.

За спиной будто кто-то хихикнул. Володя оглянулся, тут сидели на стульях два немолодых священника, дремлющий дьякон, старик-монах, а в стороне, у двери, скучала девица с веселым лицом и книжкой на коленях. Все молчали. В приемной было тихо, только щелкали клавиши печатной машинки. Девица смеющимися глазами взглянула на Володю, и он поспешно вышел, недовольный собою. Он знал, кто она — регент хора в их семинарском храме.

Он ждал исполнения одного заветного горячего желания. Месяц назад он просил митрополита о пострижении в монахи. Ему недавно исполнилось двадцать пять лет, он считал свой возраст вполне зрелым для

начала отшельнической жизни. Его беспокоили мысли, что день, проведенный не в стенах монастыря, прошел впустую, а он рискует в любую минуту предстать во грехах пред лице Господа. Грехом он считал чуть ли не все в этом суетном мире: будь то неуместная улыбка девушки из церковной лавки или громкий разговор семинаристов на паперти — словом, то, что указывало, как он полагал, на проделки князя тьмы и отвлекало от духовной брани.

Он с неудовольствием наблюдал за своей жизнью, в которой то и дело обнаруживал греховные вожделения и духовные падения. Приводило в смущение, что на него, статного, видного, заглядываются женщины. С такого молодца иконы писать, высказалась уборщица семинарского общежития. Тяжело жить посреди соблазнов! «Спрятаться бы подальше от молвы и народа, поселиться в лесу, как Серафим Саровский!» — мечтал он.

— Усаживайся, рад тебя видеть! Сейчас Екатерина Мироновна чайку горячего принесет,— добродушное настроение митрополита Стефана обнадежило Володю.

Он счел это хорошим знаком. В его воображении нарисовались картины будущих монашеских послушаний, благодатных молитвенных уединений.

Митрополит беседовал с юношей, наставлял в вере, но об иночестве речи не вел. Напоследок позвал к себе домой на «личный разговор».

— Не по службе,— сказал как бы виновато.

Володя ушел от владыки с подарком — бесценной для него толстой книгой святоотеческих писаний. Он считал себя недостойным приглашения в гости к столь высокому лицу, был этим озадачен, встревожен отсутствием ответа на его желание уйти в монастырь, но принудил себя к смирению.

— Накопилось много воспоминаний, будешь помогать,— сказал владыка веселым голосом при встрече в митрополичьих покоях.

Впрочем, покоями это жилище можно было назвать с трудом. Бедность и теснота резали глаз. Продавленный диван, выкрашенные синей масляной краской стены с иконами, дощатые, без ковров, полы, облезлый шкафчик без стекол с прогнувшимися под тяжестью книг полками.

Скромность обстановки Володе была по душе, как один из признаков, по его мнению, подвижнической жизни хозяев.

Митрополита Стефана знали в народе как человека неприхотливого. Известно было, что в свое время он, будучи иеромонахом, противился высоким назначениям, считая себя недостойным, но из смирения и ради послушания подчинился решениям церковного руководства. Однако и в сане епископа не оставил правила жить в простоте. Предпочитал ходить пешком. «Волгой», подаренной епархиальному управлению именитыми духовными чадами, пользовался редко, и даже в приходы по области, случалось, ездил на рейсовом автобусе. Он был любим многими за непоказное милосердие. Нередко под окна его дома приходили люди в надежде на помощь, и эту помощь вскоре получали.

Володю усадили в углу комнаты за письменным столом, дали чистую тетрадь, школьную перьевую ручку, чернильницу, прислуживала пожилая монахиня в черном одеянии.

Писал он грамотно, аккуратно, чем еще больше угодил наставнику. Тот в заплатанном подряснике, маленький и тощий, похожий скорее на простолюдина, чем на архиерея, прохаживался по залу, поглаживал седую бороденку и неспешно вел повествование. Детские годы, отягощенные скорбями — ранней смертью родителей, болезнями, голодом, деревенским тяжелым трудом...

Подошло время ужина, владыка выглянул за дверь и велел позвать Ольгу. Через минуту она вошла. Бросила в сторону гостя быстрый взгляд из-под светлой косынки и как бы в раздумье остановилась, но митрополит тут же ее подбодрил:

— Да что же ты, будто не у себя дома.

Ростом она была не высока, фигуры не имела вследствие худобы. Лицо с неправильными чертами так же было маловыразительно, хотя и не безобразно. Курносенькая, с бледными тонкими губами и каким-то особым, вроде как озорным, выражением лица... Так, девочка-подросток. Тем не менее, штапельное удлиненное платье-трапеция в бело-синюю клетку, с широкими до запястий рукавами, с отложным белым воротником, очень шло ей. В этом же наряде она была накануне в епархиальной приемной, Володя вспомнил и платье, и смеющиеся глаза.

Владыка улыбнулся приблизившейся к ним Ольге и сказал, обратившись к Володе:

— Супруга умерла, когда нашей дочери и семи лет не было. Я же, вдовец, вскоре монашество принял. Ольгу вырастить помогла моя родная сестрица, видел ты ее. Уже как пять лет тоже постриглась.

Подошла сестра с уставленным чашками подносом в руках. После того, как владыка произнес положенные перед трапезой молитвы, заняли места за обеденным столом посредине комнаты. Перекрестившись, молча попили чая. Володя глаз не поднимал.

На десятый день совместных трудов митрополит открыл истинную причину высочайшего внимания к нему.

— Я ведь, друг мой, мечтаю на тебя послушание возложить. Уж как воспримешь, ох-хо-хо… Надо бы…— он вздохнул, задержал на семинаристе взгляд, и после паузы продолжил дрогнувшим голосом: — Понимаешь ли, дружочек ты мой, хорошо было бы пойти навстречу нашей просьбе.

«Почему он так говорит?» — предчувствие беды вдруг ударило юношу по сердцу.

А владыка внезапно заплакал и опустился перед ним на колени.

Володя в ужасе поднялся со стула и стоял неподвижно, не зная, что и думать. И тут он услышал такое, что повергло его в растерянность и трепет.

— Ах, если бы, дружочек, ты согласился стать достойным супругом для моей дочери.

При этих словах владыка взглянул на Володю умоляющими глазами.

Семинарист хотел отшатнуться, убежать, ему чудилось, он видит дурной сон, но робость и страх сковали его. Он не шевелился, как будто остолбенев, и не отрывал глаз от говорившего.

— Дочь, можно сказать, старая дева, вот-вот третий десяток разменяет. Старше тебя, но это не беда, а может, и к лучшему. Так мне думается… Не находилось все эти годы для нее человека, который пришелся бы ей по сердцу. Сколько я молил Бога…— митрополит обтер платком лицо и бороду и поднялся с колен.— А где-то полгода назад она возьми да и, как снег на голову, выбери тебя, Володя. Уж не знаю почему, откуда такое желание. Где она успела тебя заприметить. Думаю, на службах церковных, где же еще... Уж я с ней и так, и эдак, нет, твердит, никого другого мне не надо. Не скрою, однако, я рад ее выбору, ты человек благородного характера.

Митрополит снова с мольбою взглянул в глаза продолжавшему молчать Володе.

— Поразмышляй на досуге, обдумай, не спеши с выводами. Помолись. А потом и придешь, скажешь. Ступай, дружочек. С Богом.

Когда гость дрожащей рукой потянул на себя дверь, владыка его окликнул.

— Погоди… Что еще хотел сказать. Тебе учиться дальше надо. В Духовной академии. Понял, дружочек? Не в монастырь, а в Академию! С твоими дарованиями, кому, как не тебе, богословскую науку осваивать.

Тут архиерей осенил юношу благословляющим жестом.

— Учиться поедешь независимо от того, женишься или нет. Одно к другому не относится. Господи, помилуй мя, грешного…

Перед сном, после молитвенного правила, дочь, которая уже знала, что у папы состоялся наконец главный разговор, зашла на отцовскую половину пожелать спокойной ночи. Помедлив, спросила с обычной, как бы беспечной, улыбкой:

— Что же он сказал?

— Пусть поразмышляет, помолится, а там, даст Бог, и обвенчаетесь.

Она вышла улыбаясь. Засыпая, слышала шорохи за дверью и разговоры о будущем Ольги.

Володя в ту ночь не мог уснуть. Рядом на общежитских койках спали товарищи. За окнами сияла чудная луна, пылали такие же чудные звезды, небосвод переливался и завораживал красотой, все в природе, кажется, говорило, что жизнь, несмотря ни на какие события, чудесна, и кто-то назойливо зудел в ухо: «Горько!» Под утро он задремал и увидел себя за свадебным столом, рядом улыбающуюся Ольгу и веселого митрополита. Кричали «Горько!». Проснувшись, будто от внезапного толчка, в предрассветных сумерках, Володя ощутил такое сиротство, такую безысходность при воспоминании о случившемся, что первая мысль была бежать из города. Но разве можно убежать от Бога? Ведь это Господь попустил искушение, как Иову многострадальному, подумал он, а значит… А значит, надо молиться. Вот и владыка велел молиться.

Но дальше лежать в кровати, думать, мучиться, страдать, сомневаться…— о, нет, больше ни минуты он не мог терпеть такое положение. Он быстро оделся и, пока все вокруг еще спали, поспешил к митрополиту, надеясь успеть застать его дома. Шел он с решительным намерением сказать «нет».

Быстро разгорающееся утро золотило стекла домов, переливы птичьего пения разносились под небесными сводами. Город шелестел весенней листвой. Фигуры дворников в больших грубых фартуках кланялись прыгающим в их руках метлам. Первые трамваи позвякивали и медлили на поворотах, будто в сонном забытьи. Тишина и покой обещали скоро уступить место гулу людских забот. Вот и знакомый палисадник с побеленными деревьями, одноэтажный бревенчатый дом с высоким облупленным крыльцом.

Сердце Володи застучало. «Как я скажу “нет”, да как же, не смогу»,— растерянно думал он в крайнем волнении.

Тетушка проводила его в крохотную комнатку без окон, с единственным стулом и образами по стенам. Тускло мерцала лампадка.

— Жди, владыченька закончит молиться, выйдет, и тогда…— шепотом сказала ему провожатая на ухо и удалилась, перебирая в руке длинные вязаные четки.

Было слышно, как заскрипели под ее ногами половицы в соседней комнате. Послышался стук входной двери, прохладный воздух с улицы пробежался ветром по дому. Дверь в келью от сквозняка приоткрылась, медленно поплыло облако умиротворяющего аромата ладана, донесся знакомый тихий голос молящегося человека. Боже мой, что это была за молитва, Володя обмер. Это была не молитва, а горький плач попавшего в беду. Он жаловался Богу на самого себя, жалел дочь, жалел юношу Владимира… Виноват я перед ним, говорил винящийся, наложил послушание свыше его сил. Ах, горе мне, гореть в аду, зачем я так поступил. Но что же делать, ведь так жалко ее, бедная моя Ольга, бедный Владимир, бедный я…

Володя с обреченностью смертника поднялся, постоял с минуту, не зная что дальше делать. Его губы нервно кривились. Потом, колеблясь, правильно ли поступает, сделал над собой усилие и на цыпочках вы-

шел из комнаты, пробрался через сумрачную прихожую мимо пустой вешалки, и оказался на свету, на чистом воздухе, под звоном небес. И пошел быстро прочь, не оглядываясь.

Пролетела неделя тишины, затем другая, третья... Он ходил на занятия, в сердце и уме было — угроза предстоящей женитьбы. «Подвиги, о которых читал в житиях святых, теперь не для меня,— с горечью думал он.— Прощай, целомудрие, прощай, чистота». Его продолжали точить помыслы бросить учебу, вернуться в поселок к родителям, которые до сих пор не могли смириться с чуждым для их советского мировоззрения религиозным выбором сына. «По стопам прадеда-дьякона пошел, увы»,— оправдывались перед соседями.

Володя молился, а когда становилось невмоготу, и сомнения раздирали душу, вспоминал плач архипастыря в то утро, и тогда душа болела заново, но теперь не за себя.

Он на какое-то время успокаивался, каялся в малодушии, но печаль вновь давила сердце.

Тем не менее жизнь, молодость и радость бытия брали свое. Постепенно он стал осваиваться с положением «жениха» и привыкать к судьбе «без монашества».

Начались экзамены, которые, как и все годы учебы, сдавал на «отлично», и как-то улеглось в душе, а потом подошло то самое страшное, как он считал, время последнего, решительного шага. Не ради потакания личным желаниям, а для блага других людей, говорил он. «Ведь это и есть жизнь по заповедям Господним, жертвовать собою во имя Христа». «Сам Бог послал испытание». Он «провидел» новую жизнь, полную страданий, лишений, горестей, именно такой представлялась семейная стезя, ведь то, что кажется счастьем для мирянина, есть пагуба для монаха, думал он. Себя он по-старому мнил чернецом до гробовой доски.

У Благомировых с тех пор, как Володя ушел, его ждали каждый день как желанного родственника.

Еще только он подходил к их дому, как его приметила Ольга, она имела обыкновение в эти недели выглядывать в окно. Вспыхнув, она задернула занавески, бросилась к иконам и, на коленях, зашептала о помиловании.

Володя не успел позвонить, дверь открыли. Сестра-монашка с удивлением взглянула на семинариста и, протягивая конверт, сказала:

— Легки на помине. Я как раз к вам собралась. Владыка поручил письмо передать.

Архиерей писал, что снимает с Володи тяжелое для него послушание женитьбы и возлагает все на волю Божию. Заканчивалось послание слезным покаянием и словами о Страшном Суде, ожидающем таких грешников, как он, убогий Стефан Благомиров.

Прочитав этот текст, Володя понял, уж теперь действительно для него все решено, и жениться он просто обязан, потому что не хочет стать причиной горя благочестных, великодушных людей.

Тетушка в это время испытующе глядела на него, как бы спрашивая, что же узнал из письма. Монахиня видела, как удручен в последнее время брат, знала, тот сильно жалеет о своем, как говорил наедине с ней, нелепом сватовстве, и усиленно молилась о благополучном исходе затеянной им истории.

Она впустила пунцового от волнения визитера к архиерею.

Теперь не владыка, а Володя встал на колени, сбивчиво извинялся за долгое молчание, говорил, что не желал никого обидеть, а в заключение произнес главное: просит руки Ольги.

Владыке понравилась деликатность жениха, не сказавшего ничего о воле высокопреосвященного, а просившего как бы от себя, без привязки к известным им обоим особым обстоятельствам. «Стерпится — слюбится!» — с облегчением подумал родитель, и все его былые переживания исчезли. Тотчас пригласили Ольгу.

Она вошла быстрым шагом, без церемоний, не скрывая радости в глазах, и отец благословил молодых.

«Молим Тя, Госпоже наша, даждь нам житие безгрешно зачати и родити плоды покаяния!» — известную ему молитву Володя в эти дни прочел новыми глазами и счел своевременной находкой слова о безгрешном зачатии не каких-нибудь там лялечек, отметил он, а зачатии истинного и вечного — плодов покаяния. «Никаких других зачатий быть не может!» — подумал применительно к себе.

Визиты в дом будущего тестя возобновились. Владыка вновь диктовал мемуары, а потом в гостиную входили известные Володе домочадцы, в семейном кругу чаевничали. Он с внутренней скорбью отмечал радость на лице невесты. Впрочем, старался не смотреть на нее. За столом их усаживали нарочно напротив друг друга, чтобы могли встречаться глазами. Эту хитрость придумала тетушка. Но напрасно: они избегали всего, что могло сблизить. Она, вероятно, по девической робости, он — по искреннему нежеланию.

Он не видел ничего праздничного или обнадеживающего в том, что сейчас происходило. Перспектива поездки в столицу обещала, по его убеждению, массу новых неприятностей. «Суета сует поглотит меня! Боже-Боже, какие сети жуткие уготованы мне!» — сетовал в минуты уныния.

Распорядок дальнейшей жизни уже был расписан. Усадив однажды детей на диване, владыка расположился перед ними на стуле и кротким голосом рассказал, что будет дальше.

— Дети,— говорил он ласково, с умилением глядя на них.— Скоро вы станете законными супругами. Господь да не лишит вас милости. После венчания съездите дня на три к твоим родителям, Володя.

Владыка не так давно выпытал у юноши историю разногласий с отцом и матерью — «из-за религии», не удивился услышанному: «В такое время живем, это все понятно…»

— Ну, а после хорошо бы медовый отдых у моря… А там и на учебу… Да благословит вас Господь многочисленным потомством.

Владыка прослезился, когда дети встали на колени со склоненными головами под благословение. Во-

лодя закрыл глаза, сдерживая слезы.

Положенные по закону юридические процедуры, а спустя время необходимые мероприятия для сочетания законным браком Бояринова Владимира и Благомировой Ольги прошли благополучно.

Ничто не омрачило праздника. Ольге у знакомой портнихи пошили очаровательное белое платье. Этот сверкающий шелк много лет назад был подарен Ольгиным отцом ее матери.

Русые косы невесты тетушка уложила в виде короны и покрыла фатой. Светлые туфли с крошечными бантиками выглядывали из-под пышного подола, его Ольга поддерживала, поднимаясь по ступеням в храм, и осторожно ступала во время венчания. Володя, одетый в свой единственный, тщательно им отутюженный, костюм, как и она, вел себя так же чинно, все делал правильно, и вежливо смотрел на лицо будущей супруги, когда того требовал протокол.

Все для него проходило как во сне. Праздничная толпа вокруг с обращенными к молодоженам добрыми лицами, улыбающиеся товарищи, родственники, прихожане, прибывшие по приглашению митрополита помолодевшие от счастья родители — ничто не удивляло, не трогало его сердце. «Мама, папа…» — как бы машинально и растерянно повторял он ранним утром, встретив по телеграмме на автовокзале Нину Петровну и Михаила Ивановича, целуя их в щеки. «Мы за тебя очень рады»,— отвечали те с облегчением от состоявшегося примирения. Они были растроганы.

Они сильно соскучились по Володе, жалели о жестких словах, что наговорили при расставании перед его отъездом в духовную семинарию. Особенно отец казнил себя, что запретил сыну навещать их, а когда тот все же приехал на каникулах, не стал с ним разговаривать. Единственное, что облегчало угрызения совести — не отказали в ежемесячной денежной поддержке.

Люди простые, рабочих специальностей, желали такую же судьбу и для сына. «Главное, чтобы честным трудом на хлеб зарабатывал»,— говорили, когда разговор заходил о будущем Володи, отличнике учебы. Предвестники семейного раскола на церковной почве явились, когда сын в четырнадцать лет уверовал в Бога, принял крещение, а вскоре духовник благословил усердного юношу на служение пономарем. Нина Петровна и Михаил Иванович этому детскому увлечению, как они посчитали, особого значения не придали. Однако все пошло иначе, когда возмужавший Владимир по возвращении из армии заявил родителям о решении стать священнослужителем. Они восприняли это как настоящую катастрофу. Отец был в гневе, мать переживала, оба опасались — вдруг еще и в монахи засобирается! Бояринова-младшего приглашали на беседу в органы, грозили, отговаривали. Родители надеялись, под давлением государства попавший в сети мракобесия одумается, но нет, так и расстались.

И сейчас, видя его и невесту, чувствовали, как гора падает с плеч, успокаивается совесть, и замирали в предвкушении скорого появления внуков. Ради примирения с сыном были готовы примириться с его верой. Все представлялось отныне славным в этом, не так давно казавшемся странным, мире богомольцев. И думалось им, а вдруг сын прав, и Бог, не исключено, действительно где-то и существует, если не так, то не было бы ничего, что случилось,— чистого, искреннего, счастливого...

После венчания и затем, в домашней обстановке семейного праздничного обеда, состоялось прощание.

Новобрачных проводили до автовокзала и потом махали вслед переполненному людьми автобусу. Пассажиры с любопытством глазели на владыку в подряснике и монахиню.

Эта поездка домой, к радости Володи, оттягивала главное, то, что он считал казнью — первую брачную ночь.

Три дня продолжалась идиллия. Прогулки в обществе родителей по поселку, походы в лес, семейные застолья, а ночью сон в разных углах двухкомнатной квартиры — невесте по настоянию Володи выделили раскладушку в комнате Нины Петровны, а ему постелили на полу рядом с кроватью отца.

По возвращении в город молодые в тот же день вновь отправились в путь, на этот раз в Дом отдыха. Здесь-то, под пение соловьев за открытым окном, в блеске ярких крупных звезд черного южного неба, в уютном двухместном номере, и совершилось то, что должно было совершиться: трагедия. Оставшись впервые наедине с невестой, Володя вынул из кармана брюк сложенный лист бумаги и срывающимся от волнения голосом вслух зачитал перед ней заготовленное им драматичное заявление.

«Дорогая Ольга, я всей душой желал быть монахом, чтобы посвятить жизнь Богу. И скажу твердо: мое желание никто никогда не сможет переменить на что-то другое! Простите, но я не буду жить с вами как с женщиной, а предлагаю руку как товарищу по несчастью. Да-да, семейная жизнь — это несчастье, и к нему хотят насильно принудить. Если пожелаете, то станем братом и сестрой во Христе, проживем до самой смерти рука об руку чисто, безгрешно, не помышляя о плотском, и тем угодим Господу, и в угодное Ему время с миром, по-христиански, отойдем в райские обители».

Закончив читать, он поднял в страхе глаза на Ольгу, опасаясь в душе скандала. Она с задумчивым видом, склонив к плечу голову, сидела на тахте. В номере было прохладно, а потому она покрылась поверх дорожного платья пледом. Она молчала, затем вскинула наконец глаза — в них Володя с удивлением увидел уже знакомую ему, но сейчас непонятную и, как подумал, неуместную веселость. Она же, взглянув на него своими смеющимися глазами, больше не могла сдерживаться и захохотала.

— Так что же…— сказал в растерянности.— Каким будет ваш ответ? И что смешного?

— Ох, не могу,— повторяла Ольга и плакала от смеха.

Быстрые густые сумерки охватывали все вокруг. Ароматы южных растений, смешанные с запахом моря и чистым дыханием близких гор, приносили свежесть и приятную негу. Пронзительные крики чаек, неукротимый шум прибоя, все говорило о чем-то диковинном, пленительном совсем рядом, и как бы напоминало о том, что есть в этом мире и счастье, и покой, и радость.

Хорошо, думала Ольга, что не успели зажечь свет. В наплывающем вечере лицо стоящего перед ней жениха таяло внутри фиолетовых теней и полутонов.

— Мы словно на дне моря, и пахнет морем, ты чувствуешь? — сказала она, перестав смеяться.

— Я ничего не чувствую,— с достоинством сказал Володя.

Он был раздосадован, что она не приняла всерьез услышанное, смеялась над ним, да еще стала говорить «ты».

От некоторого нетерпения он постукивал по полу носком ботинка.

— Ой, чего же обувь-то не снял,— заметила с улыбкой.

— Не стоит переводить на другую тему. Лучше расставим точки над i,— сказал он, нахмурившись, и стал ходить по комнате.

«Вместо того, чтобы читать перед сном псалтирь и плакать о погибающей душе, я должен терять здесь время на пустое. Как же глупо все! — думал он и с отчаянием поглядывал на Ольгу.— Чего она хочет от меня? Неужели… — страшная догадка потрясла: — Ну, конечно, она поверила, что я и правда сделаю ее счастливой, жаждет потерять девственность, родить детей, вот что хочет!»

Он в ужасе остановился, встряхнул головой, словно желая избавиться от наваждения, и решительно сказал:

— Вы и правда мечтаете потерять девственность? Не хотите остаться Христовой невестой? Зачем вам это, Ольга? Что хорошего в тленной, временной жизни, ради чего губить бессмертную душу?

Он говорил взволнованно о вечном, объяснял, что значит жить в чистоте, быть целомудренной, и как потом в загробном мире Господь вознаградит их за святое воздержание…

Она молчала и, казалось ему, внимательно слушала. Он уже было поверил, что его вдохновенная речь достигла цели, но тут услышал:

— Я беременна.

Она сказала так просто, буднично. И заплакала, закрыв лицо руками.

— Как?! Как это?!

Услышав его потрясенный голос, Ольга начала смеяться, смех перешел в рыдания.

Володя подал стакан с водой, она отказалась.

— Я все понял, все понял,— повторял он, и его голос пресекался от волнения.— Можете ничего не объяснять. Не надо подробностей. Это не важно. Но я понял главное — вот он, мой крест! Так было у святых. Вы тоже, конечно, читали. Помните, в житиях, святые иноки брали на себя чужой грех и воспитывали посторонних младенцев, выдавая за своих.

Он опустился на корточки, желая по-братски утереть слезы с ее лица, но она оттолкнула его.

— Понимаю. Как понимаю вас. Вам трудно, это великое испытание. Рассчитывали после брачной ночи выдать свою греховную беременность за нашу, общую…

При этих его словах она прекратила плакать и стала звонко смеяться. Вскоре слезы вновь душили ее.

— Вернее, хотел сказать, не нашу общую беременность, а то, что она, эта беременность, не от кого-то, а как бы от меня. Надеялись, так все подумают. Но когда я сказал, будем жить как брат и сестра, поняли, скрыть грех не выйдет, тайное станет явным... И тем не менее, Ольга, напрасно плачете. Я вас не выдам. Готов принять вашего ребенка как родного, готов воспитывать. Пусть думают, это наше дитя. И даже к лучшему. Никто не догадается, что мы живем как товарищи. И владыка останется доволен вашим супружеским счастьем, и тетушка, получив долгожданное потомство, да и мои родители тоже...

С этого момента взаимоотношения волшебным образом изменились. Володя со рвением истинного послушника от всей души взялся нести крест. Он проявлял участие, старался угадывать желания беременной «сестры» и забыл про былые тревоги об угрозе телесной близости с ней. Безбоязненно поддерживал за локоть, следил, чтобы теплее оделась в ветреную погоду, беспокоился за ее неровный аппетит.

Она ожила, повеселела, больше ничто не мешало им общаться непринужденно и говорить друг с другом вполне откровенно. Он с интересом слушал ее рассказы об отце, о тетушке, об учебе в пединституте и последующей неудаче на педагогическом поприще.

«Пригласили в райком партии. Сказали: на идеологическом фронте, каковым является школа, они не могут доверить детей — людям с испорченной репутацией. Впрочем, выход есть. В школе работать позволят при условии: я должна написать официальный отказ от родственной связи с отцом как служителем церкви, да еще объявить себя атеисткой. На том и закончилось. А, думаю, и к лучшему. Ведь я имею возможность беспрепятственно быть в храме и петь в хоре!».

Перед возвращением домой она взяла с Володи слово, что он в ближайшие месяцы никому из родных не обмолвится о потомстве. «Не будем раньше времени…»

Их встретили горячим обедом и с удовольствием смотрели за столом на счастливую пару. Отметили произошедшую перемену в отношениях, заметили теплоту и радость в глазах молодых, и успокоились. «Все будет у них хорошо»,— говорил владыка наедине сестре, та согласно кивала.

Володю ждало искушение: в девической спальне им приготовили общую кровать. «Ничего, ляжем валетом»,— сказала Ольга, заметив его смущение. И он, посмотрев в ее веселые глаза, согласился. «У нее добрые глаза. Она добрая»,— подумал он, жалея ее за ту беду, что с ней случилась.

За оставшиеся недели до отъезда в Академию они еще сильнее подружились. По вечерам сидели на скамейке в домашнем саду под развесистой грушей, а перед самым сном вместе читали молитвенное правило в красном углу, и потом, не раздеваясь, ложились в кровать «валетом», под отдельные одеяла. Засыпать без разговоров о жизни было скучновато, и эти разговоры продолжались до глубокой ночи. Она порою рассказывала что-то смешное, иногда он смешил ее, и тогда они вдвоем тихо, чтобы за стеной не услышали, смеялись в подушки, и этот смех сближал.

«Какая она славная!» — думал засыпая Володя.

Ольга вызвалась ехать вместе с мужем, он обрадовался, хотя поначалу рассчитывал, поедет один. Он объяснял радость тем, что увидел в ней хорошего человека, и это есть настоящая дружба, и он обязан подставить ей, как другу, плечо в трудный жизненный период.

В Москве молодоженов встретил на вокзале сорокалетний племянник владыки иерей Евгений. Он произвел на Володю благоприятное впечатление как человек, несомненно, порядочный и надежный. Понравилось ему и в доме священника, где оказалось шумно и радостно. С потаенным душевным умилением наблюдал необычную для него атмосферу многодетной семьи, дети мал мала меньше прыгали, сновали, хохотали, а супруга иерея пышнотелая, розовощекая матушка Анна никого не ругала и добродушно напевала на кухне возле жарких кастрюль и сковородок.

Все быстро нашли общий язык и зажили дружной семьей. Место для сна отвели в просторной прихожей, любимом малышами месте дневных игр и катаний на трехколесном велосипеде. Здесь гостям выделили угол с широкой панцирной кроватью, а отец Евгений соорудил из досок неплохую перегородку.

Ольга взялась смотреть за детьми, Володя после занятий присоединялся к ней.

Так прошло три месяца. Он восхищался ее умом, решительностью и мужеством, все в ней было для него прекрасным. «Она замечательный человек!» — думал он, и еще сильнее сочувствовал в том горе, которое с ней произошло. «Бедная Ольга, как тяжело ей пришлось, как трудно пережить такое!». Его воодушевляла мысль, что ей стало легче в этой жизни при его поддержке, и чувствовал немалую ответственность за ее дальнейшую судьбу.

Однажды ночью, когда они, лежа «валетом» на своем панцирном ложе, по обыкновению перешептывались о жизни, он подумал с внезапной тревогой: «А вдруг объявится родной отец младенца? А я? Стану не нужен? Все откроется?» Он с удивлением обнаружил, его тревожит, что он может потерять Ольгу. Наверное, мне кажется, сказал себе. Но чтобы не мучиться такими мыслями, решился открыть их ей, и вдруг услышал ошеломивший его ответ.

— Не переживай,— сказала она.— Ничего не случится.

Тут она села, кутаясь в одеяло, и глядя на Володю, после паузы, сказала:

— Я все это выдумала.

Изумленный, он тоже сел и молча глядел на нее. Ее лицо в приглушенном свете синей ночной лампочки было таинственно бледным и имело как будто загадочное выражение.

— Да-да,— повторила она вполголоса.— Выдумала! Не беременна. Не было никаких соблазнителей-охмурителей. Надеюсь, ты не сильно расстроишься?

Она улыбалась и смотрела ему в глаза.

— Как это? Зачем? — наконец пролепетал он.

— Затем.

— Так ты точно не беременна?

— Точно.— Она засмеялась.

Он открыл рот, чтобы еще что-то сказать, но слов не находилось.

В отдалении, на другой половине квартиры, заплакал ребенок, затем все стихло.

Ольга приложила палец к губам:

— Похороним эту нашу с тобой тайну.

Он сделал над собою усилие и нашел-таки слова:

— Оля, умоляю, скажи ради Бога, почему ты так поступила?

Тогда она придвинулась к нему, и ее лицо оказалось совсем близко, ее дыхание коснулось его щек.

— Неужели не можешь понять ничего? Ну как, скажи, ну как еще я могла образумить тебя, приблизиться к тебе, стать твоим другом, братом и товарищем?

Володя пристально смотрел на Ольгу, видел перед собою ее сияющие глаза, детские губы, и вдруг все понял. Смятение, радость охватили его, душа наполнилась ликованием, и он, позабыв обо всем, отдался своему счастью.

***

Рассказчица не открыла подлинных имен героев. В качестве эпилога добавила, что у протоиерея Владимира и матушки Ольги в счастливом браке родилось трое сыновей и две дочери. Дети подарили им впоследствии множество внуков, так что пророческие слова митрополита о многочисленном потомстве сбылись.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Кодинск Красноярского края

Родилась в 1947 г. в г. Бресте Белоруссии. С 1960 г. живет в Сибири. По специальности инженер-электрик. Пишет с 1997 г. Автор романов, сборников стихов и детских книг. Стихи и проза печатаются в России и за рубежом. Член СПР (МГО) и ПАНИ. Постоянный автор нашего альманаха.

ДУША

Пришла одна обиженная душа к Богу и стала жаловаться:

— Почему, Господи, мне даже на седьмом небе неуютно? Другие души на меня внимания не обращают и стараются как можно меньше со мной общаться. А я ведь столько много людям добра сделала. За что меня так не уважают?

— Сделала доброе дело — и помалкивай о том,— объяснил Бог причину странного поведения душ.— Ангелы запишут твои добрые дела в книгу судьбы, я и увижу.

— А как же все узнают о том, какая я добрая и хорошая? — не согласилась с Богом душа.

— Зачем всем знать о твоих благодеяниях? Люди подумают, что ты хвастаешься. А хвастунов ни в том, ни в этом мире не любят. Добро всегда само о себе говорит. Ему адвокаты не нужны,— ответил ей Бог и повернулся к другим душам, пришедшим к нему за советом.

— Что же мне теперь делать? — растерянно произнесла душа.

— Прощения просить у тех, перед кем хвасталась,— услышала она в ответ.

— Но ведь таких душ великое множество и на земле, и на небе,— огорчилась душа.

— Обратись к своему ангелу-хранителю, он поможет,— посоветовал ей Бог.

И душа отправилась к своему ангелу-хранителю, который в это время отдыхал в райских кущах.

Выслушал ангел-хранитель просьбу обиженной души и задумался.

— Редко встречаются хвастливые души, которые просят прощения за бахвальство,— с удивленным видом произнес он и посоветовал душе просить прощения у душ, обитающих на седьмом небе.

И как только обиженная душа покаялась, так сразу же отношение к ней изменилось. Знать, великая сила и мудрость таятся в прощении.

Одно только огорчало обиженную душу: что люди, живущие на Земле, еще помнили о ее хвастовстве. Но ангел-хранитель успокоил ее:

— Души этих людей рано или поздно появятся здесь и узнают о твоем покаянии.

Так на том и порешили.

ЗВЕЗДА

— Ты кто? — спросил легкий осенний ветерок, заметив падающую с ночного неба звезду.

— Да я вроде как звезда,— ответила та и, вздохнув, добавила: — правда, сейчас уже бывшая.

— И куда же ты падать собралась? — полюбопытствовал ветерок.

— Хотелось бы на дно ручья, но боюсь, что не дотяну,— услышал он в ответ.

— Так мы тебе поможем,— ответил ветерок и позвал свистом своих братьев, таких же легких ветерков, летающих недалече.

Совместными усилиями ветерок и его братья помогли звезде упасть на дно ручья.

— Я понял, почему падающая звезда хотела упасть на дно ручья,— обратился легкий осенний ветерок к братьям.

— И почему же? — поинтересовались братья.

— Даже лежа на дне, сквозь толщу воды она может видеть небо и звезды на нем,— ответил ветерок.

«Не всем удается, оторвавшись от родины, созерцать звездный свет оставшихся на ней собратьев»,— подумал про себя легкий осенний ветерок и несколько раз покружил над местом падения звезды.

СНЕЖИНКА

Высоко в небе, как по волнам, плыла на крыльях ветра большая серая туча с округлыми боками.

Надоело ветру нести на своих крыльях тяжелую тучу, и стал он ее раскачивать из стороны в сторону.

«Пусть протрясется немного, чтобы мне стало легче нести ее»,— подумал про себя ветер. Думать про себя безопаснее, так как никто не подслушает.

От сильной тряски один бок у тучи прохудился, и сквозь прореху одна за другой посыпались снежинки. Медленно кружась в воздухе, они стали опускаться на землю.

Я стояла у окна и увидела, что возле моего палисадника остановились молодая женщина и мальчик лет пяти. Мальчик снял варежку, чтобы поймать одну из падающих снежинок. Ему это удалось, и он стал со смехом разглядывать снежинку.

— Правда, что она красивая? — обратился он к матери, которая смотрела, как на теплой ладошке сына быстро таяла снежинка, пока не превратилась в капельку воды.

— Иногда, чтобы оценить красоту, целой жизни не хватит,— заметила мать мальчика.

Тот взглянул на нее и заметил, что глаза у матери стали грустными и влажными. А слезная капля, скатившаяся по ее щеке, была похожа на каплю воды, оставшуюся от снежной звезды.

— А можно я слизну с ладони бывшую снежную звезду? — спросил мальчик у матери.

— Зачем? — удивилась та.

— Чтобы стать таким же красивым, как она,— ответил ей сын.

— Положи руку на снег ладонью вниз, чтобы бывшая снежинка встретилась со своими подругами,— сказала мать сыну.— Каждому дается своя красота. Не надо зариться на чужую.

А я вдруг услышала разговор бывшей снежинки и ветра.

— И в капле воды отражается жизнь,— произнесла снежинка давно известное изречение.

— Надо только уметь прочитать,— добавил ветерок, раскачивая ветви рябины, растущей в палисаднике у моего дома.

— Если про меня написали — значит, прочитали,— возразила капля воды, скатившись с теплой руки мальчика в сугроб.

Владимир ВЕЩУНОВ

г. Нижний Новгород

Владимир Николаевич Вещунов публикуется в литературных журналах. Автор книг повестей и рассказов. Член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ГРОЗА ЗАПОЗДАЛАЯ

Рассказ

Бело-голубой «кавзик» красовался на взгорке. Расторопный шоферок Санька ставил его чуть выше остановки. Автобус походил на умилительную щенячью мордку. На «лбу» его под стеклом с подсветкой читалось: «Дежурный ТЦ ГГС». Он принадлежал теплоцентрали уважаемой строительной организации города. Многие тепловики жили в отдаленных районах, и дежурка собирала их на работу и развозила после смены. Хваткий Санька при любом удобном случае норовил сшибить шару — дармовые мани-мани. Вот и сейчас зазывно распахнул дверцу с эмблемой теплоцентрали. Трубу над стилизованным корпусом котельной местный художник, по прозвищу Пикассо, обвил лисьим хвостом дыма. Любуясь своим шедевром, Пикассо, с виду разночинец, зашел в «кавзик». Из своих осталось подождать Сонечку-секретаршу. В автобус понабились попутчики с остановки. Немалая шара! Санька беспокойно заерзал: как бы не уплыли халявные маниманички!..

Чуть ли не впритык к заднему бамперу дежурки подпыхтел «Икарус». Примостившиеся было в «кавзике» попутчики переметнулись на рейсовый. Санька чертыхнулся:

— Опять прокол! Накрылась шара! Соня она и есть соня. Из-за нее и мелочишку на молочишко не насшибаешь! Каждое утро ее секретарское сиятельство задерживаются.

Обмуровщица тетя Маня, крупная, в салатовом плаще-семисезоннике с пристегнутым цигейковым воротником, сидевшая на переднем сиденье слева, презрительно махнула на Саньку рукой:

— Шустрый ты, как три копейки, шаровик дешевый! Дверку закрой — не лето!

Шофер с силой дернул дверную штангу и хохотнул:

— Почему дешевый, теть Мань, по двадцатчику беру, как все. Даже Папа знает. Бесплатно летают только мухи. Эх, хорошо быть автоматом газводы: он ничего не делает, только денежки гребет.

— Ехать давно пора, а ты все Соньку ждешь! Подумаешь, секретарша. Ей-то что. Выпорхнула из автобуса и ну малеваться, брови щипать в кабинетике. А мне надо переодеться, робу напялить и на разнарядку не опоздать. И люди ждут нас на ветру.

— Успеешь, теть Мань, не боись. А Соню обождать надо. Все-таки возле Папы крутится.

— Мы тебе дрова, что ли, по-сумасшедшему нас возить? Что от нас после такой утруски останется? — сердито пробурчала тетя Маня и вдруг, привстав, по-детски тыча пальцем в окно, радостно закричала: — Катится! Сонька катится! Ишь коленками стригает! Ну и девка! Все бегом, все бегом!..

— Да-а!.. Коленки у нее ништяк! — восхищенно сдвинул на затылок кожаную кепку шофер и открыл дверцу.

В автобус влетела румяная девушка в мужском кожане.

— У-уф!..— Остановилась она на ступеньке, привалившись спиной к захлопнувшейся дверце. Отдышавшись, поправила легкий платок, накинутый поверх бигудей.— Надо же, полшестого встала и все равно опоздала.— Виновато оглядела сидящих в автобусе: — Ой, здравствуйте, конечно! Совсем запурхалась. Бумеранг мой только под утро заявился. Где бы не шлялся — назад возвращается. С ним пока разобралась. Вовку в школу собрала, Дашку в садик отвела… Извините, конечно! Килограмм вам спасибо, что подождали! — Соня села за тетей Маней, достала из сумочки зеркальце и невесело пошутила: — Неетая, непитая, невыспатая. Марафет не успела навести, забыла покрасить третью ресницу правого глаза. Э-эх, жизнь поломатая! Где мои семнадцать лет?!..

Шофер навалился руками на перегородку, отделявшую кабину от салона, придирчиво оглядел пассажиров, где свои, где чужие. Старушка с мальчиком лет пяти рассматривали за окном свиристелей, стайками перелетающих с клена на клен. В багрянце осени хохлатые радовались возвращению домой.

— Бабуля, вам куда?

— На Бухту нам, на Бухту! — испуганно встрепенулась старушка, как бы не высадил шофер!

Но тот уже обратился к мужчине в брезентовой штормовке, сидевшему на заднем сиденье:

— Мужик, а ты куда?

Пока тот медленно поднимал задубелое лицо, тетя Маня бранчливо прикрикнула на шофера:

— Езжай давай! Наш он, наш!

Соня оторвалась от зеркальца и живо обернулась:

— Дядечка, что вы как бесхозный? К нам, наверно? В разгрузсарай? Там все такие бабаи. Садитесь к нам поближе, сзади трясет.

Хмурое лицо незнакомца чуть дрогнуло.

— Ваш так ваш,— глухо, с хрипотцой произнес он, сдержанно улыбнувшись, ухватисто встал. Автобус рванулся, но мужчина не пошатнулся. В развалку, будто по палубе, не держась за поручни, прошел вперед и сел за Соней, щебетавшей с тетей Маней.

Озабоченно урча, скачет «кавзик» щенком-коротышкой без передышки по сопочкам. До самой Бухты никто больше из работающих на котельной не подсядет. Броско поругивается лихой шоферок Санька на кургузую «Кубань»: — Под самым носом подбирает стерва шаровых пассажиров!

Углубившись в себя, с едва заметной внутренней болью на залубеневшем лице, смотрит в запотевшее окно человек, на которого обратила внимание Соня. Она ошиблась, он не грузчиком едет устраиваться, а машинистом котлов. Ему, судовому механику, сподручна эта работа. Петру Новикову сорок, «сорокот» — так шутливо называет он себя. Но сейчас ему не до шуток. Тяжелые думы, такие же ухватистые, как он сам, одолевают его. От них не отмахнешься, как от мух, не объедешь, не обойдешь. И он сам себе беспощадный друг-собеседник и судья. Эка беда стряслась: сел Павлик, два годика всего, на горшок, а штанишки не снял. Обрушилась на него жена, паразитом малюточку обозвала. Оттолкнул Петр ее. Мужик. А она слабый пол. Он по морям, по волнам — а Ольга одна с ребенком. А на детей, ясно море, сколько сил уходит! Вот и зашалили у Оленьки нервишки. А сам, когда списался на берег? Господин Раздражение! До сих пор еще к сухопутному обитанию не приноровился. Отлучка от моря — тяжкая болезнь. Отвычка от земли, от семьи… Из-за нее не смог подсобить Ольге, а только хлопот да забот добавил со своей тоской по морю. Когда на время приходил, разлука чайкой впереди тосковала. И они с бережью друг к дружке, с любовью. Полгода без чайки той светлой — и надоедь затесалась меж ними, серая старуха. И скандал!

Черное, коптящее пламя нелепой сцены будто взнялось перед Новиковым. Угрюмое лицо его стало жестче, резче выступили скулы, губы сжались до побеления, глаза подернулись мерцающей влагой… Сыночка прильнул к нему, обхватил ручонками за шею, страшась потерять. Ольга заплакала, и Павлик. Сороки за окном затеяли воздушный бой — успокоился сынок…

Повинился Петр перед женой. Всю вину за раздор свалил на море. Не мог с ним больше работать, в глаза ему смотреть. Не водоплавающий отныне он, сухопутный.

«Ты хоть представляешь, Петя, куда катишь?» — спросил себя Новиков.— Веселое местечко. Кадровичка в бюро по трудоустройству, как на инопланетянина глазела: на кочегарку отважился!.. Суровый, видать, климат. Начальничек-хозяйничек, дутый козырь, поясок распустил. Не зря Папой кличут…

У Папы была жена — завучиха в школе. У его «фронтовой» подруги Мамы, завхозихи,— муж, инженер-путеец. Парочка обустроила для уединения строительный вагончик. Мама обиходила в нем комнату отдыха. Когда рабочие в обеденный перерыв шли в столовку ДСК (своей котелка не обзавелась), уединение благоухало любвеобильными кухонными ароматами.

Кочегары по-разному относились к мамопапству: с насмешкой-издевкой, с презрением, но большинство — с безразличием. Чему тут удивляться, коли дочурка генсека Галка Брежнева на всю страну прославилась своими загулами?

Вчера после смены, как обычно, возле гаража в ожидании автобуса толпился народ: цеховые рабочие и конторские во главе с Соней-секретаршей. Роптали, костерили шоферюгу:

— Вот прохвост! Укатил шару сшибать, а мы жди!

— Работяги после душа простынут.

— Многим детишек из садика забирать…

Соня взобралась на трубу паропровода, вскинула руку и возвестила:

— Едет!

Все враз зашевелились, загалдели. Санька лихим разворотом взметнул на ожидающих тучу пыли и распахнул дверцу. Отфыркиваясь, поругивая шофера, застоявшиеся пассажиры с веселым гомоном ринулись к дежурке.

— У кузнецов личного счастья любимый инструмент — локти!

— Наш транспорт любит сильных!

— Кажется, с меня хотят снять пальто через голову!

— Выдохнем — все войдем! Еще на полвздоха!

Все плотнее утрамбовывалась шумная людская масса. Но и в этой давке конторские умудрялись хвастаться перед цеховыми покупками. Они успели их приобрести, разъезжая по банкам, главкам и другим конторам в центре города. Раздался сочный хруст яблок. Запахло кофе, колбасой, книгами, шампунями…

Червонная позолота закатного солнца играла в автобусных окнах. «Кавзик» судорожно дернулся, но не поехал, а мелко затрясся. Пронесся ропот: «Папа! Папа!..» Спереди передали Папино стекло, наполовину замотанное в вафельное полотенце и перевязанное пояском от женского домашнего халата. Аккуратистка Мама постаралась. С большими предосторожностями стекло пристроил возле себя Папин приспешник Черношник.

— Меня до автобазы! — приказал Папа, встав у перегородки спиной к сидящим: гривастый, марксистский — настоящий начхальник! — Подпишу одну бумагу — и по маршруту!

В дежурке повисла недобрая, настороженная тишина. Пропали живые запахи. Померкла закатная позолота в автобусных окнах, будто застлала ее першащая пыль котельной. Деаэратор с реликтовым ревом испустил пар. По крыше автобуса заскреблась крупитчатая зола. И кто-то желчно выдавил:

— Явился. Картина Репина «Не ждали».

Машинист котлов, Кудряш, забился, силясь вырваться из людской теснины и, запыхавшись, прохрипел:

— Глухо, как в танке!

— Сиди уж, танкист, не рыпайся, у тебя не семеро по лавкам! — осадил его Черношник и зашипел ему в ухо: — Ты что, ни разу не грамотный? С Папой связываться опасно. Он любит только себя, и то после обеда.

— Тебе, слуга, виднее,— съязвил Кудряш.

Из передних кто-то выскочил, и он за ним: одиннадцатым номером. «Кавзик» рванулся, и его тряхнуло. Посыпались шуточки:

— Санек, вернись назад и повтори!

— Квадратные колеса, однако!

— Жалко, что автобус без перьев — не за что ухватиться.

— За воздух зубами ухватись!

В пыльной мгле автобус поплыл вперевалку, пока не вырвался на шоссе. Оно было запружено машинами. Сквозь сизую гарь угадывались очертания складов, производственных корпусов. «Кавзик» остановился возле диспетчерской автобазы. Хлопнула дверца, начальник отправился подписывать бумагу. Прошло пять минут, десять — он не появлялся.

— С-сука!..— не выдержал тихонравный Пикассо и стал протискиваться к выходу.

— Откуда ты знаешь его девичью фамилию? — хохотнула тетя Маня.

— От Помидора Абрикосыча! — бросил Пикассо.— Аля-улю, покеда, привет родителям, рубите лес и поливайте фикус!

Завозился Черношник, забубнил:

— Долго он там? Семеро одного не ждут!

— Это кто там вылупился? Черношник — Папин угодник? — ехидно удивился кто-то из рабочих.

— Папин личный «жигуль» в боксе лижет,— поддержал товарища еще один критик.— А «пирожок» его служебный не может подшаманить, вот мы и мучайся.

— На своей Папа пешком ездит,— заоправдывался Черношник,— а на «пирожке» на сверхзвуке, весь раздолбал.

— Ну автокран чини, на котором он в главк гонял, что он такой простой-простой, народный.

— Его на яму надо ставить, а стрела в гараж не входит.

— Был бы кран лично Папин, ты бы кротом подкопался под него.

— Да что вы ко мне пристебались? Я не автослесарь, киповец я. Придет Папа, ему и говорите!

— «Придет, придет…» Ты же при папском дворе, вот и разузнай, где он.

Но Соня уже сбегала в диспетчерскую:

— Он испарился где-то на территории.

Раздались возмущенные голоса:

— Можно умереть и належаться!

— Если охамел, то это надолго, хамбат чертов!

— Ему плевать в ближнего и начхать на нижнего!

— Хоть бы до закрытия в гастроном успеть. Пить охота, аж глаза пересохли!

— Кому домой, а кому к бочке пивной.

— А я все самая последняя Димку забираю. Прибегаю — детей никого. А он сиротиночка, один на лавочке, ручки на коленки и ждет, как старичок.

— Теперь отсюда не выбраться, придется своим ходом двигать.

Кучка недовольных вышла из дежурки. Тетя Маня, сидевшая спереди на своем «законном» месте, попробовала пробудить в Саньке мужество:

— Дело у меня к тебе, Саня, на сто тысяч. Во-от такенное! Поехали! Не бойся, смелей, как в атаку!

— Александр,— полушутя, полусерьезно взмолилась Соня,— ты представитель мужественной профессии. Шофер без риска — не шофер. Гони на красный! Вперед — и с песней!

— Вы хотите сказать, дорогие бабоньки, что на миру и смерть красна,— скривился Санька.

— Сразу и смерть,— презрительно усмехнулась тетя Маня.— Ну и мужики пошли, на каждом шагу помирают.

— Пусть лопнет моя совесть, чем оклад!

Санька, хлопнув дверцей, выскочил из кабины, с лязгом поднял капот, загородившись им от надоедливых критиканов.

— Ждали и жданки съели,— как-то враз сникла тетя Маня и вышла из дежурки.

— И я ушедшая. Счастливо оставаться! — метнулась за ней Соня.

— Ветер вам в спину! — крикнул Черношник.— Меньше народу, больше кислороду.

— Куда спешить, по телеку седни хорошего кина нет,— зевнула Галинка-зольщица.— «Антоний и Клеопатра» какая-то. Оперетта поди.

— Ежели оперетта, посмотреть бы, какие юбки там бабы носют,— заинтересовался грузчик Силыч из разгрузсарая.

— На полчаса раньше, на полчаса позже — какая разница. Я в гастроном не тороплюсь,— самодовольно проговорил бывший алконавт, отбывший срок в ЛТП.

— Ты что, взаправду завязал? — удивился грузчик.

— Да, я и ножик перочинный купил без штопора. Пью чай до опузырения…

Черношник, трижды обежавший автобазу, порадовал наконец, что можно ехать без Папы. Тот за рюмкой чая решает с завгаром важные проблемы. Расплевались терпеливцы. Доставил их Санька в сумерках к месту жительства. И стекло Папино к нему домой в новую четырехкомнатную в престижной высотке.

Наутро в том же злополучном «кавзике» униженные и оскорбленные, посрамленные перемалывали вчерашнюю издевательскую поездку. Новость обсуждали. Главк выделил десять дачных участков. Партия — наш рулевой. Впереди всех. Драчку учинили партийцы: ум, честь и совесть эпохи! Самый лакомый отхватила Мама: безлесье, ручей. Рядом с Папой удобье. Остальным покорячиться придется: выкорчевка, бурение скважин. Дачные счастливцы на работу, на кочегарку начхали. Партийный муравейник на своих делянках возился. Папа списал рабочую десятикубовую емкость химцеха и притаранил на дачу для хранения воды. Типовые щитовые, с верандами и балконами «домики» по дешевке заказали на собском домостроительном комбинате. В общем, шик-модерн! Зашибись!

Полкочегарки озаботилось обустройством дачного общества с милым названием «Ромашка». Тэцовский склад превратился в необъятную кладовую для дачников. Кладовщица Кузьминишна тоннами списывала для их нужд оргалит, линолеум, краски, растворители, пиломатериалы. Кочегарская бензоколонка, подземное хранилище, являла пример подлинного коммунизма. Сунул в скважину шланг, сделал выдох — и полился бензинчик в канистры, ведра охочих до халявы дачников. Главный инженер Ларик чуть не захлебнулся, вобрав чрезмерную дозу нефтепродукта. Выручила кладовщица Кузьминишна. Заведуя бочкой спирта, вечно поддатая, поднесла начальнику спасительный стопарик. Очухался бедолага.

Тряская поездка тормошит полусонное утро. Разговоры сокращают утомительную дорогу. Для просыпа обостряются суждения. Кочегарка, дающая тепло в окрестные дома, пар для завода железо-бетонных изделий, держится на трудягах. Чиновная мелочь, партийцы в основном,— несуны. Растащиловка! Грабят — страну гробят. Рыба гниет с головы. Как бы чего не вышло…

Судовой механик Петр Новиков с горечью внимал откровениям работяг. Вот бедствие народное! Что это за напасть такая — начальнички, князьки удельные, волосаторукие? И человеки, поклонные головы, скоро через раз дышать будут. Иструсливились, спины ежат, когда в кашу плюют. Чертей с рубах не стряхивают. Надругание — мелочи жизни. Плевать на все — здоровье дороже! Толкнули — упали. Подняли — пошли. Проще всего — взвалить все на время, очистительное да прогрессивное. Папы, де, уходят, а кочегарка остается. Да сообща можно и черта узлом завязать. Пока этих помидор абрикосычей «уйдут», они много дров наломают. Безверие — страшное состояние души. Стародежь или смирилась, или затаилась. Не одного строптивца, сказывают, подмял под себя Папа. Шишка на ровном месте, а уперся в небо головой. Какие-то связи, «волосатые» руки. Козырная прыть — дрянной мешок. Но не так-то он прост. Личность в своем роде. Жаль, на суше морские законы не в силе…

Кончился подъем-пыхтун.

— У-уф!..— тяжело выдохнула тетя Маня, точно она сама была автобусом.— Теперь полегче будет.

Мальчик, прежде сидевший у окна и распевавший: «Мои года — мое богатство…», встал на колени и затормошил бабушку, тыча пальцем в стекло:

— Баба, баба, вона моя больница!

— Твоя, твоя, Максимушка! — усадила внука старушка и, обернувшись, сокрушенно пояснила: — Из больницы не вылазим: то одно, то другое.

— У меня тоже Дашка частенько прибаливает,— охотно отозвалась Соня.

Санька бросил какую-то шуточку. Тетя Маня вставила свою. Разговор завязался. Новиков взгрустнул о сыне, расчистил на плачущем окне проталинку.

Спешат на работу люди. Торопятся в садики родители с детишками.

Серая дорожная пыль, автомобильная гарь. И летяще по обочине, явно красуясь, бежит парень. Шапочка «петушок», оранжевый спортивный костюм с лампасами. Полетность бегуну придают ослепительные белоснежные с пурпурными полосками кроссовки. Красивый бег закончился падением…

Маленький человечек выгуливал по изумрудному, в блестках изморози, газону чудовищного сенбернара. «Ха-ха-ха!..» — хохотала над этой парочкой дворняжка за спиной дворника, взметавшего метлой опавшую листву.

Женщина-гора с тяжелой тоской смотрела в никуда. Огрузшая, оплывшая, в буром одеянии, похожем на больничный халат, привалилась к желто-перистому ясеню. Скособочилось бедное дерево, наклонило соседнее, а то уперлось в стену павильона автобусной остановки. Здесь сгрудилась темная, напряженная толпа, смотрящая навстречу автобусу.

Неловко, виновато стало Новикову. Он-то катит, как фон-барон в теплом, чистом и полупустом автобусе. И ему мнилось, что все на остановке с осуждением смотрят на него. Хотелось остановить автобус. Распахнуть дверь и крикнуть: «Заходите, нам с вами по пути!»

Санька вздумал было тормознуть, посшибать шару, но глянул на часы и прибавил газу: и без того опаздывал.

За поворотом бабушка закопошилась и принялась одергивать на внуке одежку. Санька заметил ее возню. Нажал на тормоз и открыл дверцу:

— Здесь, что ли?

— Здесь, здесь выходим мы! — суетливо проговорила старушка.— Спасибо, спасибо!

Избочась в ее сторону, Санька скривился:

— «Спасибо» многовато, бабка, а двадцатчика хватит.

Стоя перед загородкой, точно перед прилавком ларька, виновато бормоча: «Сейчас, сейчас!» — она стала рыться в кошельке.

Гнев опалил сознание Новикова. Он резко шагнул к шоферу, сграбастал его руку, ожидающе раскинувшуюся на зашарпанном грязно-бордовом дерматине загородки и смачным шлепком впечатал в Санькину ладонь металлический рубль.

— Когда совесть делили, тебя не было!

И в этот самый момент истошно закричала тетя Маня. Санька дернулся к рулю и в ужасе закрыл лицо руками. Упавший рубль покатился к оброненному старушкой кошельку с рассыпанной мелочью.

Новиков метнулся из автобуса. Малыш лежал почти под самым колесом хлебного фургона. Сжался в комочек под нависшей громадой машины. Новиков бережно поднял его, подсунул руку под драповое пальтишко. Маленькое сердце еще теплилось в молочном тельце ребенка. Что-то жалко лепетал в свое оправдание ни в чем не повинный шофер автофургона. Обессиленной дряхлой птицей билась о Новикова растрепанная старуха. Он же порывисто взошел с мальчиком в автобус и властно бросил оцепеневшему за рулем Саньке:

— Больница прямо!

Тот газанул. Соня с тетей Маней наперебой путано стали указывать: за каким углом, за каким домом… Старуха перегнулась через спинку сиденья, на котором Новиков держал малыша, и с подвыванием причитала:

— Дитятко ты мое, внучоночек, жисть моя, Максимушка! Что я наделала, дура старая!..

Санька ошалело погнал «кавзик» в гущу разномастных дежурок, скучившихся на пятачке возле автобусного кольца. Или он, потрясенный, бездумно, слепо выполнял приказ и попер напрямую, или же надеялся выпутаться из автомобильного лабиринта. Однако дежурные машины сгрудились тесно, беспорядочно и неколебимо. «Кавзик» бестолково потыкался среди них и безнадежно уперся в уродливую, с дымящейся трубой будку-теплушку на колесах.

— Ты что, не видишь, что у меня ребенок под машину попал?! — совсем ополоумел Санька. Он отчаянно сигналил. Размахивал кулаками перед лобовым стеклом. Шофер теплушки Саньку не понял, но беду, видно, почуял. Заскочил в кабину и отъехал, насколько позволял задний «пазик». Санька втиснулся в самую гущу и намертво вклинился между двумя ЛАЗами.

— Дорогу, гады, дорогу! — надрываясь, багровый, вопил он, догадавшись высунуться из окна. Шоферня, сбитая с толку внезапно появившимся «кавзиком», ответила нестройным ором:

— Не ори — не дома, и дома не ори!

— Чего прешь как на буфет?

— Дак то же танк у него.

— Эй, водила, через нас только перелететь можно!

Санька хотел было выскочить из кабины, но зажатая ЛАЗом дверца едва приоткрылась, и заполошный парень застрял в щели. Правая дверца также была зажата, и Новиков с ребенком прошел в конец автобуса. Сбросил ногой подушку сиденья. Пяткой высадил заднюю дверь и мягко спружинил на землю. Выхлестанная штормами брезентуха его распахнулась. Гремуче шаркая обтерханными джинсами, с яростным лицом, вынес мальчика к притихшей шоферской толпе. И тотчас водители, как по боевой тревоге, бросились к машинам.

Новиков шагал с ребенком стремительно, и скопище машин раздалось перед ними. Он поднялся на каменистый пустырь, в который углом, точно крейсер, врезалась больница.

Войлочный сапожок с цигейковой опушкой сполз с ноги мальчика, и Новиков, надевая обувку, ощутил щемящее чувство отцовской любви. Милея всей душой к ребенку, он крепко прижал его к себе, уколов щеку об якорек, пришпиленный к вязаной шапочке. И словно вдохнув целительное тепло его души, малыш едва слышно прошептал:

— Папа.

В приемном покое мыла пол санитарка. Новиков осторожно положил мальчика на каталку и хотел было повезти ее. Но санитарка крикнула:

— Вам нельзя!

Он сбросил с себя штормовку и побежал по коридору. Наткнулся на врача:

— Доктор, там в приемном ребенок!..

Тот поманил его пальцем и привел в ординаторскую. Сел за стол, на бумажке написал цифру 300.

— Да вы что, доктор?! — Новиков ошеломленно обхлопал себя. — У меня нет таких денег!

— На нет и разговора нет! — процедил врач.

— Доктор, там же ребенок! Без сознания!

Тот скомкал бумажку и бросил в корзину.

— Сейчас, сейчас! Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Прошу вас! Я принесу!

Новиков побежал на верхний этаж, в травматологическое отделение. По длинному коридору ковыляли на костылях одноногие, тащились на ходунках немощные ногами, стукотили тросточками хромцы. Ходячий с загипсованной рукой катил коляску с обезноженным. В палатах виднелись увечные на дыбах. Пахло потом, лекарствами, хлоркой.

В девятой палате лежал боцман Егорыч. С ним Петр рыбачил на морозильном траулере. Морской волк, боцманюга Горыныч тридцатник отмантулил в морях. Стерлась головка бедра — залетел в «травму». Новиков изредка навещал его. Еще издали услышал громовой боцманский бас:

— Фок-грот-брамсель тебе в ухо, моллюск пресноводный! Чтоб трезвый осьминог выпил весь спирт в твоих кишках!..

Непревзойденный виртуоз «художественного» слова многоэтажно костерил лечащего врача. Несчастный парился уже месяц, а эскулап все мурыжил с операцией.

Вздыбленная палата: на подтяжках с грузами оранжевые в антисептах ноги, в илизаровских спицах. В дальнем углу у окна Боцман, крупный, осадистый, в тельняшке, между «этажами» нянькал ногу, утишая боль. Увидев Новикова, попытался подняться, ойкнул, охнул. Осел грузно на кровати:

— Три тысячи чертей на румбу! Дай краба, маслопуп! Вот видишь, Петруха, кулаки, локти, лоб, пятки крепкие, как танк, у Горыныча. И вот такой оверкиль!.. Быстрый, как одноногий Сильвер. Пришибленный, как погнутая мачта! Нет у меня лечащего врача! Ты мой лучший лечащий врач! Здесь ведь как: рупь за клизму, рупь за обезболивание. Два восемьдесят семь, водовка,— и боль снимает, и снотворное. Ну как, порадуешь, Петро?..

— Извини, Горыныч!..— поник головой Новиков.— Там, в приемном, ребенок, без сознания. А врач только за башли осмотрит.

— Якорь ему в печень! — взревел Боцман.— Я этой клятве гиппопотама заткну кой-куда шланг от парового котла и клапан открою до упора! — Он рванулся с кровати и чуть не упал. Прохрипел: — Сколько?

— Триста,— виновато пробормотал Новиков.

В ординаторской он положил перед врачом три сотки:

— Ну как малыш, доктор?

Тот смахнул деньги в ящик стола:

— Ну что ж пойдемте, посмотрим, что с вашим пациентом?

Он даже не удосужился заглянуть в приемный покой в ожидании вожделенной взятки. Сколько уже раз брал нечестивые деньги. За надежду выжить больные покорно платили ему.

В приемном покое стояла каталка с ребенком, покрытым простыней. Перед ней, склонив голову, рыдала санитарка. Увидев входящих, она вскинула к ним руки:

— Простите меня! Я все сделала, что могла. Он еще долго жил…

Новиков сдернул покрывало с ребенка.

Человек в белом халате рухнул на пол.

На каталке лежал его сын.

Все знойное лето пошаливали, перебранивались грозки-озорницы.

И внезапно в конце октября, в порыве предгрозового ветра закружились кленовые звезды. Скреблись о штормовку, кололи лицо. Застили от ослепительных полыханий ветвистых молний. Дома-свечи на сопках притянули могучую грозу — запоздалую.

Оглушительные, «орудийные» разрывы сотрясали все вокруг. Вот-вот горделивые высотки полягут, как подкошенные травы.

Водопад небесный. Кипящие, бурлящие лавы воды.

По пояс брел во вспененных пучинах Новиков. Чтобы удержаться в круговерти, вскидывал руку к разверстым небесам. Тайфун. Штормует небо. Хлещет по душе, хлещет!.. Как будто он, Петр Новиков, кондовый морячина, виноват. В чем? Болезнь страны, смерть ребенка…

Дина ЮДИНА

г. Тула

Дина Юдина родилась в г. Щекино Тульской обл. В Тульском государственном университете получила высшее юридическое образование. Произведения опубликованы в ряде сборников и альманахов г. Тулы и Москвы. Автор двух сборников стихотворений «Рифмы повседневности» (2019 г.) и «Рифмы путешественника» (2021 г.). Наш постоянный автор.

«МОЯ ХОРОШАЯ»

Это был тот самый двадцатый год. Первого января я стала мамой, а в сентябре того же года узнала, что у меня рак щитовидной железы и нужна операция. В частной клинике города, где мне поставили диагноз, я не рискнула оперироваться. Эндокринолог обмолвилась о медицинском научном центре в Обнинске. Я зашла на его сайт, перечитала все о моем случае и поняла, что поеду туда.

Когда муж привез меня в больницу, ковидные ограничения были еще в самом разгаре. Поэтому его со мной не пустили. Он обнял меня, отдал сумку, и я попала через КПП на территорию со множеством корпусов. Мне казалось, что я осталась совсем одна в этом враждебном мире. Я ненавидела ковид за то, что мужу нельзя меня проводить, ругала за невозможность потом навестить. Еще труднее было смириться с тем, что болезнь, по вине которой я здесь оказалась, разлучает меня с девятимесячной дочкой. О страхе физической боли я и не говорю.

Через пару часов формальности были пройдены. Я оказалась четвертой в четырехместной палате, которая состояла из пары комнат на двоих и общим санузлом. Со мной лежала пожилая женщина, которая ждала выписки. Ее звали Мария Ивановна. Она сразу стала нахваливать мне врачей, говорила здесь высококлассные специалисты. Очень уж бойко женщина со мной делилась. Настолько, что мне очень захотелось остаться одной.

«Ты только аккуратнее,— изменилась в лице Мария Ивановна,— в соседней комнате нерусская лежит. Она тут молилась даже». Женщина не знала, кому она это говорит. У меня иммунитет на такие темы. Я же дочка русского и татарки, христианство и ислам комфортно уживаются в моей душе. Окончательно разочаровавшись в соседке, я на минимум свела с ней разговоры и тоже стала ждать ее выписки. Через пару часов женщину забрал внук. А ту, как она называла ее, нерусскую привезли из операционной.

Женщина оказалась из Дагестана. У нее были волнистые каштановые волосы, которые ей пришлось, сняв перед операцией платок, показать окружающим. Она медленно приходила в себя и стонала.

Через какое-то время в палату буквально ворвалась уехавшая Мария Ивановна.

— Кошелек с деньгами! У меня вытащили из сумки деньги.— Она уставилась на меня.

— Что вы на меня так смотрите? Ищите свой кошелек там, где вы его оставили.

Никогда не забуду эти выпученные от ярости, наглые и обвиняющее меня глаза. Я смотрела на нее, и шестое чувство подсказывало мне, что никто ее денег не брал, что старуха сама засунула их куда-то, а теперь не может найти. Чего не бывает на радостях от мысли, что ты покидаешь больницу.

— Это наверное нерусская! Я пересчитывала их перед тем, как приехал внук.

— Она прямиком с операционного пошла красть ваши деньги?

Мария Ивановна перестала со мной разговаривать и начала проверять все шкафы и тумбочки. Она искала минут десять, после чего вспотевшая и красная села на кровать.

— Я никуда отсюда не уйду пока мне не вернут деньги.

— Ради Бога,— ответила я, а сама уже не знала кому молиться, чтобы она нашла поскорее и ушла со своими деньгами.

Марии Ивановне стало плохо. Она начала искать в своей сумке конфетку. Стоит ли описывать, как вместе с ней она нашла и кошелек, а потом молча ушла. Не извиняясь и не прощаясь.

Хорошо, что пациентка из Дагестана не слышала, как приходила старуха. Весь оставшийся день она лежала и медленно приходила в себя. Периодически просила пить. Я давала ей воды. От другой соседки по палате я узнала, что пациентку зовут Алия.

Неприятные чувства после прихода Марии Ивановны улеглись. Теперь они уступили место страху перед моей собственной операцией. Я смотрела на женщину с каштановыми волосами и думала, что завтра я буду лежать в таком же состоянии. Следующий день наступил стремительно. Мне сделали общий наркоз и прооперировали. Очнулась я уже у себя в палате. Медсестра смачивала марлю в воде и давала мне. Много пить было нельзя.

В палате за медсестрой стояла женщина с платком на голове и четками в руках. Она улыбалась мне: «Вот и все, моя хорошая». Это была Алия. Теперь я увидела ее в полный рост. Она была высокая и видно, что стройная, хоть и одета в просторную тунику. Я чувствовала слабость, шея болела. Какая все-таки это деликатная часть тела! Такая уязвимая! Что же с моей шеей? Какой там теперь шрам?

Чтобы отвлечься от сложных чувств, я позвонила мужу. Он задавал мне вопросы, прикладывал телефон к уху дочки, а я говорила им обоим, что люблю их. Его голос на фоне нежного гуления обрадовал меня до слез, и я в очередной раз осознала, что нет никого ближе на всем белом свете.

После такого счастливого разговора можно было найти в себе силы взять с тумбочки зеркальце и посмотреть на свою шею. На ней был большой белый пластырь. А что под ним?

В детстве я очень любила диснеевскую русалочку. Там есть момент, когда Колдунья отбирает у Ариель голос. Она буквально вытягивает такой желтый светящийся круг из горла русалки и прячет в свою волшебную ракушку. На этом моменте я всегда вздрагивала. Может предчувствовала? Сейчас у меня было такое же ощущение — желтый светящийся шарик забрали из моего горла навсегда.

В момент моих раздумий подошла Алия. Она спросила, разговаривала ли я с мужем сейчас. Я подтвердила. Алия в ответ на это показала фотографию своей дочери в телефоне. Девочка семи лет с косой в красивой школьной форме смотрела на меня. На другой фотографии она играла в лего. На третьей стояла рядом с розами, которые вырастила ее мама. Алия призналась мне, что они с мужем дочку удочерили. Она рассказывала мне о ней с такой нежностью, какую нечасто встретишь. Я тоже показала ей фото своей семьи и призналась, что до слез скучаю по ним. Алия успокоила меня и сказала, что у меня очень красивый муж и дочь, что я счастливая.

На дворе стояла золотая осень. Среди многочисленных корпусов больницы располагался сквер полный кленов. Мне становилось лучше, и я каждый день хотя бы ненадолго выходила на прогулку. Листья падали и шуршали под ногами. В один из следующих дней моя прогулка совпала с прогулкой Алии.

— Тоже гуляете? — спросила я.

— Да. Ведь такая погода!

В этот раз она рассказала о себе, что работает в налоговой начальником отдела. Услышав это, я обрадовалась, ведь мой папа много лет поработал в этой системе. Повеяло чем-то родным. С ней вообще всегда было так. И ее обращение ко мне «моя хорошая» до сих пор вызывает у меня чувство благодарности. Если бы не ее отношение ко мне, не знаю как бы я пережила эти две недели в Обнинске.

Надо сказать, что помогло мне еще кое-что. В первый же день моего пребывания в медицинском центре я пошла на разведку и нашла кафе. Это был не старорежимный кафетерий, а настоящая современная кофейня: стильный интерьер, легкая музыка и много видов кофе с десертами. В день перед операцией я просидела там целый час. Это была моя пауза перед неизвестностью — полная страха пауза. Я выпила кофе с круассаном и пошла в отделение, доверившись судьбе.

У меня есть старые стихи, которые знают многие, с кем я общаюсь. Они начинаются со строчки «спасибо вам за эту чашку кофе». Каждый день после операции я сидела в кофейне медицинского научного центра Обнинска. На моей шее белел пластырь. Я пила латте и размышляла о том, как важно относиться к человеку хорошо. Будь то бережное обращение «моя хорошая» или данная пациенту возможность отсоединиться от больничной жизни и побыть просто человеком в кафе.

Николай МАКАРОВ

г. Тула

Гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), член СПР, Российского Союза ветеранов Афганистана, Тульского общества православных врачей, редколлегии журнала «Приокские зори». Лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, литературной премии правительства Тульской обл. им. Л. Н. Толстого и премии им. С. И. Мосина. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

РЯДОМ С КОСМИЧЕСКИМИ ПОЛЕТАМИ

…Шесть лет. Шесть лет, с апреля 1975 года по декабрь 1980 года, меня привлекали по линии Поисково-спасательной службы ВВС для обслуживания космических полетов. В основном, запусков и спусков космонавтов. Привлекали, наряду с другими, в качестве врача-десантника. Из двадцати одного запуска за это время мне пришлось пропустить только три. В октябре 1976 года (Зудов, Рождественский: «Союз-23»); в июле 1978 года (Коваленок, Иванченков: «Союз-29» — «Салют-6»; Климук, Гермашевский: «Союз-30» — «Салют-6»).

В этих командировках мне приходилось встречаться и с нашим земляком (почему-то до сих пор в Туле не стоит его бронзовый бюст, как положено человеку, имеющему две медали «Золотая Звезда» Героя?), космонавтом Поляковым Валерием Владимировичем, в то время также принимавшим участие как врач в поисково-спасательных работах. К сожалению, с ним мне приходилось быть в разных точках дежурств. Встречались исключительно мельком. Ни я его, ни тем более он меня — не помним.

Начну эти воспоминания о странных, невероятных совпадениях.

Первое совпадение. Один и тот же человек входил в экипаж как первого (неудавшегося, завершившегося аварийным спуском полета — об этом дальше), так и декабрьского восьмидесятого года полета (не поднимается рука — «последнего»), в обеспечении которых мне приходилось участвовать, бортинженер Олег… Макаров…

Второе совпадение. В том же декабре восьмидесятого командиром «Ми-8», на котором я летал, был человек с инициалами… М. Н. А. Мозговой Николай… Алексеевич. Мало? Дежурили мы тогда на военном аэродроме «Домбаровский» в Оренбургских степях. Экипаж «Союза-3-М» (Кизим — Макаров — Стреканов) совершил посадку 10 декабря. Нас из-за непогоды и позднего времени не выпустили на Кустанай. Одиннадцатое декабря. Мозговой и я (естественно, со всем экипажем) отмечали… наши дни рождения, равняющиеся, аккурат, возрасту Христа… Оба мы, Стрельцы, появились на свет в год Кабана, 11 декабря 1947 года.

Третье совпадение. Помните, нелепой гибелью трех космонавтов (Добровольский — Волков — Пацаев) завершился полет «Союза-11» в июне 1971 года. Первым, кто оказался у спускаемого аппарата и открыл крышку люка, был врач-десантник (первого или второго выпуска Томского военмедфака) по фамилии… Дураков. Взявшего после этого фамилию жены…

Итак. Первая моя «работа». 5 апреля 1975 года. Запуск космического корабля «Союз-18-1» с космонавтами Лазаревым В. Г. и Макаровым О. Г. Позывной — «Урал».

Для меня все было ново, незнакомо, жутко интересно, престижно, в конце концов. Стоять, пусть и не у истоков, но почти на переднем крае того, чем мы «были впереди планеты всей».

На борту «Ан-24» мы (я и подчиненные мне: прапорщик и два солдата из ПСС ВВС) летели встречным параллельным курсом траектории запуска на высоте где-то шести тысяч метров в сторону космодрома «Байконур». Прапорщик и солдаты (ветераны ПСС) мирно дремали в грузовом отсеке. Парашюты и наше снаряжение лежали в сумках. Не расчехленные, упакованные для транспортировки. Я переходил от иллюминатора к иллюминатору, заглядывал в кабину к летчикам, лез ко всем с разными вопросами.

Шутки-прибаутки. Штурман подтрунивает надо мной, над моей любознательностью. Экипаж занят привычной, рутинной работой. Очередной раз, подойдя к иллюминатору, удивляюсь, что земля резко накренилась влево, и самолет стал разворачиваться на противоположный курс. Ничего не понимая, думая, что все, работа на этом окончена, и мы летим на аэродром взлета, оборачиваюсь к борттехнику с каким-то пустяшным вопросом.

Он отмахнулся. Затем выругался трехэтажным.

Вот те раз — приплыли!

В это время из кабины выходит командир и сразу на повышенных тонах, заглушая шум двигателей:

— Вы, таку и таку мать, почему без парашютов? Быстро приготовиться к десантированию!

Вначале я подумал, что это розыгрыш, обычная подначка.

— Авария у них.— Со вздохом, обычным голосом добавил он: — Наверное, придется вам прыгать.

Да, первая работа и сразу в пекло. Но прыгать, так прыгать. Первый раз, что ли? Затем нас, врачей-десантников и прикомандируют к летчикам, что с нашей квалификацией у них нет таких врачей-прыгунов.

Помогая друг другу экипироваться для десантирования, мы (группа ПДГ — парашютно-десантная группа — из четырех человек: я — с медицинской сумкой неотложной помощи и ключами от крышки люка спускаемого аппарата; прапорщик с какими-то приборами и пистолетом; солдаты с имуществом и автоматами) не заметили, как самолет снизился до тысячи метров. На земле уже стояла ночь, хотя на высоте и светило солнце.

Подойдя к нам, борттехник прицепил карабинчики вытяжных наших парашютов к тросу.

— На боевом! Скоро прыгать!

Загорелся красный плафон. Открылся люк, из которого в тепло салона самолета дохнуло… чем вот там дохнуло-то?

— Аккуратней при приземлении! — борттехник нас перекрестил.— С Богом!

И… люк захлопнулся. Красный плафон фонаря погас.

— Москва запретила прыгать,— пояснил командир.— Космонавты обнаружены. Вроде пока у них все в порядке, без травм. Не хватало еще десантуру угробить. Внизу — ночь, горы, ветер под двадцать метров.

Самое интересное, драматическое, трагическое и комичное началось с раннего утра следующего дня…

Все силы, участвовавшие в спасении космонавтов, были сосредоточены на аэродроме города Семипалатинска. Среди них — несколько групп ПДГ с врачами-десантниками. Самолеты «Ан-12», «Ан-24», вертолеты «Ми-6», «Ми-8». Всю ночь с космонавтами, совершившими аварийную посадку, поддерживалась устойчивая связь. Над местом, где они находились, постоянно на большой высоте кружился один из самолетов-ретрансляторов, обеспечивая связь с Москвой. На спускаемом аппарате работал радиомаяк и световой маяк, вроде большой ГАИшной мигалки.

На КП военных летчиков всю ночь шла непрерывная кропотливая работа по выработке решения, как спасать космонавтов. Под утро командующий ВВС военного округа (как тогда назывался округ — не помню, то ли Среднеазиатский, то ли еще как, не суть важно) оглашает перед всеми участниками предстоящей работы решение.

— Первыми к космонавтам прыгает ПДГ с такого-то вертолета. Как только рассветет — готовность к взлету. Вопросы есть?

Не надо ходить в театр. Не надо смотреть Николая Васильевича. Его финала бессмертного «Ревизора». Когда на вопрос командующего ВВС прозвучал ответ старшего лейтенанта медицинской службы Сашки Рубановского, врача нашего Тульского батальона связи, которому предстояло первому оказаться у космонавтов, совершив парашютный прыжок во главе своей ПДГ. Для этого, для подобных случаев, нас (ВДВшников) и привлекали в Поисково-спасательную службу (ППС ВВС).

— А наши парашюты (Д-1-8) не приспособлены для прыжков с вертолетов «Ми-8»!!!

Немая сцена (вот он — «Ревизор»). Все в шоке. Командующий ВВС, наполовину поднявшийся со стула, так и застыл в непривычной, неудобной позе. Полковники Чеканов и Леонов, старшие военные медики из штаба ВВС страны разглядывают Рубановского, готовые живьем тут же проглотить его. Тишина, мертвая тишина стоит пять, десять, пятнадцать, двадцать секунд.

Да, отчубучил, Санек. Позор на все ВДВ. На всех врачей-десантников. Надо спасать наше высокое реноме. Поднимаюсь с места и безапелляционно заявляю (энтузиазма, наглости, бесшабашности, молодости — девать некуда):

— Старший лейтенант Макаров. Воздушно-десантные войска! Готов прыгать!!!

Поднялся невообразимый гвалт. Все с облегчением вздохнули. Рубановский смотрит на меня как на смертника.

— Доктор, бери машину,— это голос командующего ВВС округа,— перевози свое имущество с самолета на вертолет. Пойдешь с ПДГ своего… коллеги. Тьфу, твою мать.

На все про все ушло около часа. Пока я вернулся со стоянки «Ан-24», было принято совсем другое решение. Космонавтов поднять лебедкой, зависнув одному вертолету над ними. ПДГ Рубановского, также зависнув, на лебедке десантировать (есть такой способ десантирования — «с вису») с другого вертолета неподалеку. Москва дала «добро».

Все вертолеты, один за одним, поднялись в воздух. Все начальство разместилось на «Вышке». «Ан-12» кружил на восьми тысячах метров. «Ан-24» находился на стоянке. Моя ПДГ осталась не у дел, удобно разместившись на стульях в помещении, где совсем недавно бурлили страсти о принятии судьбоносного решения.

Так что все дальнейшее, все этапы спасения космонавтов проходили на моих глазах. Вернее сказать, о всех этапах, о всех действиях и все разговоры по рации я слышал. Громкоговорящую связь никто не удосужился отключить.

Итак. Началось. Внимание! Приготовились?

Докладывает командир эскадрильи «Ми-8» полковник (или подполковник?) Кондратьев, первым подлетевший к месту предстоящей работы.

— Вижу объект! Лежит на крутом склоне горы. Купол зацепился за деревья. На спускаемом аппарате сидят: один, два… три исследователя (это так в открытом эфире называли космонавтов — конспирация, однако) и курят.

Вначале все внимание и здесь на КП, и в Москве было обращено на последнее (помните, Штирлица?) слово: «Курят!». Откуда у космонавтов сигареты в космическом корабле? Может, еще и водку пьют? Затем разом до всех дошло: «Трое!?»

Откуда? Кто? Белены вы там, тра-та-та, объелись? Запускали-то двоих? Уточнить, тра-та-та! Доложить, тра-та-та! Может, это — снежный человек? Может китайский шпион? Граница-то рядом. Может сбежавший зэк? Кто там еще может третьим быть? Забыли, забыли самый народный вопрос: «Третьим будешь?»

Докладывает командир второго вертолета.

— ПДГ десантировали лебедкой в пятистах метрах от объекта.

Докладывает Кондратьев.

— Все вертолеты (а их было пять или шесть) летают вокруг скалы с объектом, на котором сидят три исследователя. Что делать?

Опять: откуда трое? Тра-та-та. Паника, да-да, настоящая паника в эфире, на КП аэродрома Семипалатинска, в Москве. Везде — паника. И никто, ни на КП аэродрома Семипалатинска, ни в Москве, никто не принимает решения, как же все-таки эвакуировать исследователей (космонавтов то есть; трех космонавтов, сидящих на спускаемом аппарате и раскуривающих, чего они там курят, ожидающих помощи. Не май месяц и не Сочи — холодно).

Вертолеты продолжают кружить вокруг этой чертовой скалы в ожидании команды для непосредственной работы. Которой все нет и нет. Космонавтам-то что? Подождут! А ты попробуй прими какое-то решение! Снимать, как раньше планировалось, лебедкой зависнув над ними? Склон слишком крутой! Мало ли что экипажи вертолетов самые опытные во всем округе, все мастера или первого класса.

Своя-то попа ближе. И роднее. Ни Семипалатинск, ни Москва не могут решиться отдать четкий приказ об эвакуации двух… все-таки трех исследователей.

Докладывает командир второго вертолета.

— ПДГ находится от объекта в полутора — двух километрах!

Колоссальное достижение: всего тридцать — сорок минут назад они от объекта были в пятистах метрах. Прогресс на лицо.

Вдруг в эфир врывается чужой голос:

— Посторонись! Не мешай работать!

С паническими нотками голос Кондратьева:

— Неизвестный вертолет «Ми-8», нарушая наши ряды, буром (!) подлетел к объекту. Завис! Снимает!!! Первый космонавт (какая, к черту конспирация, когда из-под носа нахально умыкают какие-то самозванцы их спасаемых) поднят!..

— Второй поднят!!! Третий поднят!!!

Все-таки была надежда, теплилась в головах начальников и командиров всех рангов, что сведения о третьем «космонавте» — массовая галлюцинация, ну, в крайнем случае, затянувшаяся первоапрельская шутка. Но если подняли, если третий космонавт уже в вертолете. Неизвестно каком, правда, вертолете. Неизвестно куда, правда, улетевшем. Ищи теперь их, свищи.

Ребус на ребусе. Шарада на шараде. Головоломка на головоломке… Пойди, разберись.

В это время из Москвы прилетает «Ту-134» или «Як-40» (не помню) с генеральским усилением. Космонавт Леонов — был. Космонавт Шаталов — был. Береговой? — Не помню.

Махнув рукой на доклад командующего ВВС округа, вся группа усиления (контроля-разноса) поднялась на «Вышку», откуда, обматерив (как только умеют материться летчики и космонавты) оконфузившихся горе-спасателей, также минут через десять улетела в неизвестном направлении.

«Контора Глубокого Бурения» доложила четко, кратко, недвусмысленно.

«Третий космонавт» — лесник из «Ми-4», их же лесничего вертолета, рано по утру летевшего куда-то по своим лесничим делам. Заинтересовавшись неизвестным природным явлением, они высадили для выяснения пожароопасности одного своего коллегу. А не сообщили по одной, вернее, по двум причинам: полет был слегка пахнущий «левацким» отклонением от курса, плюс ко всему второй месяц рация на вертолете барахлила.

«Буром» снявший космонавтов вертолет «Ми-8» оказался из ведомства «стратегов» (Войск ракет стратегического назначения), летевшего то ли на «точку», то ли с «точки», то ли по каким-то своим амурным делам. Видя нерешительность ВВСников, решили «утереть им нос». Что и проделали виртуозно и мастерски, имея всего второй класс мастерства.

Докладывает командир второго вертолета. Про которого в этой суматохе все забыли.

— ПДГ пропала из вида. Координаты неизвестны!

Об этом, конечно, в Москву докладывать не стали, обнаружили и «спасли» в этот же день, к вечеру…

…По траектории запуска космонавтов от Байконура до Караганды существовали ППКП (передовые передвижные командные посты), в состав которых входило множество всяческих подразделений. В том числе и наши, десантные ПДГ. До предыдущей, аварийной посадки восточнее Караганды поисковиков обычно не посылали. Учитывая печальный апрельский опыт, двух врачей-десантников решают перебросить (и перебросили) самолетом «Ан-12» в Семипалатинск. Один врач остается в Семипалатинске, второй — на «Ми-4»

перелетает дальше, восточнее, в Усть-Каменогорск. Меня назначают старшим (в Армии таков порядок: если двое, то один из них обязательно старший) группы.

Высаживают нас на аэродроме Семипалатинска через грузовой люк, не глуша двигателей. Мы стоим на бетонке, пересчитывая свои вещи: личный баул — на месте; парашютная сумка с основным и запасным парашютом — на месте; вещмешок с ключами и десантной формой — на месте, медицинская укладка (более 30 кг) — на месте. Все? Вроде, все!

Но какой-то неприятный осадок на душе остается. Все на месте, а чего-то не хватает.

«Ан-12» в воздухе: обратным курсом на Караганду. За нами подходит автобус, чтобы отвезти на местный КП. Загружаем свой багаж. Все? Вроде бы все! Да не все. Только сейчас мы осознаем, что оставили в самолете, в гермокабине, кислородные аппараты «Горноспасатель» для искусственного дыхания. Которыми обеспечили всех врачей-десантников в Рязани (вся наша экипировка происходила на базе Рязанского парашютно-десантного полка Тульской дивизии).

Забыли! Т. е. — приплыли!!! Есть такая картина у Репина.

На КП находим старшего врача местного полка летчиков. И я прошу его помочь: сгонять быстренько в областную больницу (у них, наверняка, такие аппараты имеются в наличии) и попросить парочку всего на сутки. Он округляет глаза, уставившись на нас, как баран на новые ворота.

— Да вы что — ребята? Если бы у нас были эти «Горноспасатели», вас бы сюда и не прислали.

Ситуация!!! Да, еще: мое время вылета в Усть-Каменогорск — через десять минут.

Ситуэйшен!!!

Слыша наш разговор о забытых каких-то «Горноспасателях» в самолете, к нам обращается солдат в теплом свитере, сидящий за столом, уставленный приборами, микрофонами разными.

— Забыли чего?

— «Горноспасателей» в самолете забыли,— пояснил ему местный военный эскулап.

— Проблем нет! Сейчас вернем самолет!

Мы на этого солдата уставились как Волька ибн Алеша на старика Хоттабыча, увидев его чудеса впервые. Солдат-диспетчер (потом выяснили), что-то переключает, щелкает тумблер и по громкой связи слышим разговор.

— Машка, привет! Верни-ка обратно наш «Ан-12», который только что взлетел. Передай им, что в самолете забыли горноспасателей.

Через несколько долгих, ох, каких долгих секунд, раздался голос этой неизвестной Машки:

— Они говорят, что всех горноспасателей только что высадили.

Солдат-диспетчер смотрит на нас в недоумении. Я ему разъясняю быстро, что «Горноспасатели» — это такая аппаратура в алюминиевых маленьких чемоданчиках. Которые стоят, вернее, которые мы забыли в гермокабине самолета.

Он тут же передал эти сведения невидимой Марине, и через двадцать минут самолет возвращается обратно. Борттехник, буквально на ходу, в грузовой люк выбрасывает наши забытые «Горноспасатели», сквозь шум работающих моторов, обещая разобраться с нами по всей строгости революционной беспощадности в Караганде. По нашему возвращению.

Быстро пересев на «Ми-4», улетаю в Усть-Каменогорск. Мой «подчиненный» остается в Семипалатинске. Старт 24 мая 1975 года «Кавказов» (Климук П. И. и Севастьянов В. И.) проходит штатно!..

На следующий день за нами прилетает вновь «Ан-12», чтобы лететь в Караганду. Меня одолевают грустные, тягостные расчеты. Сколько же с меня «сдерут» (кроме, естественно, единственной шкуры) за тот расход горючки, что истратил самолет по моей вине (старший отвечает за все!), за его незапланированное возвращение с забытыми «Горноспасателями»? Во что это мне выльется?..

Выливается это все для меня в ноль семьдесят пять «Трех семерок» для экипажа «Ан-12». Недостающее чуть-чуть количество до дюжины бутылок экипаж выставляет сам…

…Это — послеполетная история.

На сборах, на самых первых сборах, когда нас обучали всем премудростям поисково-спасательной службы, нас информировали, что в Рязани (в Рязанском парашютно-десантном полку собирались все врачи-десантники со всех дивизий, чтобы дальше разлетаться по своим точкам), наряду с другим имуществом нам будет выдаваться и медицинская укладка. Укладка, в которой обязательной сдаче после возвращения подлежит только аппаратура, инструментарий и сильнодействующие препараты (даже таблетки от кашля с кодеином не входили в этот список). А все расходное имущество списывается медицинской службой ВВС. И этим расходным медицинским имуществом мы можем распоряжаться, как хотим (!).

Однажды, после очередной командировки, этого самого расходного имущества, у меня по разным причинам не оказалось совсем. Сдавал в аптеку медпункта в Рязани чехол-сумку, тонометр, фонендоскоп, инструменты, сильнодействующие препараты, пустую флягу от спирта. Все, что положено сдавать, то и сдал.

Надо отметить, что медицинская служба полка на этих самых сданных расходных материалах, принадлежащих ВВС и списанных заранее, что-то, естественно, имела. А здесь, здрасте, облом у них со мной вышел.

Начальник медицинской службы полка, старший лейтенант Володька Зубрицкий (на год раньше меня закончивший Томский факультет) начал на меня наседать, угрожая устроить веселую жизнь.

Чуть ведь не устроил.

Через пару недель приходит депеша из Рязани начальнику медицинской службы дивизии полковнику (получил в связи с 30-летием Великой Победы) Крапивному, что старшим лейтенантом Макаровым Н. А. утеряны медикаменты и перевязочный материал. Подпись. Печать. Гербовая. Список утерянного прилагается.

Вызвав меня и вручив этот самый список, Крапивный напутствовал:

— Иди к снабженцам, они подсчитают ущерб.

Снабженцы подсчитали. Если по правилам, учитывая каждую таблетку, каждую ампулу, каждый бинт — сумма выходила в четыре моих месячных оклада, плюс звание, плюс надбавка. Если по «понятиям», т. е. учитывая только номенклатуру (название) и взяв все по одной единице учета, получилось всего сорок рублей. Все равно по тогдашним временам приличная для старшего лейтенанта сумма.

На такую сумму (сорок рублей) мне и выписали квитанцию, чтобы я у себя в полку в кассе финчасти оплатил надлежащим порядком.

Все равно удрученный, перед тем, как после обеденного перерыва идти на службу, захожу в аэропорт. В буфете у стойки вижу начальника финансовой службы полка капитана Саратовского Николая Самсоновича и двух прапорщиков.

— Доктор, иди к нам! — Протягивает мне стакан с одной четвертой частью ноль семьдесят пять «Трех семерок»,— чего грустный-то?

Объясняю. Он берет у меня квитанцию. Дает деньги. Говорит:

— Иди, возьми еще одну!

Иду. Приношу еще одну ноль семьдесят пять «Три семерки». Прапорщик разливает. А Самсоныч, начфин рвет мою квитанцию со штрафными санкциями, и клочки выбрасывает в урну. Пораженный до глубины души, я еле мог выдавить:

— А как же?..

— Ты пей-пей! Штраф, считай, уже заплачен. И отправлен в Рязань! — Под смех прапорщиков поднимаем стаканы.

— Да, кстати, зайди в финчасть. Распишись. И получи. Пришел приказ из ВВС, как лучшего поисковика дивизии поощрить тебя пятьюдесятью рублями. С вычетом подоходного налога…

…25 февраля 1977 года. Посадка «Тереков» (Горбатко В. В. и Глазкова Ю. Н.), проведших в космосе 18 суток на «Союзе-24» — «Салюте-5». За окном буран, как у Пушкина в «Капитанской дочке». Первый виток — буран. Второй виток — полный штиль. Мягкое приземление в районе Целинограда. Штатная управляемая посадка. Третий виток — буран (разъяснение: управляемая посадка космических спускаемых аппаратов проводится только в первый, второй и третий суточный виток; в остальные — пятнадцать витков — происходит неуправляемый баллистический спуск).

Космонавт Горбатко спрашивает:

— Доктор, где я тебя раньше видел?

— В семьдесят четвертом в Туле я у вас брал интервью…

— Помню!.. Помню!..

…3 сентября 1978 года. Посадка «Ястребов» (Быковский В. Ф. и Йен З., ГДР), проведших в космосе 8 суток на «Союзе-31» — «Салюте-6» — «Союзе-29». Т. е. взлетевших на «Союзе-31», а посадку произведших на «Союзе-29», в районе Джезказгана. Жара — далеко за тридцать.

Сразу после приземления космонавт Быковский просит:

— Ребята, закурить найдется?

— Как же врачи, ваши, московские?

Жадно затягиваясь солдатским термоядерным «Памиром», все мокрые от пота, зайдя за спускаемый аппарат, они с наслаждением смакуют первые клубы дыма.

— Обойдутся! Их бы — туда!..

Андрей ВОЛКОВ

г. Тула

Родился в 1987 г. в Туле. Учился на факультете «Русская филология и документоведение» ТГПУ им. Л. Н. Толстого и заочно на специальности «Литейное производство черных и цветных металлов» ТГМК им. Н. Демидова. Писать начал с детства, публиковаться — в студенческие годы в журнале «Ловец снов», который сам же придумал с друзьями детства. Первая публикация под настоящим именем состоялась в 2008 г. в «Университетской газете» ТулГУ, где посещал курсы журналистики в 2007—2009 гг. Киноман с детства. В 2009 г. стал публиковать в интернете кинорецензии, что и составило в дальнейшем львиную долю творчества. С 2013 г. трудится в сфере металлургии, сначала на АО «Тулачермет», а с 2016 г. на оборонном предприятии «Сплав». В настоящее время пишет о кино и рок-музыке в интернет-СМИ. Автор одного романа, трех повестей, две из которых опубликованы в интернет-журнале «Новая литература», и тридцати рассказов. Имеет личную страницу на литературном портале «Проза.ру», от которого четыре раза получал номинации на премию «Писатель года». Член тульского клуба православных писателей «Родник». Наш постоянный автор.

ДЕДУШКА

Утренняя служба уже закончилась, немногочисленные прихожане, присутствовавшие в этот будний день на литургии, разошлись и разъехались, когда Катя, студентка четвертого курса философского факультета, решила зайти внутрь скромного строения, уместившегося между воинской частью с плакатом смурного вождя и «Магнитом». Катин дедушка лежал в больнице с приступом и, хоть дедушка не слишком верил в Бога, полагаясь всю жизнь на разум, Катя хотела поставить свечку за его здоровье, ведь дедушка был единственным близким ей человеком.

Родители Кати погибли в автокатастрофе, когда ей было шесть лет, и с тех пор ее воспитывал дедушка, Иван Иосифович. До выхода на пенсию дедушка преподавал в техническом вузе, был кандидатом наук и признанным ученым-металлургом. Также дедушка писал стихи, был членом Союза писателей, выпустил пять поэтических сборников, однако полагал, что главное произведение он еще не создал. Впрочем, силы его постепенно слабели, и смерть уже была отнюдь не отдаленной перспективой. Иван Иосифович лишь хотел дожить до того дня, когда его внучка Катя окончит университет, и дописать монографию о новой конструкции кауперов, которую с нетерпением ожидали на его родной кафедре.

Катя была вполне современной девушкой — ходила на рок-концерты, гуляла в компании сверстников и даже курила, но в тайне от дедушки. У нее одно время был парень Тимофей, который бросил ее, потому что она, как он полагал, была ограниченным человеком и не понимала его большой философский разум. Кате было непонятно, как так можно — она плакала, переживала, но уговоры одуматься не возымели эффекта. Впрочем, единственная подруга Даша утешила ее тем, что, по ее мнению, ей достался редкий придурок и что она должна радоваться, что, наконец, избавилась от него. Возможно, это было правдой, однако Кате понадобилось несколько месяцев, чтобы прийти в себя и жить дальше, не оглядываясь на прошлое и имея надежду на будущее.

Катя впервые задумалась о Боге благодаря своему преподавателю по истории религиозной философии Антону Ивановичу Симонову. Он когда-то защитил диссертацию об этических взглядах Николая Бердяева и с тех пор считался крупным специалистом по религиозному экзистенциализму. Антона Ивановича очень заботила мораль — есть ли для нее фундамент, который бы препятствовал нарушению ее законов. Он видел основание для морали только в религии, поскольку вера есть опора для нравственности, а Бог — тот абсолют, к которому нужно стремиться. Ибо нет ничего ужаснее ощущения тоски и бессмысленности бытия людей.

Катя огляделась по сторонам, стоя перед воротами храма. Люди проходили мимо, спешили по своим делам, и никто не думал зайти помолиться. Современный меркантильный мир приучил нас легкомысленно относиться к сущему, вести почти растительное существование, а целью в жизни полагать накопление материальных благ. На примере дедушки, который не заработал миллионов, хотя честно трудился всю жизнь, Катя убедилась, что деньги не могут служить единственной целью. «В гробу карманов нет,— любил повторять Иван Иосифович религиозную сентенцию.— Туда можно унести только то, что собрал в душе».

Один старец в Оптиной пустыни на вопрос: «Как жить сегодня?» как-то ответил дедушке: «Живи по совести и будь добр к людям; возможно, и этого достаточно в наши времена». Иван Иосифович запомнил и старался так жить.

Катя писала курсовую по этике Иоанна Лествичника под руководством Антона Ивановича. Ее научный руководитель очень ценил этого не самого известного христианского святого, говоря, что его миролюбие и мудрая кротость поражают любого неравнодушного человека. Кате и самой было интересно изучать его жизнь, пусть в его биографии непросто отделить реальность от мифа.

Храм был маленький и уютный. Несколько молящихся стояли у икон Богородицы и Спасителя, в углу

возле входа располагалась церковная лавка, где Катя купила свечку, а также обратила внимание на «Лествицу» преподобного Иоанна, которую она давно хотела приобрести в книжном варианте, но все время жалела деньги. Ведь денег у студента немного, а работе все время мешает учеба. Хотя Катя сотрудничала с одним интернет-журналом, где публиковала статьи на культурные темы, но там платили довольно немного.

Катя купила свечку и книгу Иоанна Лествичника, ведь, как гласит высказывание Оскара Уальда: «Лучший способ отделаться от искушения — уступить ему». В нашем случае искушение было полезным и для учебы, и для сердца, тем более тут же нашлась его икона, перед которой Катя поставила свечку и помолилась так, как умела, за здоровье дедушки.

— Что стоишь, в икону любуешься?! — зашикал сердитый старик и даже толкнул девушку в спину.— Дай помолиться православному писателю.

Катя от неожиданности вздрогнула и, не зная что ответить, поспешно отошла от иконы. Старик скривился, глядя на нее, и уже собирался поцеловать святого подвижника, но тут из алтаря вышел благообразный отец Михаил и наложил на зловредного писателя епитимью — строгий пост и сто земных поклонов. Кате же улыбнулся и обещал помолиться за дедушку.

Оставшуюся часть дня Катя провела в университете, где разбирала вместе со своим научным руководителем свою курсовую. Катя показала ему купленное издание «Лествицы», со вступительной статьей профессора МДА Волкова, где он рассказывал о жизни автора книги и ее христианском смысле.

— Не волнуйся за дедушку,— сказал Антон Иванович, заметив беспокойство Кати.— Я уверен, с ним все будет хорошо.

Катя задумалась, поглаживая кончиками пальцев ребристую обложку книги. Ее терзали нехорошие предчувствия, но она не сочла нужным делиться ими.

— Есть вещи, которые я не могу принять,— серьезно сказала она.— Например, этот вот закон об оскорблении чувств верующих, который недавно приняла Госдума. Разве не сказано в Писании: «Мне отмщение, и аз воздам»?

Антон Иванович внимательно выслушал, а затем, поправив бабочку, сказал:

— Я сам его не понимаю. Государство или хочет посеять смуту между верующими и атеистами, или же серьезно считает, что Бог поругаем бывает, несмотря на прямо противоположное утверждение в Библии. В любом случае, я думаю, тебе не стоит забывать, что церковь — это люди, а свят только Бог. Не знаю, помог ли я тебе своим ответом, но лично мне кажется вот так.

Катя получила добрые напутственные слова от своего профессора и пребывала в хорошем настроении. Встреча с приятным человеком всегда радость, дает силы и желание творить, а на тех, кто хочет принизить человека, как тот злой старик из храма, Антон Иванович предлагал не обращать внимания, считая их заблудшими людьми.

Вечером Катя навестила дедушку. Он был слаб, но обрадовался ей. Его лечащий врач сказал Кате, что сердце дедушки работает нестабильно и пока рано делать какие-либо прогнозы.

— Впрочем, не волнуйтесь,— сказал врач,— дедушка сильный. Будем делать все возможное.

Сказав это, врач удалился, а Катя обняла дедушку и стала доставать из сумки фрукты и домашнюю еду. Дедушка не жаловался и на больничную, но Катя знала, как кормят в наших лечебных учреждениях. Чиновники, жалея денег, оптимизировали все что только можно. Ведь они сами не лечатся здесь и не живут.

Иван Иосифович заинтересовался книгой, которую Катя выложила из сумки, чтобы достать фрукты. Это была «Лествица» — ее Катя машинально взяла с собой. Дедушка, хоть и был технарь, не упускал случая читать гуманитарную литературу. Особенно он любил Ф. М. Достоевского, чье знание человека вдохновляло его как поэта.

— Как дела с твоей курсовой? — спросил Иван Иосифович, сидя на кровати и рассматривая красивую обложку книги с изображением иконы древнего святого.

— Почти дописала. Остались две главы. Я надеюсь, ты уже поправишься к защите.

— Постараюсь,— ответил дедушка, хотя был не уверен в этом, как и его врач.— Вот только жаль, что тут читать нечего. Я человек старой закалки — мне тяжело без книги.

Катя задумалась, как бы помочь. Смартфона у дедушки не было — как многие люди его возраста, дедушка был не искусен в интернете, да и зрение не позволяло читать с экрана.

— А ты почитай преподобного Иоанна,— наконец сообразила Катя.— А что, это интересное чтение. Уж лучше той пропаганды, которую крутят по телеку.

Иван Иосифович не мог не согласиться. В наше время серьезная информация встречается все реже, а чаще грубая пропаганда, уродующая душу своей низменностью. Окружающий мир все прочнее сползает в бессмысленность, где погоня за успехом стала доминантой человеческого бытия. В этом мире предстоит жить Кате, ему же скоро надлежит его покинуть.

Начинало смеркаться. Врач, зашедши в палату, заторопил юную гостью. Да Кате и самой еще предстояли дела. Надо заехать за кошачьим кормом, пока магазин не закрылся, а также написать статью о Николае Успенском для упомянутого журнала. Да и дедушке нужно отдыхать.

Когда Катя ушла, Иван Иосифович встал с кровати и прошелся по палате. Сейчас он был в ней один. Его соседа вчера выписали, а вот за Иваном Иосифовичем еще наблюдали. Врач предлагал ему операцию, но дедушка не хотел ложиться на операционный стол. Уж как-нибудь протяну два года, когда Катя закончит вуз,— думал Иван Иосифович.

Ему недавно исполнилось семьдесят три, он был уже шесть лет как на пенсии, но не прекратил научную работу. Писал монографию и недавно опубликовал статью на тему горячего дутья в издании ВАК.

Сердце, перенесшее смерть сына и любимой жены, побаливало, но не сильно. Иван Иосифович подошел к окну и посмотрел на тоскливый городской пейзаж, бывший за ним. Лишь белое, с колоннами, здание духовной семинарии, бывшее когда-то усадьбой купца Калашникова, немного скрашивало серый вид.

Иван Иосифович вернулся в постель, взял с тумбочки очки и раскрыл книгу святого VI века. Для начала прочитал статью, которую счел интересной, а затем принялся за саму «Лествицу». Святой Иоанн писал о нравственном самосовершенствовании, о том трудном и тяжелом пути, который должен пройти человек, прежде чем приблизится к источнику всего. Древний псалмопевец, начав книгу с размышлений об отречении от мирского жития, окончил ее гимном любви, взяв в пример апостола Павла.

Иван Иосифович с интересом погрузился в чтение, не обращая внимания на усилившуюся боль в груди. Его разум окутал удивительный покой, а сознание унеслось в прошлое, в тот счастливый день, когда Катя только родилась и спокойно лежала в руках счастливого отца, погибшего сына дедушки. Катя в это время тоже спала и также видела во сне дедушку, еще не седого, из детства, вспоминала, как он играл с ней, встречал из школы и всячески старался заменить рано умершего отца. Дедушка был хороший человек и прожил свою жизнь достойно. Он не сомневался, что Катя выдержит испытание жизнью, где любви меньше, чем ненависти, а печаль нас посещает чаще, чем радость бытия.

Врач, зашедший на утреннем обходе проведать Ивана Иосифовича, увидел мирно спавшего дедушку с книгой на груди. Пока фельдшер старался привести его в чувство, врач понял, что дедушка уже не здесь. Он вышел из палаты и стал набирать номер Кати.

Ивана Иосифовича отпевали в том храме, куда его внучка заходила поставить свечку несколько дней назад. Лик преподобного Иоанна с любовью смотрел на дедушку с иконы над гробом, и лицо дедушки причудливо отражалось в ней. Иван Иосифович мирно отошел за чтением его книги и теперь, пребывая в селениях небесных, видит лицом к лицу того, кто еще в VI веке писал о памяти смерти и о любви Господа как вечной константе бытия.

У Кати не было отчаяния. Она знала, что справится без дедушки. Он ушел тогда, когда перестал быть ей нужен. Она теперь как птенчик, который созрел и готовится навсегда выпорхнуть из родительского гнезда.

Отец Михаил сказал короткую проповедь, а после службы утешил Катю отеческим словом, вспомнив наставление Иоанна Лествечника, чья память совершалась в этот день.

На годовщину смерти дедушки Катя посетила его могилу вместе с Николаем, с которым она познакомилась через три месяца после его кончины. Николай учился на историческом факультете, писал диплом о древнем Новгороде и вовсе не считал Катю ограниченной, а наоборот, весьма интересной и милой. Им было хорошо вместе, а это главное, ибо свидетельствует о единении душ. Дедушка упокоился рядом с родителями Кати, а над тройной могилой раскинул свои ветви вековой дуб, так что его листья почти касались позолоченной ограды. Дедушка теперь под надежной защитой, как и она.

Что будет в будущем, Катя не знала. Жизнь непредсказуема, часто несправедлива, но любовь, о чем в I веке писал апостол Павел и вслед за ним в VI веке преподобный Иоанн, единственное, что держит этот мир. Она сильнее смерти и страданий, ибо Бог не есть Бог мертвых, но живых. Катя вспомнила эти строки из Библии, положила образок преподобного на могилу дедушки и они с Николаем пошли прочь.

Уже год без дедушки, а он как будто жив.

12. 2021

Валентина БЫКОВА

г. Новозыбков Брянской области

Родилась в с. Ильпырь Карагинского р-на Камчатской обл. Является руководителем культурного центра «Родник», членом правления литературной организации «Дети славянского поля», организатором международного литературно-художественного конкурса-фестиваля «Живой Родник» им. писателя Анатолия Жаренова. Печаталась в сборниках и журналах «Родник», «Живой Родник», «Родные голоса», «Литературный Брянск», «Десна» и «Ковчег». Является автором книги «Тайна параллельного мира». Постоянный автор нашего альманаха.

ВЫБОР

1.

Сергей Григорьев проснулся от кошмарного сна. В доме было прохладно, но по щекам и спине стекал липкий холодный пот, который неприятными мурашками пробегал до самых пяток. Серый встал и пошел на кухню. Заварил себе кофе, сел за стол и стал вспоминать сон, который заставил его буквально вскочить среди ночи. Он просидел над уже пустой чашкой довольно долго, но так и не смог вспомнить его. В глазах стоял лишь огонь, который четко врезался в память. Докурив сигарету, Сергей решил попробовать заснуть. До работы оставалось еще много времени. Но как он не старался заснуть, все попытки были тщетны. Он умылся, оделся и, чтобы убить время, сел за компьютер. Посмотрел новости.

«Переворот на Майдане, хунта выбрала правительство, новая рада принимала первые законы о запрещения русского языка, о провозглашении новых героев Украины Бандеры и Шушкевича — пособников гитлеровцев». Сергей поморщился. Волна негодования пробежала по сердцу и заныла где-то в грудной клетке.

«Так и до войны могут довести эти уроды»,— подумал он.

В спальне зазвонил будильник, и мужчина поспешил на завод.

Возле проходной уже толпились рабочие, создав стихийный митинг. Здесь уже были соседи по подъезду Егор Пирогов и Владимир Прудников. Они закурили и стали ждать, тихонько обсуждая новости в своей стране.

— Хорошо крымчанам. Их приняли в состав России, хоть бы и нас вот так приняли,— сделав глубокую затяжку, сказал Владимир.

— Дай Бог,— согласился с ним Сергей.

— Хотя все не так просто, как тебе кажется. Посмотри, что творится в стране. Того и гляди гражданская может вспыхнуть,— в голосе Виктора чувствовалась тревога.

— Да брось ты, вряд ли майданутые посмеют стрелять в свой народ. А если случится такое, так уж лучше умереть, чем жить по их законам,— сказал мужчина средних лет, подошедший к группе.

Сергей его сразу узнал. Это был мастер из механического цеха Игорь Антонов.

— Да, ребятки, это вам не голыми руками останавливать танки. Думаете, вот так будет всегда. Нет... Мне кажется, что мы очень близко подошли к полномасштабной гражданской войне. Конечно, есть еще надежда, что Турчинов не посмеет в нас стрелять. Хотя очень малая,— в голосе Антонова слышалась какая-то уверенность, что солдаты украинской армии все же начнут стрелять в свой народ.

— А мне кажется, что они не посмеют стрелять в безоружных людей! — уверенно возразил ему Егор.— Посудите сами, оружия у нас нет. Мы мирные граждане. И вообще, этот майдан, мне кажется, ненадолго.

— Блажен, кто верует.— Антонов закурил сигарету.— Ну а если придется вот тебе лично взять оружие в руки?

— Да уж фигушки. Пускай другие воюют. У меня Галка должна скоро родить. Мне только была бы работа. А уж говорить на русском мне никто не запретит. И вообще, ребята, что они смогут сделать? Вот скажите мне, что?

Егор даже сигарету бросил на землю с такой силой, словно она была виновата в перевороте в Киеве. Некоторое время мужчины молча затягивались и пускали едкий дым перед собой.

— С механического цеха собирают ополчения,— проговорил Антонов, глядя в глаза Сергею.

— Неужели все так серьезно...— Сергей выдержал взгляд старшего товарища.

— А что, если хочешь побольше узнать, приходи в гаражи. Знаешь, что возле въезда в город?

Антонов выжидающе смотрел на Сергея. Тот не сводил глаз с мастера, кивнул головой.

— Номер гаража 39. Собираемся в шесть.

Антонов взмахнул рукой, кого-то приветствуя, и поспешил к товарищам, которые весело махали ему в ответ.

— Ты пойдешь? — спросил Виктор Сергея.

— Пойду, — решительно ответил тот.

— И я с тобой. Зайду к тебе в пять тридцать. А ты с нами? — обратился он к Егору.

— Нет, на меня не рассчитывайте. Я никуда не хочу вмешиваться. Не обижайтесь, мужики, ну, куда мне дергаться. У меня жена ждет ребенка, теща... Нет, вы уж без меня. Да и меня вся эта ситуация не очень напрягает.

Виктор понимающе покачал головой.

— Да никто тебя не собирается осуждать. Это твой выбор... Вот скажите мне, мужики, работать мы будем? — и сам ответил на свой вопрос.— Да, сейчас не до работы. Вот уже месяц собираемся, то танки останавливаем голыми руками, то агитируем укропов переходить на нашу сторону. Слушайте, ребята, да у нас уже целый арсенал оружия. Сколько танков нам отдали украинцы?

— По-моему, пять,— сказал Виктор.

— Ну вот... Посудите сами. Если начнется заварушка, то нам есть чем ответить.

— Ну чем ты ответишь? У нас и оружия нет.

Сергей сказал эти слова, и ему стало страшно.

Действительно, если начнется война, а в этом он не сомневался, то как они смогут ответить агрессору. С палками и вилами? Да, крови прольется... Мужчина даже не сразу услышал вопрос Виктора.

— Ну, до вечера. Я зайду за тобой,— напомнил он Сергею.

Гараж располагался в середине второго ряда. Сергей и Виктор подошли к воротам, на которых краской было написано 39. Ребята постучали в закрытую дверь. Через минуту дверь открылась, и друзья увидели небольшую компанию. Мужчин было человек семь и две молодые женщины. Антонов серьезно посмотрел на ребят и прежде, чем представить присутствующих, обратился к ним:

— А теперь забудьте ваши имена и фамилии. Мы знаем друг друга только по позывным. Это делается с целью конспирации и безопасности. Чем меньше мы знаем друг о друге, тем больше шансов у нас на выживание. Если среди нас появится предатель, то он будет знать каждого лишь по позывным. Ни имени, ни фамилии, ни где живет, ни о семье он ничего знать не будет. Ну что же, друзья, будем учиться жить и действовать в подполье. Из достоверных источников мы знаем, что скоро бандеровцы будут штурмовать город. Итак, начну с женщин. Это Рябинушка, а это Ласточка.

Рябинушка оказалась красивой, стройной девушкой. Ее голубые глаза притягивали взгляды сильного пола. У Ласточки, бывшей ниже ростом подруги, русая коса аккуратно уложена на голове, глаза у нее огромные, цвета насыщенного чая, непослушная челка спадает на красивый лоб. Обе девушки были хороши собой и привлекательны. Сергей невольно любовался девчонками. Откуда-то пришла мысль, что им здесь не место, что они созданы для любви, для жизни, для того, чтобы выходить замуж, рожать детей. Он даже тряхнул головой, прогоняя эту навязчивую мысль, но опять и опять думал об этом. Его мысли прервал Игорь.

— А это Моряк,— и он показал на молодого мужчину лет тридцати. Русые волосы были аккуратно подстрижены. Выразительные глаза, изучающе остановились на Володе и Сергее.

Гело, Медведь, Волк, Грач и Орел были старше Моряка. Сергей подошел к каждому, и, протягивая руку, представился:

— А меня зовите Иван.

Владимир представился Молнией. Если бы кто-то спросил ребят, почему они выбрали себе такие позывные, они бы вряд ли могли внятно ответить на этот вопрос.

— Ну, а меня зовите Седой,— сказал Антонов.

Так Сергей попал в группу к Седому, которая организовывала людей. Люди, имевшие опыт войны в Афганистане, Чечне, рассказывали друзьям, как можно остановить танк, как правильно разговаривать с украинскими военными, которые совсем не хотели выполнять приказ и стрелять в мирное население. Женщины готовили обеды и кормили украинских военных. Мужчины проводили с ними беседы. Уговаривали их сдать оружие и технику, не стрелять в мирное население. Многие военные так и делали. Они сдавали и оружие, и технику и уходили по домам. Группа училась стрелять, уходить от слежки. Мирные люди учились выживать и бороться в условиях гражданской войны. И то, что она скоро будет, никто уже не сомневался.

2.

Галка приготовила обед, и, как всегда, собиралась немного погулять на улице. Ей доктор порекомендовал больше ходить. Через неделю у нее подходил срок родить. Мать Елена Владимировна не отпускала свою дочь одну и тоже собиралась с ней.

— Мам, сегодня что-то малыш разбушевался. Ворочается и толкается, словно поскорей хочет на волю,— Галя нежно погладила свой большой живот.— Знаешь, мне кажется, что я его уже никогда не рожу.

— Не говори глупостей, не волнуйся. Больше положенного срока не задержится. Ты выпила молоко? — Елена Владимировна закрыла дверь, и они вышли на улицу.

Все мысли Гали были о малыше. Подготовка к появлению ребенка приносила ей много радости и счастья. Она очень боялась, что забудет что-то очень важное купить. Будущая мама каждый день перебирала приданое малыша, переглаживала пеленки, чепчики, распашонки. Она поставила кроватку малыша в своей спальне и украсила ее игрушками, а в коридоре стояла модная коляска, в которую Галя сама связала матрасик, подушку и одеяло. Галина уже знала, что родится девочка и придумала ей чудесное имя Светлана. И как это здорово звучит — Светлана Егоровна Пирогова. Галя представляла своего Светика то знаменитой

актрисой, то талантливым доктором, то успешным инженером. Она непременно отдаст ее в музыкальную школу, и непременно на фортепьяно. Это так красиво, когда девочка умеет играть на пианино. Ее Света будет хорошо знать несколько иностранных языков. Ведь ее ребенок будет полиглотом. Она будет похожа на Егора. У нее будут такие же красивые большие глаза, как у него. А губы, пожалуй, будут ее, такие же точеные и пухленькие. Да, Светлана будет и умной, и красивой. Самой красивой в городе. Счастливая Галина вся погрузилась в эти приятные и радостные мысли и хлопоты. Она была самой счастливой женщиной на свете.

У подъезда они встретили Егора.

— Галя, купите хлеба,— сказал Егор, целуя жену в щеку,— совсем забыл зайти в магазин.

— Хорошо, котлеты на плите. Начисти картошку. Мы скоро,— ответила ему Галя.

И вдруг она задержала его руку.

— Пойдем с нами. Егор, мне что-то тревожно. Да и Светка не унимается сегодня.

— Нет, Галь, пойду лучше чистить картошку. Далеко не ходите. Погуляйте в сквере и домой обедать, а я пока сварю картошку. Не забудьте купить хлеб. Пока.— Он еще раз чмокнул Галю.

На улице солнце пригревало. В воздухе пахло лопнувшими почками и молодой листвой. Солнце баловало теплом, и люди с наслаждением грелись в лучах весеннего солнца. Галя присела на лавочку и прикрыла сумочкой свой живот. Светланка постоянно толкалась, от чего платье у женщины ходило ходуном.

— Мам, давай посидим. Что-то малышка разбушевалась.— Галя погладила свой живот.— Даже не знаю, что с ней сегодня творится.

— Скоро познакомишься с ней,— расстегивая куртку и садясь возле дочери на лавочку, сказала Елена Владимировна.

— Да, сегодня жарко, скоро лето. Скорей бы уже родить. Тяжело ждать.— Галя внимательно посмотрела на мать.— Мам, а какая она будет? Знаешь, у меня такое чувство, что я никогда ее не увижу. Пообещай мне, если со мной что-то случится, ты не оставишь Свету и Егора. Пообещай, что будешь помогать Егорке растить ребенка.

— Да тьфу на тебя. Что за мысли в твоей голове крутятся. Не ты первая, не ты последняя проходишь через это. Ничего ни с тобой, ни с ребенком не случится. И выбрось эти мысли из головы.

Галина как-то грустно посмотрела на мать.

— Ладно, мам, как ты думаешь, все ли мы приготовили в роддом?

— Галь, ты уже всех утомила. Мы сегодня опять все пересмотрели, все сложили в сумку. Если и что-то забыли, то мы с Егором принесем. Успокойся ты уже.

Галя опять погладила свой живот.

— Ну что ты разбушевалась, Светочка, мама с тобой. Все будет хорошо, малыш, все будет хорошо,— повторила она, как бы успокаивая не малыша, а себя.

Елена Владимировна достала бутерброд и протянула его дочери.

— Покушай, может, она есть хочет.

Галя послушно взяла бутерброд и стала есть.

Мать обняла дочь за плечи и притянула к себе. Галина почувствовала защищенность в объятиях матери. Тревога немного притупилась, и она положила голову матери на плечо. И вдруг над головами женщин раздался гул самолета. Беспокойство, нахлынувшее сверху, накрыло женщин, словно покрывалом. Елена Владимировна вскочила с лавочки и потянула Галю за рукав.

— Доченька, нам надо скорее отсюда выбираться. Скорее милая, скорее,— заторопила она Галю.

Не успела перепуганная Галя встать, как раздались взрывы. Они звучали все ближе и ближе. Елена Владимировна инстинктивно закрыла дочь. В это время рядом взорвалась бомба. Галя обняла свой живот. Света сильно толкнула ее в живот и замерла. Женщина еще мгновение вдохнула воздух. Страшная боль пронзила ее спину. Последнее, о чем она подумала, это то, что она никогда не сможет увидеть ни ребенка, ни мужа, ни мать. Она упала, упала и Елена Владимировна, которая даже мертвая прикрывала дочь своим телом.

3.

Егор сварил картофель, и сидел на кухне в ожидании жены и тещи. Как вдруг квартиру потрясли сильные взрывы. Стекла задрожали, но выстояли. Предчувствие беды, болью кольнуло в сердце. Страх, неведомый доселе, сковал его тело. Но это не был страх за свою жизнь, это был страх за семью. Перед глазами стояло улыбающееся лицо Галки, почему-то с ребенком на руках. А за ней стояла Елена Владимировна и улыбалась ему своей открытой улыбкой. Егор подбежал к столу, трясущими руками взял телефон, набрал Галю. Телефон молчал. Егор, как был в спортивном костюме, так и выскочил на улицу. Ноги сами его несли в скверик, где они с женой любили гулять. Он не замечал прохожих, которые спешили в его направлении. Сердце у мужчины билось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

В скверике, после бомбежки, некогда прямые дорожки и деревья были вырваны, словно после урагана. Крона деревьев валялась под ногами, затрудняя проход людям.

Трупы, лежащие на аллее, были накрыты. Их было четверо. Егор остановился, глядя на страшную картину.

— Только бы здесь не было моих,— повторял он бледными губами,— только бы не было моих…

Его взгляд остановился на теле, которое лежало с краю. Видно, что женщина была в положении. Егор не хотел верить своим глазам.

— Нет, это не Галка, нет, это не она,— убеждал он себя,— мало ли беременных в городе. Конечно же, нет,— отвечал он себе.

Но легче на душе не становилась. Когда он увидел туфли и сумочку, нервы его не выдержали. Егор с криком бросился к телу, сорвал покрывало, которым был накрыт труп и, обхватив голову руками, упал рядом с Галей.

Очнулся он в больнице. Над ним склонился Сергей.

— Ну, слава Богу, очнулся,— сказал он.— Тебе что-то надо? Говори, я принесу.

— Скажи, Серый, Галка моя мертва?

Сергей утвердительно кивнул.

—А теща? — в голосе Егора проскользнула надежда.

Сергей не сразу ответил. Он наклонился над Егором и, отведя глаза в сторону, тихо произнес:

— Они погибли вместе. Держись, Егор, держись.

— Уйди, я хочу остаться один. Уйди, Серый,— в голосе Егора проскользнули нотки злости.

— Я все понимаю. Сейчас уйду,— Сергей похлопал по руке Егора.— Может мне сообщить брату Гали о трагедии?

Егор приподнялся на кровати.

— Да кто тебя просит вмешиваться в мои дела? Да какое вам всем дело до моих бед? Я сам все сообщу без вас. Это вы виноваты в смерти Гали, вы! Ненавижу всех вас! — закричал Егор.

Сергей вышел в коридор.

— Сестра, позовите доктора. Егору Пирогову нужна его помощь.

— Да, конечно,— проговорила медсестра и поспешила за доктором.

— Скажите, доктор, это серьезно с Пироговым,— спросил Сергей доктора, выходящего из палаты.

— У человека нервный срыв. Подержим его у нас еще пару недель, и можете забирать.

Только знаете, я вас попрошу, первое время желательно, чтобы с ним находились родные, друзья. Ему надо помочь пережить эту утрату.

— Понял. Вы не могли бы узнать у него телефон брата Галины, он, по-моему, живет где-то в Киеве.

— Я постараюсь. Зайдите ко мне завтра.

Егор пролежал в больнице три недели. Он не хотел никого видеть. Люди его раздражали.

Мужчина стоял у своего подъезда и не решался зайти в квартиру. Ему везде казалась Галя. Вот сейчас она откроет дверь и с улыбкой подойдет к нему. Постояв довольно долго возле дома, он решил войти в подъезд. Ноги, словно стальные приросли к полу, боясь сделать шаг к квартире. Егор сделал усилие и поднялся по лестнице. Вот и квартира. Ключ не сразу попал в замок. Мужчина приложил усилие, и дверь послушно открылась. Он стоял на пороге своего дома. Вот сейчас он услышит Галин голос, такой родной и знакомый: «Егорка, скорей мой руки и за стол. Я пожарила котлеты, сварила картошку. Мы с мамой только ждем тебя. Давай, милый, быстрее, а то я уже проголодалась».

Но в квартире было тихо, и от этой тишины он, казалось, оглох. Невыносимая боль сковала сердце. Он прошел в комнату и сел в кресло. Комната еще хранила тепло Галиных рук и запах ее духов. Вот в этом кресле она любила сидеть и вязать малышу пинетки. Вот и корзинка с клубками ниток стоит на журнальном столике. Здесь же стоит сумка с приданым Светика, которую Галя собрала в роддом. Вон там, на кухне жена жарит его любимые котлеты. Он даже слышит шипение сковороды и аромат котлет. Вот сейчас Галя выйдет из кухни и пойдет смотреть телевизор. Он даже слышит шорох ее торопливых шагов. Егор напряг свой слух. Как бы было хорошо, если бы этот кошмар был просто дурным сном. Вот сейчас он откроет глаза и все будет по-старому. Галя и теща дома, и не было той бомбежки, и тех страшных смертей.

Похороны жертв бомбежки прошли, как в тумане. Егор совсем не помнил, что происходило. Провожать в последний путь Галю и Елену Владимировну пришел, казалось, весь город. Он постарался вспомнить похороны, но кроме плача и бесконечного потока людей, ничего не мог вспомнить. К нему подходили незнакомые люди, что-то ему говорили, но что, он не мог понять. Ему казалось, что это все происходит не с ним, а с кем-то другим. Вот сейчас к нему подойдет Галя, и они пойдут домой. Но Гали не было. Он даже подумал, что она осталась дома. Ей ведь нельзя расстраиваться. Сердце Егора не хотело смириться с действительностью. Не хотело и все тут. Он невольно ждал, что жена вот-вот постучится в дверь. Мужчина понимал, что потихоньку сходит с ума, но ничего с этим сделать не мог, да и не хотел. Он погрузился в свое горе, отстранился от друзей и соседей, которые пытались как-то помочь ему. Но мужчина никого не пускал ни к себе домой, ни в свою душу. Он не выходил из своей квартиры, и все решили, что он уехал из города.

4.

Каждый день украинская армия обстреливала город. Каждый день погибали мирные жители. Ополченцы организовали блокпосты, где дежурили по нескольку часов. Группа Седого охраняла западную дорогу к городу. Украинская армия отказывалась выполнять приказы своих командиров стрелять в мирных жителей. На блок посты женщины приносили еду и кормили голодных защитников, а также представителей армии Украины. Матери понимали, что начинается гражданская война на их родной земле, прятали сыновей от

призыва в армию, тем самым предотвращая братское кровопролитие. Но вот прошел слух, что в украинской армии появились отряды, которые проходили обучение в Польше и Прибалтике. Эти отряды отличались особой жестокостью. Они убивали, насиловали и грабили мирных жителей. С ними договориться было невозможно. Накаченные наркотиками и спиртным они чувствовали свою безнаказанность, лютовали и, как фашисты, спокойно убивали женщин, детей и стариков. Разведчики донесли, что эти уроды, прежде, чем убить людей, жестоко пытали их. Пытки были пострашнее, чем во время Великой Отечественной.

Май на редкость выдался теплым, и лишь по ночам было прохладно. Брат Гали Илья Глушко собирал подписи за проведение референдума в Одессе возле дома профсоюзов. До него дозвонился Сергей, друг Егора и Гали Пироговых и сообщил ему о смерти матери и сестры, поэтому Первомай он провел в сборе подписей, чтобы хоть чуточку приглушить боль утраты. Он планировал после майских праздников поехать к Егору и посетить могилу родных. Илья увидел группу людей, вооруженную битами, арматурой, палками, на которых были одеты что-то вроде маленьких кос. Эта оголтелая невменяемая банда переворачивала палатки, избивала людей. Послышались крики и люди бросились бежать. Илья только успел собрать списки, спрятать их в карман и отскочить в сторону. Он почувствовал сильный толчок и удар по голове. Глушко упал, последними, что он увидел, были пылающая палатка и убегающие люди. Когда Илья пришел в себя, дом профсоюзов уже горел. Он попытался встать, но страшная боль заставила его застонать. Какая-то женщина склонилась над ним.

— Потерпи, сынок, мы уже вызвали и скорую, и пожарную, вот только что-то они не спешат.

— Я должен быть там, с людьми. Я активист и в ответе за них.

Илья встал. По щекам и подбородку текла кровь.

— Да куда ты пойдешь? Посмотри, туда не попасть. У меня там сын. Я тоже не могу попасть к нему. Посмотри, что творится. Дом профсоюзов окружили уроды, которые не выпускают из огня людей.

Женщина достала из сумочки духи, носовой платок, который обильно смочила жидкостью из флакона, и стала обтирать кровь у парня. У Ильи сильно болела голова, постоянно тянуло на рвоту. Он то терял сознание, то приходил в себя. И то, что он видел, было ужасно. Обгорелые и окровавленные люди в отчаянье прыгали из горящего дома. Внизу бандеровцы, заставляя их проходить сквозь строй оголтевших бандитов, избивали палками раненых. Слышались крики, стоны и просьбы о помощи. Зазвонил телефон. Женщина подняла трубку и стараясь перекричать гул закричала:

— Сынок, дорогой, где ты и что с тобой?

Илья отчетливо слышал, как парень быстро заговорил:

— Прощай, мамочка. Я тебе редко говорил, что я тебя сильно люблю. Прощай, не плачь. Я тебя люблю. Дверь сейчас ломают эти выродки. Мамочка, я ни о чем не жалею. Будь сильной. Помни, родная, что я тебя очень….

Было слышно, как раздались удары, ругань и как говорящий упал на пол.

— Сынок, сынок, ты меня слышишь? — кричала женщина.— Господи, что там происходит? — Она беззащитно смотрела на Егора, широко раскрытыми глазами.

— Максимушка, родной, только будь живой. Прошу тебя, малыш, держись, держись, сыночка. Не умирай! — кричала она в глухую трубку.

Неожиданно она выпрямилась, подняла с асфальта брошенную кем-то палку, и смело пошла на бандеровцев. Егор еле успел схватить ее за платье. Он прижал ее к себе бормоча:

— Еще ничего не известно. Может, он и живой. Давайте подождем. Милая моя,— он гладил незнакомую женщину по волосам и все говорил и говорил ей что-то, стараясь успокоить дрожащую от горя мать.

5.

Было уже за полночь, когда машина остановилась возле дома. Илья поблагодарил случайного попутчика-водителя и вышел. Он достал ключи от квартиры, но открыть подъезд не решился, сел на лавочку. Мужчина вспомнил маму, детство и младшую сестренку Галчонка.

— Как, как так получилось, что вы погибли,— смотря на темные окна своей квартиры тихо произнес он,— хоть бы Егор был дома. Так нет, Серый сказал, что он куда-то исчез. Мамочка, родная моя, ну как мне сейчас зайти в квартиру, что мне делать?

Немного помедлив, он резко встал и открыл подъезд, где было темно. Быстро поднявшись на четвертый этаж, он долго не мог попасть в замочную скважину. Наконец, это ему удалось, и дверь открылась. Щелкнул выключатель, и Илья прошел в зал. На журнальном столике стояла корзинка с вязанием, рядом стопочкой лежали пеленки, распашонки, ползунки, чепчики. Тут же были разбросаны фотографии Гали, мамы. Илья сел в кресло и стал рассматривать фото. Вот здесь Галочка совсем маленькая, А вот здесь они всей семьей на море, а вот это свадьба Гали и Егора.

— Положи на место. Ты кто такой? — услышал Илья за своей спиной.

Он повернулся. Перед ним стоял Егор. Его трудно было узнать. Похудевший, с синяками под глазами и каким-то нездоровым блеском в глазах. Егор равнодушно произнес:

— А, это ты. Что же ты не приехал на похороны?

— Да не смог. Сам чуть остался живым. Если бы не одна женщина, давно бы убили бандеровцы.

— Хорошо, хорошо.— Казалось, что Егор совсем не слушает Илью.

— А ты давно приехал? — спросил Илья.

— А я никуда не уезжал. Тебя Серый и Витька прислали? — спросил Егор и сам ответил: — Никого не хочу видеть. Никого. Хочу умереть, чтобы побыстрее быть с Галкой и малышкой.

— Я вообще-то приехал домой. Не скрою, Серый с Витькой мне постоянно звонили. Предложили вступить в ополчение.

— Зачем, зачем тебе это надо? — Егор недовольно сморщил нос.

Неожиданно он подошел к Илье.

— Слушай, брат, похорони меня рядом с Галочкой. Обещай мне это.— Егор пристально посмотрел в глаза Ильи, который встал с кресла и прошелся по комнате.

— Хорошо, обещаю. А в ополчение я решил вступить, чтобы отомстить за мать и сестру. А ты сиди и жалей себя. Скорби, убивайся. Галка просто счастлива, что мужик ее оказался таким хлюпиком.

— Да что ты понимаешь? Что ты понимаешь в моем горе? Я потерял за одну минуту семью. Тебе не понять.

— Да куда мне понять твое горе. Я ведь потерял не семью, а только маму и сестру. Куда мне понять твое горе. Я в отличии от тебя отомщу за них, а ты, хлюпик, сиди и жалей себя. Посмотри во что ты превратился. На тебя противно смотреть. Похудел. Глаза блестят нездоровым блеском. Еще день другой, и ты или умрешь, или превратишься в психа. Вот что, бедолага. Я только что приехал, я хочу есть. Быстро на кухню и приготовь ужин,

Илья нарочно как можно больнее и грубо стал говорить с Егором. Он видел до чего дошел его зять в своем горе. И надо было как можно быстрее вывести его из этого состоянии. И самое разумное это не жалеть его сейчас.

— А у меня ничего нет. Хотя постой, по-моему, где-то осталось гречка,— Егор поспешил на кухню и загремел посудой.

— Прости, Ильюха, я совсем с ума сошел со своим горем. Я очень рад, что ты приехал. Теперь мы будем вместе. Ты прости меня. Ты тоже потерял семью,— говорил Егор, ставя на стол кастрюлю с кашей.

— Ладно, братуха, прорвемся,— Илья улыбнулся. Он видел, что Егор немного отвлекся и чем-то занялся.

Илья достал из сумки колбасу, жаренную курицу, тушеную картошку.

— Давай разогреем и поедим.

— Зачем же ты заставил меня варить кашу? — с обидой спросил Егор.

— А что мне оставалась делать? Ты был в таком состоянии, что я стал опасаться за твое здоровье. Ладно, здравствуй, брательник.— И они обнялись.

Постепенно Егор стал приходить в себя. Он заметно поправился, мысли в голове перестали путаться, но ходить на кладбище каждый день, он так и не мог отвыкнуть. В его квартире частенько стали появляться Сергей и Виктор. Они подолгу о чем-то шептались с Ильей на кухне и почти каждую ночь где-то пропадали. На вопросы Илья или отшучивался, или переводил разговор на другую тему. По городу поползли слухи, что обученные бандеровцы, обстреливавшие город, получают ответку. Организованные группы повстанцев, уничтожают убийц мирного населения.

6.

Сергей частенько попадал на задания с Рябинушкой. Оказалось, что она метко стреляет и уже проходила стажировку у Ильича — инструктора по стрельбе. Об Ильиче Сергей лишь знал, что тот был когда-то чемпионом области по стрельбе и сейчас учил стрелять повстанцев. Ходили слухи, что он был в Афгане, но толком никто о нем ничего не знал. Рябинушка всегда прикрывала группу Седого, когда та уходила на задание. Как-то незаметно для себя Сергей стал ловить себя на мысли, что часто думает о девушке, беспокоится о ней, когда не видел ее несколько дней. В его сердце поселилась любовь и то, что это была любовь, он точно знал. Никогда он не хотел постоянно быть ни с одной из женщин и заботиться о ней. Никогда ни одна женщина не тревожила его сон и мысли, как Рябина. Рябинушка же была с ним приветлива, впрочем, как и со всеми, что порождало в его сердце ревность. Он старался быть с ней рядом. Просто так, как бы случайно коснутся ее руки, поправить ей волосы, достать из-под свитера цветок и протянуть его ей. Его пьянил аромат ее волос. Ему нравилось, как она поворачивает голову, поправляет сережку в маленьком ушке. С каждым днем Рябинушка нравилась ему все больше и больше, но девушка, казалось, не замечала его. При встрече их глаз она лишь смущенно опускала их и отводила в сторону. Сергей понимал, что не время сейчас влюбляться. Но разве любовь спрашивает разрешения, и ей наплевать хочешь ты этого или нет, идет война или мирно светит солнце. Она приходит и делает человека счастливым, несмотря ни на что. Парень заметно похудел, что стало беспокоить друзей, но на все вопросы Серый лишь улыбался и отшучивался. Виктор замечал, как блестят глаза друга при встрече с Рябинушкой, как дрожит его голос, когда та спрашивает его о чем-либо. Сергей, или как все его называли Иваном, влюбился и это новое для него чувство тревожило и пугало его. Умом он понимал, что идет война, что может погибнуть и он, и она, и что не время на эти глупые охи и ахи, но ничего не мог с собою поделать. Его не волновало, что он не знает о Рябинушке ничего, даже настоящего имени девушки. Он любил ее, любил и был счастлив, когда просто видел ее удивительной красоты глаза, ее русую косу, ее улыбку.

Группа получила задание прикрывать мирное население. В группе мирных были дети, женщины и старики. Это были семьи повстанцев, отправляемые ими в Россию, к родственникам. Шли тихо, стараясь не разговаривать. Где-то по близости работал бандеровский снайпер. Этот снайпер работал по гражданским. На его счету были дети и женщины. Группа Седого давно охотилась на этого убийцу, но вычислить его не удавалось. Солнце еще не взошло, когда группа перешла границу. Рябинушка шла рядом с Сергеем. Сергей пытался с ней завести разговор, но девушка только улыбалась или касалась пальцем своих губ, давая понять, что надо соблюдать тишину. Снайпера на этот раз удалось избежать, и ребята были довольны, что из мирных никто не пострадал и группа вернулась с задания без потерь. Подойдя к городу Серый коснулся руки Рябинушки.

— Слушай, почему ты избегаешь меня? — глядя в глаза девушки спросил Серый.

— Вовсе нет,— смутилась та.

— Ты не видишь, что мне нравишься,— не выпуская ладони Рябины из своих горячих от волнения рук, тихо произнес он.

— Извини, но сейчас не время думать о глупостях,— убирая свою ладонь, сказала девушка.

— А это ничего, что я потерял сон. Я постоянно думаю о тебе. Разве это глупости? — повысил голос Сергей.

Рябинушка внимательно посмотрела на него.

— Ты обо мне ничего не знаешь. Не могу я никого любить. У меня был муж. Хороший, самый лучший на свете. Понимаешь, Иван, бандеровцы его убили. Вот здесь,— она коснулась груди,— пусто. Здесь живет только боль и ненависть к этим уродам. Я должна отомстить за него. Извини,— она виновато посмотрела ему в глаза и ушла.

Сергей долго смотрел ей вслед. Она уже скрылась за поворотом, а парень все стоял и смотрел куда-то вслед уходящему счастью. Сердце его ныло от тоски и боли. К нему подошел Виктор.

— Ты домой? — поинтересовался он.

Сергей не сразу понял, что это к нему обращаются.

— Что? Что ты спросил? — наконец очнулся он от своих мыслей.

— Я спрашиваю, ты домой? — Виктор внимательно посмотрел на Сергея.— Слушай братишка, ты не подумай, что я лезу не в свое дело.— Он замялся, подыскивая подходящие слова.— Но понимаешь, Серый, я уже давно замечаю, что тебе нравится Рябина.

— И что, ты один это замечаешь? — Сергей закурил сигарету.— Или кто-то еще замечает.

Виктор коснулся плеча друга.

— Думаю, что многие догадываются. Это так заметно.

— И что, это запрещается, или это преступление? И вообще кому какое дело до меня и моих чувств. Я что должен спрашивать разрешения у всех что ли?

— Да нет, просто я слышал, что у нее был муж, ребенок. Говорят, что бандеровцы убили и мужа, и ребенка. Представляешь, что у нее творится в душе. А тут ты, со своей любовью.

— Да она мне про мужа только что рассказала. Бедная девочка, что ей пришлось пережить.— Сергей бросил сигарету на землю. Ладно, я все понял. Но любить ее мне никто не может запретить. Я все равно буду стараться быть с ней рядом.

Сергей посмотрел на Виктора.

— Никто. Ты понял? Я ее люблю, как никого на свете. Если не считать мамы. И давай больше не касаться этой темы.

— Как скажешь.— Виктор улыбнулся.— Ну что, домой?

— Да, пожалуй.

И друзья скрылись за остановкой.

7.

Илья Глушко взял себе позывной Галка в память о сестре. Егор Пирогов был погружен в свое горе и совсем перестал интересоваться, где пропадает Илья по ночам. Он по-прежнему каждый день ходил на кладбище и все также ждал, что Галка придет домой. Илья сначала пытался убеждать Егора, объяснять, что Галя и мама уже никогда не вернутся и что надо перешагнуть через это горе и жить дальше, но Егор ничего не хотел, да и не желал слушать, и Илья перестал надоедать Пирогову своими нотациями. В конце концов, это его жизнь и коль хочет он считать Галю живой, то пусть так и будет. Хочет рассказывать ее фотографии, как он провел день, что думал, что делал, это его право. Если ему так легче, то пусть так и будет. Он даже советовался с психиатром, который ему сказал, что Егору просто так легче переносить утрату. И такое поведение мужчины защитная реакция от стресса. Чтобы Егор не впадал в депрессию, Илья нагрузил его работой. Теперь в его обязанности входило сходить в магазин, приготовить обед, вынести мусор и убраться в квартире. И это помогало Егору жить дальше.

Как-то Галка подошел к Рябинушке.

— Слушай, я опасаюсь за своего зятя. Понимаешь, у меня погибли при бомбежке сестра и мама. С тех пор мой зять каждый день ходит на кладбище, разговаривает с ними, ждет домой. Я опасаюсь, что у него все же тихо едет крыша. Ходят слухи, что ты пережила нечто подобное.— Егор внимательно посмотрел девушке

в глаза.— Я очень прошу тебя, попробуй поговорить с ним. Может у тебя найдутся для него нужные слава, помоги ему. Прошу тебя.

Рябинушка долго молчала. Ее глаза наполнились слезами. Она старалась их удержать, но они предательски потекли по щекам.

— Хорошо,— наконец проговорила она. Приходите в кафе «Ласточка» в три часа. Я буду вас ждать. Я постараюсь с ним поговорить. А ты обращался к врачу? — спросила она.

— Да, он мне сказал, что это защитная реакция организма и что это должно пройти, само собой. Но прошло уже довольно много времени, а он не выходит из этого состояния. Я опасаюсь, что он реально может сойти с ума.

— Хорошо. Жду вас в кафе,— повторила она и ушла.

В кафе было прохладно и малолюдно. Редкие посетители быстро заглядывали в кафе и, не задерживаясь, быстро уходили. Рябинушка села за столик. К ней подошла миловидная официантка.

— Здравствуйте! Что будете заказывать?

— Чашечку кофе, пожалуйста.

— Вот так сейчас все. Редко кто делает хорошие заказы. Если будет так продолжатся, придется закрывать кафе, пожаловалась официантка и скрылась за стойкой.

Вскоре перед Рябинушкой появилась чашка ароматного кофе. Девушка пригубила горячий напиток и поставила чашку на столик.

Она вспомнила мирное время, когда она вместе с мужем Олегом и сынишкой Женей приходили сюда. Играла музыка, столики все были заняты, и она, Настя, была счастливой женой и матерью. Настя была замужем уже пять лет. Женьке было четыре. За все время они с мужем ни разу не поругались. Настя с непониманием слушала подруг, когда те рассказывали о том, что муж изменяет, не помогает. Ее Олег был лучший. Он всегда был рядом, любящий, понимающий, любимый. Казалось, что счастье будет вечным. В тот день они встали рано. Женька прибежал к ним в спальню и закричал:

— Мам, пап, вставайте. Сегодня мы идем гулять в парк.

Они позавтракали и вышли на улицу. Солнце пригревало. Женька постоянно торопил родителей. Она помнила каждую секунду того утра, каждую улыбку сына и мужа, каждый жест. Вот и сейчас она прокручивала в голове те минуты. Женька побежал вперед, крича:

— Пап, догони!

Помнится, она сказала Олегу:

— Смотри, сразу не догоняй. Пускай почувствует себя сильным и ловким.

Муж поцеловал ее в щеку, успел шепнуть ей:

— Не волнуйся, любимая. Он у нас и так настоящим мужиком растет.

И побежал за сыном, а она, она замедлила шаг, не выпуская своих мужчин из поля зрения. Если бы только она знала. Если бы только знала, что через секунду раздастся взрыв, и ее семья погибнет. Если бы только она знала. Настя закрыла глаза, и та страшная картина вновь пронеслась у нее перед глазами. Олег лежал на земле с широко раскрытыми глазами. Он смотрел на небо, улыбка застыла у него на губах. Женя лежал чуть поодаль. Маленькое тело было все в крови. Она подняла его на руки. Он показался ей совсем маленьким и невесомым. Она прижала его к себе и только повторяла:

— Сыночек, мой маленький. Сейчас приедет скорая. Прошу, маленький, потерпи. Подбежавшие к ней люди еле забрали у нее труп, который Настя прижимала к себе. Она разжала руки только тогда, когда приехала скорая. Олега и Женю погрузили в машину и увезли. Ее посадили в другую скорую, где ей делали какие-то уколы. Дальше она плохо помнила события. И вот Настя здесь. Она должна отомстить за них. Она никогда не простит убийцам своего сына и мужа. Она научится метко стрелять и непременно отомстит. И вот она снайпер. Она ненавидит убивать. Но если не она, то эти убийцы будут безнаказанно убивать детей. И этого допустить она не имеет права. Ради жизни, ради будущего своей Родины она должна защищать, если не своих детей, то детей своих друзей, свою мать, сестру. И она только крепче прижимала свое ружье, светку, так называли снайперскую винтовку, когда выполняла задание. И каждый раз на душе становилось тяжело. Она понимала, что перед ней бандеровцы, а они убийцы, вечно пьяные. Они насиловали, убивали и грабили. И между ней и ими с каждым днем, да что там днем, с каждой минутой, с каждым убитым ребенком образовывалась пропасть, которую невозможно было преодолеть. Настя вспомнила мужа, перед глазами всплыло окровавленное тело сынишки, сердце сковало боль и тоска.

— Привет, сестренка.

Рябинушка подняла глаза. Перед ней стояли Илья и Егор.

— Привет,— улыбнулась она им.

— Познакомься, это мой зять Егор.

— Муж его сестры,— пояснил Егор, садясь рядом с девушкой.

Илья обратился к Рябине:

— Что тебе заказать?

— Я себе заказала кофе. Спасибо, но ничего не хочу.— Илья хотел ей возразить, но она повторила: — Я уже сделала заказ, спасибо.

— Тогда и нам два кофе,— сказал Галка официантке.

Немного поговорив о природе, вспомнили и о мирном времени. Илья посматривал на Настю, которая неторопливо пила свой кофе. Затем сказал Егору:

— Вы тут еще поговорите, а я покурю. Извините.

Он встал и вышел из кафе. Ему хорошо были видны и Рябина, и Егор, которые о чем-то сосредоточенно разговаривали. Было видно, как поначалу им с трудом давался разговор, но они понимали друг друга. Илья давно докурил сигарету, а ребята все разговаривали. Егор взял Рябинушку за руку и поднес ее к губам. Но это был поцелуй брата и преклонения перед девушкой. Илья видел, как они плакали. Вместе, смотря друг другу в глаза. В каждом движении, в каждом взгляде Галка видел боль и страдание этих двух людей. И эта боль передалась ему, Илье. Он чувствовал ее физически, и слезы текли у него из глаз. Он вспомнил и сестру, и маму, которые невидимые присутствовали при том разговоре. И Илья точно знал, что и муж, и сынишка этой, по сути, девочки, тоже здесь. Прошло часа два, а они сидели за столиком, перед ними стояли чашки с кофе, но они говорили, говорили и говорили. Илья не решался прервать их доверительный разговор. Стемнело. К столику подошла официантка.

— Извините, но мы уже закрываемся,— сказала она, внимательно посмотрев на Рябинушку.

— Конечно, конечно. Мы уже уходим,— засуетилась девушка.

Егор и Рябина вышли из кафе. К ним подошел Илья.

— Ну что, поговорили? — поинтересовался он.

Егор молча кивнул головой.

— Мы тебя проводим,— обратился Илья к девушке.

— Спасибо, братишка, но это совсем лишнее. И вообще, извини, но мне надо побыть одной. Пока.— И она поспешила на остановку.

8.

После разговора с Рябинушкой Егор изменился. Он перестал ждать Галку, разговаривать с ней, как будто она где-то дома. Он даже перестал ходить на кладбище каждый день. У него появился смысл в жизни. Илью это радовало. Наконец Егор перестал думать о смерти. Илья стал замечать, что Егор стал пропадать по ночам. Сначала его это радовало. Мужик стал интересоваться прелестями жизни. Он твердо был уверен, что у того появилась другая женщина.

— Слушай, братишка, у тебя кто-то появился? — задал Илья давно мучавший его вопрос.

— С чего ты взял? — Егор удивленно посмотрел на брата.

— Просто я стал замечать, что ты где-то пропадаешь по ночам.

— Странно, что ты это заметил, ты ведь и сам частенько не ночуешь дома.

— Если не хочешь, не отвечай.

— Запомни, что Галку мне никто не сможет заменить. А пропадаю я на заданиях. Ты что, думаешь ты только один можешь мстить за них. Просто я понял, что в ополчение приходят такие вот люди, как и я. Даже девочки взяли оружие в руки, чтобы защитить свои семьи. Слушай, Илья, я часто думаю, если бы я раньше это понял, может быть, и Галка моя была бы жива. Я ведь как думал, пускай другие воюют, а меня это не касается. Оказалось, Ильюха, что касается. Еще как касается.— Егор прошелся по комнате.— Рябинушка водила меня на детское кладбище, знаешь, вот где настоящее горе. Мое горе по сравнению с этим… Знаешь, я понял, я многое понял... Лучше умереть там, за них, чем жить, как я последнее время. Я ведь не жил, я существовал. Я жил своим горем, ничего и никого не видел вокруг себя. Я ведь просто потихоньку сходил с ума. Спасибо тебе, брательник, что познакомил меня с Рябинушкой. Знаешь, я обрел в ее лице сестру. Благодаря ей я многое понял… Ты будешь смеяться, но я рад, что могу защищать других детей и матерей. Я чувствую их горе, их боль… Как ты думаешь, моя Галка одобрила бы меня?

— Она бы гордилась тобой, Егор.— Илья подошел к Егору и повторил: — Гордилась. Я рад, что ты с нами, братишка. И как тебя звать при всех?

— Я решил, раз Галка ты, то я буду Светом. В память о моей дочурке.

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

Писатель, журналист. Публикации: «Литературная Россия», «Истоки», «Муза» (Москва), «День и ночь», (Красноярск), «Невский альманах», «Приокские зори», «Ковчег» (Тула), «Нива» (Целиноград), «Крылья», «Параллели» (Самара), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Складчина», «Пилигрим», «Преодоление», «Тарские ворота» (Омск) и др. Автор более двадцати художественных книг. Дипломант областного конкурса «Лучший рассказ XXI века» (2008), Купринского конкурса «Гранатовый браслет» (2021), шорт-лист международного конкурса «Центр Европы» (2018), финалист международного литературного конкурса «Чистая книга» им. Ф. Абрамова (2019), лауреат 7-го международного конкурса «Они сражались за Родину» (2020), лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2021). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЗАГАДКА

По словам вечно недовольной всем на свете редакторши выходило, что он, Павел Синявин, должен не вылезать из заводских цехов, прямо жить там. «Надо держать руку на пульсе! Все знать: где что перестроили, где подключили новый станок, кто получил повышение, кто уволился, у кого в семье пополнение. А уж ФИО всех руководителей и начальников цехов, как «Отче наш» наизусть». И это на огромной территории, где безостановочно мельтешил людской муравейник в десять тысяч рабочих рук. Синявина так и подмывало спросить: «А на Луну слетать не надо в обеденный перерыв?..» Но неугомонная шефиня, которая при своем законном центнере веса порхала как бабочка — сейчас здесь, через минуту там,— не любила чужих иносказаний, только свои доморощенные...

В редакции заводской многотиражки было три человека: главнокомандующая (сама себя так величала) с соответствующей фамилией Маршалова, ее заместитель Синявин и корреспондентка-самоучка Соня Зотова. Она прилично знала фотошоп и верстку в индизайне, вот ее и взяли. «Как видишь, в нашем коллективе на одного работника два начальника»,— пошутил однажды Павел, видя, как сорокалетняя Соня скоропалительно во время обеденного перерыва готовит себе кушанье из половинки «Ролтона» и плавленого сырка. Такая вот экономия на спичках, коль давит на хрупкие плечи ипотека.

Шефиня всегда законным образом утром опаздывала ровно на час. В это время надо было сидеть на телефоне и всем отвечать: она только что вышла и скоро вернется.

Едва Маршалова к десяти часам нарисовалась, громоздясь в дверном проеме, Павел подхватился и стал надевать куртку.

— Я в четвертый цех,— на ходу сымпровизировал он.

— Найдешь там кого-нибудь из молодых да ранних, директор требует пиарить молодежь в каждом номере.

— Чтобы не разбегалась с завода,— добавил Павел.

— Тебе не говорили, что язык твой — враг твой? — съязвила шефиня.

— А вам? — не растерялся зам.

После обычного обмена любезностями под понятливым взором бесправной Сонечки, всегда сочувствующей обижаемым, он поспешил к ступенькам на первый этаж. Соня втайне была его сообщницей, хотя неукоснительно соблюдала нейтралитет. Справедливая, с первых же дней зауважал ее Синявин. Та сразу поняла, что и он здесь такой же бесправный, так что они, можно сказать, невольные побратимы.

Четвертый цех был недалеко от редакции. Павел прогрохотал по железной узкой лесенке на второй этаж внутренней пристройки, где находился кабинет начальника цеха Плотникова. Его не было на месте, знакомая щепочка-секретарша благожелательно пришла на выручку:

— У нас есть тут молодая-интересная. Ксения, лаборант химанализа. На редкость отзывчивая, просто выше всяких похвал…

— А как ее найти?

— Вот этим проходом между станков до самой арки, а потом налево, там любой подскажет…

Павел прошествовал между гудящих станков с одинаково очкастыми токарями, защищающими глаза круглыми линзами с пластмассовыми дужками, и увидел сбоку арки застекленную каморку. Открыл легкую дверцу и увидел сидевшую за столиком в углу девчушку. По стенам на полках блестели пробирки и склянки с растворами. Беглого взгляда было достаточно газетчику, чтобы вспомнить это выразительное молодое личико. Месяца два назад он мимоходом увидел среди других сотрудниц эту девушку, и что-то дрогнуло в душе. Захотелось бросить все, остановиться и повнимательней всмотреться в эту не похожую на остальных особь, но дела не ждали. Просто мысленно сделал зарубку в памяти: поинтересоваться, кто такая? А потом все как-то выветрилось из вечно занятой головы.

И вот она снова перед его взором. Так вот кто это, да еще такие возвышенные отзывы…

Он с порога привычно начал:

— О вас так говорят, хоть памятник ставить…

— Вы из редакции,— коротко улыбнулась она.— Знаю.

— Заметку о вас все просят написать — просто в один голос…

Девушка в улыбке блеснула ровными зубками, очертания губ при этом у нее сделались слегка ассиметричными, чуть набок. Прямые, перекрашенные в бордовый цвет волосы, равномерно лежащая на лбу челка.

— Не отрываю вас от дел?

— Ну, задавайте свои вопросы,— деловито отреагировала она.

Павел гадал: чем же она так зацепила его? Опять все возвращалось с новой силой — накатывающейся волной. Обежал взглядом ее простое бесхитростное личико, отметил кустистые, почти сросшиеся на переносице брови. Девушка не пыталась выщипывать их. Сама естественность. Значит, не кокотка, не стремится нравиться всем подряд. Вот это выражение самодостаточности на лице, наверное, и заворожило его.

Ему стало несколько затруднительно вести беседу от внезапной неуместной оробелости. Записал в блокнот все необходимые сведения: сколько лет на заводе, что окончила, в чем заключается работа. А потом стал исподволь выяснять, чем она заслужила такое лестное отношение окружающих.

— Об этом лучше у них самих спросить,— ушла девушка от ответа. Но он уже догадался: не отказывается помогать другим в любом деле, если попросят. Такое ценится.

Павлу очень не хотелось покидать этот закуток, хотя материала для небольшой заметки было достаточно. Он продолжал с некоторой неуклюжестью задавать уже какие-то необязательные вопросы, и это стало заметно. Потом спохватился:

— Я через несколько дней, когда напишу, занесу вам просмотреть заметку, чтобы ничего не напутать. Мы всегда так делаем.

— Хорошо.

Он еще раз бросил взгляд на ее сросшиеся брови, и это опять показалось ему таким свойским. Любая девица на ее месте давно бы избавилась от этого, подправив природу, но Ксении, наверное, было все равно. Как это трогательно…

Через пару дней Павел понес готовую заметку в четвертый цех. Конторка лаборантки оказалась запертой. Ему подсказали, что Ксения ушла через проходы в соседний пятый цех, где она тоже берет пробы растворов на анализ. Павел оказался почти в полном полумраке, высоко под увенчанным железными фермами потолком едва теплились редкие лампочки. Какие-то цементные ванны кругом, тяжелый запах реагентов, несмотря на вытяжную вентиляцию, скользкий кафельный пол. Побродил и вот в одном из проулков он увидел лаборантку в своем белом халатике. Она задумчиво бросила, как уже своему:

— Пойдемте ко мне.

Он поплелся следом сознавая, что без провожатой, пожалуй, очень долго блуждал бы здесь, потому что не запомнил дороги. Энергично шлепали ее резиновые сапоги, голенища плющились, приникая к икрам, чтобы через мгновение принять прежнюю форму. На него опять что-то такое нашло. Вот шагает впереди стройная девушка и ему охота с ней пройти нескончаемые километры. А лучше, чтобы они вообще никогда не заканчивались. Даже подумать страшно о другом. Что же это такое? В горле совсем пересохло, трудно будет разговаривать. Как глупо все! Не хватало еще, чтобы она обо всем догадалась. Ему через пару лет на пенсию, а этой пташке не более двадцати пяти…

Приводя себя в норму, Павел даже чертыхнулся ненароком. Ксения неожиданно повернула на ходу свое деловое лицо и внимательно оглядела его. Он не успел погасить на лице растерянного, если даже не страдательного выражения. Неужели все поняла? От женщин же ничего невозможно скрыть. Это у них прирожденное. Совсем стало невмоготу от вязкой неловкости.

Уже перед самой ее дверью он, явно разоблаченный, не выдержал и бросил напрямик, ненароком перейдя на «ты»:

— Черт! Что-то ты на меня так подействовала…

Как будто жаловался ей на самого себя.

Ксения молча уселась за своим столиком и с чрезмерной внимательностью углубилась в тощую заметульку. Достала из кармана ручку и что-то поправила. Лучше бы он состряпал целый роман, чтобы она его читала до самой ночи. Пора было закругляться, но он медлил, сворачивая свой принесенный листок и укладывая его во внутренний карман куртки. Ксения прятала глаза, словно боялась на него взглянуть.

И вдруг он успокоился. Самое страшное уже произошло, больше нечего терять. Вроде бы она не торопится его выпроводить. Была — не была! Он принялся совсем не в тему припоминать смешные случаи из специфического заводского быта. Зная, что Ксения по вечерам ходит на занятия в техникум при заводе, получая второе образование, он балаболил с оттенком непринужденности:

— Вот опять начались занятия в техникуме. Там такой ремонт классный сделали впервые за тридцать лет. Сам губернатор распорядился. Но есть одна загвоздка. Заведующая жаловалась мне, что упустили восстановить один важный узел. А теперь начальник тридцатого цеха просит меня написать фельетон. Говорит, скоро просто потонем. Как только заканчиваются занятия в техникуме, все студенты толпой заваливают в цех. А куда деваться? И как прикажете фельетонить на такую щекотливую тему? Ничего, как-нибудь собе-

рутся и поставят новый санузел…

У Ксении расплылось в улыбке лицо, ведь это и ее самой касается. Очень провокативно, но со скрытым юморком. Она продолжала смотреть куда-то вниз.

А он выдавал и выдавал новые хохмы. На днях кто-то из слесарей стал снаружи перекидывать через забор бутылки водки, не подозревая, что вместо дружка их ловит налету охранник, который все это выследил. За забором вкрадчиво вопрошают: «Кидать?» Охранник отвечает: «Кидай!» А потом сгреб все горячительное и унес к себе. И не пожалуешься на такого,— не тот случай...

По виду Ксении он понял, что ей будет потом чем потешить подружек. Те будут надрываться от смеха.

И действительно, когда Синявин спустя неделю встретил в толпе выходящих через проходную на обед тощую секретаршу четвертого цеха, та прыснула в кулачок и долго не могла погасить улыбки, почти с восхищением глядя на него, мол, прикольный дядька. А он ответно широко и понятливо улыбался, не говоря ни слова.

Накануне верстки очередного номера редакторша сама фотографировала всех, заметки о ком ставились на полосу. Свой фотоаппарат она никому не доверяла. При этом всегда брала с собой провожатого, а если был он, предупреждала:

— Только попробуй забыть, кто где находится! Разорву!..

А сама, как оказалось, даже не знала, где располагается двадцать второй цех, хотя на заводе почти четверть века. Когда Павел узнал об этом, просто опешил. Зато от других требует невозможного — все на свете знать. А он здесь всего четыре года…

На этот раз шефиня взяла в провожатые Соню. Та потом украдкой, когда вышла из кабинета редакторша, шепнула Павлу:

— Ксения сразу стала расспрашивать о тебе, что-то очень личное. Я ей вот так,— приложила палец к губам,— и киваю на нашего Маршала. Хорошо вовремя остановилась…

И без обиняков спросила с явным интересом:

— Неужели влюбился?..

— Не знаю,— стал оправдываться Синявин, благодарный коллеге за такую неоценимую услугу и догадливость.— Что-то нашло на меня, сам не ожидал…

— Надо же! — искренне удивлялась Соня.

— Она же совсем девчонка, а я старый лев, оставшийся не у дел после развода. Как ты думаешь, сколько ей на вид? Неудобно было спрашивать.

— Лет двадцать пять — двадцать шесть.

— Вот видишь, какая огромная разница. Все почему-то думают, что я на лет десять — пятнадцать моложе. Хорошо хоть шефиня ничего не заподозрила. Я представляю, что бы поднялось. Такое бы устроила, весь завод может на уши поставить. И тогда не позавидовать девчонке…

Маршалова придиралась к подчиненному даже за то, что он избегает корпоративов.

— Уже четвертый год работаешь, а ни разу не сходил даже на новогоднюю елку. Неужели не интересно побывать на вечере, за столиками? Мужиков не хватает, столько свободных женщин, нашел бы себе пару. Не хоронить же себя нам, разведенным. Уговори какого-нибудь друга, я вам забронирую два места. Ничего страшного, если друг не заводчанин, я сама его проведу. Никто вас не съест…

Павел видел фотографии корпоративов, которые шефиня хранила в особой папке компьютера,— на одном снимке почти семидесятилетний усиленно молодящийся начальник отдела бегает между столиками на тонких ножках в колготках. К черту такие вечеринки!..

Редакторша настаивала, и Павел стал обрабатывать своего разборчивого приятеля Артура:

— Билет всего полтинник, спиртное покупают отдельно, но мы можем и не употреблять.

— А много будет интересных девушек? — недоверчиво ухмылялся приятель.

— Сам увидишь.

Еле уговорил, даже не надеялся. Шефиня обрадовалась:

— Возьму с собой Марту и закажем отдельный столик.

Эта Марта из бухгалтерии два года упорно называла Павла Сашей, никак не могла запомнить или не читала заводскую газету, где на всех полосах была его фамилия. Он поправлял, а она:

— Тебе больше идет такое имя. Ну, вылитый Александр!..

Когда Синявин передавал бухгалтерше разные отчеты, с которыми шефиня его постоянно гоняла, чтобы не перетруждаться самой, Марта порой переходила на намеки:

— Ты хочешь остаться на заводе?

«Для этого надо стать ее любовником?» — хотелось спросить Павлу. Он с душевным ознобом смотрел на ее стекающий почти к коленям бесформенный живот, выбрав тактику отмалчивания,— пусть ломает голову.

Предвидя ожидающую их участь, Синявин позвонил Артуру и поставил его в известность на счет неожиданного форс-мажора.

— Что? Вместе со старушенциями за одним столиком? — почти взвился приятель и решительно отрезал: — Тогда я пас. Никуда не пойду!

Павлу пришлось отказываться от этих уже распределенных билетов. Потом ему это ой как аукалось…

Что и говорить, Синявину было приятно, что и Ксения заинтересовалась им. Слишком простодушная. Совсем не знает взрывоопасной обстановки в редакции. Сильно удивилась бы. Эта ведьма может так заляпать любого — не отмоешься. Надо быть поосторожней.

Но лаборантка так не думала. Однажды, когда Павел с Соней возвращались в редакцию после очередного интервью, случилось совсем неожиданное, просто из ряда вон выходящее. Когда они проходили мимо нараспашку раскрытых ворот четвертого цеха, из его полумрака выпорхнула фигурка в белом и летящей походкой устремилась в их сторону. И вот прямо перед ним породневшее лицо со слегка ассиметричной улыбкой.

— Ксения! — Павел застыл, руки замерли на взлете. Машинально он хотел прижать к своей груди эту хрупкую фигурку, но вовремя одумался.

Лаборантка молча поедала его глазами, на седьмом небе от счастья. Павел оглянулся. В сторону аллеи прошествовала какая-то женщина. Здесь все всё замечают. На этой цеховой стене высится запыленное окно, за ним кабинет начальника цеха. Может быть, сейчас кто-то смотрит на них из этого окна. Павел не раз убеждался во всеобщем соглядатайстве: едва что-то скажет в сердцах на публике, через десять минут шефиня все знает. Начинает козырять: ты думаешь, я не в курсе, что ты говорил там-то и там-то? Мгновенно все передают.

Соня галантно, с поощряющей улыбкой отошла в сторонку, давая парочке пообщаться. Но какое тут общение? Можно лишь предельно коротко. Он начал невпопад, зная, что во время приближающегося третьего повального сокращения редакция лишится одного сотрудника. Уже известили. И, возможно, уходить за ворота придется ему.

— Ксения, если хочешь, могу пригласить тебя в гости…

Лаборантка тоже стала удаляться от него в сторону конторы, видно, было там дело. Он растерянно окликнул ее:

— Ксения! Ну так что?..

Она поморщилась и манерно пригрозила пальчиком, как несмышленышу:

— Нельзя…

Так и ушла, загадка загадкой.

Соня с неподдельным удивлением рассматривала коллегу: не ожидала от него таких успехов. Тихий, тихий, а тоже умеет. Такую девушку охмурить!..

Павел тоже переполнялся гордостью: ради него такое сделали! Не таясь ни от кого. Откликнулись на его чувства. Он уже не ожидал, что в его возрасте с ним может случиться нечто подобное.

Впоследствии на бегу он рискнул еще раз заглянуть в каморку лаборантки. Был обеденный перерыв. Ксения пила чай. Перед ней на столике лежала раскрытая коробочка конфет. Хитрая такая коробочка: вся навороченная, а всего пять конфеток в углублениях. Упаковка больше весит. Осталось две конфетки, и девушка ему:

— Угощайтесь!

Он помрачнел, констатируя:

— Кто-то подарил…

Ксения никак не отреагировала на его полувопрос и лишь опять спохватывалась, хотя он уже отказался:

— Берите, не стесняйтесь!..

Он не стал мешать ее чаепитию. Вспомнил только, как увидел ее недавно в проезжающей по межцеховой дороге электрокаре, за рулем которой был худосочный парнишка. Он развозил по цехам детали на дальнейшую обработку. Журналист знал здешние порядки. В крохотной кабинке кары лаборантке химанализа нечего делать, разве что кататься с ухажером. Он, наверное, и дарит конфеты.

Соня, приходя с задания, всегда извещала Павла, если по пути увидела Ксению. Они вспоминали о ней только в отсутствии Маршаловой.

— Хорошая девчонка,— как-то жалостливо нахваливала ее корреспондентка.— Из глубинки за сто километров отсюда. Там нет никакой работы. Снимает комнату в общежитии, две остановки отсюда, как раз по пути к тебе домой…

— Ты так подробно говоришь о ней, словно у нас может что-то сладиться при такой разнице в возрасте.

Соня, видимо, не исключала этого. И почти осуждающе добавляла:

— Конечно… если она видит, что никто не предпринимает усилий…

И ее глаза грустнели.

— Ты это серьезно? — С признательностью подумал Павел после очередного будирования его особы на столь личную тему. Помолчал, тяжко проворачивая в уме эту ситуацию, и завершил самокритично: — Да что я ей буду портить жизнь?..

И вспомнил, как Ксения тогда на улице мягко ушла от его приглашения в гости.

В последний раз Павел увидел Ксению перед Новым годом. Опять вместе с редакторшей зашли в ее каморку, сопровождаемые начальником цеха.

— Ксюша,— начала Маршалова,— твой начальник предлагает сфотографировать тебя для новогоднего коллажа. Попозируй нам немного. Это будет не больно.

— Ой, у меня болит голова! — не очень-то обрадовалась лаборантка.

— Ничего, ты прекрасно выглядишь.

Знала бы, как фальшивит вечно играющая на публику редакторша. Когда она заказала на фирме фото с отснятых кадриков, тоже разглядела сросшиеся брови лаборантки. И сразу недовольно:

— Не может привести себя в божеский вид. Соня, придется это отфотошопить…

Когда газета с заметкой и подправленной фотографией Ксении вышла, это можно было расценить как намек лаборантке касательно ее внешности.

Брызжущая энергией Маршалова внезапно спросила без всякого такта:

— Кстати, ты, подруга, не собираешься замуж?

— Какой там! — полушутливо встрял начальник цеха Плотников.— Слишком ценный для нас работник. Никакого замужества, я запрещаю!..

Ксения украдкой обменялась с Павлом взглядом, блаженно улыбаясь: значит, их тайна по-прежнему за семью печатями, ничего не вылезло наружу.

После праздника объявили, что зам редактора попал под сокращение. Павел отрабатывал последние два месяца. Соня успела шепнуть эту новость Ксении.

***

Однажды дома в выходной Синявин увидел на своем компьютере, что к нему в «Одноклассники» заходила Ксения. Он тоже заглянул на ее страничку. Внешность его знакомой подверглась сильному изменению. Брови истончились, какие-то цепи на куртке. Девушка стала усиленно заниматься своей внешностью.

Закрыл девичью страничку, снова перед ним ее иконка с подсказкой в прямоугольнике: дружить. Хотел нажать, ведь он уже больше не ходит на завод, получил расчет, но передумал. Она уже увидела его настоящий возраст, а ей лишь на днях исполнилось двадцать пять.

Тогда пусть и он навсегда останется для нее загадкой…

Игорь ЕГОРОВ

г. Омск

Коренной омич (родился в 1951 г.). Окончил омскую СОШ №19 (в настоящее время гимназия № 19), Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Работал в научно-исследовательских институтах Омска, на кафедре физики в Омском технологическом институте (вел курс термодинамики и теории теплообмена), был сотрудником издательств. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Лауреат премии губернатора Омской обл. «За заслуги в развитии культуры и искусства» им. Л. Н. Мартынова. Серебряный лауреат XV и лауреат XVI международного литературного конкурса «Золотое перо Руси». Дипломант II всероссийского литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского. Дипломант обл. литературного конкурса Министерства культуры (при участии Омского отделения СРП) «Лучший рассказ XXI века». Некоторые стихи переведены на болгарский язык современным классиком болгарской литературы Красимиром Георгиевым и на украинский язык талантливым украинским поэтом и переводчиком Петром Голубковым. Стихи также переводились на английский язык (перевод Ольги Сумановой). Член СРП. С 2011 г. главный редактор литературно-художественного издания-тандема: журнала «Иртышъ-Омь» и альманаха «Тарские ворота». В марте 2022 г. избран членом Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург). Наш постоянный автор.

ИЗ РАССКАЗОВ О ЖЕНЬКЕ ЗАБРОДИНЕ

НИЦШЕ И ДОМАШНИЕ ТАПОЧКИ

Спрут опутал человечество. Этот спрут имеет страшно много щупалец в виде проводов, видимых и невидимых, а название этому спруту — телефон! Да, да, наш милый обыкновенный телефон, с которым мы, дети прогресса, теперь не расстаемся частенько в самых невероятных, подходящих и неподходящих местах. Но как получилось, что он запутал меня и моих соседей, связал, скрутил, «сроднил» — об этом без обиняков.

А началось с того, что я сел в ванну. Надо сказать, что как только… Вы сами поймете, дорогой читатель. Помните закон Архимеда из школьной программы? Для меня он звучит так: «Если тело погружено в воду — жди звонка!» И, конечно же, это был автор, а я, как на грех, литературный редактор журнала. Как известно, авторы, особенно только что начавшие творить, рифмующие «палка — селедка», «тебе — мне», «была — заря», хлебом их не корми, любят читать свои нетленные гениальные творения встречным и попе-

речным, но в первую очередь редакторАм. И, как правило, по телефону.

Я, редактор, стою в чем мама меня родила, с меня стекает струйками вода на пол, и слушаю, «затаив дыхание» (то бишь, чертыхаясь про себя), очередное гениальное творение, которое звучит так:

Идут задумчивые люди.
Куда идут, зачем идут?
Кому-то в душу напаскудят,
Кому-то в молду
(именно «в молду» — так звучит «морда» в устах автора и, конечно же, именно в эту «молду»)
надают!..

Основательно покрывшись мелкими пупырышками или, как их в народе называют, «гусиной кожей», я стараюсь поддержать автора в его творческих сумасбродствах, особенно на виражах. Все это я делаю деликатно, лукаво и коротко, чтобы побыстрее вернуться в теплую ванну до звонка очередного «гения».

И вот в такой ситуации, голым, продрогшим и с телефонной трубкой в синей от холода руке и застал меня сосед — сосед по телефону, по блокиратору (телефон-то у нас спаренный). Я выглянул в дверь — а он красный, озверевший, словом, «сорвавшийся с цепи». Семиэтажным матом как «врежет» мне в ухо, у меня оно сразу трубочкой так и свернулось. Это же был не тот милый мат, про который сочинил когда-то двустишие известный критик-литературовед:

«Как дуновенье ветерка,
*Лихая свежесть матерка…»**

Это был мат тюремного пошиба, от которого кровь стынет в жилах и мурашки по коже, с приговорами да заклинаниями, дескать, держись, еще будешь так долго балаболить по телефону — «перо» в бок, и гуторь тогда с ангелами, а, может, с чертями, сколько влезет — хоть по телефону, хоть без. На том свете телефон тоже наверняка появился!..

«Что возьмешь с этих «новых русских?» — подумал я, захлопывая дверь.— Им же не объяснишь всю сложность моего положения редактора…»

И я, опять нырнув в ванну, открыл томик Ницше и углубился в изыскания на просторах «человеколюбия»: «Кому в своих отношениях с людьми не приходилось пройти через все цвета несчастья, не приходилось бывать зеленым и серым от отвращения, пресыщения, сострадания, помрачения, одиночества — тот, конечно, не будет человеком высшего вкуса; но допустим, что он неохотно несет эту отвратительную тяжесть, что он постоянно уклоняется от нее и, замкнувшись в себе, остается молчаливым и гордым, тогда с уверенностью можно сказать лишь одно: он не создан для познания, он для него не предназначен…»

С тех пор предпочитаю отключить телефон (дав соседям полную свободу заразиться бациллой телефонизации), скинуть домашние тапочки и, завалившись на диван, открыть моего любимого Ницше или другого философа и забыть хотя бы на часок о «великом средстве коммуникабельности». Хотя авторы могут достать меня и по сотовому, но номер сотового телефона я никому не даю, разве что близким друзьям, и то не всем!..

ПРОЩАЛЬНЫЙ ФОКСТРОТ

— Давай, давай, поднимай тот бок над перилами! — кричал весь красный от натуги здоровенный чернявый парень в потертой кацавейке Женьке, у которого чуть руки уже не отваливались от тяжеленного шкафа.

Но Женька не сдавался. «Вот наконец-то,— думал он,— вот оно — семейное счастье!»

— Слушай, паря, куда столько полированных дров набрала дама, а сама-то, оказывается, жила на квартире, не понимаю я этих баб? — спросил чернявый.

— Женщины — народ загадочный, инопланетяне! Нам, мужикам, их не понять! — отозвался Женькин друг Димка, удерживавший шкаф с другого края.

— Если бы ты знал, что сказала эта загадочная там, внизу, у машины, враз бы отпало желание таскать ее полированные дрова!

Женьке кровь бросилась в лицо, но он смолчал, как будто и не услышал эту фразу-подковырку. «Ничего не хочу знать, я люблю ее и все!» — сказал сам себе Женька.

А Аринка, о ком думал Женька, уже ждала их со шкафом, у раскрытой двери. Но вид у нее был явно какой-то недовольный. Ее, видно было, интересовали полированные дверцы шкафа, но отнюдь не Женька, в квартиру которого она так спешно-быстро въезжала со всем своим немыслимым скарбом.

«Это чисто женское, беспокоится за свое имущество, вот и надулась, не обращает никакого внимания»,— оправдывал ее про себя Женька.

Но когда они с Димкой переносили стиральную машину, и она упала на руку Женьке, и острый край

ее рассек ему ладонь и потекла кровь, Женька думал, что Аринка испугается за него. Наивный. Не тут-то было. Гораздо важнее было, чтобы стекла от шкафа были целы. Ну, а то, что Женьке чуть не отхряпали руку, — пустяки, даже почти и не видно, так, чем-то красным, ах да, это, кажется, платок немного чем-то окрасился, но ведь и красного цвета платки тоже на свете бывают! Очаг, самое главное будущий семейный очаг! Руку отхряпали — заживет! А вот семейный очаг — без него и Вселенную трудно представить!

Женька стиснул зубы и смолчал. Это была первая трещинка в их отношениях с Аринкой. Но Аринку он любил. И то, что было важно для нее, было важно и для него.

А потом началась семейная жизнь, а точнее сплошная абсурдистика. Когда расставилась Аринкина мебель, началось драянье всего и вся в доме у Женьки с помощью Женьки.

«Все это хорошо, а как же чувства и все, что с ними связанно? Так хочется ласки, любви!» — думал полусчастливый-полунесчастный Женька.— В конце концов, кастрюли кастрюлями, но не в них же, черт побери, счастье!»

Женька попытался намекнуть Аринке: «Когда же они будут любить друг друга?»

Но Аринка отмахивалась: «Не могу, дескать, в таком раскардаше, мне для этого нужен уют!»

«О, мама мия, неужели она не понимает, что нет уже никаких сил терпеть! — злился Женька.— В конце концов, что же, как говорил Наполеон, не идти в бой, пока последний барабанщик не пришьет себе пуговицу? Издевательница!»

Но влюбленный, как говорится, все может стерпеть, и даже жуткие удары судьбы под дых.

Как говорил один из героев пьесы Оскара Уайльда: «Женщин не надо понимать, их надо любить!» Красиво сказано. А если женщина не подпускает к себе? Здесь и Оскар Уайльд не поможет!

У Аринки был свой план: слепить из Женьки, из этакого «кюхли», деятельного, вертящегося как белка в колесе, делового, умеющего делать деньги «штольца»! Женькина обломовщина была ей ну просто не по нутру. А как можно с «Обломовым» ложиться в одну постель? Нет. Это не для нее, это выше ее сил! Пусть вначале докажет, на что он способен, а там, может быть, и снизойдем! Дело, прежде всего дело! Любовь надо заслужить! Да, в этом есть логика, пусть и женская, но вполне железная! Но Женька как был «кюхлей», так им и оставался. А «кюхля» с его стихами и отсутствием деловой хватки — ну явно это что-то нелепое для нее, для Аринки! И решила Аринка действовать через сексопатолога. Сходила к нему, рассказала о своих проблемах: муж ленится, толком не помогает ей по дому, зарабатывать не хочет, а она изматывается и нет сил, и не может себя настроить на любовный лад, а он этого не понимает и требует!.. Но она ведь не секс-рабыня какая-то, а женщина, к ней нужен тонкий подход!

— Как вы думаете, он не сексуальный маньяк? — полушепотом спросила Аринка, тем самым в довершении обескуражив беднягу-врача.

— Да, сложная ситуация! — Сексопатолог почесал в затылке. И пригласил к себе Женьку.

Женька рассказал врачу свою невеселую историю, тот развел руками и опять изрек свою сакраментальную знаменитую фразу, по-видимому, широко распространенную среди платных сексо-патологов: «Да, ситуация непростая! Надо, чтобы вы подошли ко мне вместе с супругой!» Женька отдал пятьсот рублей за консультацию и в раздумье вышел на улицу: что делать дальше, как быть? Как найти подход к Аринке? И как сказать ей, что надо идти навстречу друг другу?

И вдруг неожиданно припомнились ему строчки одного замечательного поэта:

Ах, дамы, дамы! Ваше время!
Опять настала ваша власть,
И вы куражитесь над теми,
Кто прежде вас тиранил всласть.
Но, упиваясь этой властью,
Играя роль самой судьбы,
Вы позабыли, что для счастья
Нужны мужья, а не рабы.
В прекрасный век матриархата
Вы, может, вспомните подчас,
Что было время, ведь когда-то
Дрались мужчины из-за вас!
И вы взгрустнете, может статься.
Да! без особенных причин
Начнете сами добиваться
Эмансипации мужчин![*]

«Надо прочитать ей это стихотворение и поговорить с ней по душам, и все наладится». И Женька вдруг расхохотался, жмурясь от искрящегося солнца в ветках тополя, вспомнив недавно его другом Димкой

[*] Стихотворение известного омского поэта и переводчика Юрия Воробьева.

придуманный «Прощальный фокстрот», конечно же, хохму, переделанный стишок-песенку небезызвестного композитора Керосинова:

К сексологу ходила
Большая крокодила.
Она, она
Холодная была!

ТЕНЬ ДАНТЕСА

И тень Дантеса в ванной на полу...
Э. Миляева

Что не может не обескуражить или, по крайней мере, не вызвать недоумение у читателя, так это загадочный эпиграф. Но все было именно так (даже чувствую, как невольно фыркнет с усмешкой удивления читатель).

А вот Женьке Забродину было не до смеха, когда он столкнулся с тенью отца Гамл..., ой, простите, с тенью д'Антеса! Так, кажется, правильно пишется имя этого ловца «счастья и чинов, заброшенного к нам по воле рока» и вошедшего в великую историю человечества всего лишь нажатием спускового крючка... А ведь первый-то выстрел был за ним!.. Заметьте, чтобы войти в историю гениев, ему не надо было обладать талантом, напрягать мозги и сочинять, борясь со сном ночью, «Человеческую комедию», «Красное и черное» или «Цветы зла». Для него все получилось гораздо проще, он вошел в нее с «черного хода». Но самое интересное: «поставив» свое красивое имя рядом с именем «совсем некрасивым и совершенно непоэтическим» — Пушкин (от слова «пушка»), он так и не понял за всю свою долгую и нескучную, полную приключений жизнь, что же это был за «эпизод»![*] А может быть, не хотел понять или делал вид, что не понимает, то есть прикидывался всю жизнь форменным дурачком. Но, как говорится, чужая душа — потемки, в том числе и Дантеса, если, конечно, она у него была...

«Что вы все о Дантесе да о Дантесе! А где же сама тень Дантеса? — спросит читатель.— Черт возьми, не томите!»

Погодите, дорогой читатель, не гоните лошадей.

Так вот, вся эта жуткая катавасия началась с того, что для журнала Женьке как давнему хорошему знакомому и еще вдобавок литературному редактору этого журнала любезно вдруг предложила очерк о потомках Дантеса немецкая баронесса фон Лейден (кстати, русского происхождения). Это был наилюбопытнейший рассказ с уникальными фотографиями в родовом замке Дантесов, где сами представители в пух и прах разорившегося рода занимают всего лишь несколько скромных комнат, в которых они, как ни парадоксально звучит, проводят пушкинские вечера поэзии![**]

Но по Интернету что-то застопорилось, и редакция материал не получила. Женька об этом не преминул сообщить баронессе, на что та ответила, что попытается еще раз послать и в воскресный день поздно вечером ему позвонит узнать, прошло ли по «емельке», как она шутя называла электронный адрес.

Редакция получила очерк. Женька с облегчением вздохнул, успокоился, а потом за неделю так замотался с редакционными делами, что напрочь у него вылетела из головы договоренность с баронессой. В воскресенье Женька поздно вечером сел в ванну и зачитался стихами. Надо сказать, что Женька, спасаясь в теплой ванне от холода, царившего в его холостяцкой квартирке, еще любил и почитать.

Вдруг звонок телефона в коридоре!

«Кто же это может быть? — подумал Женька.— Нехай их, потом еще позвонят!» — мысленно махнул он рукой.

Но телефон не унимался, он опять просто измывался. Женька упорно лежал в ванне и читал стихи. И тут его пронзило, как ударом молнии,— он вспомнил о баронессе и Дантесе! Пулей Женька выскочил из ванной, но в коридоре его мокрые ноги быстро-быстро заскользили, замельтешили нелепо в воздухе, Женьку подбросило в каком-то невообразимом сальто-мортале и, ударившись со всего маху локтями и затылком об пол, он потерял сознание.

И внезапно, о ужас, он увидел над собой усатое наглое лицо и вмиг узнал красавца Дантеса!.. Тот явно над Женькой насмехался, говорил он по-русски и довольно чисто, без всяких французских штучек, то есть прононса и картавости:

— А на тебя, горюшко ты мое, стихотворец-недоразумение, я и пули не буду тратить.

И уже отвел руку с пистолетом, держа его за дуло. Женька зажмурился, предвкушая столкновение рукоятки пистолета со своей головой!

---

[*] На самом деле, барон Дантес дуэль с Пушкиным считал в своей жизни не более как эпизодом.

[**] Читайте в первом выпуске альманаха «Тарские ворота» в разделе «Очерки и публицистика» эксклюзивный очерк-интервью Ларисы фон Трейден с потомками Дантеса «Болдинская осень д'Антесов».

— Учти, я ведь никакой-то там хухры-мухры, а французский дипломат при самом Людовике-Наполеоне и еще родственник Пушкина! — Дантес лихо подмигнул.— Это большая честь — получить от меня на память бульбочку!..

— Как, ты еще и родственник Пушкина?! — Это Женьку покоробило до глубины души.— Врешь, не убьешь, паскуда позорная! — закричал Женька, неожиданно смелея до крайности, и с силой вырвал у Дантеса пистолет.

И внезапно Забродин очнулся от резкой боли в локте (именно этой рукой он вырывал у мерзавца пистолет).

И тут он увидел, что лежит на сумках с журналами (обычное дело, он брал их на реализацию). Они-то и спасли его, иначе бы разбился окончательно!

— Милые мои, ведь вы мне спасли жизнь! — обрадованно воскликнул счастливчик.

Позже эту странную историю с Дантесом Женька рассказал по телефону известному поэту Николаю Взалпову, заметив, конечно, не без горькой иронии, что Дантес добрался и до Омска и так, пожалуй, всех оставшихся стихотворцев перебьет. На что известный поэт весьма остроумно отпарировал:

— На всех Дантесов не хватит!

Это изречение Женьке так понравилось, что, поздравляя известного поэта Взалпова с юбилеем в литературном музее, напомнил ему о телефонном разговоре.

Тот усмехнулся, поглаживая усы и бороду. Публика реагировала очень живо.

И тут приятель Женьки Димка Раневский, талантливый поэт-переводчик, сидящий в задних рядах, пустил в зал ехидную, едкую реплику: «Не на всякого Дантес позарится!» и демонстративно выскочил из зала, квакнув дверью.

Женька так и остолбенел, не ожидал он от своего друга такого подвоха. Но кто их разберет, этих поэтов, что они имеют в виду.

Как, неужели сам гениальный Димка, чьи книги есть даже в Королевской Британской библиотеке, переводящий самого Шекспира, пусть даже и считавший авторство Вильяма делом весьма запутанным и чуть ли не ловкой мистификацией, ему, Женьке, позавидовал?! Вот чудак! Сейчас ходил бы с препорядочнейшей шишкой на затылке и гематомой во весь локоть!

«Хотя… у него все еще впереди! — с улыбкой подумал Женька.— Что тень Дантеса? С тенью Шекспира он еще, наверное, не сталкивался!..»

«ГЕНИЙ» ГРАФФИТИ
Современная новелла-триптих

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

Владимир Высоцкий

Не все коту масленица.
Русская народная поговорка

1

Мало того, что я рисую всякие замысловатые рожи на стенах, я еще и выдумываю клевые вещицы! Вот сейчас, например, на углу дома, втихаря, пока никто не видит, выдал забавную штуку: «Хочешь бесплатного секса — звони Маше Веревкиной» и написал внизу номер «сотика» моего школьного приятеля Кешки! Голос у него такой же писклявый, как у девчонки. Представляю, какие глаза по самовару будут у него, когда какой-нибудь семидесятилетний дедушка-балбес позвонит ему! Вот будет хохма!

В школе эти дураки учителя считают меня недоразвитым, хотя они сами такие! Я ведь им-то могу мозги вправить! Такую «бомбочку» подложу, что надо! Вот недавно прямо напротив подъезда нашей литераторши, которая все время ставит мне двойки, я написал огромными буквами шикарное словечко, обозначающее «пятую точку», но такую!.. Представляю, как ее, до жути утонченную, читающую нам завывающим голосом стишки этих несчастных Блоков и Ахматовых, каждый раз выворачивает наизнанку от столь неутонченного обалдеть-словечка, как только она выходит из подъезда и спешит в свою ненаглядную школку сеять осточертевшее тютютю-сюсюсю «разумное, доброе, вечное»!

А недавно (вот прикол!) я и народной артистке (тоже мне, народная артистка — видал я таких!) лихо подсиропил: просто на чужом почтовом ящике нарисовал смешные органы, которые известны всем! А оказался ящик-то артистки, а я этого даже и не знал! Ну разве это не клево? Смотрю, сама народная артистка ключиком открывает этот ящичек, а на ней лица нет, побледнела, как смерть! Короче — в полном отрубе! Вот она «бомбочка», что надо!

Вообще, я великий фантазер по части доставлять разные «приятные» минутки всяким серьезненьким в очках и без них! Рисовать всякую всячину — моя страсть, и чтоб побольше гадости, чтоб плевались, качали

головами и говорили: «Какие хулиганы, ну что за выродки, ну что за поколение?! И не стыдно ведь! Как у них только руки не отсохнут, не отвалятся!» («не отвалятся» — это уже я сам добавил!) И я хохочу, припоминая эти забавные возмущения! Милые-премилые старички! Как мне вас жаль с вашими «дореволюционными» понятиями! А вот мы другие — мы еще покажем тем, кто на нас не обращает никакого внимания! Вы нас считаете за пустое место? А мы вот вам покажем, какое мы пустое место! Мы есть, мы о себе говорим и мы неуловимы! Мы — гении граффити!..

2

Все, хватит, надо выходить из тени! Пора становиться знаменитым! Хожу теперь в литобъединение, меня уже замечают, но мне этого мало: хочу славы! Вот недавно запросто смастрячил роман «Желтый мак» о китаезах (хотя всего два или три раза видел их в жизни и то на «толкучке»).

Что, собственно говоря, в этом сложного? Раз, два — и готово! Не понимаю я этих писателей, как можно пыхтеть над листком бумаги день и ночь! В издательстве мне исправили ошибки. (Редактор матерился. Молчи, бумажная крыса, в тряпочку! Тебе за что деньги платят?) Хочу теперь выдвинуть себя на премию. А что? Молодой, перспективный. Не сомневаюсь, что мне дадут. Известный писатель Стародубцев в лепешку расшибется ради меня! Он вхож в эти их кулуары по премиям. Ловко я присосался к Стародубцеву! Сладко «подпел» ему, наговорил с три короба, что он такой талантливый-расталантливый, и дело в шляпе! Этот старый лапоть Стародубцев мне и поверил! На самом деле: это я — самый талантливый! Если надо, я его использую, перешагну через него и пойду дальше. Но пока он мне нужен для моих некоторых планов!

А Стародубцев — чудик из чудаков! Наготовят они с жинкой на три дня, я приду и съем все подчистую! Классно готовят, черти! Но писатель на меня не сердится, он меня любит, и я его люблю… пока! Слащаво приходится улыбаться ему (представляю свою рожу при этом!) и рассказывать всякие смешные историйки из моей забавной преподавательской деятельности в школе (вот уж никак не ожидал, что придется в ней, в этой гребаной школе, работать!) Меня он считает добрым, веселым и талантливым пареньком, я ему и не возражаю, да и как можно возражать против собственного таланта! Я и сам вижу: все эти местные классики мне и в подметки не годятся! Ну ничего, они еще пожалеют, что в упор не замечают меня! Я им так еще насолю, что они у меня попляшут, вот они где у меня будут — в кулаке! Соберу на них досье — на каждого! В Интернете такое накатаю про них (мама мия, что им и не снилось!) и пошлю в эти простодырые литгазетенки, а они сейчас хватаются за всякую смачную «желтенькую» «штучку», ничего не проверяют, лишь бы эти дебилы-читатели хавали и тираж не падал!

А почему я еще за них, за этих наших писателей, «взялся»? Неспроста. Некоторые из них, состоящие в редколлегиях своих противных изданий, мешают нашему клевому, по-настоящему продвинутому журналу «Вольный ветер в голове», который мы начали издавать с моими корефанами. Столкну этих болванов-писателей лбами, перессорю их, одних назову (но как бы с чужих слов) бездарями и графоманами, других очень талантливыми, даже гениальными! (Самое интересное: эту их галиматью сроду я не читал и читать не буду!) Ну не ловко ли я придумал? Здорово придумал! Пойдут склоки между ними! А мне этого и нужно! «Гениальные» будут на моей стороне! Нашпигую свои статьи всякими сплетнями и враньем, а потом, дорогие наши писатишки, фига с два вы «отмоетесь»! Зато обо мне все заговорят! Меня будут бояться! И попробуй кто-нибудь вякни!.. Как припечатаю в печати, глаза выскочат на лоб! И втяну в такую газетную заварушку, мало не покажется! Вот она слава! И не надо долго ждать!

3

— Ребзя! Смотрите, вон шкондыбает известный писака-кляузник Сысоев! Эй, лысая беззубая старуха-сплетница, много настрочила в газетах?!

Каково мне слышать эти гадости, пакости от малолеток-шантрапы! Я бы за ними погнался и палкой бы, палкой их! Да ноги подкашиваются, сахарный диабет замучил. Думал, не доживу до пенсии! До восьмидесяти лет подняли пенсионный возраст, совсем сдурели!

Специально хожу с дубовой палкой, чтобы огреть эту шпану. Опираться только неудобно на такую… тяжелая, холера, но что делать! Этих противных беспризорников развелось до черта! А говорят, на Марсе жизнь стала лучше, чем в Германии! Но куда полечу с моим сахарным диабетом и... одышкой?! Невесомость уже тяжело переношу!..

2011— 2012

Магдалина ГРОСС

д. Истомино Балахнинского района Нижегородской области

Гросс Магдалина Вячеславовна родилась в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). В 1991 г. окончила Нижегородский госпединститут иностранных языков (в настоящее время — Лингвистический университет). Репетитор английского и немецкого языков, пишет переводы. Литературным творчеством занимается с 2006 г. Дипломант и победитель областных и всероссийских конкурсов. Имеет Благодарность Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» за участие во всероссийском конкурсе «Наперсница волшебной старины», посвященном 200-летию со дня памяти Марии Алексеевны Ганнибал (2018 г.). Постоянный автор нашего альманаха.

НЕВИДИМЫЕ СВИДАНИЯ

Убедительная просьба к читателям: не искать никаких параллелей между автором и главной героиней рассказа.

Лика сидела на берегу. Ее взгляд нельзя было назвать отсутствующим. Скорее, он как бы замер на одном месте. Да и куда вообще может быть устремлен взор человека, который смотрит на воду? Волны лениво перекатывались, создавая характерный шум, который можно услышать, находясь только около моря. Лика смотрела вдаль, слушала морские звуки, крики долетающих до берега чаек и сидела не шевелясь.

Ей было хорошо. Она редко приезжала сюда, в это место, далекое от городской суеты. Здесь не было гудков автобусов и машин, которые словно участвовали в незримом соревновании на скорость, то и дело обгоняя друг друга. Не было запаха бензина — неизменного спутника всех больших городов, и слух не тревожили звуки работающих моторов или заставляющий вздрагивать визг тормозов. Здесь не кричали дети, не стучали в домино мужчины из близлежащей многоэтажки. Здесь не ругались, не спорили. Здесь было только море. И умиротворяющее спокойствие, которое дарила мягкая и ласковая вода своими тихонечко накатывающими к ногам Лики волнами.

Она любила эти минуты. Любила потому, что они выпадали ей нечасто. Она уставала к концу недели не столько от работы, сколько от пересудов и разговоров, которые являются непременным атрибутом любого женского коллектива, от ежедневных походов по магазинам, от городского шума. Как только среда на производственном календаре словно проводила черту, обозначающую, что половина рабочей недели осталась позади, Лика с нетерпением начинала ждать выходных. Но они не всегда совпадали с теми планами, какие ей рисовались в голове в течение оставшихся рабочих дней. Домочадцы — тоже люди, и у них то и дело возникали какие-то вопросы и проблемы, которые Лике приходилось решать постоянно. Проблемам выходных возникать не полагалось. Но, как назло, они порой именно в эти дни и появлялись — и тогда Лика помимо собственной воли превращалась в человека, которому надо было срочно найти то водопроводчиков, то электриков, то каких-то других мастеров. Они приходили, что-то чинили, иногда запрашивая за свой труд сумму, явно превышающую ту, что полагалась за талантливо отремонтированную стиральную машину или гениально починенную электропроводку. Первое время Лика безоговорочно отдавала то, что с нее требовали, и не торговалась. Но с некоторых пор она научилась чуять подвох, и в последнее время ее это стало выводить из себя.

— Ну, пускай бы обманули, но хоть сделали бы это красиво! — думалось ей в минуты, когда проработавший десять минут «трудовой человек» называл ей сумму, совершенно неадекватную его работе.

Лика не могла отнести себя к категории необеспеченных или жадных людей, но в последнее время нахальство слесарей, сантехников и прочих специалистов-«шабашников» стало приводить ее в бешенство. Она все понимала: жизнь месяц от месяца становилась сложнее и сложнее. Цены неуклонно ползли вверх. Тех денег, на которые еще несколько недель назад можно было купить приличный кусок говядины, сейчас с трудом хватило бы на треть или даже четверть от этого куска. Поэтому каждый старался заработать, как мог. Если бы вызванный мастер (хотя бы для вида!) сосредоточенно разобрал заклинивший замок, а потом так же серьезно собрал бы его, и при этом потратил бы полчаса, ей было бы не жаль отдать деньги. В конце концов, труд, если это действительно труд, должен оплачиваться, и Лика это хорошо понимала. Но когда она видела, что пришедший на вызов ушлый пройдоха, просто подогнув старую деталь, пытается поставить замок на место, даже не проверив, будет он работать или нет, она начинала выговаривать не особо утрудившему себя человеку все, что о нем думает. За работу она, конечно, платила, но не столько, сколько просили откровенные шарлатаны, а ровно столько, сколько сама считала нужным. При этом Лика записывала телефон охочих до легких денег «мастеров», чтобы в следующий раз не нарваться на них снова.

Был конец мая. Несмотря на то, что погода была солнечной, тепло еще не установилось. Побережье было пустым. Лика продолжала неподвижно сидеть, устремив взгляд куда-то за горизонт. Ей не хотелось думать ни о чем, но это было даже хорошо. Иногда человеку надо абстрагироваться от действительности, а

отсутствие мыслей как нельзя лучше помогает уйти из суматошной реальности.

Лика любила одиночество. В то время как некоторые окружающие ее люди ни минуты не могли прожить без находящихся рядом друзей, родственников, коллег, она спокойно могла провести время наедине с собой. Ее это ничуть не смущало. Более того — иногда ей внезапно хотелось побыть одной, в полной тишине, но среди суматошных будней рабочей недели воплотить это желание в жизнь было невозможно. И тогда, закончив рабочий день, она уходила в парк, садилась на скамейку и сидела там, погрузившись в себя. Почти так же, как сидела сейчас у моря. Это были своеобразные свидания с собственными мыслями и чаяниями, внутренние разговоры с собой. Никем не приметные, они иногда рвались наружу так стремительно, что их надо было как-то упорядочить. Сделать это, находясь на глазах у кого-нибудь, было невозможно. Поэтому Лика очень ценила минуты, которые ей выпадали для восстановления собственного спокойствия, и была благодарна жизни за эти изредка выпадающие моменты.

На вопрос, является ли она интровертом, она затруднилась бы ответить. Скорее нет, чем да. Лику никак нельзя было отнести к категории снобов, или людей, которые всеми силами избегают общества. Ее любили на работе, обожали друзья. Если она несколько дней не появлялась в социальных сетях, те, кто был связан с ней виртуальными отношениями, не на шутку начинали тревожиться и засыпáли ее вопросами, куда она так неожиданно пропала. Дома на ней держалось практически все: начиная от чистки раковины и заканчивая сотворением какого-нибудь блюда, от которого приходили в восторг все домочадцы. Впрочем, здесь угодить всем за раз было сложно, потому что один член семьи что-то любил, а другой был к этому в лучшем случае равнодушен. Но Лика ухитрялась и здесь найти равновесие: подавала на стол то, что пришлось бы по вкусу каждому. Казалось, что даже время отступало перед таким напором и желанием сделать всем хорошо и притормаживало, предоставляя возможность успеть сделать как можно больше.

Волны все так же неспешно с мягким шелестом подкатывались к песчаному берегу, и, глядя на них, Лика почему-то подумала, что море в отличие от нее более удачливо, потому что оно могло жить своей огромной морской жизнью. При этом ему было все равно, кто находился рядом с ним, и находился ли вообще. Лике в этот момент было очень хорошо и спокойно, несмотря на то, что рядом с ней никого не было. Обычное созерцание морских вод успокаивало и вносило размеренность в ее мысли.

В этот же самый момент море, которое словно прочитало то, о чем подумала Лика, неожиданно вспенилось. Волны стали накатываться на берег сильнее, как будто они рассердились. Возможно, море тоже обладало какими-то ощущениями, неведомыми человеку, и ему не понравилось то, что о нем подумала Лика. А может быть, оно просто было настолько зачаровано, что влюбленным взглядом смотрело на сидящую на берегу женщину и любовалось ею. Вполне возможно, что расшумевшиеся в этот момент волны были ничем иным, как разговором, который никто, кроме вспенившейся воды не понимал.

Лика действительно была сногсшибательно красива. В возрасте, который иногда в шутку именуют хорошей и отличной оценкой стоящие рядом, ей никак нельзя было дать больше тридцати трех. Те, кто узнавали, что у нее есть взрослые дети, недоуменно приподнимали брови: как? Да в лучшем случае вы можете быть мамой какого-нибудь годовалого карапузика! Вы, наверное, шутите, намеренно прибавляя себе возраст!

Но в то время, когда мужчины порою заигрывают с возрастом, специально завышая или занижая его, ни одна женщина никогда не станет называть бóльшую цифру, говоря о том, сколько ей лет. В тот самый момент, когда Лика появилась на свет, природа, видимо, открыла заветную комнату, на которой была табличка «Красота», и постаралась извлечь оттуда все, что было у нее в наличии. И вот теперь глубокие орехово-карие глаза, идеально выточенный нос и правильно очерченные губы не давали возрасту ни единого шанса выдать себя. А если к этому прибавлялась чуть ли не балетная фигура и умение красиво ходить, с чаши весов, на которой располагалось число, обозначающее годы, сбрасывалось еще лет пять. А то и семь.

Море, пошумев пять минут, потихонечку умерило свой пыл. Волны снова стали набегать на берег в привычном спокойном ритме, их шум опять сделался похожим на шепот.

Лика встала. Пора было уходить.

Она с грустью посмотрела на линию, которая соединяла море с небом. Светлая полоса горизонта казалась совсем тоненькой. Такой же тоненькой была надежда на то, что ей в ближайшее время снова удастся побыть одной. Впереди ее ожидала рабочая неделя, а вместе с ней разговоры, которые Лика не любила. Кто, куда и зачем поехал, кто и что купил, свадьбы, разводы, чужие отношения совершенно не интересовали ее. Иногда, чисто механически, она поддерживала эту пустопорожнюю болтовню, но это происходило словно помимо ее воли. Она была как в поговорке — одновременно «в стороне и в людях». На работе видели это, поэтому кто-то считал ее холодной, а кто-то чрезмерно заносчивой и гордой. Но ни первое, ни второе, ни третье не было правдой. По натуре Лика была достаточно романтичным человеком. А то, что у нее иногда возникала непонятная для других потребность побыть в одиночестве, объяснялось только тем, что она ревностно охраняла свое личное пространство, которое нужно каждому человеку. И тот факт, что забраться в глубину своих мыслей у нее получалось не всегда (даже дома, с какой бы нежностью и любовью она ни относилась к своим домочадцам, ей это не всегда удавалось), откровенно печалил ее.

Лика еще раз посмотрела на продолжающее любоваться ее идеальной фигурой море и, вздохнув, медленно пошла в сторону частных кирпичных домов, за которыми начинался город…

ФИЗИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Алексей Федорович очень любил Сережу. За то, что он никогда не опаздывал на занятия, за то, что слету мог доказать правильность любого закона Ньютона, за то, что знал, почему Кулону удалось-таки открыть закон взаимодействия электрических зарядов, а Кавендишу — нет.

Но самое главное — и Алексей Федорович, действительно, считал это самым главным — было то, что Сережа собирался поступать на физмат, для чего три раза в неделю и брал дополнительные уроки физики у преподавателя политехнического колледжа Алексея Федоровича Скворцова.

Упорство этого парня иногда удивляло даже «видавшего виды» Алексея Федоровича, у которого на счету было, наверное, несколько десятков поступивших на физмат абитуриентов. Но Сережа… Это было какое-то исключение из правил. Если, решая задачу, он не мог найти правильного ответа, решение могло затянуться на неопределенно долгое время. Иногда эта неопределенность заканчивалась прямо у Алексея Федоровича дома. Сережа будил задремавшего в кресле-качалке учителя и с победоносным видом протягивал ему тетрадь со множеством исчерканных листков, последний из которых неизменно содержал в себе правильный ответ. При этом стрелки старинных ходиков показывали, что время решения задач давным-давно закончилось, и единственное, что лучше было бы сейчас предпринять — это улечься в постель и заснуть.

Жил Сережа недалеко, буквально через дом от Алексея Федоровича. И, скорее всего, приходя домой за полночь, он действительно раздевался и ложился спать. Но, уходя от репетитора по физике даже тогда, когда стрелки напоминали, что времени уже второй час ночи, он неизменно просил дать ему еще какую-нибудь «заковыристую» задачку, да посложнее.

Впрочем, бывало и такое, что с задачкой «посложнее» выходил у Алексея Федоровича полный казус. Отметив карандашом в учебнике довольно сложный номер, и потирая про себя руки, он вспоминал, как пять лет назад претендент на золотую медаль Гриша Вахрамеев, так и не смог, сколько ни решал эту задачу, дать на нее правильного ответа. А через пару дней он встречал Сережу на улице или в магазине и вместе с неизменным «Здрасьте, Алексей Федорович!» слышал, что задачка, которую он дал последний раз, оказалась из рода «пустяковых».

В общем, Алексею Федоровичу было чем, а главное — кем! — гордиться. «Будущее науки» — так иногда с нескрываемым восхищением называл он Сережу. И слова эти были основаны не на пустом месте.

Две тысячи десятый год выдался на редкость жарким. У кого как, а в том городе, где жили Алексей Федорович и «будущее науки» по имени Сергей Бутусов, вышеозначенный год перешагнул по жаре все мыслимые и немыслимые цифры. Плюс тридцать шесть, плюс тридцать восемь, плюс сорок…

Пляжи и водоемы были забиты людьми всех возрастов и размеров. Кажется, что в местное озеро прямо в штанах и майках влез весь близлежащий микрорайон, и теперь там… Нет, не яблоку было некуда упасть. Рыбе было негде плеснуть!

Вентиляторы в домах работали круглосуточно, но даже они не помогали от свалившейся невесть откуда жары.

Алексей Федорович ходил по дому в белой простыне, которую время от времени смачивал холодной водой, отчего своим видом напоминал древнего грека. Ему для полного сходства только лавровой веточки не хватало.

Когда в прихожей раздался звонок, Алексей Федорович невольно поморщился. Открывать ему не хотелось. Общаться в такую жару с кем-либо — тоже.

Но, оказалось, это был Сережа.

Своему любимому ученику старый преподаватель был всегда рад, но от тех слов, которые ему пришлось услышать, он едва не упал, что было бы весьма нежелательно. Во-первых, в столь почтенном возрасте (а Алексею Федоровичу шел уже восьмой десяток) падение даже в собственной квартире могло повлечь за собой травму вроде перелома, что по своей сути вещь не только неприятная и болезненная, но еще и довольно опасная. А во-вторых, под белой простыней у Алексея Федоровича из одежды не было ничего. И если бы во время падения, простыня не дай Бог развернулась… Это был бы казус «покруче» казусов с задачами.

Но все обошлось. Алексей Федорович благополучно устоял на ногах, простыня осталась на хозяине в своей неизменной форме, Сережа снял обувь и прямо босиком прошел в комнату и… вот тут-то он выдал:

— Алексей Федорович, а у Вас не найдется задач по молекулярной физике? И еще по электродинамике? И желательно, посложнее. А то все эти стандартные задачки с их не менее стандартными решениями так надоели…

При этом Сережа сморщил нос, показывая, как действительно надоели ему все эти стандартные задачи.

— Сережа…— не проговорил, а простонал Алексей Федорович.— Ну, ведь все же должно иметь пределы! На улице жара, нормальные люди купаются, лежат на пляже, загорают…

— Так вы мне дайте учебник… как его там — Гойхмана, кажется,— попросил Сережа.— Я как раз захватил с собой покрывальце.

— А учебник-то тебе зачем? — не скрывая удивления, проговорил Алексей Федорович.

— Ну, как же.— И Сережино лицо расплылось в широченной улыбке.— Я приду на пляж, лягу спиной к солнцу, возьму учебник, буду лежать, загорать и заодно решать задачки. И буду, как вы только что сказали — «нормальным». Как все. Только все лежат с кроссвордами, а я буду лежать с книгой Гойхмана. Ведь жара — это не что иное, как физическое явление, и только. Вы же сами мне об этом говорили! Помните?

Алексей Федорович открыл рот, ошалело посмотрел на Сережу и… не найдясь, что возразить, полез на стремянку, чтобы достать с верхней полки задачник Гойхмана...

Вячеслав МИХАЙЛОВ

г. Москва

Вячеслав Викторович Михайлов родился и вырос на южной окраине СССР, живет и работает в Москве. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Печатался в «Литературной газете», газете и журнале «День литературы», литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег». Автор сборника прозы «Вызов». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

РЕЦИДИВ

В кабинет руководителя информационно-аналитических программ видного российского телеканала быстрым шагом, проскочив компактную приемную и пропустив вопросительный взгляд секретарши, ворвался возбужденный Андрей Камышов, популярный ведущий громкого общественно-политического ток-шоу. Не обращая внимания на встречное недовольство шефа, удивление его зама бесцеремонному визиту, он бросил на стол лист бумаги и яростно выпалил:

— Это заявление об уходе. С меня довольно!

— Так-так,— напрягся шеф, ослабив галстук и откинувшись на спинку кресла.— Случилось что-то из ряда вон. И что же это, Андрюша? Только давай спокойно и по существу.

— Ты мне скажи, у нас на канале по-прежнему патриотизм в приоритете?!

— Конечно, никак иначе.

— Так вот, на ведомом мною ток-шоу мы работаем против него. Не могу я больше прерывать нашу программу рекламой, превращать в черт-те что! Сил нет. Просил же, давать хотя бы перед началом, после окончания. Ты на это даже не пошел. Все, баста!

— Вот оно что,— успокоено выдохнул шеф.— Опять ты про рекламу. Я уж думал скандал какой, конфликт опасный у тебя в студии вышел.

— Хуже, Сергей Леонидович, много хуже, Сережа!.. Слушай, страна родная ведет масштабные военные действия. Сражаются, получают ранения, гибнут за правое дело наши воины, мирные наши люди страдают, и раненых, погибших среди них немало. Мы об этом рассказываем в нашей программе, анализируем с экспертами всякие ситуации, частенько с комом в горле. Жарко бывает — ты знаешь. Эпизоды боев даем, беседы с бойцами, командирами во время передышки. Духоподъемные искренние слова звучат. Показываем раненых, погибших, разбитые дома, предприятия в огне, могилы в городских дворах, глаза прифронтовых жителей, тревожные обыденно глаза — не было подобных, наверняка, со времен Великой Отечественной. Не скрываем ужасы, трагедию большую. И такие вот показы и рассказы приходится прерывать, объявлять перерыв на рекламу и соблазнять телезрителей парфюмом, авто, бадами, загородными домами, бельем, наисправедливейшим банковским кредитом — чем угодно. Это в один миг опускает предшествующие показы и рассказы. По крайней мере, уравнивает тему защиты отечества, любви к Родине и тему бабла для бизнеса, размещающего рекламу, для телеканала, выдающего ее в эфир… Одним судьба сражаться, погибать за Родину, нести лишения военные, а другим — покупать и наслаждаться, бабло рубить — вот что мы транслируем. Мы используем картины борьбы за правое дело, самопожертвования для извлечения бабла. Против патриотизма это, Сережа, против. Не дураки люди, если не осознает кто, то чувствует.

— Да-а, все серьезнее, чем я было подумал,— озабоченно сказал шеф и повернулся к растерявшемуся заму:

— Мы тут договорим с Андреем, Николай Маркович, а вы тем вопросом займитесь, что обсуждали с вами.

После поспешного исчезновения зама шеф вскочил с кресла и зло прошипел:

— Ты, что не мог мне вывалить все это тет-а-тет?!

— И мысли не было такой,— огрызнулся Камышов.

— Почему сегодня-то именно?

— Последнее время наши отснятые программы смотрел не полностью, без рекламной начинки,— усмехнулся сумрачно Андрей,— а сегодня вот решил, как зритель поглядеть несколько штук недавних — по доброму совету, надо сказать. Не ожидал, честно говоря, увидеть оскорбительную такую комбинацию большого и мелкого, высокого и низкого. Ноги сами к тебе принесли. Не останавливал их, боялся, начну редактировать претензию, искать обтекаемые формулировки, насчет заявления раздумывать.

— Я, Андрюша, отчасти тебя понимаю,— примирительно сказал шеф после небольшой паузы.— Есть определенный диссонанс в связке тем вашего ток-шоу и коммерческих рекламных роликов. Но оценки твои и выводы запальчивые, жесткие — это явное преувеличение, ну, согласись. Прямо-таки обвинения шьешь в антипатриотической пропаганде, начальник,— пытался сострить Сергей Леонидович для разрядки.— А зрители-то привыкли уже давно к тем или иным рекламным диссонансам на экране. Не нравится реклама — слух режет, глаза, надоела вообще — перескакивают на время рекламы на другой канал, и решен вопрос. Умеют отделять зерна от плевел… Ты явно переутомился. Еще бы — несколько месяцев сильнейшего напряжения. У тебя нервный срыв. Отдохнуть надо…

— Эти оценки и выводы — суть моей и еще многих позиции,— возразил порывисто Камышов.— Не вдруг она возникла, давно зреет, и заявление мое не бзик, не случайность. Не делай из меня психа.

— Ты же знаешь, у нас нынче с доходами от рекламы не швах пока, но трудности серьезные,— мягко продолжал увещевать шеф.— Если я начну корректировать размещение рекламы по твоему хотению, мигом получу пинок под зад. И не дадут мне это учинить, слушать не станут наверху. Скажут, бюджетная политика телеканала не твое дело, твое — программы правильные клепать, привлекательные одновременно для размещения рекламы… Ты, Андрюша, не забыл, что доходы от рекламы — основа нашего бюджета, благополучия и, в частности, твоей заоблачной зарплаты, которой министр федеральный позавидует?

— Тем более, заявление мое в помощь бюджету, разгрузит его,— насмешливо заметил Андрей.

— Значит, выбираешь рецидив: ты уходил ведь уже с нашего телеканала лет десять назад с демаршем антирекламным. Помыкался по другим каналам и вернулся… Повторяется история.

— Тогда я уволился по конкретному эпизоду,— уточнил сухо Камышов.— Январь две тысячи одиннадцатого. Если помнишь, запустили веселую такую рекламу после показа любительской видеосъемки с людьми, разорванными терактом в здании аэропорта Домодедово.

— Ну, что ты, в самом деле, привязался к рекламе,— еще попытался достучаться Сергей Леонидович. — Вечна она, как смерть и налоги. И при социализме советском была кое-где, а сейчас даже на православном телеканале есть… У тебя ж экономический диплом. Вспомни: стране нужен рост ВВП, продаж товаров и услуг, высокая занятость населения нужна, значит, нужен активный потребительский спрос, который и поддерживается рекламой.

Камышов устало вздохнул:

— Давай уже закончим, Сережа.

Шеф взял не торопясь заявление:

— Я подпишу… Замену тебе подыскать, конечно, не просто будет. Но с другой стороны настырная твоя буза здесь совсем не нужна. Решил, куда двинешь?

— Не думал пока. Быть может на тот же православный канал, если возьмут.— Там отношение к рекламе пожестче… Но прежде хочу через знакомых депутатов Госдумы и генералов — спасибо нашему ток-шоу — попытаться усилить табуирование рекламы на ТВ.

— Повоевать с нами решил,— усмехнулся шеф.

— По сравнению с фронтом это пустяк.

— Только не забудьте сначала с нашим турбулентным капитализмом разобраться,— прибавил лукаво Сергей Леонидович.— Не удастся рекламу, служанку верную прибыли, заметно ограничить в общественной системе, где прибыль — альфа и омега, главный идол.

ИСТОРИЧЕСКИЕ БАЙКИ

Рождение шедевра

За день до открытия художественной выставки ее организатор, известный ценитель и знаток искусств, заехал к Малевичу в мастерскую, не дождавшись обещанной им картины «В ночи».

Хозяин, упреждая упреки, виновато скрестил руки на груди:

— Каюсь, каюсь. Нет работы, нет. Так вышло. Причина сугубо личная. Выкрутись как-нибудь.

— Что значит выкрутись?! Твое имя на афише. Меня в аферисты зачислят — как пить дать. Ты что, Казимир, и писать не начинал?

— Начал. Сделал фон, в первом приближении… Багет даже простенький примерил. Вот.

Малевич снял тряпицу, прикрывающую мольберт. Из действительно простенького светлого багета выглядывал темный квадрат.

Удрученный организатор задумался и принялся прохаживаться по мастерской из одного конца в другой. Наконец остановился и решительно потребовал:

— Упакуй-ка мне этот свой фон. Я его забираю и вывешу под твоим именем: афишу исполнил, слово держу. А ты придумай скоренько объяснение данному творению.

— Но что я могу придумать? — растерянно развел руками побелевший Малевич.

— А это твоя забота… Да-да, родной, за грехи надо платить. Поднатужься. Нынче что только не вытворяют, чертяки… Можешь по-шустрому еще несколько подобных штуковин изобразить: круг скажем, ромб, крест. Рядом с квадратом повешу — вроде новое направление.

Отставка Ельцина

По сию пору многим непонятно, как это властолюбивый Ельцин, не дождавшись всего полугода до окончания своего второго президентского срока, ушел в отставку и передал власть премьер-министру Путину.

Да, здоровье было не ахти, но барахлило оно уже давно: и перед президентскими выборами 1996 года, и вслед за ними, после операции на сердце. Да, Путин за короткое время показал себя волевым, расчетливым лидером, уверенно рулил проведением контртеррористической операции на Северном Кавказе, виделся Ельцину надежным преемником, твердым рыночником и сторонником упрочения капитализма в России. Но к чему спешка, канитель эта с отставкой, когда досрочные, после отставки, выборы президента всего на несколько месяцев опережали конституционные очередные выборы?

А дело, при дворе говорили, было так.

Незадолго до отставки российский президент читал в кои-то веки малому своему внуку незнакомую среднеазиатскую сказку об одном падишахе. Восточный сей владыка мало верил докладам своих визирей о народных настроениях: о плохих умолчат, боясь государева гнева, благие раздуют, а то и выдумают. Потому он периодически гримировался, облачался в одежду простолюдина и ходил по базарам, площадям, заглядывал в мечети и иные людные места, прислушиваясь к разговорам. Невдалеке за ним следовали несколько надежных охранников, замаскированных под обычных горожан. Так он был в курсе истинного отношения подданных к нему, его власти, и с учетом этого действовал, строил планы.

— Смекалистый правитель,— вспомнил Ельцин чуть позже об этой сказке да призадумался: «И я ведь не в курсе подлинных людских настроений. Знаю, многие против меня, против моих реформ — с большим скрипом на второй срок избрался, продул бы без ресурса административного и денежного — наверняка. Понятно это: хлебнули люди трудностей, да и бед — чего греха таить. Сторонников моих тоже немало: понимают они, что отклонилась страна от верного пути и возврат на него ох как труден и тернист. Но какое отношение преобладает и насколько? Заказным соцопросам веры мало… Сменю-ка и я личину да пойду по примеру падишаха послушать людей. Охрана будет скрытно рядом — как без нее».

Сказано — сделано. Вылазки в народ были организованы по высшему театральному разряду и возведены в ранг государственной тайны, дабы немногочисленные участники и посвященные не проболтались. Побывал президент на рынке, в заводской столовой, на собрании сельхозкооператива, учительской конференции, совещании ученых и еще в ряде мест, где собирались, непринужденно общались люди разных занятий, даже в доме офицеров на каком-то мероприятии побродил в кулуарах усатым отставным подполковником. И каждый последующий выход окрашивал лик президента все большей печалью. Когда же вошедшие во вкус кремлевские режиссеры подготовили очередное проникновение в массы и стали представлять его Ельцину, тот грохнул кулаком по столу и угрюмо проронил: «Все, шабаш!».

В скором времени он заказал помощникам отставную речь, поправил слегка готовый текст, добавил в него слова с просьбой к российскому народу о прощении, выдал в телеэфир и оставил Кремль.

Третьяк и Гретцки

Будучи в начале восьмидесятых годов в Москве канадец Уэйн Гретцки, знаменитый хоккейный нападающий, навестил великого советского хоккейного вратаря Владислава Третьяка.

Владислав жил в многоэтажном доме с интересной архитектурой недалеко от Белорусского вокзала. Когда он встретил во дворе приехавшего Уэйна, тот спросил: «Влад, этот дом весь твой?».

Третьяк подобного вопроса не ожидал и с ответом не торопился: «То ли остряк парень, то ли и вправду думает, что у меня может быть такой домина, как у него видимо размерами — с многочисленными спальнями, ваннами, гостиными, спортзалом, бильярдной и разным прочим».

— Да нет, что ты,— наконец улыбнулся Владислав, смутившись малость,— у меня здесь квартира.

А незадолго до отъезда Гретцки на родину разговорились они по душам, и канадец высказал то, наверное, что давно просилось наружу: «Знаешь, Влад, не понимаю я, как ты и многие другие русские хоккеисты так здорово умеете играть… побеждать, как могли стать суперпрофессионалами, когда не получаете

и сотой доли тех денег, тех благ, что заслуживаете!».

— Если скажу тебе, что больше мне не нужно, не поверишь и правильно сделаешь,— улыбнулся Третьяк.— Но мне такой уровень установили — кстати, заметно выше среднего по стране — и я его принял. И не помеха мне это выкладываться по полной.

Уэйн недоверчиво усмехнулся:

— Хочешь сказать, если б тебе платили в сто раз больше — как у нас, то это не стимулировало бы тебя готовиться лучше, играть лучше?

— Меня нет… Кого-то — да,— сказал Третьяк.— Не вижу, за счет чего смог бы еще прибавить… А что тебя удивляет? Не я один, не только спортсмены-чемпионы у нас так живут, а и крупные ученые, и популярные артисты, и космонавты, и директора предприятий, и банкиры, масса других суперпрофессионалов, как ты говоришь, в своем деле… И вообще: мешают доходы крупные выкладываться, отвлекают изрядно. Это ж заботы немалые, головная боль: потратить с умом, заниматься имуществом, хранить его. Поберечь себя хочется поневоле, чтобы от нажитого кайф потом получать на всю катушку, как говорится. Точно мешают, Уэйн.

Гретцки молчал, соображая, шутит Владислав или правду говорит.

Галина СОЛОНОВА

г. Сельцо Брянской области

Родилась 8 марта 1948 г. в д. Добрунь Брянской обл. в учительской семье. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Член СПР, член МСПМИ. Наш постоянный автор.

ПРОСТИ

— Мама, мы сегодня рисовали открытки ко Дню Победы. Мария Васильевна сказала, чтобы их вручили папам или дедушкам,— сообщила за ужином второклассница Танюшка.

— Покажи свою открытку,— дрогнувшим голосом попросила Валентина дочку.

Танюшка быстро выскочила из-за стола и бросилась к портфелю.

— Вот,— положила она рисунок перед мамой.

— Красиво, и по теме: танк, красная звезда, гвоздики. Молодец!

— Мам, кому мне подарить? Дедушка умер, а где мой папа?

Валентина знала: рано или поздно дочка задаст этот вопрос. Она заранее заготовила ответ, но все равно несколько смутилась. Полистав альбом с фотографиями, который достала из ящика письменного стола, справившись с волнением, женщина тихо сказала:

— Вот. Смотри. Это твой папа.

Девочка долго зачарованно смотрела на фотографию размером девять на двенадцать и молчала. «Что творится сейчас в ее головке?» — думала Валентина, едва сдерживая тяжелый вздох. Танюша погладила рукой портрет и, наконец, спросила:

— А почему он с нами не живет?

— Папа работал инструктором по туризму. Однажды ему пришлось спасать шестнадцатилетнего мальчика на склоне высокой горы. Мальчика спас, а сам не удержался, упал и разбился.

— Красивый,— сказала Танюшка и, прижав к груди портрет, подбежала к комоду, прислонила фото к флакону с духами.— Пусть здесь стоит…

Валентина посмотрела в окно. Ярко-синяя тень от фонарного столба пересекала центральную поселковую дорогу. Усиливающийся ветер кружил легкую поземку вокруг снежной бабы, которую днем слепила детвора… Сбросив халат, скользнула под одеяло холодной постели. В груди проснулось чувство вины, тревоги и тоски. Воспоминания десятилетней давности не давали ей уснуть.

Тогда ей было двадцать семь. Районный отдел образования назначил ее директором восьмилетней поселковой школы, а райком профсоюза выделил туристическую путевку на базу отдыха под Сочи.

Из всех девушек, прибывших на отдых, Сергей особым вниманием отметил Валентину. Спортивная фигура, красивый лицом, обаятельный в общении он привлекал всеобщее внимание. Не ответить взаимностью у Валентины не было сил. Вспыхнули скороспелая любовь и страсть. Две сказочные недели пролетели незаметно.

— Я к тебе приеду, обязательно приеду через месяц,— шептал на ухо Сергей.— Ты только жди. Тогда и решим все наши с тобой житейские проблемы.

И Валентина ждала, верила, жила месяц, второй грезами и надеждами на встречу. Поняла, что внутри нее зародилась новая жизнь. Растерялась, появилось горькое разочарование. Не дождавшись от Сергея ни его

приезда, ни письма, она сама написала ему по месту работы и сообщила о беременности. Ответ пришел, но между строк, в которых он просил еще немного подождать, Валентина почувствовала холодок и отчуждение. «Ребенка, конечно, сохраню,— рассуждала она.— Но я учитель, директор, на виду у односельчан. О чем будут говорить коллеги, родители, начальство?» Живот рос, росла и тревога за будущее еще не родившегося ребенка. Стали шептаться за спиной. Валентина решилась написать Сергею еще одно письмо. «Пожалуйста, очень прошу, приезжай хоть на два дня, чтобы не говорили мне вслед, что я нагуляла ребенка. Живу в небольшом поселке, а у нас строго с моральным обликом члена партии, педагога…» Превозмогая чувство унижения, она опустила письмо в почтовый ящик.

Шел седьмой месяц беременности, когда Сергей приехал. С поезда он явился прямо в школу, сидел в учительской и ждал, пока у Валентины закончатся уроки. Весть моментально облетела всех работников школы. «Статный. Красивый. Представительный. Значит, все-таки есть муж»,— шептались учителя, приходившие в учительскую. Валентина вздохнула с облегчением.

— Спасибо, что приехал и спас меня от позора,— сказала Валентина, провожая Сергея к станции.

— Ты меня прости, Валюша. Я виноват: жена у меня и двое пацанов. Родишь — ребенка я признаю, дам ему свою фамилию и помогать буду. Перед женой я покаялся. Она у меня хорошая, простила.

Сергей выполнил свое обещание: Танюшка носит фамилию своего отца. Материально помогал, но он никогда не интересовался судьбой и жизнью дочери.

От заново пережитых воспоминаний защемило в груди. Валентина тяжело вздохнула. Она вытерла невольно накатившиеся слезы пододеяльником. «А ведь могла за эти годы замуж выйти, были предложения достойных мужчин. Но не хотела. Не могла. Видно, сильно «зацепил» меня Сергей»,— думала она. Вспомнилось письмо, что получила от двоюродной сестры. Тамара в очередной раз приглашала переехать к ней в Химки. «Ближе ее у нас с Танюшкой никого нет. Кроме работы никто и ничто нас в поселке не держит, а на работу в школу учителем и там, как пишет сестра, можно устроиться. Наступят летние каникулы — надо съездить, посмотреть» …

Переезд Валентины с дочкой на новое место жительства был без особых переживаний. У сестры с мужем был большой частный дом. Их сын с семьей жил и работал в Москве, так что места в доме для Валентины и Танюшки было предостаточно. Жизнь и работа на новом месте складывались благополучно: Валентина преподавала в школе, Танюшка училась в третьем классе.

Однажды к Тамариному мужу приехал в гости друг — главный энергетик одного из московских заводов. Вадим Александрович (три года назад овдовел, детьми обзавестись не успел) был очень рад знакомству с обаятельной умной женщиной. Зачастил он в гости. Взаимная симпатия, родство душ, дружеское общение Вадима с Танюшкой сблизили всех троих. Валентина с дочкой предложение Вадима расписаться приняли. Переехали в его московскую квартиру. Вадим хотел удочерить Танюшку и дать ей свою фамилию. Валентина отказалась. В тридцать девять лет она решилась родить сына. Жизнь протекала в любви, согласии, заботах друг о друге.

Время шло, сынишка подрастал, Татьяна успешно окончила два курса финансово-экономического института. Однажды вечером, когда все были дома, она сообщила:

— Дорогие родители! Мы с подругой хотим поехать отдохнуть на море. Позволите ли вы?

— С Мариной? — уточнила Валентина.

— Да, с Мариной.

— Не рановато ли без взрослых? — заволновалась Валентина.

— Валюш, девочкам уже по двадцать лет, взрослые,— защитил Вадим Александрович.

— Взрослые-то взрослые, да и взрослым надо голову на плечах иметь. А куда хотите?

— В Сочи.

Лицо Валентины вспыхнуло. Она едва справилась с волнением.

— Ну что ты так беспокоишься? До самой старости собираешься опекать дочку? А по поводу головы — так она у нее работает отлично. Езжайте, Танюша. Деньгами я тебя обеспечу.

Валентина вздохнула, но мужу возражать не стала…

Чувство свободы и независимости переполняли Таню и Марину. Закинув спортивные сумки за спину, они вышли из вагона. Навстречу прибывшим устремились местные, наперебой предлагая жилье. К подругам подошла миловидная интеллигентная женщина.

— Девочки, вы отдыхать приехали?

— Да.

— У нас дом в десяти минутах от моря. Мы с мужем одни. Берем недорого.

— А вы нас не обманываете? — переспросила Таня, помня наставления матери.

— Ну что вы, девочки. Нет, не обманываю,— по-доброму улыбнулась незнакомка.

— Мы согласны,— торопливо ответила Марина.

— Меня зовут Алевтина Федоровна. А вас как?..

И дом, и двор с кустами пышных роз, с беседкой, увитой виноградом, девочкам очень понравились. Навстречу вышел муж Алевтины Федоровны.

— Ну вот, привела красавиц. Будут отдыхать две недели.

— Надеюсь, останетесь довольны,— дружелюбно улыбаясь, ответил мужчина.

— Пойдемте, покажу вашу комнату,— сказала хозяйка,— и паспорта мне нужны для оформления временной регистрации.

«Москвички, студентки,— отметила про себя Алевтина Федоровна, разглядывая документы,— да еще и однофамилица наша одна из них. Бывают же совпадения!»

Девчонки загорали, купались, наслаждались морем, любовных приключений с молодыми людьми избегали — выполняли строгие наказы родителей. Вечерами часто сидели с хозяевами в беседке под пышным виноградником, пили чай. Девочки рассказывали о своей учебе, о планах на будущее.

— Вот бы нам таких невесток! Правда, Сергей? А то, боюсь, наши сыновья-близнецы, пока служат в море, бобылями останутся.

— А ты покажи их фотографии, может быть, наши ребята им и приглянутся,— предложил Сергей Иванович.

Алевтина Федоровна принесла большой тяжелый альбом, раскрыла перед девочками первую страницу.

— Это наш семейный альбом, тут история нашей семейной жизни.

Со страниц альбома смотрели лица Алевтины Федоровны, Сергея Ивановича, их сыновей в детском возрасте. Все сопровождалось комментариями хозяев. Рассматривая фотографии, Татьяна не могла отделаться от мысли: кого напоминает ей Сергей Иванович.

— А вот такими стали наши сыновья,— гордо сказала Алевтина Федоровна, открыв очередную страницу альбома, тем самым прервав мысли Татьяны.

Анатолий и Николай смотрели с портретов на девушек, слегка улыбаясь, будто дразня их: «Вот, посмотрите, какие мы!»

— Таня, ты кого выбираешь? — полушутя, полусерьезно спросила Марина.

Татьяна засмущалась, промолчала.

— А я вас, девочки, если не возражаете, сфотографирую: приедут сыновья в отпуск, посмотрят да и напишут вам письма. Адреса у нас ваши есть,— сказал Сергей Иванович.

Алевтина Федоровна перевернула плотный лист альбома. Портрет молодой женщины поразил Татьяну. Будто она сама смотрела с портрета, только в другой кофточке, да волосы зачесаны иначе. Татьяна пристально вглядывалась в фотографию, бросала быстрый взгляд то на Алевтину Федоровну, то на Сергея Ивановича.

— А это кто? — наконец изумленно спросила она.

Из-за волнения Таня не заметила, как посмотрели хозяева друг на друга.

— Красивая? И на тебя похожая? — пристально вглядываясь в лицо Татьяны,— сказал Сергей Иванович.— Это моя мама в молодости.

Алевтина Федоровна молча поспешила перевернуть альбомный лист…

Поезд все дальше и дальше уносил девушек от моря, пальм, южного солнца. Марина безмятежно спала под стук колес. Татьяне не спалось. Она вновь и вновь представляла портрет мамы Сергея Ивановича, который так поразил ее воображение. Вспомнила, как сильно смущалась, когда ловила на себе пристальные взгляды хозяина. Наконец она поняла, кого напоминал ей Сергей Иванович. «Он похож на моего отца! Непременно отыщу ту фотографию, которую в детстве показывала мне мама. И пусть она мне, наконец, расскажет правду»,— решительно подумала Татьяна.

Приехав в Москву, Таня на следующий день получила телеграмму:

«Прости меня, дочка! Помни, что у тебя есть отец. Всегда будем рады видеть тебя у нас».

Евгений ТАТАРНИКОВ

г. Ижевск

Родился в Удмуртии в 1959 г. После школы в 1976 г. поступил МВТУ им. Баумана, которое окончил в 1982 г. и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 г. окончил Высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Любимый жанр — юмористические рассказы. Любимые писатели: В. М. Шукшин и Н. В. Гоголь. Постоянный автор нашего альманаха.

«ПИЛОРАМА — ПИЛА МАЛО»
(Народные студенческие мемуары 70-х годов)

Старенький неказистый автобус «Кубань», больше похожий на большую железную букашку без крыльев, лихо, как кузнечик, подпрыгивал по ухабистой древней смоленской земле. Водитель, веселый балагур,

на полную катушку врубил свой старенький транзистор «Альпинист». А там песня «Красные маки» — во весь голос Стаса Намина. А за окном автобуса стебелилась зеленая молодая еще кукуруза — детище Никиты Сергеевича Хрущева. Мы ехали в свой первый, а кто-то и в последний стройотряд, весело подпрыгивая на ухабах смоленского бездорожья и горланя песни вместе со Стасом Наминым, которого старался перекричать наш гитарист Шурик Михайлов. На очередном ухабе радио подпрыгнуло вместе с автобусом и, похрипев немного под ногами водителя автобуса, заглохло. Немного поматерившись, водитель успокоился, а Шурик с усмешкой ему сказал:

«Не страшны тебе ни дождь, ни слякоть,
Резкий поворот и косогор,
Чтобы не пришлось любимой плакать,
Крепче за баранку держись шофер»

Новые зеленые стройотрядовские куртки с бело-синей эмблемой «Вязьма-78» были нам молодым и зеленым, как эта кукуруза, к лицу. Позади самый трудный год, впереди третий трудовой семестр. А на «камчатке» автобуса сидит Шурик Михайлов и всю дорогу, от Вязьмы до места дислокации стройотряда — села Туманово, без устали под свою гитару поет, что на ум взбредет:

«Ну, споемте-ка, ребята-бята-бята-бята-бята,
Жили в лагере мы как, как, как,
И на солнце, как котята-тята-тята-тята,
Грелись эдак, грелись так, так, так.
Наши бедные желудки-лудки-лудки-лудки-лудки
Были вечно голодны-ны-ны,
И считали мы минутки-нутки-нутки-нутки-нутки
До обеденной поры-ры-ры!»

Петь никто не хотел, то ли слов песни не знали, то ли было лень, многие впали в дрему. На очередном ухабе автобус подпрыгнул, и Шурик, ударившись головой в потолок, крикнул: «Ууу, б.я, ух, ухабы! Эх, дороги, пыль да туман…»

За поворотом появилось село Туманово. Въехали в небольшое старое село, таких тысячи на Руси, и остановились возле старой одноэтажной деревянной школы, в которой и проведем два месяца трудового фронта. Кровати и тумбочки прямо в классе, вот и вся тебе обстановка. Хорошо хоть не в палатках. Умывальник и уборная на улице, хорошо хоть не в поле. Завтрак, ужин в совхозной столовой, хорошо хоть не в ресторане «Прага» на Арбате. Обед на свежем воздухе. А вообще, как-то все странно: старенький автобус, старая школа, избитая дорога, бедное село и мы веселые, молодые и здоровые.

Ольга Платонова в белоснежных босоножках кричит что есть мочи (ударение на 1-й слог):

— Вадик, выходи уже из автобуса, приехали в Туманово.

А Вадик высунул сонную косматую голову из окна автобуса и запел, как бард:

«Понимаешь, Оля, это странно, очень странно,
Но такой уж я законченный студент-чудак:
Я гоняюсь за туманом, за туманом,
И с собою мне не справиться никак.
Люди сосланы делами и долгами,
Люди едут за деньгами,
Убегают от обиды, от тоски...
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами сюда едут только дураки».

Оля вошла в ступор, стояла как дура, раскрыв рот, а Вадик продолжал петь:

«Понимаешь, Оля, это просто, очень просто,
Для того, кто хоть однажды уходил.
Ты представь, что это остро, очень остро:
Солнце, песни, комары, дожди.
Пусть полным-полно набиты
Мне в дорогу чемоданы:
Память, грусть, несданные «хвосты»...
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами сюда едут только дураки»

— Оль, очнись, мы уже в Туманово, и хватит на Вадика пялиться, все на митинг по случаю нашего приезда на древнюю смоленскую землю. Митинг состоится возле школы. Рыбин возьми наше стройотрядовское полковое знамя. Стройтесь уже, вон директор совхоза идет, Бальтер. Подравняйся! — кричал наш староста Лешка Александров.

— Я рад вас — бауманцев, приветствовать на героической Вяземской земле. Вам, здесь за время третьего трудового семестра предстоит большая работа, в ходе которой вы сможете на практике применить свои знания, полученные вами в славном МВТУ. Вам предстоит построить для нашего совхоза: коровник, зерносклад, трансформаторную будку. Не скрою от вас, объем работ предстоит выполнить большой, так что работать предстоит, засучив рукава, и, как у вас в песне поется, работать придется от зари до зари.

У Шурика Михайлова то ли нервы сдали от этой речи директора совхоза, то ли язык зачесался, и он пропел:

«От зари до зари,
От темна, до темна
О любви говори,
Пой, гитарная струна!»

Его перебил директор: «Да, молодой человек, совершенно верно, петь о любви будете уже от темна до темна. Тут приезжали ваши квартирьеры: Леонид Александров, Вадик Поколодин, они подготовили нашу школу для вашего проживания, так что милости прошу, проходите, располагайтесь. Через час обед в совхозной столовой, а завтра с утра жду вас на объектах. Командира, мастера и комиссара отряда жду в правлении совхоза, надо обсудить текущие моменты».

Мы подняли флаг МВТУ и прибили на фронтоне школы свою эмблему, потом, как положено, спели «Когда ты поступаешь чудак в МВТУ, ты еще не знаешь, что будешь жить в аду….»

После чего митинг закончился и начались трудовые будни.

Прошло уже более месяца, как мы сюда приехали, настала середина июля, и каждый день одно и тоже: подъем, работа, отбой. Силы были уже на исходе, быстрей бы достроить этот коровник и в Москву. Каждое утро мы просыпались не от крика колхозного петуха, который постоянно просыпал зорьку, а под зычный голос мастера стройотряда Витька: «Салаги, пааадъеооом!». А какие мы были салаги, нам было уже по девятнадцать — двадцать лет, Салагой был только Санек ему было пятнадцать лет, трудновоспитуемый подросток, которого нам всучил Бауманский райком комсомола на перевоспитание на третий трудовой семестр. Как его перевоспитывать никто не знал, поэтому он трудился с нами наравне. А мастер Витька был уже аспирантом и писал на кафедре какую-то хитрую диссертацию, про которую никому не рассказывал, видимо, тема была засекречена, да и нам до нее было по фиг, а ему было под тридцатник. Он был солиден и бородат, а мы еще ладом и не брились, да и брить было нечего, голо как в тундре. Витька со стройотрядами объездил весь Советский Союз. По его полинялой и выцветшей стройотрядовской куртке, можно было изучать географию: Таймыр, Хакассия, Шимановск, Сахалин. Больше всего поражал, конечно, Сахалин, этот остров казался нам где-то на краю света. А теперь Виктор в Вязьме, видимо, так ему надо, в этот год быть поближе к Москве. Я думаю, в деньгах он мало потеряет, а мы много не заработаем. Ну, рублей пятьсот от силы. Хотя это тоже деньги, считай почти десять стипендий, на которые можно неплохо жить весь учебный год. Так я рассуждал нежась какие-то секунды в теплой постели, пока в мою сторону не полетел поток холодной воды из ковшика, с которым Витек не расставался каждое утро. Я натянул штаны, которые уже стояли колом около моей койки, так как они давно уже процементировались и просились в стирку, а я мечтал о бане, куда наш завхоз обещал отвезти еще на той неделе, но не смог найти автобус, вернее эта «Кубань», как его звали, была в ремонте, а шофер Серега в очередном запое. Мылись в местном пруду вместе с колхозными утками, это их была вотчина, в которую мы вторглись без их спроса. Они крякали на весь пруд и пытались нас долбануть в особо уязвимые наши места, поэтому мы быстро оттуда ретировались под радостное кряканье и лягушачий гомон.

«Утренняя производственная линейка»

Рыжий большой кот, откормленный как на убой в школьной столовой, дремал на крыльце школы, и его не волновало ни утреннее щебетанье птах, ни жужжащий под носом мохнатый шмель. Наверное, ему снилась сметана, густая и вкусная, которая висела у него на усах, как новогодняя вата, а он ее слизывал своим шершавым языком. Серега, командир нашего отряда, оглядев нашу полусонную шеренгу, зычно крикнул: «С добрым утром, отряд!». И рабочий день начался. На приветствие проснулся рыжий кот, которого все звали Тиграша, он, не открывая глаз, потянулся, выгнул спину коромыслом, зевнул от души и стал передними лапами царапать старый деревянный пол, а потом мягко и с достоинством пошел в сторону Сереги, как давнему своему другу. Подойдя к нему, Тиграша стал тереться об его ногу, чем вызвал смешки в строю. Серега пытался ногой отогнать кота от себя, но тот, как «назойливая муха», лез к Сереге.

Я стоял и тупо смотрел в землю, где два рыжих здоровенных муравья тащили соломинку. Ну, трудяги,

братья мои, тоже строители, как и я. Меня этот жирный кот интересовал меньше всего, я смотрел на свой кирзовый левый сапог «в гармошку», который раскрыв беззубую подошву, тихо горланил. Хорошо, что его слышал только я:

«Мы так давно, мы так давно не отдыхали.
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы из сухих болот коряги выдирали,
И нарушали по ночам закон сухой.

Еще немного, еще чуть-чуть!
Еще гектар, еще полходки!
А я субботы с волненьем жду,
Чтобы хлебнуть "Российской" водки…»

— Заткнись, хлебнешь в субботу. Обещаю.

Я бы, конечно, лучше поехал в стройотряд куда-нибудь за длинным рублем и кусачим комаром в Хакассию или на Таймыр полетел. А может нахаляву отдохнуть в интернациональный ССО куда-нибудь к теплому морю. Ну, например, в Болгарию. Но туда так просто не попадешь, там свой клан бойцов, а в него нужен блат. А где его взять молодым пацанам? В комитете комсомола МВТУ в то время была должность — зам. секретаря по международной работе. Вот с кем надо было дружить, чтобы ездить в ССО в Польшу, ГДР, Чехословакию, Венгрию, Болгарию. Я бы даже в Монголию с радостью поехал, если бы там была работа.

«На утренней производственной линейке»

Наш командир пятикурсник Серега уже двадцать минут что-то нам вдалбливает на разводе работ, а я не могу никак сосредоточиться. Рядом с ним лежит рыжий кот Тиграша и, как пес, охраняет Серегу. Рядом с котом стоит комиссар четверокурсник Ромка, отрешенно смотрит на березу, видимо, ворон считает, а их там видимо-невидимо. Через год он поедет уже командиром куда-нибудь в Подмосковье или опять комиссаром, но уже в Болгарию.

По утрам здесь уже стало холодновато, Вязьма вам не Болгария, и на поклон к Мойдодыру идти не хотелось. Почему на поклон? Потому что, когда умываешься, всегда наклоняешься. Мойдодыр стоит на улице, в простонародье его еще называют рукомойник. Лучше бы назвали головомойник, правда, это слово имеет другое значение. Вот командир Серега молодец — грамотный бауманец, правильное применение нашел этому слову. Он сейчас устроил головомойку бригаде, которая позавчера заливала бетоном пол в коровнике. А вчера пол там стал, как стиральная доска. Какая разница коровам? Правильно, никакой, коровы больше будут спотыкаться и ломать себе ноги. Вот Серега и устроил им «головомойку» после Мойдодыра-рукомойника. Через некоторое время я услышал: «Татарников, Михайлов, Скворцов, сегодня пойдете работать на пилораму, пилить доски двадцатку на обрешетку крыши коровника. Посчитайте, сколько кубов напилите. И не бражничайте там, а то я знаю этого пилорамщика деда Егорку — любителя крепких напитков». Мы строили большой коровник, работали уже больше месяца и возвели коробку из бетона и кирпича. Осталось только залить полы, сделать коровам перегородки и доделать крышу: прибить обрешетку из досок, постелить на нее рубероид, а потом покрыть шифером. Короче, работы еще не початый край. После завтрака пошли на пилораму, она в пяти километрах от совхоза. Шли не торопясь, долго. По пути на лугах собирали ягоды. Как говорится: студент идет полем, денежка в карман капает.

«Пилорама и дед Егорка»

Через час были на пилораме, где нас ждал злой дед Егорка. Он сидел на самом большом бревне и курил самосад, отравляя дымом все вокруг.

— Я думал, что вы уже не придете, долго спите, студенты. Дым на вас коромыслом,— такими словами он встретил нас и пустил клубы дыма в нашу сторону. Когда дым рассеялся, и над нами выглянуло солнышко, он начал объяснять нам, как работает рамная пилорама и что мы должны делать каждый в отдельности. «Руки, головы и другие части своего тела в пилораму без надобности не совать, все делать по моей команде»,— напутствовал он нас напоследок. Пилорама была уже старенькая, видимо, уже напилила не одну тысячу кубов леса. Сама избушка, где она стояла, дышала тоже на ладан, и заходить в нее без ста граммов было страшно, вот дед Егорка и ходил постоянно под градусом. И сейчас его как-то странно потряхивало, видимо, вчера бражничал или самогонку пил без меры. Пошли с ним, выбрали бревно, дед замерил какой-то палкой его комель и говорит:

— Диаметр бревна тридцать шесть сантиметров.— Потом посмотрел в свой потрепанный талмуд и говорит опять: — Из него выйдет двенадцать сотых куба досок. Санек ему: «Нам надо на обрешетку крыши доску толщиной двадцать сантиметров». Дед Егорка почесал своей корявой лапой свою залысину и говорит:

— Смотря какой пролет между балками, если больше двух метров, то трицаху надо пилить. А то наметет зимой много снегу на крышу и рухнет ваш коровник к ядреной Матроне, где вас потом искать по Москве, чтобы вам по жопе надавать. Здесь, брат, все рассчитать надо. Короче, без сопромути и бормотухи нам не разобраться. Накось, долговязый, рупь двадцать, да сгоняй к тетке Нюре в сельмаг, скажи дед Егор послал за «Осенним садом».

— Дед Егор, какой «Осенний сад»? Лето на дворе, давай лучше возьмем «Летний дождь»,— решил приколоться над дедом Санек.

— Нет, лучше — «Июльский гром».— Дед усмехнулся и хотел дать пинка под зад Саньку, но тот уже бежал в сельмаг на длинных, как у цапли, ногах. А мы начали пилить двадцатку, как нам сказал командир. Интересно, оказывается, работать на пилораме тяжеловато. Бревна по полтонны, без лома никуда, да и сноровки пока еще нет. Мы вдвоем с Петькой Скворцовым кое-как перекантовали бревно из кучи к рельсам, на которых стояли две тележки с прихватами в виде клешней рака. Мы уложили бревно с двух сторон на тележки, зажали его клешнями и покатили к пилораме. А там уже дед Егор колдовал с пилами, нацепив очки, он настраивал пилораму на «двадцатку», потом нажал на кнопку, и пилы с ревом начали вгрызаться в бревно, дербаня его на доски, полетели теплые опилки, и в избушке приятно запахло лесом.

«Слепой июльский дождь…»

Пилы прыгают вниз-вверх, бревно проходит через верхний и нижний валики, они-то и тащат бревно вперед к пилам. Какую там скорость подачи бревна поставил дед Егор, мы не знаем, но бревно пилится долго, пилы нагрелись, визжат, как голодные поросята, да и мы уже проголодались, а пилим то первое бревно только. Санек вернулся из магазина с «Осенним садом», пошел теплый июльский дождь, в небе появилась радуга. В детстве мы такой дождик называли «слепым», бегали под ним и почему-то не мокли, капли падали где-то рядом. «Слепой», потому что не видит, что солнце светит, и поливает все сослепу. А может быть, потому, что струи дождя под ярким солнцем не видны. Только, когда капля попадает за шиворот, вздрагиваешь. Бревно было распилено, дед выключил свой агрегат, и мы вышли на улицу, чтобы полюбоваться радугой. К счастью, «слепой» дождь был очень короткий. Раз, два, три — и унесло тучу в сторону. Иногда «слепой» дождик в конце июля и в августе называют «грибным». Почему? Потому что всего через час после него на свет выползает множество грибов. Дед смотрел на радугу и молчал, а потом вдруг сказал:

— Считается, что удача повернется к тому, кто увидел радугу. А если загадать желание и пройти под радужным сводом, то оно непременно сбудется, для того чтобы разбогатеть, нужно идти вдоль кромки радуги. Я долго в детстве по-всякому под радугой ходил, но так и не разбогател. Существуют поверья, связанные с радугой, когда что-то не стоит делать. Нельзя плавать в реке, необходимо сразу выходить на сушу, в противном случае можно утонуть. Завтра, ребята, пойду за грибами.

А потом умеючи двумя последними зубами открыл бутылку бормотухи и налил половину граненого стакана, который достал из своих синих галифе, оттуда же достал скрюченный, как его пальцы, огурец и коротко сказал: «Ну, чтобы не последняя была». Санек хотел спросить: «Не последняя сегодня или как?» Но не стал под руку каркать, вдруг еще не в то горло пойдет. По глазам деда мы поняли, что она пошла по нужному руслу, по проторенной годами дорожке, а когда его еще и передернуло, поняли, что колотун-бабай у деда прошел и он вошел в повседневную колею. Нам он тоже дал чуть-чуть попробовать своего «сада», грамм так по сорок, пойло противное, но по башке бьет, и бревна потом кажутся не такие уж тяжелые и пилорама заработала побыстрее, видимо, дед ее тоже чем-то смазал.

Так мы пилили, пока комиссар Ромка на УАЗике не привез нам обед в термосах. Он окинул своим ясным взором стопку свеже напиленных досок и спросил: «Сколько здесь?». Санек с деловым видом ответил: «Два куба двадцатки, начальник». «Маловато что-то напилили». Я посмотрел на него стройотрядовскую куртку, на ней была нашивка с изображением какого-то факела. У меня, как бойца ССО, был — мастерок, у Сереги, как командира — звезда, у Витька — нашего мастера — молоток со штангенциркулем. А у Ромки — факел. Хотел я у него спросить, что он у него символизирует, но постеснялся.

У всех отрядов были свои названия. Ну, там «Ваганты», «Алгоритм», «Интеграл», «Градиент». У нас никакого названия не было, будто мы какие-то безродные были. Ну, назвали бы на худой конец нас хоть «Факториалом» или «Биномом», а лучше — «Ряд Тейлора» с ударением на первый слог. Красиво, да? А главное, непонятно никому, в том числе и старшекурам, которые позабыли эти слова после второго курса, как страшный сон. Я сам уже, кажется, засыпаю.

— Евгений, что ты там бубнишь себе под нос и клюешь куда-то носом? — услышал я голос комиссара, который опять глядел на березу.

— Да вот вспоминаю из первого курса факториал, как его вычислить,— ответил я спокойно.

— Зачем тебе это? Чтобы ворон сосчитать на той березе? Черт те знает что у вас сегодня тут творится, хватит ерундой заниматься. Кубы давайте, кубы. Крышу крыть надо. Тьфу, ты им факториал подавай,— комиссар плюнул куда-то на наши кубы и чуть не попал на деда Егорку, который мирно дремал весь обеденный перерыв.

Мы молчали, только стучали алюминиевыми ложками по алюминиевым тарелкам. Нет, это был не

протест, просто мы хлебали жидкий суп, название которого я не знал. Через двадцать минут, погрузив термоса, комиссар уехал. Работать больше не хотелось, а надо было, пилили-то себе, а не деду Егорке, тем более завтра он утащится за грибами. После обеда дед Егорка допил свою «червивку», увеличил скорость подачи бревна, пилы взревели от боли и одна пила, которая мало пила, лопнула. Минут шестнадцать дед менял пилу, после чего мы заработали на полную катушку и к концу рабочего дня напилили десять кубов досок. А дед Егорка окончательно «окосел» от «Осеннего сада», лежал на куче бревен в обнимку с комелем, над ним ходили темные тучи, гремел июльский гром и собирался в гости летний дождь. Мы втроем в полудреме сидели на куче напиленных досок, все руки у нас были в каплях «янтаря», удалить эту смолу у нас уже не было никаких сил.

Для справки

Мой одногрупник привез из Норильска ~ 1400 руб. за два с половиной месяца чистыми. Стипендия была 55 руб. батон хлеба стоил 16 коп., бутылка пива ~ 37 коп., бутылка портвейна ~ 4,50 руб. (португальского, из Португалии), пачка сигарет фирменных «Salem», «Marlboro», «Pall Mall» и пр. ~ 1.5 руб., наших — от 12 до 70 коп. Мясо (азу из говядины) ~ 4 руб./кг. Магнитофон типа «Астра-205» (хороший!) ~ 400 руб.

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алексин Тульской области

Тараканов Василий Васильевич — коренной житель г. Алексина 1959 г. рождения. Образование среднее техническое и среднее юридическое. В настоящее время пенсионер. Поэт и прозаик. Автор многочисленных стихов и песен. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

Прочитал я как-то раз статью о массовом психозе, и подумал: «Вот глупость, чушь какую-то собачью понаписали, и на что люди только не идут, чтобы прославиться!» И с раздражением бросил брошюрку на стол. Но тут как-то, непроизвольно, само собой в моем мозгу стали всплывать события прошлых лет. И по мере того, как я мысленно просматривал картины из моей жизни, начал осознавать, что неправильно оценил содержание этой статьи. Ведь выходит так, что я сам дважды был не только свидетелем, но и участником подобных инцидентов.

И первый из них произошел еще в моем далеком, школьном детстве.

Закончился учебный год, пятый в моей жизни. И наступили долгожданные каникулы. Но делать было нечего. Несколько дней я бесцельно прошатался по дворам со своими приятелями.

И вот как-то утром один из них говорит: «А, знаете, в старую школу ребята из Архангельской области приехали, у них там будет летний пионерский лагерь — пойдем, посмотрим!» Старая школа, как ее называют все жители микрорайона, на самом деле является одним из двух корпусов нашей 9-й школы города Алексина Тульской области. До революции это здание принадлежало одному из местных заводчиков. Не бог весть какой архитектурный шедевр, но тем не менее довольно-таки солидный, старинный, двухэтажный особняк. И на фоне типовых жилых коробок он и по сей день выделяется в лучшую сторону — есть хоть на чем взгляд задержать.

Подходим мы к этой вот старой школе, а там суматоха стоит. Педагоги и пионервожатые мечутся по школе, занимаются переоборудованием школьных классов в спальные помещения. И в этот момент им было явно не до своих воспитанников. Ну, а те стояли группками во дворе школы, либо слонялись из стороны в сторону по тому же самому двору. Подошли мы к одной такой группке, и как-то очень быстро между нами завязалась беседа. В ходе которой выяснилось, что они, как и мы, живут на берегу реки (уж какой реки сказать вам не могу — давно это было — забыл). После чего все наперебой стали хвалится, как они отдыхают на своих реках и что там вытворяют. И тут вдруг кто-то из них предложил, а давайте-ка вместе пойдем на Оку купаться! И, недолго думая, улучив удобной момент, покинули территорию школы по едва заметной тропинке, прятавшейся за густым кустарником.

И было нас в той компании восемь человек. Ведь человеческая память устроена так, что в ней ярко высвечиваются какие-то отдельные моменты, а все остальное как в тумане. И вот этот день как раз таким моментом и оказался, по этой-то причине, я его и помню, в довольно-таки мелких подробностях. Трое из нас были петровские (микрорайон наш Петровское называется). Старшему, Славке из дома напротив, было тринадцать. Двоим, приезжим, было тоже по тринадцать. Все остальные же были мои двенадцатилетние сверстники.

Нас объединял возраст и еще то, что нечем было заняться, унылое времяпрепровождение нам всем изрядно надоело. И собирались мы всего лишь охладиться в реке жарким летним днем и тем разнообразить свой довольно-таки скучный досуг. Плыть на другой берег никто и не помышлял. Приезжие вообще слабо себе представляли, куда они идут. Ну, а мы местные, прекрасно же знали, что Ока, река довольно-таки своенравная — и года не проходило, чтоб она не брала дань в виде человеческих жизней. Мы еще были не готовы психологически к штурму этой водной преграды.

Но тут Славка решил похвалиться своим умением плавать, и стал довольно-таки быстро от нас удаляться. Кто-то из приезжих, видимо, не желая показаться слабаком, решил его догнать, а уж за ним и устремились все остальные. Поплыл и я, совершенно не отдавая себе отчета в том, что делаю. И лишь только после того, как середина реки осталась уже позади, до меня стало доходить, что мы плывем не куда-нибудь, а на противоположный берег. И лишь только тогда-то ко мне вернулось мое сознание, и в этот момент мне стало страшно!!! Ведь так далеко от берега я еще не уплывал ни разу. Но поворачивать уже было поздно — ведь плыть назад было еще дальше, чем вперед. К финишу я пришел третьим. Тяжело дыша, вышел на берег, оглянулся назад. Плывшие вслед за мной ребята уже достигли мелководья и стояли на ногах. Но двое последних… Когда я посмотрел на них, внутри меня все похолодело. Было отчетливо видно, что плыли они из последних сил, а до берега им было ой как не близко! Нечто такое ощутили, по всей видимости, и все остальные участники заплыва. Мы зашли в воду по шею и, как могли, их подбадривали. А Славка даже поплыл обратно, чтобы своим примером внушить им уверенность. И это было максимум, что можно было для них сделать. Ну, а если б мы вздумали их спасать, как про то написано в шибко умных книжках, наверняка бы оказались бы под водой вместе со спасаемыми. Как только они достигли нас, стоявших на максимально доступной глубине, мы подхватили их под руки и буквально вытащили на прибрежный песок, совершенно обессиленных.

Слава Богу — обошлось!

Ну, а перевозчик, который, по всей видимости, был в детстве таким же шалопаем, как и мы, бросив на нас свой опытный взгляд, без всяких лишних вопросов, совершенно бесплатно, перевез нас на исходный берег.

Второй же подобный случай со мной произошел уже куда как в более зрелом возрасте, в то время, когда я совершал туристические прогулки по южной части Белоруссии и… правильно, правильно, по северной части Украины.

Прогулки эти мне в принципе нравились. Природа там была великолепная, дикая, не пуганная! Тишь, да благодать! Беда только, людей нигде не было видно. Бывало, идешь по деревне, а навстречу никого — словно мор прошел. Одни только ежики по асфальту тук, тук, тук, да аисты на крышах щелк, щелк, щелк. Деревни всякие встречались. Попадались и с двух-трехэтажными коттеджами — издали как маленькие городки смотрелись. А были и такие, как в старинной сказке. Подъезжаешь к ним, а там две-три избушки под соломенными крышами стоят, и глушь кругом неимоверная! Такой экзотики как там, я больше нигде не встречал. Был несколько раз на озере — птиц тьма тьмущая. Приблизишься к ним метров так на двадцать, а они хоть бы хны — никакого внимания на тебя. Знай себе плавают да ныряют — пищу в воде ищут. И только после того как шуганешь их как следует, взлетали такой тучей, что солнце закрывали. И людей опять же ни души. И вот это отсутствие людских душ вызывало во мне какое-то вот такое тоскливое-тоскливое настроение. Да, к тому же постоянно мерещилось, что вот где-то за тем домом, за тем кустом скрывается тайный враг, который только и ждет, когда ты расслабишься, чтобы нанести непоправимый ущерб твоему здоровью. Из-за чего, конечно же, возникала некоторая тревожность.

И вот наступил вечер первого мая!

Жили мы тогда в сельской школе, рядом с которой находился стадион. Делать было нечего, как тогда после пятого класса, в далеком детстве. Все мои прогулки происходили строго по расписанию. И срок очередной из них еще не настал. И вот от этого-то ничегонеделания собрались на стадионе человек так восемьдесят. Ходят взад вперед мелкими компаниями, и тихо-тихо вполголоса переговариваются. Так тихо, что слов в соседней компашке не разобрать. И по этой-то причине по всему стадиону разносился отчетливый шорох от кирзовых сапог, цеплявшихся за молодую ярко-зеленую траву. Кирзачи были новенькие — недавно со склада, еще не обтерханные — шорох разносился просто-таки замечательно! Шур-шур-шур-шур, шур-шур-шур-шур!

И вот это нервное хождение, этот шепот, этот шорох создавали какое-то такое странное напряжение, которое куполом нависало над стадионом.

И, в какой-то момент, несколько подтянутых парней спортивного вида (по-видимому бегом увлекались) вышли на беговую дорожку и побежали по кругу мелкой трусцой — решили, наверно, немного размяться. Ну, и поскольку делать, как я уже вам сказал, было нечего, и ничего занимательного не происходило, то присутствующие там люди стали за ними наблюдать. Пробегают они круг, второй и… поворачивают в сторону полевой дороги. И в этот самый момент шорох затих, на стадионе наступила гробовая тишина. Все на нем находившиеся пристально смотрели вслед убегавшим. Через несколько секунд вслед за ними направляются еще два человека. На стадионе продолжает царить зловещая тишина. И вдруг… ту-ту-ту-ту-ту, ту-ту-ту-ту-ту-ту — это был грохот семи десятков пар еще толком не разношенных кирзовых сапог. Все, нахо-

дившиеся на стадионе, в одно мгновение сорвались с места и побежали к такой притягательной полевой дороге. Через метров так сто пятьдесят, без всякой команды, в автоматическом режиме выстроились в ротную колону, по четыре. И, выдерживая равнение, пробежали где-то около трех километров. Тут стала нарастать усталость, бег замедлился, появились отстающие.

Но зато выделилась и группа лидеров. Я занял позицию между лидерами и основной группой, примерно в пятидесяти метрах от первых. И что самое удивительное, разговоры сразу прекратились. Все с отрешенно-сосредоточенными взглядами молча бежали по проселку. Я впал в какой-то транс и думал только о том, что мне надо бежать, бежать и бежать. Так прошел час, а может быть, и больше. Время вообще потеряло для меня свое значение. Я думал только о том, что мне нужно не отстать от группы лидеров, которая к тому времени убежала от меня более чем на двести метров. Силы меня покидали, начала кружиться голова. Появилось жгучие желание упасть на придорожную траву и лежать на ней долго, долго, ни о чем не думая и совершенно не шевелясь. И в этот самый момент, из-за края леса, показались какие-то домики. Лидеры перешли на шаг. Я стал постепенно к ним приближаться — они и сами-то к тому времени едва волочили ноги. И тут возле домиков появились человеческие фигурки. Это были явно гражданские, и среди них были… девушки! И тут меня охватило чувство радости. Наверное, такое же, какое было у древних мореплавателей, которые после долгих скитаний по океану, на утлых суденышках, наконец-то увидели на горизонте полоску земли. И мне захотелось во все горло закричать: земля, земля! Люди, люди!

Перекинувшись с девушками несколькими фразами, мы вместе с ними направились… Куда бы вы думали? Да нет же, мы направились вмести с ними в ту сторону, откуда доносилась музыка — к сельскому клубу! По дороге они показали нам колодец — вода нам тогда была крайне необходима!

Для начала присели на скамеечку с тем, чтобы немного прийти в себя и… на танцульки. Вот что значит молодость! Предложи сейчас мне после такого марш-броска и к девкам — да ни за какие деньги! Заваливаем на деревенский танцпол… и вот только тут мы все и осознали, что стали самыми заурядными самовольщиками. А ведь два часа тому назад об этом никто не помышлял. Никому не хотелось ломать себе карьеру. Имидж, престиж, продвижение по службе, очередные звания — все вдруг полетело в тартарары! Но возвращаться никто не спешил. Пять часов ты в самовольной отлучке, десять или пятнадцать — какая разница — наказания не избежать по-любому. Пропадать так с музыкой — в натуре с музыкой!

Вслед за нами ввалилась еще одна группа, вторая, третья, и наконец, вся наша марше-самоходная рота собралась в полном составе. В зале стало несколько тесновато. Зато глаза у всех девчонок заблестели, заиграли — по три кавалера на каждую! Какой шикарный первомайский подарок! А вот парни, местные, как-то так вот скисли и стали расходится по домам. Мне даже стало их немного жалко. Ну, так ведь это же… массовый психоз, загадка науки — твою дивизию! Ничего не попишешь.

Зато правопорядок, в этой деревне, в тот вечер был идеальный. Нигде пьяных не видать. Представляете, такой вот козырный для советских времен праздник — первое мая и без алкоголиков! А чтоб там подраться, и в голову никому не приходило. Даже выражаться стали в полголоса. А все почему? Да потому что кроме кирзовых сапог и полевой милицейской формы, на нас надетых, за нами тянулась и довольна-таки дурная слава да к тому же еще и погоняло блатное прилипло — «кадеты»! И поэтому-то водители, не имевшие должным образом оформленных документов, издали заметив, кто сегодня несет службу, еще на подъезде к нашим постам, разворачивали свои автомобили, процедив при этом сквозь зубы: «Ух, опять эти… кадеты!»

Началось томительное ожидание: когда же командир выйдет перед строем и, сделав некий де-марш в сторону Кузькиной мамы, объявит всем, скопом, строгий выговор с занесением в личное дело. Но проходит, один день, другой, третий — тишина! Герои этой величайшей спецоперации ходят, недоуменно поглядывая друг на друга — никто ничего. Только лишь раз, при встрече со мной, вот этот самый командир, вскользь заметил: «А уж от вас, товарищ младший лейтенант, я такого не ожидал!» «Да, я и сам,— ответил я ему, причем совершенно искренне, безо всякой иронии,— такого от себя не ожидал, товарищ подполковник, никогда, ни при каких обстоятельствах. Ну, уж так оно вышло». Он только хмыкнул на эти мои слова, покрутил головой да и пошел себе дальше.

Ну, а ларчик как всегда открывался просто. Поступило указание сверху, по возможности не накладывать взыскания на провинившихся при выполнении важного правительственного задания, при условии, если их действия не повлекли за собой какие-либо тяжкие последствия. Да к тому же восемьдесят человек в одном только эпизоде, это ж какой шум пойдет! Могут и звезды посыпаться с погон, как листья с деревьев в осеннем лесу. Так что спустить на тормозах, это был оптимальный вариант, в этой конкретной ситуации.

Слава Богу! Обошлось и на этот раз.

Ну, а построить нас всех он, конечно же, построил, только уже по возвращении в школу. Вышел вперед и объявил… благодарность за успешное выполнение приказа министра внутренних дел.

Посторонние лица и криминал в зону Чернобыльской АЭС допущены не были.

Вот вам, казалось бы, два совершенно разных случая. В первом из них подростки с неокрепшей психикой, совершенно не знающие жизнь. А во втором вполне взрослые люди. Они отслужили срочную службу в Советской Армии, имели опыт работы в правоохранительных органах. Да к тому же во время учебы, в учебном заведении военного типа, были приучены к жесткой дисциплине.

Но, тем не менее, у них есть нечто общее. Оно заключается в том, что тому и другому случаю предшествовала некая череда событий, которые в своей совокупности оказали сильное эмоциональное воздействие на психику данной группы лиц.

Вот такая мне попалась брошюрка — е, ка, лэ, мэ, нэ!..

Юрий СЫЧЕВСКИЙ

г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США

Юрий Витальевич Сычевский родился 9.8.1936 г. в г. Куйбышеве (ныне вновь Самара). Учился и работал в ведущих НИИ и ВУЗах Москвы тридцать лет. С 1992 г. живет в штате Нью-Йорк, США. По профессии — дипломированный кибернетик. Действительный член, сенатор Европейской академии естественных наук. Русская литература — духовное увлечение, пишет рассказы, стихи, сцены, эссе, публикуется в периодической русской печати Канады, США, России, Дании. Член Клуба русских писателей Нью-Йорка, член Союза писателей Республики Крым. Участник и дипломант международных литературных конкуров.

ПИСАТЕЛЬ ИЗ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ
грустно-иронический рассказ-сценка

Им овладело беспокойство…
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
А. Пушкин

Действующие лица:
Писатель, мужчина средних лет. Русский крестьянин, сменивший «плуг на перо».
Ведущий.
Место действия: эстрадная сцена, малая сцена театра.
Время действия: наши дни.

Ведущий. Уважаемые зрители, а сейчас я хочу пригласить на сцену нашего гостя, который долго и терпеливо к нам сюда добирался. И это — неудивительно, если представить себе необъятные размеры нашей страны и состояние ее дорог. Он — талантливый человек, писатель, но, понимаете ли, как бы это деликатнее выразиться: он сам — «из глубинки». Пожалуйста, примите это к сведению, будьте доброжелательны и снисходительны, как это и положено у гостеприимных хозяев.

Выходит на сцену бородатый мужчина, в простой, темного цвета куртке, с котомкой за спиной. Жмурится как бы от яркого света. Оглядывается по сторонам. Трогает предложенный ему стул, пробуя его на прочность, но сам не садится, а устанавливает на него свою котомку и достает из нее огромную книгу, завернутую в газету. Затем обходит микрофон, пристально его разглядывая. И, наконец, обращается к зрителям. Речь и движения — свободные, уверенные. Произношение — деревенское, окающее.

Писатель. Мир вам, господа хорошие, и барыни, и барышни, з д р а в с т в у й т е! (Низко, по-русски кланяется). Я пришел сюда, чтобы показать вам мою книгу (протирает ее рукавом и поднимает над головой). Всем хорошо ее видно? А тем, кто в конце отдыхает, вам видно? Хорошо видно? А тем, кто стоит в сторонке, вам тоже видно? Я знаю, что те, кто в сторонке — люди скромные, но добрые: они всегда помогут, коль увидят, что у тебя беда случилося. Да вы не стесняйтесь! Можете подойти поближе, посмотреть. В ней написано все, что я передумал. А название у нее простое: «Кому на Руси жить хочется». Получилась она большая. Эка, сказать, что нонче у нас творится. Оттого я вам всю ее рассказывать не стану: длинно получится. Да еще, когда я к вам сюда собирался, мои односельчане наказывали мне, дескать, ты долго не отымай драгоценного внимания у городских господ: скажут экий болтун явился к ним, нас опозоришь. Я обесчал. А слово свое я всегда держу!

Позвольте мне только сказать, как нелегко живется простому человеку на великой нашей земле. А кому из вас, господа хорошие, и барыни, и барышни, станет интересно, сможет и сам почитать, что в моей книге написано. Мужики, мои односельчане, все время спрашивают у меня: расскажи, да расскажи, с чего это тебе, да как, в башку пришла мысля такое насочинять? Как пришла, как пришла. Не просто: взяла да и пришла. Не к каждому же она приходит! А не то все только бы книги и сочиняли. А кто б тогда их читал? Вот то-то и оно!

К примеру, скажу я вам, как одному чужестранцу большая мысля пришла в голову. Об этом поведал нам на селе один учитель, который приезжал к нам однажды из области. Редко они к нам ездят: дороги у нас плохи. И я ему верю. Учитель брехать не станет. Не-ет! Ну зачем это учителю? Его же слухают старики и малые дети. Учитель — он же от Бога послан к нам! Потому говорить ему неправду — большой грех! Не пойдет он на такое! Не отмолится опосля перед Господом. Так вот, тот чужеземец — образованный, важный такой барин был, городской. Он тоже все хотел, чтобы к нему большая мысля пришла, чтоб нестыдно было ее другим людям рассказать. А она, эта мысля, никак к нему, ну хоть убей, не приходила! И вот однажды идет он по саду, важно так себе идет, палкой впереди себя постукивает, гордый такой весь. Не подступись! Потому что он — городской. И вдруг яблоко — обыкновенное яблоко! — слетело с дерева и бац его по башке! Такого непочтения к себе он ну никак не ожидал: кто посмел без дозволения его побеспокоить! И так растерялся, что даже палку свою уронил, и в глазах у него потемнело, а потом — наоборот, в голове все так и засверкало, засверкало, и мысли одна за другой, одна за другой так к нему и побежали! И что же вы думаете? Тот барин такое насочинял, что все вокруг так и ахнули! Даже сам ихний король позвал его к себе во дворец и сказал ему: «Молодец!». Похвалил его, стало быть. Я как об этом узнал, то сразу подумал: а чего бы мне не попробовать такое же, чего-нибудь не сочинить? Дай-ка и я, думаю, по саду прогуляюсь, авось и мне какая-нибудь хорошая мысля зайдет в голову, ну после ЭТОГО (постучал себя кулаком по голове). Стал я ждать, когда яблоки-то поспеют. Как только они налились, я — сразу в сад! Выбрал яблоню покрупней, а на ней яблоки, как сейчас помню, во какие! Позвал я соседа, он мужик крепкий: быка за рога валит. Стал я под ту яблоню и говорю ему: «Тряси, только дерево не поломай, а то силищи-то у тебя — девать некуда!» Тряхнул он: три яблока упали на меня. Он и спрашивает: «Ну как, подошла мысля?». Я отвечаю: «Не. Тряси еще». Тряс он, тряс: все яблоки упали, синяков мне наставили, но в голову мне так ничего и не пришло. Плюнули мы оба с досады и разошлись по своим домам.

Соседи надо мной потом посмеялись. Но и я в долгу у них не остался! Помню, дня через два-три проснулся я ночью от шума. Так будто крупный град шел: бум-бум! бум-бум! Гляжу в окно — небо чистое, луна ярко светит. Что за чудеса, думаю. Вышел я на крыльцо, а мои соседи — что справа и напротив — трясут вовсю на себя яблони! Вот уж от души и я посмеялся! Однако, понял я тогда: что у иноземца вышло — у нас не пойдет. У нас — все по-другому. А вот как у меня все вышло, послушайте, пожалуйста:

Однажды в студеную, зимнюю пору я из лесу вышел.
Был сильнющий, как сейчас помню, мороз.
Решил обогреться. Купил пирожочек у самой дороги в какой-то лавчонке.
На вкус оказался он — сущий навоз!

Да, такого сраму на Руси, чтобы пироги пеклись, а есть их было совсем невозможно,— сроду не было! Знать, кто-то делал их без молитвы.

И шествуя важно в спокойствии чинном,
Зашел, наконец-то, я в собственный дом.
В сенях сбросил я полушубок овчинный…
Эх! Стыдно сказать, что случилось потом!

Правда, что стыдно, а получается, рассказать надо. Вы спросите, о чем это я веду разговор? А все о том же, что мой пирожок оказался не простым, а как бы — моим «яблоком», но не на голову упавшим. Вы спросите: как это так? А вот как. У них, у чужеземцев, мысля, видать, сверху приходит, а у нас больше всего — снизу, от земли. А как же?! Земля — кормилица наша, она и мысли нам посылает добрые. Но пока они до головы доходят, похоже-то, по дороге портятся. Долго идти им приходится.

Значит, съел я тот пирожок. Пришел домой. А ночью у меня живот так схватило! Ай-яй-яй! Хоть «караул!» кричи! Выскочил я из избы, а кто в деревне хоть раз в жизни был, тот помнит, что отхожее место у нас всегда на дворе — подальше от избы. Не то, что у городских хозяев: тут они едят и тут же! Ну совсем рядом, рукой подать — прямо за стенкой, я извиняюсь, нужду справляют. Я спросил одного городского хозяина: почему так нехорошо делаете? А он, значит, и отвечает мне: «Жилплощадь не позволяет». Кто такая «жилплощадь», и почему она запрещает, я так и не понял. А спросить постеснялся. Значит, бегу я, и одно только беспокойство у меня в голове — успеть бы добежать! успеть бы добежать!.. Добежать-то я добежал, я быстро бегаю, а вот успеть-то (вздохнул) — не успел… Ну, не успел, и все тут... Вы спросите, а что было дальше? Что вам сказать… А дальше было самое главное.

Значит, домашние мое меня обратно в избу не впустили. «Иди, говорят, в хлев, там сиди и жди». Даже собака моя, Полкан, — добрейший пес: соседскую кошку не обидит, и тот понюхал, понюхал и морду свою от меня отвернул. Побрел я в хлев, а куда денешься! — зима на дворе. Там и прождал: пока баню не истопили.

Долго ждал. Много всего передумал: про жизнь нашу сельскую и про то, какой дорогой идет теперь наша Расея, и есть ли у нее на то Божье благословение. Вот тогда-то и пришла мне в голову мысля расска-

зать, как нонче живется народу на Руси. Слава Богу, добрые люди помогли мне сделать эту книгу. В ней я жизнь всю рассказал, как есть. Все по правде.

Эту книгу я закончил, а в голове у меня сидит мысля уже о другой, следующей: про то как крестьянам жилось на Руси сразу после царя, после помещиков стало-быть. Про себя я придумал ей и название: «”Мороз” — красный пес». Вы скажите: «Ну, вот опять мороз, опять зима, опять пирожок!». Ан, нет — не угадали! «Мороз» — это кличка комиссара, который хлеб да скотину отымал у крестьян и увозил все из села в город. Говорил: «Вы, крестьяне,— народ несознательный, отсталый: мешаете делать рабочим людям в Расеи эту, ну как ее? — нерусское, нехристианское слово,— р е в о л ю ц и ю». Мол, и хлеб вам иметь тогда — не положено, и у него имеется на это специальная, опять же нехристианское слово,— р е з о л ю ц и я. После таких непонятных, страшных слов, что оставалось делать неграмотному человеку, когда перед ним находился этот самый «Мороз»? А он держал в одной руке наган, а в другой — флаг красный. Красный — это, ну, для самых недогадливых. Потом, через какое-то время, приехал другой «Мороз» и повелел снять кресты с церкви, и на то он имеет особый указ, подписанный их главным антихристом. Да пусть я провалюсь сейчас в преисподнюю — прости меня, Господи! — с этого самого места, где стою, если говорю вам неправду!

А еще я мечтаю, если Бог даст, написать опять же книгу «Крестьянское гнездо». Это про наших, простых, деревенских. А господскую жизнь, как сказывал нам тот же учитель из области, Иван Сергеич Тургенев описал в своем «Дворянском гнезде». Да вы читали, небось. Он тоже очень любил Расею, особливо, когда жил далеко от нее — в Париже. Тосковал дюже по ней там: видать, одиноко ему было вдали от родного поместья, от крестьянских забот о нем. А по ржаному хлебу да по печеной картошке — так чуть не рыдал! Знать трудности у него там с этим были. Да. А у кого их нет? (Тяжело вздохнул).

Сказать вам, дорогие мое, что русских людей объединяет? Наша зимушка-зима! А совсем не лето. Летом мы все очень занятые. Хлопот у нас — полон рот, и каждый смотрит в свой огород. Все мы в поле от зари и до зари. Тут уж не до разговоров, все заботы только о хлебе: как его родимого вырастить, собрать да сохранить. Зато зимой! Ведь такой зимы, как у нас в Расеи, нигде на всей земле нет. Поэтому мы, русские люди, и любим снег, мороз. На холоде всякая дурь-дрянь гибнет, и эти, как их,— бактерии тоже дохнут. Оттого мужики наши — крепкие и выносливые. Оттого и барышни наши такие румяные, красны-девицы, право. А какие у нас зимой свадьбы: веселые, задорные! Те, кто справляет их зимой, живут долго и дружно. Это я заметил. Настоящий мороз делает характер людей терпеливей. А посмотрите, какой мороз — господин хитрющий: трусоватого он так напугает, что у того «мороз бежит по коже»! Однако ж, ягодку горькую делает он — сладкой. А вот возьмите наш озимый хлеб, он намного вкуснее и здоровее ярового! И еще я хочу сказать вам по секрету: мне больше нравятся дороги зимой, когда они под снегом. Они намного ровнее и глаже летних. Вот посудите сами. По летним дорогам наши мужики не могут довезти своих баб даже от села до районной больницы: так трясет, что те в дороге-то и рожают. Хоть вези их обратно. А что? Мужик, какой поприжимистей, рассуждает так: «Дорогой нонче бензин стал». Дескать, чего зря его палить-то, мол, не напасешься тут. Да, это правда: одни и те же наши дороги бензина летом пьют больше, чем зимой. Отдай дань каждой яме, если хочешь доехать до другой. А еще в зимнюю пору да по замерзшей реке на тройке — э-э-эх! Красота! Летом река у нас — прямо как невеста с норовом: не подступись! Зато зимой, пожалуйста,— покорная жена. Да-а. В миру и на войне зимний мороз русскому человеку — всегда друг. Вот что я хочу вам сказать, дорогие мое.

Я тут про бензин упомянул, но никак не могу понять своим деревенским умом одного. Вот у меня на дворе перед домом стоит колодец с водой, а на близких ко мне соседских дворах колодцев нет. Хотя их там рыли, но воду не нашли. Это еще наши деды и прадеды воду искали. Так вот, мои соседи идут за водой и берут ее, когда хотят. Так издавна у нас повелось: колодец-то — мой, я его чищу и обустраиваю, но вода-то в нем — не моя. Она же, вода, идет из-под родной для нас всех земли. А возьмем теперь тот же бензин, его тоже получают из-под нашей земли. Но тот, кто его оттуда берет, заявляет: это мой бензин и плати за него столько, сколько я тебе прикажу. Но, если так рассуждать, завтра кто-то возьмет и скажет, а плати-ка мне теперь и за воду! А послезавтра плати еще и за воздух, которым мы все с вами вместе дышим, потому что у него объявился хозяин! Это как же так, позвольте, понимать?! Ответьте мне, пожалуйста, граждане городские, образованные.

Люди, прожившие свое, говорят, что «жизнь прожить — не поле перейти: век живи — век учись». Вопросов — много, а ответов на них — мало. Помню, моя бабушка, царство ей небесное, сызмальства растолковывала мне, несмышленышу, что к чему, чтобы я свою башку не разбил и руки-ноги не поломал. Многое я понял не сразу. К примеру, как-то она мне сказала: «Ты, Данилка, помни: бык опасен только спереди, конь — только сзади, а вот дурак опасен со всех сторон. Берегись яго больше всяго».

Ой! Заболтался я совсем! Да, гляжу, люди вы — очень хорошие. Я людей по лицам сужу. А они у вас у всех — добрые, светлые. Оно, если сказать правду, то здоровому человеку сердитое, скорбное лицо, ну совсем не подходит! Також само как веселое лицо, прости, Господи, покойнику. Вот, представьте себе: его отпели и несут уж к могиле, а он, сердешный, лежит себе в гробу и ржет. Видать рад, что отмаялся, горемыка. Вы когда-нибудь такое в своей жизни видели? Нет? То-то и оно — совсем другое настроение. Вот и смейтесь, дорогие мое, пока вы живые, здоровые и нет у вас греха перед Богом. Позвольте мне вам теперь откланяться, господа мои хорошие, и барыни благородные, и, конечно, барышни-красавицы! Дай Бог нам с вами еще свидеться. А мне пора в обратную дорогу. Мои, чай, меня совсем заждались. (Берет со стула свою книгу

и обращается к ведущему): «Стул-то уберите, пригодится в хозяйстве — железный, при пожаре гореть не станет». (Уходя, подходит и щупает занавес. Смотрит на него удивленно: эка махина материала висит без дела!)

Олег СЕВРЮКОВ

г. Москва

Родился в г. Липецке. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Член СПР, АРЛ, творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат литературных премий. К.т.н., доцент НИЯУ МИФИ. Наш постоянный автор.

«ХМУРОЕ УТРО»

«…Потому что в темноте гораздо удобнее
проклинать свою темную жизнь
или бессильно мириться с ее роковыми,
убивающими благами…»
А. И. Левитов, «Крым»

Предисловие к рассказу

В Большой Энциклопедии (двенадцатый том «Ландау — Меламед», С.-Петербург, Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1903 год, стр. 60) за словами: «Левитов, Александр Иванов., род. 1835, ум. 1877…» следует «…выдающийся беллетрист народник, род. в семье бедного сельского дьячка…» и т. д. Сведения о жизни и творчестве писателя изложены на четырех страницах. Однако не это главное — хочется обратить внимание читателя на определение: «выдающийся», ибо далеко не каждому писателю достается такое! А кто, скажите мне, сегодня хотя бы — как минимум — знает это имя, не говоря уже о произведениях? Боюсь, что таковых будет ничтожно мало. Сравним: относимые сегодня к писателям народникам в указанной Энциклопедии характеризуются так: Засодимский — 1 стр., Златовратский — 3 стр., Нефедов — 2 стр., и все, заметьте, без эпитета «выдающийся». Кроме, пожалуй, Успенского, которому отведено столько же места, как и Левитову, с тем же определением «выдающийся» и который сегодня у многих на слуху. И, думается мне, лишь потому, что родился позже (1843 г.), был сыном секретаря казенной палаты, на момент составления Энциклопедии был еще жив, а после 17-го года был канонизирован как практически единственный выразитель тяжкой народной доли. Ну и что — спросите вы? А ничего. Читать надо, и не интернет-ресурсы, а книжки. И не стесняться своего невежества. А наоборот — признаваться в нем и преодолевать оное. Читать и еще раз читать!

«Эх, Сашка, Сашка!..— Левитов тяжело вздохнул и, оторвав взгляд от нечистого, невесть чем заставленного стола, посмотрел в окошко. Оно было вровень с землей, и чей-то огромный рыжий сапог, мелькнув, с силой разбрызгал небольшую лужицу прямо перед ним. От этого удара взлетела фонтаном коричневая жижа, пала пеленой на стекло и медленно стала опадать, разбиваясь на отдельные кривые струйки, пространство между которыми оставалось мутно. Струйки также медленно сползали вниз, вбок, меняли направление; иногда останавливались, порой быстро проскальзывали и исчезали. Но странно — каждая грязная капля оставляла на серой дряни стекла ясный, прозрачный след…

— …Эх, Сашка, Сашка!..— повторил Левитов.— Не так ли жизнь твоя, далекая от чистоты и света внешнего, расчистит внутренней своей сутью дорожку для кого-нибудь в этом мирском хламе?

От этой мысли Левитову стало как будто легче, теплее, что ли внутри, хотя в ночлежке тепла было ровно столько, сколько и на осенней московской улице. Перестало стучать в висках, озноб похмельный куда-то пропал, захотелось чаю.

Напившись, Левитов поплотнее завернулся в пальто. Поудобнее устроился на продавленном стуле. Снова сначала закружились, а потом построились и потянулись по своим, неведомым человеку законам, мысли. Неторопливые — как те длинные, бесконечные дороги, по которым он шел когда-то. К ближнему ли, дальнему ли — но свету. Да, тьма обнимала жизнь его, колыхалась туманно, всасывала внутрь, перетирала. И выплевывала уже другого

«А кто знает — другого ли? — вдруг подумалось ему.— Может быть, это белые всполохи сухих степных молний выхватывали меня на миг из этой тьмы-тьмущей; озаряли все вокруг такой ясью, что виделась жизнь не только позади прошедшая, но и впереди идущая? И ведь удалось кое-что! Прозрел, прозрел другими незнаемое, уложил в свои очерки! Да так, что хватали они за душу не только меня самого, но и других людей, поболе и повыше. И чином, и рангом, и талантом. Шли заметы сердца моего охотно в журналы толстые и тонкие, всякие к ним «Приложения…». Платили, правда…— Левитов поморщился, еще плотнее за-

пахнул пальто.— Недавно в редакции какого-то «Вестника…» сунули ему небрежно три рубля. На лестнице. Пообещали еще взять очерк да заплатить как следует. Через неделю.

Через неделю Левитов до редакции не дошел. На эти три рубля он «пожил хорошо»!.. Ладно еще, что в игру с приятелями, невесть откуда взявшимися, не ввязался. А то бы совсем унесло незнамо куда. Потому-то и пальто уцелело! А когда через недели полторы вошел в знакомый подъезд — ни редакции тебе, ни журнала. Так, одна табличка кособокая висит на гвоздике, покачивается. Когда дверь подъезда откроет кто. И куда подевались — никто не ведает. Ну, да Бог с ними! Не они первые, не они последние…

«Не горюй, Сашка! — говорит сам себе Левитов.— Вот оклемаюсь маленько да и пойду. Домой. По дороге своей степной, хоженой. Но не сейчас — осень, зима — холодно, сыро. Грязь невпролаз… А по весне — хорошо! Как подсохнет чуток, так и двинусь.

А как это время перекуковать — не ведаю. Можно, конечно, сложить все написанное и сделать книжку новую. Ну, добавить кое-что. Переписать некоторое. Да кто издать возьмется? Расписывать горе людское сейчас модно — сколько их плачущих да рыдающих вокруг! И все норовят припечатать подлость человеческую. Да так, чтоб и денежку срезать и в неблагонадежные не попасть.

“Суета сует и всяческая суета…”»

Мысли Левитова будто уткнулись во что-то. Затрепыхались, как рыба на перекате, когда поднимается она вверх по реке. Стараясь как можно быстрее перескочить каменный гребень, через который переваливает с шумом и пеной водяной вал. Чтобы там, за перекатом, найти тихое местечко и, выпростав икру, обессилеть, и уже не бороться, не ведая, что своя жизнь уже отдана потомству…

«Потомству! — криво усмехнулся Левитов.— А что я оставлю этому так называемому потомству? Мою жизнь в ссылке, о которой и вспоминать тошно, не то что рассказывать? Лопнула тогда какая-то внутренняя струна, дававшая чистый и верный звук настрою души моей!.. Правда, стянул я кое как ее концы, зазвучала она вновь! Ведь иначе не смог бы я сделать даже и того малого, что успел сделать. Но шли от этой струны звуки все больше горестные, до злобы иногда. А так хотелось чистого, ангельского звучания; чтобы заплакали — нет, не люди, природа чтоб зарыдала, залилась слезами,— но не скорби, а умиления и благости!.. И ведь прорывались порой эти самые светлые, нежные, еле слышимые, но оттого и ощутительно ясные звуки, сквозь лязг и чавканье тяжело ворочающейся тупой и жадной жизни. Погрязшей в бессмысленности и безнадежьи. Вытряхивающей из душ человеческих последние капли добра и света!..»

Левитов задрожал в ознобе, оскалился зло и с ненавистью обвел взглядом приют свой ночлежный. Не раз, не раз он уже живописал эти углы смрадные и мерзкие. И что добавить-то? Нечего. Да и не нужно. Где вот увидать бы свет неземной, надежды лучик, самый крохотный хотя бы, ухватиться за него и пойти, пойти туда, откуда светит он немеркнуще?..

Голова болела и кружилась. Левитов встал со стула, покачиваясь подошел к окошку. Прижался лбом к холодному стеклу.

За окном вставало что-то мутное, серое. Хмурое… Утро…

«СКАРАБЕИ»

К вопросу об этологии нового подвида жуков-навозников рода Scarabaeus семейства пластинчатоусых Scarabaeidae. Из материалов к докладу на Международном симпозиуме «Социализация поведенческих инстинктов насекомых в контексте теории проективного анализа экспериментальных данных».

Вводные замечания. Многим известно, что существуют жуки под названием «скарабеи». По латыни Scarabaeus. Из коих самый известный Scarabaeus sacer — скарабей священный. Божественный статус ему присвоили древние египтяне. Хотя с точки зрения образа жизни, особенно в сфере питания, это обыкновенный жук-навозник. Но одна из древнейших цивилизаций в лице своих представителей жреческого сословия подметила, что свои навозные шарики Scarabaeus sacer катит в направлении строго с востока на запад. А это что? Правильно — ход движения нашего животворящего светила! Стало быть, не так прост этот жук. Обожествление, поклонение, символика — в Египте времен фараонов были детально разработаны и приняты как руководство к действию.

Прошли века, тысячелетия… Ушла в песок египетская цивилизация. А вместе с ней и ее культовая составляющая. Пирамиды — остались. Сфинкс — остался. Мумии — остались. Однако и скарабеи никуда не делись. И все также катают по пескам навозные шарики. Правда, свою сакральную значимость для Homo modern они утратили, но по-прежнему представляют интерес для научного наблюдения и анализа.

Особенности питания и этологии как основа выделения нового подвида. Чтение литературы специальной и не очень в сочетании с пристальным наблюдением за нашей многотрудной жизнью показывает, что сегодня имеет место возможность дополнить классификацию рода Scarabaeus семейства пластинчатоусых Scarabaeidae. Так сказать, расширить и углу́бить. Обогатить новым подвидом — Scarabaeus onthophagus intelligens ruthenica. Со вполне вероятным последующим дроблением. В соответствии с ареалом распространения. Конкретной средой обитания. Образом жизни.

В чем же состоит отличие Scarabaeus onthophagus intelliges ruthenica от «классического» Scarabaeus

sacer? Многочисленные статьи, эссе, заметки, краткие сообщения в специальной литературе и средствах массовой информации, призванных сеять «разумное, доброе, вечное», показывают, что главные особенности данного подвида коренятся в сфере питания и поведения. В отличие от обычных навозников, использующих для шарикообразования помет животных, наш Scarabaeus onthophagus intelligens ruthenica «работает» исключительно с отходами жизнедеятельности Homo sapiens, причем, весьма избирательно. Особенно привлекают его дурно пахнущие, исключительно липкие и трудно разлагаемые. Анализ поперечного разреза скатанного шарика показывает, что в его ядре практически всегда наличествует самая неприятная и зловонная субстанция под общим названием «foetida fetus». Далее наслаиваются остальные копронимы, после чего поверхность шарика для устранения запаха покрывается тонкой пленкой специальной быстросохнущей жидкости, выделяемой железками из ротовой полости в передней части головы.

Необходимо отметить, что при всем прочем направление перемещения шарика остается тем же — строго с Востока на Запад.

Весьма интересным фактом, однако, является уникальная способность к адаптации Scarabaeus onthophagus intelligens ruthenica при изменении ареала обитания. Экспериментально установлено, что переселение на Запад радикально меняет поведенческие функции описываемого нами подвида: он начинает катить шарики не с Востока на Запад, а с Запада на Восток! Удивительным образом меняется и качество собираемых отходов — в дело идут наиболее благоухающие и консистентно нежные.

Переселение же на Восток приводит к совершенно другому эффекту: жуки вообще перестают собирать отходы и активно встраиваются в другую пищевую цепь, в рамках которой скатывание в шарики и их перемещение не реализуются. Какую цепь — пока еще не выяснено, идет процесс наблюдения, накопления и осмысления фактов. Отмечается, однако, что отдельные индивидуумы продолжали «навозную» деятельность, но шарики жуки катали беспорядочно, не придерживаясь какого-либо определенного направления, и в результате погибали от истощения. Как с горечью отмечал один из авторов, видный специалист в области этологии животных, «…в полном недоумении, вследствие потери ориентации во времени и пространстве».

Заключительные замечания. В свете вышесказанного можно констатировать, что мы имеем некоторые основания для коррекции сегодняшней классификации жуков-навозников рода Scarabaeus семейства пластинчатоусых Scarabaeidae с точки зрения выделения Scarabaeus onthophagus intelligens ruthenica во вполне самостоятельный подвид. Тем не менее весьма серьезным и пока еще невыясненным обстоятельством, не дающим право на окончательное утверждение дополнений в систематику семейства, остается пробел в наблюдениях за поведением выделяемого подвида при перемещении его особей обратно с Запада на Восток. Здесь, по нашему мнению, возможны весьма интересные открытия!

Леонид ЗОЛОТУХИН

Заокский район Тульской области

Родился на Дальнем Востоке, школьные годы и бóльшую часть сознательной жизни провел в поселке на берегу Охотского моря. Трудился электромехаником на телеграфе, в комсомольских, советских и партийных органах, на судах рыболовного флота. В 1991 г. переехал в Заокский р-н Тульской обл. Печатался в районной и областной периодике, во многих коллективных сборниках и альманахах, в «Приокских зорях», «Ковчеге» и в хрестоматии «Три века тульской поэзии». Выпустил три книги стихов. Член РСП. Постоянный автор нашего альманаха.

ДЕВУШКА ИЗ ЛУГАНСКА

Это началось давным-давно, еще в прошлой жизни, когда слово «рынок» напрочь ассоциировалось с редиской и прочими петрушками, а «олигархи» и «инвесторы» — с ненормативной лексикой. Тем более в том далеком от Центральной России городе, на самом что ни на есть «Севере дальнем», в местах с незабываемым северным шармом: и природным, и человечьим.

Признаться, я тогда переживал не самый лучший период в своей жизни: личные неурядицы множились неудовлетворенностью нелюбимой работой. Вечером не хотелось идти домой, а утром на службу. Отдушину находил в спорте, изнуряя себя ежевечерними тренировками до судорожных колик.

Но однажды, ранней осенью, меня отправили в служебную командировку. Обычной практикой тех лет было привлечение на период уборочных работ студенческих отрядов. Вот проконтролировать условия размещения студентов я и выехал в одно из сельхозпредприятий.

Погода стояла отвратительная, сыпал мелкий надоедливый дождь, температура около восьми — десяти градусов тепла, картошка прячется в грязи. Работа ребятам предстояла та еще!

Протрясшись полдня на исполкомовском «козлике», я, наконец-то, добрался до штаба уборочной. И не успел еще даже подняться на крыльцо, как из дверей навстречу мне выпорхнуло...

Распахнутой настежь
Улыбкой слепя
И жизнь, как любимую
Песню, любя!

Это юное создание с обворожительной улыбкой и лучистыми глазами на мгновение, казалось, разогнала все хмари небесные. Жизнерадостная девушка настолько контрастировала с гнетущей атмосферой дождя, грязью полей, что я просто оторопел.

Дождь печалью вызванивал тонко,
Цветом рыжим сентябрь чах...
Улыбнулась девчонка задорно,
Волны кос разметав на плечах.

Стали девочки свежесть улыбок,
Распушенный пожар косы
Верной мерой моих ошибок,
Эталоном моей мечты.

Я с тех пор все, что в жизни имею,
Все, к чему прикасаюсь любя,
По глазам этой девочки меряю,
Изумленным ее глазам.

Не уйти мне от них, не скрыться
И за тридевять долгих лет,
Взгляд, как утренняя зарница,
Растревоживишая рассвет.

Катя, так звали эту девушку, оказалась не студенткой, а преподавателем, руководителем студенческого сельхозотряда, только что «выбившим» в штабе установку бойлера в общежитии, чтобы ее подопечные после работы в поле могли помыться теплой водой.

Для меня ее имя: Катя, Катюша зазвучало волшебными звуками, и я не мог не запечатлеть его в стихах.

***К**огда наганом у виска,*
***А**ж зубы стиснуты до боли,*
***Т**еснится черная тоска,*
***Я**дром расщепленным — судьбою.*

***К**огда невзгоды и напасти*
***А**таковали, взяли в плен,*
***Т**уман души, тоски ненастье*
***Я**рмом, наброшенным на мне.*

***К**огда печали осадЯт,*
***А** радость каплею когда,*
***Т**вои лукавые глаза*
***Е**ршистым взглядом озарят.*
***Р**азлив косы твоей пленил*
***И** губ улыбчивый овал...*
***Н**елепых дум дурман спадал,*
***А** новый день мне снова мил.*

Катя только в этом году окончила институт и по распределению попала в наш Город.

Разница в возрасте почти в девять лет, кажется, не оставляла мне шансов на близкое знакомство с девушкой, тем более на взаимность. Но и не встречать ее в условиях работы в штабе было невозможно.

Что ж, коль жизнь так пасьянс раскинула,
Даже кос не коснуться рукой,
Взгляд твой серый ловить, любимая,
За ресницами пряча свой.

Мне касанье руки доверчивой,
Словно пламя ладони ожжет,
В эти пальцы хотел бы, как в вечность, я,
Замерев, окунуться лицом.

Я б хотел этих губ рубиновых
Прикоснуться и пить нектар...
Но коль жизнью так карты кинуты,
Для чего эти встречи тогда?

Катерина приехала, как говорили у нас «с материка», из большого города. Профессиональный художник, она преподавала живопись в культпросветучилище. Словно вырванная из своей привычной среды, ареала обитания, она барахталась в примитивном бытие без вернисажей, театров, богемной обстановки.

Для меня, парня выросшего в рабочем, рыбацком поселке многое в ней казалось непонятным, непостижимым.

Консерватор и в мыслях, и в чувствах,
Этот век, я тебе не родной.
В веке прошлом я болью прочувствовал
Горечь первой любви неземной.

До безумия влюблен в Незнакомку я.
Может, Вы отблеск тех теней?
Это чувство ужели знакомо Вам,
Уроженке сегодняшних дней?

Поднимаю бокал игристого
За прекрасных и строгих дам,
За любовь, каждой клеткой выстраданную,
Безудержный в крови пожар!

Мне за Вашу бы пить непохожесть...
Но улыбкою губы дразня,
Вы такая ж как все. Ну что же,
Вы ведь этого века дитя.

Уборочная закончилась. Катюша переехала в Город, продолжила преподавательскую деятельность, а я вернулся к своим надоевшим служебным обязанностям. Только теперь вечерами я мчался не на тренировку, а к рейсовому автобусу из моего райцентра в Город, чтобы через час встретится с Катей.

Меня повергало в восторг все, что хоть каким-то образом было связано с нею. Даже когда встреча по каким-либо причинам не состоялась, просто сидеть на лавочке во дворе дома и глядеть на ее затемненные окна на пятом этаже многоэтажного дома.

И немножечко сердцем робея,
Так усмешки твоей боюсь,
Преклоню перед ними колени,
Низко окнам твоим поклонюсь

Затем бежал на автовокзал и последним рейсов возвращался к себе домой, а утром брел в свой «холодный кабинет».

Все нелепо и все смешно,
Не весна мне, а осень снится,
Листопадом в окно стучится
То, что было и что прошло.

Как в осеннем лесу заблудится,
Улетевшей мечтою маня,
Отзвеневшая юность моя.
Только эхом далеким аукнется,

Пеплом желтым осыплет голову,

Увядая березовый лес.
И с улыбкой лукавый бес
Седины моей треплет бороду.

Все нелепо и все смешно...
Но ведь есть же любовь на свете,
Коль звездой путеводною светит
В небе только твое окно.

К этому времени закончилась почти полугодовая эпопея с оформлением документов для новой работы. Событие само по себе вроде и радостное, но работать предстояло в море, а это предполагало длительное отсутствие. Перед отходом в рейс мы с Катей совершили поездку на машине по одному из красивейших перевалов нашего края. На вершине остановились, чтобы полюбоваться открывающимися видами. В распадках струился туман, закатное солнце создавало фантастическую картину неземного ландшафта, а на вершине по сохранившимся снеговым островкам в танце кружилась самая красивая девушка планеты — Катя!

Не знаю отчего написанное стихотворение получилось таким печально-прощальным. А еще — оно стало пророческим.

Прощайте, милая! Увы,
Не мне назвать Вас милой боле,
Но, верьте, не по доброй воле,
Расстаться ныне мы должны.

Спасибо, милая! Что Вы,
Пусть не любя, но рядом были,
Звездой вечерней в небе плыли
Моей расщепленной судьбы.

Простите, милая! За то,
Что недосказано, не спето.
Лучами яркими согрето
Пусть будет Ваше бытие.

Прощайте, милая! К чему
Тревожить памяти вериги?
Через сомнения шагните
В свою счастливую судьбу.

Рейс оказался не просто длительным, сроки возвращения в порт дважды переносились. Менялись экспедиции, моря… Я, наконец-то, решился написать слова признания:

Я Вас люблю!
Банальней фраз,
Мой Бог, слыхали Вы едва ли.
Но я готов сто тысяч раз
Для Вас их повторить стихами.

Я Вас люблю!
Боюсь признания.
Словам довериться боюсь.
Но, Боже мой, когда б Вы знали
Потоки слов, что рвутся с уст.

Я Вас люблю!
К чему слова.
Словами выразить возможно ль,
Что могут передать глаза
И рук касанье осторожных?

Я Вас люблю!
Довольны ль Вы
Таким признаньем издалека?

И пусть велением судьбы
В морях скитаюсь одиноко.

Я Вас люблю!
Дороги к Вам
Лишь ожиданье новой встречи:
Едва причалив к берегам,
Увидеть рук полет навстречу.
Я Вас люблю!

Только эти признательные стихи так и остались на бумаге, до адресата они не дошли, сначала не получалось их отправить, да и хотелось лично прочесть, а потом стало некуда.

Одинок в своей каюте,
За окном плывет туман,
Об устроенном уюте
Замечтал по вечерам.

И каюта — моя крепость,
Мне не кажется родной
Так, как есть за морем где-то
Дом, ухоженный тобой.

Потому, что в океане,
Как бы ни был далеко,
Только тем и берег манит,
Что на нем твое окно.

Когда уже следующей осенью я вернулся в Город, оказалось, что Кати в нем нет. Она рассчиталась на работе и уехала на родину в Ворошиловград. Общих друзей и знакомых у нас с нею не появилось, поэтому подробностей ее отъезда я так и не узнал. В училище отделались общей формулировкой: «по семейным обстоятельствам».

Ты видно просто мне приснилась,
Весенней девочкой с распущенной косой.
С чего любовь, скажи на милость,
Когда виски кустятся сединой?

Еще косы твоей кудрявость,
Дурман улыбки хмелем бьют,
А рук и губ щемящий ладан
Костром разлуки отдают.

Где юности беспечие улыбки?
С тобою рядом не помолодел.
Печать печали. Грусть. И жизни
Осенний лист на крыльях полетел.

Принять и забыть! Все было не просто. Поначалу казалось, что весь мир остановился как в детской игре по команде «Замри!».Тем более, что не зная истинных причин отъезда Кати, я часто принимал это на свой счет и от этого становилось тяжелее вдвойне.

Открываю букварь, открываю
И от первой страницы иду.
Я на «А» жизнь свою начинаю,
Я на «Б» продолженье ищу.

Отвергая в пути проторенность,
Как сквозь дебри шагаю я вновь,
Я на «В» изучаю влюбленность,
Я на «Л» постигаю любовь.

Книга жизни моя не прочитана,
В ней страницы листать и листать,
Но закладка, тобою забытая,
К букве «Л» возвращает опять.

Как заноза свербит и свербит она,
До конца, чтобы горечь испить,
Буква «Р» будет мною прочитана,
Попытаюсь тебя разлюбить.

Открываю букварь, открываю
И от чистой страницы иду.
Я на «Л» все теперь начинаю,
Ничего забывать не хочу!

Вот такой могла быть концовка у этой истории. Однако в дело вмешался прогресс. Несколько лет назад, листая странички «Одноклассников», вдруг встречаю знакомую фамилию. И фотография. Ну конечно — это же она, Катя, несколько повзрослевшая, но такая же прекрасная. И сразу на память пришла последняя встреча.

Дизель, ворча на судьбину,
Тянет, колеса вращая,
По перевалу машину
К самому верхнему краю.

Стелет распадки туманом,
Стлаником пахнущий ветер,
А над седым перевалом
Тихо склоняется вечер.

По снеговому останцу,
С первою зеленью лета,
В вихре волшебного танца
Бродит закатное небо.

Девушка в вальсе кружИтся,
В огненном солнце порхая,
И светлячками искрится
Снег у нее под ногами.

В небе июньском, как всполох,
Как безысходность прощанья,
Эхом негромкое «Помни»
Вторит мое заклинанье.

Мы списались в «Одноклассниках». И только теперь я узнал о причине столь стремительного отъезда из Города: у нее тяжело заболел отец, его парализовало, был необходим уход и поддержка.

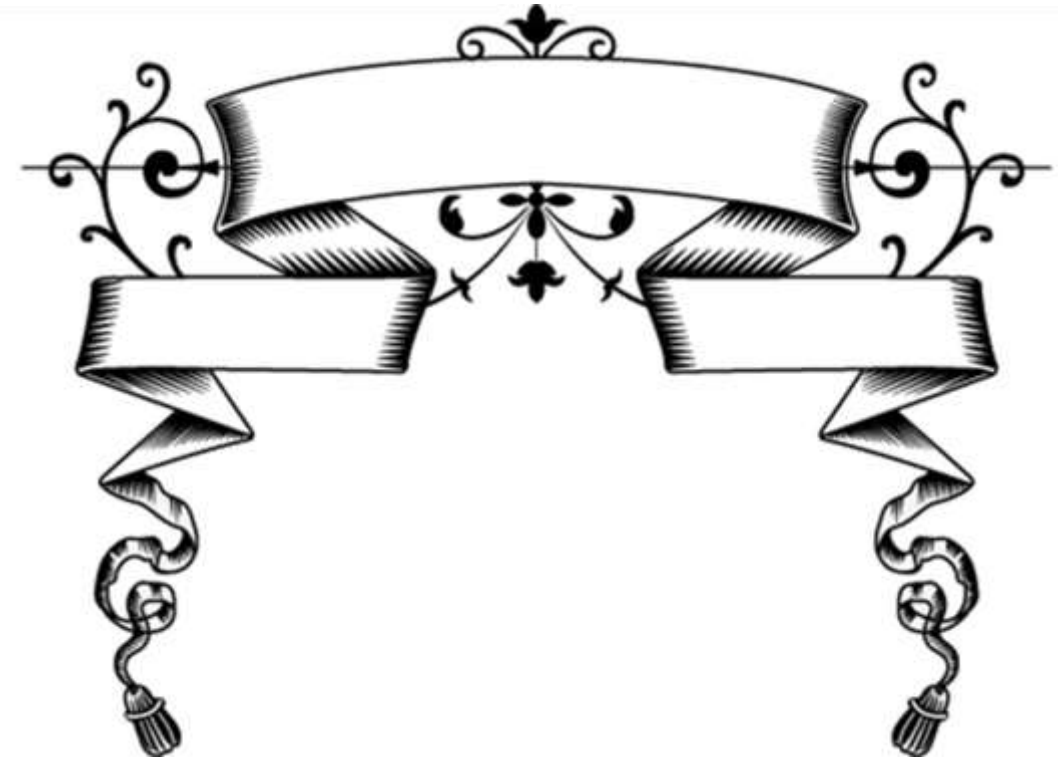
Катя рассказала о своей семье: муже, дочери, внуках, я о своей. И еще она поведала о тяжелом времени, когда приходилось с детьми пережидать обстрелы в подвале, дрожать за их жизнь. Я, конечно, послал ей и это последнее стихотворение.

Недавно мы вновь общались, я порадовался, что обстановка у них, с ее слов, стала спокойнее, появилось больше уверенности за будущее. Очень хочу верить, что и ее, и мои внуки, да и все остальные дети в стране никогда больше не будут вздрагивать от раскатов летнего грома, принимая их за разрывы.

2022 г.

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
АНФИСА ТРЕТЬЯКОВА
СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ТАТЬЯНА СКВОРЦОВА
ВИТАЛИЙ КУЗНЕЦОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ЭДУАРД ГЕОРГИЕВСКИЙ
ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ
ЕВГЕНИЙ ШЕПЕЛЕНКО
ФЕДОР ТОГУЗОВ
ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ
АЛЕКСЕЙ СЕМИН
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА (ВЕСИНА)
АРКАДИЙ ПОЛЬШИН
ДИНА ЮДИНА
БОРИС РЯБУХИН

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ
ОЛЬГА БОРИСОВА
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ТАТЬЯНА ПАНОВА
ТАТЬЯНА СКВОРЦОВА
ТАМАРА ХАРИТОНОВА
АННА МИКАЕВА
ЯКОВ ШАФРАН
ВЛАДИСЛАВ БУСОВ
СЕРГЕЙ ПОВАЛЯЕВ
НАТАЛЬЯ ШМЕЛЕВА
НИКОЛАЙ ЕРМОХИН
ВАЛЕРИЙ СУХОВ
СЕРГЕЙ МИРОНОВ
ВЛАДИМИР ПОРЯДОЧНОВ
СОФИЯ МАКСИМЫЧЕВА
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ
СЕРГЕЙ ПРОТЯНОВ

Светлой памяти замечательного русского поэта Валерия Ходулина (1937—2022)

Валерий ХОДУЛИН

С пятнадцати лет на Оружейном заводе. Воинскую службу проходил в 1956—1958 гг. на крейсере «Аврора». Тогда же появились ранние публикации. Первая книга стихов «Гравюра» вышла в 1965 г. на пятом курсе Литинститута им А. М. Горького, который окончил с отличием. Много лет работал старшим редактором Приокского книжного изд-ва, председателем Тулоблотделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Автор многих поэтических и публицистических сборников. С 1972 г. член СП СССР, член СПР с 1995 г. Заслуженный работник культуры России, Почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат многих литературных премий. Лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни. Членкор Петровской академии наук и искусств. Награжден многими медалями. Член Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

Подробная биография размещена на сайте ТПО СПР http://tro-spr.ru/member-hodulin/

РАТНИК

Он не вернулся с поля Куликова.
В Непрядву струйкой кровь его стекла.
И над убитым, каркая сурово,
Раскинул черный ворог два крыла.
Он жил как жил. Обычный, незаметный.
Пахал, косил, до солнышка вставал,
Покуда не раздался клич заветный:
К оружию князь Дмитрий призывал.
Окинув взглядом ветхую лачугу,
Он нежно обнял дочку и сынка
И натянул тяжелую кольчугу,
Что на него была чуть велика.
Схватив топор, он выбежал из хаты,
Махнул жене рукой и был таков,
Навеки скрывшись в сонме бородатых
Идущих к Дону русских мужиков.
Когда пробила грудь стрела Мамая,
Нацеленная лучником в упор,
Он пал на травы, землю обнимая,
Не выпуская боевой топор.
В лучах сентябрьских остывало тело.
Закончилась кровавая игра.
И долго-долго в ковыле краснело
Отточенное жало топора.
Родной земли коснувшись мертвым ликом,
Замолк, затих, но был непобедим.
И потому князь Дмитрий стал великим,
Что он, обычный, дрался рядом с ним.
1980

РОССИЯ

Ее враги огнем и сталью метили.
Она пила коварный яд измен.
В который раз за долгие столетия
Россия поднимается с колен.
Она воспрянет и душой, и силою,
Пройдет достойно адовы круги.
Ты поддержи свою Россию милую,
В нелегкий час России помоги.
Она простит долги и прегрешения,
Она предъявит все свои права,
И воссияет нимбом воскрешения
России золотая голова.
1996

ЕДИНСТВО

Со времен египетского сфинкса,
Если пыль веков поворошить,
То поймем, что люди без единства
Ни бороться не могли, ни жить.
За туманной дымкой отдаленной
Мы увидим, как через века
Движутся единою колонной
К воле легионы Спартака.
В мир пришла Россия заревая,
И о единении мечты
Исподволь рождались, созревая
В голове Ивана Калиты.
Над Мамаем, вдребезги разбитым
В куликовском праведном бою,
Встала Русь единым монолитом,
Вырвав государственность свою.
Как мечтали люди видеть Русь единой,
Чтобы жить содружеством одним,
Грозный-царь и Петр с Екатериной,
Под руку приняв Сибирь и Крым!
И недаром властными перстами,
Как большого дружества пример,
Указали людям Ленин-Сталин
Путь к единству — путь в СССР.
Сотни лет мы в этом были правы
И едины, что там говорить.
Не было ни войска, ни державы,
Чтобы нас сумели победить.
Помните? Когда нам было туго,
Жили мы содружеством одним.
Почему ж теперь мы друг на друга
Иногда как недруги глядим?
Разве на единство вышла мода?
Разве мы друг другу не нужны?
Мы — сыны единого народа.
Мы в единстве жить обречены.
2001

Валерий САВОСТЬЯНОВ

г. Тула

Савостьянов Валерий Николаевич (род. 2.09.1949, д. Сергиевское Болоховского, ныне Киреевского, р-на Тульской обл.), поэт, эссеист, публицист, член СПР (1997). Родился в рабочей семье. Окончил Тульский политехнический институт: сегодня это ТулГУ (1971). Прошел трудовой путь от рабочего на заводе и шахте до начальника ЭВМ и заведующего лабораторией в Тульском политехническом институте. Ветеран труда. Стихи пишет с детства. Первая публикация в тринадцать лет. Сегодня он — один из ведущих поэтов Тульской обл., известных и в России, член правления Тульского РО СПР, тульского клуба православных писателей «Родник» со дня его основания и его совета, редколлегии журнала «Приокские зори» и альманаха «Тула», ряда жюри, руководитель семинаров поэзии совещаний молодых писателей. Он автор многих книг и многих публикаций. Составитель коллективных сборников, антологии тульской поэзии «Наши современники». Награж-ден Почетными грамотами Министерства культуры РФ, СПР, Тульской областной думы, Тульской городской думы и другими, Благодарностями Губернатора, Митрополита. Отмечен рядом литературных медалей. Имя Валерия Николаевича Савостьянова занесено в Тульский биографический словарь, в энциклопедический словарь-справочник «Новая Россия: мир литературы». Дипломант и лауреат многих известных международных, всероссийских и тульских литературных премий, конкурсов, фестивалей и форумов. Книга Валерия Савостьянова «Русский крест» (Тула, 2014, 2015) вошла в Список лучших произведений русской художественной литературы 2014 г. Подробная биография на его авторской странице сайта «Стихи.ру». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

НА ОБЛОМКАХ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

На обломках великой державы,
Что не вспомнить уже как зовут,
Где все те же война и пожары,
Люди все-таки как-то живут.
Нищий город на взморье Азова,
Наш последний советский мираж,
Город Солнца —
Курортная зона —
Рад всему, что ему ни подашь.
А на капище энергоблока,
У гробов уникальной АЭС —
То содом фестивального рока,
То тишайшая стайка овец.
И взопрел ошарашенный сталкер:
Не кончается — сколько ни тырь! —
Если всюду такие останки,
То каким же он был, Богатырь?..

ГИМН СОЮЗУ

Замечаю, что тоже ною:
Русь погибнет, совсем одна!
Неужели теперь и мною
Пробавляется сатана?
Ах, двоюродные мои братья,
Ох, вчерашние свояки,—
Сквозь неискренние объятья
Ваши режутся кулаки!
А как славно-то было вместе:
Всем пятнадцати на пиру,
Когда каждому — по невесте,
А достойнейшему — сестру!
Млели девы, гвардейской статью
Покоренные и словцом…
И гордился я общей ратью,
Хоть несхожие мы лицом!
Пусть несхожие — не кичились
Мы обычаями дедов,—
У товарищей мы учились
Древней мудрости их родов.
Этой мудрости Атлантида
Вдруг всплывала со дна:
Внемли
Внук Сасунского ли Давида,
Внук ли Муромского Ильи!
И приемы свои святые
Открывали нам, не тая,
Тамерлановские батыры
И стефановские князья.
И повсюду нас привечали,—
И встречал нас у батарей,
И пристреливал нам пищали
Цвет демидовских пушкарей.
Нас учили маскироваться,
И ужом ползти вдоль стены,
И на холоде согреваться
Знаменитые пластуны.
К нам, плутающим у бархана,
К нам, увязнувшим у реки,
Шли «бессмертные» Чингисхана,
Запорожские казаки,
К нам скакали гонцы Боброка
И посыльные Ермака —
Слава Запада и Востока
Одинаково нам близка!..
Вы простите меня, слепого,
Что любил вас
Без всяких виз,
Что за всех бы
И за любого —
Горло б недругам перегрыз!
Нашей дружбе и общей воле
Враг всегда уступал: боюсь!..
Ой, не раз еще
В чистом поле
Вы вспомЯните наш Союз!

КРАСОТА ТВОЯ НЕПАРАДНА

Красота твоя — непарадна:
Поле, ивушка у ручья.
И за что же
Так безоглядно
Я горжусь тобой, Русь моя?
В путь булыжный и бездорожный
Тащит нас твоя колея —
Так за что же,
Почти безнадежной,
Тебе верую, Русь моя?
Коль возносишь, всегда случайно —
Чаще в песню бьешь из ружья.
Ну за что же
Так беспечально
Вновь пою тебя, Русь моя?..
Ты — сырая моя скворечня!
И не спрашивайте скворца:
За что любит он
Так бесконечно
Клен свой ветреный у крыльца!

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

г. Симферополь

Студентка Института филологии КФУ им. В. И. Вернадского. Член литературно-бардовской мастерской «Таласса». Начала писать стихи в двенадцать лет. Любовь к поэзии привила бабушка — комсорг Артека, корреспондент газеты «Слава Севастополя» Третьякова Ираида Ивановна, которая также была руководителем ЛТК Дворца пионеров (г. Севастополь). Финалист Первого международного литературного конкурса поэтических переводов «Сожскія берагі сяброўства. Сожские берега дружбы». Публиковалась в «Литературной газете» (Москва); в сетевом журнале «Камертон», «LITERRA», «Золотое Руно», «Артбухта», «Бельские просторы», «Что есть ИСТИНА?» (Лондон); в «Журнале ПОэтов», в журнале «Российский колокол», «Невский альманах», «Сибирский Парнас», «Северо-Муйские огни», «Белая скала», «Истоки», «Москва», «Александр», «SOULMATE». Наш постоянный автор.

НЕКРАСОВУ

Вопрос доселе не решен:
Жить настоящим или мнимым?
О, Русь, кому же хорошо
Плебеем быть, не дворянином?
Так, среди равных был иным
Большой поэт немого века.
Ты, голос давший крепостным,
Увидел душу человека!
Россия вязла в нищете,
О демократии молчали,
Но появился ты и те,
Кто выразил ее печали.
Еще звучит в моей душе
Твоя страдальческая лира,
Как Герцен мне кричит уже:
Не сотвори себе кумира!
Ты впрягся и надел хомут
Главы журнала «Современник».
Любовь к чужой жене поймут,
И страсть к игре, и жажду денег...
Крамской напишет твой портрет,
Корней Чуковский оправдает
Твои грехи, ведь ты — поэт,
О ком страна моя рыдает!

ГОМЕР

Схоронены давно руины Трои,
И ветер пыль в века разнес с дороги,
Но жили и живут, как будто боги,
Ахилл и Одиссей — мои герои.
Безжалостное время хоть творенье
Мое оставило, не сохранив портрет.
Вы знаете, что я слепой поэт,
Имевший от природы вдохновенье.
А где родился я — никто не знал.
Семь древних мест на то претендовали.
Но время стерло память и едва ли
Запомнит кто-то ваши имена.
Мой эпос как божественный чертог
Вознесся над прошедшими веками.
И я живу с античными богами
И сам полу-легенда, полубог.

ЗА СИНЕЙ ДВЕРЬЮ

Мы стоим за синей дверью:
Я внутри, а ты снаружи.
Я люблю и свято верю,
Что и ты обезоружен.
Безысходность понимая,
Обливая сердце кровью,
Мыслью плечи обнимаю.
Отвечаю: «Не открою!»
Искушаешь. Вся как зверь я:
Там любовь, за синей дверью.
И сквозь дверь меня схватили
Руки твои сильные.
Я молитвою просила:
Милый! Отпусти меня!
На колени опустилась
И глаза вниз опустила.
Я с тобою не простилась,
И себя я не простила.
Я с надеждою рассталась.
Где сейчас ты? Где теперь я?
Может это я осталась
Ждать тебя за синей дверью.

ЗИМА

Ко мне пришла сама зима,
Присела на кровать.
Она свела меня с ума,
Велела не вставать.
Зима смотрела мне в глаза,
Грозила кулаком.
И не давала мне сказать,
Забивши в горло ком.
Февраль колол меня иглой
Как будто доктор злой.
Посыпал голову золой
И скрылся с глаз долой.
Я пролежала до весны,
В поту, в бреду, в аду.
Я видела плохие сны
И думала, уйду...
И все три месяца зимы
С болезнью бились мы.
Я будто вовсе не жила,
Пока метель мела...

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Поэт, переводчик, писатель, член СПР. Автор ряда книг. Победитель и призер многих фестивалей и конкурсов. Лауреат международной премии «Славянские традиции». Стипендиат Министерства культуры РФ. Награждена медалью им. Е. Замятина «За успехи на литературной и культурной ниве». Публикуется в российских и зарубежных журналах. Стихи переведены на многие языки. Член Европейского конгресса литераторов, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, гл. редактор альманахов «Параллели» и «Крылья», член редсовета журнала «Белая скала». Член ЛитО «Точки» при совете по прозе СПР. Постоянный автор нашего альманаха.

КУРС

Опять метель шумит с утра. Простужен город.
Зима вернулась снова к нам, вернулся холод.
Апреля время на часах, его паренье,
Но сбился курс, и нет весны… и вдохновенья.
Гуляет ветер по весне, на сердце — стужа.
Свобода — тьме, раздолье — злу. Метели кружат.
И время отдавать долги больной планете,
Не всуе жить, идти вперед, идти за светом.
А нить свою веретено прядет проворно,
Еще по-прежнему грешим, живем притворно.
Успеем ли в последний миг увидеть небо,
Иль, как другие, мы уйдем не в жизнь, а в небыль…
Шумит упрямая метель, окутав город.
Зима гуляет по земле, на сердце холод.
Апреля время на часах, его паренье,
Но сбился курс, и мира нет… и вдохновенья.

СЮЖЕТ

Ничего не изменилось…
Только день короче стал,
Только смех попал в немилость,
грусть взошла на пьедестал.
Только совесть судит строже,
и душа саднит от ран,
И шепчу все чаще: «Боже!»,
и бреду, как тать, в туман.
И во всем ищу я меры,
обозначив жизни путь.
У меня свои примеры,
в них — божественная суть.
Прячу мысли в тихость строчек,
кружева плету из слов.
Не навязываю, впрочем,
никому своих стихов.
Ничего не изменилось,
все по-прежнему течет.
Может, что-то позабылось,
и оно предъявит счет.
А пока часы вещают,
проживаю горстку лет,
И за все — других прощаю,
и пишу судьбы сюжет.

НЕ ГОНИ

В суете, от рассветов к закатам,
Пролетают стремительно дни.
К уходящему — нету возврата,
Ты на тракте коней не гони.
Пусть идут они мирной дорогой
И не ведают волчий оскал,
На пути не настигнут острога,
И беду не накличет шакал.
Эй, возница, смотри все же зорче,
Не сверни в роковой поворот.
Этот путь впереди заболочен,
Змей Горыныч стоит у ворот.
Проезжай, устремляясь к рассвету,
Проведи по ухабам коней.
Ты последуй святому завету,
С ним иди в нерастраченность дней.

ЦИКЛОН

Пришел обещанный циклон,
принес дожди и ветер.
Ворвался в лето напролом,
теперь за все в ответе:
За шумность крыш и створок вздох,
и серых туч крылатость,
За то, что двор застал врасплох,
за улицы помятость.
За то, что запер всех в домах

и буйствует на воле,
Что поглотила город тьма,
как шхуну на приколе.
За сырость, что развел вокруг
и нудную плаксивость,
Что он сильнее всех наук
и презирает лживость.

ГОРОД СОЛНЦА

А город дышит. Изнурен,
глотает жар небес палящих.
Он солнцем знойным ослеплен,
стоит под куполом блестящим.
И знает цену бытия.
Он, как фрегат, в пустыне дикой.
Ветров безумных лития
гудит над далью многоликой.
В нем жизни разные текут.
Все, как всегда, в однообразье.
И быль моя слагалась тут,
и познавала здесь я счастье.
Но буйство времени внесло
свои суровые порядки.
В лодчонку села, взяв весло,
и уплывала без оглядки.
В чужих краях сплетаю путь.
Мой город, я твоя пропажа!
Вдали познала жизни суть
и тяжела души поклажа.
Твой луч мне служит маяком,
с ним обхожу упорно рифы.
Плыву на свет я прямиком,
как шли вперед бесстрашно скифы.
Они оставили следы
на ткани выжженной пустыни.
Храним мы прошлого труды
и их бессмертные святыни.
А город небом озарен,
стоять века ему на страже!
Благим дождем благословлен,
светить таким, как я, пропажам.

ДОБРЫНИ

Закрутил шарманщик-ветер
Снова песню про печаль.
Что сто бед живут на свете,
Род людской что им не жаль.
Рыщет зло и сеет смуту,
Хороводит на костях.
Лжи поток несется мутный
И зовет под черный стяг.
Не шуми, печальный ветер,
Есть Добрыни на Земле.
Меч возьмут и злу ответят,
Засияет свет во мгле.
Загудит былинно поле,
Встанет вновь святая рать,
И пойдет людское море
Мир от ворога спасать.

ТМУТАРАКАНЬ

Дни бегут неторопливо, ночи, словно мед, текут,
Без прикрас и всем на диво пролетают годы тут.
Три бревенчатых избушки, банька, рядом озерцо,
Три дородные старушки вышли шумно на крыльцо.
На скамейке дед, а Жучка лапой ловит вредных блох.
Вдалеке повисла тучка, рядом — поле, небо, Бог.
В деревушке позабытой (сорок было в ней дворов),
Избы досками забиты и гуляют сто ветров.
Спит в них времечко былое, тени смотрят из окóн,—
Погубило лихо злое, что пришло со всех сторон.
Пробежался Змей Тугарин с многотысячной ордой,
Исковеркал все в угаре, погрозил еще бедой.
Нет Алеши — заступиться, и состарился мужик.
Воля вольному, а птица над деревнею кружит.
Обронила в землю семя, возродится жизнь весной.
Залатает были время и оставит за спиной.

ОКНО

Смотрю в окно. Скользит луна по тверди
темно-синей,
Воздушных бурь летит волна, несет ее пустыней.
Сверкают звезды-маячки в неведомых глубинах,
И редких облаков клочки плывут, как паутина.
Во всем порядок неземной. Непостижима тайна.
Кто правит нами и луной? И все ведь не случайно.
Нас шло немало, и идем своей дорогой каждый.
К черте когда-то добредем, откроем дверь однажды.
И обнажится нам тогда суть жизни во Вселенной,
Иль радость встречи, иль беда грозит душе
нетленной?..
Уж полночь. Ходики спешат, считают чье-то время.
И нелюбовью все грешат, несут страданий бремя.
Напротив в доме — свет в окне. Не спит в квартире
кто-то.
Горюет, может, в тишине, а может, ждет кого-то.
Иль тоже, как и я сейчас, задумался о вечном,
И вспомнил матери наказ: «Ты не живи беспечно!»
Воскообразная луна скользит немой пустыней.
Она свободна и вольна на тверди темно-синей.
До нас ей дела вовсе нет. Что ей мои печали?!
В окне чужом погашен свет, и птицы вдруг
вскричали.

ОСЕННИЙ СПЛИН

По будням листья пронеслись, вскружив пришедшие
печали.
Осенний сплин или каприз ветра мятежные
примчали.
Куда уходят октябри, куда спешит упрямо время?..
Считают жизнь календари, и тяготит их ныне бремя.
Все чаще мысли о снегах, что занесут число
и память,
О тех далеких берегах, где след навечно скроет
замять.
О высях горних и судьбе, о взлетах быстрых
и паденьях,

О суете и о борьбе, и удивительных мгновеньях.
Их было много, и плоды я получаю ежедневно.
Коплю в столе свои труды. Творю для мира вдохновенно.
Еще все будет, не сейчас... а ныне сплин в душе и мыслях.
А где-то бродит мой Пегас и дремлет на опавших листьях.

Сергей ФИЛИППОВ

г. Москва

Окончил Московский институт химического машиностроения. Инженер-механик. Печатался в журналах: «Приокские зори», «Ковчег», «Дальний Восток», «Берега», «Балтика», «Южная Звезда», «Дарьял», «День и ночь», «Сибирские огни», «Северо-Муйские огни», «45-я параллель», «Фабрика Литературы», «Новая литература», «Московский базар», «Вторник», «Автограф», «Зарубежные задворки», «Чайка», «Новый день», «Истоки», «Литкультпривет», «Иван-да-Марья», «Великороссъ», «Камертон», «Молоко», «Неман», «Подъем», «Жемчужина», «Звонница», «Простор» и др. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Опять звучит команда: «Тише.
Мотор!» И камера трещит.
Герой по лестнице все выше
Летит и на излете слышит:
«Ты ранен, Боря?» «Я убит».
И точно также, как и в первый,
И в сотый, и в двухсотый раз,
Вонзаясь в облачные перья,
Над ним закружатся деревья,
И тело вновь осядет в грязь.
Есть масса фильмов, но иные
Волнуют с каждым днем сильней.
И вечно юные живые
Герои шлют нам позывные
Из стаи белых журавлей.

***

Рязань горит. С природой, парень,
Не шутят. Змейкой по траве
Ползет огонь, и запах гари
Мы ощущаем и в Москве.
Где ночью заезжают фуры
Из самых отдаленных мест.
Меняют каждый год бордюры.
И где с лихвой хватает средств
На все бессмысленные траты:
Бордюры, плитку.Так что пусть
Горит и гибнет безвозвратно
В огне есенинская Русь.
И хоть «Москва слезам не верит»,
Землицу размешав с золой,
Зальем, как водится, потерю
Своей искусственной слезой.
Другой России нам не надо,
Ты только пафос не жалей
И чаще заливай в лампады
Благоухающий елей.
Но под одним живем все Богом,
И вот уж в утреннюю рань
Столица вся накрыта смогом:
За двести верст горит Рязань!

***

Все глуше смех, все тише споры,
Все громче клич: «Маэстро, туш!»
Почти не ставят «Ревизора»
И не проходят «Мертвых душ».
Сатириков пора забыть бы
И зачехлить свой острый кий,
Хотя играется «Женитьба»,
И страшно популярен «Вий».
И вновь по Невскому проспекту,
Отчаявшись и впав в психоз,
В толпе прохожих бродит некто,
В запарке потерявший нос.
Однако, строить параллели
Бессмысленно, их просто нет.
Ведь тех, кто вышел из «Шинели»,
Давным-давно растаял след.
И мчится наша птица-тройка
Куда-то, набирая ход,
Как и при Гоголе, да только
Куда ответа не дает.

***

Бессмысленность каких-либо усилий,
Почти невыносимая среда,
Вот так и Бунин покидал Россию,
Как выяснится позже, навсегда.
Чтоб странствуя, скитаясь, сожалея,
Вдали от дома тридцать с лишним лет
Писать с тоской про темные аллеи,
Которых в этой жизни больше нет.
Былого, как известно, не воротишь,
И впору брать билет в один конец.
Прощай, Москва! Прощай, родной Воронеж!
Орел, Ефремов, Тула и Елец.
Прощай страна и родина! Отныне,
Когда судьба отчизны на кону,
Кому-то очутиться на чужбине,
Кому-то строить новую страну.
Кому-то слезы лить, кому-то дуться
И повторять: трава в ней не расти.
Но рано или поздно вновь сойдутся
Однажды их нелегкие пути.
В июле, октябре, а лучше в мае,
Когда забрезжит утренний рассвет,
Пускай и с опозданьем понимая,
Что правых-виноватых больше нет.

***

Я не противник авангарда,
Клевещут злые языки.
Я против, чтоб поэтам, бардам
Наклеивали ярлыки.
У каждого свое призванье,
Но, полагаю, не солгу
Сказав, что самолюбованье
Не приведет нас всех к добру.
Такой подход и путь заказан
Художнику. Он весь в борьбе
С самим собою и обязан
Всю жизнь не нравиться себе.
И только лучший среди лучших,
И то один и на один
С собой, воскликнет: «Ай да Пушкин,—
Однажды,— ай да сукин сын!»

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Казахстан

Родился в Казахстане, в г. Семипалатинске. Член СПР, член СЖР. Автор многочисленных книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России, Канаде и Германии. Член редколлегии и зав. отелом поэзии литературно-художественного журнала «Приокские зори» (Тула, Россия), член редакционного совета и зав. отделом поэзии литературно-художест-венного альманаха «Ковчег» (Тула, Россия). Обладатель памятной медали Николая Рубцова (2020). Наш постоянный автор.

Из новых переводов

ЭДМУНД СПЕНСЕР. AMORETTI

Сонет 1

Вы счастливы, когда вас держат руки.
В них жизнь моя, как нежный лепесток.
И оставаться в них, быть может, муки,
Стать пленником, во власти этих строк.

Слова прекрасны, словно звездный свет,
И согревают взгляд моих очей.
Тоской проложен на бумаге след,
И слезы будто кровь бегут сильней.

А радость рифмы — как святой ручей,
Несущий с Геликона чистоту.
Покажет ангел множество огней
Узнавшему нужду и нищету.

Стих этот предназначен ей одной,
Я не желаю думать о другой.

2022

Сонет 2

Мной рождена тревожная идея
Как результат сердечного огня.
Печалями питаясь, холодея,
Ты стал собою заполнять меня.

Но вырвись, наконец, из полымя,
Не стоит больше выводить гадюк,
Уменьши боль мою, меня пленя,
Пусть оба мы лишимся тяжких мук.

Но если гордость повстречаешь вдруг,
Смиренно припади к ее ногам.
И всех несчастий разомкнется круг,
Прощенье ждет нас, верь моим словам

Любовь и жизнь нам будет как награда,
А если нет — нас ждут ворота Ада.

2022

Сонет 3

Лишь только восхищаюсь красотой,
Которая достойна похвалы,
Свет от нее особый, непростой,
И теплые лучи его милы.

И яркостью своей не тяжелы,
Но больше не могу смотреть на них.
Как будто опасаюсь я стрелы,
Когда живу среди людей чужих.

Достаточно им добрых слов моих,
И мыслями они удивлены.
Мое перо писало этот стих
Тем, кто в душе покоя лишены.

Когда я создаю свои творенья,
То остроумным быть мое спасенье.

2022

Сонет 4

Из Януса ворот вновь Новый год
Всем обещает счастье и удачу,
Оставив в прошлом множество забот,
И, кажется, не может быть иначе.

И зимней ночью, позабыв о плаче,
Любовь уснула в домике унылом,
А как проснется, то получит, значит,
Возможность улететь и много силы.

Весна наступит ласково и мило,
Способная обрадовать любого,
Цветами Землю щедро застелила,
Устроив праздник у всего живого.

А ты росток, прекрасен сам собой,
И со своею встретишься мечтой.

2022

Сонет 5

Ты груб ко мне, я чувствую всем сердцем,
И обижаешь вновь любовь мою,
Но я открою перед нею дверцу,
Чтоб ты про зависть смог забыть свою.

Тебе об этом прямо говорю,
Презренье не скрываешь ко всему.
Твой злобный взгляд — подобно острию,
Ее пронзает, словно лучик тьму.

Твоя не в радость гордость никому,
Невинность девушки — в ее глазах.
Лицо ее прекрасно потому,
Что всем назло честна не на словах.

И в мире нет другого испытанья,
Как усомниться вдруг в ее признанье.

2022

Евгений ТРЕЩЕВ

г. Щекино Тульской области

Трещев Евгений Иванович — инженер, член СПР. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член правления Тульской региональной общественной просветительской организации «Знание». Член щекинского ЛИТО «Приупские просторы» и Российского военно-исторического общества. Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный учитель. Почетный строитель. Ветеран газификации Тульской обл. Ветеран труда. Награжден восемью медалями и «Знаком ордена Доброты». Почетный гражданин Чернского р-на Тульской обл. Автор тридцати одной книги, в том числе первых в Тульской обл. муниципальных учебников «История родного края» для 7 и 8 классов, учебных пособий, биографических справочников «Щекино в лицах» и «Известные люди Щекинской земли». Имеет более трехсот публикаций в альманахах, журналах, коллективных сборниках, газетах. Главный редактор альманахов «Приупские просторы», «Солова», «От-чий край», «Дым Отечества», редактор книг «Щекино. Прошлое и настоящее», «Плавание сквозь годы», член редколлегии альманаха «У засечной полосы», газеты «Тульский литератор» (2015). Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, В. Г. Лаврика, всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ТРО Союза писателей России, лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов и фестивалей. Награжден специальной грамотой 6-го международного поэтического конкурса ПАНИ «Россия, перед именем твоим…» в номинации «За пейзажную лирику» и дипломом 7-го международного поэтического конкурса «Россия, перед именем твоим…», посвященного 75-летию Ве-ликой Победы советского народа над немецко-фа-шистскими захватчиками. Постоянный автор нашего альманаха.

ВОСПОМИНАНИЯ

Посвящается светлой памяти моей жены Трещевой Валентины Ивановны.

В мягком воздухе разлит осенний запах.
Он дурманит терпкостью вина.
И шуршит, пружиня под ногами,
Красная и желтая листва.
Там, вдали, над спелыми полями
Стелется тумана пелена.
И плывут, скользят воспоминания,
И тревожно задрожит душа.
Память воскресит родные лица,
Мудрые и глупые слова,
Вспоминаешь все, чему уже не сбыться,
Что когда-то забрала судьба.
Жизнь моя сейчас, как на ладони,
Вся видна и ясна для меня.
А вокруг ни ветерка, ни солнца.
На опушке я и тишина.

А ДУША ДЛЯ ЛЮБВИ ОТКРЫТА

Дни проходят. Летят года.
Юность пеплом седым покрыта.
Но паролем звучат всегда:
Служба. Коми. Подъем. Тайга.
Хоть забвения пелена
Все сильней и сильней клубится,
Но при слове одном «Ухта»
Юность в сердце опять стучится.
Величаво шумит тайга.
Гонит ветер волну речную.
Навевают грусть облака.
Вспоминая тебя, тоскую.
Были юными мы тогда,
Друг над другом в письмах шутили.
В такт стучали наши сердца,
Потому что мы очень любили.
А теперь на висках седина,
Сеть морщин на лицо ложится.
Но глядишь ты светло на меня,
И любовь вокруг нас струится.

Дни проходят. Летят года.
Юность пеплом седым покрыта.
А любовь все равно жива,
И душа для нее открыта.

РАСТРЕВОЖЕНА ДУША

Юность наша пролетела, вот дела.
Если вдуматься, то жизнь почти прошла.
Мы сидим в саду с тобою у костра,
Набегает на глаза мои слеза.
Обнимаю я тебя, прижав к плечу,
Чуть вздыхаю, руку глажу и молчу,
И под тонкий запах легкого дымка
Встрепенулась, растревожилась душа.
Жизнь прожить вдвоем — не поле перейти.
Что, родная, ждет нас дальше на пути?
Был я счастлив, жизнь прожив рядом с тобой,
С самой милой, ненаглядной, дорогой.
Ты ко мне всегда была мягка, добра.
С детских лет не нагляжусь я на тебя.

ЛЮБОВЬ С НАМИ

Жизнь — дорога вперед —
Нас несет в неизвестность,
И не видно черты,
Где царит бесконечность.
В этой жизни земной
Мы с тобой пассажиры,
Еще хочется жить,
А меняют квартиры.
Нет возврата назад,
Только всплески эфира.
Тело здесь, на Земле,
А душа воспарила.
Не свернуть, не сбежать,
Так намечено было.
И влечет за собой
Нас другое светило.
Излучений игра,
Нет ни слез, ни улыбок,
Лишь висит на душе
Груз прошедших ошибок.
И уносит меня в бесконечные дали.
Вот уже позади чувства боли, печали,
Но любовь не ушла.
Она вновь между нами.
Лучом светлым скольжу
Над твоими руками.
Годы жизни земной —
Один миг для Вселенной.
Мы сольемся с тобой
В яркой вспышке волшебной.

ПОД ШУМ РУЧЬЯ

Шумит ручей на перекате —
Нарушен мерный бег воды.
И возникают, как в тумане,
Виденья призрачной мечты.
Сознанье тихо отступает
В пределы зыбкой тишины.
Здесь все: и слава, и признание,
И ночи трепетной любви.
Они придут судьбы мгновения —
Те отражения мечты:
Рука в руке, у переката,
Стоим мы вместе, я и ты.

Татьяна ПАНОВА

г. Красноярск

Автор нескольких поэтических сборников, член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

****

Сквозь туман над тайгой Эвенкии
Ни рассвет, ни закат не видать.
А морозы бывают такие,
Что деревья, сжав зубы, скрипят.
Тишь ночами. И слышно, как дышат
Печи, в высь выдыхая дымы
Сизым-сизым по белым по крышам.
Нет там красок других у зимы.
Свет в окне. Только ночь, только тени.
И по речке равнина чиста.
Там еще русский код неизменен
И распахнуты настежь сердца.
И в заполночь с тоскою и скукой,
И молитвою, и без нее
Бродит ветер в ночных переулках,
Словно ищет дыханье мое.

****

Долгожданная награда —
Никуда спешить не надо
В час, когда приходит тьма.
С кофе — горькою усладой
И кусочком шоколада
Легче движется зима.
Мы с тобою не повинны,
Что в снега и холодины
В глуби мутного стекла
Горбятся не только спины.
Души горбятся незримо,
Потеряв свои крыла.
В снегопадов белой власти
Белоснежному ненастью
Сами сдавшиеся в плен,
Где всего-то нам для счастья
Надо взгляда и участья,
Роз — в узоре на стекле.

****

А лето соткано из муз.
Есть дни — на запах, дни — на вкус,

На ощупь дни, на выдох — вдох,
На гром, на шорох, на ожег,
На цвет листвы и цвет травы,
На цвет небесной синевы,
На первозданный миг красы
В прохладе утренней росы.
А лето соткано из грез —
Из птичьих песен в перехлест,
Где по босиком иду — бреду,
Вторгаясь в эту красоту.

РОМАНС ОСЕННИЙ

Неразгаданные сны,
Полуявь и полутени,
Встреч летящие мгновенья,
Всхлип расстроенной струны.
И зажжение свечей,
И согретые ладони,
Видно, Осени угодна
Недосказанность ночей.
Тишина звучит нежней.
За окном потоком листья —
Неотправленные письма
Неоправданных надежд.
Сохраненные судьбой
И в желаньях, и в недугах
Мы, прощенные друг другом
И прощенные собой,
В час, когда дрожит струна,
Ни о чем уже не просим
И тайком врастаем в осень,
Наблюдая из окна.

***

Не впрок обыденность молитв,
Где лишь «рабы» в чужих молитвах.
Не выжить нам без новых битв
И без побед в тех самых битвах.
О, дети Божьи, от славян
Свое берущие начало,
Здесь в тихом омуте вранья
Осталось правды слишком мало —
Той правды, что не ублажить,
Не подкупить едой, одеждой
В ее величие души,
Ее победах и надеждах.
О, дети Божьи, что мольба
Чужая нам? Нам лишь бы, лишь бы
Не погубить самих себя,
Самих себя без битв и в битвах.

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

Родилась 19 февраля 1980 г. в г. Щекино Тульской обл. Учитель биологии и географии. Автор четырех сборников стихотворений: «Волшебный лепесток», «Почерк души», «Мысли и чувства», «Заповедная тропа» и сборников песен «Серебряный родник» и «Звонкие капельки». Лауреат районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах России и Польши. Член ОМЛО «Муза». Член СПР. Член Академии российской литературы. Награждена медалью им. И. А. Бунина «За верность отечественной литературе». Наш постоянный автор.

***

Солнце в реку садилось и таяло
Шоколадно-клубничным мороженым.
Лес дремал, и его очертания
Мне казались на город похожими…
Вечер плыл по его узким улочкам
И в окошки-просветы заглядывал,
Одеялом сиренево-сумрачным
Укрывал перелесья нарядные.
Нежным тенором пел колыбельную
Теплый ветер, опушки баюкая…
Луг, тропинки, поляны соседние
Наполнялись приятными звуками.
Месяц спал на сосне белым голубем,
Звезды в небе светили лампадами…
Понимала душа: в этом городе
Ничего, кроме мира, не надо бы.

***

Вот и все! Впереди только лето!
Прямо с места — да в море из трав!
Солнце желтой чеканной монетой
Щедро платит горячим ветрам.
День пропитан ромашковой брагой,
Облака службу гордо несут.
Лето — время живительной влагой
Наполнять драгоценный сосуд.
Время куртки сменить на рубашки!
Легким шагом, не тратящим сил,
Вдаль спешить и смотреть как от жажды
Пьет река неба яркую синь.
Как береза о счастье секреты
Робко шепчет, общаясь с лозой,
Как душа, напитавшая света,
Заблестит на ресницах слезой…

УТРЕННИЙ ДОЖДЬ

День проснулся от шума дождя —
Легкий шепот в березовой роще.
Он дразнился, как будто шутя,

То начав разговор, то закончив.
Был доволен рассказчик собой,
Органзу выплетая из капель,
Словно неба святую любовь
Открывал этим утром Создатель.
Плыли в лужах осколки зари,
Ветер гладил потертую кожу…
Дождь без умолку все говорил,
Вспоминая о чем-то хорошем.
Не хотелось ни сна, ни молитв.
Мягкий шорох, проникнувший в душу,
Как давно позабытый мотив,
Мне хотелось и слушать, и слушать!
Сквозь пространства тугую броню
Дождь разумное, вечное сеял,
Чтобы люди рожденному дню
Открывали сердец своих двери.

ПОКАЯНИЕ

Кается небушко, кается,
Льется повинным дождем…
Жизнь — бесприютная странница —
Вечно в пути: спуск-подъем.
Плачется, грешное, плачется,
Сетует батюшка-гром…
Лип изумрудные платьица
Вымокли все целиком.
Молится, низкое, молится —
Тяжек оплошностей груз!
Все их простит Богородица,
Прочь улетучится грусть!
Синим становится, серое…
Небо промылось дождем!
Знать, оно истинно верует,
Раз просветлел окоем!

РОССИЯ

Какое имя нежное — Россия!
В нем россыпь рос, как перлы жемчугов,
В нем русла рек, по-девичьи красивых.
Оно и есть — к родной земле любовь.
Какое имя светлое — Россия!
В нем переливы всех колоколов,
В нем небосвод высокий, ярко-синий,
В нем Родины заветный «вечный зов».
Какое имя доброе — Россия!
Тепло руки в нем греет в пору стуж.
В нем солнца свет и льют дожди косые.
В нем чистота и святость наших душ.
И если б «В чем секрет?» — меня спросили,
Я знаю, как ответить наперед,
Ведь в имени прославленном — Россия —
Вся сила духа русского живет!

Татьяна СКВОРЦОВА

п. Нетьинка Брянского района
Брянской области

Татьяна Ивановна Скворцова (Лескова) родилась в п. Нетьинка Брянского р-на Брянской обл. Активный член литературного объединения «Парус» (г. Сельцо). Полуфиналист всероссийского литературного конкурса «Родине поклонитесь», посвященного 200-летию И. С. Тургенева («Поэзия»); призер (2 место) IV Международного конкурса-фестиваля «Живой родник». Член МСПМИ. Автор поэтических книг «Родник моей души», «Вместе будет веселей», «Осенний вальс», «Лучшие друзья». Постоянный автор нашего альманаха.

ВЕСНА

Водой наполняет реки
Весна. Ты чего-то ждешь.
Земля поднимает веки,
Ее умывает дождь.
В пушистых из трав ресницах
Запутался след весны,
И клин журавлей стремится,
Спешит к берегам Десны.
Напиток самой природы —
Душистых цветов нектар.
Хлебов зеленеют всходы.
Дан Господом этот дар!
Мелькает, как лента в косах,
Среди холмов и равнин
Десна, берега все в росах
Укутались в палантин.
Весной молодеют лица,
Уходит зимний мороз,
И новая жизнь, как птица,
Несет в королевство грез,
Где счастье. О нем мечтаешь,
Всю жизнь надеешься, ждешь,
Быть может, там повстречаешь,
А, может, и не найдешь.
Мне будто опять семнадцать,
Вся жизнь еще впереди!
И можно опять влюбляться.
Мечтать, выбирать пути.

МОДНИЦА-ОСЕНЬ

Меняет осень парики:
Сегодня — желтый, завтра — красный,
Костры рябины у реки
Зажгла опять, пылая страстно.
У осени строптивый нрав:
Наряд меняет повседневно,
То в туфельках летит стремглав,

То в сапогах идет степенно.
Присядет в парке на скамью,
Даст насладиться красотою,
Взмахнет платком, сказав: «Люблю!»,
Деревья золотом покроет,
Станцует с ветром вальс-бостон,
Нас очарует листопадом,
А вслед пришлет дождей сезон,
Сменив его на снегопады!

МОЯ РОССИЯ

Моя страна — моя Россия,
По жизни мне с тобой идти.
Ты так божественно красива,
Что даже глаз не отвести.
Я не устану любоваться
Лесами, травами в лугах
И с упоеньем наслаждаться
Прохладой рек и пеньем птах,
Величьем гор, морей лазурью,
Ковром из синих васильков.
Земля блаженство мне дарует
С транзитным легким ветерком!
Закат сжигает все плохое,
Забрав с собой печали дня,
Дает уснуть в ночном покое,
Чтоб вновь рассвет будил меня,
А на рассвете в чистом поле
Я солнцу в пояс поклонюсь,
Умоюсь в росах на раздолье
И буду славить мою Русь!

МАЛАЯ РОДИНА

Давно я не была в родных краях:
Заросший сад, и сломана калитка,
Пустые окна, нет двери в сенях.
На солнце спит усталая улитка.
Гуляет ветер, он хозяин здесь,
Перебирает старые пожитки,
И палисадник наш, заросший весь…
Но вдруг в траве я вижу маргаритки.
Они как взгляд из прошлого живой,
И кажется, что снова слышу голос,
До боли мне знакомый и родной —
То мама мне поет, лаская волос,
А я беспечно рядышком сижу,
Мне так спокойно с мамою в обнимку.
На лавочку с печалью я гляжу:
Покрыта мхом — растет на нем травинка.
Зарю не будят больше петухи,
Пастух кнутом в луга не гонит стадо.
Здесь разрослись вольготно лопухи,
Но даже их сегодня видеть рада!
Воспоминанья хлынули волной,
Тону в них, задыхаюсь добровольно.
И пролетает детство предо мной
Девчонкой озорной, как птица, вольной!

НАВЕРНОЕ, ЗАВТРА

В далеком поселке укутанный снегом
Стоит у дороги, не спит старый дом.
В нем светятся окна, а ветер набегом
Качает березу, шумит под окном.
Сидит у стола одиноко старушка,
Все ждет не дождется на праздник детей.
Накрыт в доме стол. Новый год. Только кошка
Мурлычет во сне и не «моет» гостей.
Скупая слеза задержалась в морщинке,
А сердце нашло оправдание вновь:
— Засыпало снегом дороги, тропинки.
— Наверное, завтра,— шептала любовь…
Всю ночь новогоднюю мать не уснула,
Представила лица родных ей людей
И в мыслях своих за столом усадила,
И песню им спела о боли своей.
Заря занималась. В морозное утро
На страже поселка лес-воин стоял.
Притихла и мать… С веток сыпалась «пудра»,
А ветер с заботой крыльцо подметал!

ПЛАЧ ДЕРЕВЕНЬ

Эта ночь, как машина времени,
В снах несет нас опять туда,
Где родителей звали по имени,
В реках чистой была вода,
А на зорьке тропой росяною
Пастухи гнали скот в луга.
Детям школа была желанною,
Сенокос, запах трав, стога.
Всюду были поля засеяны:
Рожь, пшеница, овес, ячмень,
А теперь средь дорог потеряны —
Слышен плач родных деревень!

ОСЕННИЙ ПОЛЕТ

Чарующая осень — златовласка
В огонь и золото одета без гроша.
Как та любовь, скрывается под маской:
То страстью мается, то в холоде душа.
Сорвется лист, гонимый ветром стылым,
Закружит в танце неразумное дитя,
Упав на землю, станет некрасивым,
Сгниет от холода, осеннего дождя.
Вот так и нас по жизни гонит ветер,
В полете счастливы — горим, а не коптим,
Земли коснувшись, потемнеем в цвете,
Но миг запомним навсегда, когда летим.

Тамара ХАРИТОНОВА

г. Брянск

Тамара Харитонова (Макарченко) родилась в Брянске в 1956 г. В 1979 г. окончила Калининградский госуниверситет (ныне БФУ им. И. Канта), биофак. Осталась работать при кафедре, в научно-исследовательском секторе. Всю сознательную жизнь проработала в высшей школе. Получив диплом магистра психологии, занимается психологической практикой. Пишет прозу, особенно историческую. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ПЕСНЯ ОНТОВ

1.
Когда Весна вливает в лист животворящий сок;
Когда потоком льется свет, и веет ветерок;
И шаг широк, и вдох глубок, и снова жизнь мила —
Вернись ко мне, вернись ко мне — моя земля светла!
2.
Когда весной зерно в полях взрывается в побег;
Когда цветущий вешний сад сияет, словно снег;
Когда гроза по всей Земле дыханье разлила,
Я не покину этот край — моя земля светла!
3.
Когда обнимет Лето мир и в полдень золотой
Под крышей дремлющей листвы, где полумрак густой,
В лесных чертогах грезит бук, взлелеян тишиной,—
Вернись ко мне, вернись ко мне — прекрасен край родной!
4.
Когда раскрасит летний зной все ягоды в саду,
Когда венчает урожай весеннюю страду
И льется мед, и зреет плод, и в золоте поля —
Останусь здесь, под Солнцем я — светла моя земля!
5.
Когда Зима придет в леса и превратит их в пни,
Затмит беззвездие ночей бессолнечные дни;
Когда с Востока ураган кнутом начнет хлестать,
Я буду звать, искать тебя, вернусь к тебе опять!
6.
Когда Зима придет в наш мир и грянет темнота,
Когда воздвигнется предел для Света и Труда,
Я буду звать и ждать тебя, пока не встречу вновь.
Осилим вместе тяжкий путь — я и моя любовь!
7.
Осилим вместе тяжкий путь! Пусть всех она ведет —
Дорога — в дальнюю страну, где общий дом нас ждет!

Перевод с английского баллады
из книги Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»

ОПЛАКИВАНИЕ БОРОМИРА

I.
Сквозь Рохан, над топями мрачных болот,
над длинной травою полей,
Западный ветер дует вдоль скал, странствуя по Земле.
«Какие новости с Запада мне ты, ветер-скиталец, принес?
Не видал Боромира Высокого там, под Луной и под светом звезд?»
«Я видел, как он миновал верхом широких потоков семь,
Я видел, он ехал пустынной страной,
покуда не скрылся совсем
Во мраке Севера. Больше я ничего увидеть не мог.
Северный ветер слыхал, как трубил сына Денетора рог».
«О, Боромир! С высокой скалы смотрел я на Запад вдаль,
Но ты не пришел из безлюдных земель, где ютится одна лишь печаль».
II.
С морских берегов Южный ветер летит,
с песчаных дюн и камней.
Рыдания чаек и стоны свои доносит он с моря ко мне.
«Что нового с юга, о плакальщик — ветер, принес ты мне весть какую?
Где сейчас Боромир Справедливый, ответь!
Он медлит, и я тоскую».
«Меня ты не спрашивай, где он сейчас — так много костей там лежит
На светлом песке и на темной скале, где небо от шторма дрожит.
Так много всего несет Андуин, чтобы сбросить в морской прибой!
Ты, Северный ветер, спроси о тех, кого он ведет за собой!»
«О Боромир! Вдали от ворот путь к морю бежит на юг.
Оплаканный чайками, ты не пришел и с моря, наш верный друг».
III.
От Ворот Королей ветер Северный мчит, минуя ревущий порог.
И холодно, ясно над башней звучит, зовет его громкий рог.
«Что нового с Севера, ветер-боец, принес ты сегодня мне?
Что нового о Боромире Смелом, его что-то долго нет».
«Вблизи Амон Хен я слыхал его крик. Враги там валялись везде.
Его треснувший щит, его сломанный меч отданы были воде.
И лицо его ясно, и горда голова, а тело — легло отдохнуть.
И Рэрос, Рэрос — золотой водопад принял его на грудь».

«О Боромир! С башни будут смотреть, стоя дозором на ней,
На Рэрос, Рэрос — золотой водопад до скончания дней!»

Перевод с английского
из романа-эпопеи Дж. Р. Р.Толкина
«Властелин колец»

***

Августейший настой
Суматошного лета
Влит в бокал золотой
Молодого рассвета.
Месяц мудрых царей
Повенчался с печалью,
Как владыка морей
С белогривою далью.
Крики чаек и бриз
С ароматом свободы —
Мимолетный каприз
Равнодушной природы.
Терпковатый, как вкус
Черноплодной рябины,
Перехода искус
С легким отблеском сплина.
Сочной спелости вслед
Налетят листопады,
В клочья летних побед
Разметая наряды.
Сорок бед! Но в ответ,
Притязанья отбросив,
Мирно скажем: — Привет,
Нежеланная осень!
И увидим весной
Как, минуя угрозы,
Новорожденный мир
Улыбнется сквозь слезы!
01.09.2021.

Виталий КУЗНЕЦОВ

г. Новочеркасск Ростовской области

Виталий Владимирович Кузнецов родился 24.02.1955 г. в г. Таганроге Ростовской обл. По отцу — донской казак. Отец из станицы Вешенской — родины М. А. Шолохова. По матери — туляк. Образование: Новочеркасский политехнический институт, специальность АСУ. Долгие годы работал по оборонной и космической тематике в ОКТБ «Орбита» (г. Новочеркасск). С начала 21-го века работал в области электросвязи в филиале компании «Ростелеком». Стихи начал писать поздно — в зрелые годы. Печатался в нескольких сборниках в Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Харькове, Брянске, Гомеле, Северо-Муйске. В 2013 г. в Новочеркасске вышел сборник стихов «Прощание с миром». В 2014 г. вышло повторное и расширенное издание. Наш постоянный автор.

ОСЕННИЙ РАССВЕТ

Жизнь опять показалась славной.
И виной — золотая заря,
Невесомой воздушной лавой
Затопившая тьму ноября!
Так светло, что вопрос мой главный:
«Ты живешь в этом мире не зря?»
Превратился в пустяк забавный,
Лишь о суетности говоря.
И я верю — такие зори
Предвещают мой личный рассвет.
Буду счастлив я вскоре. Вскоре!
И предела для радости нет!

ФАУСТ

Verweile, der Augenblick, du bist schoen!
Гете, «Фауст»

Удивительно медленны дни —
Только в детстве бывали такие:
Пели там небеса голубые
И сияли надежды огни.
Вот сейчас где-то птицы поют,
Заглушает их шелест прибоя.
Все вокруг как в раю голубое —
Знаю я, хоть и не был в раю.
И чем медленней движутся дни,
Тем ясней — жизни много осталось.
Прочь тревоги, сомненья, усталость —
Ведь в раю неуместны они!
Словно Фауст я — здравствуй мой миг!
Стоп, мгновение, ты же прекрасно!
На душе и на небе так ясно,
Будто вечную мудрость постиг.

ЭПОХАЛЬНОЕ

Мечтал попасть в эпоху Возрожденья,
В которой развивается искусство.
Прекрасного увидеть зарожденье,
Но я живу не в ней — мне очень грустно.
Довольствуюсь я личным возрожденьем.
Лечу свои растрепанные чувства.
Но вместо возрожденья вырожденье
Вползает вдруг — и на душе так пусто!
Четыре дня в эпохе возрожденья
Духовно и телесно развиваюсь.
Четыре дня в эпохе вырожденья
Восторженно и пафосно спиваюсь.
Был молод я в эпоху наслажденья.
И жизнь прекрасным праздником казалась.
Встречал улыбкой доброй каждый день я.
А жизнь в ответ мне тихо улыбалась.
Наряден был всегда — что не надень я.
За дело брался — все мне удавалось.
И светел каждый день как день рожденья!
А если и печаль придет — так малость.

Сухие ветви прежнего цветенья
Шумят еще, уже без выраженья.
Бесплотен и безмолвен словно тень я.
Мне не нужны напрасные сраженья.
Порою мне являются виденья
Из прошлого — картиной жизни милой.
И вот тогда желанье возрожденья
Охватывает мысли с новой силой!

КРОНИРОВАНИЕ

Руки деревьев отрублены —
культи направлены ввысь.
Вдруг показалось, что жизнь
мною бездарно загублена.
Вспомнил я прежних возлюбленных —
лица их в дымке уже.
Я прикоснулся к меже,
нет за которой дорог иных,
кроме последней, отмерянной
скупо и зло для меня...
Явится грубо, уверенно
вечер последнего дня.

АБСОЛЮТНОЕ СЧАСТЬЕ

Абсолютное счастье!
Ослепительно ярко!
В честной битве с зимою
Победила весна.
Отступило ненастье.
Сердце жаждет подарка.
Ощущенье такое —
Я вернулся из сна.
В этом сне было страшно,
Все казалось ушедшим:
Отмолчали тревоги,
Отзвенели мечты.
Но ушел день вчерашний.
И, надежду нашедший,
Я — в начале дороги,
Вдоль которой цветы.
Раскаленное солнце
В светлой дымке немного.
От лучей защититься
Не спешу я рукой.
Словно в небе оконце,
Приоткрытое Богом.
Чтоб ко мне обратиться,
Ниспослать мне покой.

ПРОЩАНИЕ С СУХУМОМ

Ну прощай же, Сухум! Рябь морская дрожит.
И отводят глаза мертвецы-этажи.
Этажи-миражи. Окон горестный ряд.
След оставил шальной сумасшедший снаряд.
Но какой же снаряд след оставил уже
На бессмертной моей заплутавшей душе?!
Я приехал сюда: чувства мертвы, сух ум.
И просил: «Исцели, дай надежду, Сухум!»
О, Сухум, дорог мне твой чумазый песок.
Отогрел он меня, и я прежним стать смог.
Чуя ветер морской, чуть ровнее дыша,
Воскресала душа, расцветала душа.
Но я понял, что мне не вернуться сюда.
Ни в какие года, никогда, никогда.
Ведь не сможет вместить даже целая жизнь
Всех домов этажи, всех песков миражи...

ПРО ГОЛУБЕЙ И АНГЕЛОВ

Снилось мне — я кормлю голубей.
А с собою краюха хлеба.
Как высоко и чисто небо —
Я не видел небес голубей!
Сизых птиц понапрасну я ждал,
Насыпая пригоршни крошек.
Видно, «много на свете кошек»,—
Как Есенин еще замечал!
Но надежда на чудо жила.
Стало вдруг так светло, так славно:
Я увидел, как с неба плавно
Светлых ангелов стайка плыла!

Анна МИКАЕВА

г. Самара

Поэт, председатель Отрадненского отделения Самарской РО РСПЛ, член правления организации, руководитель литературной гостиной «Вдохновение». Автор четырех книг. Публикуется во многих альманахах и журналах. Победитель, финалист и дипломант ряда фестивалей и конкурсов. Награждена Почетной грамотой РСПЛ (2016 г.). Постоянный автор нашего альманаха.

ЗАПАД

Для всех ты был предметом вдохновений
Музык, театров, голливудских грез.
Твоих кровей наук высоких гений
И философских мыслей виртуоз.
Ты был. Сейчас же стал простым лакеем
Рогатого хозяина Земли.
Тебе он уши заливал елеем,
В зависимость вводил, теперь внемли
Его безумствам. Следуя наказам
Во лжи погрязни так, чтоб не отмыть.
Содом с Гоморрой вспомни, чтобы разом
По их примеру к праотцам отбыть.
Вот ты уже оделся в их одежды,
Отринул пол людской, и маскарад
Безумных ряженых кружит в надежде
Твоих детей растлить. Заботлив Ад.

Предложит зелье, конфетти и деньги.
Дурманом трезвый ум припорошит.
Тебя, как пьяного, припрет он к стенке,
А черный ворон над тобой кружит.
Мне жаль тебя, но помощи не будет.
Ее отверг ты, преданность храня.
Заклятый враг давно кружит средь буден:
Где он — там смерть, там плавится броня.
Он рушит замки, храмы вековые,
И чем древнее свод, ему милей.
Слова его, как яйца роковые —
Рожденные из них — войны страшней.
Прожорлив дьявол, словно пламень Ада.
Кружит по миру, окружая нас.
Ты в авангарде у него, в засаде
Команды ждешь, когда он скажет: — Фас!
Ну что ж, служи! Нас не по слухам знаешь,
Тебе трепали шею мы не раз.
На нас, оскалясь, ты веками лаешь,
Но это будет твой последний час.
Тебе прощали многие обиды,
Считали даже равными себе,
А ты, шакал, имел другие виды,
— Не подавись, кусок не по тебе.
И если даже нападете сворой —
По своре легче без разбора бить.
Не нужно будет дожидаться скорой
И мучиться вопросом: быть, не быть?
Все будет легитимно: так как надо.
От маскарада — перья, блестки, хлам.
Рогатый бес задраит створки Ада,
И лет на сто закроется бедлам.

Бедлам — так в Англии назывался сумасшедший дом.

ВСЕ, КАК ПРЕЖДЕ

За далью дней и летоисчислений
Под звук фанфар и погребальный плач
Шло шествие великих поколений,
Но славу нимба им сбивал палач.
И головы умнейших упадали,
И гасли жизни лучших из людей.
Там на кострах, под рев толпы, сжигали
Властителей всех мыслимых идей.
И вновь надолго темнота и серость
Врастали в душу, полонили ум.
Затмили мир людей остервенелость
Да бранных игрищ несмолкавший шум.
Прошли века, но не проходят битвы —
Едва заглохнув, полыхают вновь.
Вот и теперь стенанья и молитвы
И брат у брата проливает кровь.
И снова Запад поднимает стрелы,
Решили всем гуртом на медведя.
Их каверзы прошиты нитью белой —
Нельзя вредить, себе не навредя.
Покоя не дают им наши недра.
Рассеюшка кормила всех как мать:
Все для других, себе лишь пыль от ветра
Да Божьего посыла благодать.
А вместо благодарности — остуда,
Глядят друг другу тайно в закрома.
Затмила зависть ум, и ждет Иуда
Свой час заветный — грабить задарма.
Что ж ожидайте, жалкие пигмеи,
Доверия не будет наперед.
Возможно «жар спасительный Помпеи»
Вас в чувство наконец-то приведет.
От силы не хотим обидеть слабых —
С носка идем, ступая на носок.
А вам все видится подвох, и кабы
солдат наш целился в седой висок.
От вашего вранья не станем хуже,
Стряхнем всю пыль и оботрем сапог.
Вы ж все потонете в зловонной луже
Вранья и сплетен слитых за порог.

МЫСЛИ

Натоптали мы много по жизни
Узких троп и широких дорог —
За верстою верста шли до тризны,
Со вселенной ведя диалог.
Наши мысли метались как птицы
От глубин до небесных высот:
Сочиняли свои небылицы,
Ускользали от бед и невзгод.
В мыслях мы — генералы-титаны,
Нет проигранных нами боев.
Полюса облетали и страны,
Познавали моря до краев.
Все доступно тому, кто высоко
Над пустяшной парит суетой.
Зеленеет ли в речке осока,
Стих звенит ли высокой строфой.
Все подвластно мистерии мысли —
Созиданье, искусства, прогресс,
Грозовые ли тучи нависли,
Бал ли правит докучливый бес.
Весь спектакль под всевидящим оком,
И без Бога нет счастья вовек.
А возможность мечтать о высоком —
Нам дарованный им оберег.

КОРМИЛЕЦ

Я слышу плети хлест из давнего далека —
Подпасок стадо собирает по дворам.
Идут буренки, овцы, вслед трещит сорока,
Крестами куполов встречает древний храм.
Еще не время для предутреннего звона:
Хозяйки топят печь, пекут хлеба, блины.
Стол с кринкой молока, над всем стоит икона,
И в доме нега предрассветной тишины.
Благословенны Богом мирные жилища,
Где каждый носит крест и не кривит душой.
Остались в прошлом дым войны и пепелища,
Да страшных похоронок ненавистный рой.
А память ворошит далекие картины:
Цветастый палисадник в розовом дыму,

Замес под мазанку из красной местной глины,
Рядочки кизяков да запах щей в дому.
Как хорошо, когда нет войн, нужды, указов
И по законам предков можно людям жить:
Как вить гнездо свое, какие слушать сказы
И как хозяйствовать, чтоб сытыми всем быть.
Крестьянин за себя своим трудом ответит,
Семь раз он пот прольет с восхода до зари.
Садясь за стол благословит еду, а дети
В трудах его поддержка, что ни говори.
А без кормильца ни прогресса, ни науки.
Краеугольный камень в государстве он.
Прогресс есть там, где есть еда и есть те руки,
Что всех накормят и науку, и закон.

МОИ СТИХИ

Мои стихи из дел простых,
Из лет, что роем пролетели,
Однообразных дней пустых
И песен вьюжистой метели.
Они под стать моим годам,
Слетевшим с веток словно птицы —
Оброк метелистым ветрам
Под долгий вой степной волчицы.
Они из малых перемог,
Больших потерь и сожалений,
Моих не пройденных дорог,
Не разрешившихся сомнений.
Мои стихи уйдут со мной,
Свернувшись в свиток жизни бренной.
Они укажут путь домой —
К сокрытой до поры вселенной.
Они отчет о прожитом,
В дарованном отрезке сущем,
И размышления о том,
Что там во времени грядущем?

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

Вячеслав Васильевич Алтунин родился в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл., в семье сельских учителей. В Белеве закончил среднюю школу, а затем — историко-филологический факультет Казанского государственного университета, после окончания которого работал в районных и областных газетах Тульской обл., отдав журналистике почти сорок лет. Стихи пишет и печатается с 14 лет. Автор и соавтор нескольких книг, публикуется в разных литературных альманахах и сборниках, активно участвует в коллективных творческих проектах, проводит авторские творческие встречи в Туле и области. Выпустил четыре авторских сборника стихов: «Единственная жизнь» (Тамбов, 2002), «Корни» (Тамбов, 2005), «Перед Небом» (Тула, 2013), «Святая Русь» Поэмы в стихах. (Москва, 2016). Подготовил к печати несколько новых книг стихов и прозы. В своем творчестве автор, главным образом, размышляет о судьбе России, о душе, о жизни и смерти, об истинных и ложных ценностях, о пути к Богу, к вере, о любви и семье, о предназначении человека на земле. Есть у него и лирические стихи. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» им. И. С. Тургенева. Дипломант конкурса Центрального ФО «Потенциал России». Член СПР и СЖР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СИРЕНЕВЫЕ СТРУНЫ

Вокальный цикл

НЕ ЗАЖИГАЙ ОГНЯ

Не зажигай огня...
Видишь: закат угас.
Кончилась суетня.
Синий, глубокий час...
Звезды глядят в окно.
Ветер в ветвях утих.
Знаешь, давным-давно
Не было звезд таких.
Утром нахлынет шум,
Толки, заботы дня...
Ну а пока прошу:
Не зажигай огня!

СОКРУШЕНИЕ КРЫШ

Сокрушение крыш, преломление линий
В этом пасмурном, в этом холодном окне.
Друг мой, осенью росной, осенью синей
Лица — листьями, листьями мне.
Это дымная осень струит свои сети,
А истаявший день бесприютен и сед...
Это гомон прощаний на стылом рассвете,
Это все — улетающим вслед!
В росах — зрелость рябин, в росах — инея колкость.
Багровеет шиповник. Даль пахнет жнивьем.
И неведомо где, и неведомо сколько
Мы в такие минуты на свете живем...

СВЕЧЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Неяркий день. Свечение вещей.
И глушь небес, обрушенных на крыши.
Я одинок. Затерян. Я — ничей.
Береза у окна — собора выше.
У осени — иконописный лик.
И словно зерна, вызревшие — мысли.
Открылся мир, задымлен и велик,
Открылись дали, города и выси...
Все облеклось значеньем мировым:
И лист багряный на скамье, в беседке,
И жесткий шелест смерзшейся травы,
И птица одинокая, и ветки.

КОЛОКОЛА

Гуси кричат на пруду.
Сыплется лиственный прах.
Ветер полощет звезду
В синих и стылых водах.
Дым с огородов ползет.
Лето сжигают дотла.
А с потемневших высот —
Колокола!
Колокола журавлей,
Колокола над былым,
Над запустеньем полей,
Благословением им!
Колокола над рекой
И над деревней родной,
И над безвестной судьбой,
И над осеннею мглой,
И над святою землей,
И над угодьями зла,
И над погибшей душой —
Колокола... Колокола.

БАГРЯНЫЕ КОЛЬЦА

Под грудой туч все уже,
Все сумрачней закат.
И в гаснущие лужи
Роняет кольца сад.
И глядя так на это,
Здесь можно простоять
Всю осень, как все лето,
И год, и два, и пять...
Пусть старая околица
Угрюмей октября,—
Не зря багряны кольца,
Медлительны не зря!
Ведь это я не вечен,
А саду их ронять
Всю ночь, весь день, весь вечер,
И год, и два, и пять...

ПРАЗДНИК

Возьми осенние цветы —
Все, что осталось нам от лета.
Давай бокал мы выпьем этот
За нашу юность и мечты.
Мы — беглецы: хотя б на час,
Покуда вещи не очнулись,
Пока в пустыне темных улиц
Фонарь последний не погас,
Пока не выпито вино,
Пока не облетела с кленов
Листва,— есть время у влюбленных,
А дальше? Дальше — все равно.
Что делать? Быт уж наш таков:
Настанет день, нагрянут толки
И ссоры из-за пустяков,
И сплетен нанесут в кошелке.
Не будет ведь иных отрад,
Чем это грустное веселье
И синих праздников осенних
Прощальный, горький аромат!

ВАЛЬС С ДОЖДЕМ

Ах, как лето прошло, как оно незаметно
Промелькнуло, в осенние выси уйдя!
Но, послушай, звучит в исполнении ветра
Вальс на струнах дождя!
Это память ведет по забытому следу
В тот блистающий лес, в озаренные дни...
О, давай в этот час мы с тобой напоследок
Потанцуем одни.
Для чего вспоминать те рассветы и даты?
За окном осыпается вымокший сад.
Для чего вспоминать, как любили когда-то
Сто столетий назад?!
Угасают глаза, изменяются лица,
И метель налетает, сердца холодя...
Только в душах у нас все звучит, все кружится
Вальс на струнах дождя.
Вальс на струнах дождя!

ЗАПИСКА

Расставание близко.
Может, в снег, может, в дождь...
Напиши мне записку
Перед тем, как уйдешь.
Напиши о разлуке,
Напиши о судьбе.
Горьких слов этих звуки
Сохраню я в себе.
Будет ярко сиянье
Новых дней, новых встреч,
Но хочу расставанье,
Расставанье сберечь.
И хоть мне уж не двадцать,
И хоть сердце — в снегу,
Но с тобою расстаться
До конца не смогу.
Пусть и тучи так низко,
Пусть и холод, и дождь,—
Напиши мне записку
Перед тем, как уйдешь!

ПОЙДЕМ В ПОЛНОЧНЫЙ САД

Пойдем в полночный сад,
В туман и в шепот лунный...
Теперь уж там дрожат
Сиреневые струны.
Сиреневые струны!..—
Пойдем в полночный сад.—
Они уж там дрожат...

Яков ШАФРАН
(г. Тула)

СЕРДЦА ЗОВ
(цикл стихов)

***

Как горит деревянная церковь в Париже —
Серафима Саровского русский приход,—
За минуты обрушились балки у крыши,
Пропадают в огне и алтарь, и киот.
Так же русские избы горели в Хатыни,
Подожженные злобной нацистской рукой.
Старики обнимали детей и святыни,
Улетали их души на Небо искрóй.
Так горели защитники русской Одессы,
Захотевшие с Матерью-Родиной жить.
Оправданья наймитам чертовской той мессы
Никогда никому и нигде не добыть.
Так невинные дети Херсона, Донбасса
Погибают под адским, смертельным огнем.
Проступает за дымом и кровью гримаса
Упыря ненасытного ночью и днем.
У горящих в глазах отражается пламя,
И у тех — кто огонь им нещадный послал.
Но различен тот блеск, хоть и схож он с углями,—
Как бы кто нам и тех, и других не равнял.
И глядит Иисус с древнерусской иконы
Из церквушки, горящей на рю Лекурб.
И к одним Он любовью охвачен законной,
Для других — порицающ, укоризнен и хмур.
Я в Хатыни, в Одессе, в приходе, в Донецке,
И огонь предо мною пылает стеной.
Вот ответить бы им, как в былом, по-советски,
Благородною яростью, мощной волной!
Но пока наверху там о чем-то мечтали,
Подступает все ближе к России огонь.
И я Бога прошу — вождь наш должен быть сталью,
Ибо виден четвертого всадника конь!
(Март 2022 г.)

***

Гроза! Крестись иль не крестись.
Случилось. Мир перевернулся.
Копилась сколько боль и слизь.
И сколько жить высоким пульсом?
Гроза — зарницы, битвы, гром.
Неудержимое движенье.
Когда отказ решить добром
Ведет к фатальному сраженью.
И город, что под буквой «зэд»*,—
И повелитель, и владыка,
Творец решительных побед,
Творец другой страны — великой!
* Z — один из символов специальной военной операции на Украине

(17 — 24 июня 2022 г.)

***

Среди суеты и забав
Была у меня защита:
Бескрайнее море трав
В далеких лугах разлито,
И небо со стаями птиц.
И летнего солнца ласка,
И таинства книжных страниц,
И музыки дивная сказка…
Но город большим кораблем
В огромном зеленом море
Сегодня, жестоким днем,
Идет и со злобой спорит.
Мой город не хочет смертей,
Не хочет, хоть он и воин,
Ни в чем не повинных детей
Убийствами он недоволен.
Ни в чем не повинных людей
Не хочет ранений и гибели,
И жадно с Украины вестей
Он ждет, что нацистов выбили.
Я с городом полностью «за»,
Сродни мне его заботы.
И прямо ему в глаза
Смотрю… Но течет слеза —
В Донбассе все длятся налеты…
(06 — 08 июля 2022 г.)

***

Герою России и герою ДНР посмертно,
командиру ракетного дивизиона,
полковнику ДНР Ольге Качуре

Солнца суровый и пристальный взгляд —
С лика печального, в трауре неба.
Зло в этом мире на раз творят —
Был человек, может вовсе и не был…
Женщина видная, ладная, милая —
Ей бы для мужа, семьи — благодать,
Верностью, честью всегда изобилуя,
Встала защитой за Родину-Мать.
И не стрелком, не связисткой, не медиком —
Никой*, ракет обрушающей вал.
Ей бы с фиалок душистых букетиком —
На офицерский, на праздничный бал.
Ей бы… Да что уж теперь… Очень горько.
С глаз незаметно смахнув слезу,
Друг боевой тихо скажет, что только
Жаль, уж не бить им вдвоем ВэСэУ.
Целился враг и коварно, и подло —
Именно Нику сразить наповал,
Меньше чтоб было гарцующих в седлах
Песен победных бойцов-запевал.
Но упованье нацистов неверно —
Неповторима! — но вместо одной
Встанут герои России — безмерно,
Смело и умно ведущие бой.
Солнца суровый и пристальный взгляд,
Небо печально, и в трауре лики.
Русский улыбке ее так был рад,
И сохранит, ибо подвиг великий!
* Ника — древнегреческая богиня победы.
(03 — 05 августа 2022 г.)

ДУШОЮ Я ТАМ

Если мне было хотя бы лет пятьдесят… Позвольте представить вам небольшой цикл из трех стихотворений, в котором я попытался выразить чувства, какие бы испытывал, находясь там.

****

Под Херсоном на сером рассвете
Я в дозоре, за мною страна.
Там далече живут мои дети,
Моя мать, в ожиданье жена.
Там мальчишки в мечтах о герое,
Там земля, мне родная, леса,
И березы, и небо родное,
В белом храме моем образа.
Здесь — кто верит, что мы не покинем
На глумление зверю-врагу.
Впереди — те, кто ждет в вязкой стыни,
Не желая припасть к сапогу.
Вспоминаю родную девчонку,
Что встречала у дома солдат,
И в руке ее Божью иконку,
И доверчивый, любящий взгляд.
Вспоминаю старушку, что вышла
С красным знаменем встретить своих,
Поднимая его выше-выше,
За себя, старика, за двоих.
И за мирных убитых так горько —
При отходе, под натиском, в тыл, —
Все понятно, душа плачет только,
Словно сам ты тогда их убил…
И опять, если дрогнем, отступим,
Там начнется физический ад —
Их обычный: кровавый, преступный —
Скольких звери-садисты казнят.
Под Херсоном на сером рассвете
Я в дозоре, за мною страна.
Дети-ангелы просят ответить.
С Неба павшие смотрят на нас.

(06 — 25 ноября 2022 г.)

****

В Новороссии кончилась осень,
Опаленная степь до Днепра,
Что у неба давно уже просит
Тишины на земле и добра.
Тут покоя нет денно и нощно,
Сама смерть тут кружит над землей,
Враг идет неустанно и мощно,
Наполняя ее чернотой.
Но боец свой окоп не покинет —
За спиной его дети и дом,
Что в поселке, под красной рябиной,
Над большим синеоким прудом.
Побывать хоть минутку бы дома —
На любимой, родимой земле —
И услышать приветливый гомон
Детворы, что нет в жизни милей.
Но здесь кровью политое знамя,
Здесь друзья погребенные спят.
Здесь земля, возвращенная нами,
Старики нас встречают у хат.
А вдали, в той земле за рекою
Русский брат избавления ждет,
Постоянно, не зная покоя,
Ждет и верит какой уже год.
Потому, ни на что не взирая,
Под ракетами, под артогнем,
Наш боец свой окоп не бросает —
Начеку он и ночью и днем!

(14 — 25 ноября 2022 г.)

****

Рядом фронт, я у самой границы,
И в руках у меня автомат.
В небесах — перелетные птицы,
А на нас только мины летят.
А на нас сотни тысяч войною
Тут идут одурманены мглой.
И лежат сотни верст между мною
И далекой родимой землей.
Там давно уже снег и морозы,
Тут в окопах не выручит гать.*
И тоскует душа по березам,
И по близким тоски не унять.
Смерть тут ходит и смотрит бесстрастно,
Невзирая на должность и стать.
Умереть не боюсь, но напрасно
Не хотелось бы в битве пропасть.
Мне оружье вручила Россия,
И нацистам вовек не пройти.
Верю, больше не будет насилья,
Только светлая жизнь впереди.
Не помогут врагу иноземцы,
Их бравада, увы, недолга.
Потому не волнуется сердце,
Потому будет крепкой рука.

* Гать — настил через топкое место, трясину.

(26 ноября — 01 декабря 2022 г)

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ ЗА ЧТО УМИРАТЬ

Есть ли за что умирать нам в России,
Есть ли за что свою жизнь отдавать?
Есть! Когда враг свои темные силы
Вновь направляет на Родину-Мать.
За́ всех убитых, ни в чем не повинных,
Взорванных в клочья чуть живших детей,
Земли цветущие, ныне пустынны.
За́ сохраняющих память корней.
Чтобы наш мир от нацистов очистить,
Всех положений, обличий, мастей,
От палачей, что лютей нет садистов,
Вольно калечащих наших парней.
Есть ли в России за что умирать?
Есть! Когда нужно направить все силы,

Дети и внуки чтоб вновь воскресили
Гордую, славную Родину-Мать!

(10 — 11 августа 2022 г.)

ЛЮБОВЬ МОЯ
(цикл стихов)

***
Дом деревянный, скамейка, калитка,
Ветви цветущих деревьев, сирень…
Словно из детства цветная открытка.
Словно вернулся в далекий тот день.
Где в неустанных трудах и заботах,
Вижу, по-прежнему мама живет.
Вижу согбенную на огороде.
Редкостью — строгая ласка ее.
Где поседевшая рано от горя,
Жизнь осветившая сердца теплом
Бабушка радостью с бедами спорит,
Все покрывая радушным умом.
Где рядом с дедом я в лодке рыбачьей.
Тихо сонливая плещет река…
Где мой добрейший, с улыбкой ребячьей,
Папа ведет в первоклассье сынка.
Где наилучшая девочка в мире,
С длинными косами в белых бантах,
Мимо проходит, сощурив, как в тире,
Синие, с небо глаза на шкета…
Словно из детства цветная открытка.
Словно вернулся в далекий тот день:
Дом деревянный, скамейка, калитка,
Ветви цветущих деревьев, сирень…

(14 — 16 июня 2022 г.)

***
Городок небольшой, зеленый.
Деревянные наши дома.
Я годами в тебя влюбленный,
И никак не пошлю письма.
Городок мой в Полесском крае,
Поросло уж былое быльем,
Но я помню тебя, как о рае,—
Ты на сердце лежишь моем.
Твои улочки в липах проходят
Через душу мою до сих пор.
И в пыли там ребячья пехота
Бесконечно ведет давний спор.
Там машины, телеги камнями
Мостовой пролетая гремят.
А жасмин и сирень сторонами
Бескорыстно дарят аромат.
Я прожил в городах разных странником,
Но родного тебя, городка,
С достопамятным запахом драников,
Не забуду вовек, никогда!

(20 — 29 июня 2022 г.)

***
Родной, спокойный и неторопливый,
Мой город, ты далек от суеты,
Ты строишься с далекой перспективой
И обретаешь больше красоты…
На лавочке в погожий вечер в сквере
Сижу. А мимо люди — все бегом,
От жизни получая лишь по вере,
Душой увязнув в личном целиком.
Лучи сквозь листья теплым светом
Закатным, бархатным вином пьянят.
И птичьи песни дружеским приветом
Природы вечной над землей летят.
Поют, что не вернуть года обратно,
Где вдалеке мой дом, тенистый сад.
О них любовь, тепло храню изрядно.
Они души моей двойной заряд.
… А рядом на скамью присели двое
Самозабвенно спорящих людей.
И одного задели за живое
Слова о дурости советских дней.
Он спорил с другом горячо и рьяно
И говорил: страна былая — Мать.
Какие б ни были у ней изъяны,
Негоже Мать родную оскорблять!
А город слушал и кивал согласно
Ветвями лип, берез и тополей.
Ведь он в советском том былом, прекрасном
Взрастил немало лучших сыновей.
… Сижу на лавочке, гляжу в былое
И вижу дом, тенистый сад и мать.
Такое все родное и живое —
Обнять и ни за что не отпускать!

(09 — 12 июня 2022 г.)

***
Улица. Ночь. Фонари, точно свечки.
В воздухе сонном так пахнет дождем.
Нить серебра в темном зеркале речки.
Берегом с другом неспешно идем…
В памяти давнее это виденье —
Звездным сиянием жизнь впереди.
Ну, а теперь это лишь сновиденье —
Только мне душу всегда бередит.
Тропки-дорожки, дружище мой, наши
В разные стороны поразбрелись.
Мы по отдельности выпили чаши
Судеб, что нам приготовила Высь.
Встретимся снова — и памяти крохи:
Это вот помню, а то — ну, никак.
Встретимся — и стариковские вздохи,
И разговор на полслове иссяк.
Лучше пусть — ночь, фонари, точно свечки
В сердце, и не уплывет в забытье,
Как к серебру в темном зеркале речки
Берегом с другом неспешно идем.

(26 — 28 июня 2022 г.)

***
Как весна, воскресившая ныне
Эти рощи и эти поля,
Холодна. Только сердце не стынет,
Хоть суставы немного болят.
И среди ясно-солнечной звени,
Среди холода серых небес
Мелодичное птичье пенье
Так бодрит при неспешной ходьбе.
Где-то долго кукует кукушка.
Может, это она обо мне.
Я считая застыл на опушке,
Но она постаралась вдвойне.
Вот петух закричал средь высоток,
Как бывало в моем городке.
Значит, домик на нескольких сотках
Затерялся меж них в уголке.
Я стою у берез, вдаль взирая,
Может, кто-то там ищет меня,
В том далеком сиреневом мае,
Так желая любви и огня.

(30 мая — 01 июня 2022 г.)

***
Всем ушедшим поэтам

Замолкли слова, и осталась бумага
Нетронутой пачкой лежать на столе…
Осталось всего до могилы три шага —
Друзья предадут его тело земле.
А речи его так насыщены были
Людскою бедой, состраданьем, теплом.
Но живы стихи, не под спудами пыли —
Из книг и из фильмов к лицу нам лицом.
Друзей обретет всяк познавший те строки.
Известно — они выше разных богатств.
Будет время, и в мире умолкнут пророки,
И стихи станут лучшей основою братств.

(13 — 15 июня 2022 г.)

***
Выхожу я к вечернему городу,
К полноцветию красок, огней.
Он стал краше, чем знал его смолоду,
Оживленнее стал и людней.
Много новых домов, магазинов,
На дорогах обилье машин.
Но не этой по сердцу картиной,—
Он мне мил теплотою души.
И любя простираю далече
Руки сердца до края земли.
А оно обнимает и лечит
Всю страну, что сберечь не смогли.
Ибо любит оно полной мерой
Ни на что не похожую Русь,
Ту, что стала мне Матерью, Верой,
Над которой Царем — Иисус.
Но тревога и в облаке белом,
И в скользящей по небу луне
Почему-то мне в душу глядела
И шептала о грозной войне…

(22 августа — 06 сентября 2022 г.)

***
Взыскующий Господа взгляд
Насквозь мне пронзает душу.
Безмолвьем ума объят,
Молчания я не нарушу.
Он полон активной любви,
Добра, сострадань и блага.
Меня, как всегда вдохновит
Тот взгляд на борьбу и отвагу.
Он полон призыва к труду,
К даянью, сердечности, Свету,
Готов отвести беду,
Но также призвать к ответу.
И пусть, как от солнца в траве
В росинках горят самоцветы,
В каждом Господь существе,
Но с каждым ведет беседы.
А я от всего в тишине
Уйду и там душу очищу,
И, что бы ни выпало мне,
Мой взгляд, как всегда, Его ищет.

(04 — 06 июня 2022 г.)

***
Цветущая, веселая весна,—
Зеленокрылые березы,—
Ты и спокойна, и бурна,
Рождаешь грезы, но и грозы.
Безбрежна неба бирюза,
И солнце полнит воздух бодрый.
Сегодня радостно в глаза
Глядишь, пьяня меня свободой.
Земля наряжена в шелка
Травы-муравушки душистой.
И в мыслях тянется рука
К искусной кисти пейзажиста.
Кругом, куда ни бросишь взгляд,
Цветы взирают, изумляя.
С красой душа приходит в лад
И слышит песнопенья рая.
Весна, ты радость и мечта,
Надеждой душу воскрешая,
Ты, несмотря на холода,
Пророчишь воскресенье края.

(16 — 18 мая 2022 г.)

***
Желтый плывет трамвай,
Синие сыплются искры.
К лету добрался май —
Путь его был не близкий.
Ласточки пишут узор.
Кружево листьев в небе.
Птиц неустанный хор
Сердцу всегда целебен.
Хочется сесть на газон,

Лечь на сухое сено,
Старый увидеть сон,
В юность умчатся мгновенно…
Лето лежит предо мной —
Слышатся вздохи ветра,
Кроя любви волной,
Радость мне дарит щедро.

(27 — 28 июня 2022 г.)

Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ
г. Тула

Член СПР, заместитель руководителя Тульской региональной общественной организации «Школа литераторов им. писателя В. Ф. Пахомова «ПЕГАС», гл. редактор альманаха «На крыльях «Пегаса». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Как прибавляет много ярких красок
Манящий, как всегда, осенний лес.
Как будто бы брожу я среди сказок,
Как будто бы попал в страну чудес.
Осенний лес! Какое это чудо!
В него всегда с любовью я иду.
И где бы я по жизни быть не буду,
В моей судьбе всегда он на виду.
Люблю я лес и летом, и зимою,
И по весне всегда приятен мне,
Но лес осенний я, друзья, не скрою —
Один из лучших, кажется, вполне.
В нем каждый день деревья все меняют
Свой сказочно-таинственный наряд,
И потому всегда мой взор ласкают,
И потому, что с ним я встрече рад.
Осенний лес, любимый мной за это,
Напоминает мне он каждый раз,
Что с этим временем бывает «бабье лето»,
Своим теплом что радует всех нас.

НА ДАЧЕ
(Кукушкина свобода)

Я встаю рано утром. На даче
В это время стоит тишина.
Воздух свежий. Кукушка не плачет —
Попозднее заплачет она.
Будет плакаться всем, как ей плохо
Без детишек живется в лесу,
И не ведает вовсе дуреха —
Не для этого яйца несут,
Чтобы их подложить прочим птицам,
А самой быть свободной всегда.
Быть счастливою — надо трудиться,
Чтобы были детишки тогда,
Ведь птенцов надо долго лелеять,
Их кормить и теплом согревать.
Жить семьей ведь всегда веселее,
Мать научит их быстро летать.
Заберется кукушка высоко,
Посидит на каком-то суку
И заплачет она одиноко,
И услышу я только «ку-ку».

ПРО КУКУШКУ

На лесной на опушке
куковала кукушка,
поудобней усевшись на дубовом суку.
Видно, петь захотела,
но ведь петь не умела,
потому только слышны лишь два слова «ку-ку».
Надо много терпенья,
чтобы слушать то «пенье»
Время зря потеряешь, только все не поймешь,
что кукушка сказала
или прокуковала,
и к какой-нибудь мысли все равно не придешь.
Люди мудрые знали
и давно замечали,
что кукушка всем скажет, сколько лет наперед
жить осталось,
вот жалость (может, самую малость),
всем по-разному скажет, в общем, все она врет.
Мне с утра нагадала
десять лет для начала,
а под вечер так щедро — семь десятков — она,
да еще и с довеском,
мне уже интересно:
«Может, в Гиннеса книгу определит сполна».
В общем, восемь десятков,
что прожил без остатка,
да еще семь десятков — это как же понять?
Это как накопитель,
я теперь — долгожитель,
и по белому свету можно долго гонять?
Вот такая задача,
«подфартила» удача,
да и только мне нужно, чтобы жить — не тужить,
полторы сотни с «гаком»
да и с качества знаком
насчитала кукушка, что я должен прожить.
Ох, кукушка-болтушка,
Несуразная врушка,
то, что ты нагадала, тому вовсе не быть.
Я не верю кукушке,
что «поет» на опушке,
поудобней усевшись на дубовом суку.
Но скажу лишь при этом:
«Начинается лето,
Когда слышатся где-то
Лишь два слова “ку-ку”».

Я И МУЗА

Мне снился сон: как в ранний час
и вся в одеждах белых
спустилась Муза как-то раз
и рядышком присела.
Сказала: «Я к тебе пришла,
так не считай ворон ты».
С обидой Я: «Как ты могла исчезнуть с горизонта?
Ведь ты же знаешь: без тебя все валится из рук,
и ты, поэзию любя, как будто мне не друг?
Совсем забыла про меня,
не в счет лишь те мгновенья,
когда ты, струнами звеня,
приносишь вдохновенье».
МУЗА: «Вот потому спустилась я
с парнасовых высот,
поэты все мои друзья,
им нескончаем счет.
Терпи, мой друг! Не буду врать —
С Парнаса мне видна
вся поэтическая рать.
Вас много, я — одна!».
Проснулся я, а Музы нету,
Волной накрыло вдохновенье.
И по тому, друзья, сюжету
Я написал стихотворенье.

Владислав БУСОВ

г. Кашира Московской области

Владислав Бусов родился в 1946 г. в г. Мариуполь. Автор каширского ЛитО «Зодиак». Стихи и переводы публикует в коллективных сборниках, литературных журналах и альманахах в России и за рубежом. В журналах: «Сибирь», «Приокские зори», «АлександрЪ», «Северомуйские Огни», «Бийский Вестник», «Союз писателей», «Новый Свет» (Канада), «Эдита» (Германия) и альманахах: «Образ», «Ковчег», «Рукопись», «Арина НН», «Без цензуры» (Германия), «День поэзии», «Серебро слов» и др. Лауреат литературного конкурса «Звездное перо» им. Георгия Кольцова, дипломант Восьмого международного поэтического конкурса ПАНИ, номинант IX международной поэтической премии «Образ», финалист премии им. Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый Свет» (2021 г.) в номинации «Переводы». Занимается переводами на русский язык из украинской и болгарской поэзии. Постоянный автор нашего альманаха.

ПОЭМА
О БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕМ

Посвящается моему дяде,
Бусову Ивану Леонтьевичу,
без вести пропавшему в боях
в мае 1942 года

Глава 1. Родина

1.
Крестьянский сын, он младшим был,
В честь деда наречен Иваном.
В деревне рос, где отчий дым,
Река окутана туманом.
Раздольный край лесов, полей,
Достойный кисти Левитана!
Осенних красок не жалей
Ты, край родной, в душе Ивана.
Здесь он впервые произнес
Святое слово, слово «мама»,
И мать, в любви с которой рос,
Как память светлая Ивана.
Бежал он на зеленый луг,
Встречал весенние рассветы,
Читал стихи душевно вслух,
Влюблялся и мечтал при этом.

2.
Отец Ивана — середняк,
В хозяйстве лошадь и корова:
Пришла в то время не за так
Обобществленная «обнова».
Не слыл Григорий простаком,
Смекнул, учиться сыну надо,
Чтоб не работать батраком
Всю жизнь за трудодни в награду.
Сначала старший брат, Андрей,
Отправлен на учебу в город.
Затем Иван, став повзрослей,
Науки взял тяжелый молот.

3.
И все бы было хорошо,
Но вот, труба войны пропела:
«Вставай, страна...» —
на фронт меньшой
Ушел, такое, значит, дело.

Глава 2. Война

1.
На фронте, на передовой:
Иван — два кубика в петлице —
Он в обстановке боевой,
Но в памяти родные лица.
Жене короткая лишь весть —
Мол, я здоров, как ты, родная?..
Тех треугольников не счесть,
С переднего идущих края.
Их ждали в селах, в городах,
Их ждали матери и жены
С молитвой тихой на устах,
Надежды, веры не лишены.

2.
Минул год первый, шел второй...
Стране такое испытанье,
Измотана она войной,
И тяжко противостоянье.
Столицу взять не удалось,
Враг топчет неньку-Украину.
На поле боя довелось
Узнать Ивану вражью силу.
На этом поле рдел огонь,
Вздымался к голубому небу.
Летел он, словно алый конь,
Чтоб хлеб врагу добычей не был.
Там шли с пожитками в руках
И чьи-то жены, чьи-то дети.
В глазах и ненависть, и страх,
Спасение от пуль — в кювете.
Но «юнкерсы» летят опять,
Бьют гады по колонне метко.
Достанется, ядрена мать,
Получите вы, фрицы, крепко!

3.
О людях думал лейтенант,
Приказ комдива выполняя,
Склонившись у планшетных карт,
Курил махорку на привале.
Не мог Иван помочь в беде,
Не находил для них ответа
И мысленно он у людей
Просил прощения за это.

4.
Кольцо сжималось все сильней,
Попали наши в окруженье.
Под хутором, в огне степей
Случилось жаркое сраженье.
Он вместе с рядовыми был,
На первом рубеже, пытаясь
Прорвать кольцо и выйти в тыл,
Но сил уже не оставалось.
Бой продолжался, фрица «зиг»
Звучал, развязку приближая,
Жене и дочке в смертный миг
Иван шептал слова прощанья.

5.
Так в том бою он погибал...
Пришло известие лихое
Марии: без вести пропал
Ее Иван — беда и горе...

Глава 3. Память

1.
Как вдовам было нелегко!
Марии — тоже с дочкой малой.
И жить от дома далеко,
И выживать с надеждой главной.
С надеждой негасимой той,
С надеждой, что Иван вернется,
Ее Иван, родной, живой,
И сердце радостно забьется.

2.
Шли дни, недели без конца,
Все мысли только о пропавшем,
Но нет у дочери отца...
Нет мужа у жены скорбящей.
И трудно на Востоке жить,
Хозяйничает малярия.
Но «Все для фронта!» — стало быть,
Мы сдюжим — верила Мария.

3.
Когда вестей, казалось, нет,
Ивана друг-однополчанин
Явился с фронта и «привет»
С передовой привез печальный.
Жена узнала о часах,
О тех, последних для Ивана,
Когда еще в людских сердцах
Жила, боролась сила рьяно.
Тогда приказ из штаба был,
Чтоб комсостав по «коридору»
Из окруженья выходил:
Держать сухим — сказали — порох.
Но кровью обагрен прорыв,
И лейтенанту взвод не бросить...
Сражались до конца, комдив,
Пред Родиной чиста их совесть.

4.
Остался в глубине души
И в сердце без вести пропавший,
Он в памяти Марии жив —
Солдат, Отчизну защищавший.

Игорь МЕЛЬНИКОВ
г. Тула

Поэт. Участник народного коллектива музыкально-поэтической студии «Вега». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова в номинации «Поэзия» (2014 г.). Автор четырех поэтических сборников. Стихи опубликованы в литературных журналах. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

****
Не ловец великих истин,
Но прислушайся и ты,
Как шушукаются листья
О загадках красоты.
О чудачествах погоды
И оттенках золотых.
О героях благородных
И мечтателях простых.

О поэтике травинки
И гармонии дождя.
Это осени картинки,
А немного погодя,
Зашевелится, задышит,
В пылком сердце спектр чувств!
Небо звездное над крышей —
Будет главным из искусств!

***

Поэты пишут о стране,
А ты о мелком и о личном.
Плеснешь из чайника водички
В стакан себе, как будто вне
Всех государственных систем,
Тенденций веяний и моды.
Но в то же время ты с народом —
Певец улыбок и проблем,
Тоски и радостей простых.
Сквозь поэтическую призму
Глядишь и говоришь о жизни,
Негромкий свой крапая стих.

***

Когда в учебники нас впишут как неграмотных.
И археолог, взглядом землю ковырнув,
Легко отыщет, пнуть ногой не преминув,
Скелет доставщика еды и бивни мамонта.
Когда стихи и на растопку не затребуют.
И Пушкин вновь обеспокоит пароход:
«Технологически поэт де отстает,
Его прочтенье и почтенье — тема вредная!»
Утилитарные идеи философские
И прагматизм — нетайно мир поработят.
Нам остается ныне противостоять.
Пусть все из пластика и очень мало воздуха.

***

Улица, поскольку ты грустишь,
Капает лекарство в ложки крыш.
Антидепрессантом дождевым,
Кронам заржавелым, но — живым.
Улица как будто на холсте!
Краски стали ярче, краски те,
Что сыскал безумный модернист,
Что в палитре осени нашлись.

***

Котомку взял, пошел к успеху.
Твой дар награда или груз?
Шути, но знай, что кроме смеха,
Есть красота и область чувств.
Стихи, что душу просветляют,
И философия добра.
Есть в песнях — Родина святая,
Опять ожившая с утра
И слово русское, а значит,
Оно из сердца. Ты пойми,
В нем смыслы главные, тем паче
Что слово делает людьми,
Всю жизнь трудится побуждая —
А чем еще умишко жив? —
Мужать в борьбе за урожаи,
На мнимых лаврах не почив.

Сергей ПОВАЛЯЕВ

г. Минск, Белоруссия

Родился 28 ноября 1944 г. в г. Гродно (Белоруссия). Окончил Минский государственный лингвистический университет (1971 г.) С этого времени на преподавательской работе. Кандидат философских наук. В настоящее время не работающий пенсионер. Первая и пока единственная книга стихов «Избранная лирика», вышла в Минском издательстве «Оракул» в 1992 г. Отдельные подборки стихов публиковались в российских сборниках «Поэт года», «Русь моя», «Образ 2021», «Вестник Бунинского общества России» и в белорусском литературно-художественном журнале «Новая Немига литературная». Автор текстов к двадцати пяти песням на музыку российских композиторов.

СЕБЯ ДОВЕРЮ Я СТРОКЕ

О ЛЮБВИ

Дорог по жизни будет много пройдено.
Но лучшими окажутся те дни,
Где родинка любимой, словно Родина,
А утро начинается с Любви!

***

К щеке прижимаю я нежную руку.
И в холод — тепло дарит свет Ваших глаз.
Мне принимать словно вечность разлуку,
Когда лишь на миг не увижу я Вас.
Мне с Вами беречь то великое слово,
Что суть обнимает всех прочих вещей:
Любить — это значит знакомиться снова,
Казалось, все зная до мелочей!
7 мая 2019 г.

ПРОБУЖДЕНИЕ ОКРАИНЫ

Палисад, к окну склоненный,
Разливал зеленый цвет.
Солнцем ранним утомленный,
Просыпал табак свой дед.
И стелился самокрутки
По земле ядреный дым.
Петухи встречали утро
Хором радостным своим.
И кузнечий звон, как тайна,
В колокольчиках полей.
Пробуждение окраины —
Рассвет юности моей...

МЫ ГОВОРИМ — «ПОКА»

Мы говорим: «Пока».
До слов прощанья рано.
Махнет твоя рука,
Не знача ничего.
А, может быть, пора
Нам научиться малому,
И говорить слова
От сердца, от всего?!
Быть может, это то,
Что сбережет кого-то.
Не даст судьбе внезапно
Его от нас забрать.
Хорошие слова —
Душевная забота.
И чтоб случилось Завтра —
Нельзя их забывать!
10 октября 2021 г.

ПЛЕТИ

Мне всегда не по нраву те плети,
Что вконец загоняют коня.
Жеребята, красивые дети,
Вы, за всех, извините меня!
Ты, малыш, своим носиком влажным
Все в ладошку мою норовишь.
А там хлебушек. Ешь, я не жадный.
И за ласку меня ты простишь.
Станешь взрослым красавцем, и в поле
Унесешь ты меня далеко,
Где обоим нам будет привольно
И дышаться под ветром легко.
Окунемся в речные глубины,
Чтобы смыть всю дорожную пыль.
Подрастай, мой малыш, мой любимый.
Не по нраву мне плеточный пыл..
11 января 2022 г.

МАМЕ

На погосте, старой вишни
лист распустится весной.
Почему Ты мне не снишься
и не встретишься со мной?
Может, в чем-то провинился,
нежно не прижал к себе,
все куда-то торопился,
заглянуть забыв к Тебе?!
Годы старость прибавляет,
ночи длинные в окне.
Ты прости, я умоляю,
и приди, вернись ко мне,
Снова свечи зажигаю,
со своей молитвой ввысь —
Я прошу тебя, Родная,
Хоть однажды, мне приснись!
29 сентября 2022

Евгений ШЕПЕЛЕНКО

г. Самара

Родился 15.02.1958 г. в Белгородской обл. Детство и юность прошли в г. Мурманске. Окончил Самарский госаэрокосмический университет им. академика С. П. Королева. Работал в авиационной промышленности. Публиковался в литжурналах, альманахах и коллективных сборниках. Лауреат Третьего международного поэтического конкурса «Рифмованный мир» (2013 г.), дипломант Пятого международного конкурса, посвященного С. Т. Аксакову «Мой аленький цветочек» в номинации «Рассказ для детей». Автор двух книг стихов и прозы. Член РСПЛ. Стипендиат Министерства культуры РФ. Наш постоянный автор.

ЖИЗНЬ

Жизнь лошадкой черно-белой
Проскакала по двору.
Доверяю я всецело
Лишь бумаге и перу.
Рифмы ждут под одеялом
В лунных сумерках ночных,
И довольствуются малым
На простыночках льняных.

ДВЕНАДЦАТЬ КВАДРАТОВ

Три на четыре — двенадцать квадратов,
Прямоугольно навис потолок,
Ем апельсины со вкусом граната,
Ждет на столе недочитанный Блок.
Ветер волнует шелка занавески,
Парусом реет натянутый тюль,
Где-то в машине звучат «Арабески»,
Мне вспоминается жаркий июль…
Люстра — подобие божьей коровки,
Облюбовала пустой потолок,
Ждут терпеливо до лета обновки,
Ждет на столе недочитанный Блок.

КТО Ж ТАКИЕ? (пионерии посвящается)

Это кто ж такие в зеркале?
(на веревочке штаны)
— Пионеры с пионерками
Из потерянной страны.
С барабанами и горнами
С фотографии глядят,
За страну родную гордые,
Барабанят и дудят.
Это им она доверила
Строить БАМ и Днепрогэс,
Это их делами мерила

Свой технический прогресс.
В новый мир шагала маршами
Пионерия страны,
А теперь печально старше вы
(на веревочке штаны).

БАБКА

Бабка, божий одуванчик
В старом тереме живет.
Сквозь окошко рыжий зайчик
По щеке ее плывет.
Бабка молча, одиноко
Пьет просроченный кефир.
Сквозь глазницы старых окон
Смотрит бабушка на мир,
— За окном гуляет мальчик,
Птичка песенки поет,
Шаловливый рыжий зайчик
Им покоя не дает.

ВАЛЕНСИЯ

Где-то город мечты — Валенсия,
Никогда его не увижу.
У меня небольшая пенсия,
А вчера заработал грыжу.
Вечерами, надевши валенки,
Я иду наблюдать кометы.
Я не то чтобы очень старенький,
Просто нехорошо одетый.
А вчера мне приснилась бабочка,
Вида редкого — махаона,
И еще шерстяные тапочки
И со звездочками погоны.
Будто шел я травой нескошенной
Через матушку Русь — державу.
И везде был я гость непрошенный
И одет был не по уставу.

Наталья ШМЕЛЕВА

г. Новочебоксарск

Пишет со студенческих лет. Поэзия тесно переплетается со всей ее жизнью. Автор чувствует единение с природой, красоту окружающего мира. Основные темы творчества: любовь, природа, философское осмысление жизни. Участник всероссийских, межрегиональных фестивалей и конкурсов. Автор сборника стихотворений «Мир без вуали», сборников рассказов «Эффект попутчика», «Дойти до Сути». Произведения публиковались в альманахах «Майское настроение», «Хотят ли русские войны?» (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне), «Литературный Новочебоксарск», «Вдали от суеты» (г. Чебоксары), «Русь моя», «Поэт года», «Антология русской поэзии» (г. Москва), «Ассоль» (Чехия, г. Прага). Член Международного сообщества писательских союзов, Российского союза писателей, Союза писателей Чувашской Республики. Администратор сайта «Международный литературный клуб "Вдали от суеты"».

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ НА СВЕТЕ

Настоящее станет прошлым,
Позабудется, что вначале,
Путь неведомый запорошен,
И оглянемся мы едва ли.
По дороге идем попутной,
Обгоняет ретивый ветер,
Мы с тобою ежеминутно
Говорим обо всем на свете.
О былом и о том, что будет,
Как улучшить закон Вселенной,
Чтобы счастливы стали люди
И избавились бы от плена.
Иллюзорны блага земные,
Как по кругу шальная гонка.
Вот бы поняли все отныне:
Важно чувствовать душу тонко,
Встретить близкого человека,
Спорить с ним до изнеможенья
О безумном прогрессе века,
Так мешающем вдохновенью.
Говорим о любви и дружбе
Как о главном и непреложном,
Открываем весь мир снаружи
И чуть-чуть изнутри, возможно.
Мы идем по дороге долгой,
Говорим обо всем на свете,
И подслушивать стал тихонько
Любопытный ретивый ветер.

Я ВОЗЬМУ ТВОИ СИЛЬНЫЕ РУКИ

Я возьму твои сильные руки
И сожму в осмелевших ладонях,
Окунусь в жгучем взгляде бездонном,
Словно музыка голоса звуки...
Я прижмусь, растворяясь в объятьях,
И лицо свое спрячу, волнуя,
Время скроется за поцелуи,
Страсть и нежность смогу передать я.
Ты обнимешь меня, покоряя,
И проникнешь душой в мою душу,
Мы покой создадим и нарушим,
Чувство времени снова теряя...

МОЙ ДРУГ ЛИТЕРАТУРА

Я верила немножко в чудеса,
Про алый парус прочитала в детстве,
Манила океанская краса,

Казался тесным дворик по соседству.
Со мною рядом не было морей,
Но нет причин унылой быть и хмурой:
Жизнь стала и светлей, и веселей —
Я увлеклась тогда литературой.
Здесь и моря, и сказок чудеса,
Полет волшебных строк стихотворений,
Меня то уносило в небеса,
То низвергало в пропасть дум-сомнений.
И постепенно словно пронеслись
За эти годы сотни лиц, сюжетов,
Как будто прожила не только жизнь,
А много судеб... Кем же стать? Поэтом!
Вершить самой словесные дела,
Парить крылами в поднебесье света,
А может, закусивши удила,
Нестись по полю вместе с вольным ветром...
Прожить в стихах свою и не свою
Историю, эмоции и чувства.
Прекрасен мир, я словом воспою
Любви великолепное искусство!
Я расскажу про чудо-паруса
(Они сияют разными цветами),
Как волны отражают небеса
И лучики в воде блестят местами.
Я рядом быть могу и далеко,
Но нет причин унылой быть и хмурой,
Ведь лучший друг мой — книга, и легко
Иду по жизни я с литературой.

ЕСЕНИНУ

Ты мне близок душой поэтической,
Привлекает твой пламенный взгляд.
И в поэзии нежной, лирической
Строки многое вслух говорят.
Я любуюсь полями пшеничными,
И закатом, и полной луной,
Откровения трепетно-личные
Обволакивают пеленой...
Принимаю в объятья признания,
Словно мне они посвящены,
Так близки переплеты-терзания,
Бурей чувств наши души полны.
Бьется сердце поэта мятежное,
Нет покоя, эмоций букет,
Как порывы и страсти безбрежные,
Полыхает заря вдалеке.
Многоцветие пылкое, жаркое,
Столько жизней прожил в горстке лет...
Подарил наслаждение яркое
Разудалый Есенин-поэт.

В АВГУСТЕ НОЧЬЮ

А надо мною в сизом небе звезды,
В ночи слышны гитары переборы,
Мотив неясный — музыки узоры,
И то ли рано, то ли слишком поздно.
И то ли сумрак, то ли предрассветный
Шлейф протянулся — звездная туманность,
И то ли сладость лета, то ли шалость,
Дурман безлунной ночи беззаветной.
Бродяга-ветер стелет по покосам,
Ночная птица ухает за речкой,
Чернеющие дали бесконечны,
А под ногами тихо шепчут росы.

В СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ

Я там жила. И рядом мой поэт.
Он воспевал меня и отношений
Непревзойденной нежности букет.
Не признанный пока почти что гений.
В вечернем полусумраке уют,
Там кресло из лозы и круглый столик.
Подушки на диване, свечи жгут,
И вечно захламленный подоконник.
Серебряная ложка на столе,
И белый чайник с медным самоваром,
На скатерти льняной от кружки след,
Из бронзы пресс-папье, тяжелый, старый.
Он устремлял в окно туманный взор,
Вертел изящно с гравировкой ручку,
И создавался из чернил узор —
Поэт решал, какая рифма лучше.
Часы летели, будто без минут,
Как ветер времени, дыханье словно,
Он подходил к раскрытому окну
И получал от неба в ритме слово.
Я там жила. И не было в наш мир
Допущено ни суеты, ни тлена,
Где только Слово — истинный кумир
В единой поэтической вселенной.

Федор ТОГУЗОВ

г. Новочебоксарск

Поэт, бард, исполнитель авторских песен. Его стихи и песни о природе, любви, на гражданские и патриотические темы. Произведения опубликованы в сборниках «Русь моя», «Наследие», «Поэт года», «Антология русской поэзии», «Литературный Новочебоксарск», «Вдали от суеты», «Майское настроение», «Хотят ли русские войны? (к 75-летию Победы)», «Ассоль» (Чехия). Член Международного сообщества писательских союзов, Российского союза писателей, Союза писателей Чувашской Республики.

ХАРПАИХА
К 100-летию родной деревни…

Как хорошо в моей Харпаихе зимой.
Там тишина хранит покой, морозный воздух.
Над милой улицей, безлюдной и пустой,
Горят далекие, загадочные звезды.

Лишь легкий ветер закачает провода.
Да тихий лунный свет скользит в пустые окна.
И белый-белый снег летит, кружась слегка,
Роняя наземь свои радужные хлопья.
Здесь летней ночью звезды падают в полях,
И тишина вокруг стоит… такая темень!
Когда ступаешь бережно в траву впотьмах,
На миг как будто замирает жизни время.
Стреноженные кони у шальной реки.
И трели соловья тревожат утром сердце.
Там в мае яблони в цвету, поют сверчки.
Как в том моем давно ушедшем детстве.
Я знаю, есть большие страны, города,
Места и уголки на солнечной планете,
Как солнца луч, как путеводная звезда,
Моя Харпаиха всегда на этом свете.

АХ, КАКАЯ ЗВЕЗДА
Посвящается Высоцкому

Ах, какая звезда закатилась, погасла,
Олимпийского эха гремящий раскат.
Он сошел в гонке века с безудержной трассы,
В день июльский трагичный внезапный закат.
Никогда еще не было больно и странно,
Много он досказать и допеть не успел,
И остались последние строчки романа,
Когда голос его так протяжно хрипел.
И был честен с собой, никому неподвластен,
Гордо поднятой вверх головою глядел,
Не прося снисхожденья и славы у власти,
Да сгорал, надрываясь, с натугою пел.
И не знал в этом тягостном мире покоя,
Правдой у микрофона в сердца проникал,
С помощью семиструнки и резкого слова
Надрываясь, хрипя до костей доставал.
И заставил увидеть наш мир по-другому,
Нервы рвал, словно струны, в себя уходил
И ушел, подарив будто каждому дому
Песни, время, в которые верил, любил.
С неба падают звезды, мерцают закаты,
Снова жизнь продолжается день ото дня,
Только вещий поэт стал пророком когда-то
И открыл настоящих тебя и меня.
Замолчала гитара, расслаблены нервы,
Стих знакомый до боли его баритон,
Был так дорог Высоцкий, во многом стал первым
И эпоху прочувствовал трепетно он.

СПАСАЛА МУЗЫКА МЕНЯ

Спасала музыка меня,
Звала в полете за собою,
Полна душевного огня,
Пленяла страстью и любовью.
Во все лихие времена
В разлуке нас оберегала,
Любовь ушла на склоне дня —
И грустью в сердце зазвучала.
Стучит чуть слышно в окна дождь,
Да, говорят, что все проходит.
Когда же ты меня найдешь,
Спасешь лекарством из мелодий…
И пусть твоей любви струна
Звучит всегда, не умолкая,
Настанет день — придет она,
Я на нее лишь уповаю.
Закончится под утро дождь…
Он для влюбленных как награда,
Ты все простишь и все поймешь,
Под звуки струн и серенады.
Спасибо, музыка, тебе,
Огонь любви и страсти вечной!
В моей измученной судьбе
Ты будешь песней бесконечной…

ГОРОД-ФРОНТ ЛЕНИНГРАД!
ГОРОД-ГЕРОЙ СТАЛИНГРАД!

Наш город-фронт Ленинград!
Город-герой Сталинград!
Не зарастает тропа к безымянным могилам.
Подвиг не будет забыт, в памяти каждый солдат,
Будете в сердце всегда как духовная сила!
Все для Победы, на фронт, вместе, единый порыв!
Легче порой умереть, чем живыми остаться.
Вынес блокадный тот год берег гранитной Невы,
Битва на Волге… Врагу нам вовеки не сдаться.
Ваша отвага и честь нам победить помогла
И послужила всем людям геройским примером.
Смелость порой, говорят, все же «берет города»,
И сила духа здесь сделала ратное дело.
Ради живущих людей, нашего счастья с тобой
В этой войне не жалели себя наши деды.
Под Ленинградом в бою бился солдат как герой,
Встала страна из руин после нашей Победы.
Вечный огонь. И в сердцах тех, кто остался в живых,
Люди, в боях ради Родины павшие где-то.
Нет с того света команд, нет и лихих позывных,
Только венок над могилой, колеблемый ветром.
Наш город-фронт Ленинград!
Город-герой Сталинград!
Мужество ваше, поверьте, нам неоспоримо!
Скоро безмолвно уйдет в дали последний солдат.
В камне молчание плит разразится над миром!

Я ВЕРНУЛСЯ
В ДЕРЕВНЮ РОДНУЮ

Я вернулся в деревню родную,
Где и детство, и юность прошли,
До сих пор по просторам тоскую,
Когда полем летят журавли.
Вижу звезды над маленькой речкой,
Слышу первой любви разговор,
И гитара, как прежде, сердечно,
Словно в прошлом, берет перебор.
Здесь все дорого так и знакомо,
Моей жизни надежный причал,
И родителей веское слово,

Чье напутствие я получал.
Не вернуть той любви, что промчалась,
Не найти пожелтевших страниц,
И осталась лишь самая малость —
Проводить улетающих птиц.
Я колки подтяну на гитаре,
Даже юности прошлой не жаль,
Седина уже в полном разгаре,
Только давит на сердце печаль.
Были дни, что порой окрыляли,
Но пришли затяжные дожди,
И надежды листвою увяли,
Прокурлыкали вдаль журавли.
Словно в утренних солнечных бликах,
Пролетят над стогами они,
Вспоминается жизнь в этих криках,
Годы лучшие с ними прошли…

ПРОБЬЮТ ЧАСЫ, ИСЧЕЗНУТ ТЕНИ

Пробьют часы, исчезнут тени,
И облик скроют зеркала.
Я обниму твои колени,
Сплетая руки в два крыла.
Потом порвем оковы ада,
Их обратим в былого прах,
Зажжется месяц как лампада,
Свечой, горящей в небесах.
Придет желанная награда
Моей душе, что так ждала.
Польются звуки серенады,
И нас не спрячут зеркала.
Они опять увидят ласки
И страсти, полные огня,
Мы проведем всю ночь как в сказке,
Друг друга нежностью пьяня.
Сильней сожмем в мечтаньях руки,
Ты надо мной имеешь власть.
О, как прекрасны эти муки…
Жаль, не могу любовь украсть!

ОБНЯВ ТЕБЯ

Обняв тебя, мне хочется забыться,
Услышать тихий сердца перестук,
И нежно, словно в первый раз, влюбиться,
И волю дать сплетеньям наших рук.
Волос едва коснусь и сразу таю.
Так тонкий лед прогнулся подо мной,
Куда-то в бездну падаю — не знаю.
Родная, что ты делаешь со мной.
В руках твоих так быстро растворяюсь
И сам себя порой не узнаю.
Я будто снова голову теряю,
По-прежнему и верю, и люблю.

ПОЗДНИЕ ЦВЕТЫ

Мне поздние цветы вернули чувства,
Былинный сон, там были я и ты,
Мгновения, наполненные грустью,
И в жизнь не воплощенные мечты.
Забыв про все невзгоды и обиды,
Быть может, в прошлое не раз вернусь,
Как к тайне той великой Атлантиды,
К губам желанным нежно прикоснусь.
И в отголосках солнечного лета
Услышишь ты заветные слова,
И боль тоски, развенчанную ветром,
В полях ночных дурманит сон-трава.
Увы, ничто не может повториться:
Ни первый дождь, ни краски сентября,
Лишь только лето часто будет сниться
И как целую в губы я тебя.

Николай ЕРМОХИН

с. Екатериновка Приволжского района Самарской области

Николай Андреевич Ермохин родился 14.10.1955 г. Образование среднее техническое. Поэт, член РСПЛ. Призер и лауреат двух международных конкурсов. Печатался в ряде журналов и альманахов. Изданы четыре книги. Постоянный автор нашего альманаха.

АНГЕЛЫ ДУШИ

Я добрый, мягкий человек,
И потому друзей так много.
Считаю другом даже снег —
Моя душа не одинока.
Во всем ищу ей мир и свет,
Спешу сберечь от зла и розог.
Коль средь людей мне счастья нет,
Найду его среди березок.
Благословляю их места.
Душа всегда их свету рада.
Стволов их белых береста —
Любой беде моей заплата.
И луг, и речка — все милы.
Они — бескрайний мир влечений,
Легко развяжут все узлы
Моих тревог и огорчений.
Я к ним как к ангелам иду,
И наша связь не однобока —
С того я с ними и в ладу,
Что без меня им одиноко.

ОСТАТЬСЯ СОБОЙ

Сердцу чужды города-геркулесы.
Ближе, милее мне тихие веси.
Скромность их жизни, изложенной вкратце,
В мире большом не дает затеряться.

Все на сто верст от древесного дома —
Это твое, все до боли знакомо.
И откровеньем земля не избыта:
Степи и дали — все настежь открыто.
Даль полевая, небесные ситцы —
Чувствам и мыслям не видно границы.
Силы душа наберет, как от свечки,
В зеркале вод у доверчивой речки,
Где беспрестанно, как сердце земное,
Бьется родник — торжество ледяное.
Беды все, горести тихо и мудро
Спелыми росами выплачет утро.
Голос земли, в нем живые отрады
Выше любой рукотворной громады.
Снега свеченье, дымок над трубою —
Все для того, чтоб остаться собою.

ГОРЬКИЕ ЗАКОНЫ

Весь лета выгорел огонь.
День тащат сумрачность и снулость.
Холодной осени ладонь
К окну плаксиво прикоснулась.
Как жест тревоги, верный знак
Конца тепла, мечты и чуда,
Расставшись с кипами бумаг —
С листвой, разбросанной повсюду.
Упали пеплом старых дел,
Всех тех, кто был красой Вселенной,
Тех, кто в ней вечно жить хотел,
Но пал, годами убиенный.
В огромном мире их — гора.
Приходит мысль, что жизнь в итоге —
Пустая, тщетная игра,
Чтоб после всех убрать с дороги.
Всегда другим очистить путь,
Упрямо слать в безвестность души,
Чтоб все равно когда-нибудь
Законы смертные нарушить.

НЕДОЛГАЯ СВЯЗЬ

Деревья листва покидает
Осколками красной зари,
Как будто веселою стаей
Слетают с ветвей снегири.
Летит и с боков, и с макушек,
Как цыпочек малых звено,
Как будто клохтаньем их клуша
Клевать призывает пшено.
Как будто из ветоши зыбкой,
Из полона частых сетей
Спешат красноперые рыбки
Уплыть в синь небесных морей.
Украсили землю роскошно,
Не зная, что с жизнью их связь
Совсем, навсегда, безнадежно
Оборвалась.

ЗАЧЕМ ПРИХОДИТ ОСЕНЬ

За той чертой живем уже,
Где ничего уже не просим,
Где время года по душе
Все больше — золотая осень.
Она пришла не просто так:
Она — корабль, с пути сошедший,
И ее леса желтый флаг —
Знак нашей юности отцветшей.
Она зеленый гасит свет,
Чтоб мы могли, сойдя с дороги,
Увидеть смысл прожитых лет
И жизни подвести итоги.
Чтобы погожим, ясным днем
Под дождь листвы, с ветвей летящий,
Могли мечтать не о былом —
Еще о чем-то предстоящем.
Ее духовный вес высок,
Излечит душу от разлада
И сини тоненький ледок,
И холод лиственного злата.
Она — наш врач, а не недуг,
Средь звонких рощ мы в ней — как в храме,
Чтобы последний жизни круг
Украсить добрыми делами.

ОКОЛДОВАН РОДИНОЙ

Моя Родина — мед моих уст,
Дорогое стозвонное имя,
Вьюга всех моих мыслей и чувств,
Моих лучших стихов героиня.
Все мечты, все надежды — в одной,
Как для малого листика — кустик.
За высокой не держит стеной,
Но тебя просто так не отпустит.
Будто счастье все прячется в ней,
И пути на чужбину закроют
Сотни всяких подводных камней,
Изобилие чудных сокровищ.
А сокровища очень просты:
Серебро — лед росы на ладони
Да лесов золотые листы,
Что ноябрь, не жалея, уронит.
Чем так держат, так манят места?
Лес, луг, озеро — что тут такого?..
Не понять, не ответить спроста,
Будто Родиной ты околдован.

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Вот и канула в Лету
Жизнь почти без следа.
Утекла незаметно,
Как сквозь пальцы вода.
Быть хотелось на троне,
А все золото в ней
Уместилось в ладони —
Всего пара камней.

Один — жизни дороже,
Тот, что грел мою кровь.
Его время не крошит.
Его имя — Любовь.
Второй — слиток чудесный,
Лучезарный кристалл.
Тот, что радужной песней
Людям в души блистал.
Ни беды лик зловещий,
И ни зла западня
В них не сделали трещин,
В них не сбили огня.
Рядом с Богом их ставил
На свету и во мгле…
Только ими оставил
Я свой след на земле.

СЛИТЬСЯ С РОДИНОЙ

Дай одну мне силу, Боже,
Для моих больших годов —
Петь о родине, чтоб больше
Написать о ней стихов.
Слиться с ней, как с богом в храме.
Пред уходом в мир иной
Долго добрыми словами
Славить лик ее родной.
Рвать и рвать с высоких веток
Светлых чувств к ней лучший цвет —
Подарить ей напоследок
Из стихов любви букет.
С благодарностью великой
Все стихи о ней собрать
И издать отдельной книгой,
Озаглавив кратко — «Мать».
Та, что грудью не кормила
И ласкала не рукой —
Та, что на лугах носила,
Пела Волгою-рекой.
Был крещен ее водою,
Ее — брошь большой Руси —
В сердце с радостью, с бедою,
Как судьбу свою, носил.
Жизнь спасала от крушений,
В горький час всегда была
Равновесием душевным,
Краем света и тепла.

СТРАСТНЫЕ ПИСЬМА

Как рост их в себе ни глуши,
Стихи все — болезнь организма:
Большая потребность души
Писать их, слать людям, как письма.
Посланцы и ночи и дня,
Несут все, что врезалось в душу,
Как страстное пламя огня
Из недр глухих рвется наружу.
И рай помещая, и ад,
Идут с верой в каждом конверте,
Что всякий в миру адресат
Им место найдет в своем сердце.
Разделит судьбу письмеца,
Стих примет как кубок искусства,
Вкушая, дивясь без конца
Глубинам и мысли, и чувства.
Вольет свет посланий навек
В себя, словно с Боженькой вместе
Писал их родной человек,
Что дарит душевные вести.

Любовь СЕРДЕЧНАЯ

г. Санкт-Петербург

Любовь Сергеевна Сердечная (г. Санкт-Петербург) — автор одиннадцати книг поэзии. Печатается в поэтических альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Красноярска, Белоруссии, Украины, Чехии и др. Лауреат национальной премии «Поэт года» за 2017 год в номинации «Песни». Лауреат и член жюри многочисленных фестивалей и конкурсов поэзии и авторской песни. Руководитель Смоленского областного литературного объединения «Родник» им. Юрия Пашкова (2013—2021гг.) Член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ПРО ДУДОЧКУ

Дети покинули город… Проспекты и улочки…
Их увело за собой босоногое лето,
Лишь заиграло на звонкой черешневой дудочке
Первым порывом горячего южного ветра.
Бросили дома ненужные школьные платьица
(К осени снова — по локоть рукав и штаны —
по колено)
И — наблюдать, как по блюдечку яблочко катится,
Золото по бирюзе… А еще непременно
Бегать по лугу, скакать, замирать в восхищении,
Падать в объятия клевера и повилики,
С горки катиться, Земли ощущая вращение,
Впитывать запах ветров, чабреца, земляники…
После купаться «до дрыжиков», до посинения,
Греться в горячих сугробах песка золотого…
Вечером поздним прохладу принять как спасение
И восхищаться картинами неба ночного…
Лето сманило детей, увело их из города,
Мир подарило им яркий, манящий, блестящий:
Нате, берите, владейте! Не жалко! Но дорого:
Позже поймете, что это и есть ваше счастье!

ЛЕДЯНКА

Вези меня, ледянка, в детство,
Где мне еще не больно падать,
Где «Чур» от всех напастей средство,
Где каждая снежинка — радость!
Где папа — молодой и сильный,

Где плакать хочется без мамы,
Где лес и розовый, и синий,
А Дед Мороз такой румяный.
Где ничего вкусней сосульки,
Где сам себе игрушки клеишь,
Где каша манная в кастрюльке,
А апельсин, когда болеешь.
Где горькая микстура в ложке,
Где с пенкой молоко в стакане,
Где в плед завернутая кошка,
Где тетя Валя на экране.
Где мандарины пахнут елкой,
Где под столами новоселье,
Где нос укутан в шарфик колкий,
Где угол — плата за веселье.
Где кубики «Гематогенки»
Еще вкуснее шоколадки,
Где вечно сбитые коленки,
Где с промокашками тетрадки.
Где счастье, если мама — дома,
Где горе, если спать ложиться,
И ничего ценней альбома,
И ничего страшнее «Мыться!»
Где примерзают руки к санкам
И где еще не стыдно плакать…
Вези меня вперед, ледянка!
Ты знаешь, я умею падать!

ЗДРАВСТВУЙ, МОЙ ГОРОД

Здравствуй, мой город родной! Как живется?
Как дышится?
Я, уж прости, навестить тебя снова не смог...
Я не забыл, не предал, не продал тебя, слышите?
Просто я вырос давно из тебя, как из старых сапог.
Просто ты тесен мне стал, как носочки и варежки,
Те на резинке, ты помнишь, в примерзшем снегу.
Мне их вязала в подарок любимая бабушка.
Вот и живу без нее. Думал, что никогда не смогу...
Мне нестерпимо малы переулки и улицы,
Те, что тянулись, казалось мне, до облаков.
Ты же учил меня сам не дрожать, не сутулиться.
Я не дрожу, не сутулюсь. И я не приемлю оков.
Город, спасибо тебе за дворовую азбуку,
За зелепухи в запретном соседском саду...
Я не забыл тебя, город, а спрятал за пазуху.
Жди и люби. Я к тебе каждой ночью бессонной иду.

ГОРОД РОДНОЙ

Город родной, я — к тебе: залечи мои раны,
Мамка и нянька, и сват, и товарищ и брат.
Помнишь, как ты наполнял мне богатством карманы:
Камешки, стеклышки, шишечки старых оград…
Клал на коленку разбитую листик зеленый,
Ссадины смазывал йодом одну за другой,
Щедро поил из колонки прозрачной, студеной,
Бьющей ревущим фонтаном живою водой…
Это же ты вынимал мне репьи из косичек,
И на заборе спасал от дворовых собак,
Ты приглашал на кормушку знакомых синичек,
Прятал меня от «врагов» на забытый чердак…
Город родной, я — к тебе: залечи мои раны.
Ты же умеешь справляться с любою бедой:
Что тебе, город, туманы, бураны, обманы!
Дай отыскать мне колонку с живою водой!

НАИВНОЕ СЧАСТЬЕ

1.
Счастье бродило по улицам,
В окна стучало и в двери.
Счастье кричало: «Вы умницы!»
Счастье кричало: «Я верю,
Вы меня скоро заметите:
Я уже здесь! Я же рядом!
Лица от счастья засветятся,
И затуманятся взгляды,
И защекочет под ложечкой,
Снова летать захотите!..»
Счастье наивно немножечко.
Вы его, люди, простите.

2.
Сидел человек на крылечке.
Он счастья хотел очень-очень.
Коровы бродили у речки.
Готовила кисточки осень.
Сбивались пернатые в стаи:
Хотели успеть до ненастья...
Спокойная жизнь и простая.
«Но разве размеренность — счастье?»
Тепло еще было и сухо.
Антоновки ветка — картинно.
Жужжала назойливо муха...
«Ну, где же тут счастье? Рутина...»
Ползла по дощечке букашка,
Тихонько жена напевала,
Сквозь камни пробилась ромашка...
«Ох, мало для счастья мне, мало...»
И он все искал его взглядом...
Резвились счастливые дети...
А счастье сидело с ним рядом.
Его человек не заметил.

МОРЕ И НЕБО

Море смотрелось в Небо.
Небо смотрелось в Море.
Море в Небе видело Море.
Небо в Море видело Небо.
Так продолжалось долго…
Но разыгралась буря.
Море рванулось в Небо.
Небо рванулось в Море.
Волны хватали Тучи.
Тучи бросались в Волны.
Море и Небо смешались,
Спасая и грея друг друга.
Так продолжалось долго…
И успокоилась буря.

Море смотрело в небо.
Небо смотрело в море.
Море в небе видело Небо.
Небо в море видело Море.
Они любовались друг другом…

ПРИЧАЛ

1.
Пойдем со мною на причал.
Ты сам, наверно, замечал:
Там пахнет морем...
Ну, пусть не морем, так рекой,
Туманом, талою водой,
Но только, точно, не бедой,
Не горем...
Пойдем со мною на причал.
Там кот от радости урчал:
Поймал марлина...
Ну, не марлина, так треску,
Тащил по мокрому песку...
Он подлечил мою тоску
И спину...
Пойдем со мною на причал.
Хочу, чтоб шторм его качал,
Как детский мячик.
Ну, пусть не шторм, а легкий бриз...
Вернись, пожалуйста, вернись!
Я без тебя ныряю в высь.
Не плачу!
Сама построю свой причал,
Чтоб всем надеждам отвечал:
С котом, марлином!
Чтоб каждый день меня встречал,
Чтоб свежим ветром угощал,
Чтоб на руках меня качал
С любимым!
«Отдам в хорошие руки
кота, марлина, причал,
руку и сердце».

2.
Доски, нагретые солнцем, ласкаются к телу.
Волны, прохладу хранящие, манят к себе.
Я на причале, и мне никакого нет дела,
Где ты и с кем. Вспоминаешь ли ты обо мне.
Доски причала нежны, словно пух тополиный.
Волны поют про пиратов, русалок, китов...
Я и забыла, что как-то болела ангиной,
Ты притащил апельсин и охапку цветов.
Что же доска так скрипит и скрипит нестерпимо,
Что же волна меня хочет с причала слизать?
Парус вдали показался. Ко мне или мимо?
За горизонт ускользнул... Порвалось — не связать...
Хватит! Не кисни! Тоске предаваться не дело.
Пусть повезет в этой жизни и мне, и тебе.
Доски, нагретые солнцем, ласкаются к телу.
Волны, прохладу хранящие, манят к себе.

3.
...Нет, я не плакала. Причал
Метался, рвался, выл, кричал
От горя.
И кот на нем всю ночь сидел
И все глядел, глядел, глядел
На море...
А волны пенились у ног
И мне шептали: «Как он мог!»
Ласкали.
И соловей запел совой.
И ветер бился головой
О скалы...
Я не рыдала, не звала.
Я просто сына назвала
Андрюшей...
Конечно, ты. А кто еще?
Нет. Не надейся. Не прощен.
Не слушай!..
Пойдем со мною на причал...

***
Я не знаю, любовь ли это,
Только чувствую, если ты где-то,
Мне без тебя пусто.
Я не знаю, любовь ли это,
Но с тобою всегда лето,
Даже зимой тусклой.
Я не знаю, любовь ли это,
Только ты в ареоле света,
Даже глухой ночью.
Я не знаю, любовь ли это,
Но с тобою любые запреты
Сами-собой — в клочья!
Я не знаю, любовь ли это,
Но тебе посвящаю сонеты,
Я, не поэт, даже!
Я не знаю, любовь ли это,
Только цвет твоего берета
Так для меня важен,
И дорог запах твоего пальто…
А если это не любовь, то что?

НЕУСТАВНАЯ ЛЮБОВЬ
Быль

Любовь моя нечаянная, первая,
С тобою обвенчала нас война...
Мы выжили тогда в бою, наверное,
Чтобы познать любовь и как сильна
Она, пришедшая не правильно, не вовремя,
Среди бомбежек, крови и боев,
Когда все время — из огня да в полымя...
Любовь неуставная, но любовь!
Мы были счастливы! Три года были рядом!
И нас с тобой не удавалось разлучить
Ни пулям, ни гранатам, ни снарядам...
Вдруг — взрыв! Очнулся, а вокруг — врачи.
А дальше — тыл, «лежачая» палата,
Боль, перевязки, стоны, кровь, бинты...
И мысль одна в висках стучит набатом:
«Где ты? Где ты? Где ты? Где ты? Где ты?..»
Тяжелое ранение. Но выжил.

Комиссовали. Приговором — тыл.
Я чувствовал, победа ближе, ближе...
А мысль, по-прежнему, одна: Где ты?
Искал тебя везде. Найти пытался.
Я все перевернул. Я землю рыл.
Нашел. Сказали разорвался
Снаряд — погибла ты. Я волком выл...
Но время шло. Я повстречал девчонку.
В ее глазах твои глаза узнал.
Узнал твою соломенную челку.
И прикипел, и полюбил, и в жены взял.
Я был хорошим, добрым, нежным мужем,
Но не ее — тебя я целовал...
Берег, жалел жену. Я был ей нужен.
Но именем твоим я дочь назвал.
А время шло. Залечивались раны
Телесные, душевные... страны...
Однажды на курорте утром рано
Тебя я встретил! Гром средь тишины!
Разверзлось небо! Ноги подкосились!
В глазах темно. Попробуй устоять!
Твои глаза любовью засветились.
Одно я понял: я живу опять!
Встречаемся тайком. Грешно, наверное.
У каждого — свой муж, своя жена...
Но ты любовь единственная, первая.
С тобою обвенчала нас война...

КРЫЛЬЯ

Крылья совсем запылились: стирать и сушить!
Можно погладить, да ладно (была не была!),
Гладкость крыла не влияет на свойства полета —
Свойства полета влияют на гладкость крыла!
Я разучилась летать. И смеяться. И жить.
Я не летала давно: то тюрьма, то сума…
Ясность ума не влияет на степень удачи —
Степень удачи влияет на ясность ума.
Я полечу непременно: мне крылья даны!
Навык, возможно, утрачен... Восторг не забыт!
Мелочный быт не влияет на чувство свободы —
Чувство свободы влияет на мелочный быт!

Валерий СУХОВ

г. Сызрань

Сухов Валерий Алексеевич родился в 1959 г. в с. Архангельском Городищенского р-на Пензенской обл. Окончил Пензенский педагогический институт и аспирантуру в Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Лауреат Международной премии им. Сергея Есенина в номинации «Взыскующим взглядом». Автор семи сборников стихотворений. Стихи печатались в «Литературной газете» и во многих литературных журналах. Член Правления Пензенского отделения СПР и редактор отдела поэзии журнала «Сура». В 2009 г. за сборник «Архангельский мой собор» удостоен всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова, в 2020 г. стал второй раз лауреатом премии им. М. Ю. Лермонтова за сборник «Холмы земные». Наш постоянный автор.

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Когда поэт у Черной речки
Мучительно осел на снег
И умирал… по-человечьи
Простил врагов своих он всех.
А сколько жить на свете этом
Тебе осталось, стихоплет?
Поэта делает поэтом
Судьба — не книжный переплет.
Накрыла клеткою корона.
У каждого стезя своя.
Не перепеть орлам у трона
Михайловского соловья!
Поэт — бунтарь, а не послушник.
В опале вечной ссылки он.
Бурлит черемуха! И Пушкин
Весенним снегом занесен.

ЗАКАТ

Грянул выстрел у Черной речки.
На сугробы упала тень.
И зашло солнце русской речи.
Стал, как вечер, сумрачным день.
И от муки невыносимой
Больше жить не хватило сил…
У склоненной над ним России
Он морошки лишь попросил.
Так почил Александр, раб Божий…
Чтобы смуту унять, от греха,
Гроб прикрыв роковой рогожей,
Увезли из столицы в снега.
И зачем на Руси раздоры?!
Застывала, как кровь, заря…
Схоронили Святые Горы
Ростом с мальчика бунтаря.
Как до боли мало отпущено
Ему было мятежных лет…
День рождения есть у Пушкина,
А другой — черной даты — нет!
Дух поэта, как буйный ветер,
Реет, стены темниц круша!
И по-пушкински верить в бессмертье
Начинает наша душа.

А АНГЕЛ ПЕЛ ПОЭТУ ПРО ЛЮБОВЬ

Сбывалось все, как он и предсказал.
Мартынов подходил все ближе, ближе.
А Лермонтов остался неподвижен.
Катарсис — вот трагедии финал!
Пробила пуля легкие и сердце.

Дымилась рана, и сочилась кровь…
А ангел пел поэту про любовь.
Так после смерти началось бессмертье!
И хлынул дождь! Омыло небо рану.
Лиловой тучей Демон пролетел.
И темный дуб, посаженный в Тарханах,
Как древо жизни, на ветру шумел.
Рожденные из пламени и света,
Как молнии — июльскою грозой,
Два слова стали русскою судьбой:
С заглавной буквы оба: «Смерть Поэта»!

КРАСНАЯ РУБАХА

Ранним утром я видел Лермонтова в его квартире на столе, в белой рубахе, украшенного цветами. Комната была пуста, и в углу валялась его канаусовая малиновая рубаха с кровяными пятнами на левой стороне под сердцем.

А. И. Арнольди

Стол письменный, как плаха.
Распят поэт на нем.
А красная рубаха
В углу — и смята в ком.
Под сердцем пятна крови
Все высохли уже.
Непросто жить, панове,
С Демоном в душе.
Так ураган заносит
За самый крайний край!
Всегда вития носит
В себе и ад, и рай.
Мартынов — лишь мартышка.
Пародий едких цель.
Поэт — совсем мальчишка —
Звал Бога на дуэль!
И наказанье тяжко —
Весь опален огнем!
И смертная рубашка
Белым — бела на нем.
Коль ты рожден поэтом,
То сам себе палач!
Схоронят не отпетым.
Ты, ангел, хоть поплачь…
Казачью колыбельную,
Казачка, песню спой.
За службу его верную —
Он был «казак душой»!
В рубахе своей красной
Брал яростно завал.
Стих написал «ужасный» —
И царь негодовал!
От ссылок и гонений
Господь не уберег.
Погиб так рано гений.
Затравленный пророк.
Характер окаянный!
И гроб друзья несут…
Вот вам и покаянье.
Вот вам и Божий Суд!
Стол письменный, как плаха,
Перо-топор — на нем…
А красная рубаха
Горит огнем!

РАССТРЕЛ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Пришла Свобода в облике зверином!
Оскалила по-людоедски рот.
Клин журавлиный — выбивая клином.
Поэтов лучших убивая влет.
Стал первым — написавший «Капитанов».
Своей усмешкой наводил он страх.
Изрешетив затылок из наганов,
Поэта превратили в черный прах.
Умыли руки кровушкой гусарской.
Стал ни к чему крылатый серафим.
С чеканенной свинцом посмертной маской
Эпоху закопали вместе с ним.
Все оправдает благо человека.
Умяла землю «Яблочком» ЧеКа…
А нам расстрел Серебряного века
Не замолить и не простить века!

ПАМЯТИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Ах! Жеребенок-сосунок,
Ты захотел казацкой воли?!
Увозит черный воронок —
Почетней нет поэту доли.
Всю ночь идет допрос с пристрастьем.
Шьют дело. Пухнет толстый том.
У этого — в пенсне — из пасти
Живым не вырвался никто.
«Что на тебе? Лицо? — Нет, маска!
Улыбочку свою утри.
Смотри — кулацкая закваска
Заколобродила внутри.
Располосована рубашка…
«Да! Был я парень ножевой»,—
Разбитым ртом смеется Пашка,
Тряхнув кудрявой головой…
И в синь последнего рассвета,
Похмельный вылечив угар,
В упор всадили в грудь поэта
Пять пуль — свинцовый гонорар.

Алексей СЕМИН

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Алексей Валериевич Семин родился 18 июня 1989 г. в г. Чугуеве (Харьковская область, Украина). Но малой его родиной по праву является Тула, где прошли детство и юность поэта. Здесь в возрасте пятнадцати лет у него зародилась мечта стать хорошим врачом. С детства привитая любовь к музыке и пению вылилась в посещение занятий церковного хора. Окончил одиннадцать классов школы с серебряной медалью. Далее он учился в медицинском институте, окончив который проходил интернатуру по специальности «Педиатрия». С 2013 г. работает участковым педиатром в с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл. Выйдет в свет первый альбом песен «Держись за Жизнь». Член ТО «Каменка». Постоянный автор нашего альманаха.

ОБРАЩЕНИЕ

Не тревожно на сердце моем,
Потому что Господь там живет;
Всюду вместе мы с Богом идем,
И душа Ему песню поет.
Пробуждаясь от сладкого сна,
Я в молитве склоняюсь пред Ним,
На душе моей вечно весна,
Даже если жестоко гоним.
В Боге вечный покой обретая,
К небесам мы становимся ближе,
Тучи страха и немощи тают,
Наша гордость становится ниже.
Сердце снова в восторге трепещет,
Мир вокруг превращается в радость,
Океаны любви Божьей плещут,
Растворяя в сердцах наших сладость.
Сладость мира, покоя и счастья,
Благодарность за мир и отраду,
Исчезают, как тень, все ненастья,
Если ценишь святую награду.
Братья, сестры: как белая птица
В поднебесной Христа благодати,—
Может все это мне только снится?
Неуместная шутка, некстати!
Ведь действительно, выбрав дорогу
Послушанья закону свободы,
Мы подобны становимся Богу,
Привлекая к Нему все народы.
Наша плоть не стремится к веселью,
К наслажденью греховным напитком,
Ожидает душа новоселья,
Забывая про боль и убытки.
Ведь в раю мы не вспомним о бедах,
Горечь зла и разлуки утонет,
Там, на званых небесных обедах,
Никакая тоска нас не тронет.
Звери будут добрее котенка,
Там никто никого не обидит,
И сиротка с рожденья Настенка
Наконец свою маму увидит.
Там не скажет никто: «Я больной»,—
И прихрамывать кошка не будет,
Иисус нас зовет за Собой
И сердца наши бережно будит.
Не откликнуться — жизнь потерять,
Навсегда убежать от спасенья,
Так давайте Ему доверять
И молить о глубоком смиренье…
Не далеко уж, братья, до рая,
Нужно только с Творцом нашим слиться,
Улыбаться, в огне умирая,
Может тот, кто со мной согласится:
«Не тревожно на сердце моем,
Потому что Господь там живет;
Всюду вместе мы с Богом идем,
И душа Ему песню поет».

Лето 2007 г.

КОНЕЦ ТЬМЫ

Когда душа болит и плачет,
Бежит растерянно слеза,
Тогда молюсь: а как иначе?
Ты смотришь прямо мне в глаза
Своим святым пречистым взглядом —
Я забываю обо всем
Плохом! Господь, всегда Ты рядом,
Но мы так часто гнев свой льем!
Средь жизни испытаний трудных
Намного легче на Земле
Тем людям, что Иисуса любят
Не только в церкви, а во мгле:
Она не вечно над душою
И власть ее не так сильна,
Как власть Того, Кто спас Собою
Детей Своих от царства сна!
Бог есть Любовь — мы это знаем
И наша вера велика!
Ура! Мы Господа прославим:
Хвала Ему во все века!
Ведь Он Создатель и Спаситель,
Хранит нас от мирских сует,
Все думы знающий Родитель,
Дарит сердцам небесный свет.
Но те лишь зрят его сиянье,
Кто у подножия Креста,
Оставив самооправданье,
Оделись в праведность Христа.
И, наслаждаясь жизнью новой,
Ликуют вместе и поют,
Разбив греха цепей оковы,
Дань поклоненья воздают.
И дай нам Бог с тобою вместе
На новой праведной земле
Воспеть ту песнь хвалы и чести

Христу, надежде и скале!
Ведь Господин достоин славы:
Один пожертвовал Собой,—
И кровь из ран и пот кровавый
Текли, о друг, за нас с тобой.

20 декабря 2012 г.

НОВЫЙ ГОД

Моль снежинок кружит за окошком,
Наработалась за день — устала,
Заболела любимая кошка,
На колени ты медленно стала
И просила так искренне Бога,
Чтобы дал пережить испытанья
И облегчил ту боль хоть немного,
Что приносит любимым страданья.
Ты обиды всем ближним простила,
За врагов так усердно молилась
И за зло лишь любовью платила,
Полагаясь на Божию милость.
Все невзгоды и беды забыла,
В сердце нет ни песчинки лукавства,
Все, что в жизни хорошего было,
Ты хранишь как святое богатство.
Друга в дом ты родной пригласила,
Обходилась нежнее, чем с братом,
Мандарином его угостила,
Хоть не выдали вовсе зарплату.
Редко ныне людей можно встретить,
Кто, подобно тебе, на жестокость
Добродетелью хочет ответить,
Лицемеров теперь просто пропасть!
Но у Бога Любви есть желанье
Оправдать нас невинною Кровью
И направить все наши старанья
На борьбу с безразличьем и болью.
За окном моль снежинок кружится,
Новый Год наступает заветный —
Пусть тебе исцеленье приснится
И не будет душа безответной.
Пусть печаль и небрежность растают
На внимательных добрых ресницах
И почаще душа улетает
В Небеса словно белая птица!
Спи, мой ангел, подруга, психолог,
Пусть тебя суета не тревожит,
Путь к победе не так уж и долог:
Бог Любви нам, конечно, поможет.

30 декабря 2012 г.

ДУХ СВЯТОЙ

Наполни сердце, Дух Святой,
К Тебе в томленье я взываю.
Дай насладиться добротой,
Душою прикоснуться к раю.
Под сенью крыл Твоих укроюсь,
Пройдут все беды надо мной,
И лишь в Тебе я успокоюсь —
Плод благодати неземной.
Мы недостойные созданья,—
Ты так велик и так высок,
Во все глубины мирозданья
Ты проникаешь как песок.
Как пыль златая,— тонким слоем
Распределяясь по душе,
Ты верно ждешь, когда откроем
Пошире двери в шалаше,
Который мы соорудили,
И так уютно в нем порой —
Мечта, чтоб нас не разбудили,
Рождает опасений рой.
А вдруг исчезнут те мгновенья,
Где можно быть самим собой,
Иль станет хуже настроенье,
Размоет радугу прибой...
Но тихий шелест старой ивы
Напомнит сердцу о былом
И воробья полет игривый,
И лунный свет на дне ночном.
Полет снежинки мирной, чистой
Вмиг освежает память мне,
И тишиною серебристой
Ты, Боже, гладишь по спине.
Иду домой, а снег искрится
Под фонарями на пути;
Как жажду я воды напиться
Живой — и в Твой покой войти.
Ты знаешь все мои сомненья,
И боль не скрыта от Тебя,
Души трепещущей волненья
Останови, прошу, любя.
Зажги огнем сердца пустые,
Дай вспомнить первую любовь,
И побуждения святые
Воскреснут, расцветая вновь.
И слаще меда ликованье,
И краше радуги восторг,
Отрадней пира осознанье,
Что есть Любовь: Любовь есть Бог!

25 января 2013 г.

ВЕЧНАЯ СТРАНА

Там мы не будем тратить времени напрасно...
Души полет вновь обретет простор.
С Иисусом каждое мгновение прекрасно,
Рекой польется вечный разговор.
О том, как дорог нам любимый наш Спаситель,
Мы поспешим сказать у ног Христа;
За муки смертные, что претерпел Учитель,
Хвалу святую вознесут уста.
Своих друзей мы встретим и своих любимых,
С кем больше никогда не разлучат,
И чистых душ, доселе так легко ранимых,
Отныне не коснется ссоры чад.
Там, к удивлению, окажутся и люди,
Кого все почитали за плохих:

Всевышний Бог Любви Своих детей не судит,
Кто в покаянии закон Небес постиг.
А ты, мой друг, простил, как Бог тебя прощает?
Иль в ближнем недостатки повидней?
Твои грехи Своею кровью очищает
Господь на протяженьи многих дней.
Как кратки все же те бесценные мгновенья,
Когда мы можем миру показать
Любовь и свет Христа, Его долготерпенье
И узкий путь к спасенью указать.
Так пусть уже сейчас вершится Божья воля
В сердцах детей, измученных грехом,
И чтоб добром засеять испытаний поле,
Ты помоги не думать о плохом.
Мой друг, ты посмотри кругом — и жизнь увидишь,
Истерзанную ужасом греха:
Вот эту часть ее ты точно ненавидишь,
Но царство сатаны не на века.
Нам кажется порою: землю тьма объяла,
Как обвивает свою жертву змей,
Но на Царя царей надежда не увяла
У многих верных истине семей.
Любви, добра безмерно больше во Вселенной,
Уловим их, когда прищурим глаз:
Греховных удовольствий красотою тленной
Жестоко ослеплен ты был не раз.
Для нас с тобой готова вечная обитель,
Святая и чудесная страна,
Где Бог Отец и Сын единственный Правитель,
Там нет зимы, болезней, ночи, сна.
Ходить по золоту достойны чада света
И райских лилий аромат вдыхать;
На все вопросы жизни там найдем ответы,
Неизмерима Божья благодать.
Двенадцатижемчужный Град Бог Сам построил
И древо Жизни в центре насадил,
Сей новый дивный край чтоб тот народ освоил,
Кто небесам смиреньем угодил.
С других планет друзья нас поспешат поздравить:
Все жители не знавших грех миров.
Любовь Творца всего мы вместе будем славить
На протяжении бесчисленных веков...

31 января 2013 г.

СНЕЖИНКА

Говорят, невинны милые снежинки:
С неба прилетают, землю украшают;
На ресницах тают — и бегут росинки
По щекам несмело, душу утешая.
А буран заносит, белым одеялом
Накрывая щедро, русские просторы;
Спит земля родная, и в краю усталом
Колыбельной ветра рвутся разговоры.
Не до споров ныне: дома так уютно,
Но спешат минуты, убегая в вечность;
Заблестят у сына глазки перламутром,
Заискрит салютом детская беспечность.
Ты откроешь двери и запустишь танец,
И в квартире сразу станет веселее;
Далеко потери, на щеках румянец,
Победишь заразу — мысли посветлеют.
Огоньками тлеют угли той березы,
Что шумела раньше за моим оконцем;
Догорая греют, иссушая слезы,
Так умело — ярче золотится солнце.
Говорят, невинны милые снежинки.
С неба прилетают, землю украшают,
Но когда лавиной мелкие пушинки
Налетят — победа сильных устрашает.

4 февраля 2013 г.

Я ВСТАНУ РАНО

Я встану рано, в теплый лес уйду
И в предрассветный час среди берез
Шепну: «Спаситель, я тебя люблю»,—
Сдержать не в силах благодарных слез.
Роса на листьях безмятежных трав,
Переливаясь в солнечных лучах,
Несет Иисуса милосердный нрав,
Отображая нежного Отца.
Полынь смиренной пахнет тишиной,
Ласкает слух журчание ручья…
Читаю Слово Божье под сосной,
Не думая о жизни мелочах.
Как Ты прекрасен, вечный Царь царей,
Великий, всемогущий, верный Бог!
Создатель всей природы и людей,
Я без Тебя бы двигаться не мог.

17 ноября 2014 г.

ДВЕ РОЗЫ

Средь елей колыханий нежных,
Среди трепещущих берез
Шепталась пара белоснежных
Бутонов свежих майских роз.
Они цвели, они пылали
Пьянящей разум красотой
И всем прохожим посылали
Любовный аромат святой.
Шла мимо роз одна старушка
С поникшей головой седой:
Ее обидела подружка,—
И, удрученная бедой,
Склонилась низко над кустами,
Почуяв запах простоты,
Слегка дрожащими устами
Открыла Господу мечты.
И сердце миром озарилось
И всепрощением небес,
Лицо старушки изменилось…
И говорит: «Христос воскрес!»
Воскрес! И в этом нет сомненья —
Он жил, Он жив и будет жить.
В душе, исполненной смиренья,
Готовой ближнему служить,
Наград взамен не ожидая,—

Христос устроит новый сад.
Любовь кто даром излучает —
Весьма воистину богат!

12 апреля 2015 г.

О ГЛАВНОМ

Одежда — это просто тряпка,
А главная жемчужина — душа.
Без первой нам порою зябко,
А без второй, увы, нельзя дышать.
Мой друг, учись любить без платы,
Не ожидай взаимности взамен.
И помни: жизнь не для зарплаты,
А для спасительных чудесных перемен.

30 июня 2018 г.

Сергей МИРОНОВ

г. Калининград

Родился в г. Калининграде. Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского госуниверситета. Публикуется в литературных журналах и альманахах: «Нижний Новгород», «Волга» (Саратов), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Белая скала» (Симферополь), «Ротонда» (Киров), «Традиции и авангард», «Царицын» (Волгоград), «Родная Кубань» (Краснодар), «День и ночь» (Красноярск), «Отчий край» (Волгоград), «Литературные знакомства», «Новая Немига литературная» (Минск), «Образ» (Москва), «Литературный Кисловодск», «Рукопись» (Ростов-на-Дону). Финалист премии имени Фазиля Искандера. (2020, 2021, 2022 гг.). Лауреат всероссийской поэтической премии «От фонаря» (Тольятти, 2022 г.). Лауреат 7-й литературной премии им. Куприна (2020 г.).

****

В ашраме редкие дожди,
Сандал шипит под небом четким.
Ты не зови меня, не жди,
Покуда мантра не прочтется,
Покуда властный мастер ци
Меня на волю не отпустит,
И полноводная Янцзы
С полей не смоет пепел грусти.
Дожди не к ветру перемен,
Даст Бог, к большому урожаю.
Плывет корабль сквозь мутный тлен
По судоходному Китаю.
Разносит молча Шаолинь
Благие вести межсезонья
На край расколотой земли,
С утра зевающей спросонья.

****

На рубеже большой страны,
На полуострове балтийском,
Где зимним холодом волны
Песок омыт и где-то близко,
За перелеском, за холмом
Видны наброски госграницы,
И, отгоняя хмарь крылом,
Летят мятежным клином птицы,
И вслед за ними рвется мол,
В ущелье моря уходящий,
И ты пред морем чист и гол
Стоишь над буной, дышишь чаще,
А за тобой — гудящий лес,
И эти вечные вопросы,
В которых — тайна до небес,
И черных пятен мокнет россыпь.

****

Вечерний лед посыпан мелом
Едва заметного снежка.
Идет прохожий, между делом
Слагая оду башмакам.
Подошвы все еще ребристы,
Изъеден солью каучук.
Лежит впотьмах путь оптимиста
Через сплошное «не хочу».
Он ищет рифму слову «надо»,
Держась за сломанный забор.
Твердит под нос себе: «Не падать!»
Напастям всем наперекор,
Как изнуренный ванька-встанька
Петляя ищет вертикаль.
Каток блестит под белым тальком.
В ряду раскатанных зеркал
Он видит чье-то отраженье,
Рюкзак в расслабленной руке,
И с горки едет он, блаженный,
На плосковатом рюкзаке.

****

Коллаж из листьев облетевших.
Гербарий в рамке под стеклом.
Из разноцветов оскудевших
Слагаешь памятный альбом.
Сухие ирисы на кухне.
В ветвистых складках чернослив.
Не потемнеет, не пожухнет
Осенних дней императив.
Красиво спит и увядает
Гортензий ватных белый куст.
Катком ворчливым ветер давит
Асфальт, гуляет по песку.
Скрипят забытые качели.
Как в детстве, ловишь на лету
Тепла остатки, солнца трели
И желтых улиц немоту.

****

Как в школьной прописи наклон,
На грубой жизненной фактуре.
Под острым, колющим углом

Бьет дождь по сгорбленной фигуре.
Прошитый ливнем мезонин.
Петляя, видно, с перепоя,
Бредет по лужам гражданин,
Достигший кромки непокоя.
Идет качаясь, как звезда
На острой елочной макушке.
Вперед — назад, туда — сюда,
Из непонятной заварушки
На волю выполз, Божий свет
Узрел пытливыми глазами.
Вернулся в мир, а мира — нет,
И в жизнь запущен тяжкий камень.
Вот — зебра, блеклый переход.
Плывет, кренясь, на тот он берег.
Стоит трамвай, автобус ждет.
И он глазам своим не верит:
Застыл весь транспорт, весь поток
В шумящем городе навеки.
Притормози и ты, постой
У шаткой стати человека.

***

Скажи, что все еще случится.
Пусть в отдаленной стороне,
Как после шторма в море чистом,
Забрезжит в суетной волне
Блик разгоревшегося солнца,
Пусть в том неведомом краю
Поймешь случайно, что прольется
Хрустальный дождь в судьбу твою,
Промочит тонкую футболку,
Сбежит по вздрогнувшей щеке.
Ты, счастьем странным сбитый с толку,
С пригорка спустишься к реке,
И будет мир в каком-то смысле
Таким же ясным и простым,
Как солнца луч в небесной выси
Над побережьем золотым.

***

Набросок дня, сырой этюд.
Едва заметны очертанья
Затертых в ночь миниатюр
Под тонкой пленкой мирозданья.
Еще не лег густой мазок
На заштрихованное небо,
И твою руку не увлек
Вдоль черных туч ползущий невод.
Пока не ясно: да иль нет,
Спасет ли кисть сюжет бездомный,
Проводишь красками во сне
По территории укромной.

***

Цветы по осени мелькают
Безумным вздором мишуры,
Живут на дышащем вулкане
Под водопадом с мокрых крыш.
Такое праздное веселье —
Бал увлеченных лепестков,
Спонтанный танец, как в похмелье:
Без ориентиров, без оков.
Ловлю крупинки серпантина.
Бумажных листьев хоровод
Летит по парку птичьим клином —
Такой отчаянный полет.
Иду за роем разноцветным.
Богат приправами с небес
Промозглый день. Едва заметно
Бледнеют бархатцы окрест.

Елизавета БАРАНОВА (ВЕСИНА)

г. Тула

Родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает на кафедре ТулГУ «Информационная безопасность». Стихи пишет с детства. Написано около четырехсот стихотворений, венки сонетов и две поэмы. Изданы четыре книги. Пишет прозу, автор романа «Гармонические колебания». Публикуется в российских журналах и альманахах. Стихи переведены на польский и английский языки. Победитель различных конкурсов стихотворений. Наг-раждена литературными медалями. Член СПР. Член НЛА «Московский Парнас». Секретарь редакции журнала «Приокские зори». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ИЗ ЦИКЛА ДЕРЕВЕНСКИЕ СТИХИ

***

А мне она близка —
тропинка от порога —
какой-то простотой,
какой-то глубиной,
в ее следах — тоска,
в ее словах — тревога,
к ее плечу повой
прижал свою ладонь.
И легкая вина —
за что — секрет не ведом,
и ветреность,
и шарм,
и зрелость,
и задор,
и колокол вьюна,
окрасившийся небом,
звонил и приглашал
под купол — золотой.
Развеяться — сюда.
И затеряться — тоже.
И ягоду с луну
найти величиной.
Характер — есть судьба:

я на нее похожа
какой-то — не пойму —
загадочной чертой.

***
А скорость лечит.
Скорость лечит,
стирая все вокруг бесследно.
И, как зашедшийся кузнечик,
стрекочет цепь велосипеда.
Об угловатые коленца травы
мой локоть поцарапан.
И берег речки, наконец-то,
свободен и доступен цаплям.
И прокаленная дорога.
И голубого неба осыпь.
И бесконечно дорог — дорог! —
момент, пока еще не осень.
И месяц — тонкая ресничка,
что сдул с твоей ладони ветер…
Колеса крутятся ритмично:
вы верьте, верьте, верьте, верьте…
Простор. Дорога столбовая.
Путь в никуда — путь не последний…
Летят в лицо, с пути сбивая,
стрекозы, бабочки и слепни.
И — поворот. На повороте
столба забытый Богом циркуль…
…А впереди — Синь-камень, вроде,—
блестит подобно антрациту.

***
Мне колесами мерить не лень
и шагами степное засилье.
Я по взглядам твоих деревень
изучаю тебя, Россия.
По названиям речек твоих,
и по прозвищам мест и местечек
я хочу допонять: за троих,
что ли, путь твой бедой искалечен?
И по этим — святым — именам —
на крестах и на каменных плитах —
догадаться хочу: что отдам
за помин в монастырских молитвах?
По тому, как удобно сидеть,—
по тому, как трясется попутка,
я читаю о каждой судьбе —
не судьбе населенного пункта.
…Как трава, так одна одолень,
как скиталец, так сразу мессия.
Под развалинами деревень
ты жива ли еще, Россия?..
Я по дымному стону в трубе,
я по вздоху лесного массива
понимаю, как горько тебе,
как несладко тебе, Россия.
Затерялась вдали Черногрязь,
и расшибленная Бог-малина
то ли спит, от грехов открестясь,
то ли эти грехи отмолила.

Примечание:

В одной из уже несуществующих деревень Тульской области так были названы народом приметные места:

Черногрязь — часть поля, где никогда не просыхал чернозем;

Бог-малина — дорога, по которой провожали местных жителей в последний путь.

***
Взошла заря. Забило из углов
небесных кузниц искрами металла.
И зароптал опять болиголов.
И сон-трава опять затолковала.
…Пустив свою судьбу на самотек,
переболеть не страшно расставаньем,
но страшно в ночь идти, где сам Сварог,
передыхая, дышит разнотравьем.
И снова в небе — тепленький — вот-вот —
блестящий, новый выкуется серпик.
…Не все полынь духмяная поймет,
но все, что ей повыведаешь — стерпит.
А где-то там: тук-тук, тук-тук, тук-тук, —
и молот бьет, и бьется молоточек,—
куются судьбы, как железный прут,
и зверь-комар свой нос о камень точит.
И выйдет в поле снова нехворошь,
и языком разрыв-трава прищелкнет.
…Не ты ли сам свою судьбу куешь,
пока Сварог кует звезд шестеренки?..
Заря. Заря… И контуры дорог,
и свето-звуки — все перемешалось.
…Твоя судьба — забава или рок,
поступок, месть, задумка или шалость?..

***
…Нечаянно под берцем
упругий хрупнет груздь,
и вдруг прольется в сердце
березовая грусть,
рябиновая чаша
перевернется вдруг
и выплеснет горчащий,
слегка хмелящий дух.
…И пусть овраги сыры,
низины пусть темны,—
душист кусочек сыра
отломленной луны.
А грусть — она — не то что
тяжелый камень — нет,—
последняя морошка,
ее таежный след,
вороний рок, наверно,—
поди в нем — разберись,
и поздняя вербена,
и дикий барбарис.
И сложный путь — поддастся,
и хлебец — в рюкзаке.
И вертится побаска
ужом на языке.
Не то, чтоб очень больно,
но крикнуть — в самый раз…

И полон клюв вороний,
и сыт вороний глаз.

***

Кукушке велено молчать —
молчанье свято.
Тебе, Красивая Меча,
был хан сосватан?
Простому смертному отдашь
чудесней марев,
блестящий огненный палаш —
Мамаев?..
…Здесь быть уступчивым врагу
и ждать отмщенья,
пока не сыщется в стогу
игла Кощея.
И не соперничать, пока,
как родниками,
не вспоит Красная река
огнем конь-камень.
Пока не встанет древний род
в огне — открытом…
…И вот — конь-камень землю рвет
и бьет копытом.
И вот — восстал народ —
свиреп,
и только рыскнет
в лес золотой небесный серп —
ордынский...
…Здесь не дано кукушке счет
вести умершим.
И по усам не мед течет,
а кровь у леших.
Здесь до сих пор молчьмя молчат
кукушек гнезда.
И блеск Мамаева меча
сильней, чем звездный.

Примечание:

После разгрома ордынского войска в ходе Куликовской битвы, убегая с поля брани, хан Мамай уронил в реку свой украшенный драгоценными камнями меч, что и дало название реке — Красивая меча; многие татаро-монгольские воины утонули в этой реке, а те, кто добрались до берега,— от страха застыли в камне. Окрестности этой реки и сегодня на многие километры усеяны камнями. Погибли и окаменели и местные жители, гнавшие врага с русской земли. Конь-камень на берегу Красной реки (второе название реки Красивая меча) по сей день символизирует силу духа русского народа.

Так гласит легенда.

***

…Теми местами — не переболеть,
никогда не сделаться равнодушной
к синеве степей, что премного лет
припадает к небу мышиным ушком.
И вкусна, и пряна, и звездна ночь —
испеклась, покрылась душистым мраком,—
чуть ее надломишь — она, точь-в-точь,
как булочка с маком…
...Целоваться ты научила нас,
роковая степь — ни конца, ни края,
приходить под утро, и лунки глаз
чтобы как герань цвели — луговая.
И любить, и быть научила той,
что не станет к прошлому безразличной.
…И казалась издали не сосной,
не сосенкой даже сосна, а спичкой…
По ночам гулять до тех пор, пока
с высоты планет на покатый шифер
не уронит Бога ли, нет, рука
золотой луны перезревший штрифель.
…А давай, мы плюнем на все, возьмем,
убежим туда, где рассвет недавен,
где глазурью выплеснут чернозем
на степные дали,
молодые травы где хоть горьки,
но не так и сильно, где степи схожи
с вековым преданьем угрюм-реки.
Да и с небом — тоже.

Примечание:

Мышиное ушко — так, в простонародье, называют цветок незабудки.

***

«Только травинка срастется с небом,
только луна с долиной сроднится,
время подходит прощаться с летом»,—
плачет старой телеги ступица…
…Грозы замолкли. Сохнут колодцы:
не позавидуй полым их судьбам…
…Скоро, ой, скоро сбросить придется
кроны-рога деревьям-изюбрям.
В этом весь август: не торопиться,
встать, замереть и застыть — почти что.
Лес вдалеке — оседлая птица —
перышки хочет себе почистить.
Полнятся всякой снедью повозки:
выселки — точно прилавки базара.
…Бога рука кукушкины слезки
вдоль потайных дорог разбросала…
И… загорится пламенем — алым —
куст запоздалый — куст бальзамина,
и засверкают, будто кристаллы,
звезды над полем с хлебом озимым,
и напитается горьким светом —
светом осенним — в роще скрипица,
если травинка срастется с небом,
если луна с долиной сроднится…

***

Падают звонкие ласточки с крыш,
делают в воздухе мертвые петли, —
тонким хвостом изворотливо — ишь —
как вертят!
…А на веревках цветное белье:
призраком, духом вздымается простынь.
Дом — покосившийся — век не белен
под осень…
Признаки жизни: дорога, столбы
и провода, где рядком порасселись

птицы, что выправят струны судьбы
в свирели;
где — а не важно: у моря ли, тут —
в самой глубинке, заведомо русской,
ласточки нет-нет и снова мелькнут.
Ласточки! — капли — небесные — грусти.
…Только наводит неведомый страх
осени долго горящая спичка.
Где ты зимуешь, в которых местах,
ласточка — пигалица, невеличка?
Только посеян зарей под окно
лунной чесночины меленький зубчик…
Дом, на одно опираясь крыло,
голосом ласточки вечер озвучит:
это похожее, очень, «ви-вит»
только ли каждому здесь поселенцу,
мне и земле, пресвятой от молитв, по сердцу?..

Владимир ПОРЯДОЧНОВ

г. Щекино Тульской области

Родился в 1955 г. в г. Щекино Тульской обл. В 1979 г. успешно окончил ТПИ (ныне ТулГУ) и работал в КБ Приборостроения с 1978 по 1991. Литературным творчеством занялся уже в зрелые годы. В 2018 и 2019 гг. стал номинантом ряда российских литературных премий и конкурса «Георгиевская лента». Участвовал со своими стихами в Антологии русской поэзии 2020 и 2021гг. от РСП. Награжден медалью В. Маяковского и медалью «Афанасий Фет 200 лет». Библиография насчитывает семь книг, из них собственные три книги стихов. Наш постоянный автор.

АРХАНГЕЛУ МИХАИЛУ АРХИСТРАТИГУ

Прольется дождь и с ним слова молитвы
в вечерней службе в сводах прозвучат.
Святая песнь и вера светлой битвы
от всех грехов нас в храме отлучат.
Последний луч от запада сольется
с огнем лампад пред образом на миг,
и мысль благая на сердце прольется;
в доспехах Михаил Архистратиг!
Небесный Воин, светлый Предводитель,
защитник в православии солдат,
он, как Христос — наш главный Покровитель,
ему с душой помолимся стократ.
Души моей невидимый хранитель,
Небесный Воин, охрани от бед.
Перед тобой вся воинства обитель,
способствуй в достижении побед!

20 февраля 2022г.

ПО ПРИКАЗУ

«Горит и кружится планета…»
К/ф «Белорусский вокзал»

Нас по приказу в строй подняли,
и от казармы марш-бросок!
Мы аппарели занимали,
заря не красила восток…
Во чреве транспортника тусклый
свет ламп чуть тлел под потолком,
приказ заслушали мы устный:
на Украину — прямиком.
Наш борт среди других на курсе,
рассвет остался позади.
Мы далеки от страха, грусти,
и с неба в бой уже летим…
России, Родины любимой,
присяге верные сыны,
достойны памяти хранимой,
мы внуки той, святой войны.
Наш комполка немногословен,
его в бою не подведем,
«нац» не уйдет, его «уволим»,
всю Украину мы пройдем.
Очистим степи и Днепровье
от всех бандеровцев страны.
А дальше будет Приднестровье,
где Лебедя шаги видны.
Пусть знают натовцы и гринго,
что для России нет преград.
Они наложат в свои стринги,
как было много лет назад.

26 февраля 2022г.

ВНОВЬ АЛЛИГАТОР ЗАВИС

Вновь «Аллигатор» завис над землею
и поддержал нас в бою.
«Третий» по рации: братья, прикрою,
видите трассу мою…
Гусям* и «наци» не будет покоя,
русские духом сильны.
«Мстой» и «Рапирой» всех выбьем из строя:
укров окопы видны.
Вижу в прицеле блекитну** колонну,
НУРСы пускаю на цель,
Борт мой воюет от тихого Дона,
в воздухе вновь карусель.
Помним наказ твой: «Работайте, братья!»,
Родину не подведем.
Все сине-желтые флаги снимайте,
свору фашистов добьем!
* Гуси — международное прозвище наемников;
** Блекитна — (голубая) намек на цвет флага Украины;
Мста, Рапира, Аллигатор — образцы военной техники МО РФ.

9 марта 2022г.

СВЯЩЕННЫЙ БОЙ

Минором возраста во мне
сребрит виски и мысли осень,
а в безутешной тишине
светла весны пришедшей просинь.
В степных краях идет война,
слышны от взрывов отголоски.
России святость в ней дана
от Мариуполя до Шостки.
Не сохнут слезы на глазах,
горят разбитые кварталы,
взлетают души к небесам,
виной — нацистские вандалы.
Все поднялись в священный бой:
как это было под Полтавой,
великой Русь была страной,
а станет с нами величавой.
Уйдут в былое дни беды,
с дворов перенесут могилы,
и в обелисках той войны
восславят память Русской Силы.

8 апреля 2022г.

О ДОНБАССЕ И ВОЙНЕ

Как долго могут продолжаться
расстрелы женщин и детей?
Снаряды продолжают рваться
в Донбассе на исходе дней
из пушек укро-главарей.
Опять прилеты и разрывы,
мир раскололся на куски.
Храни, Господь, останьтесь живы,
страданья ваши нам близки,
бойцы в ответ ведут броски.
Враг оголтелый и надменный,
безбожен в ярости своей.
В нем лик фашизма современный,
воюет с Родиной моей;
Луганск ждет помощи скорей.
Но будет враг разбит, повержен,
героев впишут имена;
сегодня мир весь растревожен,
грядут иные времена:
идет священная война!

Санкт-Петербург, 13 июля 2022 г.

БОЙЦЫ РОССИИ

Седое небо с облаками,
промозгла осень на ветрах.
В окопах говор меж бойцами,
а где-то притаился враг.
Идет нелегкая работа,—
мужской тяжелый ратный труд.
Мы для кого-то — лишь пехота,
тельняшки нас не подведут!

Десант: он был и вечно будет!
Мы в бой бросаемся с небес
под грохот полевых орудий,
наш русский Марс в бою воскрес!
Вновь с нами главный победитель,—
Святой Георгий на коне,
с копьем, он — символ, покоритель
на этой праведной войне.
Во имя мира и свободы
вручила Родина наказ,
чтоб жили на Руси народы,
и время выбрало всех нас!
Для нас Виктория с Отвагой,
как компас на пути Побед.
С победоносным русским флагом
бойцов России лучше нет!

4 октября 2022 г.

Аркадий ПОЛЬШИН

г. Лебедянь Липецкой области

Член Союза писателей России с 1995 г., действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург) и Академии литературной документалистики (г. Москва). Автор поэтических сборников: «Где-то там, за грозой» (1993), «Воля» (1996), «Берег» (2015), «Дом у берез» (2018) и «Граница» (2022). Опубликовал шесть поэм: «Воля», «Настоящие волки», «Вечное Поле», «Князь Федор», «Монах», «Купец». На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» (г. Данков).

ИНОПЛАНЕТЯНЕ
(сказка-быль)

Улыбка есть нормальное состояние
нормального человека
Е. И. Замятин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Как ни зайдешь — заседают:
Скрипят ремни, бакенбарды.
И хата моя не с краю,
Хотя живу без кокарды…
Одни — молчат аки рыбы!
Другие как аркебузы!..
У барабана — барыбы,
Замятина лаперузы.
Им бы ковры-звездолеты,
Хоттабыча у портрета!..
Был бы донос эхолота
Да секретарша-комета.
Хотят взлететь, но не могут:
Храбрости нет аль пилота?!

Ему не вытащить ногу
Из мать честного болота.
Уж плачут в носках мозоли,
И фляжку лакает вечность,
Как бы на этом престоле
Не оставить конечность.
Чуть зазеваешься — быстро —
(По самые не балуйся!)
Оттяпают «фигуристы»
Летчику верные брусья.
Был он надысь суперменом
И в праздники волейболил!
Скоро классический пленум
Распишет новые роли.
Вышел игрок из тени
(Таежником, неуклюже) —
Поклонник марксистских чтений,
С талантом дядюшки Скруджа…
Оттуда… из ниоткуда,
Из тех колчаковских шлюзов,
Прибился к нам сей Малюта…
А думали все — Кутузов!
Денек завернул за угол,
Вспотели чулки, рубашки…
И вот конкретное слово
Заслуженной чурюпашки.
Доложит та недотрога
Буквально так — бестолково,
Что видела в полвторого
Инопланетян у Данкова…
И там же… был Змей Горыныч
И Баба-яга в подлодке.
В Ольховском лесу смотрины —
Пляшут тамбовские волки.
Не те… в лапотках, в тельняшках,
А кренделя-фармазоны!!!
…Поведала чурюпашка,
Продолжили граммофоны…
На площади идол новый,
Как «Интеграл» под парами,
Инопланетный целковый
С кромешными карманáми.
В левом — волчар манатки,
В правом — нагана рыло,
За пазухой — две свинчатки:
Врангель и Клим Ворошилов.
Клим — не горит и не тонет!
Он в сквере стоял Мамаем!
Нынче в Казанской иконе —
С бароном и Николаем.
За ним мужики с Тамбова
И Сталинграда комбаты:
Здесь церковь была Христова.
И кирпичи. И гранаты...
Теперь… и Певец, и сцена,
И куча истовых клерков.
Завтра… в лучах супермена,
Земляне, поставьте церковь!
И все тамбовские волки
Вдруг станут, как в нивах козы.
Довольно с нас барахолки,
Инопланетной занозы…
Пора… и белым, и красным
Закрыть чужую вендетту.
Когда затупятся лясы,
Олег презентует флейту!
Однако еще не вечер
Менять граммофон на флейту.
Все так же считает диспетчер —
140 по Фаренгейту.
А флейта… она такая —
Душа навзрыд, как в баяне!
Расходятся, чуть икая,
Гофмаршалы-марсиане.
Икают они не с пива
(Фигуры и «фигуристы») —
Сглазят любого комдива
Веселые куплетисты.
Солист а-ля Паваротти,
Никола Б.сков в кантате…
Не ровня ему Мавроди
И Бендер в персидском халате!
Отложен старт и фанфары —
С погодой не подфартило!
Кругом мелькают скафандры
Инда нечистая сила.
Солнцем искрят методички,
Кусая всех без разбору —
Это из кадров певички
Полезные командору.
Ведь кадры решают все —
Сознанье и бытие!
……
А те, которые в непрухе
Всю эту контру тянут к долу,
Все так же против показухи,
Все так же преданы Престолу.
Сидят в сторонке могикане
И слова нынче не имеют.
Вещают инопланетяне
Сладкоголосую емелю…
Могикан к эшафоту:
«Не готовы к полету!»

P.S. Гермошлемы и скафандры,
Чурюпахи и Касандры,
И Улыба шесть на то же:
«Отжимайся, кто как может!»
А папахи, а папахи —
Могикане те на плахи.
А кого не повязали —
Авторучками в педали…
…Но земляне крутят с пота
Те скрижали из болота!

05.03.22

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Солист ушел! Солист остался!
Антоновка отнюдь не репа…
Нет смены курса или галса —
Все те же фокусы и кепа.
Висит улыба в коридорах
(Но не замятинские ноты!).

Все та же поступь командора —
Ботфорты или луноходы.
Опять в полет зовет маэстро,
Но без тромбона и без флейты.
Все те же трауры оркестра
У той растрепанной ракеты.
Контракт подчищен, но карета
Буксует, словно экскаватор.
Предтеча Млечного кювета —
Замятинский эвакуатор.
Ему взлететь сегодня сложно —
Есть перегруз и недостача.
Мотор украден, если можно —
Найдите зебру или клячу.
Сойдет та кляча из отчета,
И чурюпаха из балласта.
Счастливого, друзья, полета
На кочерге из пенопласта.
Вы чурюпаху не корите —
Она из плакальщиц, вестимо.
Кто вас помянет на орбите,
Когда обрушится Цусима?!
Но кто же слямзил пульт от сказки
(Мотор ракетный — не иголка)?
Солист отводит карабаски,
Бежит куда-то — Барахолка!
Ответ держать ему не в радость:
Утеряны и стыд, и совесть.
Несет очередную гадость
Его застенчивая подпись.
И он ее не ставит всуе,
Он бережет ее, как память.
Подельник в кожурях кукует
С мажорами из Instagrama.
Мабудь, откинется, болезный,
И вот тогда мы точно сможем
Взлететь куда-то, но от бездны
Не оторвемся с этой ношей.
Опять же идол на загривке
Привязан турбулентным скотчем.
Мешает он отважной сивке
Подпрыгнуть до небес, а впрочем…
Надысь нам обещала Птичка,
Что будет рай аэродромный:
Дороги будут как яичко,
Ковчег невестам… невесомый.
И что Мы видим в оконцовке:
Сарай все тот же над брегами,
Старух скорбящих в остановке,
Уже как будто с нумерами…
«Быть аль не быть?» — вопрос межзвездный:
В миры иные торим кеды!
Всех лишних вон, вон фа-диезы,
Пора навешивать торпеды.
Балласт тяжел, балласт проплачен —
ВИП-телефоны и г.ндоны…
А где же книги? Ведь иначе
Не будет подлинной Горгоны.
В сей «Интеграл» мы грузим что-то:
Водяра, клерки и дукаты,
Потом… солисты из фокстрота,
А Мы — ольховские комбаты —
Мы строим церковь у болота.
Пока в душе, пока в тальянках,
На этих брошенных «загранках».
…И могикане видят планы:
Те чурюпахи и кальяны
В иллюминаторах, как в банках.
Пущай летит залунный киборг —
В мир интегралов и пробирок…
А под сидушками в доставке
Спят нумерные томагавки!
…Аборигенам вместо бирок.
……
А земляне, а земляне
В фа-диезах и «Матане»
Провожают астронавтов —
Забубенных аргонавтов…

01.04. 2022

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Проснувшись утром, вот те раз:
На мостике такая глыба!!!
Кричат лунатики: «Атас!»
И в трюме прячется Барыба.
Полет отложен!.. Из-под лавки
Свистят тупые томагавки,
Свистят они не в древесину —
В харизматическую спину…
Есть доморощенный экстаз:
Сливают крыс в молоковозы,
И самый мудрый Карабас
От чурюпахи прячет розы.
А «золотой» Карабасренок,
Едва восставши из пеленок,
То молоко лакает слету
За эту лунную свободу…
С него кошак заматерел
И, возмужав на витамине,
Отъехал в царственный удел
На кучерявом ковролине…
От неги той коржавят фары,
От сказки той дрожат шкелеты,
Когда молочные котяры
Осеменяют табуреты.
И не графья они, увы,
Все те же чада пятилеток:
Наелись свеклы и халвы,
И атлетических таблеток…
Все слаще время трубадуров,
Все глуше бремя перекуров…
Вам, Троекуров, вместо сабли —
Зубодробительные грабли.
Гребите все из-под себя:
Апорт, Пепин и Беркутовку,
Но лишь Антоновку, скорбя,
Не запрягайте, как морковку.
Пущай спокойно догнивает
В том зелебреговом сарае.
А вместо сцены, словно флаги,
Христорождественские маки!
Пришел на мостик не слабак,

А капитан того состава:
Оттуда Петр, который в бак
Швырял и Питер, и Полтаву.
Теперь здесь разговор короткий —
Воспряли флейтовые нотки:
Меняют йогурт на Барыбу,
Ломают вешалку и лыбу…
А «Интеграл», а «Интеграл»?
Куда девать седого змея?
Пущай летит, но тот аврал
Пустая, стало быть, затея.
Отремонтируем ракету
На зависть остальному свету!
И церковь выстроим когда-то
Для неизвестного солдата!
Откроем шлюзы, смоем крыс,
И капитан сойдет на берег!
Здесь наш обетованный мыс,
Среди взъерошенных скамеек.
Антоновку жуем, мечтаем,
Что будет с нашим караваем?
А барахолку с потрохами
(Над русокудрыми брегами!)
Закроем спелыми сердцами.

15.04. 2022

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Прошел апрель, и май созрел!
Дорога, как яйцо, чарует,
А кирпичи сдаются в плен
Избушке свежих поцелуев.
Все как-то пляшет и блестит,
И за пиитом прет пиит.
Вишневый воздух под горой,
Церквушка и сирени дыбы…
Здесь не ведут на водопой
Коней ядреные барыбы.
Машины жгают, словно лыжи…
(Матильда в маленьком Париже)
Град заискрился! Капитан
Прочистил шлюзы и барьеры:
На кожурях цветет каштан,
Не вдруг хорошие манеры.
А на планерках у комбата
Не слышно розового мата.
Все так, все хорошо! Халва!
Но есть загвоздочка, ребята:
У чурюпахи тетива
Работает в два автомата.
Вновь в шоколаде Лепота,
У мореходов в полборта.
Ужель он третий?! Он — компáс!!!
Двоих проплакала полундра...
Культуры задубел баркас,
И сцена посреди, как тундра.
Сарай над горкой, словно шпик,
Вас закудыкает в тупик.
Талант, однако, или как?
Или соседняя планета?
Был «Интеграл», и был бардак,
И фа-диезов оперетта.
Быть может, хватанула пава
Инопланетную халяву?
А если это волшебство?
Был петушок — трубач на спице?!
Не чурюпаха здесь… тово,
А Шамаханская царица.
У адмирала ест с ножа
Береговая паранджа.
Боится моря и Луны,
Боится чаек одноглазых.
От убедительной волны
Скрывается, как от проказы.
Она — действительный маркиз
Средь верных сухопутных крыс.
Где ж могикане нынче бдят?
На кранцах, в парусах колючих!..
Их заградительный отряд
Шагает в разовых онучах:
Разут, раздет тот богатырь,
Над темечком полтыщ секир.
Секир полно — башка одна,
А правда в книгах облысевших
Или на дне у стакана:
Апачи, инки, кто из здешних.
Ольховский топает отряд,
В строю есть Бéндера халат.
Остап хорош, и он из тех —
Противника оставит с носом
Иль сбагрит желтоглазый снег
В калым канадским эскимосам.
Шагает верный вертопрах
Вдоль бедер шустрых чурюпах.
Теперь их много — легион!
Они же… мутные культ…торги,
Которые культоргов в Дон
Желают оттащить за ноги.
…И по течению пустить
Всю эту чеховскую прыть.
И Бунина туда, и всех —
Замятиных и прочих в кедах.
И этот стих послать в набег
На неподкованных мопедах.
Послать туда… откуда нет
Назад дороги: на тот свет!
Сей ямб синкопа трубачам,
А той царице гиря нервов.
Спою и пятую друзьям,
Коль вместо сцены встанет церковь!
На сон грядущий, как баян,
Читаем «Инопланетян».
Кому-то снится «Интеграл»,
Кому — «Уездное» в тумане,
Иным — елецкий краснотал,
Илларион из Лебедяни.
Тебе — средь яблочных квартир
Его нарядный монастырь
На Троекуровской моряне…
На той моряне — капитан!
На той моряне — могикане!
А чурюпаха за туман
Умчалась на катамаране.

Умчал ее за моря дым
Барыба именем Анфим…
Опять же молодцы идут
Из вод, сверкая шеломами.
Все это сон, а в жизни — Брут
Найдется в каждом окияне.
И новый Цезарь упадет,
Среди взъерошенных когорт.
Его здесь сразу подгребут
И в гроб честной без поцелуев…
На каждом пятаке «Уют»
Тех ритуальных обалдуев.
Посля… пивная на пивной
И экономный мордобой.
Погодь, так было не всегда:
Пыхтел оркестр, и Пушкин в бане,
В Москву сновали поезда,
И был футбол на горполяне.
В футболе тоже капитан
Из быстроногих могикан.
Но как тогда, так сейчас
Церквушки той украли место.
Кто это сделал: Fantomas
Или низложенный маэстро?..
Ее, под плач городовых,
Снесли в конце сороковых.
Настало время закруглять
Душещипательную тему.
Друзья, поставьте с плюсом пять
За эту славную поэму.
Туда, за солнечный экран,
Летит, летит… мой «Интеграл»!

(Продолжение следует)

София МАКСИМЫЧЕВА

г. Ярославль

София Максимычева (1964) родилась и живет в Ярославле. В детстве опубликовала рассказ в журнале «Юный натуралист». Училась в техническом вузе. Работала на радио, в государственных и медицинских учреждениях. Печаталась в жур-налах: «День и ночь», «Нижний Новгород», «Эмигрантская лира», «Дальний Восток», «Казань», «Журнал ПОэтов», «Южная звезда», «Приокские зори», «Бельские просторы», «Ренессанс» (Киев), «Менестрель», «Новый Свет» (Торонто), «Кре-щатик», «Дон» и др. Дипломант литературного конкурса им. М. М. Пришвина «Хранители При-роды». Шорт-лист всероссийского литературного конкурса к 200-летию И. С. Тургенева «Родине по-клонитесь». Финалист международного поэти-ческого конкурса «Эмигрантская лира 2018 г.» и многих других. Автор четырёх поэтических книг. Постоянный автор нашего альманаха.

ВСЕ

Все достаточно просто и сложно:
чередует природа дожди,
перепутано явное с ложью
там, где медленный холод бродил.
Осень — это хвороба и скука, и церковный молебен смертям;
все — пустое,
и не убаюкать птиц прильнувших к озябшим ветвям.
Разуверившись, стать выше ростом, запахнув на бегу макинтош,
что тебе мелководье, апостол,
не унявший осеннюю дрожь,
если тенью становится город на суровом осколке земли?
Горлопанит святоша,
прооран девяностый псалом,
отболит
несуразное время и зимы.
Там, где воздух прозрачен и чист, отдается душа
за судимых;
за акафистом слышится свист...
Это ветер срывает последний увядающий голос листвы,
где всего лишь один исповедник для живущих
во имя любви!
Ну а нам: одиноким и лишним — только ливней немое кино —
упомянут продрогших,
опишут
и отпустят камнями на дно.

ПОЛУСТАНКИ

Из полустанков — помнится свое,
серебряная пряжка и кокарда,
где лихорадка, словно воронье,
клюет подол цветистого жаккарда.
Над Левашово темная вода,
подводы под фонтаном намокают,
осеннюю погоду оправдать
себе дороже. Жила золотая —
вокзальная сумятица и гул
общины среднерусского раздолья,
обходчик в одночасье развернул
железный круп и вбил поглубже колья.
Вдоль сумрачных распутиц фонари
стоят и, рот раскрыв от удивленья,
глазеют, как один перрон царит,
а по второму двигаются тени.

ПАШНЯ

Тетрадное поле белеет на пашне,
я слушаю то, что дается с небес;
хоть свет растекается словом вчерашним,
во мне возникает к нему интерес.
Так, словно становится важной основой,
властителей прежних пьянящая суть;

и речь обновляется кровью пунцовой,
во мне продолжая пророческий путь.
Но я умолкаю, боясь потревожить,
звучание слов, что идет вразнобой...
И пыль золоченая — облако крошек
стоит над усталой моей головой.

ЭЛЕГИЯ

Все слишком просто. Перейдя на ты,
сжимается на время оболочка.
Нагие ветви ощущают стыд;
полураздетой осени цепочка
причин и следствий тянется извне,
подверженность причудам их вторична.
Озноб природы чувствуешь вдвойне,
ещё немного — и мороз-опричник
живое приберет к своим рукам,
ну, а пока здесь осень полноправна.
Тропинка делит луг напополам
движением бедра с ленцой и плавным.
Кипрей толику рвется ухватить
последнего тепла, благочестива
обыденность. Рассеянная сныть
позирует пред зорким объективом
небесной глади, киноварь ярка,
лишь изредка с востока тянет хмарью.
Прохладна и медлительна река,
молящаяся на иван-да-марью.
По берегам разбросаны дома
в преддверии осерженного срока,
где свет по мерке сиротлив и мал,
а дверь скрипит на петлях одиноко.

Дина ЮДИНА

г. Тула

Дина Юдина родилась в г. Щекино Тульской обл. В ТулГУ получила высшее юридическое образование. Произведения опубликованы в ряде сборников и альманахов г. Тулы и Москвы. Автор двух сборников стихотворений «Рифмы повседневности» (2019 г.) и «Рифмы путешественника» (2021 г.). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЛЮБИМОМУ

Проснуться вместе с тобой под утро:
Улыбка, кофе и детский смех.
В тебя влюблюсь ежеминутно
И берегу тебя от всех!
Проходит день у двоих в заботах.
А как иначе? Таков наш век…
Но сколько ни было бы работы,
Со мною близкий мой человек.
А вечер спустится незаметно —
Заварим чай и поговорим
О планах или о чем конкретном,
И ты почувствуешь, что любим.

***
Спасибо, Боженька, за дочь.
В народе говорят,
что девочка — награда, сын — защита,
гнездо мое совсем не мною свито,
но птицей я запущена в него,
в свои тридцать один
не сделав ничего
на Новый год в ту ночь.
Держу в руках,
и километры дней
заматываются в пленку фирмы Кодак,
все мысли, все нутро о ней,
вручают мне кричащую с порога,
и я сама кричу — ну где подмога? —
В свои тридцать один,
не сделав ничего,
я тоже на руках
у Бога.

РОДИТЕЛЯМ

Он рос среди книг,
А она средь черешен,
Цветущих лишь миг,
Потому и безгрешных.
Татарской улыбкой
От сна пробужден.
И нет в том ошибки,
Он снова влюблен!
От русских скорбей
Восточная щедрость
Спасает сильней,
Чем сна безмятежность.
Она же любя
Извелась, в струнку сжалась,
Ругая себя,
Судьбе отдавалась.
Просила с Небес
Ей послать разрешенье —
Березовый лес
Весь застыл в напряженьи.
И рухнул запрет —
Небесами дозволено!
И нет больше, нет
Двух сердец обездоленных!
И в русской душе,
И в татарском почтении
Есть рай в шалаше
И есть ад в разделении.

ПАПА

Папа для дочери значит многое:
То, что идет она верной дорогою,
То, что себя уважает и ценит,
Что идеалам своим не изменит —

Все драгоценная папина школа.
Жизнь без претензии и без «футбола».
По вечерам разговоры за чаем,
Ценное редкостью слово «скучаю».
И для меня папа многое значит!
Любим сидеть у костра с ним на даче,
Любим одни передачи и книги,
Души у нас — это храм всех религий.
В детстве он был целым миром для дочки,
Пусть в благодарность звучат эти строчки.
Мир изменился. Но к папе по-прежнему
Лучшие чувства и самые нежные.

БАБУШКА С ДЕДОМ ВЗЯЛИ АЛЬБОМ

Бабушка с дедом взяли альбом:
Руки в морщинах коснулись
Лиц, силуэтов людей целиком —
В прошлое вновь окунулись.
Дождь за окном, вдали их семья,
Взрослыми стали детишки…
Греется возле «фото-огня»
Старость без слов и без вспышки.
Внук им подарит свой телефон,
Фотки пришлет по Вотсаппу.
Вдруг позабудут старый альбом,
Жизнь станет новым богата!
Женится внук, и дочку родят —
Руки в морщинах коснутся
Клавиш экрана. Дальше глядят…
И от души посмеются!

ПОМИНАЛЬНЫЕ СТИХИ

Нотные гаммы —
Василий и Анна,
Слышатся тихо —
Наталья и Тихон,
Сердце стучит —
Шафигулла и Саит,
Руки немеют —
Иван, Пелагея,
Согреться скорей —
Мариам, Салимгарей,
Смерть позвала —
Гарифулла, Габдулла,
Звуки быстрее —
Дмитрий с Андреем,
Молчание раскрасят
Мария, Герасим,
Жизнь — полоса
Бедерниса

МАМЕ ЛИДЕ

На лицо спадала челка,
И глядели на меня
С фотографии так долго
Карих глазок два огня.
Оттого ли, что так жарко
Жизни жег тебя костер,
Ты мороженное в парке
Так любила в зимний флер?
Чуть заметная улыбка
Задрожала на губах,
В тишине услышу зыбкой:
«Как там домик в Барсуках?
Я его люблю и помню...
И в декабрьский мороз
Вспоминайте, только скромно,
Вы меня букетом роз...»

В ЗНАКОМОЕ КАФЕ СО МНОЙ НЫРЯЙ

В знакомое кафе со мной ныряй.
Заказывая поке с чашкой чая,
Шути, рассказывай, предполагай,
Я все в тебе сегодня замечаю.
Проектор на стене — про Гэтсби фильм.
Несчастная любовь осталась в прошлом.
С тех пор я прошагала сотни миль,
Где памяти склады и снов пригоршни.
И выходи со мной, и рви сирень,
Ищи особенный цветок, чтоб стать счастливым.
Пусть фото в телефоне в этот день
Напоминает обо всем любимом.
Воюют люди — мира на земле
Не будет никогда. И не бывало.
Энергия бывает на нуле,
Сегодня и моей чуть-чуть не стало.
Но ты ворвался, ты продумал все:
Меня ты знаешь лучше Бога с чертом!
Я не сопротивляюсь, нас несет
Под тучей в небе страшно распростертой!
Пусть крутит нас в водовороте дней,
Я не боюсь пропасть в нем и забыться.
Мне жизнь дороже, чем она сложней.
И тем еще, что можно так влюбиться.

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алексин Тульской области

Тараканов Василий Васильевич — коренной житель г. Алексина 1959 г. рождения. Образование среднее техническое и среднее юридическое. В настоящее время пенсионер. Поэт и прозаик. Автор многочисленных стихов и песен. Наш постоянный автор.

****

Любовь
приходит вновь,
Все повторится в жизни нашей,
А край все краше —
край родной,

и синевой
сосет, как прежде,
взгляд
он мой!

СМЫСЛОВЫЕ И РИТМИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ СОЧИНЕНИЙ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

1

А я опять сегодня в бане
Ребятам стих свой прочитал,
И в банном радостном тумане
Мне банный зал рукоплескал!
И тут припомнился Есенин,
Его кабацкая гульба,
Размер, как полный откровений,
Любила слушать
голытьба:
Да! Теперь решено. Без возврата!
Ни за что уже прежним не стать,
Нет, не буду глядеть виновато
И не буду о прошлом вздыхать.
Не сбылось, не все пусть красиво,
Но зато полюбил я стихи,
Вмиг мотив сочиняю игриво,
И вот в этом мои все грехи.
Ну и что, пусть поднялись высоко,
Хоть успехи большие у вас,
Стары душами стали до срока,
И не слышен Господний вам глас.
Ну, а мне перезвоны из рая
В той парилочке скромной слышны,
Уж судьба не нужна мне иная,
Мне богатства уже не нужны.
Грусть прочь, Россия-Евразия —
Эвтаназия чувств не взяла,
Душу черти еще не сглазили —
Песней новой душа зацвела!
В старой квартирке да маленькой
Я затеял большущий ремонт,
Цвет рьяно цветет в сердце аленький —
Бедам тяжким не сдавши свой фронт!
Ну, а раньше оно ведь бывало
Псом дохлейшим я выл на луну,
Видно, сердце мое не устало,
Милейше глядеть
На свою сторону!
Да! Теперь решено. Без возврата!
Я отныне веселый поэт,
В презреньи почета и злата —
Есенинский синий
Сияет мне свет!

2

Не видать конца и краю —
Велика, обширна Русь,
Но родной край прославляю,
И душой к нему тянусь.
Как захожий богомолец,
Жил в других во всех краях,
Край же мой как колоколец
В дальних мне звенит полях.
У ДК микрорайона
Я пущусь в веселый пляс,
Отзовется Русь стозвонно —
Танец ваш российский Спас!
А потом, стремглав по стежке,
Средь дубов спущусь к реке,
От винтов видны дорожки,
Синь сияет вдалеке!
Крикну ввысь святой я рати:
«Заскучали там, поди?
Гляньте как у нас тут в злате,
Солнце скачет впереди!»
А на южные песочки
Нипочем не заманить —
Ах, какие же здесь ночки,
ночки синие сорочки,
луна будет свет струить…
Встретить там, на бугорочке,
взором страстным лик смутить,
девы, женщины — цветочки,
еще рано ставить точки,
рано слезы еще лить,
я все ваши заморочки
До конца хочу испить!
С переливом соловьиным
прогуляюсь по долинам —
мертвым мне не скоро быть.
Дайте ж мне в краю любимым
вас подольше полюбить!!!

3

Над Окой румянится алая заря,
Сердце словно пьяница скачет почем зря!
А река туманится, но еще светло,
Где же ты красавица — время уж пришло?!
В ожиданье сладостном возле волн стою,
И в волненье радостном песенку пою —
Знаю, ко мне спустишься, я к тебе прильну,
Как фиалку нежную в страсти изомну!
Но фатою синею пала уже ночь
И глаза слипаются, сон гоню свой прочь —
Не пришла любимая, у реки один,
А фата та синяя тает средь равнин.
Хватит, хватит жалиться, мне ли горевать?
Мне ли здесь печалится, ночь недосыпать?
Так случиться, станется, краше мне понравиться —
зачем сердце рвать, парню унывать?
У нее потеря,
Я ж опять герой,
Снова под горой,
с девою красивой, с девой дорогой,
Я опять любимый, статный молодой,
Я ее ласкаю, мну ее как цвет,
с ней зарю встречаю, в свете синих лет.
Есть тоска веселая в прошлой суете,
Полюбилась эта, отлюбились те.

4

А забав у меня, ой, немало!
Песен тыща — ну, как умереть?
Вновь гитару беру я устало —
Кто за меня их сумеет пропеть?
Не всегда же смешные потери,
И о маме так можно ль сказать?
Стыдно мне, в коммунизм что поверил,
Горько мне, что теперь наплевать.
Черта с ангелом путал я часто,
Не умел отыскать благодать,
Стороной обходил свое счастье,
И не мог о любви рассказать.
От мечтаний мне роз не досталось,
С жабой жизнь повенчала меня,
Но как сладко мне все же мечталось,
Сколько страсти и сколько огня!
И ласкать, и корябать умею,
Но печать роковую не смыть,
И все ж Бога просить не посмею —
Нет, не смог я его полюбить.
И не знаю, найдутся ль иконы,
Коль черед мне придет умирать,
И услышит ли кто мои стоны,
И будет ли кто… у могилы стоять?

Но уходить все ж еще не желаю —
Как же мало успел я стихов рассказать,
Вновь гитару к груди прижимаю
И женщин стремлюсь я еще поласкать…
О, чары моих не свершенных мечтаний —
Не в них ли таится моя благодать,
О, сколько напрасных, упорных стараний,
Ко всему мне пришлось прилагать…
О, сколько еще не случится,
Скольких еще не смогу отлюбить,
Но пусть же любовь мне по новой приснится,
Пусть немного сумею пожить.
Позабуду я жизни начало,
Пусть же станут началом стихи,
Снова бить меня жизнь возмечтала,
Но стихами сотру все грехи.
Жизни конец, он на звонкой струне,
Но жизни прошло все же мало —
Надо песен попеть еще мне,
Помечтать о любви в тишине —
Уходить без мечты
не пристало!

5

Гой ты, Русь, моя родная,
Гой, родная, дорогая,
Гой, велика, гой, приветна,
Гой, мила, великолепна.
Но ты, матушка, все ж знай,
Что люблю лет детских край!
Я люблю его до слез,
Люблю нежно и всерьез,
До восторженного смеха,
до сердечного до эха,
край подруг моих берез
И сестренок гибких лоз,
Край друзей моих ручьев
и стихов веселых слов!
В нем в цветах ликует склон,
Он, как я, в наш край влюблен
склон тот душу взял в полон
Всех потерь рассеял стон
и печали.
В дали гонит он,
Строк родив
Вот этих
Звон!

Борис РЯБУХИН

г. Москва

Борис Константинович Рябухин (литературный псевдоним Борис Карин) — российский поэт, прозаик, драматург. Родился на Дону, вырос в Астрахани, окончил технический вуз и ВГИК. Член СП СССР с 1986 г. и СЖ с 1973 г. Работал редактором в Москве: в «Молодой гвардии», «Литературной газете», журнале «Юность», издательстве «Художественная литература». Автор более тридцати книг поэзии, прозы и драматургии. В настоящее время он вице-президент Международной Академии литературы, науки, искусств «Русский слог». Постоянный автор нашего альманаха.

ВЕРА ВОСХОДИТ СВЯТАЯ

На рубеже добра и зла,
На грани Разума и Сердца…

ТРУСКАВЕЦ

Мрак притаился. Светает.
Ветви нанижет цветами.
Пепел рассвета сметая,
Вера восходит святая.
Для благовещенья паствы —
Солнце двойное на Пасху.
Наши чудачества Босха —
И для обутых, и босых.

7 апреля 2015

ПОЭЗИЯ САМООТРИЦАНИЯ
Поэма

«Тем не менее, когда с помощью интриг, хлопот и унизительных просьб ей удалось сделать его академиком, она стала относиться к нему с известным почтением, забывая, что она сама облекла его в украшенный пальмами мундир, который скрывал его ничтожество».

Альфонс Доде, роман «Бессмертный»

Обидно отдать свою жизнь по-пустому,
Под старость остаться ни с чем.
Обманно мечталось, что все давал в жертву
Молитвам самотворенья.
И сам молодел, не желая стареть вместе с телом.
А тело состарилось вяленым мясом хамон,
между делом.
Ходил в Академию, в круг выпивавших
Омар Хаямов.
И думал, каким бы Хайямом был Пушкин,
Кто верил, что «весь не умрет», сам третий,
на одном пьедестале
С Державиным и Горацием, Памятник — общий.
А нынче Природа на творческий ген истощилась,
Разжижилась слава на сотни и тыщи поэтов,
И сталкер выводит лишь клонов поэтов
из падшей среды.
Им памятников нерукотворных —
Пеньков на лесоповалах — и то не хватает.
И каждый в бессмертие через дверь и окно Академий
Вступает с лавровым венком за наличные деньги.
Цепляются дряхлые руки за старую музу.
Живут академии на переработке отходов
От собственных членов, да мета-мета мычанья,
Коверкая вечного сеятеля очей.

***

— Обидно отдать свою жизнь по-пустому,—
Сказала, уставив мне в лоб свои очи,
моя бизнесменка.
— Да вас же, паяцев, и в дом не пускали дальше
передней,
И не хоронили на кладбище, лишь на отшибе,
За ваши творенья, без разрешенья Творца.
Вы — голь перекатная. Все ваши беды — объедки
к обеду.
Так умер голодный Багрицкий под окороком луны,
Все ваши обиды в былом — зажатые рты.
Свобода сейчас — во все горло орать! «Я свободен!»
Но быть вам всегда во служенье Мамоне. Служите!
Нет даже профессии вашей — писатель.
Хоть был раньше писарь.
Мы в рабстве кормили писак, менестрелей, паяцев.
А бросили вас — вы остались в осадке, бомжи
и бичи.
— Нет! — крикнула гордость моя из осипшего
горла,—
Обидно отдать свою жизнь по пустому служению
музам.
Блок не от голода умер с буханкой в обнимку.
Кричал он: «Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги! Я вас не писал никогда!»
И Майков твердил в балладе о менестреле
Рефреном заклятье от собственной смерти:
«Молчите, проклятые струны!» «Молчите,
проклятые струны!»
Так принял поэта позор цесаревич Романов,
Боясь, что его в царский дом не пустят дальше
передней.
Писал: «Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть, мы к небесам возводим
очи,
Творя молитву дни и ночи, чтобы помиловал
Господь».
Боялся я страсти Господней:
«Шел — своей судьбе наперерез, только трудной
ношей озабочен.
Я пытался сбросить этот крест, но к нему был крепко
приколочен».

29 октября 2018.

СВОБОДА НАРОДА — ПОТЕРЯ

Свобода народа — потеря
Ошейника и поводка
И друга с открытою дверью,
И даже потеря врага.
И ласковых рук ожиданья,
Интриг и проклятий среды,
Божественного покаянья,
И даже потеря беды.
Свобода — природы потеря,
Привычных усилий борьбы,
До ярости спящего зверя,
И даже потеря судьбы.

6 октября 2015

Сергей ПРОТЯНОВ

Саратовская область

Протянов Сергей Павлович родился 25 ноября 1967 г. в семье сельских тружеников в Саратовской обл. В 1985 г. окончил десятилетку в родном селе. По окончании школы приходит серьезное увлечении поэзией — самостоятельно изучает поэтическое нас-ледие России от середины 18 века до первой трети 20-го. Стихи пишет с середины 80-х прошлого столетия. Первая публикация в заводской многотиражке. Далее в областном еженедельнике. В 2008 г. на портале stihi.ru открыл свою персональную страничку, где и находятся многие произведения автора. Принимает постоянное участие в альманахах как портала stihi.ru, так и иных литературных ресурсов. Неоднократно номинировался на соискание литературных премий «Поэт Года», им. Сергея Есенина «Русь моя», «Наследие». Имеет обширную библиографию.

***

Обрывки слов, обрывки строк,
Обрывки недописанных стихов
И жизнь, как многоточие,
На стекла Вечности опять легла...

***

Поэт не может не писать —
Бездомным может быть, больным,
Быть нищим, быть никем,
Быть мертвым, быть святым,

Владыкой мира быть, богатым —
Поэт не может не писать!

Я — ЖИВОЙ...

Не распят, не убит, не повешен,
Был свободен, был святой, был грешен...
И остался живым вопреки
Судьбы бурно текущей реки...

***
О, не лети стремительно так, жизнь!
Не торопи ты мой уход до срока,
И на рассвете пусть не гаснут фонари,
Сними невыученных груз уроков.
Рубеж в полвека все же не достигнут,
Ну что ж — за мною прожитые дни
И голоса когда-нибудь утихнут..
О, не лети стремительно так, жизнь!
О, не лети стремительно так, жизнь!
Дозволь мне созерцаньем мира насладиться —
Вон там по набережной идет прохожий,
Руками взмахивая словно птица.
В его глазах бездонно отражаясь.
Так пусть запомнит меня непохожим,
Продрогшим на вселенских до костей ветрах...
О, не лети стремительно так, жизнь!

***
Стихи, как легкий вдох, слетели с губ неслышно —
То мимолетный был каприз души,
Слова сложились в строки просто и небрежно...

***
Строжайше жизнь моя запрещена,
Дышать дыши, писать — не вздумай!
Но был бы мел да белая стена...

БАРХАТ ЧЕРНЫХ ГЛАЗ...

Я подарил бы Вам стихи,
Я подарил бы Вам сонеты,
Забыл бы старые грехи,
Все то, что было на планете.
Пусть этот бархат черных глаз
Дорогу указует вечно,
И солнца луч вдали угас,
И звезды обнажила Вечность...

***
Скажи — зачем во мне живут стихи,
Неиссякаемым потоком изливаясь?
Слова порой не сложны и просты,
Порой исчерпывающе сложны,
Серебряной строкою в стих вплетаясь...

***
Я жил стихией языка,
Я в каждом слове видел чудо,
Верлибра новая строка
Дрожа возникла ниоткуда...

***
Стремителен полет души Поэта,
Дано ему Творцом в ничтожный миг
Прожить века, чужие жизни, судьбы,
Знать, чем живет и дышит человек...

***
Сплетая строки в строфы,
Вплетая рифмы в стих,
Пусть волны бьют о рифы —
Мне дорог каждый миг!..

***
Не тот Поэт,
Кто говорит стихами,
Не тот Поэт,
Кто бряцает на лире...

ЛЕРМОНТОВУ

В его стихах есть что-то неземное,
Но что? Нам не суждено понять,
Как невозможно мир объять,
Когда душа находится в застое...

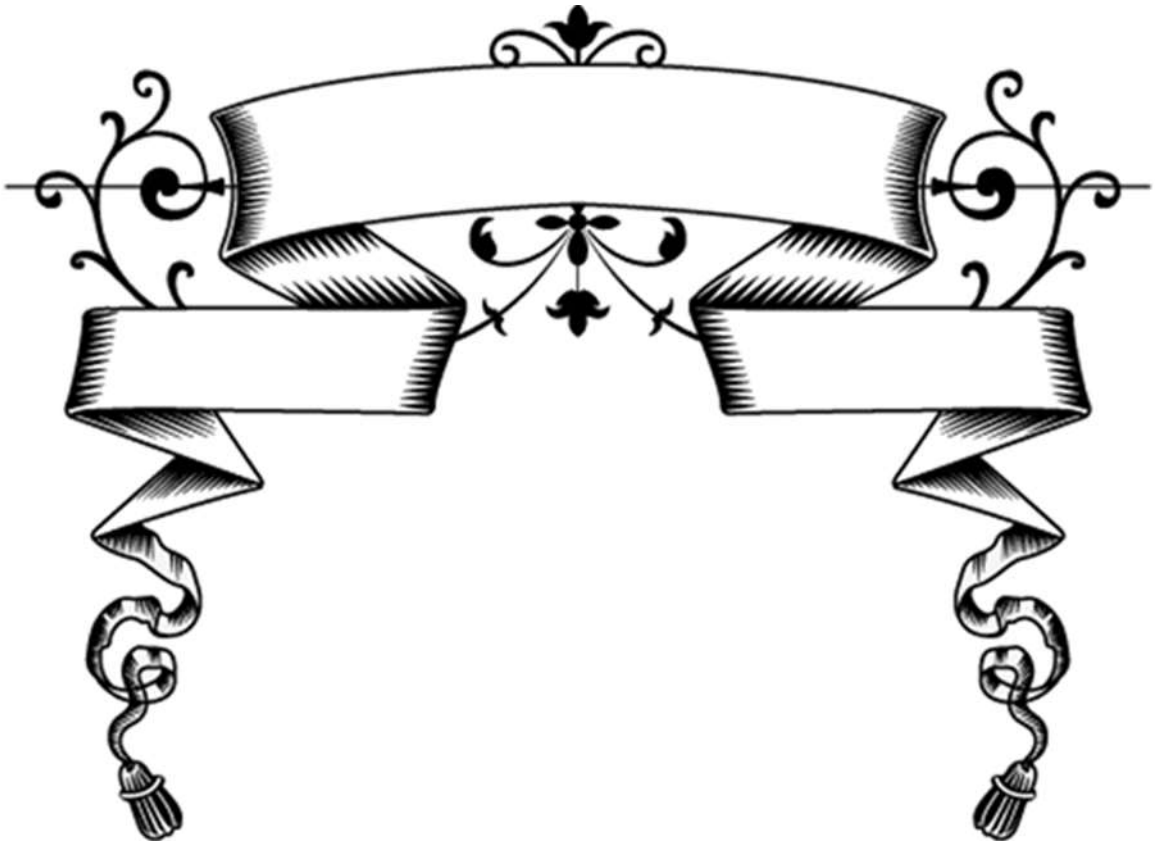
***
И каждый день как с чистого листа —
Исписанная перевернута страница,
И все сначала, за строкой строка,—
На белом поле чистого листа...

***
До боли в зубах,
До влаги в глазах
Ломали душу
Стихи...

***
Бессмертно слово, ибо в слове
Оставит память человек,
Уходим в землю мы, но слово
От нас останется навек...

***
В минуту вдохновения,
Когда уйдут сомнения,—
    Пиши стихи.
Когда обиды гложет червь,
В ответ пульсирует твой нерв —
    Пиши стихи.
В движенье рук и буйстве глаз,
Когда слова сжигают вас,—
    Пиши стихи.
Когда нежданная беда
Вдруг постучится в ворота —
    Пиши стихи.
Но если равнодушен ты,
Ленивы и скудны мечты —
    Забудь стихи!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
ОЛЬГА И НАТАЛЬЯ АРТЕМОВЫ
ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
АНДРЕЙ ВОЛКОВ
НАТАЛЬЯ ПОЗДИНОВА

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

Валерий Маслов, лауреат всероссийских премий «Левша» им. Н. С. Лескова, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, дважды лауреат премии им. Л. Н. Толстого. Наш постоянный автор.

ПЕВЦЫ ЗЕМЛИ ТУЛЬСКОЙ

Тула и Тульский край таят в себе неиссякаемый источник поэзии. Тульские поэты издавна занимают видное место в русской поэзии. Об этом, в частности, свидетельствует то, что произведения В. А. Жуковского, П. П. Сумарокова, В. И. Богданова, А. С. Хомякова, поэтов-декабристов Н. А. Чижова, братьев Бобрищевых-Пушкиных включались в хрестоматии «Русские поэты XIX века», изданные в шестидесятые годы прошлого столетия. Многие из них были не только выдающимися поэтами, но и видными общественными деятелями и просветителями, игравшими большую роль в развитии культуры и российской словесности.

Солнце русской поэзии, Александр Сергеевич Пушкин, высоко ценил творчество ряда тульских поэтов девятнадцатого века. Например, стихи А. С. Хомякова он признавал прекрасными. Алексей Степанович Хомяков был не только хорошим поэтом, но и глубоким мыслителем, ученым, меценатом и благотворителем. Одно только перечисление основ его деятельности говорит о разносторонности талантов этого человека: философ, экономист, публицист, мыслитель, оратор, журналист, художник, изобретатель, врачеватель. И не случайно, что благодарные туляки до сих пор ежегодно проводят в его родовой усадьбе под Тулой традиционные Хомяковские чтения, чтят его память.

Многие годы с Тульским краем был связан другой выдающийся поэт — Василий Андреевич Жуковский. Его А. С. Пушкин назвал одним из основоположников новой русской поэзии. Более того, Александр Сергеевич считал себя «его учеником».

Творчество Жуковского во многом определило дальнейший литературный путь таких великих поэтов, как Лермонтов, Баратынский, Тютчев. По словам В. Г. Белинского, В. А. Жуковский наполнил русскую поэзию новым содержанием.

Как всякий крупный поэт, В.А. Жуковский неповторимо индивидуален. Его поэзия представляет собой расширяющийся, всеохватный мир идеи и образов, мир, живущий по собственным неповторимым законам. Воззрения Жуковского-поэта, в силу своих идеалов, во многом близки современному читателю, но во многом принадлежат только своему времени. Он стоит у истоков русской поэзии XIX века. И он был первым русским поэтом, давшим лирике широкие подвижные границы, способные вмещать разрастающийся, усложняющийся духовный опыт человека нового времени. Это было и остается актуальным не только для своего времени, но и для последующих поколений.

В. А. Жуковский, другие предшественники тульских поэтов XX века, оказали огромное влияние на их творчество, способствовали росту профессионального мастерства.

Духовный и поэтический опыт предшественников учит благородству чувств, самоотверженности, глубокому восприятию окружающего мира, его пониманию. Учит воссозданию в поэзии и передаче читателю душевного состояния человека, его вдохновения, внутреннего переживания, отклика на вечные темы любви, верности и дружбы. Лирику поэта отличает повышенная отзывчивость на изменения, происходящие в окружающей его жизни, способность мыслить и ощущать мир как неустанное движение.

Видимо, поэтому поэтическое наследие тульских поэтов X1X века не только сохраняется, но и развивается в творчестве современных литераторов. Так, многие черты романтической поэзии В. А. Жуковского присутствуют в произведениях современных тульских авторов, таких как Изольда Агибалова, Наталья Рязанцева, Елена Гаденова, Яков Шафран. Их стихи и проза отличаются присущим поэзии Василия Андреевича гражданским пафосом и патриотизмом.

Эти чувства были присущи и лирике других тульских поэтов девятнадцатого века. В. Богданов, И. Родионов, Н. Макаров стали всенародно известны и любимы как авторы текстов песен, ставших, выражаясь современным языком, русскими хитами,— «Дубинушку», «Не корите меня, не браните», «Однозвучно звенит колокольчик» знают и поют во всем мире.

Знаменитая «Дубинушка» была одной из любимых песен Федора Ивановича Шаляпина. Под громкие аплодисменты исполнял он ее за рубежом. Однажды после концерта к нему подошли американцы и спросили:

— Скажите, что это за русское чудо-машина — «Дубина»?

На что Шаляпин не без удовольствия и гордости ответил:

— Такой машины во всем мире не сыскать, из дерева она устроена.

Традиции песенного искусства поэтов-предшественников продолжили в XX веке наши современники Иван Доронин, Владимир Лазарев, Юрий Щелоков, Юрий Коняхин, Александр Бочаров, Валентин Киреев и

другие.

Народную песню «Ах, цвети, цвети, кудрявая рябина», автором текста которой является И. И. Доронин, до сих пор исполняют на эстрадных концертах, поют в праздничные дни за столом в кругу родных и друзей простые русские люди.

Само собой разумеется, не все утверждаемое поэтами прошлого может быть принято без оговорок. Новое время диктует новые виды и формы поэзии. Главная же сущность творчества предшественников, поэтов-земляков — гражданственность, патриотизм, любовь к родине — остается в них незыблемой.

Именно поэтому творчество их предшественников, живших и писавших на тульской земле почти два века назад, является душевно близким и понятным современнику, дает возможность нам понять и осмыслить их жизнь и поступки, почувствовать дух той эпохи, оценить их как мыслителей и провидцев. Они, как свидетельствуют написанные ими тексты, возможно, хотели остаться в границах изображения только прекрасного. Принимая поэзию как высшую истину, настоящую и чистую правду, они считали ее отдохновением и радостью, возможностью погрузиться в мир ирреального и прекрасного. Но, как истинные творцы, они не могли отойти от правды жизни, от того, чтобы отобразить в своих стихах реальную жизнь, колорит и проблемы того времени. И потому их творчество стало народным, в лучшем смысле этого слова.

Лирический дар, особый возвышенный язык, «музыка» слова, строй мышления певцов земли тульской — лучших поэтов-туляков прошлого не только выделяют их из многих других, но и на удивление созвучны, понятны нам, живущим в XXI веке.

Ольга и Наталья АРТЕМОВЫ

п. Медвенка Курской области

Ольга Викторовна и Наталья Викторовна Артемовы — члены Союза писателей России. Их произведения печатались в Москве, в коллективных сборниках в Санкт-Петербурге, Орле, Твери, Волгограде, Туле. Ольга Викторовна и Наталья Викторовна — лауреаты всероссийской премии «Левша», международного литературно-педагогического конкурса «Добрая лира»; победители всероссийских конкурсов «Парус одинокий», «Пуская в свет мои мечты»; дипломанты международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман»; призеры всероссийских конкурсов «Школьная пьеса», «Vita. ТЮЗ», «Человек доброй воли». Награждены дипломом Государственного музея-заповед-ника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии», Почетной грамотой правления Союза писателей России, Благодарственным письмом Государственной Думы РФ, юбилейной медалью к 100-летию К. Д. Воробьева. Являются организаторами и членами жюри открытого литературного конкурса К. Д. Воробьева «…И всему роду твоему». Постоянные авторы нашего альманаха.

ГЛАВНАЯ НАГРАДА

В неспокойном XVII веке пришли к рекам Полная, Реут, что на Курщине, служилые люди. В книге И. Д. Беляева «О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича» читаем: «16-я Сторожа на Реуте ж под придеревью поставлено, для прихода Крымских и Литовских людей, от Курска верст 60… стерегут на ней дети боярские по 3 человека да по казаку». Стали дозором, огляделись. Холмы и перелески убегали в голубую даль. Жаром дышал Синяков шлях, по которому из степи приходили кочевники. На седых ковылях еще темнел след конницы князя Игоря. А уже стучали топоры — поднимались первые избы нового селения — Нижний Реутец. Пронесется игреневой масти скакуном время, и в глубинном этом селе появится писатель, имя которого узнает вся читающая Россия,— Константин Воробьев. С малых лет он с пристальным вниманием вглядывался в седую даль веков, стремясь различить сквозь пелену лет иконописные лица наших предков. В юности настольной книгой Воробьева была «Отечественная война 1812 года».

Он уехал из родных мест совсем молодым. В огненном сорок первом в составе роты курсантов Кремлевского Краснознаменного пехотного училища защищал столицу. Тяжело раненный попал в плен. Был в Ржевском, Клинском, Смоленском, Каунасском, Саласпилсском и Шяуляйском концентрационных лагерях. Дважды бежал. 24 сентября 1943 года, когда вырвался на свободу, считал вторым днем своего рождения. Партизанил. Читателям он оставил «кровоточащие каждой строкой» повести о войне, пахнущие хлебом и тяжелым трудом книги о селе и излучающие подснежниковый свет рассказы о любви. Поражает вот что. Большую часть жизни Воробьев прожил в Литве. Но о чем бы он ни писал, вновь и вновь возвращается к Соловьиному краю, к своим корням. Одна из его книг так и называется «…И всему роду твоему». В 2021 году она дала название открытому литературному конкурсу К. Д. Воробьева, который проводила малая родина большого писателя — Медвенский район Курской области. Нам посчастливилось войти в число его

организаторов и членов жюри. А возглавила его филолог, переводчик, дочь писателя Наталия Константиновна Воробьева.

На конкурс было прислано около семидесяти произведений из Германии, Израиля, Украины, Молдовы, со всех уголков России — от солнечного Крыма до снежного Красноярска. Эти работы как трепетные свечи на алтаре памяти. В них нет выдумки, фальши. В них — правда, порой мучительная, трудная и все-таки исполненная силы и света: ведь пишут прозаики о семье, о роде, о своих корнях.

Наталия Константиновна Воробьева так сказала об этих исповедях: «Здесь большой “заряд любви”, который глубоко спрятан в сердце и душе тех, кто постоянно и неустанно думает об очень важных и простых вещах, присутствующих из века в век в наших собственных судьбах и в судьбах наших родных и близких. Из таких откровений, думаю, и слагается мощная яркая картина жизни всего человечества. От работ, присланных на конкурс, на меня, например, повеяло настоящим теплом, сочувствием к роду человеческому, которому так непросто приходится выживать на этом свете. Сколько светлых и добрых мыслей высказано было о всех этих “терпеливицах”, о всех бабушках-тетушках, из последних сил скрашивавших и наши будни, и наш скудный порой быт, умеющих лаской и мудростью “сгладить” любые тяготы, обогреть вовремя тех, кто в беде, кто обижен и недооценен. Славные люди, много повидавшие, много страдавшие, умеющие одолевать любые невзгоды и напасти... Их голоса мне были отчетливо слышны, мое сердце откликалось на них.

Я запомнила эпиграф в одной из работ: “По волнам памяти скользя, я вспоминаю все, что было, что наше сердце зацепило, чего забыть никак нельзя”. Память — великая награда тем, о ком помнят...»

Помнят, помнят наши конкурсанты о корнях своих. Алена Воробьева из Липецка пишет о деде — «знаменитом на все социалистические страны безногом комбайнере, которого прозвали вторым Мересьевым за его трудовой подвиг». «Он умел делать все,— в первую очередь — ценить жизнь и наслаждаться простым ее счастьем»,— делится раздумьями автор. Сегодня очень многим, здоровым, сильным, не хватает этого великого умения удивиться радуге-дуге, восходам и закатам, красоте человека, идущего рядом…

Свой маяк в океане памяти у Валерия Копнинова из Барнаула. В рассказе «Дед Матвей и зайки» — история старика, который в войну потерял зрение, а с ним и всю видимость жизни, и перестроиться никак не мог. «Уже ведь сорок третий год шел, а он все еще видел перед собой ту картину июля сорок первого, когда мужики из деревни на фронт уходили». Уже многие из них пали в кровопролитных боях, пропали без вести, а он пророчил, как сложится их судьба в счастливом мирном будущем. И эта жизнь, исполненная света, пришла с победным маем. Но не пришли те солдаты.

«В общем-то, дед Матвей прав был. Не все, конечно, вернулись, как он обещал, но победить — победили! А победа — она общая: и тех, кто в землю лег, и тех, кто живым остался...» — говорит автор, который чем-то близок Воробьеву. Ведь и наш земляк писал о таких же простых тружениках войны, вчерашних крестьянах. В бесконечном строю павших за Отечество он помог нам рассмотреть отдельные лица. Запомнить их.

Все произведения проникнуты теплой любовью к отчему краю. Крымчанин Алекс Алдар Седельник так и назвал цикл своих новелл «О Родине». Его милая земля пронизана всепобеждающим светом, и, будто маленькие солнышки, сияют плоды на старом абрикосовом дереве. Кажется, ощущаешь их сладкий, как детство, аромат. Одна из новелл, «Родом из книг», приобретает особое звучание в наш электронный век. «Все мы родом из книг, которые читали в детстве. Книги — это еще одна наша родина»,— делится откровением писатель. А кто взял вас когда-то за руку, уважаемые читатели, и повел к идеалам добра? Гайдар? А может, Аксаков? Или Вальтер Скотт? А ведь многие из курян родом из книг К. Д. Воробьева.

Его давно нет. Но он помогает прозаикам двадцать первого века высказаться громко, найти признание. Книги его остаются с нами. И белоснежные прекрасные птицы из рассказа Воробьева поселяются в твоей душе навсегда. И замирает сердце от чистого, как небесная лазурь, слова «Синель». И понимаешь: книги Воробьева нужны, просто необходимы и тебе, и твоим детям, и внукам. «...И всему роду твоему». Повесть эта не окончена. Наталия Константиновна Воробьева вспоминает: «Папе не удалось написать свой, возможно, лучший и главный роман в его творчестве. Последние слова, обращенные ко мне (еще в квартире на Вяркю, до отъезда в больницу) были об этом: “Я так и не успел...” Больше я его не видела, не слышала никогда... Это глубоко вошло в меня, хотя поначалу как-то, пожалуй, бессознательно… И вот судьба дает нам очередной шанс задуматься опять-таки о жизни, о народной доле, о наших собственных возможностях, то есть — о Вере, о Надежде, о Любви — на чем стоит мир. Этот конкурс подарил нам незабываемые мгновения сплетения рук, единения душ-сердец, мыслей и чувств. И это уже не забудется до конца...»

Конкурс проводится раз в два года. И все новые авторы внимательно вглядываются в лица своих прадедов и прабабок — тех, кто украшал эту землю. Будто пишется взволнованная летопись, в которой невозможно поставить точку…

Сергей ОДИНОКОВ

г. Тула

Окончил с отличием театральные отделения МОУ лицея № 3 г. Тулы и Тульского областного колледжа культуры и искусства; выпускник факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат филологических наук. Артист Тульской областной филармонии. Публикуется в журналах, коллективных сборниках, альманахах и газетах. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» КАК СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ, ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ДРАМА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ НАЧАЛ В ЖАНРЕ И СТИЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Работу над драмой, которая в дальнейшем получила название «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» (изначальное название — «Месть над ребенком»), Л. Н. Толстой начал приблизительно в одно время с комедией «Плоды просвещения»[1] (в конце октября 1886 г.), однако завершил работу гораздо раньше: уже 25 ноября 1886 г. текст драмы был сдан в набор, а в 1887 г. пьеса вышла в издательстве «Посредник».

Драма не раз запрещалась цензурой к постановке. «Критики, враждебно относившиеся к Толстому, — отмечает К. Н. Ломунов, — старались уверить театры и зрителей, что пьесы Толстого не сценичны, что великий романист был более чем посредственным драматургом. В то же время они много писали о том, что Толстой в своих произведениях — и особенно в пьесах — нападает на основы самодержавного строя, и требовали их категорического запрещения и для сцены и для печати» [7, с. 4]. Тем не менее после восьмилетнего цензурного запрета пьеса с успехом шла на сцене отечественных и зарубежных театров, став не только ярким произведением в творческой биографии писателя, но и значительным событием в истории русской и мировой драматургии.

Как указывает Н. Н. Арденс, «сюжет “Власти тьмы”... был навеян действительным фактом — преступлением крестьянина [Ефрема] Колоскова, совершенное в д. Сидоровке... Необычность поведения убийцы, его публичное раскаяние... взволновало Толстого» [2, с. 429]. 37-летний крестьянин Ефрем Колосков, женатый на 50-летней вдове Марфе Ионовой, насильно вступил в связь с ее 16-летней дочерью от первого брака и своей падчерицей Еленой и в дальнейшем угрозами принуждал ее к сожительству с собой. Елена родила от отчима ребенка, и Ефрем, чтобы скрыть последствие своей преступной связи, приказал своей жене Марфе спрятать новорожденного в погребе, и пока мать находилась в беспамятстве после родов, придавил его доской. К утру младенец скончался, и вечером Колосков закопал его тело у себя в задворке. Вскоре Елена была просватана, и в доме Колосковых игралась свадьба. Когда же отчиму пришло время благословить на брак свою падчерицу, Ефрем, чувствуя сильные душевные терзания, спрятался от гостей в риге[2], а когда сестра нашла его и привела на улицу, он, бросившись на колени, публично раскаялся в своей связи с падчерицей и убийстве ребенка. Дело Колосковых слушалось в Тульском окружном суде. Следствие установило сопричастность Марфы к убийству ребенка, и оба супруга были приговорены к каторжным работам. Сам Ефрем признал приговор справедливым и в назначенном ему наказании видел возможность искупить свою вину.

О преступлении Л. Н. Толстой узнал благодаря своему другу Н. В. Давыдову, губернскому прокурору (1878–1890 гг.), в дальнейшем — председателю Тульского окружного суда (1890–1896 гг.), который передал автору большой документальный материал по делу и сообщил бытовые подробности убийства ребенка [8]. Многие факты автор драмы переосмыслил и отразил по-новому: опустил подробные эпизоды описания жизни в Сидоровке; ввел образ мужа-хозяина (Петра), чтобы более ярко обозначить характер его жены (в пьесе — Анисьи) и падчерицы (Акулины). Самого будущего убийцу ребенка (Никиту) автор сделал работником в доме Анисьи и Петра. Как олицетворение «власти тьмы» был введен такой персонаж, как Матрена (мать Никиты). Противопоставлен ей герой, который своими поступками и образом жизни твердо стоит на позиции добра и чье влияние на сына в итоге оказывается сильнее, — это Аким (отец Никиты).

Размышляя о жанровой природе драмы «Власть тьмы», исследователи нередко называют ее просто *народной драмой.* Однако объективная жанровая природа данного драматического произведения сложнее.

---

[1] О жанровых и лингвостилистических особенностях комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения», а также об используемых в ней приемах создания комизма см. статьи автора в 8-м и 9-м выпусках альманаха «Ковчег».

[2] В данном случае имеется в виду ‘большой сарай для сушки снопов хлеба с местом для обмолота’ (см. значения слова *рига* в эл. версии «Толкового словаря русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова (ссылка: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1010226).

С. А. Шульц справедливо отмечает: «Хотя “Власть тьмы” принято называть “народной драмой”, это определение следует признать не вполне точным. От “народного” здесь прежде всего материал, предметные реалии, речевая стихия, но что касается жанровой модели произведения в целом, то она гораздо сложнее и многосоставнее. Философичность и психологизм “Власти тьмы” восходят прежде всего к традиции духовного театра» [16, с. 81]. Следовательно, перед нами не просто народная драма, а драматическое произведение со сложной жанровой структурой, основанное на материале из жизни крестьян, жанровую структуру которого нам предстоит проанализировать.

Обратим внимание на тип драматургического конфликта, тематику и проблематику драмы. Во «Власти тьмы» Л. Н. Толстой создает картину пореформенной русской деревни 1880-х гг. После отмены крепостного права в 1861 г. произошло обострение отношений между основными группами крестьян: «богачами», «середнячками» и «беднотой». «Богачами» (зажиточными) считались крестьяне, обладавшие большим наделом земли, собственным крупным хозяйством. Чтобы управиться с хозяйственными делами, а также успеть обработать и засеять всю землю, часто использовали наемных работников. Зажиточных крестьян было немного (≈ 10 % от общего числа), в пьесе таким действующим лицом является Петр. «Середнячки» — крестьяне, надел земли которых был небольшим, но достаточным для того, чтобы прокормить себя и своих близких (≈ 60 % сословия). Наемным трудом не пользовались, всю землю обрабатывали сами. «Беднота» («безземельники», «безлошадники») — крестьяне, не имевшие хозяйства, способного прокормить семью, из-за чего часто были вынуждены наниматься к зажиточным крестьянам либо уходить на заработки в города (≈ 30 % от всего крестьянства). В толстовской пьесе к «бедноте» относится Аким, отец Никиты: сын находится в работниках у зажиточного Петра, а сам герой подрабатывает в городе чисткой выгребных ям.

Более бедные крестьяне нанимались в работники к более богатым. Отсюда возникает чувство зависти к обеспеченному хозяину/соседу, желание завладеть его деньгами, самому стать богачом. Следовательно, в основу пьесы положены *социальные* противоречия в крестьянской среде, обострившиеся после отмены крепостного права, которые подталкивают героев на поиски своего «места под солнцем» в складывающейся новой общественной и экономической ситуации. Сказанное позволяет отметить, что тематика и проблематика «Власти тьмы» свидетельствуют о наличии в пьесе признаков *социальной драмы.*

В то же время «Власть тьмы» содержит в себе и элементы *бытовой драмы.* Это в первую очередь проявилось на языковом уровне: Л. Н. Толстой правдиво отразил речь героев крестьянской среды, наполнив их реплики разговорной, просторечной и диалектной лексикой, что стало результатом большой и кропотливой работы автора над текстом пьесы, тщательным наблюдением за речью людей из социальных низов. Принципиальное новаторство писателя в изображении народных персонажей проявилось в отказе от устоявшейся литературной традиции и ориентации на живые образцы речи и собственные изыскания. Л. Н. Толстой сам искренне радовался, когда в творчестве других литераторов обнаруживал подлинное и живое отражение действительности. Так, будучи уже известным писателем, он положительно отреагировал на появление А. М. Горького в литературе, высоко оценив языковые и содержательные особенности его произведений о босяках, а еще в юности, прочитав повесть Д. В. Григоровича «Антон-Горемыка», он был поражен правдивым изображением народной жизни. Впечатление оказалось настолько сильным, что спустя почти полвека после первого прочтения повести Лев Толстой благодарил автора за нее в поздравительном письме от 27 октября 1893 г.: «Помню умиление и восторг, произведенные на меня, тогда 16-летнего мальчика... “Антоном Горемыкой”, бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика — нашего кормильца и, хочется сказать, нашего учителя — можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом» [14, с. 269–270]. Как отмечает Л. О. Пастернак, именно Д. В. Григорович, по словам Л. Н. Толстого, «первый с любовью писал о мужике, вызывая в читателе симпатию к народу... у других же есть “чаво” и “ничаво”, но нет главного — нет души народной...» [Цит. по: 10, с. 599].

Знакомство с произведениями Д. В. Григоровича оказало сильное влияние на художественный метод и творческую манеру самого Льва Толстого, что отразилось в языковой характеристике персонажей-крестьян. По своим речевым характеристикам каждый народный персонаж в толстовских пьесах является индивидуальностью. Индивидуализация речи достигается с помощью многократного повторения одних и тех же речевых элементов в репликах того или иного героя: у всех персонажей имеются свои яркие языковые штрихи, «речевые паспорта» (повторяющиеся слова и фразы), позволяющие понять их характер и отличить речь каждого из них от речи других действующих лиц. Так, в драме «Власть тьмы» только речи Анисьи свойственна фраза *«...Головушка моя бедная».* Героиня произносит ее в минуты переживаний, сомнений и боязни. Например, когда Матрена предлагает ей порошки для того, чтобы отравить Петра (действие I, явление 10): «О, ох, *головушка моя бедная!*[3] Боюсь я, тетенька, как бы греха не было. Нет, это что ж? <...> О, о, *головушка моя бедная.* Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная» [13, с. 30–31].

Многие поговорки и выражения, которые произносят герои, взяты Л. Н. Толстым непосредственно из жизни. В результате бесед будущего автора «Власти тьмы» с крестьянами, странниками, богомольцами и проезжими в его пьесе появились такие характерные слова и выражения, как *однова дыхнуть* (поговорка

[3] Здесь и далее в примерах и цитатах курсив наш (С. О.).

девочки Анютки), *сделать укороту* (из речи Матрены), *буравцом сверлит* (выражение Петра) и др. [см.: 2, с. 433].

Речь работника Митрича индивидуализируется за счет употребления бранных поговорок *«В рот им ситного пирога с горохом»* и *«Залягай тебя лягушки»*. По поводу первой поговорки в речи своего героя сам Л. Н. Толстой говорил: «Ведь русский человек не может без крепкого словечка, ему непременно хочется выругаться, так уж он привык, без этого не может... Ну, а Митрич, хоть и старый солдат, тоже, наверное, трехэтажными словами выражался, но все же, думаю, к старости он почище стал, поопрятней... Так вот я ему и сунул в рот поговорку, чтобы ему было чем душу отвести: “в рот тебе ситного пирога с горохом!..” И поговорка эта есть, я ее слышал именно от такого солдата» [Цит. по: 15, с. 411]. Бранно-шутливая поговорка *«Залягай тебя лягушки»,* выражающая легкое, беззлобное недовольство и содержащая в себе повторяющиеся звуки, является не только индивидуальной чертой речи персонажа, но и отражением присущей в целом народной речи особенности использования фонетических повторов в пословицах и поговорках [см.: 1, с. 107]. Вкладывая в уста своего героя данную поговорку, Лев Толстой наделяет персонажа драмы «Власть тьмы» яркой речевой особенностью и в то же время подчеркивает неразрывную связь отставного солдата Митрича с народом (Митрич — бывший крестьянин); частью народа он и остался, в отличие, например, от лакея Григория, персонажа комедии «Плоды просвещения», стремящегося порвать со своим крестьянским прошлым, что также нашло отражение в речи и поведении данного героя.

Особый интерес во «Власти тьмы» представляют и реплики Акима. Яркой индивидуальной речевой характеристикой персонажа является многократное употребление вводных слов *значит* и *тае* («Опять ты, *значит,* старуха, не *тае,* и всё ты не *тае,* всё, *значит,* не *тае...»* [13, с. 32]), дублирование сказуемых в высказываниях *(«Не могу,* значит, тае, брать и *не могу,* тае, говорить...» [Там же, с. 65]), а также повтор уже сказанных слов и частей предложения («Вот это *напрасно. Напрасно,* тае, наносишь на девку-то. *Напрасно.* <...> *девка,* тае, *дюже хороша, дюже хороша девка,* значит; *жаль* мне, *жаль,* значит, *девку-то»* [Там же, с. 33]) и др. Однако косноязычие Акима в понимании Л. Н. Толстого — достоинство героя, а не его недостаток. «Речевые шероховатости» противопоставляются богатому внутреннему миру персонажа, его духовности и стремлению к Богу; это проявление типичного для Льва Толстого контраста внутреннего и внешнего, подлинного и ложного, действительного и иллюзорного. За внешней непривлекательностью, неказистостью речи скрывается привлекательность духовная, нравственная красота и чистота. Поэтому, несмотря на немногословность, скупость и неровность речи, Аким во «Власти тьмы» становится главным действующим лицом, вступающим в борьбу с тьмой и одерживающим в этой борьбе победу. Герой Л. Н. Толстого способен бороться, сопротивляться, у него есть свое достоинство, понятие о чести и понимание добра и зла, почерпнутое из Евангелия. Например, Аким, хотя и находится в крайней нужде, не принимает деньги от сына, потому что они не заработаны честным трудом. Отвергая деньги Никиты, Аким таким образом отвергает и его разгульный и безнравственный образ жизни («Деньги? Деньги твои вон они. Побираться, значит, пойду, а не тае, не возьму, значит. <...> Лучше под забором переночую, чем в пакости твоей» [Там же, с. 70]). Несмотря на свою «неречистость» и кажущуюся слабость, герой вступает в спор с урядником (действие V, сцена 2, явление 2), когда Никита кается перед народом, защищая таким образом «божье дело»:

«Урядник. Берите его! А старосту пошлите да понятых. Надо акт составить. <...>

Аким *(на урядника).* А ты, значит, тае, светлые пуговицы, тае, значит, погоди. Дай он, тае, скажет, начит.

Урядник *(Акиму).* Ты, старик, смотри не мешайся. Я должен составить акт.

Аким. Экий ты, тае. Погоди, говорю. Об ахте, тае, не толкуй, значит. Тут, тае, божье дело идет... кается человек, значит, а ты, тае, ахту...

Урядник. Старосту!

Аким. Дай божье дело отойдет, значит, тогда, значит, ты и, тае, справляй, значит» [Там же, с. 99].

Все это свидетельствует о том, что герой «Власти тьмы», несмотря на свое положение, обладает огромной внутренней силой и способен постоять за правду, что подчеркивается речевыми особенностями персонажа и самим характером действующего лица.

Частое упоминание бытовых действий в ремарках[4] «Власти тьмы» также связывает жанровую структуру пьесы с бытовой драмой и свидетельствует о том, что писатель был хорошо знаком с условиями жизни крестьян и старался максимально точно воспроизвести нравы и поведение героев описываемой им среды. Рассмотрим, например, первую ремарку перед основным текстом данной пьесы:

«Действие происходит *осенью* в большом *селе.* Сцена представляет просторную *избу* Петра. Петр сидит на *лавке, чинит хомут.* Анисья и Акулина *прядут»* [Там же, с. 23].

В приведенном примере в авторском тексте отражено время года, когда происходят события первого действия пьесы *(осень),* обозначено место действия *(село, изба),* отражены названия предметов сельского быта *(лавка, хомут),* а также бытовые действия персонажей *(чинит, прядут).* Перечисленные лексемы передают атмосферу крестьянской избы и настраивают читателя на восприятие дальнейших событий пьесы.

Однако необходимо отметить, что в пьесе «Власть тьмы» крестьянский быт, а также внешние собы-

[4] Подробнее о языковых особенностях ремарок в драматургии Л. Н. Толстого см. статью автора в предыдущем выпуске альманаха «Ковчег».

тия, социально-экономические условия и изменения — всего лишь фон, на котором развивается внутренняя драма героев. Общественные противоречия обнажают нравственный облик действующих лиц: Л. Н. Толстой показывает, как из-за стремления выбиться из бедности, поскорее разбогатеть и стать «хозяином жизни» персонажи губят себя и друг друга, преступая нравственный закон и совершая злодеяния, что в итоге приводит их к сильнейшим душевным терзаниям и не приближению, а отдалению от искомого счастья. В связи с этим на фоне социальных событий в пьесе отчетливее прослеживаются *психологические* характеристики персонажей: Анисья любит Никиту и ради союза с любимым по совету Матрены отравляет своего болезненного мужа Петра; Матрена искренне желает Никите добра и поэтому делает все возможное, чтобы устроить счастье сына и надеется, что в благодарность он не забудет и о ней; Никита мучается после совершенных преступлений и, пробужденный словами Митрича, принародно кается, получая духовное очищение.

Глубокий психологизм отражен и в отдельных эпизодах драмы. Например, Никита, оставшись один, закуривает папироску после того, как соврал отцу и дал ложную клятву перед иконой об отсутствии связи с девушкой Мариной (действие I, явление 16); после убийства ребенка Матрена также предлагает взволнованному сыну покурить или выпить для того, чтобы «разогнать мысль» (вариант 12–16 явлений IV-го действия; сцена 2, явление 4). В статье «Для чего люди одурманиваются?» (1890 г.) Л. Н. Толстой приводит в пример поступок повара, осужденного за убийство барыни: «Он рассказывал, что когда он услал свою любовницу горничную и наступило время действовать, он пошел было с ножом к спальне, но почувствовал, что трезвый не может совершить задуманного дела. “Тверезому совестно”. Он вернулся, выпил два стакана припасенной вперед водки и только тогда почувствовал себя готовым и сделал. <...> когда он, войдя в спальню, резнул ее ножом по горлу и она упала, хрипя, и кровь хлынула потоком, то он заробел. “Я не мог дорезать, — говорил он, — и вышел из спальни в гостиную, сел там и выкурил папироску”. Только одурманившись табаком, он почувствовал себя в силах вернуться в спальню дорезать старуху и разобраться в ее имуществе» [12, с. 273–276]. Следовательно, и повару, и Никите табак и алкоголь оказываются необходимыми в ситуациях, когда нужно заглушить голос совести. В приведенных примерах отражается сходство в поведении людей (реального преступника и героя драмы), совершающих греховные деяния (обман, убийства), а также в целом прослеживается связь между драматическими и публицистическими произведениями Льва Толстого.

Помимо алкоголя и табака, чтобы забыться, герою «Власти тьмы» также нужна музыка: после слов Акима, осуждающих безнравственный образ жизни сына, Никите становится скучно, и он жалеет, что в доме нет гармошки, которая помогла бы ему отвлечься от грустных мыслей (действие III, явление 18). Отмеченное нами еще раз свидетельствует о ярко выраженном *психологическом* характере драмы, что четко проявляется в поведении, а также в речи персонажей.

Не менее важно, что пьеса содержит также ярко выраженное *религиозное* начало. Обратимся к смыслу названия пьесы. Само выражение «власть тьмы» является цитатой из Евангелия от Луки: «Первосвященникам же и начальникам храма и старейшинам, собравшимся против Него, сказал Иисус: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня? Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и *власть тьмы»* [Лк. 22: 52–53]. Иисус произнес эти слова, когда был взят воинами под стражу в Гефсиманском саду. Очевидно, что с содержанием пьесы приведенный эпизод не имеет ничего общего. «Символы тьмы и света имеют для Толстого широкий и общий смысл, далеко выходящий за пределы приведенного эпизода, — отмечает Г. А. Бялый. — В христианской и дохристианской литературе эти символы встречаются очень часто как синонимы добра и зла, истины и лжи» [5, с. 73]. Следовательно, «власть тьмы» можно понимать как власть зла, лжи, власть хитрости и лукавства, а, следовательно, отсюда — власть лукавого, т. е. дьявола, нечистой силы. О подобной власти над человеком говорит преподобный Макарий Великий в своей второй беседе (Добротолюбие, т. I, гл. 9): «Лукавый князь — царство тьмы, вначале пленив человека, так обложил и облек душу *властью тьмы,* как облекают человека, чтобы сделать его царем и дать ему все царские одеяния, и чтобы от головы до ногтей носил он на себе все царское. Так лукавый князь облек душу грехом, все естество ее и всю ее осквернил, всю пленил в царство свое, не оставил в ней свободным от своей власти ни одного ее члена, ни помыслов, ни ума, ни тела, но облек ее в порфиру тьмы» [6]. У Л. Н. Толстого власть темных сил над человеком проявляется в конкретных грехах и преступлениях (ложь, прелюбодеяния, отравление Петра, убийство ребенка и др.). И писатель в своей драме далек от мистицизма: в описании нравственных падений героев кроется глубокое авторское понимание слабости человеческой природы, близкое в данном случае, несмотря на последующее отвержение Львом Толстым церкви, пониманию святых отцов.

В широком смысле «власть тьмы» может также пониматься как власть смерти: грех ведет человека и к телесной, и к духовной гибели. В книге Л. Н. Толстого «О жизни» слово *жизнь* становится синонимом понятия *свет,* а *тьма,* соответственно, — синонимом *смерти.* Человек, порабощенный эгоизмом и живущий ради своей животной сущности (т. е. во тьме), уже при жизни мертв, а для человека, живущего праведной жизнью (в свете), смерти не существует. Праведность заключается в жизни для блага других. «Стоит человеку признать свою жизнь не в благе своей животной личности, а в благе других существ, и пугало смерти навсегда исчезает из глаз его» [11, с. 371]. Таким образом, герои «Власти тьмы», совершая злодеяния, ввергаются во власть греха, а вместе с ней обрекают себя на смерть духовную и физическую.

Второе название пьесы — известная русская пословица *(«Коготок увяз, всей птичке пропасть.* ‘Стоит лишь поступиться чем-л., начать какое-л. предосудительное дело, как, втянувшись, уже не сможешь из него

выпутаться'» [9]). Значение пословицы близко пониманию власти греха и страстей в трудах святых отцов. У святителя Игнатия (Брянчанинова) находим следующее: «Знай, что все страсти и все падшие духи находятся в ближайшем сродстве и союзе между собой. Это сродство, этот союз — грех. Если ты подчинился одной страсти, то... ты подчинился и всем прочим страстям» [4, с. 205]. Следовательно, в драме «Власть тьмы» учение святых отцов, народная мудрость и идейная позиция Л. Н. Толстого едины. Описывая душевные терзания Никиты, Лев Толстой подчеркивает, что богатство, добытое с помощью преступления, не приносит счастья и не является благом для людей, поскольку, достигая каких бы то ни было целей таким способом, мы наносим вред и своим ближним, и самим себе, нашим душам. Эта мысль также берет свое начало в Евангелии («люби ближнего своего, как самого себя» [Мф. 19: 19]). В своей пьесе автор убедительно показывает, что освобождение человека от внешних оков (в данном случае — от крепостной зависимости) не снимает с него ответственности за принимаемые им решения и совершаемые поступки. Человек должен уметь пользоваться свободой своего выбора. И как бы ни были трудны материальные условия, как бы ни было сильно наше желание стать счастливым, — все равно это желание не должно убивать в нас то лучшее, что в нас есть: нашу духовность, доброту и истинную любовь к ближнему и самому себе.

Смысл двух названий пьесы глубоко и полно раскрывается в ее содержании. Главный герой, крестьянин Никита, нанявшийся работником в дом богатого крестьянина Петра, является по своим душевным качествам вполне неплохим человеком: обладает чувством юмора, внешней красотой, по характеру жалостлив и незлобив, лишен корысти, хитрости и расчета. Герой имеет и свои недостатки: он ленив (Петр неоднократно жалуется на его нерадение и нерасторопность в делах), любит приударить за женщинами и не имеет твердой нравственной силы, позволяющей ему сопротивляться навязываемому извне злу. Этим пользуется Матрена, мать Никиты: желая «устроить» его жизнь, а заодно и самой иметь помощь в старости от благодарного сына, умудренная опытом женщина начинает управлять Никитой и остальными персонажами драмы, умело скрывая свои подлинные намерения и играя на человеческих слабостях. Героиня при этом искренне считает, что делает для сына «добро», а по-настоящему греховным в ее понимании является лишь тот поступок, о котором становится известно окружающим, т. е. тайный грех — вовсе не грех... В результате в доме совершается множество злодеяний: Анисья берет у Матрены порошки и отравляет ими своего болезненного мужа Петра, чтобы выйти замуж за Никиту; Никита разрывает свою связь с девушкой Мариной и, женившись на Анисье, теряет всякое уважение к супруге, оскорбляет и унижает ее, а также присваивает себе ее деньги и пользуется ими как своими собственными, чувствуя себя полноправным хозяином в доме; этого ему оказывается мало — он начинает заигрывать с падчерицей Акулиной и грозится выгнать жену из дома; Акулина рожает от Никиты ребенка, и, чтобы «прикрыть» грех, Никита по совету своей матери убивает младенца.

Достижение цели подобными средствами не приносят героям счастья: все они (за исключением Матрены) страдают от совершенных ими злодеяний. Главный же герой испытывает настолько сильные душевные терзания, что не может с ними справиться и всерьез задумывается о самоубийстве. Пока гости на свадьбе дожидаются его возвращения для благословения падчерицы, Никита, выйдя из дома и оставшись в одиночестве, делает петлю на веревке, однако слова случайно оказавшегося рядом Митрича о том, что не надо бояться людей, меняют намерения персонажа: он возвращается в свою избу, где справляется свадьба Акулины, и публично кается в грехах перед народом. Таким образом, вступив на преступный путь, герой «вязнет» в грехах, как птица, попавшаяся в силки, и оказывается полностью во власти тьмы, и только искреннее и глубокое публичное покаяние позволяет его душе получить очищение. Своим раскаянием Никита отвергает мировоззрение Матрены и рушит ее корыстные планы: он предпочитает отправиться на каторгу и понести наказание за совершенные преступления, чем продолжать жить в богатом доме, ощущая при этом тяжкий груз грехов и по-прежнему испытывая невыносимые муки совести.

Религиозное начало драмы проявляется и в диалогах персонажей. Обращенные к сыну реплики Акима («...От людей утаишь, а от бога не утаишь» [13, с. 35], «...Грех, значит, за грех цепляет, за собою тянет, и завяз ты, Микишка, в грехе. Завяз ты, смотрю, в грехе. Завяз ты, погруз ты, значит. <...> Ты в богатстве, тае, как в сетях. В сетях ты, значит. Ах, Микишка, душа надобна!» [Там же, с. 69]) носят характер проповеди и направлены на пробуждение духовного сознания Никиты; принародное покаяние Никиты в финале пьесы («Мир православный! Виноват я, каяться хочу. <...> Окаянный я. <...> Прости меня, мир православный!» [Там же, с. 98–99]) — ярко выраженный религиозный акт очищения. Сказанное еще раз подчеркивает сложную жанровую природу «Власти тьмы», в которой соединяется черты *социальной, бытовой, психологической* и *религиозной драмы.*

Список литературы:

1. Альтман, М. С. Читая Толстого / М. С. Альтман. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1966. — 168 с.
2. Арденс, Н. Н. Творческий путь Л. Н. Толстого / Н. Н. Арденс. — М.: изд-во академии наук СССР, 1962. — 680 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Т. 2. — Духовное просвещение, 1991. — 611 с.
4. Брянчанинов, И. (святитель Игнатий Брянчанинов). Слово о молитве умной, сердечной и душев-

ной / И. Брянчанинов. — Собрание творений в семи томах. Том II. Аскетические опыты. Книга вторая. — М.: Благовест, 2013. — С. 195–224.

5. Бялый, Г. А. «Власть тьмы» в творчестве Л. Н. Толстого 80-х годов / Г. А. Бялый // Русская литература. — 1973. — № 2. — С. 71–92.

6. Добротолюбие в русском переводе, дополненное. Т. 1, гл. 9. Святой Макарий Великий. Мрачное состояние падшего [Электронный ресурс] / Макарий Великий. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_1/9 (дата обращения 30.01.2023).

7. Ломунов, К. Н. Драматургия Л. Н. Толстого / К. Н. Ломунов. — М.: Искусство, 1956. — 468 с.

8. Парамонова, И. Николай Васильевич Давыдов [Электронный ресурс] / И. Парамонова. — Режим доступа: https://btula.ru/bf_273.html (дата обращения: 10.11.2021).

9. Словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://slovarick.ru/ (дата обращения: 30.01.2023).

10. Тимакова, А. А. Григорович Дмитрий Васильевич / А. А. Тимакова // Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашёва. — М.: Просвещение, 2009. — С. 598–599.

11. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. — Т. 26. Произведения 1885–1889 гг. — М.: Худож. лит., 1936. — 946 с.

12. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. / подг. текста и коммент. Н. В. Горбачева, Н. К. Гудзия, В. С. Мишина [и др.]. — Т. 29. Произведения 1891–1894 гг. — М.: Худож. лит., 1954. — 452 с.

13. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. — Т. 11. Драматические произведения. 1864–1910 гг. — М.: Худож. лит., 1982. — 503 с.

14. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. — Т. 19. Письма 1882—1899 гг. — М.: Худож. лит., 1984. — С. 269–270.

15. Черткова, А. К. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом / А. К. Черткова // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / под общ. ред. В. Э. Вацуро, Н. К. Гея и др.: вступит. ст. К. Н. Ломунова; сост., подг. текста и коммент. Г. В. Краснова. — М.: Худож. лит., 1978. — Т. 1. — С. 409–428.

16. Шульц, С. А. Драматургия Л. Н. Толстого в контексте исторической поэтики (герменевтический аспект): дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / С. А. Шульц. — Ростов-на-Дону, 2004. — 382 с.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

г. Орел

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы. Наш постоянный автор.

ЖИВАЯ РУССКАЯ ДУША
к 170-летию издания «Записок охотника» И. С. Тургенева

Цикл рассказов «Записки охотника» (1852) Ивана Сергеевича Тургенева (1818—1883) — одна из тех книг отечественной классики, где наиболее сильно выражены духовные стороны личности простого русского человека, «русский дух», где в прямом смысле «Русью пахнет»: «Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречихи и “кашки”; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце» («Лес и степь») (1).

В рассказе «Певцы» Тургенев пишет о своем герое: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль» (3, 222). Писатель явил себя таким же певцом благословенной русской земли, с тем же одухотворенно-проникновенным голосом: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны» (3, 222). Этими тургеневскими словами можно было бы выразить пафос цикла рассказов в целом.

Неслучайно И. А. Гончаров (1812—1891), прочитав «Записки охотника» во время своего кругосветного путешествия, у берегов Китая — за тысячи верст от России — ощутил ее дух, ее живое присутствие: «Заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и <...> прощай, Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около». Гончаров также отметил, что Тургенев не только с детства «пропитался любовью к родной почве своих полей, лесов», но и «сохранил в душе образ страданий населяющего их люда» (2).

В год кончины Тургенева его друг и земляк, поэт Я. П. Полонский (1819—1898) говорил: «И один расказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать рус-

скую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

Ф. И. Тютчев (1803—1873) проницательно уловил в «Записках охотника» тургеневское стремление к синтезу реального и сакрального: «поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного» (3).

Известно, какое глубокое впечатление произвели «Записки охотника» на земляка Тургенева — Н. С. Лескова (1831—1895), заслуженно признанного «величайшим христианином среди русских писателей» (4). Он испытал настоящее нравственно-психологическое потрясение, впервые прочитав цикл тургеневских рассказов: «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством» (5).

М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889) справедливо считал, что «Записки охотника» значительно повысили «нравственный и умственный уровень русской интеллигенции» (6) .

Рассказы тургеневского цикла, по признанию Л. Н. Толстого (1828—1910), открыли ему еще в юности, что русского мужика «можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно описывать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом» (7) .

В. Г. Короленко (1853—1921) вспоминал, как, познакомившись в свои гимназические годы с «Записками охотника», впервые испытал чувство внутреннего обновления, ощутил духовное просветление: «Меня точно осияло. Вот они, те „простые“ слова, которые дают настоящую, неприкрашенную „правду“ и все-таки сразу подымают над серенькой жизнью, открывая ее шири и дали, <…> озаренные особенным светом» (8) .

М. Горький (1868—1936) называл «Записки охотника» в числе книг, которые «вымыли» ему душу, «очистив ее от шелухи» (9).

Сходное впечатление испытывает и современный вдумчивый читатель, хотя со дня публикации первого рассказа цикла «Хорь и Калиныч» (1847) минуло более 165 лет и более 160 лет — со времени первого отдельного издания «Записок охотника» (1852). «Склад жизни изменился, а звук души остается» (10),— говорил Б. К. Зайцев (1881—1972) о восприятии тургеневского творчества в статье «Непреходящее» (1961).

Доминантой приведенного выше отзыва Лескова о «Записках охотника» является слово «правда» во всей его полисемантической объемности: правдивость реалистического изображения; реализм в «высшем смысле», одухотворенный романтической традицией; и главное — правда, как вечное стремление к высшей Истине, к идеалу Христа, возвестившего: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14: 6).

Герои «Записок охотника» — русские православные люди. Как известно, понятие «русский» исторически уже подразумевало: «православный христианин». Свидетельство полноценного, духовно не поврежденного чувства национального достоинства — народное самоназвание: «крестьяне», в простонародной артикуляции — «хрестьяне», то есть «христиане» — верующие во Христа.

В бытии и быте народа ощутимо живое Божье присутствие. Христос — в жизни, в сердце, на устах русского человека. «Господи, владыко живота моего!» (3, 37); «Ах, Господи, Твоя воля!» (3, 16); «Прости, Господи, мое прегрешенье!» (3, 137),— то и дело приговаривают герои тургеневских рассказов: старик Туман («Малиновая вода»), Калиныч («Хорь и Калиныч»), мужик Анпадист («Бурмистр»), многие другие. Наслушавшись в ночном зловещих поверий о нечистой и неведомой силе, маленькие герои рассказа «Бежин луг» ограждают себя крестом, именем Божьим. Все герои «Записок охотника» молятся, осеняют себя крестным знамением, божатся, призывают «Господа Бога в свидетели» (3, 182), просят «ради Самого Господа Бога нашего» (3, 42), уповают на «силу крестную» (3, 95); на то, что «Бог милостив» (3, 78), и т. д.

Все это не формализация застывших речевых оборотов, а духовная составляющая русского языка, словесное выражение православного духа русского народа, христианской языковой среды его обитания; показатель глубинной связи слова с самой его сущностью в таинстве языка: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1).

В каждом жилище русского человека: будь то помещичий дом или крестьянская изба — теплятся лампадки перед святыми образами: «перед тяжелым образом в серебряном окладе» в богатой избе Хоря («Хорь и Калиныч» — 3, 9); в «чистенькой» комнатке провинциальной барышни («Уездный лекарь» — 3, 42). Чистое пламя лампадок, свечей символизирует горение духовное, благоговение, внутренний трепет перед Богом в надежде покаяния и обновления души. Православный человек, входя под любой кров, прежде всего крестится на образа, показывая тем самым, что истинный хозяин дома — Господь Бог. Так, в больнице у фельдшера «мужик вошел в фельдшерову комнату, поискал глазами образа и перекрестился» («Смерть» — 3, 202).

Тургенев упоминает также народный обычай с образами обходить пострадавшие от пожара лесные угодья — с тем чтобы с Божьей помощью возродить оскудевшую «производительную силу» земли на таких «“заказанных” (с образами обойденных) пустырях» («Смерть» — 3, 198). «А с Богом-то завсегда лучше» (3, 352),— так выражает убеждение всякого православного человека Филофей — герой рассказа «Стучит!».

На Руси в каждом селе — в таком, например, как Шумихино, «с каменною церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана» («Малиновая вода» — 3, 31) — была церковь. Божьи церкви становились духовно-организующими центрами благословенных просторов родной земли. Храмы являлись и целью паломничества, и пространственными ориентирами, и условленным местом встречи для странников, путешествующих. Так, рассказчик-охотник сказал своим спутникам, что будет «ждать их у церкви» («Льгов» — 3, 77), и «добрался наконец до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами» («Контора» — 3, 139).

Все крестьяне в «Записках охотника» — люди Божьи. Каждый наделен своими талантами и дарованиями. Особо одаренные натуры: Яков Турок («Певцы»), Павлуша («Бежин луг»), Матрена («Петр Петрович Каратаев»), Акулина («Свидание»), Лукерья («Живые мощи»); главные герои одноименных рассказов Хорь и Калиныч, Бирюк, Касьян с Красивой Мечи и другие — выписаны ярко, рельефно, выпукло.

Но есть и такие, которые кажутся совсем невзрачными, как бы невидимыми, живут, что называется, «святым Духом». Но и эти с виду неприметные люди пребывают в лоне православных традиций. Так, церковный сторож Герасим проживал в каморочке «Христа ради» (3, 31), как и другой герой рассказа «Малиновая вода» — Степушка, который «не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании», и все же в «Светлое Воскресенье с ним христосовались» (3, 32).

Вглядываясь в русскую литературу, известный духовный писатель XX века митрополит Вениамин (Федченков) (1880—1961) отмечал, как «мало в ней положительных типов! Все больше грешные, страстные. Хорошие люди почти исключение». Среди этих «исключений» названы герои «Записок охотника», где «изображены преимущественно люди из “простого народа”, немало хороших людей. Из всех выделяется истинноподобная Лукерья (“Живые мощи”)» (11) .

Писатель показал русских людей как искателей и носителей истины, Божьей правды. «Мысль народная» во всех ее ипостасях, в национально-русской, всемирно-исторической и метафизической перспективах — всепроникающая в цикле рассказов. Тургенев писал Полине Виардо: «Я продолжу мое изучение русского народа, самого странного и самого удивительного народа на свете».

Таков главный герой рассказа «Касьян с Красивой Мечи» — образ странный и удивительный. В нем ярко выражены христианские черты, и в то же время — много сложного, противоречивого. Недосказанность как художественный прием в создании образа особенно усиливает его загадочность, неоднозначность.

Охотник настолько потрясен встречей с Касьяном, что на мгновение теряет дар речи: «до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Все тело его было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд. <…> Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого,— он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен» (3, 110).

Карлик с диковинной внешностью выглядит как существо таинственное, полусказочное. Этот «странный старичок» (3, 110) чем-то напоминает гриб, высунувшийся из-под земли. И в самом деле, герой органично связан с землей, с родной почвой, с русской природой. Касьян, словно лесной гном,— хранитель леса и его обитателей.

Гибель вековых деревьев ради корыстных коммерческих интересов, проплешины в лесу после вырубки (на орловском диалекте — «ссе́чки») вызывают в Касьяне душевную боль. Не имея возможности помешать хищническому уничтожению леса, герой апеллирует к Божьему суду: «Тут у нас купцы рощу купили,— Бог им судья, сводят рощу-то, и контору выстроили, Бог им судья» (3, 111). Да и сам автор видит в рубке леса нечто трагическое, уподобляя срубленное дерево человеку, погибающему в последнем земном поклоне: «Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры, и по временам, торжественно и тихо, словно кланяясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево...» (3, 114).

Касьян живет в полном симбиозе с миром природы, буквально говорит с ней на ее языке. Завидев маленьких птичек, «которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок <молодой перепел.— Примечание Тургенева.— А.Н.-С.> полетел, чиликая, у него из-под ног — он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая,— Касьян подхватил его песенку» (3, 113).

Природа в ответ открывает герою целительные тайны своей «Божьей аптеки»: «Есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травки — Божии» (3, 118). Вместе с живительными «чистыми», «Божьими» травками Касьяну ведомы и другие растения — загадочные, «греховные», применяемые только вкупе с молитвой: «Ну, а другие не так: и помогают-то они, а грех; и говорить о них грех. Еще с молитвой разве...» (3, 118).

Так, в своей практике врачевания Касьян также предстает как христианин, оградивший себя молитвой, заручившийся Божьей помощью. Сопровождая охотника, таинственный знахарь «беспрестанно нагибался, срывал какие-то травки, совал их за пазуху, бормотал себе что-то под нос и все поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом» (3, 113).

В обывательской среде знахарей часто считали колдунами, подозревали в сношениях с нечистой неведомой силой. Однако настоящий народный целитель не только наделен открытым ему знанием сил природы. Чтобы врачевать, лекарь должен быть нравственно чистым, духовно возвышенным. Касьян помогает людям бескорыстно, от души, не помышляя о вознаграждении за свои познания и труды. На вопрос, чем он промышляет, герой отвечает: «Живу, как Господь велит <…> — а чтобы, то есть, промышлять — нет, ничем не промышляю» (3, 117). В этом он следует евангельскому завету, данному Христом Апостолам,— о том, чтобы бескорыстно делиться с людьми тем талантом, который получен человеком от Бога в дар: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте»

(Мф. 10: 8).

В народе целителя Касьяна справедливо именуют «лекарка» (3, 112), но он уверен, что и здоровье, и жизнь человека — все в Божьей воле: «Лекаркой меня называют... Какая я лекарка!.. и кто может лечить? Это все от Бога. <…> Ну, конечно, есть и слова такие... А кто верует — спасется,— прибавил он, понизив голос» (3, 118). В этих последних словах героя — сокровенная убежденность в действенной силе христианской веры. Согласно заповеди Христа: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно … ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17: 20). В новозаветном эпизоде воскрешения дочери Иаира Христос говорит: «Не бойся, только веруй, и спасена будет» (Лк. 8: 50).

Касьян с его идеалами добра и милосердия наделен чертами праведника. С другой стороны — сумеречная таинственность судьбы героя вносит диссонанс в его образ, не позволяя ему быть до конца открытым, светлым. Так, у Касьяна есть дочь, но он говорит о ней — «сродственница», скрывая ее происхождение, хотя их кровная связь, внешнее сходство для всех очевидны. Очередная загадка: о матери девушки никто не знает, герой об этом тоже умалчивает.

Кровь, ее пролитие особенно страшат Касьяна. Недоверчиво и неодобрительно относится он к охотникам. Герой смотрит на охоту как на жестокое истребление, бессмысленное убийство «Божьих тварей», напрасное пролитие невинной крови, смертный грех нарушения библейской заповеди «Не убий»: «Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам Божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?» (3, 110).

Этот грех тем более непростительный, что совершается он для пустого развлечения, а не ради хлеба насущного, испрашиваемого в молитве Господней «Отче наш»: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Мф. 9: 11). И Касьян не страшится открыто уличить барина в грехе убийства «братьев наших меньших»:

«Ну, для чего ты пташку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо.

— Как для чего?.. Коростель — это дичь: его есть можно.

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил» (3, 116).

С этим наставлением «рифмуется» оценка охотников, данная Лукерьей — героиней рассказа «Живые мощи»: «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занятно! Одна влетит, к гнездышку припадет, деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесется, а детки тотчас — ну пищать да клювы разевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!» (3, 331).

Касьян также не боится устыдить барина, внушает ему мысль отказаться от жестокой забавы: «Много ее, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной, и луговой, и верховой и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела... А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — Божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов» (3, 116).

В определении хлеба как Божьей благодати кроется священная сущность: «Хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» (Ин. 6: 33). Так хлеб — одно из евангельских самоименований Иисуса Христа: «Аз есмь хлеб жизни» (Ин. 6: 35), «Ядущий его не умрет» (Ин. 6: 50). «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6: 27),— заповедал Господь.

Касьян в свои бесстрашные поучения барину вкладывает именно этот евангельский смысл. Крестьянин наделен поистине апостольским даром слова. Так, святые Апостолы просили у Бога духовного укрепления, мужества на стезе христианского благовествования: «И ныне, Господи, <…> дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое», «и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением» (Деян. 4: 29, 31).

Одухотворенно-«дерзновенное» слово Божие на устах мужика не может в очередной раз не вызвать глубокого изумления автора-повествователя: «Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию, изредка закрывая глаза. <…> Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика» (3, 116). Так удивлялись словам Апостолов «начальники народа и старейшины» в Новом Завете, «видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди некнижные и простые <…> между тем узнавали их, что они были с Иисусом» (Деян. 4: 13).

Касьян говорит, как древний пророк, как прорицатель: «Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолюдины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слыхал ничего подобного» (3, 116—117). Слова мужика по своей сути и по стилю уподобляются священнической проповеди. В «обдуманно-торжественной» речи Касьяна с большим духовным подъемом выражены представления о святости и грехе: «Кровь,— продолжал он, помолчав,— святое дело кровь! Кровь солнышка Божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь, великий грех и страх... Ох, великий!» (3, 116).

Герой старается довести до сознания охотника библейское понятие о крови как предмете таинственном и священном. В Ветхом Завете кровь ассоциируется с самой жизнью, с живой душой: «Кровь есть душа» (Второзаконие. 12: 23); «Душа тела в крови», «Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Лев. 17: 11, 14). Бог заповедал Ною: «Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт. 9: 5). В Новом Завете

Апостолы проповедуют язычникам «воздерживаться от идоложертвенного и крови» (Деян. 15: 29), отказаться от использования крови в каких бы то ни было целях. Жертвенной кровью распятого на Голгофе Христа побеждена смерть, омыты грехи спасенного человечества.

Чаяния русского крестьянства о спасении Божьей милостью, о том, что «придут времена отрады от лица Господа» (Деян. 3: 20), мечты о народном счастье находили воплощение в страннических скитаниях. Странничество, правдоискательство было своеобразной формой оппозиции неправедному устроению социальной жизни, протестом против угнетения и закрепощенности свободной в Боге человеческой души. Не только лучшей доли в социально-бытовом смысле искали простонародные странники, но и — прежде всего — духовно-нравственного идеала, Божьей «правды-истины», как она определилась в русском фольклоре, народнопоэтическом сознании.

Касьян — один из таких странников — получил в народе еще одно прозвище: Блоха. Вероятно, из-за малого своего роста и прыти, способности к динамичным перемещениям. С другой стороны, зоологическое прозвище — отсылка к паразитарному насекомому — снижает образ: «Недаром его прозвали Блохой. Его черная, ничем не прикрытая головка <…> так и мелькала в кустах. Он ходил необыкновенно проворно и словно все подпрыгивал на ходу» (3, 113).

«Человек я бессемейный, непосед» (3, 119),— говорит о себе герой. Может быть, душу загадочного Касьяна, именующего себя «грешным», тяготит какой-то тайный грех, который требует искупления. Оттого он и мается, не находит душевного равновесия. Это гипотеза, но бесспорно другое: его неусидчивость, «непоседливость», «охота к перемене мест» вызваны томлением народного духа по высшей правде: «И не один я, грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут...» (3, 119).

Универсальный в отечественной литературе мотив странничества в поэтике «Записок охотника» становится сквозным, находит свое разностороннее художественное выражение. Даже в рассказе об обездвиженной героине «Живые мощи» явственно звучит мотив паломничества, богомолья. Парализованная Лукерья представляет себя странницей среди других русских паломников-богомольцев: «Вижу я, что сижу я этак будто на большой дороге под ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана — как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня все странники» (3, 336).

Вековечное русское странничество: «Сколько странников ходило и скитальцев по Руси… <…> Мало что переменилось, хоть сменялись, шли века» (12),— в наши дни нашло подкрепление в поэме Николая Мельникова (1966—2006) «Русский крест» (1996). Здесь показана «дорога поисков силы и смысла жизни», «жажда чистоты душевной» (13). В образе «странника с крестом» воплотились прошлое и настоящее России, ее грядущие судьбы, восхождение души к Богу:

«Я грешил на свете много,
А теперь вот сам молюсь…
Если все попросим Бога
За себя, за нашу Русь,
За грехи людские наши
И за весь позор и стыд —
Неужели ж Он откажет,
Неужели не простит? —
В пояс кланялся, прощался,
Крест на плечи поднимал
И в дорогу отправлялся.
А куда — никто не знал…» (14) .

Тургеневский Касьян в своих странствиях не находит искомого совершенства: «Справедливости в человеке нет,— вот оно что...» (3, 119). Но сам процесс поисков идеала приносит ему душевное облегчение: «Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь,— подхватил он, возвысив голос,— и полегчит, право» (3, 119).

В образе героя духовный подъем, духовное раскрепощение соединяются с патриотическим чувством русского национального единства. Этот странник-правдоискатель — деятель и созерцатель одновременно. Ему открыта одухотворенная красота родной земли, любуясь которой Касьян испытывает глубокую любовь и нежность. Он одушевляет Русь, подбирает ласкательные имена ее городам и рекам — всем местам, где ему довелось побывать: «Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромен ходил, и в Синбирск — славный град, и в самую Москву — золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку» (3, 119). Генетически герой связан с миром прекрасного: недаром он родом с Красивой Мечи. Места, где протекает эта река — Красивая Меча (или Мечь) — приток Дона,— считались одними из наиболее живописных в европейской части России.

Касьян не перестает удивляться дивному чуду гармоничного Божьего мира. Для того чтобы видеть и всей душой воспринимать это чудо, нужно быть чудовидцем, духовно отзывчивым «очарованным странником». Именно таков Касьян. Религиозный характер носят его эстетические переживания красоты природы

как Божьей благодати: «И солнышко на тебя светит, и Богу-то ты видней, и поется-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь — сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься — заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этакие степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божия-то благодать! <…> Эко солнышко! — промолвил он вполголоса,— эка благодать, Господи! эка теплынь в лесу!» (3, 119—120).

Любование героев «Записок охотника» своей Родиной, русской землей сливается с голосом автора, рисующего с проникновенной любовью в каждом рассказе цикла художественные картины природы, «прозрачные, будто сотканные из воздуха образы» (15). Точные до мельчайших деталей, узнаваемых примет тургеневские пейзажи представлены в их пространственной глубине, игре света и тени, оттенков красок, в переливах звуков и ароматов. Эти живые образы словно сливаются с дыханием, с биением сердца русского человека. Картины природы настолько одухотворены, что в них отчетливо ощутимо Божье всеприсутствие, незримое вышнее заступничество. Русский пейзаж, воссозданный не в линейной перспективе и даже не в трехмерном пространстве, а с выходом в некое четвертое — духовное — измерение, становится самостоятельным сквозным «героем» тургеневского цикла рассказов, формирует чувство национального единства, цельный и прекрасный образ Родины, Богохранимой земли русской.

Вот, например, как выглядят под пером Тургенева родные места на рассвете: «А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон березовый лесок на горе» («Лес и степь» — 3, 355). Столь же христиански «осердечена» зарисовка летней ночи: «Картина была чудесная <…> Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи», и, «тихо мигая, как бережно несомая свечка», затеплилась на небе «вечерняя звезда» («Бежин луг» — 3, 90; 86).

В народнопоэтическом сознании живет неистребимая мечта о сказочном чуде, золотом «тридесятом царстве» — мире благоденствия, свободы и справедливости, где добро неизбежно одерживает верх над злом, правда пересиливает кривду.

Сказочность и странничество как формы духовной жизни народа соотносятся в жизни русского скитальца: «И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости... И вот уж я бы туда пошел...» (3, 119).

С этими народно-страннническими мечтами Касьяна с Красивой Мечи перекликаются детские грезы засыпающих в ночном маленьких героев «Бежина луга». Они убаюканы сладкими надеждами на дивное чудо в сказочной земле за «теплыми морями», куда отправляются птицы небесные:

«— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда ж они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза» (3, 104).

В поэтизации странничества переплетаются мотивы фольклорные и христианские. Простонародные русские скитальцы в чаянии «довольства и справедливости» ищут те заветные места, где Христос «низложил сильных с престолов и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем» (Лк. 1: 52—53). Священная, светлая птица Гамаюн в мифологическом ракурсе олицетворяет чудодейственное заступничество. Эта птица — Божья вестница, подательница надежды на чудо Божьего Промысла. Окрашенное в золотой цвет «иное царство, небывалое государство» соотносится с солнечным светом, с небесной сферой. В христианском контексте сказочное «золотое царство» соотносимо с евангельским откровением об уготованном для праведных светоносном «золотом граде» Небесном Иерусалиме, в котором «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»; «ночи там не будет»; «спасенные народы будут ходить во свете Его» (Отк. 21: 4, 24, 25).

«Юродивец» — третье прозвище Касьяна. Его поведение представляется окружающим странным, нелепым. И сам он выглядит человеком чудаковатым, почти безумным: «Неразумен я больно, с мальства» (3, 117). Касьян, не занятый, как все, крестьянским трудом, признается: «Ничем я этак не занят... Работник я плохой» (3, 117). Охотник мысленно соглашается с прозвищем героя, дивясь его необычной манере держаться, вести таинственные, малопонятные речи: «Последние слова Касьян произнес скороговоркой, почти невнятно; потом он еще что-то сказал, чего я даже расслышать не мог, а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название “юродивца”» (3, 119).

На взгляд со стороны, «юродивец» подобен безумцу, хотя таким и не является. Касьян просветлен более многих крестьян, обладает широким кругозором, он грамотный человек: «Разумею грамоте. Помог Господь да добрые люди» (3, 117). В первоначальном издании рассказа герой говорил также о своем участии в

церковных Богослужениях: «Случается, так в церкви Божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею» (3, 468).

Касьян скорее принимает вид безумца, как многие юродивые. Его «неразумность» — особого рода. Он не способен «промышлять», наблюдать эгоистический, корыстолюбивый интерес. Христианская вера очищает ум и душу от маниакального стремления к наживе, корысти: «Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» (Иак. 2: 5).

В душе герой ведет напряженную внутреннюю работу, непрерывно размышляя об истинном предназначении человека в соответствии с Божьим замыслом: «Да это все под Богом, все мы под Богом ходим; а справедлив должен быть человек — вот что! Богу угоден, то есть» (3, 118). Недаром в нашем языке синонимы к слову «юродивый» — «блаженный», «Божий человек», «Христов человек». Духовное делание развивает в герое дар прозорливости, прорицания.

Таким же даром наделена Лукерья — героиня рассказа «Живые мощи».

Этот тургеневский шедевр с его глубинным религиозно-философским содержанием, весь проникнутый православным духом, вызывал заслуженное восхищение современников писателя и по сей день является предметом особого внимания читателей, литературоведов, философов, богословов, писателей.

Так, например, французский писатель и философ Ипполит Тэн признавался в письме Тургеневу: «Я прочел „Лукерью“ три раза кряду» (3, 514). Именно рассказ «Живые мощи» позволил И. Тэну осознать всемирное значение и духовное величие русской литературы по сравнению с литературами других стран: «Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный родник» (3, 514).

Посвящая Тургеневу свой рассказ, навеянный «Касьяном с Красивой Мечи», Жорж Санд так отозвалась об авторе «Записок охотника»: «Вы — реалист, умеющий все видеть, поэт, чтобы все украсить, и великое сердце, чтобы всех пожалеть и все понять». После прочтения рассказа «Живые мощи» знаменитая французская романистка на склоне лет признала превосходство русского писателя: «Учитель,— все мы должны пройти Вашу школу» (3, 426).

Даже более чем Касьян, Лукерья вызывает у повествователя чувство безграничного изумления. Увидев ее, охотник буквально «остолбенел от удивления» (3, 327). Благоговение испытывает Тургенев перед мощью христианского духа, который обитает в немощном теле героини — в полном соответствии с антиномиями Нового Завета: «Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”. <…> Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор.12: 9—10).

С героиней рассказа — жизнерадостной крестьянской девушкой, красавицей Лукерьей, помолвленной невестой — незадолго до свадьбы приключилась неведомая болезнь, неподвластная лечению докторов. От начала болезни до кончины — без малого семь лет (семь — священное число духовного порядка) — обездвиженная Лукерья пролежала одна в плетеном сарайчике на пчелиной пасеке. Медоносная пчела, когда завершает свое благодатное земное предназначение, сохнет, чернеет, умирает. Так и Лукерья настолько внешне иссохла, что превратилась в почерневшую мумию, «живые мощи».

Охотник, знавший девушку раньше, ошеломлен жутким зрелищем, контрастирующим с его прежними впечатлениями: «Возможно ли? Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!» (3, 328).

Искрящаяся радостью и весельем физическая жизнь отлетела, сковалась неподвижностью, тишиной. Сарайчик Лукерьи напоминает усыпальницу, гробницу: «темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмостки, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура...» (3, 327).

Сакральный подтекст рассказа позволяет предположить, что Лукерья накануне замужества, то есть в один из переломных моментов жизни, когда человек становится наиболее уязвимым, подверглась бесовской атаке «врага рода человеческого». В это время девушка думала только о себе, о своей любви, о встречах со «статным, кудрявым» женихом: «Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил» (3, 328— 29). Безоглядное чувство, всепоглощающая сосредоточенность на личном счастье обезоруживают человека перед происками нечистой силы, выискивающей беззащитную жертву; могут привести к физической и духовной гибели.

Так, перед рассветом (согласно традиционным представлениям — время разгула нечисти, ее особой активности) Лукерье-невесте, завороженной ночными соловьиными трелями, почудился зов жениха: «Зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: “Луша!..”. Я глядь в сторону, да, знать, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз — да о́ землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось... <…> — С самого того случая,— продолжала Лукерья,— стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже — и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: все хуже да хуже» (3, 329).

М. М. Дунаев считал, что в этой истории болезни кроется не только «несчастная случайность», но и «слабый намек, хоть и не вполне проявленный, на бесовское вмешательство» (16). Из приведенного рассказа

Лукерьи не «слабо», а вполне явственно проступает метафизический характер недуга, сразившего девушку. Лукавый голос, злокозненно маскируясь под призыв жениха, влечет ее в гибельную бездну («так прямо <…> и полетела вниз»).

Отголосок этой сцены — в рассказе «Бежин луг», когда Павлуша услышал ночью над рекой предвестие его скорой гибели — зовущий голосок утопленника Васи: «Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: “Павлуша, а Павлуша!”. Я слушаю; а тот опять зовет: “Павлуша, подь сюда”» (3, 104). Характерна реакция героев «Бежина луга», стремящихся при помощи крестного знамения отразить вредоносные нападения нечистой силы: «Ах Ты, Господи! ах Ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь» (3, 104).

В то же время в народном сознании живет убеждение, что истинная христианская душа выстоит, одержит верх, несмотря на временную победу бесовщины. Эту мысль выразил один из мальчиков в рассказе «Бежин луг»: «Эка! — проговорил Федя после недолгого молчанья,— да как же это может этакая лесная нечисть хрестиянскую душу спортить» (3, 95).

Вера в Христа-Спасителя, религиозное миросозерцание Лукерьи, христианское смирение становятся для нее источником огромной духовной силы, несказанной душевной красоты. Портрет героини — также совершенно бестелесный — вызывает у автора представление о древних иконописных ликах, потемневших от времени: «Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое? Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять икона старинного письма» (3, 327).

По определению В. И. Даля, «мощи — нетленное тело угодника Божия». Тургеневская героиня, прозванная в народе «живые мощи», еще при жизни становится «истиннопреподобной» угодницей Божией.

Охотника также крайне изумило, что мученица не сетовала на судьбу, «рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» (3, 329). Односельчанам она также не докучает: «От нее никакого не видать беспокойства; ни ропота от нее не слыхать, ни жалоб. Сама ничего не требует, а напротив — за все благодарна; тихоня, как есть тихоня» (3, 338),— рассуждает хуторской десятский.

В христианской модели мира человек пребывает не во власти языческого «слепого случая» или античного «фатума», но во власти Божественного Провидения. Героиня принимает Божью волю со смирением, с благодарением и молитвой: «— А то я молитвы читаю,— продолжала, отдохнув немного, Лукерья.— Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно» (3, 332). Страдалица-крестьянка, едва ли это сознавая, в точности следует заповеди Господа о немногословной молитве: «Молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6: 7—8).

Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест — значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (3, 332) — по слову Христа: «Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10: 38).

Она почти не может спать, и тем исполняет заповедь: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26: 41). «Бодрствующая» героиня приучила себя не размышлять, а молитвенно созерцать «мир Божий, который превыше всякого ума» (Фил. 4: 7): «Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим — да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!» (3, 332).

В народе поговаривают, что испытание тяжелой болезнью послано Лукерье в искупление за какой-то тайный грех: «Богом убитая, <…> — стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать ее — нет, мы ее не осуждаем. Пущай ее!» (3, 338).

Готовя рассказ к печати, Тургенев в письме к Полонскому вспоминал о страшном времени голода 1841 года, когда «чуть не вымерли поголовно» Тульская и смежные с ней губернии (Орловская — в том числе). Писатель воспроизводит народный отзыв, показывающий отношение простого человека к бедствию как ниспосланному свыше испытанию — во оставление грехов: «Ты и так Богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?» (3, 511).

Так в чуткое православное сознание русского народа вживляется евангельское изречение Апостола Петра: «Страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1 Пет. 4: 1, 2). В этом суть православного аскетического взгляда на жизнь: винить в несчастьях не других, а самого себя; в бедствии видеть справедливое воздаяние, ведущее через глубокое покаяние к духовно-нравственному обновлению, возрождению и спасению.

Лукерья также считает, что болезнь послана во благо ее душе, и в этом смысле она счастливее физически здоровых людей: «Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: “Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоем состоянии согрешить можешь?” Но я ему ответила: “А мысленный грех, батюшка?” — “Ну,— говорит, а сам смеется,— это грех не великий”.— Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больно грешна» (3, 330—331).

Более того — она самим своим безропотным перенесением многолетних страданий «отмаливает» чужие грехи, грехи родителей: «Было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низ-

ко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны» (3, 335—336).

В общерусском православном смысле воспринял образ Лукерьи Б. К. Зайцев, назвав ее заступницей «за Россию грешную, за всех нас, грешных» (17).

Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. «Посему мы не унываем,— учит Апостол Павел,— но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4: 16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия» (18),— справедливо отметил выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).

Героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. В своем уединении она вступает в область сверхрационального познания, религиозного откровения: «Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна, и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление — даже удивительно. <…> Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» (3, 333).

В снах-видениях открывается прямая связь чуткой христианской души с запредельным миром на пороге инобытия. Вместо венка из васильков (в символическом контексте рассказа полевые васильки — намек на любовь к земному жениху Василию Полякову) девушка увенчана небесным сиянием — как нимбом святого: «Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом осветила» (3, 335). Свет в Евангелии не метафора и не образ, но выражение самой сущности Христа: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин. 12: 36). В земной жизни жених оставил свою невесту-калеку. Но в духовных сферах праведницу одобряет и принимает Сам Господь: «Глядь — по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько — только не Вася, а Сам Христос! И почему я узнала, что это Христос, сказать не могу,— таким Его не пишут,— а только Он!» (3, 335).

Лукерья становится «Христовой невестой» (устойчивое выражение, обозначающее умершую девушку или девушку, которая предпочла браку монашество): «Не бойся, говорит, невеста Моя разубранная, ступай за Мною; ты у Меня в Царстве Небесном хороводы водить будешь и песни играть райские. <…> тут мы взвились! Он впереди... Крылья у Него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за Ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болезнь моя и что в Царстве Небесном ей уже места не будет» (3, 335).

На крыльях христианской веры героиня духовно воспарила, «достигла того состояния целостности и высшей простоты духа, когда человек мыслит уже не рациональным рассудком, а интуицией, духом, сердцем своего бытия. Это есть состояние сердечной чистоты, что есть начало уже Царствия Божия в человеке»,— комментирует архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) (19).

В своем отношении к жизни и к миру Лукерья проявляет себя столь одухотворенно-сострадательно, что вновь подкрепляет ассоциацию с бесплотными женскими ликами русских икон, особенно с чудотворным образом Пресвятой Богородицы «Умиление». Выступая как заступница обездоленных, она совсем забывает о своем личном страдании: «Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу,— с величайшим усилием, но *умиленно* <курсив мой.— А.Н.-С.> произнесла она.— Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно — всем довольна» (3, 337). Здесь состояние умиления в его духовном смысле обозначает соприкосновение души с Божьей благодатью.

Истинная праведница боится прогневить Бога: не ропщет на свою участь, не мучается гневом, завистью, не проклинает, а благословляет мир Божий. Обездоленная и обездвиженная, но сильная духом, она не позволяет злу проникнуть в свой внутренний мир. Наоборот, ее душа вся светится добром, участливым отношением к людям. В ее положении, хуже которого отыскать вряд ли что возможно, она беспокоится о тех, кому еще труднее: «А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает <…> у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землею роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает» (3, 330).

Земная жизнь Лукерьи завершается под слышимый только ею «сверху» колокольный звон, призывающий ее в вечность, в Царство Небесное, в соответствии с евангельским обетованием: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24: 13).

«Откровение души», «торжество бессмертного в тленном»,— так определил суть тургеневского рассказа архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). По его справедливому суждению, Тургенев «не только выразил жизнь в ее последней тайне, он открыл человеческую бессмертную душу, не зависящую в

своей глубине ни от чего внешнего, ни от каких материальных или экономических условий» (20).

Преданность Божьей воле как замечательную особенность русского народа Тургенев проникновенно рисует и в рассказе «Смерть». То, как умеет умирать православный человек,— также является предметом уважительного удивления писателя и в очередной раз подтверждает его мысль о русском народе «как самом удивительном народе на свете»: «Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает» (3, 200). Так, придавленный деревом во время рубки леса подрядчик Максим в свои последние минуты думает о Боге, о покаянии: «За попом... послать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, все перебито... сегодня… воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил» (3, 199).

Для православных день земной кончины — день рождения в жизнь вечную.

Антикрепостническое содержание тургеневского цикла глубоко и всесторонне изучено. В то же время необходимо заострить внимание на этой теме, рассматривая ее не только как историко-литературный факт, но как проблему, не теряющую своей актуальности и в наши дни.

Жестокосердные поработители народа — изощренный изувер помещик Пеночкин и его подручный — бурмистр Софрон («Бурмистр»), Хвалынский и Стегунов («Два помещика»), господин Зверков с его говорящей фамилией и такой же зоологической внешностью («Ермолай и мельничиха»); многие другие помещики, в том числе матушка охотника, в которой различимы черты Варвары Петровны — матери Тургенева («Живые мощи») — все они стремятся свести подневольных людей к рабскому животному состоянию. Угнетатели не только распоряжаются судьбами крепостных, физически губят их непосильным рабским трудом, голодом, нуждой, телесными наказаниями, но методически убивают живую душу. Иных доводят до самоубийства, иных — до сумасшествия.

Вот один из крохотных эпизодов, повсюду рассыпанных в цикле рассказов, за которым стоит подлинная драма исковерканной человеческой судьбы: вскользь упоминается «подверженный сумасшествию резчик Павел», который «к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Маланье, давно уже умершей» («Смерть» — 3, 201—202).

Столь же искалечены судьбы многих крепостных, лишенных по вине господ права на любовь, личное счастье: это горничная Арина и лакей Петрушка («Ермолай и мельничиха»), Татьяна и Павел («Контора»), Матрена («Петр Петрович Каратаев») и другие.

В предисловии к переводам тургеневских рассказов в журнале Чарльза Диккенса (1812—1870) — английского писателя-христианина, наиболее родственного по духу русской классической литературе,— высказывалось негодование по поводу зверств «сильных мира сего», творящихся в стране, считающей себя «цивилизованной и христианской» (3, 430).

Не случайно официальные власти затеяли секретное следствие о «Записках охотника», усматривая в них политическую оппозиционность и опасность для правящего режима. Сотрудник Главного управления цензуры доносил министру просвещения: «Мне кажется, что книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра <...>. Полезно ли, например, показывать нашему грамотному народу <…>, что однодворцы и крестьяне наши, которых автор до того опоэтизировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (Бог знает, где он нашел таких!), что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставляя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противузаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше» (3, 409).

Как известно, далее последовали надзор тайной полиции, арест и ссылка «политически неблагонадежного» Тургенева.

Для подавляемой властью личности пространством свободы служит православная вера. Писатель показал, что крепостное право — рабство внешнее — не убило в русском народе внутренней свободы души и духа. Художественная логика тургеневского цикла рассказов неуклонно ведет к выводу о том, что люди не должны быть рабами людей — по слову Апостола Павла: «Не делайтесь рабами человеков» (1 Кор.7: 23). Люди не рабы, а дети Божьи: «Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Гал. 4: 7). Тургенев утвердил богоподобное достоинство человеческой личности, ее духовную независимость. Человек рожден свыше, его Господь-Отец сотворил. И этот дар творения подкреплен даром истинной свободы — в Боге и от Бога: «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5: 1).

Те же, кто отнимает у человека этот дар Божий, суть богопротивники, бесы — носители зла. Вот почему Апостол Павел призывает: «Братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:10—12).

По апостольскому слову, Христос, «отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собой» (Кол. 2: 15). В Новом Завете выражена вера в то, что во втором пришествии Христа «Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть, и силу» (1Кор. 15: 24).

Своеобразие изображения жизни в рассказах Тургенева предстает в динамике взаимодействующих

планов бытия: национально-русского и вселенского; конкретно-исторического и философско-универсального; социально-политического и религиозно-нравственного; земного и надмирного; сиюминутного и вневременного, вечного — всего того, что составляет живую русскую душу «Записок охотника».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1978—1982.— Сочинения: В 12 т.— Т. 3.— С. 355. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. Гончаров И. А. Собр. соч.— М., 1955.— Т. VIII.— С. 262; 108—109.
3. Тютчев Ф. И. Весенняя гроза: Стихотворения. Письма.— Тула, 1984.— С. 186.
4. J. von Guenter. Leskov.— Russlands Christlichster Dichter.— Jahrgang 1.— 1926.— S. 87.
5. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т.— М.: ГИХЛ, 1956—1958.— Т. 11.— С. 12.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— М.: Худож. лит., 1970.— Т. 9.— С. 459.
7. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т.— Т. 66.— С. 409.
8. Короленко В. Г. Собр. соч.— М., 1954.— Т. V.— С. 265—266.
9. Горький М. Полн. собр. соч.— М.: Наука, 1972.— Т. 15.— С. 373.
10. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В XI т.— М.: Русская книга, 1999—2001.— Т. IX.— С. 375.
11. Митрополит Вениамин (Федченков). Молитва Господня.— М.: Отчий дом, 2010.— С. 166, 172.
12. Мельников Н. А. Русский крест.— М.: Отчий дом, 2011.— С. 33.
13. Там же.— С. 4.
14. Там же.— С. 36.
15. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.— Т. XVIII.— М.: Гослитиздат, 1939.— С. 144.
16. Дунаев М. М. Православие и русская литература.— М., 1997.— Ч. III.— С. 37.
17. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В XI т.— М.: Русская книга, 1999—2001.— Т. IX.— С. 436.
18. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Беседы с русским народом.— М.: Ладья, 1998.
19. Там же.
20. Там же.

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

г. Брянск

Родилась 8 ноября 1949 г. в п. Дубровка Брянской обл. Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Автор шести книг. Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2014 г.). Член СПР, член международной общественной организации «МСПМИ», член СП Союзного государства. Постоянный автор нашего альманаха.

«БОЖЬЕ КОЛЕСО»
(о последней поэтической книге Владимира Сорочкина)

Владимир Евгеньевич Сорочкин (1961 — 2021) — известный российский поэт и переводчик. Родился и жил в г. Брянске. Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Член Союза писателей России и Союза писателей Союзного Государства. Автор стихотворных книг: «Луна», «Тихое “да”», «Завтра и вчера», «Потаенное небо», «Божье колесо», «Золотая ладья» (книга переводов). Лауреат многих литературных премий, в том числе всероссийских премий им. Ф. И. Тютчева «Русский путь», им. Н. С. Гумилева, премий им. А. К. Толстого «Серебряная Лира», «На земле «Бояна», им. Кирилла Туровского (Белоруссия), им. Н. А. Мельникова и других. Заслуженный работник культуры Брянской области. С 2007 года по 2021 год — руководитель Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России.

В ноябре 2021 года ушел из жизни брянский поэт Владимир Евгеньевич Сорочкин. Ушел внезапно, ничем не мотивированно, по трагической случайности. Произошло это, когда поэт был на творческом взлете, на пике своих достижений, в юбилейный год — ему исполнилось 60 лет. Только что вышла итоговая книга его переводов — «Золотая ладья»,— поразившая читателей масштабностью художественной мысли. В. Сорочкин работал над сборником около тридцати лет. За эти годы был накоплен огромный опыт литературной работы. Осмыслена цель труда переводчика, определены литературные приоритеты. И безупречный вкус, и

высочайшее мастерство, и благородная цель укрепления содружества наций силой образного слова получили в этой книге желанное завершение. Труд великий — так скажет каждый, кто возьмет в руки эту книгу.

«Божье колесо» (Брянск: Цифровая типография «Аверс», 2019) — пятая книга стихотворений В. Сорочкина, последний его прижизненный поэтический сборник. Радостно встретили читатели появление книги, автор стал победителем престижного в нашем регионе литературного конкурса «Я пишу». Поэтический сборник «Божье колесо» наполнили стихи разных лет. Вот это интересно. Поэт сделал отбор произведений, будто подводя итог многолетнему творческому пути. Что волновало его в этот период? Что в новой книге вышло на первый план?

Перечитываю книгу, когда В. Сорочкина уже не стало. По мере чтения ловлю себя на том, что знакомые строчки приобретают вдруг иное звучание. Самым важным, значительным кажется то, что прежде как будто и не замечалось. «Правка» восприятия очень ощутима. Сразу захотелось общую тональность написанного обозначить словом «предчувствие». Поэзия как предчувствие. Именно так.

Помню, как очень давно меня несколько покоробило стихотворение в книге «Завтра и вчера», вышедшей в 2005 году:

Посмотришь вспять — а все уже пропето.
Ткет паучок одежку тишине.
Перетекает в осень бабье лето,
Лишь холодок проходит по спине.
Зима катит в глаза, но и тем паче
Мне дней не жаль, сгорающих дотла,
Пока у жизни есть еще в запасе
Хотя бы искра Божьего тепла. (Посмотришь вспять…)

Пронзительное откровение поэта показалось тогда некоторым кокетством. Откуда это? Молодой, полный сил человек, у которого еще большая жизнь впереди, и вдруг — «все уже пропето». Невозможно было соотнести эти строчки с образом автора, которому всего лишь сорок четыре года.

Наверное, поэт-философ видит дальше, больше других, он воспринимает ситуацию, смотря на нее уже издалека, из грядущего, где многое будет не так. Может быть, поэтому уже тогда, в 2005 году, природа поэтического слова определилась В. Сорочкиным как «предчувствие судьбы»: «Оно рождается, дабы / Идти из сердца человека, / Но — как предчувствие судьбы, / Иль потревоженное эхо» (Слово). Вот им же самим и сказано. А впоследствии все настойчивее, чаще появляется в поэтическом контексте В. Сорочкина тема «иного мира», сопоставляемого с днем сегодняшним. Это добавляет грусти в стихотворения, напоминает о фатальном течении времени: «Что с нами сбудется — заранье / Ответ известен, но опять / Я за чертою подсознанья / Его хотел бы потерять» (Сны); «Обманчив снег. Закончены пути.— / Но по привычке вторится: “Аз есмь…” / А то, что мы пытаемся найти, / Давно не здесь» (Посередине зимы); «Час наступит и мне — перейти через край / С тем, чтоб камнем скользнуть в расступившийся омут…» (Возвращение) и т. п.

Неутешительна постоянная мысль поэта о хрупкости, неустойчивости, кратковременности нашего присутствия на земле: «Жизнь коротка. Она короче / Глотка воды» (Седой родник); «…Жизнь, как и прежде, мимолетна — / Сейчас, сегодня и всегда» (Жизнь); «Почему ж я живу — так, как будто умру / Через пару мгновений, раздавленный небом…» (Луч осеннего солнца)…

В книге «Божье колесо» есть осмысление прожитого с сожалением, с горечью непоправимого: «Я жил не так, но я не мог иначе, / Пусть это счастья мне не принесло…» (Я жил не так…); «И жаль мне всего из того, чем я был, но не стал, / Того, что любил, отдаляясь все дальше и дальше, / Того, что искал, что терпел, что терзался и ждал, / Но так и не взял, и не вытерпел, и не дождался…» (Тихое утро) и др.

Тревожное самочувствие лирического героя сегодня не удивляет, воспринимается как оправданное большим жизненным опытом. И самое печальное то, что предчувствия оправдались. Может быть, поэтому они сегодня особенно заметны в последней книге В. Сорочкина.

Искренние, исповедальные, идущие из сердца строчки написаны совсем не для того, чтобы посетовать на судьбу, вызвать сочувствие, «пострадать на миру»… Лирические сюжеты впаяны в общую концепцию мироустройства по Сорочкину. Личное переживание трансформируется в общечеловеческую проблему, которая выходит на первый план.

В художественном пространстве книги «Божье колесо» мир — нерасторжимое единение противоположных начал: тьмы и света, радости и горя, тепла и холода, разрушения и возрождения, обретений и потерь… Все это было и раньше, в других стихотворных подборках и книгах В. Сорочкина, но теперь заметнее: на антитезах строится большинство произведений: «… И жизнь, и смерть едины, / Как и грядущее с былым» (Дом детства); «Соткан свет из благости и страха…» (И влажен будет воздух…); «… Нам лишь крайности даны / А душа — посередине» (На ловца…) и т. п. В многоликом, разноголосом мире В. Сорочкина идет постоянная борьба разнонаправленных сил. Удивительно, что автору удается понять логику сосуществования противоположных начал, почувствовать в ней не разрушительную силу, а энергию движения вперед. Может быть, поэтому в откровениях лирического героя доминирует не типичное в современной поэзии ностальгическое самочувствие, а примирение с тем, как устроен мир. Это, наверное, труднее всего для человека, и не

каждому дано, но вот важнейшее послание поэта нам: «Прими все то, что видишь: жизнь мала, / Чтоб ей успеть сложиться по-иному…» (Капля). Сопряжение противоположностей — неизбежное состояние мира, достигающее иногда хрупкого равновесия: «Но ничто не затронет свечение дня, / И не сможет разъять неразрывные части.— И покоится озеро, хрупко храня / Бесконечность и тлен, тишину и ненастье» (Озеро).

Логика соединения противоположностей у В. Сорочкина утешительна: нет света без тьмы, но нет и тьмы, не пронзенной светом, и «жизнь — как посмотреть — неостановима. Так же, как и смерть». (Тенькает синица). Не это ли ключ к пониманию жизнеутверждающего пафоса книги, который главенствует, несмотря на тяжелые предчувствия, горечь переживаемых потерь, ощущение скоротечности жизни? Заклинанием звучат строчки:

Пусть заревом неба закатного, пусть
Водою, влекомой к далекому устью —
Во мне ужившется щемящая грусть
С сияньем, даруемым этою грустью.
И — дымом летя, растворяясь во сне,
Пусть светятся — прочь уходящие тени,
Пусть шепчет еще и еще о весне
Увядшая веточка сирой сирени. (Заревом неба закатного…)

Антитезы составляют нерв стихотворений. Они системны, потому что отражают смысл художественной философии. Лирический герой замечает противонаправленные силы в жизни природы («Строки травы», «Тенькает синица…», «Три дня июля» и др.), игру противоречивых чувств в человеческих отношениях и наших душах («Долгая зима», «Сны», «Дни», «Скажи…» и др.), взаимопроникновение тьмы и света в планетарном масштабе («Снега»)… С потрясающим искусством В. Сорочкин передает нюансы, полутона чувств человека и состояний природы в амплитуде перехода из одной крайности в другую. И везде в противоборстве сил он ищет присутствие света и устремляется к нему наперекор жаждущей все поглотить тьме. Неподражаемая поэзия по глубине психологизма; чувства, как звуки симфонической музыки, завораживают и возвышают:

Выйду в снежную глушь, на поля за излучиной старицы,
И останусь один на один с угасающим светом,
И потухнет за мной огонек запорошенной станции,
Словно спичка в руке, и еще раз мелькнет рикошетом.
И сомкнется покой над землей, засыпающей походя,
И расступится небо до крайней, отчаянной шири…
Что здесь делают люди, какие подушные подати
Платят Богу они за свое пребывание в мире…
Тишина… И темнеет вдали за дорогой расхожею
Невысокий пролесок, неровный, как в записи нотной,
И мерцают снега — изнутри — под луною раскосою,
И колеблется искра холодной звезды полуночной… (Снега)

Никогда в стихотворениях В. Сорочкина тьма окончательно не поглощает свет. Хоть маленькой искрой, но он присутствует в картине или даже за ее пределами: «Утро тем и берет, что еще про запас остается…» (Дорога). «Ночь теряет равновесье от одной звезды» (Св. Георгий). «И я молча ловлю этот призрачный свет — / Отовсюду, где даже и не было света» (Собирай…) Это «свет заговаривает тьму, скользя за ней — след в след…», а не наоборот! (Полутень). Свет не теряется никогда, даже у последней черты: «Но глаза закрывая — теряют огни, но не свет» (Завтра)…

Обычно В. Сорочкин завершал свое выступление перед читателями стихотворением «Светлячок», строчки которого тоже воспринимаются сегодня как итоговое послание:

Спят во мраке города и веси,
Но на перекрестках всех годин
Тьмы не существует, даже если
В мире он останется один.

Кто ищет, тому даруется: «На ловца и свет бежит…» (На ловца…)

Вера в неугасающий свет для лирического героя становится заслоном от стихии накатывающей печали, грусти, отчаяния.

Наверное, природой была дана автору особая чуткость к светоносным явлениям жизни, к ее отрадным моментам. Их много в поэтическом пространстве книги. Они — в воспоминаниях о детстве, родных людях, друзьях («Дом детства», «Жар-птица», «Помню о вас» и др.); в гармонии с природой («Озеро», «Три дня июля» и др.)… Это те дары судьбы, ради которых стоит жить. И важно, что поэт видит их здесь, на земле, в привычном жизненном пространстве.

Притягательность земного В. Сорочкин передает через постоянное сопоставление простых, обыденных картин с образами идеальной, «небесной чистоты». Далеко не новый художественный прием, но он исключительно логичен, неформален в поэзии В. Сорочкина, адекватен мировосприятию поэта. И примиряются противоречия «великое — простое», «чудесное — обыденное». Это поэзия преображения, открывающая в сиюминутном и земном приметы вечного, прекрасного, небесного:

«… Пугливо верба ветви распушила, / Похожие на райские цветы» (На Мутном. Март);

«Как мало покоя! Как много весны! — / Залетная бабочка просит прощенья.— / В ее воскрешенье из мертвых видны / Небесные силы в земном воплощенье… « (На Мутном. Апрель);

«И отступит разлапистый полог, и свет / Припадет к серебристой, расплавленной толще, / Повторяя, как зыбкий живой трафарет / Поднебесье, себе заглянувшее в очи» (Озеро);

«… Даже воздух согрет по-иному, / Растекаясь по снежным грядам, / Где начало и раю земному, / И людским непочатым трудам,— / Где за каждою грязной дорогой, / Потерявшей течение лет, / Открывается — чистый, широкий, / Вешним солнцем обласканный свет» (Март еще одаряет снегами…);

«Как свеж этот воздух, омытый водой… / Зарницы пылают вдали. / Окончился ливень, связав с высотой / Безбрежье притихшей земли» (Как свеж этот воздух…)

В последнее время В. Сорочкин, выступая перед слушателями, любил читать стихи о любви. Как будто хотел еще раз пережить чувства отрадные, светоносные, согревающие сердце.

В книге «Божье колесо» много любовной лирики. Каждое стихотворение может существовать автономно как проживание частной ситуации, но оно тоже всегда вписано в общее восприятие мира, и читать его под этим углом зрения значит слышать и прочувствовать вместе с лирическим героем неумолимый ход времени, в котором жизнь, а в жизни — любовь даются человеку великим даром, но лишь на миг, на мгновение во вселенском масштабе, однако вполне достаточное для того, чтобы осознать значение этого дара.

Любовь в поэзии В. Сорочкина — это смысл нашего присутствия на земле, счастливые мгновения бытия, а Любимая — воплощение идеала, небесной чистоты и высоты: «Ты снова забежишь на полчаса, / Мой ангел из заснеженного рая…» (Твоя метель); «И никчемные страсти-мордасти не в счет, / Ты с небес снизойдешь, как святая…» (Из облаков); «Всегда ты была для меня / Водою небесной» (Только слова); «… В этот дождь, что уносит обрывки тепла, / Дым покоя и неги — / Я смотрю на тебя и приемлю тебя — / Точно радугу в небе (Я тебя не держу…); любовь окрыляет, она возрождает: «Как ночь черна в углях зеленых ниш! / Как жжется запах, ластясь пеленою… / Я жду звонка. Сейчас ты позвонишь, / И эту ночь рассеешь надо мною» (Черемуха цветет); она просветляет и животворит: «Эти дни, словно сны пролетают, и в них / Остается надежда сияющим следом. / Как легко о тебе вспоминать каждый миг / Бесконечного дня, осиянного светом» (Пусть холодная тень…); жизнь там, где любовь: «Давно отшумели сады, / Давно уже выросли дети, / Но шепот твой: «Не уходи» / Еще меня держит на свете» (Казалось: вся жизнь впереди…); любовь — всепобеждающая, чудодейственая сила, противостоящая разрушающему все злу и преображающая жизнь:

Ни тепла не прошу, ни покоя.
Пусть и холод наступит, но — твой.
Пусть ненастье твое всеблагое
Над моей прошумит головой.
Реют тучи, как хищные птицы.
Дождь стучит и стучит по окну,—
Но ненастье твое — как затишье,
И твой холод подобен огню… («Не прошу»)

Территория света в книге «Божье колесо» постоянно расширяется. Им наполнены стихи о родине, России. Мысли о кратковременности земного бытия у лирического героя всегда сопряжены с утверждением неистребимости жизненных сил земли, ее бессмертия:

И мне, земля моя, в твоих исчезнуть далях,
Но как знаменье
Бессмертья твоего — возьму последним даром
Иное зренье. (Предзимье)

Иное зренье не означает угасший свет. Это еще один великий дар обретения.

Верой в постоянное возрождение жизни проникнуты многие строчки поэта:

Но останусь я там, где последние ноты звучат
Уходящего времени, пьющего вечности воду,—
Там, где падают птицы, летя на кровавый закат,
Пропадая в высокой траве, обращенной к восходу. (Этот день неподвижен…)

Трава, обращенная к восходу. К свету. Куда яснее?

Странно, почему такие прекрасные стихотворения («Предзимье» и «Этот день неподвижен…») В. Е. Сорочкин не включил в книгу «Божье колесо». Они остались в сборниках «Завтра и вчера» (2005) и «Потаенное небо» (2016). Теперь мы этого не узнаем. Может быть, потому, что они стали хрестоматийными, и уже написано новое, в котором обобщены смыслы, связанные с поиском истины. Стихотворение «Божье колесо» дало название сборнику, что и указывает на концептуальность произведения. О чем оно? Какая мысль зашифрована в поэтическом тексте о радости весеннего пробуждения природы? Вот одна из счастливых минут, часов, которые время от времени дарит нам жизнь как состояние гармонии с природой и самими собой, когда на сердце «радость теплая, истома», а жизнь вокруг предстает «во всей своей красе…» И все же. Вот характерное для В. Сорочкина: «Солнце катится под гору…» Это, конечно, о закате. Травам, листьям, деревьям, «расплескавшейся зелени», которая «мнит» о своем всесилии, и закат, и потемки совсем не важны… Легкая ирония сквозит в сравнении: «Словно курочка над кладкой, / Раскудахтался денек». Лирический герой видит иное в отрадной картине: «Угольком лежит на веках / Свет, еще сверкая в ветках…» Значит, что-то уже прогорело, осталось сверкающим угольком. Вот это «еще» — о приближении ночи. И более определенно о завершении дня: «угасая в дымке сладкой…» Чуть обозначенная грусть — это предвестие. И все же главный смысл стихотворения, думается, не в этом. Он в образе «божьего велосипедиста», который «скользит вперед» (именно вперед!) большим рыжим колесом. Солнце, несущее тепло и свет всему живому — «Божье колесо». Его скользящее движение над миром — неостановимо, потому что все, что есть — это Божий мир. Потому радость обновления в этом стихотворении эмоционально сильнее предвестия угасания дня. Солнце делает свою работу и, укатившись, обязательно возвращается… Мы знаем это. Наш день короток, но мир вечен. Мы идем рядом, счастливые, потому что мы не чуждые природе, мы — так же, как и все вокруг нас, частицы вечного, неугасающего, бесконечного Божьего мира. Мы участники его сотворения. Для света вообще нет границ. Эта же мысль — в стихотворениях «Христос воскресе!», «Петру Проскурину», «Речь несвязна и убога…», «Св. Георгий». Что это, как не дар человеку — знать, что ты участник вечного движения жизни и тебе дано успеть прочувствовать радость бытия?

При этом нет избранных. Именно каждый из нас — участник великого созидания картины мира, и в этом — смысл и цель нашего присутствия на земле:

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет.
Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы…
Посмотришь — жизнь твоя поместится
На острие его иглы. (Какой портной…)

И сам себя поэт не мнит отличным от других, лучшим, имеющим право быть учителем. Он признает и свое несовершенство, уравнивая себя с другими. Он вообще не делит людей на добрых и злых, талантливых и бездарных, духовных и безнравственных. На тех, кто достоин даров, а кто — нет. Поэт утверждает: опыт каждого человека бесценен в общем движении жизни:

Прими все то, что видишь: жизнь мала,
Чтоб ей успеть сложиться по-иному…
Скрипит сосна. По свежему излому
Стекает теплой каплею смола.
Пройдет немало времени, пока
У ног твоих взамен смолы пустячной
Из-под волны, небрежной и прозрачной,
Сверкнет янтарь, застывший на века… (Капля)

Закрываю книгу с тем же впечатлением: поэзия как предчувствие. Но не предчувствие ухода, а предвестие торжества света над тьмой, жизни над смертью, торжества жизнетворящей любви. И всегда, читая стихи В. Сорочкина, в том числе книгу «Божье колесо», в итоге неизменно чувствуешь прилив жизненной энергии, просветленность, обретаешь возвышенный строй мысли. Поэт простился с нами рано, но успел сказать о главном. Ушел «сказочником», открывающим «белый свет за точкой пера» (Бумажная кровь). Мы его слышим сегодня.

И нам ничего не остается, как вслед за автором верить в неистребимость жизни, в ее постоянное обновление и вечное движение, уметь радоваться ее дарам и посильно умножать свет и добро, исполняя свое великое предназначение. Хочется надеяться, что когда-нибудь наступит такое время, когда поэты будут петь больше «песен счастливых» (Поэты), потому что Божье колесо катится, рассеивая тьму и укрепляя все живое, что есть на Земле. И никому не дано остановить это движение.

(Печатается в сокращении)

Андрей ВОЛКОВ

г. Тула

Родился в 1987 г. в Туле. Учился на факультете «Русская филология и документоведение» ТГПУ им. Л. Н. Толстого и заочно на специальности «Литейное производство черных и цветных металлов» ТГМК им. Н. Демидова. Писать начал с детства, публиковаться — в студенческие годы в журнале «Ловец снов», который сам же придумал с друзьями детства. Первая публикация под настоящим именем состоялась в 2008 г. в «Университетской газете» ТулГУ, где посещал курсы журналистики в 2007—2009 гг. Киноман с детства. В 2009 г. стал публиковать в интернете кинорецензии, что и составило в дальнейшем львиную долю творчества. С 2013 г. трудится в сфере металлургии, сначала на АО «Тулачермет», а с 2016 г. на оборонном предприятии «Сплав». В настоящее время пишет о кино и рок-музыке в интернет-СМИ. Автор одного романа и трех повестей и более тридцати рассказов. Имеет личную страницу на литературном портале «Проза.ру», от которого четыре раза получал номинации на премию «Писатель года». Член тульского клуба православных писателей «Родник». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ТИХАЯ ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ

Художественный кинофильм «Евдокия» (1961), СССР
Режиссер: Татьяна Лиознова
Сценарий: Вера Панова
В ролях: Людмила Хитяева, Николай Лебедев, Алевтина Румянцева, Люба Басова, Ольга Наровчатова, Владимир Ивашов

Советская эпоха, отделенная от современного зрителя тридцатилетием демократии по-русски, постепенно стирается из коллективной памяти, уходит на периферию. Реципиенты еще могут воспринимать советскую героику или же комедии (особенно при недостатке хорошего юмора в российском кино), а вот тихие драмы или, как в нашем случае, мелодрамы покажутся непонятными тем, кто не соприкасался (или забыл за давностью лет) тогдашние быт и нравы.

Творчество Татьяны Лиозновой (1924—2011) не слишком изучено, особенно на фоне ее учителя, выдающегося режиссера и многолетнего профессора ВГИКа Сергея Герасимова. Из ее работ наиболее памятны «Три тополя на Плющихе» (1967) и сериал «Семнадцать мгновений весны» (1973). Однако за свою жизнь Лиознова сняла семь фильмов и два сериала, пять лет преподавала во ВГИКе и упорно не принимала новое время, считая себя советским режиссером. После 1986 года она ушла из кино и лишь изредка появлялась на телевидении.

«Евдокия» — второй фильм в творчестве Татьяны Лиозновой, созданный через три года после дебютного «Память сердца». Военная и поэтическая линии, чуть ли не в духе популярного в 1930—1940-е гг. французского течения «поэтический реализм», составили главные темы творчества мастера.

Удачный тандем сложился у Лиозновой с Верой Пановой, автором одноименного романа «Евдокия» (другое название — «Семья Пирожковых»). В 1965 году режиссер также экранизировала повесть писателя «Рано утром», к которой Вера Панова вновь написала сценарий. Возможно, Лиознову подкупала в прозе Пановой ее умение реалистически изображать жизнь и быт простых советских людей, оставаясь при этом в канонах социалистического реализма. Основной акцент Панова делала на изображение внутреннего мира своих героев, с простыми радостями и мечтами. Типичные маленькие люди, живущие внутри большой советской страны.

Вот и экранизация «Евдокии» представляет по жанру мелодраму на фоне исторических событий. Такие фильмы с особенной любовью снимали в период «Золотого Голливуда» и, возможно, «Евдокия» бы имела успех в американском прокате, если бы две страны не разделяло идеологическое противостояние. Однако и советские граждане с большим удовольствием посмотрели этот фильм, где непременная идеологическая начинка отходит в тень, уступая место правде характеров и поэтизации жизни простого трудового народа,— фильм стал одним из лидеров проката за 1961 год.

Татьяна Лиознова не боится обвинений в литературности, оттого все повествование сопровождает закадровый голос, рассказывающий историю семьи Чернышевых от 1930-х гг. до примерно 1950-х. Рассказ ведется местами мелодраматично, временами иронично. Режиссер не приукрашивает действительность, что было свойственно кинематографу сталинской поры. Это и неудивительно — «Евдокия» была создана в короткое время хрущевской оттепели, а сама Татьяна Лиознова может быть причислена к поколению советской «новой волны» (по аналогии с французской «новой волной»). В ее творчестве, обращенному к бедам и чаяниям простого человека, проза жизни сочеталась с лирикой, а во внешне неприметных героях она умела видеть большое сердце. Именно такие люди, как Евдокия и Евдоким Чернышевы, и являются опорой любой

страны, тем самым простым трудовым народом, к которому будто бы и обращен соцреализм.

Социалистический реализм, будучи искусственным идеологическим направлением в искусстве, требовал показывать жизнь в ее революционном развитии, потому следовало уделять особое внимание руководящей роли партии. В «Евдокии», напротив, исторические потрясения, вроде Великой Отечественной войны, показаны сквозь призму частной жизни. Евдоким не воевал в силу возраста, зато много работал в тылу, дабы у армии было все необходимое. Евдокия всю жизнь провела домохозяйкой, что тоже работа, как она говорит непутевой матери подкидыша, угрожающей, что заявит о похищении ребенка, если ей не дадут денег.

Однако Евдокия не боится суда. Не имея своих детей, Евдокия и Евдоким стали родителями для пятерых сирот, которые любят их как собственных родителей. Татьяна Лиознова, при помощи автора сценария Веры Пановой, утверждает приоритет воспитания перед фактом рождения. Мать та, кто воспитала, а не та, кто родила. Образ настоящей матери Саши нарочно карикатурный, начиная от смешной фамилии Шкапидар и заканчивая внешним видом типичного алкоголика. Ей нужен не ребенок, а лишь деньги на выпивку, которые, как она думала, можно получить от Евдокии.

Фильм Лиозновой хоть и назван, по заглавию романа, «Евдокия», однако не является женским взглядом на жизнь. Не менее важную роль играет муж Евдоким, в котором воплощены лучшие качества русского народа — трудолюбие, основательность суждений и последовательность в их отстаивании, а также любовь к своей семье. Евдоким поначалу кажется Евдокии менее интересным для совместной жизни, чем ее юношеская любовь Ахмет, однако постепенно она понимает, что за его молчаливой грубоватой натурой скрывается добрый и честный человек, на которого всегда можно опереться в жизненных невзгодах. Татьяна Лиознова реалистически изобразила одну из ключевых идей православного взгляда на брак — муж и жена должны быть едины в своем мировоззрении, в трудолюбии, любви к семейному очагу. Только такой брак будет прочным, настоящей «малой церковью».

Картина Татьяны Лиозновой не лишена и атеистических ноток, возможно, по причине того, что была создана в разгар хрущевских гонений на религию. Пассивной вере в Бога, безвольной надежде, что молитвы в церкви помогут сыну на войне, противопоставляется почти ницшеанская воля к власти над жизнью. Да, Павел не вернулся с войны, однако погиб как герой, защищая свой дом и свою страну от нацистов. Его рай — это коллективная память народа, а также благоденствие будущих поколений, ставшему возможным благодаря его подвигу. Недаром его играет Владимир Ивашов, звезда классической военной драмы «Баллада о солдате» (1959).

Тяжело смириться с потерей, но еще невыносимее мысль, что Бог попускает страдания и несчастия людей ради будущего эфемерного блага. Чем тогда Бог отличается от правителей грешной земли, которые развязывают войны, то есть совершают объективное зло, ради туманного блага для их стран? Второстепенная богоборческая линия фильма Лиозновой, вытекающая как бы из самой правды жизни, заставляет задуматься о соотношении грешного человека и божественной справедливости больше и прочнее, нежели снятые в те годы в рамках антирелигиозной кампании ленты «Чудотворная» (1960) и «Тучи над Борском» (1961).

Любопытно, что «Евдокия», несмотря на внешнюю простоту постановки, вызывает аналогии не только с уже ушедшим в то время эстетским французским направлением «поэтический реализм», но и с послевоенным итальянским неореализмом, также обратившимся к простому человеку, но изобразив его в максимально реалистичных обстоятельствах.

Вот и Татьяна Лиознова, несмотря на тонкую лирическую атмосферу, вызывающую в памяти деликатные мелодрамы поэтических реалистов, показывает тяжелый быт своих героев, на долю которых пришлись все сложные события советской истории 1930—1950-х гг. В финале вся их большая семья отмечает юбилей свадьбы Евдокии и Евдокима. Актеры, почти не меняясь внешне, играют уже зрелых людей. Их герои повзрослели, можно сказать, постарели, но по-прежнему любят друг друга, и для выражения этой любви подчас не нужно слов. Достаточно лишь молчаливого взгляда, обращенного в сторону друг друга.

Семья — то, что помогло героям преодолеть все невзгоды и чего не доставало персонажам Жана Ренуара и Марселя Карне, часто одиноким бунтарям и асоциальным элементам, бессильным в своем романтическом порыве изменить окружающую их жестокую реальность. «Евдокия» Татьяны Лиозновой не является философским произведением о бремени жизни и не претендует на глубокий анализ семьи, что было свойственно, например, шведскому классику Ингмару Бергману. Тем не менее, этот фильм глубок в мелочах, в подчас неуловимых деталях внешне неприметной жизни двух советских людей. И он же еще раз напоминает, что семья — та опора, которая дает человеку силы перевернуть мир. «Не хорошо быть человеку одному», как гласит Книга бытия.

Наталья ПОЗДИНОВА

г. Смоленск

Поздинова Наталья Борисовна — член Смоленского областного ЛитО «Родник» им. Ю. В. Пашкова с 2002 г. Автор восьми книг для детей и взрослых. Участник, финалист и дипломант нескольких литературных конкурсов. В 2012 г. придумала, разработала и осуществляет проект «Литературные путешествия», основная цель которого — привлечение детей-дошкольников к чтению через знакомство с писателем. Участниками проекта за десять лет стали более 18000 детей, живущих в двадцати пяти больших и малых городах России.

ВСЕ ХОРОШЕЕ В РАЗУМНЫХ ДОЗАХ

Отзыв на книгу Натальи Толбатовой «Ненормативный год»

Книгу Натальи Толбатовой «Ненормативный год» приятно читать потому, что автор не занят пустым славословием, а использует изменившиеся обстоятельства жизни для размышлений, для самонаблюдения. Найдя в сонме воспоминаний не самые приятные, она «сорняки обиды» удаляет «безжалостной рукой», что является достойным примером для читателей. Не только пересмотром прошлого наполнены дни, ведь вокруг время не остановилось. Используя метафоры, она раскрывает перед нами другую реальность повседневности.

Вступая в полосу тумана, которым окутано все вокруг, Наталья Толбатова желает себе и всем нам составить такие планы, которые согреют и ее и окружающих:

«Пусть мои желания и планы
Обогреют чью-нибудь мечту».

Одна за другой мелькают перед глазами читателя странички книги, будто страницы календаря ненормативного 2020 года. Помните, «отрывные» — толстенькие блоки, располагавшиеся на стене в доме. То рецепт пирога на странице, то выкройка, то напоминание о значимой дате. У Натальи Толбатовой даты обозначены, книга похожа на дневник, перелистывая который мы узнаем о том, что наполняло, беспокоило, удивляло автора.

Также мы находим на страницах и хорошо знакомые нам имена писателей, чьи строки давали ей вдохновение, чтобы скорее записать, зарисовать образ, вызванный чужими строками. Встречая знакомые фамилии, мы по-другому осмысливаем строки, написанные этими авторами, следя за новым вариантом развития образов, предложенным Натальей Толбатовой. С удовольствием перечислю поэтов, чьи строки вдохновили Н. Толбатову: Е. Долматовский, А. Вознесенский, А. Королев, С. Каратов, Л. Сердечная, Н. Беда.

Благодаря точным датам, мы узнаем, как меняется настроение Н.Толбатовой, как происходит у автора книги «Ненормативный год» настройка на благополучный исход. Это позволяет читателям, сопереживающим автору, синхронизирующимся с ней, освобождаться от грусти, стремиться к радости. Вот, с мечты о рыбке, исполняющей желания, Н. Толбатова переключается на реальные факты нашей истории, дарующие уверенность:

«Россию не поставить на колени»…
«Слава победителей не стерта»…
«Сменились годы лихолетья
На весну, Победу и Свободу».

Благодаря датировке, мы видим, что две недели у Натальи идет внутренняя работа по преодолению собственных ограничений, появившихся внезапно в жизни целой страны. И вернуться нужно к природной изначальности, не теряя «улыбку, как двигатель вечный», потому что «в ней секрет состояния души», позволяющей видеть вокруг пробуждение природы, когда «заполняется простор звенящим волшебством». Конечно, это небольшой, но значимый период, когда все существо человека дает себе команду: «Жить!». Замечательно, что на примере стихотворений Натальи Толбатовой мы имеем представление, какие глубинные процессы идут в нашем обществе.

Мне кажется, что в стихотворениях «Овраг» и «Обычное дело» есть мудрые советы тем, кто находится в состоянии неопределенности: планировать простые действия, мечтать о будущем, стараться проявлять свою волю. Несмотря на то, что «мозг в прострации», нужно быть «руководством самому себе», помня о внутреннем свете. Ведь внутри у каждого есть Лучик, который « … в самый мрачный овраг пробьется … скажет: «Знаешь, со мной лучше!».

Если судить по датам, то стихотворение написано в дни высокого напряжения, в середине апреля, когда школьники находились вдали от учителей и сверстников, взрослые были возбуждены и страдали от возросших эмоциональных нагрузок, новых пугающих правил. «Я жизнь свою унынью не отдам!» — восклицает Наталья Толбатова, и мы проникаемся ее стремлением находить радость в повседневности.

Те, кому предстоит читать книгу «Ненормативный год» через десяток лет, возможно, будут завидовать старшему поколению, пользовавшемуся до 2020 года безграничной свободой личного выбора. Пережившим внезапность перемещения (буквально, мигом!) из пространства свободы выбора цели, свободы общения, эмоциональности и чувствительности, свободы рукопожатий и права на дыхание без фильтра есть что вспомнить, что зарифмовать и облечь в стихотворный ритм.

Книга Натальи Толбатовой поможет вдумчивому читателю проследить, как менялось пространство вокруг главной героини книги, самой Натальи, ведь стихотворения написаны от первого лица. Это она, а не вымышленный персонаж, осмысливает происходящее вокруг, делится с нами своими чувствами и ощущениями. Она в своем самовыражении ограничена только датировкой, в ее распоряжении один год, ставший вехой во всеобщем течении времени. Все, что происходило в 2020 году, как бы и не происходило вовсе. Обратите внимание на графическое изображение: 2020 — время остановилось…

Многим людям кажется, что в тот год произошла потеря времени, некий разрыв. Мы оказались дезориентированы, и многое стерлось из памяти мгновенно или вообще не улеглось на соответствующие места. Мы проскочили мимо… А Наталья Толбатова сумела удержать вырывающийся из рук клубок, записала, зарисовала, зафиксировала изменения общего ритма жизни, появление новых слов, понятий и свое отношение к этому. На мой взгляд, это кропотливый и достойный труд — самонаблюдение и откровенность высказываний.

Что может узнать читатель об авторе, путешествуя по страницам книги? Сразу же привлекает к себе, обращает на себя внимание то, что лежит на поверхности: Натальина наблюдательность, порывистость, откровенность. Шаг за шагом, ступая по тропинкам стихов Толбатовой, мы восхищаемся силой ее характера, умением четко формулировать свою позицию и смело говорить то, что она думает, что многие стараются в себе подавить, опасаясь последствий произнесенного слова.

У Натальи есть дар откликаться мгновенно на события, на перемены. Как же сильны и эмоциональны ее строки-монологи на: «Кто остановит скоморохов?»! Не может она пройти мимо, стыдливо отвернувшись от разнузданности, возводящейся в ранг нормы, становящейся примером для подражания.

Мне также по душе ее позиция относительно обозначенных праздничных дней, которые следует подкреплять ежедневным трудом и заботой о благе страны:

«Каждый день своим трудом обычным
Можешь День России отмечать!»

Труд на благо России и есть настоящий патриотизм: «он из слез народных и побед!».

Наталья Толбатова не только попутчица, но и лидер, успевший отмахать впереди всех не одну версту, чтобы повернуться к народу лицом, «пытаясь ближнего найти». Она стремится в наших «…глазах увидеть вечность всполохом сердечного огня». Примечательно, что эти строки в книге «Ненормативный год» датированы серединой 2020 года.

Страницы книги «Ненормативный год» украшают стихи о природе. Через нее проявляются воспоминания о ярких событиях. Так страницы, соответствующие датам середины июня, пропитаны запахами скошенных трав. Мы тут же погружаемся и в свои воспоминания о сенокосе, гудении пчел, нападающих слепнях и бесконечных бороздках — грядках, по которым движутся люди с граблями. Ах, эти запахи! Они напоминают нам детство и юность. Пробуждение памяти посредством органов чувств — великое дело… Будто очнувшись, человек вспоминает кто он, чей он, и оживают в его памяти наказы предков беречь и преумножать, чтобы передать потомкам…

Только может ли уловить запах скошенной травы или цветущей сирени человек, чье лицо закрывает маска? Получается, что мы не только не прошагали часть года, мы, закрывая лица, потеряли ощущения себя во времени и в пространстве. Об этом человеки еще вспомнят, обдумывая свое прошлое и рассуждая о том, как изощренна и изобретательна сила, напавшая на нас в пору безвременья.

Отчаяние, непонимание, растерянность, состояние депрессии — это реакции на подавление воли человека, с которыми мы неожиданно столкнулись в 2020 году. Но выбор, надеется Наталья, будет сделан в пользу Света:

«Во тьме ходить негоже,
Любовь всего дороже».

Вся книга Н. Толбатовой наполнена особыми дверцами, картинками, тропинками, наличие которых позволяет читателю пробуждать свою фантазию, физически ощущать, как гладкость книжного листа становится шершавой и теплой. В стихах автора нет надрыва и громогласности, они эмоциональны и правдивы. Она не скрывает своей точки зрения, касаясь политических тем, откликаясь на происходящее вокруг. Правдивость и открытость ее монолога придется по душе тем, кто любит называть вещи своими именами.

Пульсации поэтического пространства

Сборник «Ненормативный год» открывается стихотворением, написанным в начале года, на Старый Новый год. И визуально, и ритмически этот текст выделяется, задает ритм, который поддерживается периодически на других страницах всей книги. Что за вести принесла Сорока, растрещавшись в зимний день? Мы узнаем это, путешествуя по страницам сборника «Ненормативный год».

Ритм, заданный первым текстом, повторяется в книге, проскальзывает иногда для поддержания поэтического потока. Если проанализировать тексты, написанные в выделяемом мною ритме, можно (в этой ритмической струе) увидеть, как происходит зарождение и преобразование некого особого пространства, в котором есть свои герои, и динамично разворачивается действие.

Укажу лишь некоторые вехи — ориентиры. Возникновение ритма происходит 14.01.20 г., а последний раз в книге мы встречаемся с ним 10.12.20 г. За этот период в стихах Натальи обозначен процесс от пробуждения (рождения) до осознания ориентира, что по человеческим меркам считается мудростью и целостностью личности. Как и в жизни, тут идет изучение пространства, разделяется духовное и материальное, растворяются иллюзии.

Проследив даже за одним этим ручейком, вплетенным в общий поэтический поток, можно затем увидеть и другие, не менее интересные и значимые. Безусловно, это указывает на духовное богатство автора книги и жизненность текстов, написанных Натальей Толбатовой.

Мы читаем дневниковые записи поэта с благодарностью, что нам предоставлена возможность замечать и сопоставлять, видя, как перекликаются темы, как один образ рождает другой, как меняется настроение автора в течение года. Также мы можем издалека наблюдать за преображением высокой поэтической мысли, из потока которой автор черпает вдохновение и сюжеты. Так, например, в двух стихотворениях, написанных 17 октября 2020 г., присутствует образ молодых листиков. Хотя в первом тексте описано предзимье, угасание и напряженное ожидание, заканчивается текст мудрым напутствием и обещанием возрождения. А следующий за этим стихотворный текст уже о весенней радости сбывшихся надежд. Учитывая гнетущую атмосферу, в которой страна находилась в 2020 году, мы на примере двух стихотворений прикасаемся к таинствам мироздания. То, что длится в материальном мире несколько месяцев, в духовном мире имеет другую размерность. Поэт, обладающий возможностью извлекать из нематериального мира образы, находится одновременно и внутри этого мира и вне его, а также сам является инструментом, с помощью которого важная информация перемещается с одного уровня на другой. Может быть, это и есть самые главные страницы в книге «Ненормативный год»! Подсказка, что совершается некий переход, который мы переживаем трудно, с надрывом, потерями, при этом весна, обозначенная в каждом существе, обязательно наступит.

В стихах Натальи Толбатовой мы чувствуем силу духа автора, ее интерес к жизни, ее потенциал к духовному и творческому преображению. Поэтому так разнообразны темы и ритмы ее строк. Мы приникаем к ее стихам, как к источнику, и можем безбоязненно насыщаться этой влагой.

Сейчас, спустя год, два или больше, читателям уже открыто будущее. Наталья Толбатова в 2020 году его лишь ощущала и надеялась на возможность раскрытия внутренних резервов и потенциалов мира, чтобы сохранилась и продолжилась жизнь.

Безусловно, в стихах Натальи идет тема возрождения:

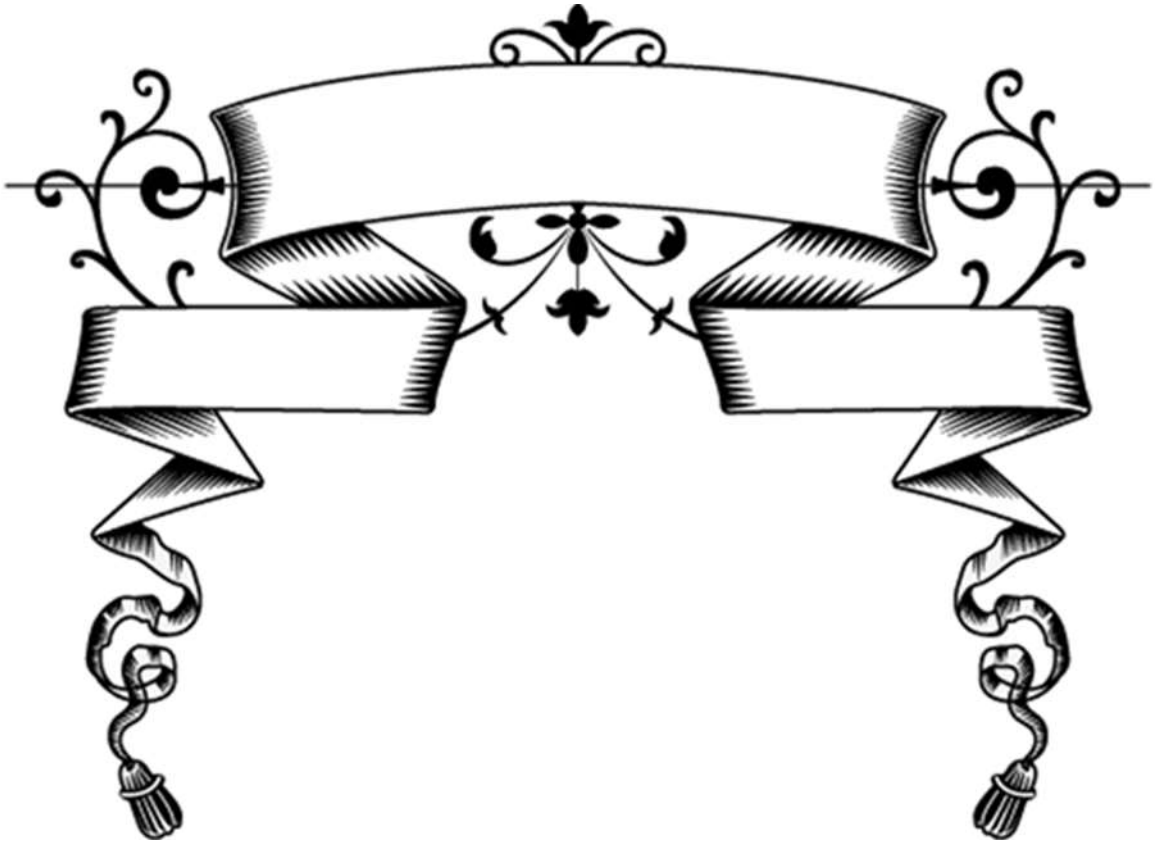
«Солнце встает, сникнет туман»
«Еще не все я весны видела и зимы…»
«Поставить цель, идти, пока идешь,
И ожидать от жизни встреч — не расставанья… Да будет жизнь!»

Как пишет сама Н. Толбатова, в мир нужно смотреть «душевным зрением», восторженно воспринимая каждый день, как «день рожденья».

Завершился год, закрыта книга с дневниковыми записями. Мы благодарим Наталью за откровенный и необычный рассказ о своих размышлениях и мечтах и за настрой жизнелюбия, который получаем, заряжаясь ритмами строк поэта Натальи Толбатовой.

ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ЯКОВ ШАФРАН
ВАЛЕНТИН ОГНЕВ
ЛЮДМИЛА ПОПОВА
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ

Алексей ЯШИН
г. Тула

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН…

Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Н е в е ж е с т в а (здесь и далее выд. Л. Д. Троцким.— А.Я.) — это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма — это несомненно.
Л. Д. Троцкий «Литература и революция», 1923

Какова пса ловля, такова ему и кормля.
В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»

Литература как Карфаген сопротивления Молоху глобализации. Д. С. Мережковский в трактате «Л. Толстой и Достоевский» приводит слова последнего — из «Дневника писателя»,— о предтече современной глобализации: *«Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством — формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейского человечества, из нее составилась его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пала лишь идея всемирной р и м с к о й (выд. Д. С. Мережковским. — А. Я.) монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе».*

Заметим уточняюще: завоевания Александра Македонского, то есть по времени предшествующие Риму в его полном могуществе, в истории не принято ассоциировать со стремлением полководца к «всемирности», поскольку в его завоеваниях выражена экспансия эллинизма в Азию, хотя уже в те времена было понятно, что величайшая цивилизация будущего родится в Средиземноморском ареале с первенством «европейского берега», а затем и всей Европы.

В концепции Достоевского о первенстве Рима в идее всемирности (глобализма по-нынешнему) Карфаген понимается как антитеза такой всемирности. Напомним для «гладкости чтения», что Карфагеном именовалась столица и собственно Финикийское государство, основанное в IX в. до н. э. выходцами из малоазиатской Финикии на территории современных Туниса и Алжира с колониями, навроде греческих полисов, на Пиринейском полуострове, в Галлии, на Сардинии, Корсике и Сицилии. То есть Карфаген как бы клещами охватывал Римское государство и контролировал всю торговлю, выступая посредником, в Средиземноморском бассейне. В результате трех Пунических войн город Карфаген был разрушен римлянами, а территория государства стала римской провинцией Африка.

Разумеется, рабовладельческий, торгово-посреднический, олихаргический и завоевательно-хищнический Карфаген не есть невинная овечка-жертва еще более хищного Рима, но мы не о социальной и иной нравственности и морали говорим, но всего лишь аллегорически представляем Карфаген символом сопротивления римской всемирности.*

… С учетом сделанных выше оговорок и пояснений назовем нынешнее литературное творчество — собственно писательство и литературный процесс в его совокупности — нынешним Карфагеном сопротивления Молоху глобализации; а одной из актуальных задач последнего является разрушение этого Карфагена, нивелирование литературы почти что до нулевой отметки, а главное — ликвидация его «ганнибалов», то есть литературных авторитетов. В крайнем случае замена их искусственно взращенными пиарщиками. Оно и понятно: если наличие творческих авторитетов дает стимул равнения на них, то пиарщики не дают литературных порослей, но всего только недоброжелателей и завистников. Да и то лишь из числа творчески малосильных. Кто на кого равняется, тот тем же и становится. А истинный талант изолируется холодом одиночества и вызывает недоумение у расчеловеченной глобализаторами толпы. Как сказал Оноре де Бальзак: *«Там где все горбатые, стройность становится уродством».*

Следами литературного «карфагенского сопротивления» пестрит вся дорога истории — она же путь развертывания социальной эволюции. Зачастую памятники письменности былого отмечают, как знаковые события, не собственно факт и содержательную сторону этого сопротивления, но наказание за таковое. Это в характере человеческой психики; отсюда и фольклорное «считать цыплят по осени». Следы наказания литературе за ее сопротивление — инаковость взглядов на социальную действительность — тянутся со времен античности: от чаши с цикутой Сократу (в те времена философия и литература еще не разделились) и со-

* В 1990-е годы, когда победивший в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне международный империализм во главе с США дробил и уничтожал нашу страну, в так называемых песнях протеста бытовало иное сравнение Карфагена: «Карфаген должен быть разрушен… Америка — нынешний Карфаген!»

жжения Александрийской библиотеки до остракизма римского воспевателя «науки нежной», говоря словами Пушкина, который был сослан и окончил век свой «в Молдавии, в глуши степей, вдали Италии своей» (это об Овидии Назоне).

Европейское Средневековье в исторической памяти четко связано с воскресными кострами на Гревской площади в Париже, в которых святые отцы инквизиции жгли не только ведьм, но и книги. Зачастую с их авторами. И в Риме св. отцы не отставали от парижских коллег. Пример тому — Джордано Бруно, сожженный в 1600 году.

… И отмахнуться нельзя, дескать, античность — это коловоротное время становления человека социального и творчески мыслящего, все могло случиться; а Средневековье — это когда христианская (католическая) церковь «сама себя высекла», как та унтер-офицерская вдова из русской классики, а точнее, в спорах о выеденном яйце апостольская церковь Св. Петра реализовала известный афоризм: всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд (кто-то из антигегельянцев сформулировал; еще этот афоризм приписывают остряку Бернарду Шоу…).

Но вот наступил двадцатый век. Человечество на взлете научного творчества, а перед этим, в веке девятнадцатом, оно прошло апогей художественных творчеств, литературы «в первых рядах». И на этом фоне — повторение зрелищных артефактов Средневековья: костры из книг на площадях городов Третьего рейха. И до сих пор в реальной или иносказательной ипостасях время от времени по всему миру вспыхивают такие костры или костерки — зато долго тлеющие… С одной стороны, история имеет свойство зацикливаться в пресловутой диалектической спирали, с другой же — чем умнее человек, тем чаще он наступает на одни и те же грабли. Опять-таки в полном соответствии с законами диалектики.

Сразу заметим в российской специфике, что массовое выбрасывание темно-коричневых томов полного собрания сочинений Иосифа Виссарионовича на помойки после двадцатого съезда «всех победившего Никиты Сергеевича» и нынешнее отправление туда же всех книг без разбора — это не след «карфагенского сопротивления», но явления иного рода, о чем речь пойдет ниже.

Поскольку мы начали (в эпиграфе) со слов Льва Давидовича Троцкого, который был и ленинским политическим «иудушкой» и блестящим публицистом, в том числе литературным, то и завершим вводный раздел его высказыванием из той же книги, разумеется, понимая эти слова аллегорически: «Любовь Дон-Кихота не только фанатична, но и фантастична и в своей фантастичности безнадежна; это любовь к тому, что осуждено историей, *борьба за то, чего отстоять нельзя* (выд. нами. — А. Я.)».

То есть на сегодняшнем витке истории, социальной эволюции, целеуказанием которой является расчеловечивание, дегуманизация социума на этапе торжествующей глобализации, литературное творечество как со стороны писателя, так и читателя, что in summa и образует литературный процесс, обречено на забытье, есть борьба за то, чего отстоять нельзя. Карфаген должен быть разрушен… Молохом глобализации.

Литературное творчество и самоосознание человеком своего мышления.*[*] В эволюции человека необходимость и потребность (здесь различные доминанты!) литературного творчества, а мы здесь о нем говорим, несколько искусственно вычленяя из широко понимаемого художественного творчества, суть взаимное устремление творца и его адепта — потребителя. Извиняемся за грубовато звучащий (имя тебе — потребитель! Это девиз наших дней…) определяющий термин. Для первого литература есть творческое отображение окружающего мира, его modus vivendi, содержание личной жизни, для второго — побуждаемый творческими откровениями писателя modus operandi, образ жизненных действий и устремлений. И встреча обоих — овеществленный предмет содержания литературы: от иероглифических наскальных надписей и до нынешних компьютерных файлов. «Увы» здесь говорить не стоит: эволюция не подлежит ни восхвалениям, ни порицаниям…

Психологическую необходимость и потребность художественного, литературного познания мира исчерпывающе определил Лев Толстой: «Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство,— в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их» (ЮбПСС в 90 тт., Т. 30, С. 65).

Определяющий здесь термин «заражение» <искусством>, введенный Львом Толстым в широкий интеллектуальный обиход, точен, краток и всеобъемлющ. Именно от него следует отталкиваться, апологизируя и литературное творчество, как существенную категорию самоосознания человеком своего мышления.

Действительно, гоминоид, ставший «релейным скачком» (объяснение термина см. в книге, на которую выше была сделана сноска), человеком мыслящим, homo sapiens, обрел языковое общение, а на долгом пути от homo sapiens до homo sapiens sapiens, человека мыслящего мыслящего (это не «мышление в квадрате», но именно переход к самоосознанию своего мышления), это языковое общение и способность мыслить в языко-

[*] Этимологию словосочетания «самоосознание человеком своего мышления» см. в книге: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Апология человека: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Том 16 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульского госуниверситета, 2019.— 533 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

вых описаниях объектов и процессов «раздвоили», вернее — специализировали, две основные функции языкового мышления. Функционально, физиологически это выражается право- и левополушарными акцентами мышления: правое — творческое, преимущественно художественное; левое — логическое. Соответственно, функции языкового мышления суть язык как средство познания и само познание, то есть язык является предметом и содержанием логики, и язык как средство творческого художественного отображения мира и человека в этом мире — «мире чувственных вещей»*, как назвал свою всемирно известную книгу основоположник (мировой) педагогической науки, чешский мыслитель-гуманист Ян Амос Ко́менский (1592—1670).

Лейбницево определение «мир не терпит пустоты» как нельзя лучше и объективнее характеризует «занятость» языкового мышления после раздвоения его функций. То есть художественное творческое мышление, «получив на откуп» отображение внешнего мира, его объектов и процессов, а главное — отображение внутреннего мира чувствований человека, согласно определению Лейбница, стало обладателем, с одной стороны, еще пока tabula rasa правого полушария мозга человека; с другой же — стимул образного, художественного познания внешнего и внутреннего мира, и именно с позиций гомоцентризма, что естественно для эволюции мышления: период субъективизма сравнительно недавно дополнился объективизмом; это видно в плане философских учений — перехода от преобладающего идеализма к материализму. А это ведь всего лишь последняя треть девятнадцатого века!

В части художественно-творческой функции языкового мышления приоритет литературы над другими видами творческого самовыражения, теми же пластическими искусствами, живописью и ваянием и так далее, неоспорим; да и несопоставим. Именно литература, начиная с древнейших памятников письменности (Египет, Месопотамия, Индия и Китай до н.э.), являлась прави́лом качественного роста самоосознания человека разумного и далее — разумного разумного. То есть связь языка и мышления есть не просто корреляция двух процессов в их временно́м развитии и совершенствовании, но единство физиологической (головной мозг) и семантической (язык) составляющих процесса самоосознания, причем эти составляющие взаимно охвачены глубокой положительной обратной связью.

Имеем, таким образом, процесс, запечатлеваемый в его временном протекании в постоянно накапливающихся памятниках (то что было вчера — для сегодняшнего дня уже есть памятник…) письменной литературы. Заметим, что устно передаваемые литературные произведения — от гомеровских (до их записи) до карело-финского эпоса «Калевала»** — относятся к фольклорному безписьменному коллективному творчеству и были характерны для исторически пройденных эпох социальной цивилизации человека. Таковая эпоха цивилизации и культуры, длительность которой до нашего времени принято определять в десять тысяч лет, и сформировала условно понимаемую литературно-художественную библиотеку, то есть свод творческого отображения «мира чувственных вещей» по мере оразумления человека. Процесс «комплектования» такой «библиотеки» резко ускорился в эпоху европейского Возрождения и несколько веков неуклонно двигался к своему апогею: со второй половины XVIII века до окончания первой половины XX века, хотя бы эта завершающая половина и являлась инерциальной: слишком мощный разгон был взят в веке предшествующем.

… Отсюда и тема следующего параграфа.

Взросление, апофеоз и нивелирование творческой словесности. Выше на образных определениях «библиотеки» и ее «комплектования» мы проследили процесс взросления литературного творчества, как взаимодополняюще сопряженного с мышлением эволюционно прогрессирующего человека, человечества. Следствием все усиливающейся роли этого вида художественного творчества в формировании социума и, одновременно, непременным условием этой роли явилось создание института литературного процесса. Именно института, коль скоро литературный процесс по определению предполагает определенную организованность, структурирование и так далее вплоть до определенной «табели о рангах» участников этого процесса, а главное — создание, привлечение читательской аудитории.

Что касается «табели», это, конечно, не наше доброе русское кумовство насчет «как не порадеть родному человечку» и пр., но объективный подход к наличию фактора авторитета, как, во-первых, мерила таланта; во-вторых, объекта центростремления творческих личностей: не подражания, конечно, но саморазвития. … Как корабль на море вблизи берега в ночь или непогоду ориентируется на свет маяка, но не стремится подражать ему своими огнями.

Но все же вопрос об аудитории читателей произведений литературы в ее взрослении являлся не то что основным, но определяющим. Уже говорилось выше, в том числе провидческими словами Льва Толстого, о различии задач <литературного> творца и его читателя. Сущность творческого поиска, как жизненной основы художника, предельно ясно определил Ф. М. Достоевский (в повести «Хозяйка»): «Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из

---

* Полное название: «Мир чувственных вещей в картинках, или изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни».

** Этот эпос, включающий в себя сорок рун — объем в 400 страниц современной книги,— был записан финским (по другим данным — шведским) фольклористом Э. Ленротом в 1830-х гг. со слов сказительницы, крестьянки с беломорского побережья Карелии (В 1949 г. ее композиционно переработал Отто Вильгельмович Куусинен — член ЦК ВКП(б)).

души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!»

А вот читатель в период взросления литературного творчества и организации литературного процесса, как социального, воспитательного, развивающего и пр. явления, несколько иное искал и находил в изящной словесности мастеров слова. Прежде всего он искал идеал для подражания. Сама тягостная жизнь тех давних эпох к тому подвигала. Причем во всех социальных слоях, от низших (грамотных) до высших. Здесь главное — на все века — слово сказал Сервантес образом Дон-Кихота из Ламанчи, к определению которого мы уже обращались выше. Причем в этом же контексте.

К периоду взросления, к его окончанию, относится и формирование профессионального писательства, прежде всего беллетризованного сочинительства, рассчитанного на некий усредненный вкус, потребность чтения. Ибо профессия по определению требует материального обеспечения писателя, а таковое возможно при наличии относительного широкого круга покупателей произведений, овеществленных в книгах — после постановки изобретения Гуттенберга на «промышленную основу». Но длительное время, где-то до конца XVIII — начала XIX вв., в различных странах со своей спецификой, печатание книг писателей-профессионалов (речь идет не о степени таланта, но с акцентом на оплату литературного труда) соседствовало с поддержкой меценатов-покровителей, оплачивавших издательские издержки, либо же сами писатели являлись достаточно состоятельными людьми для подобных расходов. Тому примеры из русской литературы первой трети XIX века, когда некоторые известные, из числа составивших русскую классику, писатели отказывались от гонораров. Даже во второй половине этого века, когда писательская деятельность стала сугубо профессиональной, встречались подобные случаи. Конечно, самый известный — это Некрасов, фактически содержавший свои «Отечественные записки», из которых «вышла вся русская классика», на свои средства. Нищенствовавший в литературной молодости, в зрелые годы он внезапно стал, говоря словами Пушкина, «наследником всех своих родных» и очень удачно («но ведь ни разу не попался!» — смеясь, объяснял друзьям свои успехи) играл в карты. … Как в своих мемуарах Панаева описывает беседу с Некрасовым: что-де утро выдалось неудачным, всего сорок тысяч выиграл, зато вечером сорвал банк в сто с лишком тысяч…

Понятно, что в пору зрелости литературы это было единичными, нетипичными явлениями. А у Достоевского и вовсе наоборот: только проигрывал…

Финал взросления <художественной> литературы, а это в Европе XVIII — XIX вв., в России — вторая половина века девятнадцатого, следующий. Художественная литература стала продуктом писателей-профессионалов, причем оплата их творческого труда стала сложным, вариативным симбиозом многих факторов! Степень таланта автора произведения здесь преимущественна, причем талант, с одной стороны, «заражает», говоря словами Толстого, потенциального читателя, а с другой — в определенной степени «подыгрывает» этому читателю, то есть в своем проявлении в произведении ищет оптимум между читателем массовым и литературно образованным (самообразованным). И главная задача творца может быть выражена словами: порой лукавь, подыгрывая, оглядывайся на «литературную <для читателя> моду», всякие там течения и направления («роман с направлением» — расхожее определение в России второй половины XIX века), но при этом ухитряйся выполнить сверхзадачу: проявить свой талант наиболее выигрышно во всей мощи дарованного от рождения творческого потенциала. Особенно для поэтов. Тематика, направление, избранная творческая форма с ее «уклонами» — здесь вторичны в части сверхзадачи, но наиболее существенны для фактора творческой индивидуальности. … Это только нынешние пиарщики все на одно инкубаторское лицо. Именно в соединении творческого потенциала и фактора творческой индивидуальности мир обретает гениев в лице Шекспира и Достоевского, носителей великих талантов Льва Толстого, Пушкина, Сервантеса, Гете, Гейне, Ницше (можно и не без основания на то добавить еще десяток имен), выдающихся творцов слова: Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Тютчева, Чехова, Лескова, Шолохова и др., а какие мощные дарования дал Западный мир: Диккенс и Гюго, Стендаль и Даниэль Дефо, Анатоль Франс и Ромен Роллан, Джеймс Джойс и Марсель Пруст, Томас Манн и Герман Гессе, американцы Фолкнер, Стейнбек и Хемингуэй, норвежцы Кнут Гамсун и Бьернсон. швед Август Стриндберг. Здесь русские и западные имена можно продолжить не на одну страницу…

И пресловутая «табель о рангах», отделяя это понятие от серо-зеленых канцелярских мундиров и нынешних пиджаков узаконенного кроя и расцветки, белых рубашек и галстуков, выработалась к финалу взросления литературы. Также не останавливаясь на неизбежном местничестве в литературных кругах, я-де видный сочинитель, а ты, Ерема, еще только подающий надежды, выделим творчески полезную для литературного процесса сущность этого «табеля», а именно: образование института авторитета. Это не авторитет директора департамента, как олицетворения чиновной субординации, но негласно складывающийся образ творческого ориентира, к которому стремятся приблизиться в своих литературных исканиях писатели меньшего… но даже и равного дарования. Авторитет есть непременное условие успешного течения литературного процесса: учитель и ученик — с ветхозаветных времен суть передачи творческого знания и мастерства. Расширенно понимаемый учитель — это и есть литературный авторитет. Признак нивелирования и исчезновения литературного (социумного) процесса — ликвидация института творческого авторитета… что мы сейчас повсемирно горестно наблюдаем.

Апофеоз творческой словесности, где такими авторитетами стали названные выше литературные мастера «высшей пробы», охарактеризовался многозначительными факторами социумной организации и жизни. Назовем и разъясним наиболее существенные из них.

Окончательно выработался национальный литературный язык. Польза здесь двоякая: во-первых, письменный язык, следуя изящной словесности, в первую очередь литературной беллетристике, обрел логически обусловленную, выверенную и уже неизменяемую (реформы правописания и нивелирования со второй половины XX века здесь не причем) грамматическую и фонетическую форму; во-вторых, с ориентиром на такой выверенный <литературный> письменный язык, все другие виды языка: разговорный, профессиональный, даже народный, в том числе диалектный и так далее вплоть до арго и актуального (текущего) фольклорного,— в той или иной степени «подтянулись» до уровня письменного. Все это не пресловутое единообразие армейского типа, но именно формирование единого национального письменного и разговорного языка. И роль художественной литературы здесь главенствующая.

Понятно, что на этом пути языка, или группы родственных языков, наблюдалось великое сочетание своеобразий и специфик (это семантически различные слова). Для поясняющего примера возьмем близкородственные датский и норвежский языки германской группы. Любители книжных раритетов, просто имеющие в своих библиотеках старинные книги конца XIX — начала XX вв., когда случился «феномен норвежской литературы», что во множество имен и произведений (Ибсен, Бъернсон, Ли, Хансен, Гамсун, Кьелланд и др.) активно переводилась и издавалась на русском языке, наверняка обратили внимание на надписи на оборотах титульных листов: «Перевод с датско-норвежского <имярек>». Все дело в том, что хотя норвежский язык более близок к исландскому (со времен викингов), но с XV века, когда Норвегия стала экономически и политически подчиненной Дании, литературным языком Норвегии стал датский. Отсюда и датско-норвежский до самого начала XX века… Этот симбиоз до сих пор присутствует, то есть современный литературный норвежский язык имеет две формы: риксмол (или букмол) и лансмол — новонорвежский. Первый из них суть взаимодействие датского и «столичного» (как говорят в Осло) норвежского языков, а новонорвежский есть искусственный синтез основных норвежских <исторических> диалектов.

… Данный пример к тому, что у каждого национального литературного языка путь формирования извилист и от многих факторов зависим, но итог-то один и позитивен: он все же создается и далее «призывает к порядку» все остальные ипостаси языка народа и/или государства.

Создание национальных литературных школ. Это не роскошь, не пресловутое «архитектурное излишество» языка, но один из наиболее весомых вкладов в апофеоз десятитысячелетнего этапа цивилизации и культуры, ставший его содержанием и необходимостью в творческую эпоху человечества: от Возрождения до середины XX века. Понятно, что временны́е рамки создания национальных литературных школ достаточно различно укладывается в названную творческую эпоху. Если для Европы зачатки таких школ относятся к Возрождению, а апофеоз к второй трети XIX века, то для русской литературы этот период сокращен: от начала XIX века до окончания этого же века и начала двадцатого века. Конечно, никто не собирается сбрасывать со счетов почти век (с пролонгацией в нынешние времена) русской советской литературы, но ведь это есть продолжение и развитие русской классики?

В любом случае создание литературной школы есть явление позитивное и, так сказать, «национально- и государствообразующее». Хотя бы почти все, без исключения, национальные литературные школы достигли своего апофеоза в XIX—XX вв., используя творческий метод критического реализма, то есть писатель изначально и заданно ставил себя в ситуацию оппозиции к госвласти. Ничего удивительного: это действие социально-эволюционного диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Тем более, что, как правило, эта оппозиция является конструктивной.

И именно национальной являлась литература и ее особливая школа в период апофеоза. Конечно, литература не «бог в святых местах земли», но следует со вниманием в данном контексте воспринимать слова Ф. М. Достоевского: «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог». (Слова Шатова из «Бесов»).

Наконец, создание литературных школ в их разнообразии, скрепляемом национально-государственной идеей, неважно <для России>, в форме ли графа Уварова «самодержавие, народ, православие», или в девизе соцреализма «советская власть, новая нация — советский народ, коммунистическая идеология», есть окончательный переход от начального литературного любительства к сугубому творческому профессионализму, а для читающей публики — от неясного любопытства к осознанию силы и правды высокохудожественного литературного слова, что «не вырубишь топором».

Государственное признание литературной деятельности. В государстве от «табеля о рангах» никуда не денешься. В правильно и добротно организованном социуме и творчества, даже художественно оппозиционные, ставятся в ситуацию гражданского долга и ответственности. Понятно, не о мундире с петличками и классных чинах речь идет. Даже одиозные деспотии и тоталитарные режимы на это не решились. То есть конструктивная, не назойливо ругательная, нигилистическая, творческо-литературная оппозиция не то, что не вызывает агрессивных репрессий со стороны власти, но, в силу того же закона единства и борьбы противоположностей, власть и литература критического реализма именно находят это взаимополезное единство в рамках безусловного действия названного диалектического закона. Именно взаимополезное: писатель

творчески, не «служить бы рад, прислуживаться тошно», не сдерживая мощи дарованного ему таланта, отображают в своих произведениях существо исторического или современного ему движения социума, как эволюционного процесса, в антитезе добра и зла, а власть, рассматривая литературное творчество как «словесный барометр», учитывает его «барическое колебание» во благо устойчивой государственности. Как-то так получается. В русской истории классическим примером такого взаимополезного единства является известный эпизод, когда «рыцарь самодержавия» (так его поименовал автор книги о Николае Павловиче, изданной в серии «ЖЗЛ»…), император Николай Первый после просмотра «Ревизора», без гнева и недоброжелательства, но констатирующе, сказал в адрес Гоголя, что-де, любезный, высек в пьесе всю Россию и меня в первую очередь. Также считается, что некоторые реформы законопорядка были проведены императором в явной корреляции не только с «Ревизором», но и с произведениями других писателей его времени.

Казалось бы: Николай Палкин, не гаснущие в душе грозные отзвуки Сенатской площади момента вступления его на трон… но Николай Павлович, как через сто лет после него Иосиф Виссарионович, достаточно рачительно вел «хозяйство» огромной империи, раскинувшейся в четырех частях света (включая Русскую Америку и — условно — открытую Беллинсгаузеном и Лазаревым Антарктиду…). И у обоих печатная и театральная литература, у Сталина еще и кино, были в неусыпном внимании. Именно — внимании, не в примитивном надзоре. Даже более яркий, нежели с Гоголем, пример здесь — опека Николаем Первым творчества Пушкина. Александр Сергеевич удостоился не столько чести иметь личного цензора-императора, сколько возможности максимально полного раскрытия своего дарования — в части свободы, понимаемой диалектически же: свобода есть осознанная необходимость. А любой иной свободы человеку социумному не может быть отпущено. Действительно, кто «первый бросит камень» в сторону гения русской поэзии (и прозы тож!), рассуждая либерально, что-де «Клеветникам России» написаны им верноподданнически?!

Перейдем к следующему содержанию апофеоза литературы.

Литературное образование масс и признание ими роли и необходимости творческой словесности. Сюда же входят и «позиции»: роль литературы в социально-экономическом движении общества и литературы, как <недостижимого> ориентира надежд и устремлений масс — «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Последнее преемственно перешло в «организованную» литературу из фольклора, основным содержанием которого, по крайней мере русского, является сказка про «сон золотой».

На стыке литературного образования, социумной роли литературы и ориентира надежд и устремлений, что характерно для апофеоза творческой словесности, наблюдается политизация литературы, понимаемая как выход из рамок конструктивной творческой оппозиции госвласти (а до XX века и из рамок реально властвующего религиозного традиционализма) и прямое вступление в политическое движение: от национально-освободительных (в XIX веке — это прерогатива литературы Греции, южных славян, Венгрии и Италии в составе Австрийской империи, Ирландии в Британской и Польши в Российской) до событий смены общественно-экономических формаций: создание Советской России и <кратковременной> социалистической власти в Венгрии, Германии, в прибалтийских странах. В литературных же жанрах: от исторических романов до текущей социально-критической литературы. В части последнего возникает и литература социального заказа: директивного или интуитивно побуждаемого для авторов.

Опять же для русской литературы здесь классический пример — «Мать» А. М. Горького, созданная в кратчайшие сроки и, что называется, «в нужное время». И если бы не Алексей Максимович этот роман написал, то, как говорится, «свято место пусто бы не осталось»: этот самый, конечно, неявный, социальный заказ на произведение столь глубоко выраженного революционного содержания и пафоса (это не обидное слово…) «выполнил» кто-нибудь другой. В России начала ее революционного века талантов, оппозиционных существующему строю, имелось предостаточно.

В том, что «Мать» явилась романом хотя бы неявного, но именно социального заказа, сомнений быть не может. Как это не покажется некомильфо, но наиболее достоверным утверждением здесь будет… анекдот! Напомним его (он с советских времен). В беседе с Горьким Сталин обращается к нему с предложением, что-де роман «Мать» в свое время сыграл неоценимую роль в воспитании целого поколения революционеров, в итоге свершивших Октябрьскую революцию. Но сейчас мы уже построили мощное советское государство, а для дальнейшего движения нужно воспитать когорты борцов за светлое будущее. «Их надо вдохновить. Не могли бы вы, Алексей Максимович, написать роман той же мощной силы, что и «Мать», назвав его,— здесь Сталин чуть потупился,— например, “Отэц”, а?» Ошарашенный Горький только и произнес: «Хорошо, Иосиф Виссарионович, я попробую, я попытаюсь».— «Вот именно, попитайтесь. Ведь попитка — это не питка. Правильно я говорю, Лаврентий Павлович?»

… В том, что анекдот, как наиболее экспрессивный устный литературный жанр, бьет не в бровь, но в глаз, сомнений нет. А чтобы понять причину исчезновения в последние 5…10 лет из нашего (и по всему глобомиру также) обихода анекдотов (интернет «нам не указ»; там анекдоты вычищают кому следует в порыве административного восторга и благочиния…), обратимся к работе Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному», из которой следует, что таковое <творческое> качество есть активизация сугубо подсознательного мышления человека — главного источника именно аналогового, образного творчества.

… И сейчас мы «плавно переходим» от апофеоза литературы к ныне наблюдаемому нивелированию творческой словесности. А пример с анекдотом, специфическим видом литературы, более чем явно говорит: именно — и всего лишь! — за прошедшую четверть века человечество в массе своей сделало переход от ана-

логового творческого мышления к утилитарному цифровому. Что и уничтожило художественную литературу, литературный процесс и читательскую аудиторию в привычных нам понятиях.

«От слова к цифре» — технологии расчеловечивания в литературном ареале. Поскольку далее и до конца очерка пойдут рассуждения, вроде как «уничижительные» для предмета современной литературы и собственно человека эпохи <нынешней> стадии глобализации, то сразу оговоримся в том смысле, что это не коллизия по типу тургеневских «Отцов и детей» или пресловутых призывов 1920-х годов «сбросить Пушкина с корабля истории»… и вообще никакая не коллизия. Это самая что ни на есть безотносительная к кому-либо и чему-либо констатация факта уже почти свершившегося расчеловечивания глобального социума. В то же время мы не ставим себя в позицию «добру и злу внимающего равнодушно». Это только в утилитарном, расчеловеченном социуме понятия добра и зла теряют христианскую, вообще этическую, антитезу с моральной апологией добра и отвержением зла. В утилитарной этике (см. русск. изд. «Принципов этики» Дж. Мура, М.: Прогресс, 1984) эти категории равноценны, а ценность каждой из них определяется по степени утилитарной пользы, получаемой для утилитарного же, империалистическо-глобалистского, социума.

Таким образом, прекрасно осознавая неизбежность полного расчеловечивания <глобального> социума, мы, «оттягченные» исторической памятью — своей и «памятью отцов» — по Н. Ф. Федорову,— не склонны относить этот процесс по категории добра; одновременно и злом его можно полагать, пожалуй что, с точки зрения носителя христианской, вообще канонической, этики. Однако — к пресловутому «от слова к цифре», как, «не боясь греха», круглосуточно вещают глобалистские (а других сейчас в мире и не осталось!) СМИ. Именно на замене творческого аналогового мышления утилитарным цифровым и зиждутся технологии расчеловечивания социума, в литературном ареале в том числе. И если в обычном, традиционном русском языке термин «технологии» применим к миру промышленности, то в современном новоязе — и к человеческим массам. А что есть такая масса? — Выдающийся испанский философ двадцатого века Хосе Ортега-и-Гассет дает такое определение («Что такое философия?» — русск. пер. 1991 г., «Наука»): *«Масса — это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров* (выд. нами.— А. Я.)… И как раз этот человеческий тип сегодня решает».

… И это не пресловутое презрение к массам, но четкое понимание фактора социальной биологии человека, если можно воспользоваться такой терминологией: только восемь процентов людей, что называется от рождения, от генотипики, в период взросления дополненной фенотипикой, обладают качеством самодостаточности мышления, проще говоря — «не управляются» телевизором и интернетом. Увы, остальные девяносто два из ста и есть та масса «без ориентиров». Сказанное есть сугубо научный факт, сомнению не подлежащий.

Итак, если, согласно известной диалектической формуле, спрос рождает предложение — от экономики до все той же литературы во всех ее ипостасях,— верно и обратное расширенное утверждение в рассматриваемом нами аспекте: ликвидация, в крайнем случае нивелирование (усреднение по низшей мерке — так мы здесь это понимаем) литературного процесса (писатели + широкая читательская аудитория) достигается наиболее эффективно и в кратчайшие исторические сроки действиями глобализаторов с агентами-исполнителями СМИ первоначальным упразднением самого понятия «широкая читательская аудитория», за чем, в силу принципа обратной связи, следует и нивелирование собственно литературного творчества.

Массы выводятся из прежней аудитории совокупным действием следующих факторов: умозамещение с ликвидацией интереса к художественной литературе; замещение интернетом с его компьютерным (кликовым, цифровым и пр.) мышлением и информационным шумом традиционного книжного чтения; разрушение сети книжной торговли с массовым закрытием по причине нерентабельности книжных торговых точек (магазинов); невостребованность прежних книжных тиражей; разрушение журнальной подписной и розничной торговой практики распространения — как следствие, резкое снижение тиражей, авторитетности, распространенности и пр. ведущих и периферийных журналов.

Таким образом, разрывается обратная связь писателя и читателя, что и есть упразднение литературного, в масштабе социума, процесса. Таковое же является существенным моментом в глобальном расчеловечивании. Также как и расчеловечивание в научной сфере: замена — или лучше подмена — творческого научного знания сугубой информацией. В обоих аспектах, литературном и <взятым для сопоставительного примера> научном, совершается перевоплощение мышления, психологии и так далее вплоть до физиологии человека: из расширенного понимаемого конструктора (знания, художественных образов и пр.) он становится квалифицированным потребителем. То есть тот самый, у Маяковского, «… будь я негром преклонных годов» уже не «… русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин», но, прошагав пару километров по саванне, заходит на почту, где получает из китайского посылторга «Али-баба» бандероль, в которой ему прислали шанхайской сборки синхронный речевой переводчик на основные языки мира… без русского разумеется. Это и есть квалифицированный потребитель.

Менее экзотический пример приведем из личных наблюдений. Проживая прямо у входа в главный тульский парк, о котором еще Есенин писал, что полюбил он этот парк, и вообще — это лучшее, что есть в городе, часто там бываю. На противоположной от главного входа стороне несколько лет назад соорудили «под японский» сад камней, то есть поставили в пирамиду несколько обкатанных еще в ледниковый период валунов, округ посадили явно южные кустики с листьями ярких колеров, а на расстоянии десятка метров концентрично расставили лавки со спинками, на которых положено сидеть, задумавшись о смысле бытия,

благодарным (городским властям) посетителям. Возможно и хайки с хокку в русском переводе осмысленно читать.

Действительно, поздней погожей весной, в нежаркие дни лета и в золотую осень скамейки сада камней заняты преимущественно среднестаршими и пожилыми женщинами интеллигентного вида. Но они на камни не смотрят и переводные японские вирши не читают. Все они — без исключения! — склонились над смартфонистыми гэджиками, что держат ладонями левых рук, а пальцами правых быстро-быстро скользят по экранам, переводя кадры. Нескромно полюбопытствовал, пройдясь мимо тыльных сторон концентрически установленных парковых лавок и скашивая глаза на эти экраны: калейдоскопически мелькают фото явно подруг, взрослых и озабоченных трудностями нелегкой нашей жизни детей, но чуть подольше задерживаются кадры с любимыми внучатами…

В том же парке, поодаль друг от друга, установлены два застекленных металлических шкафчика, в которые доброхоты могут приносить книги, а желающие — взять их себе. Шкафчики не пустуют, постоянно заполнены русской, советской и зарубежной классикой по преимуществу. Очень политкорректно, говоря современным языком, организовано избавление от ставших ненужными книг…

На «парковых примерах» и завершим этот раздел, поскольку самодостаточно мыслящему человеку все аспекты гибридно-иезуитской технологии расчеловечивания в части литературы и так прекрасно известны. Ну а остальным 92% (см. выше) телеящик все разъяснит: дескать, по «фэньшую» (что-то в этом роде, сходное с легким матерком…) иметь книги в личном жилище немодно и слишком вредно для здоровья… очевидно психического? И вообще читать бумажные книги устарело. Вообще читать что-либо, кроме компьютерных «эмэйлов», ни к чему. Тому полковник Скалозуб (но явно на грибоедовского персонажа не ссылаются) свидетельство — хотя бы и из позапрошлого века эта мощная натура выглядывает…

Мы же перейдем к следующему разделу, еще более «обидному» для бывшего человека разумного.

Невостребованность литературы в биотехническом мире: действительность и нерадостный прогноз. Вместо образного знания — информационный шум. «Не буди лихо, пока оно тихо»,— так и хочется сказать в адрес тех провидцев из числа философов и писателей последней трети прошлого века, что предрекали, как тот же Фукуяма, скорое окончание «гуманитарной эпохи» в истории человечества. Не они, конечно, разбудили это лихо — монстра Великого глобализатора; он самолично явился в отведенное ему эволюцией время, но в характере человека не задумываться о первопричинах, а судить о происходящем по внешним его признакам. Отсюда и кухонно-бытовые упреки: во всем виноваты Маркс с Энгельсом, несомненно Сталин — и вплоть до классики времен первого президента России: «Во всем виноват <имярек>!»

Увы, все сбылось стремительно за два-три десятка лет, нагляднее всего — в невостребованности художественной литературы, которая действительно, без «происков мирового империализма» и «ослабления творческого импульса в писательской среде», вне всякого сомнения становится излишней в социуме, все в большей степени обретающем черты человейника (термин А. А. Зиновьева), составленного некими существами, переходными от человека биологического — и творческого в лучших своих представителях! — к человеку биотехническому, этакому придатку к глобальным телекоммуникационным сетям. Соответственно, образное, творческое знание и познание объектно-процессуального мира такому существу не нужны. А если воспылает, прорвется творческая душа через панцирь биотехнического робота, то таковой индивидуум становится изгоем, чудиком. А таковых роботизированный социум не терпит.

Вместо же образного знания и познания субъекту человейника вчинен информационный шум, в котором «от литературы» представительствует примитивный детектив и пресловутый «женский роман», причем то и другое создается по компьютерным программам; от литературы здесь только «живое» редактирование… Или псевдомодернизм пиарщиков.

Основная задача (рукотворного) информационного шума есть оглупление, умозамещение, профанация… словом, целый набор качеств, которыми должен обладать человек биотехнический — крохотный винтик глобальной мегамашины; «винтик органчика» — по определению Ф. М. Достоевского: равенство винтиков. Это убогое равенство в «Бесах» Достоевского разъясняет Петр Верховенский, излагая Николаю Ставрогину учение Шигалева: «Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят».

Заметим, что на стадии начальной глобализации, в коей мы имеем сомнительную честь существовать (именно так!), «высшие способности» суть олигархат с его высшим творчеством «отнимать и приумножать» капитал и власть в социуме, а потому они на этой стадии самодовлеюще необходимы обязательно. Их, конечно, на стадии развито́й глобализации дезавуируют, то есть олигархат, как институт социума, есть явление временное. Пока же на него работает девиз олигархата Древнего Рима: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным».

Почему в этом славном девизе мы выделили искусства? А по той причине, что отголоски литературы, как правомочного вида искусства, в период начальной, нарастающей глобализации по инерции еще сохраняются в двух резко расходящихся формах: для масс человейника — та же, упомянутая выше, детективно-эротическая жвачка (почти что вкусовое ощущение жеванной ваты после прочтения…); для элитарного по-

требления определенным кругом «эстетствующих избранных», что из пирамиды обслуживания олигархата, — очередной, как все повторяется в диалектической спирали, виток декоративного декадентства с его вечным утверждением: искусство для искусства. А проще говоря: для первых — мыльные телесериалы с качеством ниже паскудности; для вторых — «билеты в Большой» стоимостью в полугодовую зарплату пресловутого бюджетника…

Теперь обратимся к одному из основополагающих законов движения эволюции, который условно назовем для эволюции человека «законом временнóй непротестности»; несколько коряво звучит, зато понятийно. Сущность его состоит в следующем. Человек является наиболее адаптивным существом общей биоэволюции в отношении изменений среды обитания, но особенно он безынерционен в части изменений в социумной организации, которые не вызывают за пределами одного, много двух, поколений протеста. Именно поэтому сегодняшняя невостребованность <художественной> литературы — в действительности и прогнозе — и подмена образного знания информационным шумом, свершившаяся в счетные десятилетия исторического времени, никакого этического и иного протеста не вызывает. Здесь к месту будет провести пророческие слова Н. С. Лескова («Запечатленный ангел»): «— Ну, а у нас,— говорю,— верно другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род «русский только вчера наседка под крапивой вывела».

… Актуально поправим Николая Семеновича: не конкретно русский, но весь мировой человейник. Как раз русский род еще трепыхается, в чем-то сопротивляется глобализации. Вот сейчас руководство страны открыто говорит о пользе здорового <от глобализации, хотя бы от его извращений> консерватизма. Исполать им!

Для поколений периода глобализации полная невостребованность продуктов литературного творчества вовсе не означает в личном, так называемом общественном, для своего круга общении, в официальном и так далее мнении, что таковые являются обиженными природой, недоразвитыми, необразованными («Потолковать об Ювенале, в конце письма поставить vale, и помнил, хоть не без греха, из «Энеиды» два стиха…») и пр. Даже мысли такой не возникает! Убеждать «винтика» биотехнического человейника, что он есть литературно безграмотный нуль… даже нуль в квадрате, все одно как упрекать человека современного (еще не окутанного фуриями, вылетающими из <глобалистского> ящика Пандоры), что он не обладает способностью высекать камнем искру для первобытного пещерного огня…

А в части якобы неполноценности, то таковое определение может дать только человек предыдущего поколения, творческого… но и он помягчеет голосом и душой, прочитав строки Ф. М. Достоевского: «Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком…» («Ряд статей о русской литературе», 1861).

То есть глобалистский винтик человейника абсолютно неповинен в литературной безграмотности в таковом качестве он и востребован своей эпохе. А жаловаться на Великого глобализатора все одно, что собаке на собачью жизнь (мы не имеем в виду раскормленную квартирную мелюзгу, из собачьей природы у которых остался только лай и генетическая вражда к котам): законы эволюции пересмотру и корректировке не подлежат, а эпоха глобализации суть некоторый временной удел социальной эволюции. А что же ныне писатель и читатель поделывают? — Это в заключительном разделе.

Современный писатель и исчезающий читатель… Начнем опять-таки с суровых слов Федора Михайловича: «Я даже думаю, что самое лучшее определение человека — это: существо на двух ногах и неблагодарное» («Записки из подполья»).

Про две ноги — это отнесем по части биологической и начальной (руки освободить для охоты на мамонтов) социальной эволюции. Неблагодарность же есть качество, благоприобретенное равномерно в период цивилизации и культуры, сдерживаемое в своей амплитуде нормами религиозной морали, перешедшими затем в общесоциумные, но совершенно «распоясавшееся» в предглобалистскую империалистическую эпоху, а вот о нынешних временах и вовсе говорить об антитезе благодарности/неблагодарности не приходится. Раз в утилитарной морали противопоставление этих качеств, как категорий добра/зла, перетекло в утилитарную же «равноценность» добра и зла, то что тут сказать о неблагодарности?

Сам же вопрос о неблагодарности спонтанно возникает у литераторов, они же писатели-беллетристы, поэты, литературные публицисты, драматурги, критики и так далее, которые видят, что все их немалые творческие усилия, к тому же не оплачиваемые даже по нищенскому «прожиточному уровню», ибо писательство еще в девяностые годы перестало быть самоокупаемой профессией, никем не востребованы: массовый читатель, как по мановению ока, исчез, остался, как и понятие гонорара, лишь в памяти старших поколений литераторов.

Но при чем тут, спрашивается, неблагодарность? Несколько переиначивая слова электромонтера Мечникова из дилогии одесских классиков, скажем, что благодарность, как расширенно понимаемая морально-нравственная категория, есть продукт непротивления и согласия сторон. То есть писателя и читателя. Первый благодарен читателю за внимание к его произведениям (книгам) и неравнодушное отношение, сопереживание действию художественного полотна, вживание в образы персонажей и так далее. Опять-таки читательский спрос есть стимул оплаты профессии писателя, который не навязывается читателю своими произведениями и согласен в определенной степени ориентироваться на массовый вкус. Это принцип социального

заказа, никем и никогда <ранее> не отменяемый. Неважно, по какую сторону «железного занавеса» (в 20—30-е годы — «санитарного кордона») живут писатель и читатель.

И обратно: читатель благодарен писателю за доставляемое интеллектуальное, этическое, художественно-образное удовольствие и пользу от чтения его произведений. У него не возникает желание противиться (?) изданию книг писателя, он согласен с существованием самого института создания художественной литературы. Монтер Мечников прав; хотя бы не он сам придумал это определение, но античные творцы канонов римского права… Причем запьянцовский персонаж Ильфа и Петрова использовал форму из «Философии права» (1821) Гегеля. Но — это к слову.

В силу сказанного выше, неблагодарность есть импульсивное, эмоциональное ощущение современного писателя, оставшегося без читательской аудитории. Ее направленность в отношении читателя суть фикция; человек, переставший быть читателем, никоим образом в этом невиновен и претензий к писателю по определению иметь не должен. С другой стороны, и писатель, прекрасно понимая источник своих бед, понимает всю бессмысленность «обращения к социальной эволюции», дескать, смилуйся, владычица мирская (то есть глобальная) и так далее. Эволюция советов и запретов не принимает a priori. Словом, все по русской пословице: «Спорили мыши за лобное место, где будут кота казнить»…

Итак, литературный Карфаген сопротивления глобализации уничтожен. Посреди его развалин высятся разной высоты, заросшие травой и кустарником, почти не посещаемые, замшелые могильные плиты на местах упокоения гениев, классиков и просто творческих тружеников ушедшей в небытие литературы. Между заброшенных могильных камней бродят редкие неприкаенные бывшие читатели. Зловещая тишина погоста.

… А ведь если серьезно подумать: зачем задуман был человеческой эволюцией этот десятитысячелетний литературный Карфаген, если он так печально в одночасье был разрушен? — Скорее всего, эволюция не замыкает в своем детище, в человеке, саму себя: это всего лишь ступень лестницы. Так и литература: перешагнул и забыл. Увы. Как тот же первый младенческий крик.

Николай ЖУКОВ

г. Тула

Председатель Тульского отделения Союза писателей России

СОРОК ЛЕТ ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Известный прозаик, единственный из ныне здравствующих тульских писателей имеющий почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», автор сорока художественных книг, изданных в России и за рубежом тиражом более миллиона экземпляров и переведенных на иностранные языки, Валерий Маслов, в этом году отмечет свой жизненный юбилей.

А творческий 40-летний юбилей у него связан с выходом сорок лет назад в «Приокском книжном издательстве» его первой книги под названием «Возвращение». В ее основу была положена повесть, рукопись которой одобрил на семинаре молодых литераторов в Туле выдающийся русский просветитель и литературный критик В. В. Кожинов.

Следующий год является для писателя еще одной важной вехой: тридцать три года назад, на переломе двух эпох, ему подписал и лично вручил билет члена Союза писателей СССР легендарный поэт, классик русской и советской литературы Сергей Михалков.

Эти три памятные даты в жизни писателя и общественного деятеля Валерия Маслова, объединенные общим творческим началом, несомненно, являются важным поводом для подведения некоторых итогов его деятельности.

Валерий Маслов прошел большой жизненный и творческий путь. Он — член Союза писателей СССР и России, Союза журналистов СССР и России, Международного литературного фонда, работал в исполкоме Международного сообщества писательских союзов.

Можно долго перечислять творческие и общественные достижения Заслуженного работника культуры Российской Федерации В. Маслова.

Он был помощником губернатора и руководителем пресс-службы администрации области, председателем Межрегионального союза писателей и Тульского городского дома творчества, директором Фонда поддержки творческой интеллигенции, Тульских отделений Литературного фонда России и Общероссийского литературного сообщества. А в настоящее время также успешно выполняет обязанности заместителя председателя Тульского отделения Союза писателей России и члена общественного совета министерства культуры Тульской области

Конечно, работа писателя и общественного деятеля на таких многочисленных и важных постах была

отмечена государством. Валерий Маслов — кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Награжден медалями «Ветеран труда», «Двести лет МВД России», «XX лет победы в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.», «65 лет Победы Советского народа над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Трудовая доблесть» III степени, «Трудовая доблесть» II степени, «За заслуги в области культуры и искусства», полный кавалер Почетных знаков администрации города-героя Тулы «За заслуги перед городом» I-й и II-й степеней.

Его имя занесено в «Большую биографическую энциклопедию» на портале «Академик» в Интернете (Маслов Валерий Яковлевич. 2009); «Тульский биографический словарь» (Т., «Пересвет», 1996); «Энциклопедический словарь-справочник» в 2-х томах «Новая Россия: мир литературы» (М., «Вагриус», 2003); календарь ста известных людей Тульского края: «TOP-100. TULA. XXI век»; энциклопедию «Who is Who в России» (5-й и 8-й выпуски); биографический словарь «Писатели земли тульской»; справочник «Писатели Тульского края»; «Энциклопедию тульской журналистики» и другие.

Краеведческий альманах «Тульский край: памятные даты» поместил редакционную статью о писателе «Подвижник тульской литературы. К 30-летию (1984) начала творческой деятельности тульского писателя Валерия Яковлевича Маслова» и статью В. Г. Виноградова «Поэт в России больше, чем поэт, писатель — больше, чем писатель!», посвященную юбилею писателя.

Книги В. Я. Маслова включены в действующий фонд ФГУ «Российская государственная библиотека».

В. Я. Маслов родился в городе Донском Тульской области в семье рабочих. Мать — Дарья Ивановна — повар-технолог, отчим Николай Алексеевич — электрик.

Учился в Донской средней школе №2. Как лучший ученик был делегирован городским отделом народного образования в Москву на Новогоднюю елку, которая проводилась в палатах древнего Кремля. Эта необычная поездка дала первый толчок к началу творческого пути — мальчик Валера написал в городскую газету заметку о таком важном для него событии.

Большую жизненную закалку и опыт он приобрел потом за время службы в ракетных войсках Советской армии на Северном Кавказе, где получил от командования две похвальные грамоты «За отличные успехи в боевой и политической подготовке и безупречную службу», а также медаль Президиума Верховного Совета СССР «XX лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

После службы в армии работал бригадиром, а затем управляющим отделением совхоза «Красный богатырь» Новомосковского района, специальным корреспондентом тульской областной газеты «Коммунар». Двадцать три года служил в органах исполнительной власти — помощником председателя облисполкома, помощником и пресс-секретарем губернатора, руководителем пресс-службы главы администрации Тульской области.

Получил три высших образования: специальное — Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева (ученый агроном), общественно-политическое — Московская Высшая партийная школа при ЦК КПСС (помощник главы администрации Тульской области по внутриполитическим вопросам), военное — Высшие офицерские курсы «Выстрел» г. Москва (майор запаса).

Значителен вклад Валерия Маслова в развитие Тулы и области во время работы на высоких постах в органах исполнительной власти. Как помощник председателя Тульского облисполкома, а затем губернатора области, он отвечал не только за организационное обеспечение работы этих руководителей, но и являлся единственным спичрайтером в подготовке их многочисленных докладов и речей по всем отраслям народного хозяйства. Например, подготовил выступления руководителя во время визита президента Франции Валери Жискар д'Эстена в наш город, открытия памятника Л. Н. Толстому, вручения Почетного звания города-героя Туле и в других знаковых событиях.

По делам службы он не раз бывал в Кремле, в Доме правительства, в других высших государственных учреждениях страны.

Организовывал визиты в Тулу премьер-министра Виктора Черномырдина, других высокопоставленных чиновников, за что был отмечен государством.

Все это помогло ему набрать большой жизненный опыт, необходимый для создания творческих произведений. Не случайно писатель Валерий Маслов стал лауреатом литературных премий имени Тульского комсомола, газеты «Молодой коммунар» и Тульского отделения Союза писателей РСФСР, Ярослава Смелякова, им. Льва Толстого (дважды), «Истоки» главы города Тулы, всероссийских литературных премий «Левша» им. Н. С. Лескова, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и других. За патриотическую направленность своих произведений награжден памятными медалями «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова» и «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля».

Вклад Валерия Маслова в развитие тульской и отечественной литературы несомненен. Он являлся основателем и главным редактором газеты «Тула литературная», членом редакционного совета и автором предисловия хрестоматии «Три века тульской поэзии», редколлегии журнала «Приокские зори», составителем и редактором сборников произведений писателей «Иван-озеро» (2015), «Заря Победы» (2016), «Тульское слово» (2017, 2019, 2020, 2021, 2022) и других.

В. Я. Маслов двенадцать раз побеждал в конкурсах, получал гранты и премии. Он — постоянный редактор и составитель сборников произведений тульских писателей под названием «Тульское слово», который четыре раза побеждал в конкурсе грантов правительства Тульской области в сфере культуры и искус-

ства. В 2022 году В. Я. Маслов подготовил, отредактировал и выпустил шестой сборник «Тульское слово», в котором опубликованы стихи, проза и публицистика тридцати семи тульских писателей и литераторов.

Писать Валерий Маслов, как уже говорилось, начал еще во время учебы в школе, затем в Мичуринском плодоовощном техникуме, где редактировал стенгазеты. Потом, во время работы в совхозе, писал заметки в газету «Новомосковская правда», редакция которой напечатала первый очерк будущего писателя под названием «Медицинская сестра».

В 1977 году рассказ Валерия Маслова «Прогоню ли я ее?», напечатанный в газете «Молодой коммунар», получил литературную премию на конкурсе, проведенном Тульским комсомолом, отделением Союза писателей РСФСР и редакцией газеты.

Вслед за первой книгой писателя под названием «Возвращение» в Приокском книжном издательстве вышла книга «Расплата». А после, уже в Москве, издательство «Современник» в серии «Первая книга в столице» выпустило его новую книгу «Случай в Обояни».

Эти книги были из разряда так называемой «деревенской» прозы, во многом отражали реалии того времени и были замечены российским литературоведом Н. А. Милоновым, который разместил о них статью в своем краеведческом труде «Русские писатели и Тульский край».

В 1992 году Приокское книжное издательство выпустило следующую книгу В. Маслова «Мафия в законе». Этот роман-детектив стал предшественником книги писателя «Мафия бессмертна», которая сделала автора знаменитым и выдержала двенадцать переизданий общим тиражом 600 тысяч экземпляров.

Одна за другой, теперь уже в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, на Украине, в крупнейших российских издательствах «Эксмо», «Терра», «Локид», «Олимп» (г. Москва), «Диамант» (Санкт-Петербург), «Феникс» (Ростов-на-Дону) и других большими тиражами выходят другие книги автора. Например, тираж романа «Бардак» (М., «Локид», 1995) был напечатан тиражом 75 тысяч экземпляров.

Имя Валерия Маслова не сходило со страниц ведущей литературной газеты страны «Книжное обозрение», где в ее рейтингах книги писателя занимали первые строчки. В 1997 году в списке самых издаваемых авторов России Валерий Маслов занял третье ведущее место по суммарным тиражам изданных за год (225 тысяч экземпляров) и числу наименований (шесть) напечатанных книг.

Валерий Маслов печатался в литературно-художественных журналах и альманахах «На земле Ясно-полянской», «Приокские зори», «Тула», «Союз», «Ковчег» (Тула), «Наш современник» (Москва), «Бийский вестник» (Алтайский край), «Книжевни запи» (Черногория), «Одзиви» (Сербия) и других.

Книги автора «Najblizi ljetnjikovac» («Ближняя дача») — «Обод», 2006 и «Poziv s onoga svijeta» («Звонок с того света») — Andrijevica, 2007, переведенные на черногорский язык, а также «Лубав нема имена» («Любовь не имеет названья») — «Прецизион», 2008, на сербском языке, презентовались на международной книжной ярмарке в стране Евросоюза Республике Черногория в 2008 году.

Валерий Маслов является автором краеведческих книг «Тульские люди» (четыре издания: 2008, 2009, 2011, 2014 — грант правительства Тульской области), «Праздник детской жизни» (2015 и 2017 годы), «История Тулы» (6 переизданий: 2018, 2019, 2020 — дважды, грант правительства Тульской области, 2021, 2022), «Тульские театры» (2021, 2022). Краеведческая книга «История Тулы» в 2020 году победила в конкурсе грантов Правительства Тульской области и в иллюстрированном варианте была издана для подарков ветеранам Великой Отечественной войны.

В 2020—2022 годах организация «ЭПОСервис», комплектующая библиотеки города Москвы книгами, неоднократно направляла запросы на закупку его книг «Истории Тулы».

В. Я. Маслов — единственный в Тульской области писатель, книги которого официально изданы ведущими издательствами страны в электронном виде. Московские издательства «Говорящая книга» большим тиражом выпустили в формате МП-3 роман В. Я. Маслова «Звонок с того света» (2005), «Логос» — роман «Москва времен Чикаго» (2007), «Русская литература» — «Москва времен Чикаго» (2012).

Книги писателя неоднократно представлялись в музейно-выставочном комплексе Тульского кремля на ярмарках под названием «Кремлевский посад», выставках «Православная книга», на международной выставке интеллектуальной литературы «Нон фикшн» в Гостином дворе Москвы, крупнейшем книжном форуме на Красной площади столицы. Они также были представлены на книжном фестивале в Будве (Республика Черногория) и других престижных выставках.

О деятельности В. Я. Маслова в сфере культуры и литературы, в средствах массовой информации опубликовано около четырехсот статей. О его творчестве известный журналист С. Норильский (С. Л. Щеглов) написал книгу «Тульский феномен» (Т., «Аквариус», 2014).

Писатель активно ведет работу с молодыми и начинающими литераторами. Является одним из организаторов проведения семи Тульских областных слетов молодых авторов, в которых был модератором секции «Проза».

Валерий Маслов неоднократно спонсировал из гонораров, полученных за издание своих книг, произведения других литераторов. Среди них, книги С. Рассаднева «Прогулки по улицам Тулы» (Т., «Шар». 1996), М. Тылкина «Моя любовь — велосипед» (Т., «Аз, Буки, Веди», 1995), Б. Сушкова «Русская культура: новый курс» (М., «Наука», 1996), М. Казаковой «На мосту в половодье» (Т., 2000).

Он материально помогал в издании газет «Тульский литератор», «На службе Отечеству», «Свет разума», «Тула литературная».

В. Я. Маслов проводит большую общественную работу. Он создал и возглавил Тульский городской Дом творчества, в котором проводил сотни мероприятий творческой интеллигенции Тулы и области. В Дом творчества приезжали и выступали такие видные деятели, как директор музея «Ясная Поляна», советник по культуре Президента России В. И. Толстой, член Союза писателей СССР, внук знаменитого художника, Федор Дмитриевич Поленов, поэтесса Римма Казакова, народная артистка России Жанна Бичевская, чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов, посол Франции в России Пьер Морель и многие другие. Здесь неоднократно встречался с творческой интеллигенцией губернатор Николай Севрюгин.

Оценивая творчество Валерия Маслова, заместитель Председателя комитета Госдумы РФ по обороне, генерал-лейтенант А. В. Коржаков прислал ему поздравительную телеграмму с таким текстом: «Уважаемый Валерий Яковлевич! Ваше творчество хорошо известно тулякам. Вы — признанный художник слова и ваши произведения пользуются заслуженным уважением среди читателей и коллег. Ваша плодотворная деятельность — заметное явление в культурной жизни города и области. Честь имею!»

Двадцать два года В. Я. Маслов являлся бессменным директором Фонда поддержки творческой интеллигенции, который оказывал материальную и иную помощь писателям, артистам, художникам, музыкантам и другим. Писатель неоднократно вносил в Фонд личные средства для его благотворительной деятельности.

Он сохранил для Тулы здание-памятник XIX века купцов Конопацких, в котором неоднократно бывал писатель В. В. Вересаев, отобразивший его в своих «Воспоминаниях». В 1994 году организовал сбор средств на возрождение этого важного объекта исторического и культурного наследия, который до этого двадцать лет находился в бесхозном состоянии и разрушался. В 2014-м возглавляемый В. Я. Масловым Фонд выиграл грант правительства Тульской области, который также направил на его ремонт и содержание.

Заметна просветительская и патриотическая деятельность писателя и общественного деятеля В. Я. Маслова в социальных сетях Интернета. Он создал несколько сайтов, размещает свои патриотические произведения и статьи на портале «Проза.ру», регулярно публикует патриотические посты в «Одноклассниках» и «ВКонтакте», которые набирают тысячные просмотры.

Особую роль играют посты писателя в социальных сетях о поддержке Специальной военной операции на Украине, которую наша страна проводит на Украине с целью ее освобождения от нацистской чумы. Его посты «Я люблю Россию!», «Свершилось!» набирают тысячные просмотры и поддержку пользователей.

Он проводит на сайте Тульского отделения Союза писателей России акцию «Тульские писатели — в поддержку Донбасса». Принял участие в благотворительных акциях партии «Единая Россия» и магазина «КнигаГрад» «Книги — Донбассу», Тульской общественной палаты «Книги — детям Донбасса», в рамках которых передал свои авторские произведения, а также книги русских и советских писателей из личной библиотеки.

Общественный деятель В. Я. Маслов — активный участник международных и всероссийских съездов и конференций деятелей культуры, Литературного фонда России, Союза писателей России, Всемирного православного Собора.

Подводя некоторые итоги 40-летней творческой деятельности писателя и общественного деятеля Валерия Маслова, можно с уверенностью сказать, что он достиг за это время значимых успехов в работе на благо развития культуры и литературы Тульской области.

Людмила ПОПОВА

г. Москва

Попова Людмила Александровна — член АРЛ, СРП, редколлегии международного журнала «Новые витражи». Сотрудник Минвнешторга и МИД России. Диплом с отличием ВГУ, факультет РГФ; курсы Академии Минвнешторга, курсы Литературного института им. М. Горького. Автор шести книг. Печаталась в «Роман газете» (2016 г.). Дипломант международного конкурса «Созвездие духовности» (2017 и 2019 гг.) Наш постоянный автор.

JANA

Вечереет в лесу. Представляете? Это когда сумерки собираются в ветвях кустов и деревьев, и густеют, уплотняются, как народ на городской площади… И кажется, что внутри темноты таится что-то злое, опасное, и это тревожит душу…

А по лесной дороге торопливыми шагами идет девушка-чешка, русоволосая, милая, с доверчивым взглядом светлых глаз. Идет одна. И хотя прибавляет шагу, но идти еще очень далеко…

Между тем тьма без конца сгущается и нарастает вокруг, и каждый шорох и хруст напрягает: что там, сухая ветка упала или зверь крадется, или человек, что подчас хуже зверя… А идти еще далеко… Лучше бы переждать на вокзале, а утром отправиться в путь. Но торопилась поскорее домой, к маме, она ведь ждет до-

ченьку, возвращающуюся с учебы из далекой Москвы…

И хоть бы какой попутчик оказался рядом! Никого! Хотя мама всегда предупреждала, что иные попутчики, незнакомые люди, тоже могут быть опасны… И что за тревожные мысли лезут в голову?! Может лучше спеть веселую песенку? И идти под нее легче… Но опять же, а вдруг кто недобрый услышит? Нет уж лучше молча и быстро шагать…

И вдруг свет позади… Приближается… Машина. Могут подвести, как хорошо! Но неизвестно, кто в машине, может, не к добру все… Мама всегда предупреждала… Все-таки как опасно быть молоденькой девушкой!

А фары уже освещают не только дорогу, но и ее. Машина останавливается. За ней другая. Военные. Солдаты. Этого еще не хватало!..

— Куда идешь, красавица?

— Домой!

— Не страшно одной в ночном лесу?

— Страшно…

— Можем подвезти,— говорит офицер, советский, еще не старый и представительный.— Садись рядом с водителем, будешь дорогу показывать!

На машине добрались быстро. Мама выбежала во двор, встревоженная машинами и ярким светом. Всплеснула руками, стала обнимать и целовать дочку: «Ой, доченька, тебя как королевну с такой охраной доставили!» Потом спохватилась, что спасателей надо бы чем-то угостить. Засуетилась: вот не знала, не ожидала… Сейчас лепешек напеку, горячих… я быстро…

— Спасибо, хозяюшка! — отвечает офицер, даже не заходя в дом, но у нас нет времени, служба не позволяет. Вот доставили красавицу домой и теперь дальше поедем. Спасибо за добрый прием! Счастья вам и вашей дочери! Хорошая девушка растет, по дороге нам немножко про себя и про вас рассказала…

И машины укатили, растворились в ночной темноте, словно их и не было…

А память о той дороге, осталась у Жаны на всю жизнь…

Мы познакомились с ней в Марианских Лазнях (Марианске-Лазне), куда я отправилась однажды по рекомендации врача на лечение, на благотворные минеральные воды. Это небольшой курортный городок в Западной Чехии, скромный сосед знаменитых и более роскошных Карловых Вар.

Жана, прекрасно знавшая русский язык, водила здесь экскурсии и по курортному городку, и окрестностям… Не помню экскурсовода лучше нее. И сквозила в ее словах ностальгия по тем временам, когда была Чехословакия, когда были другие порядки и законы…

— Не ищите зря чешские сувениры! К сожалению, нет у нас больше ни фарфора, ни хрусталя, ни кожгалантереи… Раньше женщины любили увозить домой кожаные сумочки чешского производства… Да что там сумочки, раньше у нас самолеты и машины выпускали, и много чего еще… А сейчас — все привозное. Все! Чешского ничего не найдете, словно вымерли чехи или мастерство покинуло их навсегда! Осталось только производство оплаток (вафель), повсюду их продают и здесь, и в Карловых Варах, с разными добавками и в разных упаковках. На большее чехи уже не способны! Продукты тоже все привозные, кстати, если хотите что-то чешское отведать,— вот на этой улице есть один единственный магазин с вывеской «Потравки» (продукты), там продают все местного производства: сыр, колбаски, ветчину… Все натуральное, вкусное, как всегда делали,— попробуйте, вам понравится! И аптеку вам покажу, где продаются чешские лекарства, натуральные, настоящие, а не какая-нибудь химия. Там и фармацевт — симпатичный и честный человек, давно его знаю… А если кто поедет со мной на экскурсию в Карловы Вары, покажу магазинчик, где можно приобрести настоящие чешские гранаты, а не подделки, какие часто предлагают туристам. Чешские гранаты хоть и мелкие, но красивые, насыщенного вишневого цвета... Даже фундук в торговом центре продают американский, хотя своего в лесах навалом. Уже и вьетнамцы нас теснят, открыли повсюду лавки со своими товарами…

Вот мы подходим к колоннаде, павильону, где люди, прибывшие на лечение, всегда пили минеральную воду. В Марианских Лазнях множество лечебных источников с красивыми названиями: Рудольф, Каролина, Мария, Лесной, Крестовый, приносящих здоровье, исцеляющих от тяжелых недугов… Теперь в колоннаде водичку не пьют, а продают барахло, опять же привозное… Для водички оставили маленький круглый павильон, где в тесноте люди толкаются. Да что я вам рассказываю, сами вы это видите и знаете! Я не раз высказывала свое возмущение мэру нашего городка, но все без толку. Между прочим, посмотрите, где я живу, как раз напротив мэрии! — И Жана показала нам окна своей квартиры и здание мэрии, и добавила: я мэра часто встречаю и всегда ему говорю, что думаю, а думаю, что и наш курорт, и вся страна приходят в упадок. Для чехов остается одна сфера деятельности — обслуживание, другой работы нет, все заводы, фабрики, учреждения давно закрыты. Мы — пользователи товаров Евросоюза, которые нам навязывают, права выбора нас лишили…

Я как-то показывала экскурсантам лебедя, сидящего на гнезде, объяснила, что это — мать сидит на яйцах, а лебедь-отец добывает корм. А у нас в семье мой муж остается дома «сидеть на яйцах», потому что не может найти работу, а я бегаю, чтобы заработать на пропитание. Моей дочери и зятю тоже трудно найти работу, тем более что у них малые дети. Детские сады закрыли, как пережитки прошлого социализма…

Кто-то из местных сказал, что Жана вовсе не чешка, а русская, мол и русских слишком любит, и имя у нее вовсе не чешское, а русское — Жана. Как это не чешское? Напишите ее имя латиницей, получится: Jana, но французы, например, произнесут: Жана, а не Яна…

Если бы Жана не была чешкой, не любила бы она так Чехию, свою ненаглядную родину!

Никто из экскурсоводов не выражал в своих рассказах столько тепла и восхищения Чехией и ее народом! Ни от кого я не узнала столько интересной, яркой и запоминающейся информации об этой стране.

— Видите яблоньку у дороги? — показывает Жана в окно автобуса.— У нас такая традиция: сажать вдоль дорог фруктовые деревья. Вот вы едете в машине, захотели отдохнуть, сели в тени дерева и угостились яблочками, сливами или абрикосами… Ведь правда приятно! Видите эту речку, больше похожую на ручей, журчащий по камням. Я в детстве, бывало, суну руку под камень, а там — форель. Так выловлю три рыбки, приношу маме, и уже хватит на добрый ужин… Еще у нас в Чехии очень любят мак, выращивают его для кондитерских изделий: пирогов, булочек, пирожных… Я сама люблю выпечку с маком и здесь, в Марианских Лазнях, часто лакомилась пирожными с маковой начинкой.

— И рыбу у нас обожают,— продолжает свой рассказ Жана,— карпов разводят в прудах. Осенью устраивают праздник урожая, прорывают плотину, вода уходит, а вся рыба остается. Начинается настоящий рыбный праздник: повсюду жарят, парят, коптят, и с нашим вкусным чешским пивом. Вот что я вам скажу: пейте наше пиво, оно еще полезнее, чем минеральная вода!

Я часто ездила с Жаной, любила ее экскурсии за обилие информации, за особый дух, здоровый, ничем не замаранный. С нею больше замечалось красоты, от нее веяло большим жизнелюбием. Она обожала природу, была ее неотделимой частичкой. С экскурсантов дополнительных денег никогда не брала, даже в кафе не позволяла за нее заплатить. Только раз допустила исключение, но случай действительно выпал особый.

Однажды один из российских экскурсантов едко и безжалостно высмеял Ленина, когда мы возвращались с экскурсии. Жана сидела на своем обычном месте, рядом с водителем автобуса, критикан сидел чуть подальше. Жана, не отрываясь, смотрела в окно на пробегающий пейзаж и, казалось, не слушала его. Но как только он замолчал, живо оглянулась и так эмоционально обрисовала жизнь своей семьи и всей страны при социализме и после его крушения, что парень сник и не знал, что ответить. Жана не спорила, а просто выплеснула всю выстраданную боль, и словно кипятком ошпарила. Парень помолчал некоторое время, потом приблизился к Жане, обнял ее за плечи и что-то тихо прошептал на ухо. Наверное, и скорее всего, извинился за святотатство. А когда мы вернулись на курорт, снова подошел и что-то положил ей в ладонь. Жана молча приняла. Мне показалось, что они поняли друг друга и помирились…

На одной из экскурсий Жана порекомендовала непременно посетить бенедиктинский монастырь Кладрубы, место замечательное, с какой стороны ни посмотри: историческое, живописное, монументальное, полное тайн и легенд. (Кладрубы — монастырь, основанный в 1115 году при поддержке Моравского князя Вацлава Первого, там теперь покоится его прах. Это одно из самых древних сооружений, которое называют образцом стиля барочной готики и признают самым красивым в Чехии.)

Монастырь действующий, монахи не любят экскурсантов и в любой момент могут запретить посещения, кроме того он закрывается в холодный сезон (на дворе стоял на редкость мягкий конец сентября), так как не отапливается.

Конечно, я поехала в Кладрубы. Погода выдалась пригожая и солнечная. Монастырь предстал перед нами во всей своей красе. Но то, что открылось внутри, во многом благодаря объяснениям Жаны, вообще поражало воображение…

Я так и не узнала, кем Жана была по специальности, но экскурсии она проводила как истая волшебница, указывая нам на то, что мы сами никогда бы не заметили: потайные двери монахов или буквально оживающие под действием солнечных лучей рисунки… Жане были известны места на полу, специально отмеченные, постояв на которых можно чудесным образом обрести страстно желаемое или реализовать задуманное… Я не очень верю в такие феномены, может быть и зря, но в нашей группе нашлась женщина, которая в начале экскурсии стала на указанное место и буквально застыла там, позабыв обо всем, а может, уже была наслышана и специально приехала ради того, чтобы вымолить у судьбы какую-то милость…

Мы с нескрываемым восхищением осмотрели все великолепное внутреннее убранство, а у самого выхода Жана показала нам еще одно чудо: картину с живыми ногами. Да, да, с живыми ногами! Случайно или специально художник изобразил ноги персонажа картины так, что они вслед за экскурсантами сами поворачивались к выходу, словно собирались вынести своего хозяина через дверь наружу…

В сувенирном киоске я купила магнитик с красочным изображением монастыря, он и поныне у меня хранится: на фоне синего неба красная черепица крыши, готические шпили над входами и башня над куполом, и вся эта красота щедро укутана со всех сторон ковром зелени…

Несколько лет назад я в последний раз посетила Марианские Лазни, в списках экскурсий не нашла, как ни искала, имени Жаны, а то бы с удовольствием отправилась с ней куда-нибудь, пусть даже повторно. Да и просто увидеться было бы приятно. Из Москвы я привезла для нее подарок…

Когда спросила про нее в турагенстве, молоденькая девушка ответила мне с усмешкой: она больше не работает гидом. А увидеть ее можно в пивнушке напротив колоннады, возле поющего фонтана, она там за-

всегдатай: сидит над кружкой пива и плачет. С чего бы ей плакать? Похоже, рассудок потеряла…

Неприятно было слышать такие слова, вместо человеческого сочувствия. Не хочется в это верить, но возможно, Жану отстранили от работы из-за экскурсантов, не согласных с ее мировоззрением, которые подавали на нее жалобы в экскурсионное бюро...

Я ее больше никогда не встречала, но ясно представляла поникнувшую над кружкой пива, в которую падают горькие слезы о мимолетной молодости, не сбывшихся грезах и надеждах, и о людях, не умеющих видеть и слышать…

Яков Шафран

г. Тула

Шафран Яков Наумович родился в 1950-м г. Два высших образования: в 1973-м г. окончил Тульский политехнический институт (ныне Тульский государственный университет) по специальности «Двигатели летательных аппаратов» и в 1998-м Высший психологический колледж (ныне Высшая школа психологии) по специальности «Практический психолог». Литературный стаж с 1986-го г. Автор восьми книг прозы и поэзии. Печатается во многих журналах, альманахах и на сайтах журналов. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Ответственный редактор-секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», член редакционных советов ряда изданий. Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР.

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ — АНТИПОД РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Из цикла статей «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации»

«Не найдется такое жестокое сердце,
чтобы сказать: не мысли о Родине». [*]
Рерих Н. К.

Концепцию, выраженную в заголовке данной статьи невозможно, признаться, осознать без того, чтобы не разобраться в истоках возникновения Западной и Русской цивилизации как таковых. А истоки их находятся, насколько видится, в Античности, в Римской империи, а точнее после ее окончательного раздела соответственно в Западной, захваченной германскими варварами, и в Восточной, подвергнувшейся эллинизации. Обратимся, друзья, к истории.

Читатель может не согласиться с утверждением, изложенным в данном заголовке. Не будем спорить с несогласными, а зададимся вопросом — как же возникла Западная цивилизация, ставшая ныне современным объединенным Западом, куда входят, кроме США и Западной Европы, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Япония и прочие малые сателлиты? Если мы обратимся к истории, то увидим, что возникла она на развалинах западной части некогда могучей Римской империи, и развитие ее прошло через все предшествующие века в постоянном противостоянии православной части империи и далее Русской цивилизации, ставшей ее преемницей. Каким образом сие происходило? Заглянем в те времена.

А там, вслед за установлением тогдашним, уже не языческим, а христианским императором Константином христианства в качестве официальной религии, данное вероучение стало новой внутренней сутью повседневного существования великой державы. И дабы, в связи с этим, обозначить в истории новую эру, глава империи создает второй Рим, новую столицу — Константинополь на востоке государства. Что, к слову сказать, было сделано весьма своевременно, так как вскоре в западной части его, захваченной воинственными варварами-германцами начали учреждаться независимые королевства.

Восточная часть, ставшая затем по самоназванию Державой Ромеев или Византией, каковой именовали страну позднее на Западе, в отличие от западного «варварско-римского котла», устремляется на неуклонное и последовательное продвижение Православной веры, на просвещение окрестных народов, и среди них россов. Из этой могучей христианской цитадели, почтенной матери современной человеческой

[*] Рерих Н.К. Нерушимое. Рига: Угунс, 1936. С. 317–318.

культуры и права, шло православное ве́дение о Боге, о едином мироздании и об индивидуальном и общем спасении.

Западная же часть занялась незаконными агрессивными действиями, направленными против государевой воли подлинного Главы империи — на то время императора Византии — и Господней воли, транслируемой через Единую Церковь. И началась Западная Европа с провозглашения главы отмежевавшейся церкви Папой Римским и «назначения» короля варваров-франков Карла, фактически узурпатора, титулованным римским аристократом и затем «римским императором». Рим слишком долго жил по руководящему принципу полной трансформации грубой силы в безоговорочное, неотъемлемое право — у кого сила, того и право,— чтобы это не оказалось плотью и кровью старой аристократии. Но поскольку в описываемые времена она обессилела, то передала данную привилегию свежей силе, свежей крови германских племен, захвативших империю. А те с этим, естественно, с удовольствием согласились.

Если глядеть из нынешнего времени,— как говорится, большое видится на расстоянии,— делается понятным, что путем отделения завоеванных германцами западных земель и создания «особой» церкви была реализована цель неких сил, неких акторов, действующих по известному негласному правилу «разделяй и властвуй». Поэтому ни о каком modus vivendi — условиях, обеспечивающих совместное сосуществование, речи быть не могло. Началось упорное и ожесточенное противостояние с Православной Церковью, Православной Цивилизацией.

Для сего Запад, ставя все с ног на голову, принялся доказывать, будто именно Германская Римская империя является единственной законной правопреемницей Рима в качестве единственно правильной и целостной, от которой якобы откололась Византия. Это их собственное дьявольское измышление не было экзистенциальным, но стало краеугольным камнем, положенным в вековой идеологический фундамент всего высокомерного и враждебного отношения Запада к Православной державе. И поскольку доказать неоспоримую реальность этого не представлялось возможным, то росло явно маниакальное, неискоренимое стремление уничтожить ее.

Не потому ли Запад с невиданным всеобщим подъемом организует и проводит именем Христа крестовые «освободительные» войны? И что характерно, эти военные кампании повсеместно отличаются неблаговидными деяниями так называемых рыцарей-крестоносцев, как то: легкая личная нажива, откровенное насилие, хищнические разбои, прямое искоренение, истребление жителей: греков, славян, арабов и африканцев на покоренных территориях.

Как же случилось, отчего такое высокоразвитое, религиозное и цивилизованное царство кануло в историческое небытие? Давайте по закону дедукции перейдем от общего к частному. Источники говорят нам о возникновении сразу после первого крестового похода по всей Византии, особенно в больших полисах и на всем восточном побережье, множества венецианских и генуэзских коммерческих, торговых организаций («в деньгах родства нет»), политических обществ и ассоциаций, занимавшихся во всевозможных аспектах целенаправленными слаженными действиями против Византии. Было постоянное и инклюзивное отрицание, вплоть до полного выкорчевывания и, в конце концов, уничтожения Православной религии, с заменой ее повсюду воинствующим католицизмом. Сюда относится и крайняя, небывалая агрессивность мусульманского мира, появившегося на обширных пространствах изначально старинного, многовекового христианства и стремящегося к окончательной ликвидации Православной империи. Это весьма играет на руку Западной Европе во исполнение вожделенной цели. Настоящим апофеозом того стало тщательное планирование в середине XII века «крестового» похода уже не против мусульман, а против христианской Византии! И вот в 1204 году в нее ворвались дальние, но вполне достойные потомки неотесанных германских варваров — «крестоносцы». Взяв Константинополь, они разрушили законную власть в Империи, разрушили значимые культурные и религиозные объекты при гробовом молчании и, мало того, при полном попустительстве папы и при единодушном и громогласном одобрении всего западного мира. И такие разбойные деяния, в результате которых Византия в скором времени никогда уже больше не сможет оправиться от такой страшной, лихой беды, как гибель, являлись вполне закономерными, ибо западные «воины» — совершенный антипод византийцам, никогда не кичащимся, всегда проявлявшим особую тактичность и немалую терпимость в религиозных вопросах,— в противоположность западной инквизиции — и использовавшим местные языки. Более того, византийские святые Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность! Не были ромеи и ксенофобами, подобно Петрарке, «пламенно» призывавшему генуэзцев и весь Запад безотлагательно смести с лица земли Византию с «малодушными гречишками» и называвшему жителей Азии и Восточной Европы полуживотными и «недочеловеками». В Империи Ромеев* похожего contumelia** и неприкрытой лютой ненависти нельзя, как ни постараться, даже вообразить.

И вот, в итоге, на растерзанных останках некогда могущественного Православного государства Константина Запад учредил латинскую империю, нещадно бившую ромеев по их благородным чувствам любви к Родине. Но «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»,— начался латентный период в истории

---

* Следует сказать, что византийцы называли себя «Империей ромеев». А Византия — не более как ученая кличка, введенная в обиход западными, а по их примеру, и российскими либеральными идеологами около ста лет после гибели империи как бранное слово. Отсюда и производные термины — «византизм» (или «византинизм») и «византийство».

** Contumelia (лат.) — поношение.

Византии. Новоявленные, по сути, латинские руководители той в течение двух последующих столетий могли, невзирая на нескрываемую неприязнь и явную антипатию греков, по требованию папской церкви назначать Константинопольского Патриарха из числа западных католических епископов, организовывали на православной земле католические монастыри и стремились подчинить Православную церковь западной, римскому папству. Стремились вынудить ее на униатский союз и проделывали для этого все мыслимое и немыслимое: применяя и щедрые заманчивые обещания, обнадеживая значительных православных священнослужителей кардинальскими шапками, и крупные взятки, а касательно нерешительных прибегали к влиянию итальянских «гуманистов»... Тяжко было православному священнику осуществлять свою церковную службу. Ромеи страдали от неуклонного вытеснения их из по-настоящему значимых областей человеческой и общественной жизнедеятельности, от безжалостного угнетения. И на этом фоне закономерным стало принятие в 1369 году в Риме императором Иоанном V католичества, свершилось неслыханное публичное национальное унижение, бесчестье Византии. А далее, как всегда в таких случаях водится, началась длительная упорная, каждодневная борьба между подлинно православными и латинофилами из среды византийцев, во всем ориентировавшимися на Запад, возлагавшими на того радужные надежды, в том числе что он защитит от неотвратимой, грозно нависшей опасности масштабного тюркского вторжения. А были и такие — «пятая колонна» противоположного рода,— что образовывали нераздельный идеологический фронт с имевшимися в изрядном числе поклонниками врага. Запад же перед нешуточной и для него самого угрозой, руководимый указанным ему императивом, не отклонился от определенного генерального направления на насильственное разрушение Византии и образования из нее полной своей вотчины. И это при недостаточной военной и экономической мощи для действенного сопротивления тюркам.

Данное положение и стагнация в развитии Византии привели к вынужденному («нет, нет, и еще раз да!») согласию на организационное объединение. Рим достиг желаемого, принудил ромеев принять католическое вероучение во всех спорных в течение пятисот лет ключевых вопросах. Дата 6 июля 1439 г. навсегда останется позорной в истории Византии. В сей день в кафедральном соборе Флоренции произошло помпезное мероприятие по заключению церковной унии. Греки во главе с императором в торжественных одеяниях преклоняли колени перед папой и лобызали его руку. В стране существовало вполне обоснованное глубокое убеждение, что произошел прямой подкуп многих высших священнослужителей «врагами истинной веры». Монахи Афона в красноречивом послании русскому Великому Князю Василию II писали: император и духовенство «какову мерзость въсхотеша очима своима увидети свою благочестивую веру продате на злате студным латинам…»[*].

Вернувшихся в Константинополь народ откровенно осуждал за предательство своей родной и истинной церкви и родины, ибо «от свечи и дом сгорает». И, когда произошла первая попытка осуществить достигнутый флорентийский договор, негодующий и гордый народ устроил восстание под сводами Святой Софии и изгнал продавшегося патриарха… Запад, в итоге, будучи не в силах полностью покорить Византию, отдал ее под безраздельное чужеземное владычество тюркам. Выходит, главную, определяющую роль в падении Державы ромеев сыграли объединенные западные силы — католическая церковь и Венецианская с Генуэзской республики совместно с пролатинскими силами внутри страны.

Несомненной, очевидной истиной является и то, что и духовное состояние граждан Византии того времени далеко оставляло желать лучшего и в свою очередь привело к обскурации. «Сами друг перед другом величаются, а другого чтоб унизить ни во что не вменяют... хитрейшие обманы делают... с кичливой надменностью ... грех да соблазн и вере поношение…»[**]

Так общими усилиями — viribus unitis — из двух неотъемлемых частей бывшей Римской империи — Восточной и Западной — осталась только Западная, сделавшаяся фактически реальной основой Западной цивилизации. Достойной преемницей Восточной Римской империи — Византии стало Православное Русское государство (как говорится в народе: «глубокая вода не мутится»). «Москва — третий Рим и четвертому не бывать!» Этот девиз был реализован, и, таким образом, с тех пор непримиримое длительное цивилизационное противостояние начало происходить между Западной Европой и Русским царством. Данная конфронтация сохранялась и сохраняется в отношении Российской империи, Советского Союза и современной России на протяжении более чем пяти веков. Наиболее ярко оно проявилось во время лихого Смутного времени начала 17-го века, в гнилой период царствования Анны Иоанновны (1730—1740 гг.), во время наполеоновского двунадесятиязычного нашествия, Крымской войны, в гибели великой Российской империи в феврале 1917-го года, в действиях активных троцкистов и их союзников в 20-е и 30-е годы двадцатого века, во время Священной Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., в тайной разрушительной деятельности «хрущевых», «сусловых», «пономаревых», «андроповых» и иже с ними с 57-го по 85-й гг., в пресловутой «катастройке» Горбачева, в период бесславного правления Ельцина и до сих пор во враждебной работе «пятой» и

---

[*] Послание прота и иноков Афонской горы к Великому Князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной по случаю Флорентийского собора.— «Летопись занятий археографической комиссии за 1864 г.» СПб., 1865. Приложения, стр. 29.

[**] Н. С. Лесков. Запечатленный ангел. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2: Повести и рассказы.— М.:Литература, Мир книги, 2005.— 464 с.— (Золотая серия. Русская литература). С. 87.

«шестой колонны» в нашей стране. Ныне на международном, планетарном уровне это выливается в противостоянии объединенного Запада и России с союзниками. И вот на авиабазе Рамштайн в Германии в сентябре 2022 года собрались официальные и полномочные представители пятидесяти союзных западных стран в едином неудержимом порыве покончить с российским государством, о чем они мечтали все эти минувшие века и предпринимали неоднократные настойчивые и неустанные попытки сделать сие; в едином неудержимом порыве окончательно решить мучивший их днями и ночами русский вопрос.

Почему? Почему Запад формировался в духе жесткого антипода России? Настоящее происходило недаром, так как цивилизация России является для него во все времена «инопланетной», она самобытна, в противовес западной — это духовная цивилизация. Фундаментальная основа глубинной России, независимо от формы правления,— ее духовность, которая космична, представляет собой духовную систему, олицетворяет базовую идею создания совершенного Царства Небесного на земле в качестве осуществления полной правды — полного единства спокойной совести, мировой истины, сердечного добра и земной красоты,— социальной справедливости и гражданского равноправия людей в обществе, служащего совместному делу, четко определяющих достойное место человека во Вселенной, его высокое предназначение в жизни в настоящем и будущем.

Но Русская цивилизация есть не только православие и богатое культурное византийское наследие, у нее имеются и другие неповторимые особенности, и многие другие значимые факторы. Например, показательно, как в советское время религиозный образ мыслей видоизменился в пролетарский русский мессианизм, когда Ленин стал долгожданным мессией, Сталин — апостолом Петром, Троцкий — Иудой, Мавзолей — гробом Господним, ревизионисты — еретиками, мировой коммунизм — грядущим Царствием Божиим, марксизм и ленинизм,— соответственно, Ветхим Заветом и Новым Заветом, знаменитый моральный кодекс строителя коммунизма — Нагорной проповедью Иисуса Христа, а коммунистическая партия — хорошо организованной общиной верующих и так далее. И повседневное поведение — в быту и в труде,— и менталитет советских людей оставались в разумных и соизмеримых рамках базовой православной модели. Потому и современная Россия, несмотря на малое количество воцерковленных, несмотря на подлое время перевертышей, сохраняется по смыслам православной.

Да, ментальность беспрекословно считается важнейшей составной частью остова цивилизации. Она определяет текущее решение животрепещущих вопросов, связанных с характером глубоких смыслов, их местом в реальной действительности, говорит об очевидной тесной связи разных смыслов между собой и с определяющими общественными и культурными факторами.

Русский народ — изначальное, историческое ядро российской державности — сформировался и совершенствовался между Византией — соединением самобытных цивилизаций восточного Средиземноморья и Ближнего Востока и Степью — культурой кочевых народностей, как aurea media* между ними. В результате выработались такие отличительные, определяющие народные черты, как постоянное стремление к длительному мирному сосуществованию с соседями, терпимое и гуманное отношение к лицам иной национальности и к их образу жизни, поразительное умение усваивать привлекательные индивидуальные черты различных народов. Кроме того, суровые природные условия мест обитания, привели к выработке правил и обычаев коллективизма, общинных связей и артельности.

Следующими уникальными качествами Русской цивилизации, если кратко, являются удивительный органичный и креативный синтез европейского и азиатского, самая протяженная в мире граница с порядочным количеством сопредельных стран, расположение на двух континентах, разреженность расселения и большая неоднородность территориального размещения населения в крупных городах и в сельско-провинциальных ее частях.

Таким образом, мы видим, насколько различны Русская и Западная цивилизации. К слову сказать, разница между ними хорошо показана на следующем конкретном и поучительном примере. Примечательно, европейцы во время интенсивной колонизации Северной Америки не смешивались с индейцами и устраивали всевозможные искусственные преграды для этого. И далее текущая политика и реальная практика американского государства касательно коренных племен и несчастного негритянского населения заключались во всяком разъединении их и белого «христианского» населения, а в отношении первых — вплоть до уничтожения. А что творили англичане в Индии и во время англо-бурской войны, что творили «цивилизованные» народы в своих африканских, американских и полинезийских колониях, что творили натовцы в Югославии, Ираке и Ливии?! И это немудрено, ибо их прародители — германские племена англов и саксов активно вырезали местных бритов и норманов (кстати, спасшиеся норманы и основали на континенте землю Нормандию, ныне являющуюся частью Франции), да и наименование «вандалы» (одно из германских племен) недаром стало нарицательным. Русские же простые воины и казаки, богатые промышленники, отважные и пытливые исследователи и так или иначе попавшие туда крестьяне, идя по Уралу и Сибири, перенимали домашнюю и хозяйственную утварь, традиционную одежду, местные способы и рецепты приготовления пищи, ти-

* Aurea media (лат.) — золотая середина

пы жилища у коренных обитателей. Кроме того, в Сибири произошел уникальный сплав культур. Различие между Россией и США состояло еще и в том, что вместо изгнания тамошних аборигенов с их исконной земли, Россия интегрировала новых подданных в свою разумную христианскую цивилизацию. Русские женились на молодых местных женщинах, и смешанные браки эти сплошь и рядом являлись согласными и крепкими. И православная церковь осуществляла народное просвещение и проповедовала гуманное, доброжелательное отношение к иноплеменникам, тем самым значительно помогая прочному союзу с ними.

Итак, Российская цивилизация — именно цивилизация, ибо она является особым континентом на Земле, особым миром,— никогда не занималась, что каждому из истории может быть ясно видно, любого рода насилием, территориальными и прочими жестокими захватами, в отличие от германо-романской и англо-американской цивилизаций, и проявляется как собирательная, культивирующая дружбу окружающих и малых народов. Россия изначально строилась не в виде «единой расы», а в качестве свободного братского содружества народов, говорящих на множестве различных языков, и в этом ее неизбывная притягательная и созидательная сила. Это создало уникальность России — в своей трудной и славной многовековой истории она аккумулировала в своем эгрегоре неистощимую потенциальную, креативную энергию развития. Потому-то ее и избрала, не избавив от всевозможных серьезных препятствий, испытаний, страданий, противоборств, конфликтов и войн, непрерывная Планетарная Эволюция для движения к Новому Миру, когда индивидуальное сознание и интеллект, внутренняя духовность и нравственность людей станут соответствовать космическому сознанию и космической ответственности, к Миру, за которым грядущее, ибо духовный разум непобедим. Реальная альтернатива ему одна — неминуемая гибель человечества, так как голый, циничный потребительский прагматизм, «делание денег» и безудержное стремление меж-дународного финансового капитала к тотальному господству над планетой ни к чему хорошему привести не могут, противостоя в том числе и природе Земли. Запад, согласно своей по определению антирусской природе, совершенно независимо от того, какие партии и лидеры будут стоять у власти (что еще раз подтверждает их роль в качестве пешек в «большой игре»), будет предпринимать все возможное и невозможное против России. И непрекращающаяся глобальная война с целью любой ценой добиться унижения и разрушения Русского народа и Русской цивилизации, которые по традиции мужественно встают против открытого вызова, предъявленного всему человечеству (в отличие от предшествующего исторического периода упорного поиска «государством» благоволения «господ мира сего», что неминуемо привело к неслыханному унижению и потерям), явится последним, драматическим действием в данной вышеуказанной парадигме. Результатом же будет построение Новой Страны, Новой России, полностью соответствующей природе Русской цивилизации.

Елена ГАДЕНОВА

г. Тула

Поэт, художник, член Союза российских писателей. Постоянный автор нашего альманаха.

«ВЕЧНАЯ НЕОБЪЯТНОСТЬ СВЕТА… ЗНАМЕНИЕ» (приветственное эссе)

XXVI Абрамовские чтения, 30 июля 2022 года

Свет бесконечен…

Таинственное необъятное Пространство Света для Путника, что идет по своей дороге в Вечности, является Великим Откровением, если он, хотя бы на минуту, прикоснется глазами к этому Свету…

Сколько надо прожить и пережить судьбоносных моментов, чтобы увидеть Свет Жизни…

Чтобы увидеть Свет Любви — Неизреченной Радости непостижимого и волнующего…

Где этот Свет, за какими гранями познаний, Путником пронесенный через свое Сердце и опыт страданий?

Свет вездесущ…

Как вечный эликсир жизненной энергии, он питает все и вся — Сущее Вечного в Вечном — устремляющееся Совершенство к еще большему Совершенству, приумножающемуся Созидательной Силой Истины.

Тончайший сакральный Смысл Высших сфер Бытия, гармонии всего живого — рождающегося, озаряемого этим Светом Благодати и покоя, неописуемой Красоты, вдруг увидев который, замирает Разум Сердца…

И восторг…

И переполняемость счастья…

Счастья — безмерного, огромного, нового по восприятию Силы Света, который пульсирует Счастьем, и нет ему в этот миг иного определения, как — Вечное Блаженство…

Свет — есть Рай и Мир, и, вглядевшись в ослепляющую субстанцию — какой-то иной необъяснимой светящейся Волны, из которой струятся неисчислимые другие Волны света,— преображаешься, оживаясь светом Вечности и Торжества, Величием непостижимого Огненного тепла…

Сквозь Свечение проступают сначала неопределенные очертания непревзойденного и неподвластного уму Бесконечного Мироздания Жизни и Всевращающегося Творения внешних солнечных фантасмагорий, Великолепия Радужных потоков звездных многочисленных сфер…

Очертания космических гор и звездных миров, бесчисленные нити путей, небесных бескрайних просторов…

В этом Свете открывается другая жизнь, где любовь наполняет собою все, что может быть ею наполнено…

Живущий по Совести и творящий своими мыслями Мечты Вдохновения увидит Свет и первородную Обитель Святынь Света. В ней — Глас Утешения и незримого Присутствия Благодати Благословляющего Знамением, чтобы в Памяти Жизней сохранились Звуки Свечения Разума.

Великая Музыка дней и ночей, Космоса и слов, которые исчезают и вновь появляются, вплетая — в непознанное и непонятное душе — Светоносные калейдоскопы чудес и красот творений, сфер бесконечного Добра и Дыхания Великого Мастера, создающего многообразие красок, которые удивляют Совершенством Восприятия всего Прекрасного, что всегда рядом с Человечеством…

Красота Неземного Света — рядом…

Исцеляющий запах этой красоты слышен в пространствах нежнейшей Музыкой и великолепием неизведанных далей, где цветут Звездные Цветы…

Фантастически причудливые Узоры Звездных Цветов мерцают на немыслимо огромных просторах космических бездн. А в них — Галактики и Вселенные, переливами светящихся сфер и различных по формам искрящихся объектов, стремительно летят из бездонности в бездонность, ослепляя и вдохновляя беспредельность, которой улыбается сама Вечность и — все планеты, в коих пульсируют любовь и Разум.

Звездные Феерии, Цветы Космоса излучают невероятно красивые мелодии, которые касаются своими незримыми прикосновениями страждущих и ищущих истинную Красоту Небес. Прикосновениями — к тем, кто вглядывается в ночную звездную громаду неба, соединяется с нею, обретая Смысл своего Бытия в этом космическом Величии и Торжестве…

Обретая понимание своего предназначения и осознание себя, своего рождения, своего «Аз Есмь».

Причастность Света к Звездной и Многорадужной Красоте, дышащей многообразием загадочно невиданных цветов космической дали, совершенна…

Все рождается из Света, наполняется Светом, согревается и вдохновляется Светом, его нескончаемыми золотыми лучами, разнокрасочными и прозрачными нитями, устремленными в Будущность…

Именно Светоносностью многомерные пространства получают Сокровенные Таинства и Созидательную Силу для Высших Творений и Со-Творений новых форм Рождения Жизни, для вспышек новых космических фантасмагорий…

Великолепия светил, движущихся в причудливых космических полетах и снах Вечной Ночи,— образуют цветовые палитры Созвездий, хороводы Вселенных, планеты и звуки Звездных Кораблей…

Звездные Корабли — через Мироздания и Свет Бесконечности — летят и плывут, преодолевая огромные расстояния многих световых лет.

Летят и плывут, без страха и сожалений, чтобы однажды увидеть — где-то на краю всех планов Космоса! — невероятную магическую Картину, на которой сияют Розы Миров…

Розы Миров — Великое Творение Разума Света и Вечной Любви.

Сияющие белизной Вершины Гор ослепляют и призывают странствующих идти дальше…

Бездонные озера сверкают чистотою Звездных россыпей…

Неописуемой мощи и величия Храмы приглашают войти в Рай Света и осветиться Торжеством и Святостью Духа.

О, как прекрасен Свет Вечности, Свет необъятности!

Как прекрасен Свет Знамений Совершенства Любви, Всетворящей этот Свет!

Сила Движения Света впечатляет!

Свет стремительно летит…

Свет стремительно летит и проникает в самые отдаленные Дали Космического Безмолвия, в котором вновь и вновь вспыхивают, и рождаются новые миры и новые солнца, падая в чьи-то глаза Знамениями, чтобы на Скрижалях Вечности были вписаны имена…

Были вписаны истории подвигов Страждущих Истины и Идущих с нею по Звездному Пути к Свету…

Огромен Космос, огромен Мир Всеобъемлющей Красоты Жизни!

В ней — лучится Созидательный Свет…

И Лучезарное Тепло его растворяется в каждом Добром Сердце…

Творить Добро — вот Главный Смысл всех Законов Бытия!

И Свет внутри вспыхивает!

И Свет внутри вспыхивает — из Солнечного Огонечка — в Нескончаемый Свет Радости и множества открытий, которым нет ограничений.

Под Всевидящим Оком они являют собою Смысл Действий как Воздействий…

Воздействий Всесияющего Света и Его Вечного Вдохновения…

Возлюбивший Свет да будет плоды Его принимать с радостью!

Да будет освещать окружающий мир благословенным перстом Светоносной Планиды — Знамением Вечной Необъятности Света!

Валентин ОГНЕВ

г. Щекино Тульской области

Огнев Валентин Михайлович родился в 1956 г. в д. Вишневой Становлянского р-на Липецкой обл. По образованию юрист. Полковник милиции в запасе. Награжден правительственными и ведомственными медалями. Член ТРОПО «Знание», награжден медалью «Профессор В. Н. Ашурков. Подвижник просветительства». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Печатается в СМИ Тульской и Липецкой обл. по краеведческой тематике. Был участником IV областной генеалогической выставки «Тульские родословия. История и современность» по теме "Родословная Огневых"». Является автором книг: «Храм Казанской Божией Матери села Ламское», «Край родной дикого поля, «Край родной. С. Ламское. Голицыны», «Край родной. От Смутного времени», «Край родной. Великая Отечественная война». Принимал участие в проекте «Синодики Тульской губернии. Ефремовский уезд». В сборниках № 2, 3, 4 «Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской духовной семинарии», напечатаны работы на православную тематику. Участник международного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященного 70-летию Великой Победы и 50-летию учреждения почетного звания «Город-герой». В двухтомнике, изданном по итогам этого мероприятия, «Мы помним …», напечатана работа Валентина Михайловича «Увековечим память». В составе рабочей группы как исследователь и автор подготовил справку на соискание почетного звания Тульской обл. «Ефремов — город воинской доблести». Опубликованы рассказы: в сборнике Становлянского краеведческого музея Липецкой области «Юность комсомольская моя» — «Время становления комсомолии Волынского района», в книге «Тульские усадьбы. Времена и нравы» — «Село Ламское. Голицыны», в сборнике материалов все-российской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, напечатана работа «Современные краеведческие находки "Память о М. Ю. Лермонтове" ». Участник III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием по теме «Наследие М. Ю. Лермонтова как часть региональной культуры Липецкого края». Печатается на страницах журнала «Приокские зори», литературно-художественного альманаха «Ковчег», альманаха Тульской региональной общественной просветительской организации «Знание» «Дым Отечества. В поисках утраченного». Постоянно на собственном сайте http://kraeved71-48.ru/ публикует материалы краеведческого и генеалогического характера. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ТУЛЬСКИЕ ДВОРЯНЕ ВИОЛЕВЫ

Виолев Петр Васильевич родился 13 июня 1801 года. Учился в Тамбовской духовной семинарии со своим родным братом Алявдиным Григорием. Обучение оба закончили в 1824 году с правом студента в службу. Оба же вышли в светское звание: Григорий стал служить в Министерстве Государственного имущества, а Петр — с 4 февраля 1826 в Тамбовской Казенной палате в штате канцелярских чиновников. 21 февраля Петр Васильевич Правительствующим Сенатом со дня вступления в должность утвержден в чине 14 класса со старшинством. Проработав несколько лет в должности, был командирован (15 октября 1828 г.) к чиновнику Министерства Внутренних дел Коллежскому Советнику Хорову для письмоводства по производимому им следствию по доносам поручика князя Енгалычева. 4 февраля 1829 года произведен в Губернские секретари, а 28 октября этого же года Петр Васильевич по прошению увольняется.

Виолев П. В. 17 марта 1830 года пишет прошение, по которому определен в медицинский департамент Министерства Внутренних дел младшим помощником Столоначальника и в декабре его назначают старшим помощником Столоначальника. Петр Васильевич за ревностную работу в 1831—1834 годах неоднократно поощрялся: благодарность, денежные вознаграждения, 23 июня 1832 года ему присвоен чин — Коллежский Секретарь. В дальнейшем, по именному Высочайшему Указу Правительствующего Сената 13 апреля 1834 года за отличную ревностную службу и особые труды произведен в Титулярные Советники, а 31 октября 1834 года Виолев по прошению в связи с болезнью увольняется из медицинского департамента.

Но Петр Васильевич Виолев продолжил свою трудовую деятельность уже в Тульской губернии. 15 июля 1837 года Правительствующим Сенатом определен советником в Тульское Губернское правление. По определениям Губернского Правления от 12 апреля 1838 и 19 апреля 1839 годов на него возлагалась обязанность наблюдения за порядком и успешным разбором дел за прошлый период времени в Губернском архиве. 28 октября 1841 года за отлично ревностную службу Петр Васильевич по Высочайшему повелению произведен в Коллежские Асессоры. Данный чин с 1722 года относился к 8-му классу в Табеле о рангах и до 1845 года давал потомственное дворянство. После присвоения звания Коллежского Асессора Виолеву, 27 ноября 1841 года за № 1076 в Тульское Губернское Правление из Правительствующего Сената поступил Указ Его императорского Величества, Самодержавца Всероссийского. В Указе говорилось, что 2 ноября 1841 года Его Императорское Величество засвидетельствовало отличную, ревностную службу чиновников ведомства Министерства Внутренних Дел. Согласно положению Комитета Министров, Всемилостивший пожаловал группе служащих, получивших чин Коллежский Асессор, потомственное дворянство. Среди лиц, получивших потомственное дворянство был и Коллежский Асессор Виолев Петр Васильевич.

Тульское Губернское Правление также в своем отношении от 3 февраля 1842 года за № 2077 просит о внесении П. В. Виолева в Губернскую дворянскую книгу, с выдачей ему о том грамоты, и указывает на него характеризующие данные. Это сообщение Тульского Губернского Правления 4 февраля 1842 года было рассмотрено на Дворянском депутатском собрании, где определили о внесении Виолева в родословную Тульской Губернии книгу.

Для окончательного оформления дворянства, П. В. Виолев 19 февраля 1842 года обращается с прошением в Тульское Дворянское Депутатское собрание: «По служению моему Советником Тульского Губернского правления и по состоянию за женою моею Еленою Петровою урожденную Лермантовою в Ефремовском уезде недвижимого имения, желаю я внесенным быть в Дворянскую родословную Тульской губернии книгу иметь о том грамоту, …). При этом он представлял копию формулярного списка о службе, копию Указа Правительствующего Сената о пожалованном чине. Прилагал Петр Васильевич список по форме о семействе и состояния имения за своей подписью и подписью Ефремовского уездного предводителя дворянства.

Но остановимся на последнем документе. Петр Васильевич Виолев был женат на дочери Артиллерии поручика Петра Юрьевича Лермонтова — девице Елене Петровне. Согласно документа, детей они не имели, проживали в городе Тула, недвижимостью он не владел, служил советником Губернского Правления. (Разъяснение — Елена Петровна являлась родной тетей великому поэту Михаилу Юрьевичу Лермонтову.) Также в этом источнике Виолев описывает недвижимость, которая принадлежала его жене. «Имения за мною собственно никакого нет. За женою моею состоит по нынешней 8-й ревизии наследственнаго: во 1-я, от родительницы ея вдовы Артиллерии поручицы Анны Ивановны Лермантовой Тульской губернии Ефремовскаго уезда в сельце Кропотове, или ЛюбашеваА, Каменный верх тож дворовых мужскаго 9, женскаго пола 8 душ. Во 2-ах, от раднаго брата ея, Корпуса Капитана Юрия Петровича Лермантова в том сельце дворовых мужскаго 6, женскаго пола 7 душ, крестьян мужскаго пола 17, женскаго 19, доставшихся ей по разделу, утвержденному 22-го июня 1837 года Тульскою Гражданскою Палатою с сестрами из Дворян девицами: Александрою и Наталью Петровыми Лермантовыми и племянником ея, Лейб Гвардии Гусарского полка Корнетом Михаилом Юрьевичем Лермантовым /бывшим после того Нижегорадскаго Драгунскаго и Тенгинскаго пехотнаго полков прапорщиком, ныне уже умершим./ В 3-их, купленных ею у означеннаго племянника/ купчая совершена 25-го февраля 1838 года в Тульской Гражданской Палате/ в том же сельце дворовых мужскаго 14, женскаго 19 душ, крестьян мужскаго 52, женскаго 49 душ. А всего мужскаго пола девяносто восемь, женскаго сто две души».

Все доказательства, предъявленные Виолевым о дворянском достоинстве, были признаны, и он был внесен в дворянскую родословную Тульской Губернии в третью ее часть. Петру Васильевичу Виолеву была выдана грамота, оформленная печатью дворянского собрания Тульской губернии 25 марта 1842 года о потомственном дворянстве. Как мы видим, что он своим трудом смог получить это звание. Надворный советник Петр Васильевич Виолев умер в Москве в 1855 году и погребен в Спасо-Андрониковом монастыре.

Далее кратко расскажем о имущественном положении Елены Петровны до заключения брака. По ревизской сказке 1811 года она имела дворовых людей: 4-х мужчин в возрасте от 12 до 65 лет. Какое количество было женщин неизвестно, т. к. перепись женщин не производилась. По переписи 1816 года за ней же значились также дворовые: 4 мужчин и 2 женщины.

После смерти племянника Михаила Юрьевича, также получила право на издание всех произведений покойного поэта. Вот что пишет она в своем духовном завещании: «Послѣ смерти покойнаго племянника моего Поручика Михаила Юрьевича Лермонтова состою я, единственною наслѣдницею, на изданіе сочиненій его, и что право передаю для напечатанія полнаго собранія, Почетному Гражданину Ивану Ильину Глазунову по условію сдѣланному въ 1835 году Іюля 1-го дня явленному у публичнаго Нотаріуса Егора Попова, въ которомъ условія именно сказано: пятое изданіе полнаго собранія сочиненій Лермонтова самою ли мною, или по продажѣ другому, не раньше должно быть какъ по истеченіи назначеннаго срока въ томъ условіи, впрочемъ при остаткѣ у него Глазунова на лицо четырехъ сотъ экземпляровъ, я Віолева имѣю право и до истеченіи срока приступить къ новому изданію, или продать другому безъ всякаго со стороны Глазунова спора, вслѣдствіе чего я, заблагоразсудила вышеозначенное сочиненіе Лермонтова, т. е. право на него со всѣми предположеніями изъясненными въ упомянутомъ условіи безъ измѣненія оныхъ представить по смер-

ти моей, въ полное и единственное распоряженіе родной своей племянницѣ, Штабсъ Капитаншѣ Аннѣ Антоновнѣ Цѣхановской), на весь срокъ оставшагося срочнаго времени назначеннаго въ упомянутомъ условіи. Февраля 17-го дня 1856 года. Сіе духовное завѣщаніе писано въ полномъ умѣ и совершенной памяти самою завѣщательницею Надворною Совѣтницею Еленою Петровою Віолевою, урожденною Лермонтовою».

Елена Петровна, владевшая 2/3 имения в сц. Кропотово, продала свою долю племяннице Цехановской. И как видим из цитируемого материала в 1856 году ей же передала право на издание всех произведений покойного поэта. Ранее она же в 1845 году заключала договор на издание произведений Михаила Юрьевича с издателем И. И. Глазуновым.

(В цитируемых материалах сохранена оригинальная орфография и оригинальный синтаксис).

ГУ ГАТО ф. 39 оп. 2 д. 404.

К столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова 1814 — 2 октября 1914. Документы к родословной Лермонтовых и родственных им семейств Виолевых и Арсеньевых : (из дел Тульского дворянского депутатского собрания и архива В. С. Арсеньева) / подгот. В. С. Арсеньев // Труды Тульской губерн. учен. архивн. комис.— Тула, 1915.— Кн. 1.— С. 79—108.

Интернет ресурс: http://priest.cerkov.ru/2017/12/09/spisok-vypusknikov-tambovskoj-duxovnoj-seminarii-1790-1838-gody/

ЗАГАДКИ ЗАВЕЩАНИЯ НАТАЛЬИ ПЕТРОВНЫ ЛЕРМОНТОВОЙ

Многие авторы используют духовное завещание Юрия Петровича Лермонтова для написания публикаций об его сыне Михаиле Юрьевиче, отдельные авторы приводят сведения из духовного завещания его тети Елены Петровны. Известны завещания и других родственников. Но я расскажу о духовном завещании его тети Натальи Петровны, которое для лермонтоведов не известно.

В одной из поездок в Тульский Государственный архив при изучении архивного дела о продаже имения Н. П. Лермонтовой мне встретилась копия ее духовного завещания. Копия заверена официальными лицами. Завещание Ефремовская помещица из дворян девица Наталья Петровна Лермонтова написала 22 декабря 1850 года, которое было утверждено в Елецком Уездном Суде.

В первой части завещания Наталья Петровна описывает свое недвижимое имение в сельце Кропотово Ефремовского уезда, его размеры, каким образом оно было получено. Также она упоминает о третьей части деревянного дома в сельце. Далее следует описание неизвестного до настоящего времени факта из жизни родственников Михаила Юрьевича Лермонтова краеведам и лермонтоведам.

Наталья Петровна описывает недвижимое имущество, расположенное в городе Ельце: «… Да сверх сего собственно приобретенной мною деревянный дом доставшийся мне по купчей крепости писанной и совершенной в Елецком Уездном Суде в 1839 года марта 7 дня от елецких мещан Поповых, состоящий в городе Ельце по улице Архангельской на леве в 7 линии в 7 квартале с имеющимся как наделенным там и всем двором местом» (В настоящее время улица Архангельская имеет название улица Свердлова, точное расположение дома устанавливается). На какие средства Наталья Петровна могла приобрести дом на настоящий момент загадка (не установлены документы). Всем хорошо известно, что Лермонтовы из сельца Кропотово обедневшие дворяне, имевшие мелкопоместные имения. Но можно предположить каким образом Наталья Петровна могла собрать деньги на покупку дома. Только это не должно являться аксиомой, т. к. не известны документы покупки дома. Я повторюсь, что это предположение, основано на завещании и других материалах изученного архивного дела. В завещании указано, чтобы наследница Глинская «… приняла на себя и лежащий над имением долг Московскаго Опекунскаго Совета последнаго займа мною из онаго под залог сего имения …» Получение займов можно связать с покупкой дома. Приведем даты получения и их суммы. 25 апреля 1838 года под залог имения был взят первый займ на сумму 1985 рублей 23 копейки, а второй — 16 февраля 1839 года на сумму 441 рубль 10 копеек. Даты получения займов говорят о том, что они брались для покупки дома. Но это только предположение. Дом в г. Ельце — это первая загадка.

Но кто же по завещанию являлись наследниками? Выше мы уже указывали, что имущество завещалось родной племяннице Варваре Антоновне Глинской. Она становилась владельцем основного имущества: имение, дом в городе Ельце. Другой племяннице Анне Антоновне Цехановской (Так записано в источнике, а не Цыхановской) завещалось: «… оставшийся в упомянутом имении сельца Кропотово три мужскаго пола души именно дворовых людей Якова Андреева именно его Татьяною Григорьевою с их детьми сыновьями Гаврилом и Арсением …» и «… да еще третью часть следующую мне по разделу на часть мою деревянного дома состоящаго в том же сельце Кропотове …» Оставляла Наталья Петровна в наследство своему вольноотпущенному Петру Яковлевичу Каменеву в полное распоряжение и собственность деревянный амбар, находящийся на дворе деревянного дома в сельце Кропотово.

В своем завещании наследодатель также указывает, что при принятии наследуемого имущества Варвара Антоновна Глинская «… обязана еще уплатить частные долги по заемным письмам поручику Дмитрию

Иванову Лаухину серебром сто сорок два рубля восемьдесят пять копеек с половиною Поручику Николаю Дмитриевичу Арсеньеву серебром две тысячи триста рублей, до по частным Елецкой мещанки Агафьи Алексеевой серебром сто сорок два рубли восемьдесят шесть копеек и Елецкой мещанки Авдотьи Уколовой Ивановой серебром сто семьдесят один рубль сорок три копейки…» Также на Глинскую возлагалась следующая обязанность: «… должна она доставлять родной матери своей, а моей сестре Майорши Авдотьи Петровой Пожогиной Отрошкевич во всю жизнь ея на содержание ея ежегодно по пятидесяти рублей серебром».

Из завещания Натальи Петровны следует, что Варвара Антоновна Глинская является дочерью ее сестры Авдотьи Петровны Пожогиной Отрошкевич. Авдотья Петровна была замужем за отставным майором Антоном Ивановичем Пожогиным Отрашкевичем. Авторы, описывая данную семью указывают, что в семье трое детей: Михаил, Николай и Анна. Но из завещания вытекает, что в семье Авдотьи Петровны был и четвертый ребенок Варвара. В своем волеизлиянии Наталья Петровна конкретно говорит, что Варвара Антоновна после вступления в наследство, должна выделять определенную сумму денег на содержание родной матери. Четвертый ребенок в семье Авдотьи Петровны — 2-я загадка.

А что же стало с завещанным имуществом после смерти Натальи Петровны? В материалах дела говорится только о завещанном имении. Кредиторы Натальи Петровны обратились в Ефремовский Уездный Суд, который вынес решение продать имение для возмещения долгов, т. к. Варвара Антоновна Глинская отказалась от наследуемого владения. Тульское Губернское Правление дважды организовало продажу усадьбы на публичных торгах, но каждый раз торговля не была осуществлена из-за неявки покупателей. По просьбе кредиторов публичные торги были перенесены в Московское Губернское Правление. На данных торгах имение купил Действительный Статский Советник Пафнутий Львович Чебышев с переводом на него долга. Какова дальнейшая судьба дома в г. Ельце, третьей части дома и дворовых в сц. Кропотово, сарая неизвестна, т. к. в изученном архивном деле документы ввода наследников в наследство отсутствуют.

Загадки и другие невыясненные факты, указанные в духовном завещании Натальи Петровны остаются для дальнейшего изучения исследователями.

(В цитируемых материалах сохранена оригинальная орфография и оригинальный синтаксис).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

г. Орел

О БЕЗБОЖНЫХ ШКОЛАХ РОССИИ

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводится изуверская политика разрушения и уничтожения полноценного образования. Голоса по-настоящему обеспокоенных этой проблемой людей остаются «гласом вопиющего в пустыне». Общество вправе знать, на каком основании принимаются те или иные образовательные стандарты, которые фактически влияют на формирование и мировоззрение целых поколений. Однако учебные программы разрабатывают и насаждают какие-то таинственные чиновники, которые обществу неподконтрольны и неподотчетны. Государственные образовательные учреждения с их педагогическими кадрами встроены в государственную систему, являются ее частью, выполняют политизированный госзаказ.

Золотой фонд русской литературы востребован за рубежом, а в России упрятан на задворки. В то же время уже не один десяток лет с попустительства и дозволения правящего режима во всех регионах людей массово одурманивают, зомбируют, оглупляют душепагубной информацией, потоки которой извергаются словесными нечистотами из продажных и подконтрольных СМИ, желтой прессы, бульварного массового чтива, «зомбоящика» и т. п.

Безбожно урезаются «сверху» и без того скудные часы школьной программы, отведенные на изучение русского языка и литературы. Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Это примета нашего времени, неоспоримый факт. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто ее не стыдится.

До сих пор в школах учат в основном «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Хотя в основной массе школы переименованы в «гимназии» и «лицеи», до классического гимназического образования — дистанция огромного размера. Да и не ставится в современных псевдогимназиях такой задачи.

Литературу поспешно «проходят» (в буквальном смысле: проходят мимо литературы) как занудную обязаловку. Русская классика в школе еще не прочитана, ее глубинный духовный смысл не доводится учителями до ума и сердца учеников, потому что зачастую не доходит и до самих недоученных или бездуховных горе-педагогов. Русскую литературу преподают примитивно, поверхностно, обзорно, не требуя обязательного прочтения произведений великих русских писателей, ограничиваясь приблизительными, азбучными пере-

сказами. Так навсегда отбивается охота возвращаться к сокровищнице отечественной словесности в дальнейшем, перечитывать и постигать ее на новых уровнях «разумения о смысле жизни».

Преподавателям словесности требуется не просто занимать места — здесь нужно особое служение, горение духовное. Когда «душа требует, совесть обязует, тогда и сила большая будет»,— так учил Святитель Феофан Затворник, великий духовный писатель.

В то же время среди всех остальных учебных предметов единственно литература не столько школьный предмет, сколько формирование человеческой личности через воспитание души. Русская классика, подобно Новому Завету, всегда нова и актуальна, дает возможность соединять времена.

Однако страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей столь силен и так сильна ненависть к отечественной литературе и ее «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей», что до настоящего времени христиански одухотворенная отечественная словесность заведомо искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений России. Так что они вполне подходят под определение, данное в одноименной статье Н. С. Лескова о школах, где не преподавался Закон Божий, «Безбожные школы в России».

В романе «На ножах» (1871) Лесков выявил самые разнообразные типы продажных, беспринципных буржуазных дельцов — «деятелей на все руки» сатанинской закваски: «Вот один уже заметное лицо на государственной службе; другой — капиталист; третий — известный благотворитель, живущий припеваючи за счет филантропических обществ; четвертый — спирит <…>; пятый — концессионер, наживающийся на казенный счет; шестой — адвокат <…>; седьмой литераторствует и одною рукою пишет панегирики власти, а другою — порицает ее». Сущность их «направления» выразительно обобщает говорящая фамилия некоего «медицинского студента», занимающегося педагогической практикой, — «Чертов»:

«— Гм! Фамилия недурна!

— Да, и с направлением».

Это «направление», как смертельная зараза, распространяется бесами — губителями душ. Так, «медицинский студент Чертов», ради заработка готовя ребятишек к поступлению в приходское училище, внедряет в детские головы и сердца безбожие, атеистическое презрение к Священному Писанию.

Характерна зарисовка экзамена:

«— Читать умеешь? — вопросил Савоську лопоухий педагог.

— Ну-ка-ся,— отвечал с презрением бойкий малец.

— И писать обучен?

— Эвося! — еще смелее ответил Савоська.

— А Закон Божий знаешь? — встрел поп.

— Да коего лиха там знать-то! — гордо, презрительно, гневно, закинув вверх голову, рыкнул мальчуган, в воображении которого в это время мелькнуло насмешливое, иронически-честно-злобное лицо приготовлявшего его студента Чертова».

Этот ответ и ремарка к нему поневоле вызовут восклицание: «Отойди от меня, сатана!»

Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от русской почвы подводят к тому, чтобы воспитанники безбожных школ обращались в мошенников и авантюристов, преступников и злодеев, живущих по звериным законам борьбы за существование. О подобных закоренелых грешниках апостол Павел свидетельствовал, что «они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1: 29—31).

«Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13),— говорит Христос. Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил Святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло <…> паразитарно живет на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову».

Лесков разоблачил один из распространенных способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных еврею Тихону Кишенскому — экс-нигилисту, жадному и хитрому ростовщику, мошеннику, продажному журналисту, вероломному интригану, шпиону, «полицианту», подлецу и предателю — словом, «деятелю на все руки». Таким, как он, «нужен столбовой дворянин», в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно — знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями доброделания, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне. О чужеродном кабальном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали Святые отцы — христианские подвижники.

В Евангелии от Иоанна повествуется, как Господь Иисус Христос обличил сатанизм иудеев: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8: 44); «Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога» (Ин. 8: 47). От общения с подобными безбожниками предостерегал апостол Павел: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (2 Кор. 6: 14).

В этой связи наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «Овцебык» обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Все на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не бреши. <…> эх, язычники! фарисеи проклятые! <…> Таким разве поверят! <…> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй».

«Законникам разноглагольного закона», подменяющим заповеди Божьи лукавыми человеческими установлениями, Лесков противопоставил Христа, «Который дал нам глаголы вечной жизни».

Фарисеям и законникам Господь Иисус Христос адресовал гневное обличение: «Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобоносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11:46).

Русская классика — воспитательница ума, души и сердца — изгоняется из вузов и школ, нацеленных на формирование усредненного «продукта» — биороботов, узких специалистов-прагматиков, выставляемых, как товар, на рынок труда.

Былой атеизм коммунистов ныне сменился сатанизмом сословно-олигархического капитализма, который разделяет людей на страты, прикрываясь фальшивым лозунгом о единстве и легендой о демократии. Политика «прозрачности» на деле обернулась «тайной беззакония». На страждущую Россию накинута плотная завеса, под которой задыхается все честное и свободное. Лукавство и ложь продажных, коррумпированных, бездарных чиновников возводятся в ранг обязательных правил поведения с народом, а подчас принимают формы нормативных правовых актов, которые наскоро стряпают фарисействующие «законники разноглагольного закона» (по точному выражению Лескова), вместо того, чтобы свято исполнять законы Христа, «Кто дал нам глаголы вечной жизни». Господь в праведном гневе обличает и предостерегает угнетателей народа, не обременяющих самих себя теми путами и ограничениями, которые эти горе-законники накладывают на других: «Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того. <…> и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобоносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11: 42—46).

Неслучайно известные итальянские ученые проводят аналогию между сицилийской и российской мафией — этим чудовищным спрутом в переплетении его гигантских смертоносных щупалец — финансовых, чиновно-коррумпированных, коммерческих, криминальных.

Безбожники формируют и безостановочным конвейером выпускают из школ безбожников, здесь — корень зла, отсюда проистекают многие беды.

В области общественных наук марксизм-ленинизм был отменен. Однако начиная с советских времен и до сего дня глобальная мировоззренческая тема о происхождении жизни и человека насильственно внедряется в несформировавшееся сознание и неокрепшие души учащихся в виде преподавания безбожной теории Дарвина в качестве единственно верной и научно аргументированной, хотя по сути это даже не теория, а недоказанная гипотеза.

Бесовской участью чревата подмена христианской веры безбожной «верой в естественные науки», которая, кроме всего прочего, ведет к неизбежной ограниченности, узости взглядов, скудоумию.

Дарвинизм проповедует естественный отбор, борьбу за выживание, эволюцию видов. Применительно к общественным отношениям, к ведению делового оборота данные установки приводят к чрезвычайно негативным последствиям. Так, естественный отбор предполагает безжалостно-жестокое отношение к слабым, вплоть до их уничтожения. Удивительно ли, что псевдотеория и практика «зверочеловечества» формирует из людей существ, живущих по звериным законам: «Выживает сильнейший», «Глотай других, пока тебя не проглотили» и т. п.,— что неизбежно ведет к девальвации морально-нравственных ценностей, попранию высшего, Божеского начала в человеке, к гибели души как таковой, в итоге — к разрушению человеческого общества, которое на этом пути может дойти до людоедства, самоуничтожения?

Как говорил Николай Лесков, прибегая к евангельской образности, «литература у нас есть соль», и нельзя допустить, чтобы она «рассолилась», иначе «чем сделаешь ее соленою» (Мф. 5:13)?

Как ни парадоксально, но русской классической литературе сегодня как никогда требуются защитники, «адвокаты», чтобы отстаивать само ее право на существование в современной России, где нивелируется и вытравливается все русское, безбожно попираются традиционные духовно-нравственные ценности, Божие вытесняется кесаревым.

Самое главное в русской литературе — это Христос, христианская вера, одухотворенная русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский утверждал, что «без Христа суетно все образование». Кому и для чего выгодно вылепливать в «безбожных школах» духовно неразвитых самолюбивых безбожников,

подменяя ложными идеалами и кумирами «вековечный, от века идеал, к которому стремится и по законуприроды должен стремиться человек» — Иисуса Христа?

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алексин Тульской области

ПОЛЯ ЧУДЕС

Вот и началась спецоперация на Украине, и что же она выявила? А выявила она то, что многие наши чиновники и депутаты (пальцем на них укажу как-нибудь в другой раз — сейчас же не досуг) на словах прям-таки вопят: «Мы за Путина, мы за Россию!» А присмотришься к их деятельности повнимательней, и… начинают лезть в голову иные мысли!.. <…> Да вы только не подумайте, что их завербовали — кому это нужно?! Просто они живут по принципу чеховского героя: «Как бы чего не вышло!» И вот это «как бы чего не вышло» и есть то, что больше всего сейчас нужно нашим американским недружественным друзьям! Вот угодили, так угодили! Не целясь и в яблочко! Что значит многолетняя тренировка на должностях весьма недурственно оплачиваемых.

Ну, да ладно — Бог с ними…

Но вместе с тем хотелось заметить, что пора бы уже <…> дать политическую и правовую оценку такого рода деятельности. Тем более что подавляющее число россиян (я в этом уверен на все сто) поддержат мою точку зрения. Ну, а коллаборационисты (в войну их полицаями называли), к сожалению, были всегда. Но, слава Богу — их у нас ничтожно малое количество. И поэтому не надо позволять этому крайне малому меньшинству навязывать свою позицию нашему вполне здоровому обществу. Потому как это будет уже не демократия, а как раз наоборот — диктатура. <…> Но ничего у них не выйдет. Потому, что таких людей как Рамзан Кадыров у нас большинство. И слово Родина для этих людей не пустой звук.

Но я-то, слава Богу, не депутат, не чиновник (плевать бы я хотел на их доходы и привилегии). И поэтому немного о политике все-таки скажу.

Дело в том, что западная идеология испокон веков была построена на лжи, на подтасовки фактов и всякого рода провокациях. Взять хотя бы покорение немецкими рыцарями западных славян (их территория примерно совпадала с территорией бывшей ГДР, а в походе участвовала половина Европы — как и в 1812, как и в 1941, как и сейчас на Украине). Что же тогда было главной отмазкой? Да как всегда — якобы те славяне были недоразвитые, а псы рыцари, пытая их и вешая, несли им цивилизацию. А на самом-то деле им нужны были их земли, рабсила и, се ля ви, нужны Берлину деньги, а евро рыцарям нужны тем паче. То есть, как ныне, российский газ и другие полезные ископаемые по очень смешной цене. А свою продукцию продать нам по-смешному они отнюдь не торопятся, можно даже сказать, вовсе не жаждут. И на этом поле чудес первые помощники у них, конечно же, господа российские либералы. Вот эти лисы Алисы и Базилио лапшемяуколки, которые нас всех держат за Буратино. Вот потому-то так ласково, так нежно, так трепетно их любят и в Париже, и в Ландоне, и в далеком Вашингтоне.

Но своего апогея данная пропагандистская псевдо теория достигла в годы второй мировой войны. Дело в том, что германские народы, в том числе и немцы, к этим самым «истинным арийцам» имеют весьма и весьма далекое отношение. А вот славян и ряд других народов, в наследственом коде которых действительно присутствует существенная доля арийских генов, нацисты объявили грязными нациями, которых в виду их неполноценности надо нещадно эксплуатировать. И здесь налицо попытка присвоить себе чужую славу, дабы поднять свой авторитет, и тем самым оправдать свою неуемную жажду к наживе. Как сейчас, к примеру сказать, делают американцы, пытаясь присвоить себе, все лавры победы над фашистской Германией. А конечная же цель всей этой пропагандисткой шумихи та же самая, что и у правящей верхушки все той же нацистской Германии — возможность получения сверхприбыли. Вот вам конкретная связь времен. За все шесть тысячелетий противостояния запада с востоком, ничего свежего придумано не было. Ну, типа как старые сказки на новый лад. Так же, как и псы рыцари, как нацисты, западные идеологи (в основном американцы) в качестве оправдания предъявляют народам сочиненную ими легенду о демократических ценностях, убивая при этом бессчетное количество людей, неся миру горе и разрушения. Ну, это же недоразвитые народы, без демократии, что с ними делать? Ну, конечно, конечно же, эксплуатировать по полной программе, а несогласных устранять физически. А какая самая недемократическая страна в мире? Верно, верно, самая недемократическая страна в мире — это Россия! Но дотянуться до нас им довольно-таки сложно. И вот тут-то как нельзя кстати появляются российские либералы и украинские националисты — аналог исламистов на европейской территории — с чертом готовы подружиться, лишь бы против нас. Мораль побоку — цель оправдывает средства, да и цель у них та же самая, что и у бесов.

Особенно ярко западная лживая изворотливость проявилось во времена Ивана Грозного, который проводил самостоятельную, независимую политику и жестко отстаивал интересы Русского государства и чаянья

русских людей как на международной арене, так и внутри страны. Но и в другие исторические периоды клеветы тоже хватало. Западные идеологи всегда старались очернить Россию, облить ее грязью, чтобы самим на фоне этой грязи выглядеть «белыми и пушистыми». А все их так называемые демократические ценности при ближайшем рассмотрении оказываются фейками.

Ну, надо же, у них на западе сейчас не два пола, как у нас, а целых шестьдесят! Любой здравомыслящий человек поймет, что это самый настоящий маразм всего западного общества, моральное вырождение. И первопричиной этого является то, что главным идеалом этого общества является потребление, потребление и потребление, получение удовольствий любым путем. Отсюда и растление малолетних детей в школах. Да к тому же растленным обществом легче управлять. А у тех родителей, которые не хотят, чтобы их детям навязывали этот разврат геи и лесбиянки, которых, кстати сказать, и в западном обществе не так уж и много, силой отбирают родных детей, чтобы подвергнуть этому узаконенному растлению. Так это и есть демократия? То светлое будущие, к которому надо стремиться? И так можно пройтись буквально по каждому пункту. Но выбранный мною формат, не позволяет этого сделать. Остановлюсь лишь на главном, на долларовой системе, системе транснациональной эксплуатации, с которой сейчас борется наше правительство и к которой так тупо, мерзко и гнусно в качестве баранов, с которых очень удобно стричь шерсть, пристегнули нас наши либералы…

А как только экономическое положение в штатах ухудшается, так они сразу же включают станок по печатанью денег на полную катушку, начинают массово выпускать бумаги государственного займа, которые опять же таки продают за доллары. И этим своим выстрелом в упор они сразу убивают целую кучу зайцев. Ведь любому индивидууму средних интеллектуальных способностей понятно, что если количество выпускаемых денег в какой-то момент времени намного превысит количество выпускаемых товаров, то сразу же начнется дикая инфляция, стремительное обесценивание вот этих самых денег. И так будет в любой стране, но только не в Америке. Потому, что американцы сразу же свои фантики (ну, как еще можно назвать денежные знаки, не обеспеченные ни золотыми запасами, ни произведенными товарами — конечно же, фантиками), так вот они эти фантики начинают рассовывать по сторонам. Расплачиваются ими за реальные товары, произведенные в других странах. <…> Штаты, ничего практически не делая, качают из других стран сырье чуть ли не задаром, и в том числе и из России. И при этом инфляция раскручивается не у них, а в тех странах, куда они свои фантики сплавляют, и жизненный уровень в этих странах соответственно понижается. Ну, а тем олигархам, которые торгуют с западом, преимущественно либералам, это тоже выгодно, поскольку рабсила, то бишь мы с вами, и товары, произведенные в России в результате валютной интервенции, без пяти минут оккупации, дешевеют относительно доллара, который в результате этого опять же узаконенного мошенничества в легкую прилипает к их шаловливым ручонкам. Так вот, совместными усилиями, они нас всех и обувают из года в год.

…Руководство страны решило наложить ограничения на деятельность этой международной ОПГ на территории России! В сравнении с нею наши опегешки из лихих девяностых смотрятся как мелкие блошки. Наивные парнишки! На стрелку являлись с одними лишь пистолетиками! А вот американские гангстеры… на стрелки… авианосцы… прихватывают. Но, тем не менее, теперь углеводороды будут продаваться западу только за рубли. И уже только это существенно снизит приток валюты, чем значительно замедлит рост инфляции. И если в дальнейшем этот курс на уменьшение долларового присутствия будет продолжаться, то произойдет оздоровление экономики и подъем уровня жизни населения. Дай Бог, дай же Бог здоровьица нашему президенту и всем тем людям, которые его поддерживают! Ведь эти жулики, либералы, с такой политикой не смирятся, будут брыкаться, выдвигать псевдо экономические обоснования, устраивать всякого рода проплачиваемые протесты. Втягивать в эти протесты незрелую, не имеющую жизненного опыта молодежь. Да к тому ж совершенно неграмотную в политическом и экономическом отношении. Бессмертные строки Александра Сергеевича Пушкина: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь…», увы, в наше время еще более актуальны, чем, в те годы, когда они были написаны. Нынешние студенты, как и тогдашние не очень-то настроены на то, чтобы грызть тяжелую породу истиной науки, зато с удовольствием глотают сладкую, легкопереваримую суспензию-чернуху, заготовленную для них в недрах ЦРУ.

Ну, а наши «партнеры», пендосы, сняли внутренние проблемы, наварили деньжат, прижали к ногтю своих конкурентов, укрепили свою гегемонию в мире — ну и что же им еще желать? А желают они как можно больше стран включить в эту грабительскую карусель, чтобы получать все большее и большее количество денег, и подавить протесты в уже обманутых государствах. И с этой целью, используя часть награбленных таким образом средств, они расплодили всюду неправительственные организации. Так называемые неправительственные, которые в сущности своей являются филиалами ЦРУ. Бесплатный сыр где? — В западных спецслужбах! И вот через эти «филиалы» они проплачивают всевозможную антигосударственную, антинародную деятельность, подкупают, высокопоставленных чиновников во многих странах, а если не получается подкупить, то устраивают государственные перевороты, так называемые цветные революции. В результате таких преступных действий кровь льется по всему миру рекой. И яркий тому пример события на Украине. Там, конечно же, есть то, что они стремятся прибрать к своим рукам. Но главная их цель не Украина, а Россия, с ее необозримыми просторами, наполненными огромнейшим количеством полезных ископаемых, которые представляют для них необыкновенно лакомый кусок, да какой там кусок — кусище, от вида которого у них текут слюни по их жирным, ненасытным рылам, а мысли о халявнейшей наживе будоражат сознание.

<…> А как же, вы спросите, незалежная Украина? Ну, какая же незалежная? Она давным-давно залежалась в карманах широченных штанин американских бизнес-воротил. А украинцы для них дикие аборигены да подопытные кролики, которых они используют втемную. А правительство, неужто оно ничего не соображает? Ха-ха-ха-а, а правительство, то бишь правящая фашистская хунта, она не токмо свой народ, маму родную продаст, за мелкие американские подачки. Вот они, так лживо-красочно расхваливаемые, демократические ценности перед вами, в на-ту-ре! И вся эта пропаганда по беспрестанной идеализации западного образа жизни всегда и везде направлена на одно и то же, на получение денег, денег, денег и еще раз денег, и, прежде всего, за наш с вами счет. Потому как мы для них точно такие дикие аборигены, как и украинцы.

Так что, если где-то вдруг началась война — ищите деньги, и не просто деньги, а очень и очень большие деньги. И не покупайтесь на фантики, как дикари…

Да, вот еще… либералов не бойтесь, и их кураторов из МИ-6 тоже, вы же не чиновники-приспособленцы, в конце-то концов! А Джеймсы Бонды они только в кино такие удачливые бывают. А вот в жизни… в жизни по-всякому бывает — на то она и жизнь. Потому как наши Штирлицы тоже не дремлют.

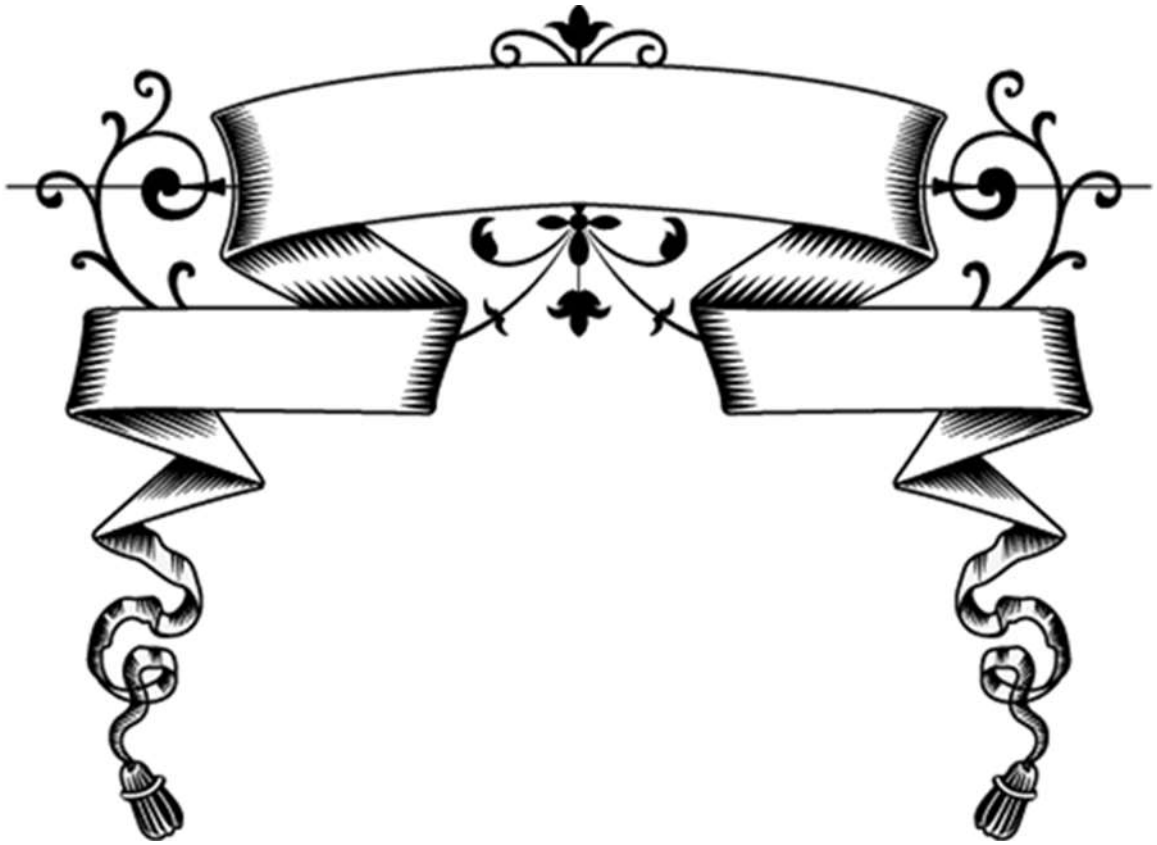
<…> Всякого же рода социальные потрясения, они выгодны лишь авантюристам-проходимцам <…> Госпереворот, революция! Можно практически ничего полезного не делая достичь максимального результата! <…> Вот и сейчас можно создать националистический батальон, а по сути, криминальную банду, и… «Гоп стоп мы подошли из-за угла…» — отжать бизнес у конкурентов, а на полученные таким образом деньги подкупить чиновников в фашистской хунте, сделать их послушными и управляемыми. Хунта-то хунтой, но деньги-то еще никто не отменял. А после этого можно уже вовсю качать бабло из одурманенных своими идеями украинских ура-патриотов. И при этом тебе ничего ни будет. Главное лишь почаще призывать мочить москалей, ведь эту песенку, ой как любят американские олигархи, которые сейчас правят бал на Украине, и при этом дают нажиться и мелким уркаганчикам, которые их поддерживают. Мелким, конечно же, относительно их самих.

Вот вам еще одно поле чудес, но только уже на Украине. А сколько их по всему миру-то разбросано? Даже представить трудно.

<…> Ну, а Русь матушка … по-прежнему стоит себе целехонькая. И долго, долго стоять еще будет! Потому, что есть в ней такие люди, которым, как и раньше, плевать кой на кого. Как, к примеру, Кадырову … И таких людей у нас много. И также, как в смутное время, как на поле Куликовом, как в изрытом снарядами Сталинграде, найдутся новые герои, которые поведут за собой народ сквозь столетия, сквозь тысячелетие, упрямо не сворачивая с выбранного ими пути. Потому что стремление защищать свою Родину у нас в генах, это у нас с вами в крови!!!

РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ

ИРИНА МАЦНЕВА **ЗИНАИДА АНИСЕНКОВА**

Ирина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Руководитель ТО «Каменка» с 1995 г. (темы: краеведение, музыкально-песенное, литературное и художественное творчество), член Русского географического общества. Имеет награды за поддержку творчества земляков. Педагог дополнительного образования. Наш постоянный автор.

ВСЯ ГРУДЬ В КРЕСТАХ

Из моих самых первых воспоминаний, из рассказов бабушки Полины, запомнился сюжет! Мы с ней находимся в Закопах, в домике деда Ивана Гавриловича Мацнева, на кухне. Тогда это была часть дома, отгороженная от залы (слово было женского рода, не как сейчас — зал, мужского) дощатой перегородкой, начинавшейся от печки и делившей дом пополам. «Бок» печки был перегородкой для спальни деда и бабушки, затем еще одна дощатая перегородка, за которой была крохотная комнатка с окном — детская спальня. В залу выходили дощатые проходы, которые занавешивались тканевыми шторками. К дому прикладывались сенцы — холодная часть дома, выложенная их бутового камня, бута или кусков известняка, который брали в Закопском карьере.

Песок был рядом — в большой песошной яме (так говорили — песошной, не посочной, как сейчас). Это большой песчаный карьер. Наш дом издревле так и был расположен «у песошной ямы». Как говорил дед — «три дома на одном корню». Это значило, что старел дом, его разбирали, а на старом фундаменте строили новый дом. И так — три раза. Что дает размышление, сколько лет жили здесь наши предки?! — Мацневы. А сам дом (стены) были «засыпными» золой, со штукатуркой — по дранке. Тоже надо сделать будет отдельное описание. Теперь так давно уже не строят,— другие технологии! А тогда — все своими руками и из того, что есть в природе, ничего покупного!

Так вот!

Стою я в этой маленькой кухоньке, а бабушка — у печи, готовит там что-то, умело орудуя — то кочергой, то ухватом. То ставит в печь чугунную плоскую сковородку — печет (не пекет, а именно печет) блины, то вынимает ухватом чугунок с картошкой. При этом — разговаривает. А поговорить бабушка была большая охотница! Она постоянно что-то рассказывала, порой порядком мне этим досаждая. А порой было и интересно! Как, например, про бабку графиню немку! Мои глаза округлялись при этом. Я не могла понять, откуда у нас немка, да еще и графиня? Мы ж бедные крестьяне из деревни! Какая немка? Война вон только недавно окончилась, все про нее всё говорят и говорят. И тут вдруг немка, да еще и графиня! Потом как-нибудь попробую ее разыскать в нашем древе. Тем более, что немок было две! Но у одной были дети, а у другой детей не было. У «нашей» немки — не было детей, и жила она где-то в Черкассах, кажется.

Бабушка рассказывала про старину, как бывало. Рассказывала всегда с мельчайшими подробностями, поэтому могла начать с одного, а уйти в своих рассказах — «совсем в другую сторону». И как мне это все можно было запомнить? Но бабушка вновь и вновь, со все большими подробностями, рассказывала и рассказывала мне про старое житье-бытье. Рассказывала про писателя Тургенева. «Знаешь такого?» — спрашивала бабушка. Я была маленькой, лет шесть. Молчала. «Ну, тот, который написал про Му-му». Я встрепенулась! Это про корову что ль? И в надежде посмотрела в сторону закуты за сенцами, где жила наша Роска. «Да нет же! — досадовала бабушка.— Это собачку так звали “Му-му”, и потом Герасим ее утопил». Тут у меня глаза полезли на лоб! «Ба-а-а!? — протянула я в недоумении.— А зачем же он ее еще и утопил, раз это была собачка?»

Бабушка фыркнула носом, мол, долго тебе объяснять! Просто запомни: «Му-му». Потом вырастешь — прочитаешь.

Так вот!

Был у этого писателя друг — наш предок. Он служил казаком в царской армии. А когда кончил воевать, друг-помещик его и попросил стать приказчиком в своем имении в Медведках, на что наш дед и согласился.

Дальше бабушка долго рассказывала про каких-то генералов, про войну с Наполеоном, про какой-то хлеб, театр, какие-то хитросплетения судеб своих пра-пра… где кто-то был незаконнорожденным, а кто-то чего-то — понять и запомнить было невозможно. Я только беспомощно мотала головой. Не понимаю!

И тогда бабушка показала мне чугунок, стоящий у печки. Ну, запомни хотя бы чугунок!!! Он был выпускником военного училища. Вся грудь в крестах.

Тут у меня опять «мозги пошли набекрень». Что значит «грудь в крестах»?

— Ну, это награды такие, Георгий!

Ничего не понимая (а какое могло быть понятие в коммунистических 70-х годах двадцатого века), я переспросила, медали, что ль?

— Да нет, не медали! Медали круглые, а эти — кресты! — пыталась объяснить необъяснимое мне ба-

бушка.

Дальше шел рассказ про какой-то портрет, который долго висел на стене у них дома. На нем был изображен ее отец — Алексей! И моего отца (своего сына) она в честь своего отца так и назвала — Алексеем.

Мне это ничего не говорило. И было неинтересно.

Бабушка с чувствами рассказывала, что отца своего она никогда не видела. Он был дебошир, когда напивался, поэтому ее мать Агафья забрала маленькую дочь Полину и ушла с ней к своим родственникам, в Яблонево. А жили они раньше в Медведках! Там был у ее мужа — сына приказчика большой дом, с кирпичной стеной. Приказчиков дом. И в этом доме висел тот самый портрет — мужа Агафьи и отца Полины. С портретом потом произошла какая-то история. Он сначала хранился у матери бабушки, а потом его куда-то отдали на сохранение, какому-то дальнему родственнику, ветеринару! «Отец его знает!» — добавила бабушка. Через тридцать лет я только узнала про этого «ветенара» (ветеринара) Кузьму Михайловича Поваляева, с которым, да, был дружен мой отец и который много интересного рассказал мне про историю села Архангельского, про барскую усадьбу и подземелья. Но об этом — в отдельной главе.

А пока — про портрет.

Никогда не видевшая своего отца бабушка досконально изучила его портрет. Было ей лет пять, примерно. И она не могла дотянуться, чтобы рассмотреть портрет « в лицо»,— приходилось вставать на табурет. А вот нижнюю дощечку она хорошо изучила! И дело все в том, что когда художник писал портрет, холста у него не хватило. Про холст я опять переспросила. А откуда мне в деревне было знать, что такое холст? Ткань, что ли? — Оказывается, нет! Холст это грубая специальная ткань для написания картин маслом. И вновь моему удивлению не было предела! Как можно писать сливочным маслом картины? А уж постным (подсолнечным) и подавно! Но бабушка объяснила, что это краски такие, на оливковом масле.

После таких заморочек мне было уже и вовсе не до портрета. Но бабушка продолжала. И в ее голосе было столько любви к этому портрету, на котором был изображен ее отец, которого она никогда не видела и не помнит.

Она до мельчайших подробностей описала мне эту дощечку, которой был «дорощщен» холст картины, чтобы уместилась дорожка и ноги, так как художник был молодой и не подрасчитал высоту полотна в полный рост человека в мундире. На «мундире» я вновь «споткнулась». Картошка что ли? Вот в том самом чугунке?

— Нет,— ответила бабушка. Это мундир такой, ну, как кафтан. («Боже мой! — думала я.— Куда бы мне от этого всего деваться!..»)

Бабушка рассказывала, описывая портрет снизу вверх, как она его видела в детстве. Высокие сапоги со шпорами (ими, оказывается, пристегивали лошадей на скаку. Но это не то, что пристегнуть иголкой пуговицу, это другое! Это ткнуть этими шпорами в круп лошади, чтобы ей стало больно и она понеслась во весь опор). В детском воображении — ужас!

Дальше по описанию шли какие-то странные штаны с круглыми боками, а по бокам — широкая золотая полоса и такая же золотая полоса шла на рукаве (и бабушка показала на своей руке, но не на сгибе, а повыше, что тоже было странно).

Дальше был рассказ про какую-то саблю, это мне вообще не было понятно. И крепилась она на специальном ремне через плечо. И такой же кожаный ремень был подпоясан по талии, с золотой пряжкой. Потом бабушка рассказывала про какую-то звезду и кресты «не то три, не то четыре, но кажется четыре» — говорила она. Погоны с пуговичкой. Усы, подкрученные вверх. Рыжеватый чуб! (Это, оказывается, прическа такая у казаков.) И фуражка с желтым околышком.

Рукой он опирался на столик, на котором стояли розы. Это было в доме губернатора и розы — так любила жена губернатора, поскольку эти цвета были в ленте герба города (Нет! Понять такое, чтобы цветы розы были в ленте?!!! — это уж слишком.) Какая-то штора с бубенчиками, портрет у большого зеркала и дорожка под ногами.

Все эти совершенно непонятные для меня подробности меня жутко раздражали, и я ждала, когда же, наконец, этот рассказ закончится.

… И он — закончился! А точнее — свершился!!! Через полсотни лет. Мне из рук в руки передали какой-то старый портрет в «чуткой» раме с треснувшим стеклом, предавным-давным-давно висевший в доме о-очень дальних родственников, которые понятия не имели, кто изображен на этом портрете.

Но только я взглянула?

… О! Боже!!!

Никаких сомнений быть не могло. Это он — Алексей Соловьев — отец моей бабушки Полины и дед моего отца Алексея. И сохранил его, действительно, тот самый ветеринар, который повесил портрет в доме своих уже родственников, которые оказались и нашими дальними родственниками, а моя дочь вышла замуж тоже за Алексея — сына того человека, кто по наследству принял дом, в котором висел непонятно чей портрет. Виктор Алексеевич Французов, мой сват, из рук в руки мне этот портрет и передал.

Вот он! И так и есть: шпоры, золотая лента по боку и на рукаве, сабля, ремни, погоны с пуговичкой, «звезда» и кресты во всю грудь, подкрученные вверх усы, рыжеватый чуб и фуражка с желтым околышком, набекрень. И даже эти, казавшиеся мне в детстве противными, розы! И штора, и зеркало и половик, чуть

сдвинутый под ногами, как и говорила бабушка. Но не было ленты на гербе города! И только в памяти звучали бабушкины слова: «Запомни хотя бы вот этот чугунок! Который стоит у печки».

…. Чугуйское военное училище. «Звезда» — знак выпускника — мальтийский орден со Святым Георгием внутри (так бабушка и говорила, уже теперь вспомнила я). И село наше Георгиевское, а по старому — Закопы. И престол у нас — Егорий! Или Георгий (так говорила бабушка). И да — вся грудь в крестах! Четыре! Георгиевский кавалер. (И вновь вспомнилась бабушкина присказка: «Кавалер, а кавалер! Половик-то прогорел!»). Этого я не знаю, но под ногами половик, действительно, немного сдвинут… волной!

Ах, бабушка! Милая бабушка! Мне бы теперь все твои рассказы… Да только вспомнить уже невозможно… Уплыло из детской памяти, как по волнам нашей реки — Красивой Мечи.

Зинаида АНИСЕНКОВА

пос. Кардымово Смоленского района Смоленской области

Зинаида Владимировна Анисенкова — член Смоленского областного литературного объединения «Родник» им. Ю. В. Пашкова с 1980 г. Родилась 6 апреля 1952 г. в д. Лукавое Смоленской обл. После окончания Смоленского института физкультуры работала преподавателем в школе. Посещала Школу нештатных корреспондентов. Сотрудничала с газетами «Смена», «Рабочий путь», «Сафоновская правда», «Заветы Ильича». Стихи и рассказы печатаются в ежегодных альманах Смоленского обл. ЛитО «Родник» им. Ю. В. Пашкова.

НЕ В СИЛАХ НИЧЕГО ЗАБЫТЬ

Забыть не в силах ничего, но иногда хочется кричать: «Ах, судьба ты наша криволапая, что глядишь на нас, кровью, капая…»

Те, кто родились в начале 20-го века, как говорится, «хлебнули горя на своем веку». Кто-то из них не стремился рассказать о пережитом, мол, чего жаловаться да раны бередить. Кто-то изредка бросал нестройные фразы, которые серьезно не воспринимались в семье. Боль потерь и переживаний несли в себе эти люди, боясь расплескать, боясь испугать своими рассказами тех, кого любили. Они дали жизнь следующему поколению и, как смогли, воспитали своих детей, вывели в люди.

Все, что рассказывала мне мама, было как бы невзначай. Рассказ мог начаться внезапно: вот застучал дождь по крыше, и под эти дробные звуки я узнаю новую подробность о ее нелегкой жизни. Я помню ее незамысловатые фразы, полные таких чувств и переживаний, которые неподвластны времени. Мне хочется сохранить мамины воспоминания, как документ истории народа.

Начав работать над текстом, я будто разделила время, чтобы читатели, мои близкие, да и я сама не судили строго, не искали неточностей и искажений.

Из воспоминаний моей мамы

Настоящая благодать в природе — весна и осень. Прошло много лет. Однако Аксинья (по документам Ксения) помнит, как медленно и осторожно передвигалась по лесу, где в далеком прошлом они спасали свои жизни. Осенний день выдался на редкость великолепным. Она шла мимо еще заметных траншей, окопов, а в памяти, как кинокадры, вспыхивали воспоминания…

… В 1941 году, в самом начале войны, избежали призыва в армию только «хитроумные». Затем они стали самыми опасными доносчиками и полицаями. Когда фашисты заняли деревню, предатели отдали врагам списки жителей деревень Лукавое, Игнатовка, Привольное, Морозовка и других, чьи мужья или родные ушли на фронт или были коммунистами. Тех, кто числился в этих списках, вызвали в полицию…

… На допросе Аксинья ответила, что отец ее двоих детей погиб, и показала извещение. «А почему именно к тебе зашли партизаны зимним вечером?» — спросили ее. Она отвечала, что не смогла понять, кто они, ведь были хорошо одеты, без оружия и попросили еды. А когда выходили из дома, их всех четверых окружили полицаи. «Мы тебя предупредили,— сказал за всех полицай,— если что, не пощадим никого». После этих слов он подошел почти вплотную к ней и с размаху ударил ее прикладом в плечо. «А это тебе еще за то, что клячу раненую выходила для деревни, а от нас утаила, по приказу не сдала» …

… Однажды, когда начался близкий бой и снаряды рвались прямо в деревне, все побежали к лесу. Не добежав, Аксинья упала в высокую траву, прижав к себе маленьких Женю и Надю. Когда услышала громкий хруст и шорох, краем глаза увидела вооруженного человека в черной форме. В руке он держал большой окровавленный нож. Фашист прошел совсем рядом и, к счастью, смотрел в другую сторону… Она непрерывно читала «внутреннюю» молитву, а потом благодарила Бога за спасение…

… Казалось, лежали очень долго. Когда наступила тишина, пошли в сторону деревни Лукавое. Неожиданно увидели, как прямо на них летит снаряд. Впереди была яма, и Надя потянула вперед, к ней. Но Аксинья успела удержать ее и вместе с детьми легла на землю. Снаряд упал и разорвался как раз в том месте, куда хотела спрятаться девочка. Встали и пошли дальше. Вблизи деревни лежало очень много убитых. Может быть, там были и раненые, но на помощь никто не звал. От страха она не могла ни на кого смотреть. Погибших на дороге было столько, что приходилось выбирать промежутки, куда ступать между телами…

… При очередном обстреле оставшиеся в живых жители спрятались в бывшей конюшне. «Мы не могли ничего видеть,— говорила Аксинья,— только слышали страшный грохот. Под нами дрожала земля, тряслись стены нашего укрытия. Никто не плакал, не кричал. Одна пуля пробила стену и ранила соседке руку». Она вытащила пулю, перевязала рану. Ее поразило то, что рука женщины продолжала дрожать, видимо, был задет нерв. «Наступила тишина, и мы двинулись к выходу…» Когда с молитвой на устах Аксинья первой вышла на улицу, возле ее уха просвистела пуля. К счастью, она лишь пробила платок и сдернула его с головы. Подойдя к дому, Ксения увидела, что он почти не пострадал, лишь были выбиты стекла да пробита крыша. А войдя в дом — остолбенели от увиденного. Подоспевшие саперы сняли с потолка неразорвавшийся снаряд…

… Со стороны Орши еще долго слышался грохот боев. В доме Аксиньи разместился боевой штаб Красной армии и радист. Маленький Женя уже разговаривал и всегда был в центре внимания военных. Когда ее назначили санитаркой, она вместе с другими помогала перевязывать раненых. Как-то раз один офицер лишь успел выйти из дома, как раздался взрыв. Назад он вернулся с оторванной рукой, истекая кровью…

… Один из командиров объяснился Аксинье в своих чувствах и предложил выйти за него замуж… Спустя какое-то время, ей сообщили, что он погиб. А 15 февраля 1945 года родилась девочка Тася, но о своей дочери он не узнал…

… Деревенские жили в постоянном страхе и страдали от голода. Однако, Ксения вместе с другими жителями помогала копать траншеи и окопы, когда наши военные звали на подмогу. Один тяжелораненый как-то сказал: «Вы же просто крестьяне, откуда у вас столько терпения, выносливости и мужества?»

… При сообщении о Победе над фашизмом, все деревенские люди просто плакали «навзрыд» и «в голос». Аксинья сидела за столом, на котором лежали оладьи из «тошнотиков». Она поминала погибшего под Ржевом мужа, офицера Анисенкова Ермолая Митрофановича, двух братьев, Панаса и Николая, племянницу Антонину и других родных и знакомых…

Вспоминала она и горестный довоенный период. У родителей, Старостенковых, было семеро детей, был свой хутор. По доносу одного из деревенских родственников, их отца, Василия Трофимовича Старостенкова, включили в списки кулаков. На допросе отца Ксению унижали, обзывали. Не выдержав оскорблений, он оттолкнул от себя сотрудника органов, когда тот, приблизившись, начал смеяться в лицо. Василия схватили с обеих сторон, бросили на землю и с яростью били ногами в сапогах. Потом кто-то крикнул: «За сопротивление Советской власти ты у нас сгниешь в тюрьме!»

… Много лет спустя Аксинью разыскал человек, которого везли вместе с ее отцом. Сказал, что он часто плакал и причитал: «За что меня избивали? Я всю жизнь работал. Моих родных на хуторе шестнадцать человек. Все трудятся не только на себя, но и помогают немощным…» От него Ксения узнала, что Василий Трофимович Старостенков умер в тюрьме поселка Вадино: помывшись в бане, сел на стул и отошел в мир иной…

… От горя и переживаний умерла Старостенкова Татьяна Мироновна, мама четырнадцатилетней Аксиньи. Ни тогда, ни в последующие годы никто из семьи Старостенковых не стал мстить, не склонился к предательству. Записались в колхоз и зажили заново. В 1953 году отца, Старостенкова Василия Трофимовича, реабилитировали. Но из прокуратуры города Рудни сообщить об этом родственникам никто не потрудился…

… Накануне войны мальчик из другой деревни поджог стог сена рядом с домом Ксении. Сгорел дом и все, что в нем было. Жители деревни работали на сенокосе, поэтому потушить пожар не успели. Надя, дочь Аксиньи, не выдала друга-курильщика и взяла вину на себя…

… Председатель колхоза разрешил погорельцам жить в пустующем колхозном доме…

… После войны еще долго жители боялись копать землю, в которой лежали неразорвавшиеся снаряды и мины. Вернувшиеся с фронта односельчане страдали от ранений и надрывались, работая на своих огородах. Прокормиться было можно только со своего участка. В деревне не было медпункта, выживали, как могли…

… Аксинья, чтобы не погибнуть с голоду, решилась поехать на заработки. На платформе товарного поезда она отправилась в Польшу. В одной руке она держала маленькую Тасю, в другой несла швейную машинку. Денег не было совсем. Повезло, в лесу нашла парашют и сшила из него одежду себе и детям. Своих старших детей, Надю и Женю, до своего возвращения «поручила» добрым соседям. В Польше Аксинью с ребенком с радостью приняла многодетная женщина. Ее хозяин не вернулся с фронта. Пока хозяйка была на работе, Ксения добросовестно выполняла свои обязанности в доме. Прошло время, и ей нужно было возвращаться домой, хотя хозяйка просила остаться еще. Но она сказала, что ей нужно поддержать своих детей и соседей, которые болеют и живут впроголодь. К Аксиньиному отъезду растроганная полька приготовила расчет за работу: мешки с мукой и зерном и дала в дорогу узелок с едой. Все погрузили на товарный поезд, и

на нем Ксения с Тасей доехали до поселка Красный. «Сарафанное радио» сообщило в деревню Лукавое о ее возвращении из Польши. Все, что заработала, она поделила среди жителей деревни. В следующем году Аксинья повторила свою поездку в Польшу: на подножке товарного вагона с маленькой Тасей и швейной машинкой в руках она поехала на работу к знакомой хозяйке. Хозяйка и ее дети встретили их с радостью. И опять перед отъездом их просили остаться в Польше навсегда. Но Ксения сказала, что не может оставить свою родину и детей. Также благополучно ей удалось приехать из Польши с мешками муки и зерна…

Еще более 10 лет после Победы жители деревень выживали за счет своих огородов. Аксинья жила одна с тремя детьми. Перед Благовещеньем, 6 апреля 1952 года, она родила рыженькую девочку от влюбленного фронтовика из другой деревни…

… Ксения вырастила из телочки корову, а назвали ее Зорька. На ней она привозила сено и хворост, пахала землю с подросшим сыном и девочками. Развела гусей и кур, держала свиноматку с поросятами. Вместе с детьми сделала помещение для живности из жердей, сухой травы и глины. Возила поросят на базар в город Рудню на попутной телеге с кем-либо из деревенских. А ехать нужно было более тридцати километров…

… Односельчане и бывшие фронтовики умирали, не зная никаких наград за свой труд. Особенно невыносимой стала жизнь в деревне, когда власти придумали закон о содержании в своем хозяйстве коров, т. е. кормилиц всех и вся. Если пенсионерка имела корову, она должна была накосить и сдать в колхоз четыре тонны сена. После этого, за три-пять километров от деревни, делили луг, на котором можно было косить и сушить, но не более двух тонн сена. Для взвешивания жители возили это сено на лошади. А это не всем было по силам…

… Нет больше деревень Лукавое, Игнатовка, Осяпы и других. Из последней, самой красивой, живой деревни Приволье, перевели школу в город Рудня, а это более чем за тридцать километров. Сократили и клубные культурные центры…

Те, кто знал Аксинью, говорили, что она была очень красивой, гордой и трудолюбивой. Не любила спорить и скандалить. В ее «хате» всегда были красиво убранные иконы. Своих детей воспитывала в строгости. Приучала к чистоте и порядку в доме и вокруг жилища. Вместе с детьми она посадила сад с разными плодовыми деревьями. А черемуху, сосну и березку они посадили, чтобы радоваться, глядя на них.

До раскулачивания Ксения успела окончить четыре класса. Выжить и достойно жить дальше ей помогали воспитанность, мудрость, жизненный опыт, умение выполнять любую женскую и мужскую работу. Многие в деревне Лукавое запомнили, какие вкусные караваи хлеба она пекла в русской печи. Помогая матери, дети мололи на жерновах ржаное зерно, а готовый хлеб потом торжественно разносили заказчикам и тем, кого Аксинья хотела угостить…

В своей жизни ей пришлось работать в полеводстве, телятницей и затем, вплоть до пенсии,— дояркой. Всего более сорока пяти лет крестьянского труда, пока не отказали ноги…

Анисенкова Ксения Васильевна родилась 7 января 1915 года, скончалась 18 мая 2005 года в небольшой комнатке общежития в поселке Кардымово у младшей дочери. Похоронена на родине в Руднянском районе.

Никто из детей Аксиньи не захотел продолжать жить в деревне. Старшая, Надежда Ермолаевна, жила и работала в поселке Сташки на торфопредприятии.

Ее сын, Евгений Ермолаевич Анисенков, окончил школу ФЗО, высшую военную Академию в Москве, служил в армии и ушел на пенсию в чине полковника с должности начальника боевой и политической подготовки военно-воздушных сил страны.

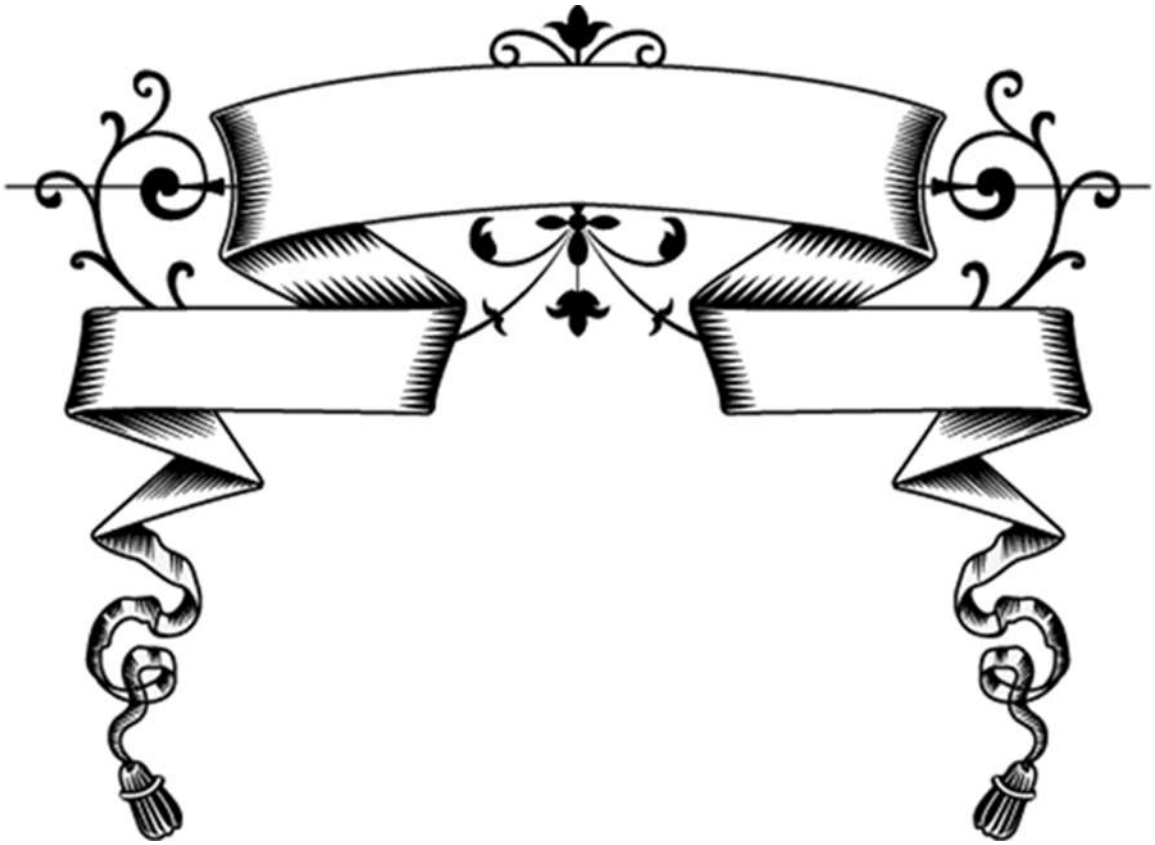
Таисия получила высшее образование в городе Омске и работала на секретном авиационном заводе.

Младшая дочь Зинаида училась в педучилище в городе Гагарине, а затем закончила очное отделение Смоленского института физической культуры и работала педагогом.

В 2004 году в поселке Кардымово Смоленской области Зинаида одна посадила сто тридцать пять деревьев одиннадцати сортов в память о тех, кто достойно жил и выдержал нечеловеческие испытания судьбы.

ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ

КИРА КРЕСТЬЯНКИНА
АННА ВОРОНИНА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
АРКАДИЙ МАР
РАГИМ МУСАЕВ
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ОЛЬГА АНДРЕЕВА

Кира КРЕСТЬЯНКИНА

г. Санкт-Петербург

Крестьянкина Кира (г. Санкт-Петербург) неоднократно занимала призовые места в районных, городских и областных конкурсах как прозаик. Является победителем в 2010 и 2011 гг. городского конкурса «Ступени» в номинации проза (г. Тула). Печатается в альманахах: «Иван-Озеро», «Ковчег», «На крыльях «Пегаса», «Сказки пряничного городка», «Пегасик», в газете «Крылья души», журналах: «Приокские зори», «Детский городок». Постоянный автор нашего альманаха.

НОВОГОДНЕЕ ЧУДО

Новый год был уже совсем близко. Все вокруг сверкало, переливалось, блестело. Казалось, все здания и деревья решили принарядиться к такому событию! Каждый знает, что Новый год — время чудес и чего-то неожиданно нового. Кто из вас не ждал с замиранием сердца волшебного момента, когда мы шагает из одного года в другой?

Этот декабрь выдался снежным. Что, безусловно, радовало не только восторженных детей, но и хмурых взрослых. Так что очень скоро во дворах стали появляться ледяные горки, снежные крепости, снеговики. Дети все никак не могли остановиться, играя в снежки, катаясь на горке и создавая все новые и новые сооружения и фигурки из податливого материала.

Лида тоже вышла на улицу. На ней была новенькая красная курточка и рукавички с очень красивым узором. И она была рада показаться в таком наряде во дворе. Подружки тут же позвали ее присоединиться к веселому катанию с горки. И через несколько секунд Лида уже мчалась по раскатанной горке, сидя на картонке. Мальчишки постарше катались стоя, балансируя при спуске. А девчонки, как и Лида, брали картон или специальные подстилки, собирались в паровозики и со смехом и визгом съезжали вниз. Лида совсем запыхалась, веселясь на улице, и уже собралась идти домой, но тут на глаза ей попался очень красивый снеговик. Правда, он был совершенно один. Тогда, недолго думая, девочка решила слепить ему компанию! Подружки со двора с радостью принялись помогать Лиде скатывать шары, которые после усердных трудов превратились в еще одного снежного героя, и его единодушно нарекли женой первого снеговика. Одна из девочек сообразила принести из дома кусок материи, который тут же был превращен в праздничное платье. А роскошную шевелюру снеговички соорудили из огромного количества палочек. Лицо, конечно же, украшал нос-морковка, а красные пуговицы превратились в губы прелестной снеговички. По крайней мере, девочки были от нее в восторге и считали ее самой настоящей раскрасавицей.

— Им кое-кого еще не хватает,— сказала Лида, когда все уже было готово, и девочки любовались своей работой.

— Кого? — удивились они.

— Ребенка, конечно,— с уверенностью заявила Лида.— Маленького снеговичонка!

И они снова принялись трудиться!

Снеговик вышел очень маленьким и милым, как ему и было положено. Он разместился между своими только что обретенными родителями.

Теперь-то Лида была полностью довольна их работой и проведенным на улице временем. Она побежала домой, чтобы рассказать все родителям, и в Новый год посмотрела в окно на счастливую семейку снеговиков, прежде чем сесть за стол.

А снеговик чмокнул в щечку снеговичку и потрепал радостного непоседливого снеговичонка по макушке. В эту волшебную ночь они были настоящей семьей, встречающей праздник.

Ведь у каждого должна быть семья, с которой он может встретить Новый год, правда?

Аркадий МАР

г. Нью-Йорк, США

Писатель и журналист, автор четырнадцати книг повестей и рассказов, изданных в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада). Член Союза писателей СССР, России, Москвы, Узбекистана. Член Международного ПЕН клуба. Издатель и главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY». Лауреат четырех литературных премий: «Лучшая детская книга России», «Артиады народов России», «Серебрянная Литера». Лауреат международной литературной премии Владислава Крапивина.

КТО ЖИВЕТ НА ЛУНЕ?

Детдом был в два этажа и очень старый. Вокруг него давно уже выросли высокие многоэтажные здания, а совсем рядом строилось еще одно. Тупоносые «ЗИЛы» с глухим урчанием подкатывали к стройке, вываливали на землю кирпич, песок, гравий. Чтобы не ездить в объезд, шоферы часто проезжали через детдомовский парк, и, наверное, от этого деревья долго не выпускали почки, хотя стоял уже март и было совсем тепло.

Потом пронесся слух, что детдом переведут в другое место. Об этом говорили целых две недели, и директор Виктор Матвеевич даже съездил куда-то на детдомовском старом жигуленке. Но слух оказался ошибочным, и разговоры прекратились.

А вообще, все были даже рады, что переезд не состоялся. Старый дом любили. Любили широкие перила лестниц — по ним очень удобно было съезжать вниз, единственные в городе лепные карнизы, паркетные полы, покрытые зеленым линолеумом, но все равно поскрипывающие под ногами...

Спальни первого класса находились на втором этаже, и их большие окна выходили в парк. Когда поднимался ветер, ветки деревьев задевали оконные стекла и Верке становилось страшно. Сразу вспоминались разные страшные сказки и истории, поэтому приходилось натягивать одеяло на голову и сжиматься в комочек. Хорошо Вике, она ничего на свете не боится и смеется над Веркиными страхами.

Но самое главное, у Вики целую неделю была мама!

Верка хорошо помнит тот день, когда высокая женщина в желтом сарафане уводила Вику из детдома. Она крепко держала Вику за руку и вела по главной аллее к воротам. Воспитательница Марина Андреевна, Верка и весь первый класс стояли у окон и смотрели. У самых ворот Вика обернулась и рукой, в которой держала шоколадный батончик в красной обертке, помахала всем...

Но ровно через семь дней Вика вновь появилась в детдоме. И на вопросы «почему вернулась?» молчала, только насупливала брови. И рассказала по-секрету только одной Верке.

— Я вазу нечаянно разбила. Хотела только посмотреть из чего сделана, а ваза упала и раскололась на маленькие кусочки. А та, которая меня из детдома забрала, сразу стала орать и даже ударила. Кричала, что ваза очень дорогая и мне нечего делать в порядочном доме, если не умею беречь дорогих вещей. И потом отвела назад в детдом...

Если положить подушки чуть выше, из окна, рядом с которым стоит Веркина кровать, видна луна. Светка из их класса много раз предлагала меняться кроватями и даже за это отдавала два зеленых фломастера, но Верка сама ночью любит смотреть на луну и звезды и поэтому отказалась. Сейчас она ляжет повыше и начнет смотреть...

Какая луна красивая! Еще недавно она была совсем даже и не луной, а маленьким месяцем. Сегодня же луна круглая и большая. А если внимательно на нее смотреть, то начинаешь видеть разные фигурки. Как будто на луне кто-то живет. Верка один раз рассказала про это Марине Андреевне, но та, почему-то рассмеялась.

— Это только кажется,— сказала Марина Андреевна.— Никто там не живет...

Непонятно.

Верка же видит человеческие фигурки на луне! И Дима их тоже видит... Ну ладно. Скорее бы наступило утро... Еще пройдет утро, день, вечер, и, уже на следующее число, у Верки будет день рождения. Вот здорово! Сегодня и завтра она будет еще самой маленькой в классе, а после дня рождения всех догонит. Ей тоже будет семь лет. Как Вике, Светке и всем-всем остальным.

Какой подарок подарят, она уже знает. Повар тетя Галя ей по секрету сказала, что на Веркины именины испекут большой торт. Наверное, вкусный будет... Торты Верка очень любит, только, к сожалению, их есть получается очень редко... Да, интересно, а какой подарок подарит Дима? Но об этом и спрашивать нечего, все равно не скажет. Придется потерпеть. Но все-таки интересно было бы узнать...

Вот самолет летит. Высоко-высоко, рядом с самой луной. А на концах крыльев огоньки мигают. Красные огоньки, как на детдомовской елке под Новый год. Хорошо, если бы Верка летела на этом самолете. Куда-нибудь далеко-далеко. А летчиком был ее папа. Он бы сказал: «Мы с Веркой приглашаем вас всех!» И широко раскрыл самолетные двери. В них вошли бы и Марина Андреевна, и директор Виктор Матвеевич, и

повар тетя Галя, и все-все, кто живет в детдоме. И даже детдомовская собака Лизка.

Папа посадил бы Верку рядом с собой, на летчицкий стул, и они бы полетели. Самолет летел бы высоко-высоко, совсем рядом со звездами и луной, и Верка бы посмотрела, живет кто-нибудь на луне или нет...

Как спать хочется... Глаза уже сами почти закрылись... Ладно, она сейчас закроет глаза совсем и уснет. Пусть только сон приснится интересный... А все-таки до дня рождения целый-целый день... Долго как...

Звуки горна сначала послышались с детдомовского двора, потом приблизились и уже звонкими и тугими ворвались в спальни.

— Подъем! — крикнула Вика.— Ну и проспали же мы!

— Совсем нет,— произнесла Светка, зевая и потягиваясь.— Виктор Матвеевич только подъем сыграл.

— Девочки, а какой хороший сегодня день будет! — сказала Верка. Она залезла на подоконник, потом прижалась лицом к стеклу.— Ой! Смотрите! — вдруг закричала она.— На клене почки появились!

Все подбежали к окну.

Это действительно было похоже на чудо. Крошечные пушистые комочки появились как-то сразу, за одну ночь. Они сидели на ветках старого клена и были похожи на нахохлившихся воробьев.

— Побежали смотреть? — предложила Верка.— Мы быстро, до завтрака успеем.

— Я не пойду,— сказала Светка.— И что в этом особенного? Подумаешь.

— Ничего ты не понимаешь! — заявила Вика.— Раз почки появились, значит, конец зиме. Пошли, Верка, одни смотреть.

Они быстро оделись и начали спускаться по лестнице.

— Давай сначала только воды напьемся,— предложила Вика.

— Иди пей, я тебя возле двери подожду.

Верка спустилась по лестнице до конца и остановилась у двери.

Эта обитая коричневым дерматином дверь была самой лучшей дверью на свете. Из-за нее приходили в детдом папы и мамы. Правда, сначала они еще не были папами и мамами. Папами и мамами они становились, когда уводили из детдома детей. Папы и мамы были самые разные: старые и не очень, высокие и низкие, приезжающие на красивых машинах и приходящие пешком. Но все это было совсем даже и не важно. Самое главное, это были папы и мамы.

Вот и сейчас дверь открылась, и из-за нее показалась женщина в коричневой шубе. Женщина пошла по коридору, оглядываясь по сторонам, и Верка со всех ног бросилась за ней. Догнав, Верка приняла независимый вид, прошла мимо, потом вернулась, и ее сердце забилось сильно-сильно, когда она услышала:

— Девочка, ты здесь живешь?

«Как будто она сама не знает»,— подумала Верка, но вежливо ответила:

— Да, здесь.

— А где кабинет директора?

— Пойдемте, покажу,— сказала Верка и взяла женщину в шубе за руку.

Пока они шли по коридору, Верка два раза прижалась щекой к коричневому меху. Мех был мягкий и пушистый, как свежевыпавший снег, только теплый. Длинный меховой ворс щекотал щеку, и Верка подумала: как хорошо было бы, если эта женщина станет Веркиной мамой.

Коридор окончился дверью с табличкой «Директор».

— Вот,— сказала Верка,— пожалуйста. А можно я вас здесь подожду?

Женщина удивленно посмотрела на нее и, ничего не сказав, открыла директорскую дверь.

Верка подошла к окну и села на подоконник. За окном ярко светило солнце, снег уже почти совсем растаял, и от земли поднимался пар.

Мимо прошла воспитательница Марина Андреевна, спросила:

— Ты что здесь сидишь? Пошли, сейчас завтрак будет.

— Ну, тетя Марина, ну пожалуйста, я сейчас приду.

— И что ты там увидела интересного? — спросила воспитательница и посмотрела в окно.— Вроде ничего нет.

Она хотела еще что-то добавить, но дверь директорского кабинета открылась, и из-за нее появился Виктор Матвеевич и женщина в коричневой шубе.

— Марина Андреевна,— сказал директор,— вы как раз мне нужны. К нам вот санитарный врач пожаловал. Покажите доктору спальни.

Верка слезла с подоконника, отвернулась. Она не знала точно, что значит — санитарный врач, но то, что эта женщина не заберет ее отсюда, было ясно, и Верке стало обидно. Так обидно, что слезы навернулись на глаза. Действительно, обидно, когда ждешь-ждешь — и не сбывается.

Почки на клене смотреть расхотелось, и Верка пошла назад в спальню. У лестницы она встретила Диму.

Дима был самым-самым лучшим Веркиным другом. На него можно было положиться во всем. Дима был уже взрослым — ему исполнилось целых одиннадцать лет, и Верка рассказывала ему все-все свои мысли. А часто Дима узнавал их сам. Как это у него получалось?

Вот и сейчас он посмотрел на нее и, не говоря ни слова, вытащил платок, протянул его Верке и спросил:

— Ты опять у двери была?

— Ко мне никто никогда не придет,— сказала Верка, вытирая глаза платком.— Приходят только к красивым, я знаю.

— Ты же красивая, Верка.

— Нет. Я каждый день в зеркало смотрю. У меня нос длинный и веснушек много.

— Ну и что? Взрослые в красоте ничего не понимают. Хочешь, расскажу, как будет? Заходит в группу Марина Андреевна и говорит: «Верка, к тебе папа пришел!»

— Дим, подожди. Я только глаза закрою. Все, закрыла, рассказывай дальше.

— Ну ты бежишь. И мы все за тобой, смотреть на твоего папу. А он торопится навстречу, поднимает тебя высоко, под самый потолок, и говорит: «Наконец я тебя нашел, наконец нашел! Теперь мы никогда не расстанемся!»

— А кто он, мой папа?

— Ну, не знаю. Инженер или писатель.

— Нет, я хочу, чтобы он был летчиком.

— Конечно, летчик. Просто я перепутал.

— Знаешь, Дим, даже глаза открывать неохота.

— Вы почему завтракать не идете?! — вдруг раздался голос директора Виктора Матвеевича.— А нука, быстро в столовую!

Веркино настроение стало гораздо лучше. Хорошо иметь друга, который может тебя понять. Они уже вошли в столовую, когда Верка зашептала в Димино ухо:

— Ладно, пусть он будет инженером или писателем. Только пусть он будет...

Во время завтрака в столовую зашел директор и громко сказал:

— Хочу всех обрадовать. Вечером к нам приедут артисты и покажут спектакль «Тимур и его команда».— Он подождал, пока закончится восторженный гул, и добавил: — По столовой сегодня дежурит седьмой класс, но я его хочу попросить подготовить актовый зал к спектаклю. Так что дежурить будет четвертый. А в следующий раз поменяетесь. Согласны?

— Да! — закричали все.

После завтрака разговоры были только о вечернем спектакле, и четвертый класс, так неожиданно оставшийся дежурить, быстро убирал со столов и мыл посуду. И никто не заметил, что среди них нет Димы...

Дима перелез через детсадовский забор и оказался на улице. Он заспешил за ближайший угол, стараясь, чтобы его не увидели из окон детдома. Потом задумался.

От угла отходили сразу три улицы. Улицы были совершенно одинаковые: торопились люди, у перекрестков автомобили выстраивались в ряд, а когда светофор подмигивал зеленым глазом, срывались с места и неслись вперед.

К остановке подъехал красно-желтый троллейбус, широко распахнул створки дверей, и Дима вдруг неожиданно для себя побежал через дорогу. Он вскочил на подножку, шагнул в салон — троллейбус тронулся с места и плавно покатил по асфальту.

— Граждане, передавайте за проезд,— усталым голосом произнесла кондукторша.

Дима отвернулся и стал смотреть в окно.

— А ты, мальчик? — спросила кондукторша.— Быстро плати.

— У меня денег нет.

— Зачем тогда в троллейбус сел? Шел бы пешком, если денег жалко.

— Я за него заплачу,— вмешалась девушка в оранжевой нейлоновой куртке со свернутыми в трубку чертежами в руках.— Вот, возьмите.— Она протянула деньги кондукторше.

— Спасибо,— сказал Дима девушке.

— А ты куда едешь? — поинтересовалась она.

— В аэропорт.

— В аэропорт? — удивилась девушка.— Зачем же в этот троллейбус сел? Он совсем в другую сторону едет.

— Я думал, что все улицы ведут в аэропорт.

— Ну ничего. Сойдем на следующей остановке, и я объясню, как доехать...

Троллейбус остановился, и они вышли из салона.

— Теперь нужно дойти до сквера и сесть на автобус номер шесть,— сказала девушка.— Тебя одного так далеко родители отпускают?

— У меня нет родителей.

— Как нет? С кем же ты живешь, с бабушкой что ли?

— Я в детдоме живу,— ответил Дима.— А у вас нет знакомых летчиков?

— Летчиков? Летчиков знакомых нет,— удивленно произнесла девушка.

— Тогда до свидания. Мне идти нужно.

— Постой, постой! Нам по пути. И, потом, мы не познакомились. Я — Лариса. А тебя как зовут?

— Дима... Вам тоже в аэропорт надо?

— Нет, в институт. Давай, я тебя до сквера провожу.

И пока на светофоре не зажегся красный огонек, они побежали через дорогу.

— Ты так быстро бежишь,— сказала Лариса.— За тобой не угонишься.

— Это еще тихо,— кивнул головой Дима.— В детдоме я лучше всех бегаю.

— А кого ты должен в аэропорту встретить? Родственников?

— Нет. Мне нужно летчика найти. Я хочу, чтобы у Верки отец был.

— У какой Верки?

— Вам правда интересно?

— Правда.

— Тогда расскажу. Верка очень хорошая и добрая. Только очень переживает, что к ней никто не приходит. Есть дети, которые могут все время жить в детдоме, а Верка не может. Зимой она сильно болела, и врач сказал, что от простуды, а я знаю, что не от простуды. И похудела она сильно.

— А почему тебе именно летчик нужен?

— Это не мне, это Верке. Она мечтает, чтобы к ней летчик пришел. А завтра у нее день рождения.

— Сколько же ей лет?

— Завтра семь исполнится.

Они и не заметили, как подошли к скверу. Высокие деревья, словно привстав на цыпочки, тянули покрытые пушистыми почками ветки к небу. Земля была черной, и только крошечные снежные островки виднелись рядом с самыми толстыми стволами.

Из-за поворота показался автобус.

— Дима,— вдруг сказала Лариса,— давай вместе поедем в аэропорт.

— Вам же в институт нужно?

— Ничего. Я тоже хочу, чтобы Верка больше не переживала...

Аэропорт встретил их ревом моторов и шумом толпы. Дима впервые в жизни видел такое количество людей. Люди делились на две половины: одни бежали куда-то, сталкиваясь, ругаясь и налетая друг на друга. Другие же спокойно сидели на стульях посреди огромного зала, читали газеты, что-то ели, дремали.

Оттого что людей было так много, Дима опешил и даже немного растерялся. Он прижался спиной к высоченной колонне, уходящей вверх, под самый потолок, и, повернув вбок голову, глядел на проходящих мимо людей.

— Ну что же ты стоишь? — окликнула Лариса. — Нам же нужно летчика найти.

И они пошли по залу, оглядываясь по сторонам.

— Вон, вон, смотри! — закричал Дима, показывая на полного мужчину в форменном летном кителе.

Он побежал к нему навстречу и крепко схватил за рукав.

Тот удивленно посмотрел на Диму, осторожно высвободил рукав.

— Я вас очень прошу, пожалуйста,— быстро заговорил Дима.— Верка очень переживает. Заберите ее из детского дома!

Глаза у летчика почему-то стали круглыми, он кашлянул два раза и спросил:

— А кем тебе эта Верка приходится, сестрой, что ли?

— Нет, и не сестрой совсем. Мы с ней в одном детдоме живем.

Летчик почесал затылок, немного подумал и сказал:

— Знаешь, пацан, я бы взял твою Верку, но у меня у самого четверо детей. Так что не обижайся.

Он похлопал Диму по плечу и пошел по своим делам...

— Дима, ты только не растраивайся,— утешительно сказала Лариса, увидев, как он, отвернувшись, размазывает по щекам слезы.— Давай я попробую.

— А у вас получится?

Лариса хотела что-то ответить, но тут из висящего на стене большого динамика хриплый голос произнес на весь зал:

— Граждане пассажиры! В связи плохими метеусловиями рейс номер 4941 задерживается до девятнадцати часов!

Полированные желтые двери с табличкой «Служебный вход» приоткрылись, и из них вышел молодой парень в летной форме. Его фуражка с лакированным козырьком и золотым пропеллером была надвинута так низко на лоб, что было непонятно, как это он идет, совсем не глядя под ноги.

Лариса наклонилась к Диме и сказала:

— Подойдем к нему?

И они подошли к летчику.

— Вы не уделите нам несколько минут? — попросила Лариса.

Летчик повернулся к ним, двумя пальцами приподнял козырек, и Дима увидел, что у него голубые-голубые глаза.

— Даже не знаю, как начать,— волнуясь заговорила Лариса.— У нас дело очень необычное. В детдоме живет девочка, и завтра ей исполняется семь лет. Она недавно очень сильно болела и мечтает на свой день рождения увидеть настоящего летчика. Вы не смогли бы к ней придти?

— Ее Веркой зовут! — перебивая Ларису, быстро произнес Дима.— Она сильно переживает, что к ней вообще никто никогда не приходит.

— Конечно, приду, обязательно приду,— улыбнувшись Ларисе, согласился летчик.— Я тоже хочу, чтобы Верка не переживала.

В динамике что-то щелкнуло, и тот же хриплый голос произнес:

— Штурман Коростелев! Вас ждут у самолета!

— Это меня,— сказал летчик.

— А вы не забудете? — с надеждой спросил Дима.— Правда придете?

— Я же обещал... Верке передавайте привет. И спасибо за приглашение.

Он заторопился, но вдруг, будто что-то вспомнив, подошел к ним опять.

— А адрес, адрес вы не сказали!

— Запишите,— произнес Дима.— Улица...

— Знаете, что,— предложил Коростелев,— давайте вместе Верке подарок выберем. Завтра буду ждать вас в три часа возле ЦУМа. Хорошо?

— Хорошо! — ответил Дима за себя и за Ларису...

Они вышли из аэропорта на залитую солнцем площадь.

— Мне возвращаться надо,— сказал Дима.

— Давай я тебя отвезу.

Лариса подняла руку, и к ним подъехала машина с шашечками на боку. Они сели на заднее сиденье, такси стронулось с места и, набирая скорость, помчалось по весенним улицам.

Дима выглянул в окно.

Высоко-высоко в небе, похожем на голубые глаза летчика Коростылева, плыл крошечный самолетик. Он то пропадал за мохнатыми белыми облаками, то появлялся вновь.

Дима высунулся из окна и помахал ему рукой.

Анна ВОРОНИНА

г. Сельцо Брянской области

Анна Васильевна Воронина родилась в с. Бобрик Погарского р-на Брянской обл. Пишет стихи и прозу. Лауреат и дипломант различных литературных конкурсов, участник фестивалей и поэтических чтений. Стипендиат им. П. Л. Проскурина. Член МСПМИ. Заместитель руководителя ЛитО «Парус». Входит в редакционный совет литературного альманаха «Белые паруса». Создатель детской творческой студии «Мастерская словесности». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

РАССКАЗЫ ПРО ПАШКУ И МАРИНКУ

ГДЕ РАСТУТ КАМНИ

Дедушка выкатил из гаража тачку. Проверил колеса. Застелил на дно тряпицу, на нее положил небольшой сверток.

Пашка и Маринка оставили игру и с интересом наблюдали за приготовлениями.

— Деда Женя, ты куда? — спросил мальчик.

— Бабушка попросила привезти камней — цветник украсить. Она их разложит между растениями, красиво будет.

— Можно и мне с тобой?

Паша схватил тачку за ручку и с нажимом подтолкнул, она немного проехала вперед и застряла.

— Помогать буду,— заверил мальчик.

— И я! — присоединилась Маринка.

Вдвоем справиться оказалось проще, тачка тронулась с места и легко покатилась.

— Конечно, можно! С такими помощниками я враз справлюсь.

Они вышли за калитку.

— Деда, а что это? — Марина показала на сверток.

— Хлебушек — гостинец для лесных жителей.

— Для зайчика и лисички?

— Для птичек, а что останется — муравьишки разберут,— пояснил дедушка.

У реки остановились на отдых. В прозрачной воде, ловко извиваясь черными спинками, плавали маленькие рыбки.

Паша бросил травинку, но крошки совсем не испугались, а, наоборот, подплыли ближе и стали дергать в разные стороны. Травинку унесло течением, а рыбешки вернулись к мостику.

Дедушка перенес тачку на другой берег, и они отправились дальше.

— Деда, а далеко идти?

— Уже нет. До леса доберемся, и мы на месте.

— Камни там? — поинтересовалась Марина.

— Почти. Рядом с лесом поле, на нем они и растут.

— Как цветы? — изумилась девочка.

— Это так говорят, что камни растут. На самом деле они лежат глубоко в земле, а потом поднимаются наверх.

— А почему поднимаются?

— Я знаю! — закричал Пашка.— Их кроты и мыши выбрасывают из норок, чтобы не мешали.

Дедушка засмеялся и потрепал внука по макушке.

— И звери свою лепту вносят. Но основную работу делают вода и человек. Как мороз ударит, вода в земле замерзает и давит на этот камень снизу. Вроде бы куда воде с камнем совладать? Ан нет — даже валуны выталкивает! А потом люди в работу включаются: пашут, сажают, землю рыхлят, урожай собирают, а вместе с урожаем и камни прорастают.

На опушке леса дед Женя развернул сверток и достал краюшку хлеба. Разломил ее на три части.

Одну положил на небольшой мшистый пень:

— Кушайте, лесные жители.

Пашка и Маринка взяли свои кусочки и оставили рядом. Тут же показался муравей, дотронулся и убежал прочь.

— Дедушка, ему не понравился наш хлеб?

— Не переживай, внученька, это муравей-разведчик, он сейчас своих братишек позовет. Все заберут, ни крошки не оставят.

Они прошлись вдоль леса.

— Вот мы и на месте.— Дедушка остановился.

Пашка сразу отбежал подальше, он очень хотел найти самый большой камень.

Маринка осмотрела поле — такое огромное. То тут, то там пробивается трава. Правда, таких островков еще совсем мало. Красиво! Но где искать камни — непонятно.

— А это первый урожай.— Дедушка поднял с земли светло-серый камушек.

Марина провела рукой.

— Какой гладкий! И теплый!

Дедушка аккуратно передал находку девочке. Камень с трудом уместился в ладони.

— Тяжелый… Можно я себе оставлю?

— Конечно, внученька!

Работа закипела. Тачка быстро заполнялась.

— Нашел! — Паша с гордостью указал на камень с большой арбуз.

Вскоре они отправились в обратный путь. Пашкин камень занимал почетное место в центре тачки.

Возле дома их ждала бабушка. Мальчик выбежал вперед:

— Бабушка, смотри, какой я камень нашел!

— А мой самый красивый! — Марина показала свой камушек.

— Какие же вы молодцы, мои хорошие! — Бабушка обняла внуков.— У нас будет самый красивый цветник.

КЛАДОИСКАТЕЛИ

Паша сидел на лавочке под старой яблоней и листал книгу. Блестящую, с черно-синей обложкой. На темном фоне изображен грозный корабль. Черный флаг развивается на ветру. Вот-вот начнется шторм. Ярко-красными буквами выделено название — «Пираты».

Летом дети гостили у бабушки и дедушки, родители приезжали каждые выходные и привозили что-то особенное. В этот раз Пашка получил книгу о пиратах.

Мальчик просил взрослых читать и слушал, затаив дыхание. Когда же все были заняты, он рассматривал картинки.

— Паш, давай в дочки-матери,— в который раз позвала играть брата Маринка.

Девочке тоже привезли подарок — куклу-пупса. С розовым чепчиком, сменой одежды, даже бутылочкой и погремушкой. Маринка назвала «свою доченьку» Дашей.

— Паш, пожа-а-а-а-луйста,— протянула девочка,— а я тебе потом почитаю.

Марине скоро в школу, и она уже умеет читать по слогам.

— Давай в дочки-матери на пиратском корабле! — предложил Паша.

— Ты что! — возмутилась Маринка.— Морские приключения опасны для таких малышей, как Даша.

— Тогда давай клад искать? Это совсем не опасно,— Пашка задумался.— Может, чуть-чуть опасно, но точно не так, как на корабле. У меня и карта есть!

Мальчик раскрыл книгу и показал сестре. Красный крестик сразу приковывал взгляд. Пунктирной линией к нему тянулась такая же красная дорожка. Она проходила рядом с кривым деревом, огибала гору, потом шла через мост мимо длиннющей змеи. Почти у самого крестика изображен улыбающийся пират.

— И что там за клад? — спросила Марина, рассматривая всю карту.

— Что-то очень ценное! Настоящие сокровища!

— Даша еще мала для таких путешествий.— Девочка еще раз посмотрела на карту.— Но она может пока поспать в своей кроватке. Поможешь мне ее уложить?

Брат кивнул. Они спели колыбельную. Марина положила куклу на лавочку и объявила, что «доченька» спит, поэтому можно отправляться на поиски клада.

Дети начали подробно изучать карту.

— Это что за молния? — Марина показала на значок в форме зигзага.

— Буква «Эн». Она означает север. Мне дедушка рассказал, что нужно карту положить так, чтобы север на карте указывал на наш север.

— А как нам узнать, где наш север?

— Север — это там, где холодно.

— Тогда север в подвале?

— Точно! — Паша развернул книгу так, чтобы буква была поближе к подвалу, и продолжил: — Мы здесь, в самом начале пути. Нужно найти это дерево.

— Пашка, оно похоже на нашу яблоню! Ветки такие же кривые и закрученные.

Мальчик поднял карту, чтобы сравнить. Дерево и впрямь оказалось очень похожим на то, что в книжке. Столько же веток, наклон, а самое интересное — это рисунок на коре в форме крестика.

— Марина, ты — настоящий пират! — восторженно проговорил Пашка.

Дети встали под деревом и осмотрели двор. Теперь нужно было отыскать гору, но ничего похожего они не находили.

— Может, это и не гора вовсе? — спросила Маринка.

— На сапог похоже, но откуда на пиратской карте сапоги? — удивился мальчик.

— На пиратской — не знаю, но у нас сапоги есть — дедушкины, он их сушить поставил — вот там. Теперь нужно найти мост.

— Легкотня! — махнул рукой Пашка и показал на лавочку: — Вот наш мост.

— Но это же Дашина кроватка! — возмутилась Маринка.

— А давай и кроватка, и мост — по очереди. Сейчас это будет мост, а Даши как будто здесь нет,— предложил выход мальчик, запрыгнул на лавочку и аккуратно прошел по ней.— Я уже на другой стороне обрыва!

Марина проверила, как там «доченька», и шагнула на «мост».

— Паш, а ущелье глубокое?

— Конечно!

— И крокодилы там водятся?

— Ага!

— Паша, я боюсь,— пропищала девочка.

— Марин, это же понарошку.

— Я и боюсь понарошку.

— Понял,— тихо сказал Пашка и громко добавил: — Я спасу тебя!

Он протянул сестре руку:

— Держись!

— Стараюсь! — протянула Маринка и схватилась за брата.

Вдвоем они пересекли глубокое ущелье, полное крокодилов.

— Смотри, змея! — Пашка прижал палец к губам.— Т-с-с, она спит. Может, нас не заметит.

Дед Женя вышел во двор и увидел внуков, крадущихся вдоль садового шланга.

— Чем занимаетесь? — поинтересовался дедушка.

— В пиратов играем, сокровища ищем.

— Тогда защищайтесь! Я — свирепый капитан Крюк,— дедушка взмахнул воображаемым мечом.— Не ждите пощады!

Мальчик не растерялся и принял бой. Маринка же снова рассматривала карту.

— А я знаю, где клад!

Паша с дедушкой прекратили сражение и быстро заключили перемирие. Правда, пришлось пообещать капитану Крюку часть найденного сокровища.

Марина провела пальчиком по карте:

— Мы прошли дерево, гору-сапог, мост, змею и встретили пирата. Мы на месте — клад в здесь, песочнице.

— В пустыне,— шепотом подсказал Пашка.

— Ой, да, в пустыне,— исправилась девочка.

Схватив лопатки, дети стали копать. Они выкопали несколько круглых плоских камушков.

— Это же настоящие пиратские монеты! — обрадовался Пашка.

— Ого! — Марина подняла маленький блестящий предмет.— Это же сережка!

— Ай да находка! Бабушка ее долго искала, нигде найти не могла. Вы настоящие кладоискатели! — похвалил дедушка.

ТАИНСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ

Зима в этом году выдалась бесснежной, но однажды снег все-таки пошел. И все вокруг укрыло белым невесомым покрывалом.

Пашка забежал в дом.

— Марин, пойдем во двор, там такие странные следы…— позвал он сестру.

— И что же в них странного?

Марина была старше брата на целый год и поэтому не верила во всякие странности и таинственности.

— Совсем непонятно, чьи они… Будто на лыжах кто-то катался,— сбивчиво пояснил мальчик,— точнее, на одной… И следов человеческих нет. И нечеловеческих тоже.

— Это кот соседский, он постоянно к нам захаживает,— без особого интереса ответила девочка и продолжила заниматься своим делом.

— Ага, как же, кот на лыжах! — засмеялся Пашка.— Не знаешь, так молчи!

Марине стало обидно:

— Пойдем, посмотрим на твои следы. Я сразу скажу, чьи они.

Ребята вышли во двор.

Девочка внимательно осмотрела след.

— Похоже на змеиный.

— Папа сказал, что у нас не водятся такие большие, да и змеи зимой спят.

— А может, одна не спит?

— Ага, тебя ждет,— буркнул брат.

Павлик показал на снег возле калитки и произнес, прямо как настоящий сыщик:

— Снег не тронут, нарушитель попал во двор другим путем.

— А тут уже след есть,— добавила Марина на место у крыльца.

— Так, посмотрим-посмотрим, куда он ведет.

Юные следопыты прошли вдоль дома, внимательно вглядываясь в снег под ногами.

— Смотри, след по стене идет,— показала Марина.

Дети остановились. Снега под самым домом было мало, но видно, как след шел то по земле, то по снегу у самого дома.

— Все это очень-очень странно,— прошептала девочка и схватила брата за руку.

Они осмотрелись и медленно отправились дальше.

— Словно метлой кто-то мел,— показала Марина на снег у забора.— Может, это Баба-яга?

— Ее не существует! А вот тут можно было пробраться во двор.— Паша присел на корточки и рассмотрел углубление в снегу под забором. А затем разрыл руками проход, который вел на улицу.

— Но тут же было все засыпано! — негодовала сестра.— Этот кто-то потом, что — зарыл проход?

— Все может быть,— с важным видом заключил брат.

Ребята все ходили и ходили по следам, рассматривали, трогали снег, даже нюхали, но чьи они, так и не узнали.

Мама позвала ужинать. Во время еды Паша и Марина перебирали разные варианты.

— Это ласка,— предполагал мальчик.

— Нет, белка,— возражала сестра.

— Это дракон летел и хвостом чертил по земле.— Паша провел вилкой по тарелке с картошкой — остался след.— Вот так.

— Драконов не существует.

— А кто тогда?

— Узнаем!

После ужина брат с сестрой решили подкараулить нарушителя. Они расположились у окна, но все было спокойно: ни драконы, ни ласки, ни белки не появлялись. Паша и Марина так и заснули, сидя в кресле и держась за руки.

На следующий день снег растаял, следы исчезли. Дети все реже вспоминали, а потом совсем забыли о происшествии.

Когда через пару недель с неба посыпался крупный снежок и сразу появились сугробы, ребята вышли во двор. Марина сидела на санках, которые тянул Паша. Мальчик упирался — не так просто было везти сестру. На кочке санки наклонились, и Марина осталась сидеть на снегу. А Паша уже убегал, таща за собой санки.

Вдруг девочка окликнула брата:

— Смотри, те самые следы!

Паша посмотрел на след от санок:

— Он широкий.

— Нет! Здесь! — Марина показывала на снег в стороне.— Паш, идем домой. Мне так страшно!

Уже на крыльце Марина вспомнила:

— А санки? Мама заругает, что бросили.

— Сейчас я заберу.

Паша побежал за санками. Сестра наблюдала из-за угла дома. Вдруг мальчик замер, а прямо перед ним пробежала большая собака. Она ступала аккуратно, видно, не хотела лишний раз опускать лапы в снег. На шее висела цепь, которая тянулась за ней, оставляя широкую полосу и стирая следы лап.

— Марина, выходи, не трусь. Я поймал нашего дракона,— засмеялся брат.

— Бунтарь, Бунтарь! — позвал Паша.— Иди сюда!

Пес посмотрел на мальчика, завилял хвостом, подбежал и уткнулся мордой в руку.

— Привет, Бунтарь! Ты опять из дома сбежал,— погладила девочка собаку.— И напугал же ты нас!

ЛУЖА МОРЕ

Уже несколько дней шел дождь. Но если взрослые огорчались, то детей это ничуть не расстраивало, и они с радостью отправлялись на прогулку.

Маринка с Пашкой вышли на крылечко в новеньких резиновых сапогах. У девочки сапожки красные в белый горошек, на каждом бантик — настоящие девчачьи. Но главное достоинство — они были высокими, до самого колена, в таких и море перейдешь запросто. В руке Маринка держала зонтик — тоже красный, в горошек, что очень-очень нравилось девочке.

Пашкины сапожки — темно-синие, пониже, чем у сестры, но зато они быстрее, ведь на них машинки — гоночные!

От непогоды ребят защищали плотные курточки и шапочки.

Мальчик выглянул из-под темно-синего зонта и посмотрел на небо — дождь заканчивался.

— Айда по лужам! — выкрикнул брат.

— Мы маме обещали в воду не заходить,— важно шагая за братом и придерживая зонт, напомнила Маринка.

— Смотри! — Пашка подпрыгнул, вода расплескалась в разные стороны, попала на сестру.

— Я маме расскажу,— пригрозила девочка.

— Ты просто трусишка!

— Ах, так! — Марина сделала шаг в воду.— Я не трусишка, а покорительница лужи… Лужи Кошки…

— Почему Кошки?

— Ты посмотри: она по форме на кошку похожа.

Мальчику стало завидно, что у сестры лужа с названием, а у него нет.

— А у меня лужа Вертолет,— заявил он.

— Почему Вертолет?

— Потому что я так назвал.

— А у меня Жираф,— Марина стала в другую лужу, воды в ней было уже больше.

— А у меня Диван…

— Шкаф…

— Крокодил…

Брат с сестрой перебегали от одной лужи к другой, придумывали им названия. Дети разыгрались и совсем забыли про обещание маме.

— Вот это лужа! — крикнул Паша.

— Лужа Море,— восторженно подхватила сестра.— Пойдем!

— Может, не надо? Я видел, как тут экскаватор копал.

— Струсил?

Марина сделала аккуратный шажок. Лужа Море оказалась совсем не глубокой. Еще шажок… Кажется, безопасно. Пашка присоединился к сестре. Совсем расхрабрившись, дети спокойно расхаживали взад-вперед.

— Большая, но неглубокая. Совсем не море…

Девочка сделала еще шаг к центру лужи, нога ушла вниз, Маринка поскользнулась, и ее потянуло в глубину. Одежда быстро намокла и мешала выбраться.

— Марина, Марина! — Пашка в испуге смотрел, как сестра погружается в коварную лужу. Он не знал, как помочь, и заплакал.

Девочка сделала рывок и потянула руку к Паше. И лишь со второго раза брат смог ее вытащить.

Оба промокли. Лужа Море забрала себе красные сапожки в горошек. Два зонта тоже остались лежать в воде.

Пошел дождь. От холода трясло так, что Марина и Паша не могли сказать ни слова. Хватало сил только бежать. Паша всхлипывал и строго следил, чтобы сестра не отстала.

Удивительно, но мама даже не стала ругать их, только всплеснула руками:

— Горечки вы мои! Быстрее…

Она помогла раздеться, искупала в горячей ванне, сильно-сильно растерла полотенцем. А после завернула Пашу и Марину в самый теплый плед, который раньше доставали только зимой, и напоила чаем с медом.

Брат с сестрой прижимались друг к другу.

— Больше никогда не буду ходить по лужам…— пообещала Марина.

— И я,— добавил Паша.

Рагим МУСАЕВ

г. Тула

Мусаев Рагим Гашамович — драматург, помощник художественного руководителя Тульского академического театра драмы. Более 50 постановок в театрах России, Беларуси, Украины, Луганской народной республики, Казахстана, Великобритании. Лауреат международной литературной премии «Славянские традиции», всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, национальной премии за доброту в искусстве «На благо мира». Член Союза театральных деятелей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Наш постоянный автор.

СКАЗКА СЕВЕРНОГО ВЕТРА

пьеса для театра кукол по мотивам фольклора народов севера

Действующие лица

Мать
Яляне,
ее дочь семи лет
Хадко,
ее сын шести лет
Маяне,
злой дух
Щенок лайки
Северный Ветер

Пролог

Ветер. Слышишь...? Ты меня слышишь..? Глазами меня не ищи... Меня нельзя увидеть... Можно лишь услышать... Шум слышишь? Это я. Ветер! Только ветер не обычный. Северный. Это я приношу вам первый снег и холода. Ведь живу я среди льдов и снегов, где царствуют мороз и вьюга. Там зима длинна как ночь, а лето коротко как счастье. Но там тоже живут люди. И тоже непростые. Они сильны, дружны и трудолюбивы. Другие среди снегов не выживут. А если начать лениться и ссориться, то… Впрочем, смотрите и слушайте. Сегодня я принес вам нашу северную сказку.

Картина первая.

Ночь. Пурга. Завывает ветер.

Постепенно проявляется небольшой пучок теплого света. Он разрастается. Становятся заметны очертания чума, наполненного теплым светом очага. Слышны детские голоса. Открывается чум. Женщина хлопочет у очага, тихо напевая. Девочка привязывает к ветке разноцветные ленточки — готовится к празднику встречи весны. Брат девочки играет с щенком. Мальчик накрывается оленьей шкурой, изображая злого духа и пугая собаку. В конце концов мальчик пугает сестру.

Яляне *(пугаясь)*. Мама! *(брату)* Ты напугал меня, Хадко!

Мальчик продолжает бороться с одеялом.

Хадко *(низвергая шкуру)*. Я победил тебя, Злой Дух! Победил!

Мама. Хадко, наш защитник!
Хадко. Мама, я как отец!
Мама. Да, Хадко. Твой отец был сильным и смелым. И ты будешь таким.
Ялене. Мама, я тоже вырасту сильной и смелой?
Мама. Доченька моя, Яляне. Ты вырастешь доброй и заботливой.
Хадко. А я скоро пойду на охоту и убью нам много зверей!
Мама. Нет! Что ты! Нельзя стрелять в зверя просто так.
Хадко. Почему?
Мама. Охотник берет у природы лишь необходимое, без чего ему не прокормить семью.
Хадко. А если взять больше?
Ялене. Проснется злой дух Маяне?
Мама. Да, проснется. И тогда плохо станет всем.
Хадко. Эта Маяне всегда просыпается не вовремя.
Мама. Она просыпается лишь тогда, когда меж людьми вспыхивает злоба или несправедливость.
Ялене. А в другое время она спит?
Мама. Спит. И вам пора отдыхать, сил набираться. Ведь завтра с восходом солнца начнется большой праздник!

Мама укладывает детей.

Хадко и Ялене *(хором)*. Птичий праздник!?
Мама. Да. Праздник весны. Его принесут на крыльях первые перелетные птицы.
Ялене. Черные вороны!
Мама. Черный — цвет земли, появившейся из-под снега. Это цвет весны.

Мама поет колыбельную.

Тише, ветер, спят мои деточки.
Ягодки мои с одной веточки.
Ветер, научи сына мудрым быть.
Дочку научи всем тепло дарить.
Чтоб огонь сердец хранили,
Чтобы всех людей любили.
Это радость — быть всем вместе!
Будем вместе, будем вместе…

Картина вторая.

Поднимается солнце. Чум пуст. Идет перестановка: расправляются, устанавливаются жерди, растягиваются веревки с привязанными разноцветными ленточками. Начинается птичий праздник — встреча весны. Появляются дети с ветками, украшенными разноцветными ленточками. Вокруг них вьется щенок. Мама играет на бубне, призывая весну.

Мама *(заговаривает весну)*.
Ветер-ветер! Всюду ты веешь.
Ветер-ветер! Все ты умеешь.
Лети туда, где трава зелена.
Спеши туда, где земля черна.
Ветер-ветер! Всюду ты веешь.
Ветер-ветер! Все ты умеешь.
Принеси тепло, подними волну!
Пеньем птиц звени, разбуди весну!
Ветер-ветер! Всюду ты веешь.
Ветер-ветер! Все ты умеешь.

Ялене. Смотрите! Летят!
Мама. Воронушки прилетели! Это весна!
Ялене. Ура, вороны!
Хадко. Весна! Весна! Какие они добрые, эти птицы!
Мама. Старики сказывали, будто в птицах небесных живут души предков наших. Будто умирая, не уходят они насовсем, а рядом живут с детьми и внуками. Если, конечно, обиды на них за дела дурные не таят. И как на земле у каждого свое ремесло, так и на небе каждая птаха своим делом занята. Вороны землю ото сна

пробуждают, глухари сон хранят, гагары от болезней стерегут. У птиц все как у людей. Разве говорить не могут. Но и птицы, и люди понимают язык сердца. У черного сердца он злой, у белого — добрый.
Ялене. Язык сердца? Как же его услышать?
Мама. А музыка для чего?! Песня?! От черной песни враждой и холодом веет, а от белой жить хочется, да радоваться!

Дети поют и танцуют. Мать играет на гуделке, приветствуя птиц. Те в свою очередь кружат в весеннем танце. Щенок смешно прыгает, пытаясь играть с воронами. Все смеются.

Ялене. Мама, какая красивая песня! Она похожа на ветер!
Мама. Да, доченька! Это песня ветра, принесшего весну!

Хадко берет мамин бубен и начинает в него играть.

Ялене. Хадко, дай и мне поиграть на бубне.
Хадко. Потом дам.
Ялене. Мне сейчас хочется.
Хадко. И мне хочется.
Ялене. Тоже сейчас?
Хадко. Отстань, глупая девчонка!
Ялене. Не отстану!

Дети ссорятся. Каждый тянет бубен себе. Музыкальный инструмент разрывается. Шум ветра. Из бубна вылетает Маяне. Она кружит вокруг людей. Гремит гром.

Мама. Первый весенний гром! И первый дождь!
Ялене. Гром? Я боюсь!
Хадко. Ха-ха-ха! Глупая девчонка!
Мама. Дождь напоит землю, а она даст жизнь цветам и травам. Это хорошо.
Ялене. Чего хорошего. Мы вымокнем до нитки.
Мама. Прячьтесь под мою шубу. Дождь весной холодный. Еще заболеете. Домой, скорее домой.

Мать укрывает детей и уводит их домой. Дождь. Шум ветра. Дух летит за людьми.

Картина третья.

Перестановка. Снова возникает чум. Мать разводит огонь в очаге. Она кашляет.

Мама. Дети, я за водой. Следите за огнем. Да только не сожгите все ветки разом. Подбрасывайте по одной веточке, чтобы пламя все время горело. Если очаг погаснет, мы останемся без тепла и пищи.

Мать берет ведро и уходит.

Ялене. Хадко, подбрось веток в огонь.
Хадко. Нечего мной командовать. Сама подбрось.
Ялене. Не хочу. Я могу испачкать свои руки.
Хадко. И я не хочу. Мать тебе сказала за огнем следить.
Ялене. Нет, тебе.
Хадко. Тебе! Тебе!
Ялене. Сейчас как стукну!

Раздается зловещий хохот. Это появился Маяне. Она начинает кружить вокруг чума, но пока боится войти.

Ялене. Ах, ты так!
Хадко. Так! Вот тебе, получи!

Хадко бросает все ветки в огонь. Очаг ярко вспыхивает.

Ялене. Зачем все сразу?! Мама так никогда не делает!
Хадко. Ты знаешь как, ты и делай!
Ялене. Ах, ты так? Вот тебе!

Дети бьют друг друга. Хохот усиливается. Злой дух проникает в чум. Побитые дети расходятся по углам чума. Маяне подлетает к Ялене.

Маяне. Ялене! Ялене! Я к тебе обращаюсь!
Ялене. Кто ты?
Маяне. Твой друг.
Ялене. Друг?
Маяне. Как ты хорошо проучила этого мальчишку!
Ялене. Хорошо?
Маяне. Жаль только свои белые ручки ушибла.
Ялене. Ушибла.
Маяне. Такую красоту беречь нужно!
Ялене. А я красивая?
Маяне. Очень! Только посмотри, какие у тебя волосы!

Ялене берет зеркало. Маяне начинает расчесывать волосы девочки. Тем временем огонь в очаге постепенно сникает.

Ялене. Волосы…
Маяне. А глаза!
Ялене. Глаза?
Маяне. Как звезды! А какая белая кожа!
Ялене. Моя кожа?
Маяне. Как первый снег!
Ялене. Значит, я красивая?
Маяне. Очень!
Ялене *(подумав)*. Врешь. Разве я красивая? *(подумав еще раз)* Я очень красивая!
Маяне. Да! Ха-ха-ха! Да! Да! Да!

Возвращается мама. Маяне прячется. Ее кашель усиливается.

Мама. Вот и я *(кашляет)*. А что с нашим очагом? Он почти потух *(кашляет).* Почему вы не подбрасывали ветки? Ялене?
Ялене. Это все Хадко. Я говорила ему, он не послушал.
Мама. Хадко!
Хадко. Это Ялене. Не мужское дело возле очага возиться.
Мама *(кашляет)*. Я вас двоих просила. И вы оба не справились. Собирайтесь. Мы идем за новыми ветками, пока очаг не потух окончательно *(кашляет).* Ялене!
Ялене. Во всем виноват Хадко, пусть он и идет.
Мама. Хадко!
Хадко. Раз Ялене такая умная, то пусть она и работает.
Мама. Что с вами, дети? *(кашляет).* Вас не узнать! Ладно. Я пойду сама. Пусть вам станет стыдно.

Мама уходит. За ней бежит только щенок. Вновь появляется Маяне. Теперь ее цель Хадко.

Маяне. Хадко, тебе стыдно?
Хадко. Вот еще. Не мужское дело с очагом возиться.
Маяне. Верно! Мужское дело быть сильным! Чтоб все тебя боялись!
Хадко. Боялись?
Маяне. Конечно! Ведь ты охотник! У тебя в руках оружие!
Хадко. Точно, оружие!
Маяне. Если что не по-твоему, ты и убить можешь.
Хадко. Убить?
Маяне. Или ты трусишь?
Хадко. Кто тут трусит!
Маяне. Ты трусишь.
Хадко. Да ты кто такая, чтоб меня учить?
Маяне. Молодец! Люблю дерзких!
Хадко. Да я могу убить кого угодно!

Хадко пинает ногой ведро с водой, принесенное мамой. Вода разливается.

Маяне. Молодец! Можешь убить прямо сейчас?
Хадко. Прямо сейчас!

Хадко хватает лук, выходит из чума и целится в птицу. Появляется мама. С ней щенок. Маяне прячется. Видя происходящее, мама роняет ветки. Щенок помогает их собрать.

Мама. Сынок! Что ты делаешь!? *(кашляет).*

Хадко отвлекается на крик матери, стреляет и промазывает. Птица улетает.

Хадко. Что ты сделала!? Я промазал из-за тебя!
Мама. Ты хотел убить птицу? Зачем? Ведь только недавно ты радовался ей! Это она принесла нам весну. Ты забыл? *(кашляет).*
Хадко. Ну и что. Я решил ее убить.
Мама. Ты решил убить ее. Но твои слова убили меня *(кашляет).*

Мама подкладывает ветки в огонь. Он вспыхивает с новой силой.
Мама хочет поставить на очаг воду. Видит опрокинутое ведро.

Мама. Что это? Кто вылил воду? *(кашляет).* Ялене!
Ялене. Это Хадко.
Мама. Хадко!
Хадко. Ябеда!
Мама. У меня нет сил *(кашляет).* Мне нужно отдохнуть. Пожалуйста, принесите воды. Мне нужно выпить горячей похлебки. Ялене! *(молчание)* Хадко! *(молчание).* Ветер, где мои дети! Что с ними стало?

Хохот Маяне. Шум ветра.

Картина четвертая.

Новый день в чуме. Мама болеет. Огонь в очаге еле теплится. В доме витает Маяне.

Мама. Ялене, доченька, пожалуйста, принеси воды.
Ялене. Вот еще! А вдруг ветер расплетет мои красивые косы, или засыплет землей мою одежду? Нет, не пойду.
Мама. Хадко, сынок, собери веток для очага.
Хадко. И не подумаю. Мое дело — охота. Я хочу убивать!
Мама. Что ты говоришь?
Хадко. Жаль, что ты помешала мне убить птицу!
Мама. Ты только подумай, она же чья-то мама. Дома ее тоже ждут детки.
Хадко. Хватит говорить глупости! Надоела!

Сын отталкивает маму. Она падает и больно ударяется. Маяне торжествует.

Мама. Ялене, дочка, помоги мне подняться!
Ялене. Не лезь ко мне! Ты помнешь мою одежду.
Мама. Одежда тебе дороже матери?
Ялене. Ты некрасивая. Руки грубые, шершавые. Лицо в морщинах. Волосы седые. Ты старая, что о тебе заботиться. А моя шубка новая и красивая!
Мама. Так всю красоту я детям отдала *(кашляет)*. Или думаешь легко детей растить? Вот руки мои от тяжкой работы и огрубели *(кашляет)*. Морщины на лице колючий ветер прочертил. А волосы та ночь посеребрила, когда отец ваш пропал *(кашляет)*.
Ялене. Ты старая, некрасивая. Отстань!
Мама: Детки мои милые… Хорошие мои…

Пытается напевать, но ее душит кашель.

Тише, ветер, спят мои деточки.
Ягодки мои с одной *(кашляет)*.
Ветер, научи сына *(кашляет).*
Дочку научи *(кашляет)*.
Чтоб огонь *(кашляет).*

Внезапно налетает ветер. Он приносит обессиленной матери два крыла. Мама обращается птицей и улетает.

Ялене. Эй! Ты куда? Куда ты? А кто нас кормить будет? Хадко! Хадко!
Хадко. Ты зачем летишь? Возвращайся быстро! Я есть хочу! Есть!

Маяне хохочет и тоже улетает. Ялене и Хадко остаются вдвоем.
Очаг гаснет. Юрта разламывается.

Ялене. Что мы наделали…
Хадко. Мама! Мама…
Ялене. Что мы сделали…

Шум ветра.

Картина пятая.

Разбитая юрта. Очаг не горит. Ялене и Хадко сидят и мерзнут. Появляется щенок. Он подносит мальчику ветку для очага. Хадко будто вспоминает что-то, встает и уходит за ветками. В это время щенок подталкивает девочке пустое ведро. Ялене идет за водой. Дети возвращаются. Они вместе разжигают огонь в очаге. Пламя разгорается, наполняя юрту теплым светом. Внезапно разломившаяся юрта соединяется. Начинает звучать мамина колыбельная. Дети подпевают голосу мамы. Над героями пролетает мама-птица.

Тише, ветер, спят мои деточки.
Ягодки мои с одной веточки.
Ветер, научи сына мудрым быть.
Дочку научи всем тепло дарить.
Чтоб огонь сердец хранили,
Чтобы всех людей любили.
Это радость — быть всем вместе!
Будем вместе, будем вместе…

Ялене, Хадко и щенок сидят обнявшись возле очага.

Эпилог

Ветер. Вот такая наша сказка. Северная. Оттуда, где льды и снега, где царствуют мороз и вьюга. Там зима длинна как ночь, а лето коротко как счастье. Но там тоже живут люди. Они сильны, дружны и трудолюбивы. Другие среди снегов не выживут. Впрочем, вы все видели сами. Иные говорят, что это только сказка, и злой дух Маяне — лишь выдумка. Может и так. Вот только проверять не советую. Слышишь?.. Ты меня слышишь?.. Глазами меня не ищи... Меня нельзя увидеть... Можно лишь услышать... Шум слышишь? Это я. Ветер! Только ветер не обычный. Северный.

Занавес.

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

Имеет высшее психологическое образование. Является членом РСП. Автор более двух десятков книг для детей и взрослых, а также пяти песенных сборников, созданных в творческом союзе с автором музыки Ириной Шулуповой. Стихи и прозу публикует в литературно-художественном альманахе «Ковчег», ежегоднике «День тульской поэзии», литературно-художественном альманахе «На крыльях пегаса» (Тула). Принимала участие в коллективных сборниках Регионального общественного фонда содействия и развития современной поэзии «Светоч» (Москва), «Проза» (Москва), сборнике поэзии «Огни гавани» (Санкт-Петербург), во всероссийском журнале «Музыка в школе» (Москва), информационно-методическом электронном журнале «Про ДОД» (Москва), международном литературном журнале «Витражи» (Москва), музыкально-литературных альманахах «Тульская сторонка», «На лирической волне» (Тула) и в других российских журналах, альманахах и сборниках, газетных изданиях, на страницах электронных СМИ. Неоднократно становилась победителем и призером международных и всероссийских литературных конкурсов и педагогических конкурсов методических разработок. Постоянный автор нашего альманаха.

СВЕТОФОР ТРИГЛАЗИК
сказка

Светофор Триглазик, так ласково называла его первоклассница Ксюша, служил дорожной безопасности пешеходов и водителей на пересечении улиц Шоколадной и Цветочной. Светофор относился к своей дорожной службе со всей ответственностью, любил свое дело и был предельно внимательным к дорожному движению. Он отлично знал, что первый, самый важный и самый главный закон нашей любимой Вселенной — порядок! Триглазик старательно поддерживал порядок на дороге днем и ночью. Надо сказать, что, к сожалению, не все водители и пешеходы отвечали светофору на заботу о них встречным вниманием и благодарностью, не все обладали самодисциплиной и желанием не нарушать правила дорожного движения, чтобы не подвергать опасности свою жизнь и жизнь других людей. Это, к сожалению!

К счастью Триглазик был необычным светофором. Он обладал чудодейственными средствами для воспитания нарушителей дорожного распорядка. Кроме того, наш волшебный светофор был сам себе и поэтом, и композитором, и певцом, а потому написал песню о каждом из своих трех глаз и сам с удовольствием, ярко и звучно напевал ее для всех людей, чтобы помочь им избежать неприятностей на проезжей части дороги.

Свой Красный свет он сопровождал следующей песней:

Я включаю красный свет!
Пешеходам — хода нет!
А машины проезжайте!
Обо мне не забывайте!

Во время сияния желтого света песенка светофора была такой:

Я включаю желтый свет!
Желтый свет — вниманье люди!
Я включаю желтый свет!
Ждите! Свет меняться будет!

Когда горел его зеленый глаз, Триглазик старательно пел и тем самым подчеркивал назначение зеленого света:

Свет зеленый я включаю —
Пешеходам разрешаю
Смело двигаться вперед!
Помни это пешеход!

Если сказать коротко, о предупредительных сигналах светофора, то его команды будут звучать так:

Красный — машины вперед!
Желтый — всем стоять!

Зеленый — пешеходы вперед!

Однако, при всех усердиях светофора, находились среди людей такие, которые, имея хороший слух и видящие глаза, все же не слышали его песен и не видели яркого сияния различных глаз светофора, его разноцветных подсказок для безопасности человека. Вернее сказать — они попросту не считали нужным слышать, видеть и выполнять правила дорожного движения, а потому Триглазик вынужден был их приучать к самодисциплине, прилежанию и терпению. «Эти люди, наверняка, не знают вековую мудрость,— удивлялся и огорчался милосердный неравнодушный светофор.— Мудрость о том, что прилежание — правая рука судьбы, а на дне терпения находится золото!» Другими словами — терпение и прилежание — дорога в процветание!

Как учил Триглазик нарушителей правил безопасного движения на дорогах? Сейчас узнаете.

Светофору не раз приходилось с тревогой наблюдать, как беспечные водители не предоставляли преимущество в движении пешеходам и пересекали на большой скорости пешеходный переход, ту самую дорожную «зебру» в момент, когда он Триглазик зажигал зеленый свет, тем самым, указывал безопасность для пеших участников движения и усердно пел свою оберегающую песенку:

Свет зеленый я включаю —
Пешеходам разрешаю
Смело двигаться вперед!
Помни это пешеход!

Таких лихачей водителей — вредителей блюститель порядка — светофор мгновенно вместе с машиной отправлял в самый хвост автомобильной очереди, ожидающей красного света светофора. Происходило это так. Машина нарушителя, как на крыльях, поднималась вверх и в доли секунды приземлялась крайней, завершающей колонну стоящих в ожидании красного света машин. Светофор давал водителю время подумать над своим возмутительным поведением на дороге, подружиться с терпением, настроиться на порядок!

Внимание, пешеходы! Поскольку встречаются такие безответственные автоводители, пешеходам необходимо прежде, чем начать переходить дорогу по пешеходной дорожке, все же убедиться в безопасности своего перехода.

Триглазику приходилось учить правилам дорожного движения не только водителей, но и пешеходов, конечно. Как светофор это делал? Сейчас узнаешь!

Егор, как раз из тех мальчиков, которые не считали обязательным соблюдать дорожный распорядок для того, чтоб был порядок. Рискуя собой и подвергая опасности других, озорник мог перебегать дорогу, где ему вздумается, вне пешеходного перехода, несмотря на плотный поток машин, хотя мы знаем, что пешеходы должны пересекать улицу по специальной дорожке! Он мог бежать даже на красный свет, не говоря о желтом. Когда наш Триглазик увидел Егора, бегущего на желтый сигнал светофора да, что еще хуже, с наушниками в ушах, он тут же, благодаря своей волшебной силе, поднял нарушителя в воздух и в мгновение ока вернул его на то место тротуара, где пешеходу необходимо дождаться зеленого сигнала на светофоре. Кстати, если Триглазик обнаруживал в ушах пешехода наушники, то вместо музыки в них сначала громко звучало: «Ты нарушитель порядка!», а потом они выскакивали из ушей и больше не отвлекали внимание человека, пересекающего проезжую часть дороги. В случае когда пешеход увлекался разговором по телефону во время перехода по пешеходной дорожке, сотовая связь мгновенно прерывалась, телефон моментально исчезал из рук пешехода. Триглазик, конечно же, возвращал мобильное устройство его хозяину, но только после того, как тот осуществлял переход дороги по всем правилам дорожного движения. Чудеса происходили и с капюшоном нарушителя дорожного движения, поскольку капюшон мешает своему хозяину во время перехода проезжей части дороги хорошо ее обозревать. Волшебник-светофор с легкостью превращал капюшон в свою фотографию, которая удобно размещалась в одном из карманов беспечного пешехода и никак не угрожала безопасности его жизни.

Итак, возвращаемся к Егору! Оказавшись на тротуаре, Егор вскрикнул: «Что это сейчас было? Не понял!» и второй раз бросился бежать на желтый свет. Светофор также мгновенно закружил его в воздухе и поставил на прежнее место тротуара, но только в этот раз ноги Егора как будто приросли к земле! Мало того, откуда ни возьмись, над мальчишкой закружился целый рой крупных ос. Они громко, напористо жужжали: «Жжжжжди зззззеленый! Зззззапомни!» Жужжали настойчиво, но не кусали. Егор испугался не на шутку! Он хорошо помнил тот день, когда оса его укусила прямо в нос. Нос стал таких размеров, что напоминал яйцо страуса. Нос нависал над его лицом, как балкон, страшно чесался, болел и был почти фиолетового цвета! Такую «радость» Егор больше не хотел испытывать, а потому поспешно попросил осиного вожака сообщить светофору Триглазику, что обещает ему впредь не нарушать правила дорожного движения. Когда Светофор получил сообщение, он сказал Егору: «Ты навсегда запомнил боль, которую причинила тебе оса! Нарушая правила дорожного движения, ты рискуешь получить неприятности гораздо более крупного размера, чем укус осы, ты рискуешь своей жизнью! Запрети себе перебегать проезжую часть дороги где вздумается! Для этого существует пешеходная дорожка! По тому, как человек соблюдает правила дорожного движения, можно сразу понять какой у него характер. Необдуманные поступки, действия — признак низкой внутренней культуры человека! Уважай порядок! Он подарит тебе замечательные радостные дни и годы твоей жизни! Пойми, я же для тебя стараюсь, для тебя и для благополучия всех людей!»

Светофор Триглазик широко улыбнулся и с радостью продолжил служить благополучию людей!

Кто внимательно слушал, тот молодец, но нашей сказочке еще не конец! Надо обязательно добавить, что Егор перевоспитался. Он больше не нарушал правила дорожного движения, мало того, в вечернее время носил то фликер, то светоотражающий жилет, чтобы быть более заметным для водителей и тем самым обезопасить себя. Друзья Егора последовали его примеру. Светофор Триглазик радовался, глядя на ребят, уважающих правила дорожного движения.

Галина СОЛОНОВА

г. Сельцо Брянской области

Родилась 8 марта 1948 г. в д. Добрунь Брянской обл. в учительской семье. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Член СПР, член МСПМИ. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

УТИНАЯ ВЕРНОСТЬ

Бабушке Тане в конце марта на день рождения подарили утку. Это был селезень. Спинка серая, головка зеленая с синим отливом. Держался он с достоинством. Утром выходил из открытого сарая и важно вышагивал по вольеру, подходил к деревянной кормушке, куда бабушка сыпала корм, и медленно опускал в него сплющенный клюв. Очень интересно было наблюдать семилетней внучке Тасе за птицей. Назвала она селезня Тимкой. Часто девочка сама крошила хлеб в кормушку, сидела на корточках рядом с селезнем, гладила его спинку и ласково приговаривала:

— Тимка, Тимочка, красавец…

За бабушкиным огородом был небольшой пруд. Весной, как только на льду появились проталины, прилетели на усталых крыльях дикие утки. Их было всего пять: три уточки с коричневым оперением и два пестрых селезня. Обе уточки плавали на пару с селезнями, третья плавала в одиночестве. Тасе было очень жалко одинокую птичку. Вот она и попросила бабушку отпустить Тимку в водоем. Девочка проводила Тимку по тропинке к пруду. С радостью (так показалось девочке) селезень спустился на воду, подплыл к одинокой уточке, и они весело закружились парой.

Все лето Тася любовалась тем, как утки то вереницей скользили по водной глади пруда, то, разделившись на две стайки, кружили хороводом, то парами устремлялись вдоль берегов водоема, то ныряли друг за другом, будто играли в прятки. Утки много плавали, плескались, иногда они прятались в зарослях камыша. Появились маленькие утята — стало еще веселее…

Однажды (это было в июле) Тася заметила, что среди уток не видно яркого окраса селезней.

— Где же они? Улетели, что ли? — спросила она у бабушки.

— Да нет. Селезни на месте. Полиняли они, головы их стали коричневые — не разберешь, где утка, а где селезень.

— Не могу понять, где наш Тимка. Забыл он нас,— с обидой сказала Тася.

— Не забыл. Приводил он как-то свою уточку в вольер на обед…

В августе уже было не разобрать, где утята, а где их родители: выросли малыши, по размеру сравнялись с взрослыми утками…

Первого сентября Тася пошла в школу. Вместе с родителями в ближайший выходной приехала к бабушке в деревню и сразу побежала к пруду. С удивлением девочка заметила, что селезни опять обрели свою яркую окраску.

— Бабушка! Смотри! — радостно закричала Тася подошедшей бабушке.— У селезней снова головки изумрудные! Красавцы!

— Они опять перелиняли и будут такими до будущей весны,— пояснила бабушка.

— Тимка! Тимка! Где ты? — я хлеба принесла,— звала Тася и бросала хлебные кусочки в воду.

Утки, обгоняя друг друга, быстро хватали корм и отплывали. За ними плыли к берегу селезни, не прочь поживиться домашней едой. Тимку не узнать было невозможно: степенно и важно, не спеша, он подплывал к месту, где стояла Тася, поворачивал голову и замирал, будто говорил: «Вот я, здесь!»

С середины сентября в небе начали появляться вереницы птиц — они улетали в теплые края. Тасе было жалко расставаться с утиной стаей. Она думала, что и Тимка улетит вместе со всеми. Рано утром в конце месяца утки покинули пруд, поднялись высоко в небо.

Тася ликовала: Тимка со своей уточкой и шестью утятами остались на пруду. Вечером селезень приводил свое семейство во двор к бабушке Тане, она кормила их, а утром утки снова отправлялись на пруд. Так было до самых заморозков.

Ольга АНДРЕЕВА

г. Тула

Родилась в г. Туле 17. 11. 1959 г. Окончила механический факультет ТПИ в 1982 г. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. — учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России. Член СХР. Наш постоянный автор.

ГЛИНЯНАЯ ИСТОРИЯ ТУЛЫ

— Друзья мои, как вы думаете,— давно ли человек познакомился с глиной? Откуда ее берут? И что из нее можно сделать?

— Слышу, слышу,— вы говорите мне о тарелках, кружках, вазах, цветочных горшках, кафельной плитке.

Да, сегодня можно в магазинах купить все это разнообразие. А много, много веков тому назад, когда не летали самолеты по небу, когда не ездили машины по дорогам, не было поездов, телевизоров, телефонов и компьютеров, даже не было телеги, потому что человек не изобрел еще колесо — люди уже познакомились с этим удивительным материалом.

Глина может быть мягкой и даже «ручной», а может быть твердой, как камень.

Давным-давно первые люди жили в пещерах, собирали ягоды, грибы, ловили рыбу и охотились на животных. Для этого они плели корзины и смазывали их жидкой глиной, которую находили по берегам рек, озер и прудов. И вот однажды у нашего далекого предка растрескалась глина на корзине, да и сама корзина сломалась, рассердился человек на корзину и бросил ее в горящий огонь, которым он обогревался и пошел спать. Наутро, когда первые лучи солнышка разбудили его, подошел он к погасшему костру и замер от удивления. Корзина-то его не сгорела, а стала очень крепкой и даже дождь не смог ее испортить.

С тех далеких времен начали люди по всей Земле лепить из глины кружки, горшки, блюда, рукомойники и даже делать из нее кирпичи, а много позже и черепицу — это такие небольшие глиняные пластинки, которыми укрывали крыши домов, защищая их от дождя, снега, ветра. А еще позже научились люди лепить изразцы — красивые глиняные пластинки с очень яркими и интересными картинками, которыми украшали русские печи в домах состоятельных граждан.

Научились люди лепить и обжигать все, что слепили из глины.

Людей, которые занимались лепкой из глины, называли гончарами.

Селились они по берегам рек небольшими группами, объединяясь в артели.

Во всех местах, где были водоемы, появлялись гончары — одни из самых древних мастеров.

Жили гончары и в деревне Филимоново, жили они и в городе Одоеве, Белеве, Алексине, Богородицке. Ваяли мастера посуду: рукомойники, махотки, кружки, кувшины и игрушки.

Были такие мастера и в Туле. Из их кирпичей построили пятьсот лет тому назад Тульский кремль. Селились эти умельцы изначально около стен кремля, но так как их дело связано с огнем и могли быть пожары из-за обжига, переселили гончаров за реку Упу. Район так и назвали — «Гончарная слобода». И стали гончары лепить посуду для домашних дел, лепить кирпичи, изразцы, черепицу и, конечно же, игрушки, которых в Туле называли «князьками».

Чем же характерны изделия гончаров, живших на Тульской земле? Об этом и многом другом вы, мои маленькие и большие друзья, узнаете на страницах этой удивительной книги. Вы познакомитесь с гончарным искусством родного края. Узнаете, чем отличаются изделия гончаров села Филимоново и Тулы, Белева и Богородицка, а также сможете научиться лепить игрушку родной земли, если, конечно, вам это будет интересно.

Поверьте, лепка из глины — это завораживающий процесс. Представьте — из небольшого комочка глины на ваших глазах может появиться кувшин или махотка, а может, это будет игрушка, которой украсят свой дом любители красоты, а может, это будет простая птичка-свистулька. Итак, переворачивайте страничку и знакомьтесь с удивительным и загадочным глиняным миром земли Тульской.

ТУЛЬСКИЕ КИРПИЧНИКИ

С самого начала XXI века наш родной город очень изменился и принарядился.

Любимый всеми туляками кремль вернул себе былую красоту и величие. Много туристов приезжают к нам в гости, гуляют по Казанской набережной и улице Металлистов.

— А как вы, мои читатели, думаете, если их спросить: «Чем славится Тула?», что мы услышим в ответ?

— Верно! Верно! Это пряники, ружья и самовары.

Немногие из опрошенных вспомнят про тульскую гармошку, а про тульскую керамику почти никто и

не знает, а жаль!

В самом сердце Тулы стоит красавец кремль.

— А из чего же его сделали?

— Из кирпичей, кирпичей,— подсказываете мне вы.

— Точно! А где же эти кирпичи взяли, и кто их выложил?!

Конечно же строительных магазинов и заводов в те далекие времена не было.

— А что же было? — спросите меня.

— А были гончары-кирпичники, которые и мастерили кирпичи из местной глины. Жили они сначала рядом со строящимся кремлем. Здесь же строили горны — это такие печи, в которых с помощью огня обжигали свои изделия. Дело это очень опасное. Дома в те времена строили из дерева, и они хорошо горели. И через некоторое время попросили гончаров переселиться подальше от кремля, за реку Упу, чтоб избежать пожаров. Так в Туле появилась Кирпичная слобода, а позже стала она называться Гончарной.

— Конечно же, многие из вас, мои любознательные читатели, слышали, что в районе Заречья есть остановки автобуса и троллейбуса, которые так и называются — Большие и Малые Гончары, напоминая нам, что в этих местах жили и творили мастера-гончары. Занимались они изготовлением кирпичей, из которых строили храмы, соборы, монастыри, дома для богатых граждан и многое другое. В Туле их называли — кирпичниками. Были они умелыми и состоятельными. История сохранила для нас фамилии этих умельцев. Вот они: Алисовы, Антишины, Барымовы, Власовы, Добрынины, Киреевы, Кобылины, Лаврушины, Малыгины, Медведевы, Никитины, Пастуховы, Фомины.

— Что же еще делали гончары? — слышу ваш вопрос..

— Лепили они и черепицу, и изразцы, и посуду для домашних нужд, и лепили игрушку. Этому ремеслу более четырехсот лет. Оно старше оружейного и самоварного промысла. Вот и выходит, что гончарное дело было одним из основных у жителей нашего города. Известно оно со времен Ивана Грозного.

— А какую же посуду можно было купить у гончаров?

— На базарную площадь, что неподалеку от кремля, а ранее и рядом с кремлем, привозили мастера из-за реки на возах свои изделия. Это и кувшины для молока и кваса, кумганы — сосуды для напитков, творожники — емкости для творога и рукомойники — сосуды для умывания (водопровода-то в те далекие времена еще не было). Продавали они и кружки, и блюда, и подсвечники, и пудреницы для тульских красавиц. Всем известно, что краше, чем в Туле, во всей Руси Великой не было и нет девушек и женщин.

— Как же выглядели бытовые предметы тульских гончаров?

— Первые гончарные изделия были чернолощеными. Лепили их из синики (так называли местную глину). Затем сушили в темных местах, где не было сквозняков. Лощили — натирали деревянными палочками или кусочками кожи. Обжигали в горнах (печи, устанавливаемые в земле). Нагревали печи дровами. Много их шло на топку. Обычно обжигали свои изделия мастера по весне. Было и поверье — если обжиг проходил удачно, и глиняный серо-синий черепок становился бледно-розовым,— значит, у этого мастера и его семьи все будет хорошо, а если изделия взрывались, то в этой семье, что-то будет не так.

— Как же получить изделия серебристого, а иногда черного цвета?

— Для этого кирпичники делали так, чтобы в топке, где обжигали сырец — вылепленные вручную или на круге изделия,— не было доступа воздуха.

Позже расписывали бледно-розовый черепок ангобами (цветной, жидкой глиной), а еще позже покрывали цветными глазурями на манер мастеров из Гжели и Скопина. Уже в начале двадцатого века и до семидесятых годов гончары продавали свои изделия на центральном, колхозном рынке. Покрывали свой товар свинцовыми глазурями, обычно зеленого цвета. На изделиях — цветочных горшках, махотках делали нехитрый узор. Обычно состоял он из горизонтальных полос, процарапанных по сырой глине, а иногда это были волнистые полоски.

Помню одного из потомственных мастеров — Петропавловского Бориса Викторовича. Был он внуком потомственных кирпичников. Он преподавал лепку из глины, передавал свое умение студентам Тульского культпросветучилища. Помню его горшки и вазоны. Были они достаточно увесистыми и основательными.

В наше время в слободе гончаров, если и живут их потомки, керамикой никто не занимается.

— Все горны разобрали,— с сожалением вспоминал Борис Викторович.

Построили в Туле два кирпичных завода, где на одном из них и сегодня делают современные кирпичи. Долгое время на кислотоупорном заводе, в городе Щекине, изготавливали разнообразные керамические изделия. Это уже другая, современная история, а история тульских кирпичников смотрит на нас фасадами старинных храмов, стенами древнего кремля и хранит память в усадьбах знатных туляков.

Современные мастера — керамисты, работающие с глиной, стараются бережно относиться к традициям наших пращуров, и вы, мои юные земляки, сможете попробовать свои силы в этом удивительном и очень увлекательном деле, если посмотрите приложение к нашей книге и познакомитесь с мастер-классом современного гончара, нашего соотечественника.

ТУЛЬСКАЯ «КАФЛЯ»

— Ой! Ой! Ой! — это и все чем славились тульские гончары?— доносится до меня ваш вопрос.

— А вот и нет! Мастера они были, как говорится, «на все руки от скуки». Многое знали, многим умельем владели. Если вы думаете, что одни кирпичи делали, другие посуду, а третьи — изразцы, а четвертые игрушку, как бы не так. Очень ошибаетесь. Все умели делать мастера, и часто для лучшей работы в артели объединялись.

В те далекие, стародавние времена, когда в домах не было центрального отопления, и обогревались дома с помощью печей, горожане, у которых не было проблем с деньгами, хотели украсить свой дом по-особому, по-богатому.

Печь в дому занимала важное место. У многих в домах была не одна печь. Не зря у нашего народа есть множество поговорок и загадок о русской печке.

«Из одной печи, да не одни речи». «И за морем горох не под печью сеют». «И по летам, и по годам — одно место: печь». «Добрая то речь, что в избе есть печь».

— Как же можно было украсить свой дом, чтоб там было и красиво и богато?

— Повесить картины на стены!

— Хорошо! А еще, чем украсить?

— Ковры на пол постелить.

— И это здорово. Подумайте, как бы вы украсили свой дом, если бы жили в те времена, где не было магазинов, заводов и фабрик. Не знаете, тогда я вам подскажу. Они украшали свои печи.

— А чем их украшали? — предугадываю ваш вопрос.

— Украшали печи изразцами — это такие глиняные коробочки, которыми укрывали все стены печи. Первые изразцы были рельефными, то есть имеющими небольшой выпуклый рисунок, покрытыми блестящими глазурями. На каждой такой пластинке мог быть растительный узор или геометрический узор. Также на них можно было увидеть скачущих всадников и боевые сцены, зверей и птиц, как реальных, так и фантастических. Охотники и воины, даже изображение двуглавого орла в геральдической позе — все это можно было увидеть на изразцах. Самые ранние изразцы глазурью не покрывались, а после установки на печи, белились.

Шло время, и мода на изразцы тоже менялась.

После того, как царь Петр I побывал в Голландии, на Руси, и так же у нас в Туле, стали лепить кафли — изразцы по-модному, на голландский манер. Стали они гладкими, и помещали на них рисунки с надписями. Обрусели голландские кафли.

Часто на кафельных рисунках можно было увидеть животных, обращавшихся к зрителям забавными надписями: «В едином бегании смел», «Тем и питаюсь», «Пою печально», «Познают мя от кохтей», «Далеко вижу», «Крепко караулю», «Провещаю весну», «Со страхом крадуся».

Бегут по изразцовому лесу привычные для русского леса олени, зайцы, медведи, но и заморский лев, и фантастические грифоны и единороги тоже поселились на русских кафлях. Иногда печь, покрытая такими узорами вполне могла напомнить страницы открытой книги.

Покрытая такими глиняными картинками печь становилась предметом гордости и роскоши своего владельца. Поднимала его престиж в глазах ближайшего окружения.

«Есть сведения, что в 1731 г., когда в Москве по проекту В. В. Растрелли возводился летний дворец Анны Иоанновны — Анненхоф, заказ на изготовление изразцов для дворцовых печей получили тульские и калужские гончары…» («Кафля узорчатая, лучшей самой работы». К характеристике тульских изразцов из коллекции музея-заповедника «Куликово поле». Мария Воронцова.)

Вот такими искусными мастерами были тульские гончары.

Много лет тому назад мне посчастливилось побывать в гостях у потомственного жителя Больших Гончаров. В его старом и довольно большом доме я повстречалась с печкой-голанкой, укрытой гладкими, плоскими изразцами на манер голландских кафлей.

— А в наше время, кто-нибудь занимается этим искусным ремеслом?

— Да, друзья мои, занимаются, и давно, и успешно, даже детей обучают.

Попробовать самому сделать свой первый изразец, вы сможете с помощью приложения, которое найдете на страницах нашей книги.

ТУЛЬСКИЕ « КНЯЗЬКИ»

— Итак, мои юные любители истории родного края, мы с вами уже узнали, что тульские гончары были людьми умелыми, с любовью и добротой подходящими к своем делу. Из залежей местной глины и кирпичи, и черепицу делали, и изразцы, и различную домашнюю утварь, а еще они игрушку лепили. Где горшки и всякие нужные для жизни горожан вещи создавали, там всегда и игрушкой занимались. Как говорится, «из отходов — в доходы!».

— А как вы думаете, во все ли игрушки можно играть?

— Во все, конечно же во все! — долетают до меня ваши голоса.

— А в елочные игрушки разве можно играть?

— Нет!

— Конечно, они для украшения сделаны. Вот и получается, что в одни игрушки дети играли, а другими могли что-то дома украсить.

На протяжении многих веков археологи на всей нашей Земле находили и находят различные глиняные фигурки. Чаще всего женские, реже мужские, и часто фигурки животных и птиц.

— Для чего же их делали древние люди? Может, чтоб украсить свои пещеры, которые служили им жилищем?

— Чтоб у них в помещении было красиво.

— А ведь в пещерах не было яркого света, лишь факела или лучины (деревянные палочки) освещали их быт, и фигурки растворялись в полумраке.

— И для чего же эти фигурки им были нужны?

— Дело в том, что наши далекие предшественники были глубоко верующими. Они верили, что всем, что происходит на Земле руководят боги. Вот этих богов они и лепили, и верили, что они будут их защищать и оберегать от всех невзгод. Были они для них оберегами. В эти игрушки не играли, а хранили в укромных местах жилища.

Вот и тульские гончары первые игрушки лепили для охраны дома, и ставили их между оконными рамами, чтоб зло через окошки к ним в дом не прокралось. Ведь окна — это глаза дома. Верили предки в то, что дом — живой организм, он болеть может, и ломаться, и радоваться, и грустить.

А вот свистульки они лепили и детям играть давали. Лепили игрушку в основном женщины, но иногда им в этом деле мужья помогали. Девочек к лепке лет с пяти приучали.

Для игры свистульки-уточки, лошадки, голуби, гуси, коровы украшали ангобами, позже покрывали глазурью.

Нарядных барынь на комоды и на подоконники ставили для любования.

— А что же особенного в тульских «князьках»?

— А то, что родилась эта игрушка в городе, а не в деревне. Город — большой и очень подвижный механизм. Здесь быстро все меняется: и мода, и архитектурные стили, и транспорт, и промышленные производства.

Так и игрушка со времени своего возникновения меняла свои наряды, менялась внешне, и изменялись приемы лепки.

— Что же такого особенного в тульской игрушке?

— Особенное в ней то, что у нее трудная судьба, очень гордый и независимый характер. Они все тоненькие, тоненькие стройняшки зонтиками укрывались.

Все модницы, нарядницы. На дамах платья по французской моде. Многие под ручку с царскими генералами гуляют, другие с детьми на моцион выходят, а некоторые детей пеленают, а кто-то на конях гарцует. Няньки в народной одежде с барчуками на руках по городу выхаживают, здесь и монахи с монахинями важно шествуют. Такой игрушка дошла к началу двадцатого века.

— Что же произошло после.

— После была революция 1917 года. Царя сбросили. К власти пришло правительство рабочих и крестьян. Появилось негласное указание — запретить лепить буржуазную игрушку, отражающую быт враждебного класса.

На долгие восемьдесят лет ушла наша красавица из жизни города. Мимо нее прошли буденовцы, чапаевцы, пионеры, комсомольцы, трактористы и танкисты, и даже космонавты мимо нее пролетели. Медленное ее возвращение к жизни в городе началось уже в восьмидесятых годах двадцатого века. Красавицы и красавцы в нарядах конца девятнадцатого века, с пышными оборками на подолах юбок, с зонтиками в руках.

Красили игрушку темперной краской после обжига в горнах. Модницы носили платья белого, синего, розового, зеленого цвета. На юбках наносился лаконичный узор из прямых и волнистых линий. На оборках могла быть изображена сетка или вертикальные полосы, а также могла быть нарисована елочка.

Попробовать самому слепить тульскую игрушку можно познакомившись с мастер-классом в приложении, в нашей познавательной книге.

Прежде, чем раскрыть тайны тульской игрушки, узнайте, как появилась в нашем городе эта прекрасная модница.

Сокращения

СПР — Союз писателей России
СРП — Союз российских писателей
СЖР — Союз журналистов России
РСПЛ — Российский союз проф. литераторов
МСПМИ — Международный союз писателей и мастеров искусств
ЛНР — Луганская народная республика
СП — Союз писателей
ИСП — Интернациональный союз писателей
ТГПИ — Тульский государственный педагогический Институт (ныне ТулГПУ)
МААНОИ — Международной академии авторов научных открытий и изобретений
ЛО, ЛитО — литературное объединение
ТДС — Тульская духовная семинария
ТулГУ — Тульский государственный университет
ВИЖ — Всероссийский институт журналистики
МБТ — Московский библиотечный техникум
МОГИ — Московский обл-й гумманитарный инст-т
ТПИ — Тульский политехнический инст-т (ТулГУ)
МСП — Международный Союз писателей «Новый Современник»
РСП — Российский союз писателей
ОМЛО «Муза» — Областное музейно-литературное объединение «Муза»
АРЛ — Академия российской литературы
РМСП — Российский межрегиональный союз писателей
СЖ — Союз журналистов
РО — Региональное отделение
МПО — Московская писательская организация
ПАНИ — Петербургская академия наук и искусств
ТО — Творческое объединение
ЦИПК — Центральный институт повышения квалификации
МЛО «Клио» — Молодежное литобъединение «Клио»
РВИО — Российское военно-историческое обшество
ЯГПУ — Ярославский государственный педагогический университет
ДНР — Донецкая народная республика
СХР — Союз художников России

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА..... 4
ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (СЕРГИЕВ)..... 5
Праведный ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (СЕРГИЕВ)..... 5
Святой ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ: пророк XX века..... 7
Цитаты ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО..... 9
КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ..... 12
КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (Википедия)..... 12
КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (Православная энциклопедия)..... 14
Цитаты КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО..... 16
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ИСКУССТВА О ДУХОВНОСТИ, КУЛЬТУРЕ И НРАВСТВЕННОСТИ..... 17
Высказывания о ХРИСТИАНСТВЕ и ВЕРЕ..... 17
Николай и Елена РЕРИХИ..... 17
Православный мир в жизни семьи РЕРИХ..... 17
Николай Константинович РЕРИХ. Удача..... 18
Пророчества РЕРИХОВ о РОССИИ..... 19
Н. К. РЕРИХ о РОССИИ и Сибири..... 20
Мысли Елены Ивановны РЕРИХ о РОССИИ..... 21
Александр Иванович СУБЕТТО..... 22
Русская философия..... 22
Русское человековедение..... 23
Александр Сергеевич ГРИБОЕДОВ..... 29
Александр Николаевич ОСТРОВСКИЙ..... 29
Владимир Иванович ДАЛЬ..... 29
Федор Кузьмич СОЛОГУБ..... 30
Викентий Викентьевич ВЕРЕСАЕВ..... 30
Алексей Николаевич ТОЛСТОЙ..... 31
ПРОЗА..... 33
Людмила АЛТУНИНА (г. Тула)..... 34
Наталья ШЕСТАКОВА (г. Брянск)..... 37
Геннадий МАРКИН (г. Щекино, Тульская обл.)..... 40
Алексей ЯШИН (г. Тула)..... 44
Сергей О. КРЕСТЬЯНКИН (г. Тула)..... 50
Лидия ДОВЫДЕНКО (г. Калининград)..... 52
Яков ШАФРАН (г. Тула)..... 55
Ляман БАГИРОВА (г. Баку, Азербайджан)..... 58
Валентина МАЦНЕВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)..... 61
Виктор АФОНИЧЕВ (г. Искитим Новосибирской обл.)..... 64
Павел ПОДЗОРОВ (г. Бобруйск, Белоруссия)..... 71
Игорь КАРЛОВ (г. Москва)..... 76
Ирина МЕЛЬНИКОВА (г. Новозыбков Брянской области)..... 79
Галина РАЗБАЕВА (г. Самара)..... 83
Галина МАМЫКО (г. Симферополь, Крым)..... 87
Галина ЗЕЛЕНКИНА (г. Кодинск Красноярского края)..... 94
Владимир ВЕЩУНОВ (г. Нижний Новгород)..... 95
Дина ЮДИНА (г. Тула)..... 101
Николай МАКАРОВ (г. Тула)..... 103
Андрей ВОЛКОВ (г. Тула)..... 108
Валентина БЫКОВА (г. Новозыбков Брянской области)..... 111

Евгений АСТАШКИН (г. Омск)..... 120
Игорь ЕГОРОВ (г. Омск)..... 124
Магдалина ГРОСС (д. Истомино Балахнинского р-на Нижегородской обл.)..... 130
Вячеслав МИХАЙЛОВ (г. Москва)..... 133
Галина СОЛОНОВА (г. Сельцо Брянской области)..... 136
Евгений ТАТАРНИКОВ (г. Ижевск) 138
Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской обл.)..... 143
Юрий СЫЧЕВСКИЙ (г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США) 146
Олег СЕВРЮКОВ (г. Москва)..... 149
Леонид ЗОЛОТУХИН (Заокский р-н Тульской обл.) 151
ПОЭЗИЯ..... 158
Валерий ХОДУЛИН (г. Тула)..... 159
Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула)..... 160
Анфиса ТРЕТЬЯКОВА (г. Симферополь)..... 161
Ольга БОРИСОВА (г. Самара)..... 162
Сергей ФИЛИППОВ (г. Москва)..... 164
Николай ТИМОХИН (г. Семипалатинск, Казахстан)..... 165
Евгений ТРЕЩЕВ (г. Щекино Тульской обл.)..... 166
Татьяна ПАНОВА (г. Красноярск)..... 167
Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской обл.)..... 168
Татьяна СКВОРЦОВА (п. Нетьинка Брянского р-на Брянской обл.)..... 169
Тамара ХАРИТОНОВА (г. Брянск) 171
Виталий КУЗНЕЦОВ (г. Новочеркасск Ростовской обл.)..... 172
Анна МИКАЕВА (г. Отрадный Самарской обл.)..... 173
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула)..... 175
Яков ШАФРАН (г. Тула)..... 177
Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ (г. Тула)..... 181
Владислав БУСОВ (г. Кашира Московской обл.)..... 182
Игорь МЕЛЬНИКОВ (г. Тула)..... 183
Сергей ПОВАЛЯЕВ (г. Минск, Белоруссия)..... 184
Евгений ШЕПЕЛЕНКО (г. Самара) 185
Наталья ШМЕЛЕВА (г. Новочебоксарск)..... 186
Федор ТОГУЗОВ (г. Новочебоксарск)..... 187
Николай ЕРМОХИН (с. Екатериновка Приволжского р-на Самарской обл.)..... 189
Любовь СЕРДЕЧНАЯ (г. Санкт-Петербург)..... 191
Валерий СУХОВ (г. Сызрань)..... 194
Алексей СЕМИН (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)..... 196
Сергей МИРОНОВ (г. Калининград)..... 199
Елизавета БАРАНОВА (ВЕСИНА) (г. Тула)..... 200
Владимир ПОРЯДОЧНОВ (г. Щекино Тульской обл.)..... 203
Аркадий ПОЛЬШИН (г. Лебедянь Липецкой обл.)..... 204
София МАКСИМЫЧЕВА (г. Ярославль)..... 208
Дина ЮДИНА (г. Тула)..... 209
Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской обл.)..... 210
Борис РЯБУХИН (г. Москва)..... 212
Сергей ПРОТЯНОВ (Саратовская обл.)..... 213
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ..... 216
Валерий МАСЛОВ (г. Тула)..... 217
Ольга и Наталья АРТЕМОВЫ (п. Медвенка Курской обл.)..... 218
Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула)..... 220

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА (г. Орел)..... 225
Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА (г. Брянск)..... 235
Андрей ВОЛКОВ (г. Тула) 240
Наталья ПОЗДИНОВА (г. Смоленск)..... 242
ПУБЛИЦИСТИКА..... 246
Алексей ЯШИН (г. Тула)..... 247
Николай ЖУКОВ (г. Тула)..... 256
Людмила ПОПОВА (г. Москва) 259
Яков ШАФРАН (г. Тула)..... 262
Елена ГАДЕНОВА (г. Тула)..... 266
Валентин ОГНЕВ (г. Щекино Тульской обл.)..... 268
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА (г. Орел)..... 271
Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской обл.)..... 274
РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ..... 278
Ирина МАЦНЕВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)..... 279
Зинаида АНИСЕНКОВА (пос. Кардымово Смоленского р-на Смоленской обл.).. 281
ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ..... 285
Кира КРЕСТЬЯНКИНА (г. Санкт-Петербург)..... 286
Аркадий МАР (г. Нью-Йорк, США)..... 287
Анна ВОРОНИНА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 291
Рагим МУСАЕВ (г. Тула)..... 296
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула) 302
Галина СОЛОНОВА (г. Сельцо Брянской области)..... 304
Ольга АНДРЕЕВА (г. Тула)..... 305
СОКРАЩЕНИЯ..... 309

УЧРЕДИТЕЛЬ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» С 2020 Г. ВЫХОДИТ ПОД ЭГИДОЙ
АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ЯКОВ ШАФРАН — главный редактор и составитель
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН — зав. отделом прозы
НИКОЛАЙ ТИМОХИН — зав. отделом поэзии
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА — зав. отделом публицистики и литературоведения
АЛЕКСЕЙ ЯШИН (от «Приокских зорь»)
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ

АЛЬМАНАХ ОСНОВАН В 2011 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ГОД

12 +
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», альманах предназначен для людей старше 12 лет.

(произведения раздела «О детях и для детей» читаются детям младше 12-ти лет взрослыми людьми)

В макете обложки образцом явилось фото автора Ирсен:
http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1

В иллюстрациях использованы гравюры Юлиуса фон Карольсфельда из «Библии в картинках» («Die Bibel in Bildern»). Изданно в Лейпциге в 1852—60 гг. (из Интернета):
стр. 3 — «Нагорная проповедь». Графика. Гравюра.
стр. 37 — «Иисус и грешница». Графика. Гравюра.
стр. 110 — «Иисус Христос благословляет детей». Графика. Гравюра.
стр. 162 — «Крещение Иисуса Христа». Графика. Гравюра.
стр. 182 — «Проповедь Павла в Афинах». Гравюра.
стр. 208 — «Вознесение». Графика. Гравюра.
А также:
стр. 222 — «Мадонна в облаках». Агостино Карраччи. Графика. 1582 г. (из Интернета).

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ВЫПУСК 13

Произведения, опубликованные в альманахе, даны преимущественно в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакторы: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран
Корректоры: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка, изготовление оригинал-макета
и дизайн обложки: Я. Н. Шафран
Оформление: В. В. Радько, Я. Н. Шафран
Составление: Я. Н. Шафран

Издатель — всероссийский ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

Контакты гл. редактора: e-mail: bonyans@yandex.ru тел. 8-953-443-14-69

Альманах выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров

Дата выхода в свет 15.07.2023 г.
Формат 60x84 1/8. Усл.-печ. л. 18,4
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 80

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Полиграфинвест»
300028, Тульская область, Тула, Сурикова 20
Тел.: (4872) 79-29-62

ISBN 978-5-6047770-8-4